

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 497. Декабрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• MISCELLANEA

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

• MISCELLANEA

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 497. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Анисимов К.В. Радищев, Карамзин, Рылеев: поэтика «консервативной» и «радикальной» версий образа Ермака (эпика vs. трагика)	5
Баженова Я.В. Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Весёлого и Е. Фёдорова)	16
Зюзкова Н.А. Статус диалектного слова в современной лексикографии и практика его описания (на примере лексико-тематической группы «Человек»)	26
Тарасова М.В. Своеобразие этнографического очерка в сибирской периодической печати 1850–1880 годов (на материале «Томских губернских ведомостей»)	34

ФИЛОСОФИЯ

Тоноян Л.Г. Логичен ли юмор?	47
Яковлева И.В., Черных С.И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период	57

ИСТОРИЯ

Гусач И.Р. Керамика Южной Европы, Восточной Азии и Среднего Востока на археологических памятниках Северо-Восточного Приазовья османского времени (конец XV – первая половина XVIII вв.)	65
Ерёмин И.А. «Томские епархиальные ведомости» о церковно-религиозной жизни в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – 1917 гг.)	76
Комар Я.В., Пригарин А.А. Религиозная ситуация в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в период 2014–2022 гг.	89
Конец К.А. Образ беженцев в периодической печати Сибири периода Гражданской войны (на материалах Томской губернии 1918–1920 гг.)	98
Идимешев А.А. Прядение у населения раннего железного века Томского Приобья: функциональный анализ пряслиц	108
Меньшикова Е.Н. Деловая активность купчих на хлебном рынке Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX в.	117
Ожередов Ю.И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов <i>ишецгула</i>	125

ПЕДАГОГИКА

Bisenbaev A.K., Bizhkenova A.E., Aktanova A.S., Fakhrutdinova A.V. Prospects for the development of science and higher education in the Republic of Kazakhstan: Gender patterns	134
Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования	143
Колесников А.А. Структурный метод развития маркетинговых речевых умений студентов-лингвистов (иностранные языки)	151
Моисеев С.А., Белова Я.М., Кайсин А.С. К вопросу о готовности юношей допризывного возраста к службе в армии	163

CONTENTS

PHILOLOGY

Anisimov K.V. Radishchev, Karamzin, Ryleyev: The poetics of “conservative” and “radical” versions of Yermak’s image (epic vs. tragic)	5
Bazhenova Ya.V. Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels of Artyom Vesely and Evgeny Fedorov)	16
Zyuzkova N.A. The status of a dialect word in modern lexicography and the practice of its description (on the example of the lexico-thematic group “Person”)	26
Tarasova M.V. The originality of the ethnographic essay in the Siberian periodical press of 1850–1880 (based on the material of <i>Tomskie Gubernskie Vedomosti</i>)	34

PHILOSOPHY

Tonoyan L.G. Is humor logical?	47
Yakovleva I.V., Chernykh S.I. Dialectics of changes in the axiosystem of Russian education in the transition period	57

HISTORY

Gusach I.R. Ceramics of Southern Europe, East Asia, and the Middle East at the archaeological monuments of the North-Eastern Azov region of the Ottoman period (late 15th – first half of the 18th centuries)	65
Eryomin I.A. <i>Tomskie Eparkhialnye Vedomosti</i> about the church and religious life in Tomsk Province during the First World War (July 1914–1917)	76
Komar Ya.V., Prigarin A.A. Religious situation in the Donetsk People’s Republic and the Lugansk People’s Republic in 2014–2022	89
Konev K.A. The image of refugees in the periodical press of Siberia during the Civil War (based on materials from Tomsk Province, 1918–1920)	98
Idimeshev A.A. Spinning among the Early Iron Age population of the Tomsk Ob region: A functional analysis of spindle whorls	108
Menshikova E.N. Business activity of merchant women in the grain market of the Central Chernozem region in the second half of the 19th – early 20th centuries	117
Ozheredov Yu.I. Representative elements of the burial complex of the Shieshgul, a local group of southern Paleo-Selkups	125

PEDAGOGICS

Bisenbaev A.K., Bizhkenova A.E., Aktanova A.S., Fakhrutdinova A.V. Prospects for the development of science and higher education in the Republic of Kazakhstan: Gender patterns	134
Vayndorf-Sysoeva M.E., Subочева M.L., Shitova V.A. Development of forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education	143
Kolesnikov A.A. Structural approach to the development of marketing speech skills in linguistic university students majoring in foreign languages	151
Moiseev S.A., Belova Ya.M., Kaisin A.S. On the readiness of young men of pre-conscription age to serve in the army	163

Влавацкая М.В., Дмитриенко Е.В. Опыт-экспериментальное обучение по преодолению проблемы ложных друзей переводчика в рамках профессионального языкового образования	170
Нелюбина Ю.А. Разработка инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс»	183
Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации	193

ПРАВО

Мезинов Д.А., Ведерников Н.Т. Значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе	203
Кравчук А.А., Цыганков А.Ю. Правовой статус коммерческих корпораций и особенности правового регулирования их деятельности в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки	209
Кузьмина И.Д. Недобросовестность приобретателя как условие истребования имущества из чужого незаконного владения	222
Мананкова Р.П. О трансформации правовых явлений	229
Трубникова Т.В., Грищенко А.В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе	236

MISCELLANEA

Анцифиров С.В., Галямова М.Р., Седых С.Е., Гичгелдиева М.О., Дорошенко А.С. Научное волонтерство учащейся молодежи и организация генетических исследований в сельском хозяйстве	254
--	-----

Vlavatskaya M.V., Dmitrienko E.V. Experimental training in overcoming the problem of false friends of the translator in the framework of professional language education	170
Neliubina Iu.A. Development of an innovative model of teaching Chinese to adults in intensive courses using the “flipped classroom” technology	183
Soboleva A.V., Obdalova O.A. A model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication	193

LAW

Mezinov D.A., Vedernikov N.T. The importance of studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect) in the criminal procedure	203
Kravchuk A.A., Tsygankov A.Yu. The legal status of business corporations and the legal regulation of their activities in the Russian Federation and the United States of America	209
Kuzmina I.D. Bad faith of the purchaser as a condition for recovery of property from another’s illegal possession	222
Manankova R.P. On the transformation of legal phenomena	229
Trubnikova T.V., Grishchenko A.V. Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure	236

MISCELLANEA

Antsifirov S.V., Galyamova M.R., Sedykh S.E., Gichgeldieva M.O., Doroshenko A.S. Scientific volunteering of students and organization of genetic research in agriculture	254
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-94
doi: 10.17223/15617793/497/1

Радищев, Карамзин, Рылеев: поэтика «консервативной» и «радикальной» версий образа Ермака (эпика vs. трагика)

Кирилл Владиславович Анисимов¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, kianisimov2009@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены жанровые преломления различных идеологических версий похода Ермака в Сибирь – восходящих, соответственно, к трудам А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина. В центре внимания находится теоретическая проблема художественной доминанты (в данном случае – эпического или трагического начала), на которую влияет исходная политическая установка. «Освободительная» версия, прообраз которой предложен Радищевым, далее подхвачена К.Ф. Рылеевым, размышлявшим о Ермаке скорее в перспективе балладной трагики. В сюжетном отношении, однако, поэт отталкивался от IX тома карамзинской «Истории», видоизменяя его эпическую природу. Продемонстрированы конкретные приемы, с помощью которых достигался такой результат, а также влияние этой художественной стратегии в перспективе литературно-идеологических дебатов второй половины XIX в.

Ключевые слова: Ермак, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, К.Ф. Рылеев, Н.М. Ядринцев, эпика, трагика, историческое повествование, баллада

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>.

Для цитирования: Анисимов К.В. Радищев, Карамзин, Рылеев: поэтика «консервативной» и «радикальной» версий образа Ермака (эпика vs. трагика) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/497/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/1

Radishchev, Karamzin, Ryleyev: The poetics of “conservative” and “radical” versions of Yermak’s image (epic vs. tragic)

Kirill V. Anisimov¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, kianisimov2009@yandex.ru

Abstract. As main sources for this article, the *History of the Russian State* by Karamzin, “An Abridged Narrative on the Acquisition of Siberia” by Radishchev and the “duma” “The Death of Yermak” by Ryleyev have been drawn on. All the three texts are considered here as cornerstones for the whole tradition of literary representations of Yermak in 19th-century Russian literature. In the theoretical aspect, the article focuses on the problem of the artistic dominant (in this case – the correlation of epic/tragic elements) which is seen as affected by the initial political orientation of the given author. The “liberating” version, whose prefiguration was introduced by Radishchev, was later taken up by Ryleyev who tended to muse on Yermak rather in aesthetic terms of tragic ballad-writing. However, in the perspective of plot motifs it was Karamzin’s *History of the Russian State* that served as a starting point for the younger poet. And by the latter the *History*’s epic artistic nature was vigorously transformed. The prime aim of the article is the study of receptive alterations of the historical fabula of Yermak’s campaign, i.e., how initial facts provided by the Stroganov chronicle and Semyon Remezov (main sources, respectively, for Karamzin and Gerhard Friedrich Müller – the latter was used by Radishchev as a deliverer of basic facts) have been modified – over the range from rude manipulating by the documentary data up to experiments on the borderline between epic and tragic. The analysis demonstrated how complex the interaction was between the “ideological structure” (as early Lotman put it) of Ryleyev’s “duma” with the narrative of Karamzin’s *History* on which Ryleyev’s poem was completely dependent in terms of the plot. And as Karamzin was pushing his Ivan the Terrible to the pole of the tragic, transforming czar into a Russian version of Shakespeare’s Richard III, tending, on the contrary, to see Yermak and his Cossacks in the lens of epic heroism, Ryleyev drastically changed this view of his precursor. Ryleyev’s Yermak is tragically separated from his retinue (in the *History* all Cossacks including their leader are shown in deep slumber whereas in Ryleyev’s “duma” Yermak stays awake) and juxtaposed to

the czar not characterologically as it was in Karamzin's text but turned into Ivan IV's direct victim. Here Ryleev's vision inherits the programmatic notions on the conquest of Siberia provided by Radishchev. In the present work the approaches taken by Radishchev and Karamzin were compared: as key-motifs, the possible attempts to set up a separate statehood on the conquered land and matrimonial contacts between Cossacks and local natives were scrutinized. It was demonstrated that both the authors created their literary and ideological styles of thinking upon principally different typological bases. Karamzin's strategy of imagining Yermak is closer to what Lotman defined as "entrusting of self" whereas Radishchev's approach within this framework is more likely to be a "contract". Highlighting possible future research in this field, the author has paid attention to the article by the Siberian regionalist Yadrintsev published in 1881. Inheriting radical "liberating" versions elaborated by Radishchev and Ryleev, Yadrintsev imagines his hero not on the edge of a conflict with the state bureaucracy but in line with the idea of formation and dissemination of statehood from within the very Cossacks' retinue, with no regular looking back at the capital. The result, as Yadrintsev saw it, was the popular colonization that "created Siberia and later strengthened the civic life here". This new approach distanced from the hero's image either a revolutionary theme or a motif of ruler's omnipotence, finally turning Yermak into a metonymic substitution of the "Russian people as a whole".

Keywords: Ermak, A.N. Radishchev, N.M. Karamzin, K.F. Ryleev, N.M. Yadrintsev, epic, tragic, history as narrative, ballad

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Anisimov, K.V. (2023) Radishchev, Karamzin, Ryleev: The poetics of "conservative" and "radical" versions of Yermak's image (epic vs. tragic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/1

В работе выявляются жанровые разночтения, возникшие в ходе эстетического освоения исторических сведений о Ермаке и покорении Сибири. Именно жанровая поэтика, художественное «завершение» героя и данных о его жизни сообщают историческому лицу характер образа, а известиям, связанным с этой личностью, придают качество литературности, что, в свою очередь, является важнейшим условием закрепления всего этого сюжета в национальной памяти. Первая конкретная задача заключается в детальном сопоставлении на привлеченном материале (произведения А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и К.Ф. Рылеева) разных версий похода Ермака, а также скрыто и явно полемичных трактовок его натуры. Вторая задача, преимущественно относящаяся к области теории, – осветить зависимость жанровой доминанты текста от идеологической установки его автора. Наш тезис состоит в том, что восходящие к Радищеву внелитературные политические импликации будут подталкивать Ермака к эстетическому полюсу трагики (одиночество, роковой характер судьбы, пересечение границы, непреодолимый конфликт с властью). Жанровой противоположностью в этой перспективе выступит концепция, предложенная Карамзиным в IX томе его «Истории государства Российского».

* * *

Идеологическая разногласия в оценках Ермака, хорошо заметная по классическим сочинениям, созданным в начале XIX в.¹, в значительной степени обусловлена смысловой «двусоставностью» самих исторических известий о покорении Сибири, каждое из которых может трактоваться как минимум двумя разными способами.

Так, зафиксированный в летописной фабуле конфликт казачьего вождя с царем (в опальной грамоте Строгановым Иван Грозный неумолим: «А атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати...» и т.д. [2. С. 15])

предполагает при его дальнейшей литературной обработке два альтернативных сюжетных решения: поход на восток как побег от карающей длани монарха / поход за Урал как искупление вины и поиск прощения. «Формула предания о Ермаке (The formula of Ermak tale) основана на двойственной картине: временной свободе мятежника и его итоговом подчинении легитимной власти», – верно отметил Джефри Брукс [3. Р. 41]. В свою очередь, с точки зрения самого Ивана IV, эта цепь событий могла рассматриваться или как пусть рискованное, но согласующееся со стратегическими целями Русского государства на востоке военное предприятие, или как побег в стиле кн. А.М. Курбского: не будем забывать, что до самого последнего момента Строгановы не ставили московского правителя в известность о снаряженной ими дружине и целях ее выдвижения против Кучума. То есть в глазах царя Ермак был сначала предателем, а время спустя оказался верным подданным. Наконец беспрецедентная для социальных реалий XVI в. автономность поведения казаков и их уральских нанимателей купцов Строгановых могла будить (или не будить) фантазии о стремлении Ермака самостоятельно воцариться в захваченном ханстве: предводитель отряда мог оцениваться и как устроитель новой государственности (очевидно, «не такой», как Московская, в перспективе которой он в таком случае предстал вероломным «сепаратистом»), и как доблестный и в высшей степени лояльный центральной власти присоединитель новых земель.

В зависимости от того или иного идеологического предпочтения менялась и жанровая окраска сюжета. В одном ракурсе читателю предлагалась характерная для романтизма история гордого одиночки, бросившего вызов несправедливому мирозданию – закономерен здесь в случае К.Ф. Рылеева сюжетный контакт его «Войнаровского» (1825) с поэмой Байрона «Мазепа» (1819)². А упомянутый в произведении поэта-декабриста Ермак (Миллер «Любил рассказы стариков / Про

Ермака и козаков. / Про их отважные походы / По царству хлада и снегов» [5. С. 202]), деяния которого уже освещались Рылеевым в знаменитой думе 1822-го г., благодаря «казацкой» историко-этнографической привязке мог исподволь соотноситься с самим главным героем поэмы. На это же, в общем, намекала и повествовательная ситуация: сначала Миллер слушает местных служилых людей о казачьих подвигах прошлого геср. позднее Миллер слушает местного ссыльного Войнаровского о казачьих подвигах прошлого³. Войнаровский: «Я часто за Палеем в след, / С ватагой храбрых гайдамаков / Искал иль смерти, иль побед» и т.д. [5. С. 208].

Миссия рылеевского байронического героя, презентующего прежде всего свою непокорную личность, но на поверку при всех ссылках на долг «прямого гражданина», статус «Украины сына», благородство борьбы «свободы с самовластьем» и самоотжествление с родной землей («...родина святая, / Лишь ты всю душу заняла» [5. С. 213–214]), не получающего никакой поддержки именно у «родины святой» (ибо после Полтавского сражения «Народ Петра благословлял, / И, радуясь победе славной, / На стогах шумно пировал, / Тебя ж, Мазепа, как Иуду, / Клянут Украинцы повсюду» [5. С. 218]), знаменует трагическое размежевание с народным целым, губительный выход за его границы – в этом отношении побег Войнаровского в Европу предстает не только историческим, но и художественным фактом. «Как сердце юное заныло, / Когда рубеж страны родной / Узрели мы перед собой!» [5. С. 219]. Ю.В. Манн указал вдобавок, что отчуждение Войнаровского от окружающих сохраняется и в Сибири: «между ним и другими – невидимая грань» [9. С. 128]. Сообщенная событиям соответствующая словесно-жанровая огласовка свидетельствует об определяющем значении трагического типа завершения всей этой исторической ситуации, если, по В.И. Тюпе, понимать трагизм как «переступание границы, выход за предел, положенный миропорядком», производящие «уединенность сознания», «единственно возможный для трагического “я” путь к обретению целостности» [10. С. 124, 127].

Напротив, на противоположном полюсе возобладали эпико-героическая тенденция, проницательно подмеченная исследователями в повествовательном строе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Б.М. Эйхенбаум, М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман убедительно сказали об эпической доминанте «Истории». В 1916 г. начало положил Б.М. Эйхенбаум: «“История государства Российского” – конечно, не столько история, сколько героический эпос» [11. С. 204]. М.М. Бахтин продолжил тему в своих лекциях 1920-х гг.: «Нельзя объяснять прошлое как совокупность ошибок, потому что это прошлое нужно продолжить. Когда народ перестает героизировать свое прошлое, это свидетельствует об иссякании его исторических сил, о кануне его гибели. Поскольку прошлое дает толчки к созданию настоящего, его нужно героизировать. Метод героизации стал основным художественным методом “Истории”» [12. С. 413–414]. Акцентируя патриархальные симпатии автора, Ю.М. Лотман

заклучил, что «история была превращена (Карамзиным. – К.А.) в эпическую поэму в прозе – произведение, воспевающее русскую историю как эпически-патриархальную картину жизни государственного организма» [13. С. 404]. Именно в составе IX тома «Истории» мы читаем карамзинский рассказ о Ермаке (гл. 6 «Первое завоевание Сибири»).

Зависимость Рылеева от исторических сюжетов, представленных русскому читателю Карамзиным, слишком хорошо известна и в специальном обсуждении не нуждается: в письме к Ф.В. Булгарину от 20 июня 1821 г. поэт извещал своего корреспондента о передаче последнему думы «Курбский» – «плод[а] чтения девятого тома» [5. С. 458]⁴. Интересно другое: предпринятое Рылеевым соотнесение деятелей отечественной истории, сообщение их судьбам определенного идеологического задания разворачивалось «на фоне» уже составленной Карамзиным констелляции этих образов, приблизительно напоминающей то, что ранний Ю.М. Лотман называл «идеиной структурой». Из каких компонентов она складывается, какой смысл несет и как влияет на рецепирующую сторону в лице поэта-декабриста?

* * *

В безошибочно опознанной читателями «тираноборческой» тенденции IX тома, именно за нее и прославленного современниками⁵, заключалась одна немалая сложность. Используемая в качестве фактографической основы для рассказов о кровавых безумствах Грозного «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, к содержанию и автору которой писатель XIX в. отнесся «с большим доверием» [15. С. 301], поколебала общую эпико-героическую направленность многотомного сочинения. Под пером родоначальника классической русской прозы Иван IV превратился в мятущуюся личность, сочетавшую в себе государственный талант и несомненную человеческую одаренность с позорными фобиями, унять которые монарх стремился в припадках разнузданного садизма. В локусе исторического героя такого типа эпическое начало, прежде олицетворяемое у Карамзина, например, великим князем Иваном Васильевичем, освободителем Москвы от ордынского ига и покорителем Новгорода, сменялось поистине шекспировской трагикой, а Грозный оказывался русским Ричардом III. Какое место занимал Ермак в этой последовательно разворачиваемой художественно-идеологической картине?

С одной стороны, от внимания исследователей не укрылось крайне знаковое лексическое совпадение: эпитет «грозный», без которого Иван IV как ключевая фигура национальной исторической памяти немислим, едва ли случайно применен и к Ермаку⁶:

...Грозный, неумолимый Ермак (далее везде подчеркнуто мной. – К.А.), жалел воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое дело *студное* (курсив автора. – К.А.): ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному и Царю Небесному... [17. С. 390–391].

С другой стороны, намечаемая этим совпадением системно заданная «альтернативность» казачьего атамана царю дополняется корреляцией с А.М. Курбским, главной фигурой из числа потенциальных антиподов Грозного, организующей в тройкой перспективе (историковедческая опора, сюжетная роль, авторская симпатия) значительный повествовательный массив IX тома. Мотив экстерриториального порыва, «побега» обоих исторических персонажей роднит их и словно топографически распределяет в художественном пространстве относительно Москвы. Согласно этой логике, первый преследуемый властью герой уходит на Запад в 1564 г., второй – на Восток в 1581-м. Историческое правило универсально и равно актуально для обоих: «Ужас, наведенный жестокостями Царя на всех Россиян, произвел бегство многих из них в чужие земли» [17. С. 58]. Аристократической привычке к *вольности* в выборе сюзерена (поляки приняли Курбского «как друга, именем Королевским обеща ему знатный сан и богатство» [17. С. 60]) соответствовала дикая *вольница* на южном фронтире: «Козаки действительно, разбивая купцов, даже Послов Азиатских на пути их в Москву, грабя саму казну Государеву, несколько раз заслуживали опалу; несколько раз высылались дружины воинские на берега Дона и Волги, чтобы истребить сих хищников» [17. С. 380].

На самом деле, однако, гармоничная пропорциональность этого соответствия иллюзорна: решающую роль здесь играет фактор времени, который высвечивает кардинальную противоположность Курбского и Ермака. Действительно, если первый *под угрозой опалы* бросает службу и бежит в стан врага, то второй, *несмотря на опалу*, стремится вернуться к «доброй славе». Последняя вообще становится у Карамзина ключевым художественным фактором оценки исторического лица. «Мы долго жили худою славою: умрем же с доброю!» [17. С. 388], – восклицают в решающий момент сибирского похода казачьи атаманы.

Иное уготовано автором Курбскому, при описании побега которого использован обязательный в трагике мотив пересечения границы: «...ночью тайно вышел из дому, перелез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого Литовцами» [17. С. 59–60]. Сюжетная ситуация «бегство в Литву» здесь словно предвосхищает фрагмент пушкинского «Бориса Годунова», где «символическое “исступление” за нормативные рамки миропорядка, изначально присущее жанру трагедии», – это прыжок Отрепьева в окно [18. С. 7]. Заключенная Пушкиным в скобки ремарка, оканчивающая сцену «Корчма на литовской границе», показательно перекликается с пассажем из «Истории» Карамзина: «Григорий вдруг вынимает кинжал: все перед ним расступаются, он бросается в окно» [19. С. 218].

Анализу личности Курбского Карамзин посвящает специальные слова. «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя* (здесь и далее в цитатах курсив автора. – К.А.); но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!» [17. С. 58–59].

«Юный, бодрый воевода <...> возложил на себя печать стыда и долг Историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников» [17. С. 59]. Слова о бегстве звучат оправдательно – резюме об измене звучит строгим приговором. «Печать стыда» здесь является аналогом «худой славы», компрометировавшей казаков до их прихода в уральские вотчины Строгановых. Но то, что в случае Курбского – печальный и предсудительный результат ошибочного выбора, в случае Ермака – исходная точка дальнейшего личностного роста и итоговой реабилитации. Различное распределение одних и тех же мотивов на оси времени дифференцирует трагiku от эпики, идею «уединенной» личности от национальной миссии, невозможной без совместности действия, каковая, в частности, нашла свое выражение в популярной летописной формуле «Ермак с товарищи» [2. С. 8 и сл.].

* * *

Итак, для Карамзина тираноборческий жест Курбского этически приемлем лишь в первой своей части – побега из-под власти деспота. Последующее предательство и разворот оружия против своих строго осуждены. Меж тем Рылеевым именно этот перелом в судьбе героя рассматривается как неоднозначная проблема, сочетание мужества с отчаянием, романтическая огласовка которых не могла не привести в итоге к появлению извиняющей интонации. Прав Г. Киршбаум: «По мере эволюции творчества Рылеева образ Мазепы в его произведениях все больше усложняется; поэт пытается оправдывать его “измену”. <...> Такова, по крайней мере, точка зрения Войнаровского, который в поэме изображен позитивно» [6. С. 270–271]. Слагаемым самопожертвования в русле этой стратегии оказывается и ниспровержение чести – ход в этической перспективе Карамзина невозможный и неприемлемый. Здесь же, однако, «Мазепа жертвует личной честью во имя народного блага» [6. С. 272], а сам поступок героя трактуется в духе исторической мифологии, возникшей вокруг имени Брута – предателя, но и тираноубийцы.

Любопытно, что за 30 лет до Карамзина А.Н. Радищев в своем «отрывке» «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», сообщив миссии Ермака эту «протестную», тираноборческую интонацию, описал его предприятие скорее в перспективе Курбского и Мазепы, словно «в терминах» их п(р)оступков.

Ермак, вступая в Сибирь, не имел нужды стараться о общении с Россией. Отторгнутый от своего отечества без возвратных надежды, ища лучшие страны, которая бы его вместо отечества восприняла; избегая мшеница Иоаннова, не надеясь на подкрепление ни откуда, разве своего мужества, он устремлялся токмо на завоевание <...> [20. С. 160].

Позиция историографа в 1820-е гг. была, однако, диаметрально противоположна радищевской. У Карамзина нет и речи об обретении «лучших стран» «вместо отечества». Используя данные С.У. Ремезова, автор подчеркивает приверженность Ермака общенациональным целям и религиозному этосу: «...требовал

от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и Царю земному и Царю Небесному...» [17. С. 390–391]. Указывая далее на Строгановскую и Есиповскую летописи (примеч. 700), Карамзин отмечает, что после решительных побед Ермак

...написал к Иоанну, что его бедные, опальные Козаки, утрызваемые совестью, исполненные раскаяния, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и Великого Государя, на веки веков, доколе *Все-вышний благоволит стоять миру*; что они *ждут указа и Воевод его: сдадут им Царство Сибирское, и без всяких условий*, готовые умереть или в новых подвигах чести или на плахе, как будет угодно ему и Богу [17. С. 396].

Явно разойдясь здесь с Радищевым в том, что казаки «не надеялись на подкрепление ни откуда» (ср.: «ждут указа и Воевод его»)⁷, т.е. заведомо не согласившись с популярной позднее версией о трагическом одиночестве Ермака, автор в приведенном фрагменте последовательно и точно подчеркнул ставшую в наши дни известной благодаря Ю.М. Лотману социокультурную стратегию «вручения себя», христианскую в своей основе и противоположную рациональной (а по своим корням – магической) установке героя на «договор» (ср. «без всяких условий»). Ю.М. Лотман указал, что в русле поведения, основанного на «вручении», «подразумевалась», с одной стороны, «безусловная и полная отдача себя, а с другой – милость» [22. С. 349]. В этом контексте интересно, что комментатор «Сокращенного повествования...» А.В. Западов здраво увидел в радищевской интерпретации «отписки», посланной Ермаком царю из Сибири и сопровождаемой «60 сороками соболей, 20 черными лисицами и 50 бобрами» (прямая цитата из Г.Ф. Миллера [20. С. 158]; ср.: [21. С. 231]), скорее акцентированные «самостоятельность, равноправие “договаривающихся сторон”» [20. С. 386. Коммент.], чем верноподданнический жест подношения и взыскания прощения.

По-разному у обоих авторов решается и вопрос о сепаратизме – сама политическая программа которого созвучна трагической теме «(от/у)единения». Так, Карамзин сразу после сцены обращения казаков к царю и краткого упоминания о снаряженном в Москву посольстве Ивана Кольца задается вопросом «не думал ли Ермак, обольщенный легким завоеванием Сибири <...> властвовать там независимо?» [17. С. 397]. Ответ, разумеется, был отрицательным.

Радищев же, продолжая свое рассуждение о потенциальной суверенности оказавшегося за Уралом Ермака, о его свободе как разрыве с родиной и центральной властью («не имел нужды стараться о сообщении с Россиею»), напротив, предполагал, что дело окончилось бы учреждением в Сибири новой государственности с казачьим вождем во главе.

Если б слепое суеверие не отдаляло его от вступления в родство с побежденными, заключая с дочерьми их брачные союзы, Ермак не помыслил бы о извещении Царя и о своем завоевании; основал бы в Сибири область от России независимую, и утвердил бы в ней свое владычество [20. С. 160].

Дефицит первоисточников, имевшихся в распоряжении Радищева, бросается в глаза: С.У. Ремезовым и опиравшимся на него в этом пункте Карамзиным давались гораздо более подробные разъяснения, почему Ермак и его дружинники предпочли держаться целомудрия (устаревшего предрассудка в глазах Радищева). «Ночию же тоя явился Ермаку молящуся и 5 человеком в нощи святой Николае Можайский, повелевая в чистоте жити и прилежный пост имети...» [23. С. 562]. «И оттоле до Тебенди, словес нижней городок князка Елыгая <...> и слыша и виде, что Ермак покорных не убивает, принесли дары и есак <...> и привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар. Ермак же не принял и отверг и прочимъ запретилъ, ея же доступаль Кучюмъ за сына своего взяти, та бо девка роду ханска Саргачика царя прекрасна» [23. С. 581]. Ср. у Карамзина: «Князь («Еличай». – К.А.) вместе с данию представил Ермаку и юную дочь, невесту сына Кучумова; но целомудренный Атаман велел ей удалиться с ее прелестями опасными и невинностию, как говорит Летописец» [17. С. 405]. Однако и у Г.Ф. Миллера, единственного радищевского подспорья, передавшего эти сведения Кунгурского летописца, ни на шаг не отойдя от первоисточника, хоть и не говорится о каком-то нарочитом «целомудрии» Ермака, нет, однако, и ни слова о «слепом суеверии». «Он (Елегай. – К.А.) хотел доставить Ермаку удовольствие и честь, приведя к нему свою прекрасную дочь, которую хан Кучум требовал в жены одному из своих сыновей. Ермак не принял этой учтивости и запретил своим людям до нее касаться» [21. С. 255].

Отказ от пересечения матримониальной границы утверждал, в числе прочего, эпическую природу интегрированного образа Ермака и казаков, так как ключевые параметры эпической героики – упоминавшаяся уже совместность действия, а также полное совпадение героя с предписанной ему ролью (по словам В.И. Тюпы – «совмещение личного с инфраличным» [10. С. 108]), последовательное исполнение которой, собственно, и делало роль миссией. «Эпический мир», по М.М. Бахтину, «недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения и оценки», он «отгорожен» «от личного опыта, от всяких новых узнаваний, от всякой личной инициативы» [24. С. 460]. В этой перспективе понятно, что сюжетное превращение Ермака в условного «кавказского пленника», героя, который получил бы вдруг возможность сочетать свое историческое задание с романтической увлеченностью или даже променял бы первое на второе (ср. характерное для эпики «презрение» к женскому полу в «Тарасе Бульбе» Гоголя), немедленно сместило бы героя с фундамента эпической художественности, резко индивидуализировало бы его внутренний мир, и, как следствие, преобразило бы его в эстетической линзе трагики или элегизма. Но то, что создавал и принимал Карамзин, Радищев отвергал. Так, в опыте восходящего к обоим этим авторам конструирования исторической памяти о «сибирском взятии» берут свое начало различные эксперименты по перекодировке ядра Ермакова сюжета.

Второй шаг в заданном Радищевым направлении сделал К.Ф. Рылеев. Его дума «Смерть Ермака» (1822), «почти неотличимая», как отметил Патрик О'Мара, по логике «изображения Ермака» от «Сокращенного повествования о приобретении Сибири» [14. С. 206], стала слагаемым национального литературного канона и даже, преодолев границы книжной поэзии, попала в устную стихию, превратившись в народную песню, т.е. индивидуализирующее Ермака контр-эпическое отвлечение сюжета как системная возможность, содержащаяся в последнем, подтвердила свою рецептивную востребованность.

Примечателен контекст: исследователями творчества Рылеева давно установлено, что поэт-декабрист писал «Смерть Ермака» почти одновременно с «думой» «Курбский», которой дал в первопубликации подзаголовок «Элегия» [5. С. 573, 586]. Внимательный читатель IX тома «Истории», Рылеев уловил идеологический посыл своего предшественника и тоже поставил в пару двух свобододолюбцев, протестующих, как считал поэт, против царя-деспота. Словесные совпадения в описании «юсиановского» пейзажа говорят сами за себя:

На камне мшистом в час
ночной,
Из милой родины изгнан-
ник,
Сидел князь Курбский,
вождь молодой,
В Литве враждебной груст-
ный странник
<...>
Сидел – и в перекатах гром
На небе мрачно разда-
вался,
И темный лес, шумя, кру-
гом
От блеска молний осве-
щался [25. С. 54–55]⁸.

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Беспрерывно гром гремел
И ветры в дебрях буше-
вали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрю-
мой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый ду-
мой [25. С. 58].

Однако отличия в композиционном построении обоих стихотворений программируют их жанровую несхожесть. «Дума» «Курбский» бессюжетна и моногеройна: после приведенной только что краткой экспозиции читатель далее знакомится с взволнованным монологом князя-беглеца, обрывающимся горестным восклицанием: «Увы! Всего меня лишил / Тиран отечества драгова!» [25. С. 56]. Все «содержание» «думы-элегии» – в прошлом, а также в памятливом сознании А.М. Курбского.

Иное дело – «Смерть Ермака». Индивидуализация казачьего атамана, его выдвижение за пределы эпического целого «товарищей» решается на уровне фабулы, восходящей скорее к традиции стихотворной баллады⁹, герой которой обязан совершить какой-то роковой выбор, выйдя тем самым за условную границу своего сообщества. С одной стороны, в отличие от Курбского («изгнанника», «Позора и славы Русских стран» [25. С. 54]), репутация Ермака безупречна: вина за давние разбои искуплена подвигом завоевания («Своей и вражьей кровью смыв / Все преступления буйной жизни <...> Сибирь царю покорена, / И мы – не

праздно в мире жили!» [25. С. 59]) – с этой точки зрения слитность Ермака с «товарищами» налицо: местоимением *мы* нерасторжимое единство подтверждено.

С другой же стороны, как повелось в балладах, в которых действие рассечено между тремя силами (условно говоря, миропорядком, персонажем рокового поступка, инфернальным «гостем»), Ермак Рылеева – одинокий, «уединенный» герой. Его тождество с дружиной – скорее явление мысли, так как в реальности фабулы между бодрствующим Ермаком и мирно спящими казаками воздвигнута незримая преграда. Сначала он напряженно сидит, размышляет, тревожится, вспоминает: именно в силу этого душевного беспокойства с ним «...роковой его удел / Уже сидел с героем рядом» [25. С. 59]. Они же – «Среди раскинутых шатров / Беспечно спали близ дубравы» [25. С. 58]¹⁰. И даже в конце, когда Ермаком овладевает дрема, а затем будит шум нападающих кучумлян, он все равно трагически разъединен со своими товарищами. Он – еще жив, бодр и борется; они – уже убиты: «И пала грозная в боях / Не обнажив мечей, дружина... / Ермак воспрянул ото сна / И, гибель зря, стремится в волны, / Душа отвагою полна, / Но далеко от берега челны!» [25. С. 59–60].

Итак, в отличие от Карамзина, сохранившего верность эпической традиции, Рылеев направляет своего Ермака в сторону балладной трагики. Величие покорителя Сибири автор «Истории государства Российского» желал заслонить и в известной мере компенсировать кровавое самодурство Ивана IV. Героизируя (если вспомнить замечание М.М. Бахтина) Ермака и символически ослабляя могущественного тирана, историограф вписывал казачьего предводителя в общеисторическую, мировую закономерность: победитель Кучума уподоблен знаменитым конкистадорам Писсарро и Кортесу¹¹, а Сибирь – испанским владениям в Новом Свете. В течение всего времени действия на страницах «Истории» Ермак не отделен от воинов, а перед гибелью – в противоположность сюжету Рылеева – так же, как и они, охвачен сном: «Ермак знал о близости врага, и, как бы утомленный жизнью, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи» [17. С. 407]. Упомянутые предчувствие кончины и усталость от длинной череды свершений, служа мотивировками, знаменуют исполненность миссии, почти житийное принятие неизбежной участи, смирение, а не бунт: Ермак Карамзина чем-то напоминает былинных богатырей – оттеняющих мощью своей натуры бездарного и трусливого князя, но не находящихся с ним в смертельном конфликте. Поэтому и взятые историографом у С.У. Ремезова¹² сведения об утоплении героя под тяжестью подаренных царем доспехов не наделены в IX томе никаким «роковым» значением. Зато перечисленные заимствованные отсюда же и согласующиеся с агиографическим каноном чудеса от обретенного тела [17. С. 408–409].

Иначе действует Рылеев. Знаменитые строки «Тяжелый панцирь – дар царя – / Стал гибели его виною» [25. С. 60] в балладном духе переводят фокус на фигуру, олицетворяющую незыблемый, а в данном случае – деспотический миропорядок. Рылеевым власть

Грозного не ослаблена, а напротив, усилена. Вопреки надежде на компромисс, выраженной в монологе главного героя («Своей и вражьей кровью смыл / Все преступленья буйной жизни...», «Сибирь царю покорена»), жестокий и мстительный правитель простирает власть вдаль от своей столицы, в определенный момент настигая жертвенного героя, опрометчиво думавшего об уже состоявшемся искуплении старой вины: не будем забывать, что «героические» сентенции Ермака не выходят за рамки его собственного сознания и сюжет никак не завершают. У Карамзина, наоборот, финалом сцены смерти Ермака выступило авторитетное резюме повествователя: не герой рассуждал о добытом прощении – за него это делал автор, наделенный непререкаемой властью решающего исторического (о)суждения.

Сей Герой – ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаком – сей Герой погиб безвременно, но совершив главное дело: ибо Кучум, забрав 49 сонных Козаков, уже не мог отнять Сибирского Царства у великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием [17. С. 407–408].

Ну а рылеевский Кучум, подобно балладному мертвецу, выступил слепым орудием всевластного рока: inferнальные мотивы в коллективном образе убийц, отождествленных с мрачной бушующей природой («С Кучумом буря лишь одна / На их погибель не дремала!» [25. С. 59]), говорят сами за себя. К 1821 г. русская поэзия в лице, например, В.А. Жуковского создала немало балладных сюжетов («Адельстан», «Варвик», «Рыбак»), в которых гость с того света предстал в окружении бушующей стихии / страшной или таинственной природы, – они-то и выступили ассоциативным фоном для Рылеева. Ср.: «Ужасный день: от молний небо блещет; / Отвсюду вихрей стон; / Дождь ливнем льет; волнами с воем плещет / Разлившийся Авон <...> Утихло все – и небеса, и волны: / Исчез в водах Варвик» и т.д. [30. С. 46–47, 50]. В более широком спектре возможных заимствований, безотносительно к конкретной сюжетной ситуации, на горизонте снова покажется, на что указал Ю.Г. Оксман, фигура Карамзина. Аналогично тому, как поэтом была подхвачена лексика 6-й главы IX тома («Лил сильный дождь; река и ветер шумели...» [17. С. 407]), вероятным исследованием видится и обращение к балладе «Раиса» (1791): «Во тьме ночной ярилась буря, / Сверкал на небе грозный луч; / Гремели громы в черных тучах, / И сильный дождь в лесу шумел» [31. С. 420]. По логике наблюдения Ю.Г. Оксмана, в общем интересе Рылеева к Карамзину внимание к предложенной последним версии балладного жанра не менее значимо, чем использование карамзинской же «Истории» с целью фактографического наполнения сюжетов дум.

В завершение проведем небольшой экскурс, который намечает перспективу в развитии темы и, в частности конкретизирует взаимоотношения между, с одной стороны, возникшими в первые десятилетия XIX в. контр-направленными версиями подвига Ермака и, с

другой – правилами художественного и идеологического освоения этого сюжета в более позднее время, когда интерес к победителю Кучума начала проявлять активно развивающаяся общественная среда в самой Сибири.

Господство реализма привнесло немало корректив как в поэтику образа героя, так и в понимание исторических условий, в которых он функционировал ранее. Тенденции позднего просвещения и сентиментализма, определившие исторические концепции Радищева и Карамзина, романтическая артикуляция образа Ермака у Рылеева, конечно, имели мало общего с позитивизмом, пронизавшим искусство и науку новой эпохи, и «федеративным началом» (Н.И. Костомаров), которое, зазвучав в политических дебатах, увлекло сибирских областников. В их сочинениях обращения к образу Ермака имеют системный характер – так, они регистрируются в программных работах Н.М. Ядринцева: монументальном труде «Сибирь как колония» (1882, 1892) [32. С. 190, 619 и др.], литературно-критических статьях «Сибирь перед судом русской литературы» (1865), «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» (1885) [33, 34], т.е. наряду с исторической содержательностью образа публицист и критик бесспорно признавал его литературную, «сюжетогенную» перспективу.

В наши дни фигура Ядринцева привлекает все больше внимания, в частности приверженцев постколониального подхода. Так, например, имя сибирского областника прозвучало в недавней дискуссии о том, был ли колониалистом и имперским эксплуататором башкирского населения Л.Н. Толстой, купивший в 1871 г. имение в Бузулукском уезде Самарской губернии, а потом с немалой выгодой для себя его продавший. Э. Бояновска, автор статьи, открывшей эти дебаты, отметив «неспособность Толстого возвыситься над духом времени», т.е. духом приобретательства, заданным правилами поселенческого колониализма, противопоставила великому романисту Ядринцева, ревностного защитника сибирских аборигенов. «С 1880-х годов развивающаяся в империи общественная мысль начала принимать сторону различных имперских меньшинств, о чем, например, свидетельствуют знаменитые выступления Николая Ядринцева в защиту коренных жителей Сибири» [35. С. 180]¹³. В глазах современного исследователя Ядринцев предстал деятелем даже более радикальным, чем неудобный для властей поздний Толстой. Продолжил ли сибирский публицист традиции Радищева и Рылеева?

Одной из программных работ, написанных областником, была статья «Трехсотлетие Сибири с 26 октября 1581 года», опубликованная в столичном «Вестнике Европы» и посвященная юбилею похода Ермака и покорения Зауралья. Фигура казачьего предводителя – в центре внимания автора. Можно предположить, что ядринцевский Ермак тоже должен быть освоен харизмой старого русского радикализма, тем более что в одной из скандальных прокламаций начала 1860-х гг., вызвавших процесс 1865 г. по делу об отделении Сибири от России¹⁴, имя казачьего вождя прозвучало в уже знакомом нам «радищевском»

ключе: «Но кто изучал сибирские летописи, тот знает, что Ермак с его подвижниками бежали от деспотизма московского царя с целью основать здесь самостоятельные вольные поселения. Обстоятельства заставили их отдать Сибирь в руки Москвы, а гнев царя против них был заглушен богатыми дарами» [37. С. 124].

Важно, что 60 лет спустя после наметившейся развилки Карамзин – Рылеев Ядринцев воспроизводит ее логику и первым делом дистанцируется от историографа (которого, впрочем, не называет по имени), ставя под сомнение известнейшие положения IX тома «Истории». «Мы оставим обрисовку личности Ермака нашим историкам, которые не всегда, быть может, обладая пером Ирвинга и Маколея, пробовали сравнивать Ермака с Пизарро, Кортесом...» [38. С. 841]. Именно Карамзин назвал Ермака «Российски[м] Пизарро, не менее Испанского грозны[м] для диких народов, менее ужасны[м] для человечества» [17. С. 383], а на следующей странице добавил имя Кортеса: под действием легенд «сотни Ермаковых воинов, подобно Кортесовым или Пизарровым, обратились в тысячи...» [17. С. 384].

После выпада по адресу Карамзина следует важное для сибирского областника указание на беспрецедентность подвига покорителя Сибири и самостоятельность его свершений, подкрепляемое в духе Рылеева отсылкой к казачьей и отчасти украинской старине: «Это была горсть, храбро прорубившаяся и постоянно поддерживаемая неослабевавшей энергией вождя. Немудрено отличить в ней признаки той же силы и энергии, которые действовали в Запорожье на Днепре, ту силу казачества, которая билась с турками и создала свой тип в русской истории» [35. С. 841].

Далее искусно сплетая тезисы (скорее – догадки), взятые из И.Э. Фишера и П.А. Словцова, автор подает мысли этих историков XVIII и первой половины XIX в. так, что самостоятельность Ермака оказывается производной от самосознания владыки нового царства. «В древних летописях (у Фишера – «летописцах» [36. С. 134]) нигде не упоминается, что он завоевал те земли царским именем или требовал дани для российского двора» [38. С. 842]. «Остяков и татар, – продолжает цитировать Фишера Ядринцев, – он побуждал присягать себе в верности и послушании» [38. С. 842]. У Фишера, однако, местоимение «себе» курсивом отнюдь не набрано [39. С. 133], у него оно играет роль сугубо грамматическую, в то время как Ядринцев придает ему политический подтекст: *себе* начинает означать «не царю». Неудивительно, что буквально следующий пассаж Фишера, в котором историк в рациональном ключе разъясняет мотив казачьего предводителя, Ядринцева не заинтересовал. Между тем сказано там было, что Ермак, понимая бесперспективность самостоятельного удержания новообретенных земель, здраво рассудил передать их русским властям.

Но как ему (Ермаку. – К.А.) против чаяния все столь благополучно удалось, и он видел, что от его только зависело, чтоб удержать приобретенное; а однако при том довольно усматривал, что без помощи Россиян невозможно ему сего сделать, то нужду вменяя за добродетель, думал чрез добро-

вольное уступление того, что отнято бы у него было, показать услугу. Для того он одного из Атаманов своих Ивана Кольца послал в Москву к Царю Ивану Васильевичу... [39. С. 134–135].

Один из предтеч областничества П.А. Словцов, в юности обличитель верховной власти, поклонник Руссо и поэт радищевского направления [40], Ядринцеву, конечно, был более по душе. И хотя к 1840-м гг., времени окончания работы над «Историческим обозрением Сибири», от былого словцовского радикализма не осталось и следа¹⁵, все же некоторые замечания ссыльного тобольского интеллектуала если не содержанием, то тональностью вполне напоминали 1790-е гг. Так, известный нам по Фишеру эпизод взятия ясака с местных племен Словцовым резко заострен. «Завоеватель Кучумова юрта действительно схватил венок свой, покорил страну, собирал дани и в очаровании самоудовольствия с месяц принимал подданство уstraшенных аулов на свое имя, а не на имя своего Государя, которого столица за десять лет (1572) была превращена в пепел от Крымцев...» [42. С. XXV–XXVI]. Ядринцев предпочел процитировать другую мысль Словцова – о том, что присланный на помощь Ермаку воевода Болховской был с подозрением принят атаманом, усмотревшим в московском начальнике посягателя на его лавры правителя Сибири. «Кажется, что Ермак, отправив Кольцо в Москву <...> желал присылки войска, а не смены себе. Ибо когда князь Болховской прибыл от царя на Искер с 300 ратниками, стрельцами и преимуществами власти, Ермак перестает действовать, не заботится о продовольствии прибывших казаков, умирающих от голода и цинги, пока не скончался воевода Болховской» [38. С. 842] (ср.: [42. С. XXVI]).

Все ключевые мотивы писаний Радищева и отчасти Рылеева Ядринцевым воспроизведены. И вместе с тем никакого трагического, подвластного одному року бунтаря-одиночки из-под пера публициста конца XIX в. не выходит. Новой постромантической литературе пригодился совсем другой Ермак – не обобщенный русский Кортес и не сибирская разновидность Курбского. «Реалистический» Ермак Ядринцева – ярчайший элемент всей народной массы, его дружина – «первая партия эмигрантов, выкинутая в Сибирь древней Русью» [38. С. 844], и этой «партии» сильно повезло, что ее вождь оказался «политическим человеком», способным принести «свои личные расчеты в жертву своему делу и более высоким целям» [38. С. 842], т.е. образ героя создается не на острие конфликта с госаппаратом, а в логике созревания и распространения государственности изнутри самой казачьей «ватаги», без постоянной оглядки на центр. Результатом, по Ядринцеву, становится народная колонизация, которая «создала Сибирь и упрочила впоследствии здесь гражданскую жизнь» [38. С. 844]. Этот новый подход «отключал» от дискурса Ермака и революционную тему, и мотив всевластия правителя. Потому главной параллелью для Ермака делался отнюдь не Иван Грозный: «Героем предстоящего юбилея трехсотлетия мы поэтому позволяем себе считать не Ермака и воевод, но вообще русский народ» [38. С. 844].

Сформулированная Карамзиным в IX томе «Истории» антитеза царя и народного вождя была построением важным и влиятельным, но в сильной степени рискованным, как, впрочем, любая попытка переосмыслить давно утвердившиеся основания легитимности власти (вспомним здесь судьбу карамзинской же «Записки о древней и новой России» или первого «философического письма» П.Я. Чаадаева). нас интересовало принципиальное в перспективе литературоведения обстоятельство: жанровая «огласовка» Ермакова сюжета, т.е. факторы, благодаря которым «история» делается «литературой». Предложенный в статье перечень примеров (основополагающий для темы дуализм сочинений Карамзина и Рылеева, выпавшая из контекста своего времени статья Радищева, а также весьма характерный для

второй половины XIX в. документ, принадлежащий перу Ядринцева) позволяет наблюдать, по-видимому, системное колебание между полюсами трагики и героической эпикей. В финале выбранной нами последовательности репрезентативных источников, т.е. в статье Ядринцева, поздней сравнительно с пиком популярности темы, наблюдаем попытку примирить обе типологические тенденции: московская государственность мыслится, как сказано в «Сибири как колонии», началом, «утилизирова[вшим] и регламентирова[вшим]... вольнонародну[ю] колонизаци[ю]» [32. С. 190]. Между тем как сам герой, инициировавший последнюю, показан метонимией процесса, который захватил в итоге миллионы людей, частью внутри целого, притом что Ядринцеву в силу специфики его личной биографии ближе было скорее умонастроение Рылеева.

Примечания

- ¹ Давний, но до сих пор актуальный опыт обращения к теме см. в статье Н.Н. Курдиной [1].
- ² Подробнее см.: [4. С. 285–288].
- ³ Со-/противопоставленность сибирского и украинского казачества в поэме отмечена Г. Киршбаумом [6. С. 270]. Подробнее о теме Украины у декабристов и Рылеева см.: [7. С. 343–367; 8].
- ⁴ Достоевский назвал Рылеева «Карамзин в стихах – и только» (цит. по: [14. С. 187]).
- ⁵ Ср. хрестоматийно известный отклик Рылеева, прозвучавший в том же письме к Ф.В. Булгарину от 20 июня 1821 г.: «В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! – Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита» [5. С. 458]. В «Послании» к М.Г. Бедраге Рылеев от лица своего лирического героя перечисляет состав домашней библиотеки, в которой специально отмечен «...Тацит-Карамзин / С своим девятым томом» [5. С. 105].
- ⁶ Отмечено Е.Г. Поздняковой [16. С. 320].
- ⁷ Г.Ф. Миллер, на «Историю Сибири» которого всецело опирался Радищев, трижды указал на этот запрос от Ермака к Ивану IV о присылке воевод. См.: [21. С. 231, 233, 248]. На этом фоне идеологическая тенденция, пронизывающая текст радикального писателя и мыслителя XVIII в., становится еще заметнее.
- ⁸ Скептически относящиеся к художественному дару Рылеева исследователи говорят об изобилии стереотипных клише, в частности, в ряде повторяющихся сцен, в центре которых – герой в позе глубокомысленного, напряженного сидения. Перечень таких совпадений привел К.В. Пигарев (см.: [26. С. 62 и др.]). Как бы то ни было, в самых ранних по хронологии написания «Курбском» и «Смерти Ермака» (см. датировку А.Г. Цейтлина [5. С. 572–573]) оссиановские мотивы еще не штамп, а живая взаимосвязь.
- ⁹ Ср.: [27]. Ориентация Рылеева «на исторического героя трагедии XVIII века, декламирующего на гражданские темы», а также значимость для стихотворца «повествовательного элемента» и «балладного стиля» освещены В. Гофманом [28. С. 54–55].
- ¹⁰ Бодрствование Ермака на фоне сна его соратников отмечено К.В. Пигаревым [26. С. 57].
- ¹¹ Карамзинская параллель восходит к работам Вольтера по истории России и Петра I [29. С. 12].
- ¹² Ср.: [23. С. 562].
- ¹³ Видимо, автор имела в виду книгу Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (СПб., 1891).
- ¹⁴ Итоговый вид весьма похожим воззваниям «Патриотам Сибири» и «Сибирским патриотам», имевшим общий, не дошедший до нас протограф, был придан соответственно Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым [36. С. 63–65].
- ¹⁵ Об итоге этой эволюции Словцова к имперскому государственничеству см. в работе Марка Содерстрема [41].

Список источников

1. Курдина Н.Н. Образ Ермака в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1981. Вып. 3, № 11. С. 38–43.
2. Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссии. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1907. С. 1–46.
3. Brooks J. From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire // Russian History. 1987. Vol. 14, № 1–4. P. 37–46.
4. Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. Киев: Типогр. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. 371 с. (без Приложения).
5. Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. / ред., вступ. ст. и ком. А.Г. Цейтлина. Л.: Academia, 1934. 908 с.
6. Киршбаум Г. Брут, Мазепа, Валленрод: о специфике украинской тематики в творчестве К.Ф. Рылеева // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 265–277.
7. Готовцева А.Г. Публицистика К.Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 484 с.
8. Киселев В.С. «И двух славянских поколений сердца враждою распаял...»: типология украинских исторических героев в творчестве декабристов // Диалог культур: поэтика локального текста. Т. 1. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2016. С. 8–21.
9. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 518 с.
10. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во КГУ, 1987. 219 с.
11. Эйхенбаум Б.М. Карамзин // О прозе: сб. ст. Л.: Худ. лит., 1969. С. 203–213.
12. Бахтин М.М. [Карамзин] // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 412–414.
13. Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Карамзин. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 349–417.
14. О'Мара П. К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М.: Прогресс, 1989. 336 с.
15. Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
16. Позднякова Е.Г. Художественное осмысление образа Ермака в исторических песнях и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. С. 318–324.

17. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб. : В типографии Н. Греча, 1821. 472 с. первой пагинации; 296 с. второй пагинации.
18. Тюпа В.И. «Борис Годунов» и жанровая природа трагедии // Новый филологический вестник. 2009. № 1. С. 4–15.
19. Пушкин А.С. Борис Годунов // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Л. : Наука, 1978. С. 187–285.
20. Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок) // Полное собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 145–163.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Восточ. лит. РАН, 1999. 630 с.
22. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи : в 3 т. Т. 3. Таллинн : Александра, 1993. С. 345–355.
23. Ремезов С.У. История сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М. : Худ. лит., 1989. С. 550–582.
24. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. С. 447–483.
25. Рылеев К.Ф. Думы / изд. подг. Л.Г. Фризман. М. : Наука, 1975. 254 с.
26. Пигарев К. Жизнь Рылеева. М. : Сов. писатель, 1947. 256 с.
27. Королева Д.А. «Тяжелый панцирь – дар царя стал гибели его виною...» (Идейно-тематическое и художественное своеобразие баллады К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака») // Русская баллада. История и теория жанра : сб. науч. ст. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2006. С. 71–84.
28. Гофман В. Рылеев-поэт // Русская поэзия XIX века : сб. ст. / под ред. и с предисл. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л. : Academia, 1929. С. 1–73.
29. Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII вв.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. 372 с.
30. Жуковский В.А. Варвик // Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3. М. : ЯСК, 2008. С. 45–50.
31. Оксман Ю.Г. Примечания // Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений / ред., предисл. и примеч. Ю.Г. Оксмана; вступ. ст. В. Гофмана. Л. : Изд-во писателей, 1934. С. 379–551.
32. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.
33. Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1980. С. 21–28.
34. Ядринцев Н.М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1980. С. 80–94.
35. Бояновская Э. Был ли Толстой колониальным землевладельцем? Проблемы частной собственности и поселенческий колониализм в башкирской степи // Новое литературное обозрение. 2023. № 4 (182). С. 156–183.
36. Серебrenников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 307 с.
37. Сибирским патриотам // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебrenников. Томск : Изд-во ТГУ, 2002. С. 123–131.
38. Ядринцев Н.М. Трехсотлетие Сибири с 26 октября 1581 года // Вестник Европы. 1881. Т. VI, кн. 12. С. 834–849.
39. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке. СПб. : При Имп. АН, 1774. 631 с.
40. Лотман Ю.М. Кто был автором оды «Древность»? // О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПб, 1996. С. 750–754.
41. Содерстром М. «В стране, зарождающейся из многочисленных зародышей»: регион и империя в «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцова // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М. : НЛО, 2021. С. 118–137.
42. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М. : В типогр. А. Семена, 1838. 589 с.

References

1. Kurdina, N.H. (1981) *Obraz Ermaka v russkoy literature kontsa XVIII – pervoy trety XIX v.* [The image of Yermak in Russian literature of the late 18th – first third of the 19th century]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk.* 11 (3). pp. 38–43.
2. Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Saint Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova. pp. 1–46.
3. Brooks, J. (1987) From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire. *Russian History.* 1–4 (14). pp. 37–46.
4. Maslov, V.I. (1912) *Literaturnaya deyatel'nost' K.F. Ryleeva* [Literary Activity of K.F. Ryleev]. Kiev: Tipogr. Imp. un-ta Sv. Vladimira.
5. Ryleev, K.F. (1934) *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete Works]. Leningrad: Academia.
6. Kirshbaum, G. (2011) Brut, Mazepa, Wallenrod: o spetsifike ukrainskoy tematiki v tvorchestve K.F. Ryleeva [Brut, Mazepa, Wallenrod: on the specifics of Ukrainian themes in the works of K.F. Ryleev]. In: Kiseleva, L. & Stepanishcheva, T. (eds) *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII: Mifologiya kul'turnogo prostranstva* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII: Mythology of cultural space]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 265–277.
7. Gotovtseva, A.G. (2011) *Publitsistika K.F. Ryleeva v istoriko-politicheskom kontekste 1820-kh godov* [Journalism of K.F. Ryleev in the historical and political context of the 1820s]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Kiselev, V.S. (2016) [“And he inflamed the hearts of two Slavic generations with enmity...”: typology of Ukrainian historical heroes in the works of the Decembrists]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of the Local Text]. Proceedings of the 5th International Conference. Gorno-Altaysk. 26–29 September 2016. Vol. 1. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 8–21. (In Russian).
9. Mann, Yu.V. (1997) *Russkaya literatura XIX veka. Epokha romantizma* [Russian Literature of the 19th Century. The era of romanticism]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
10. Tyupa, V.I. (1987) *Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy tipologii* [The Artistry of a Literary Work. Typology issues]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
11. Eykhenbaum, B.M. (1969) *O proze* [On Prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 203–213.
12. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari. pp. 412–414.
13. Lotman, Yu.M. (1997) *Karamzin* [Karamzin]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 349–417.
14. O'Mara, P. (1989) *K.F. Ryleev. Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista* [K.F. Ryleev. Political biography of the Decembrist poet]. Moscow: Progress.
15. Sverdlov, M.B. (2018) *Istoriya Rossii v trudakh N.M. Karamzina* [History of Russia in the Works of N.M. Karamzin]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
16. Pozdnyakova, E.G. (2001) [Artistic interpretation of the image of Yermak in historical songs and History of the Russian State by N.M. Karamzin]. *Dergachevskie chteniya – 2000: Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings – 2000: Russian literature: national development and regional characteristics]. Proceedings of the International Conference. Pt. 1. Yekaterinburg. 10–11 October 2000. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 318–324. (In Russian).

17. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha.
18. Tyupa, V.I. (2009) "Boris Godunov" i zhanrovaya priroda tragedii [Drama Boris Godunov and the genre nature of tragedy]. *Novyy filologicheskii vestnik*. 1. pp. 4–15.
19. Pushkin, A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 187–285.
20. Radishchev, A.N. (1941) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 145–163.
21. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow: Izd. firma "Vostochn. lit." RAS.
22. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 345–355.
23. Remezov, S.U. (1989) *Istoriya sibirskaya. Letopis' Sibirskaya kratkaya Kungurskaya* [Siberian history. Chronicle of the Siberian brief Kungur]. In: Dmitriev, L. & Likhachev, D. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Literature of Ancient Rus'. 17th century]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 550–582.
24. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Research from different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 447–483.
25. Ryleev, K.F. (1975) *Dumy* [Duma]. Moscow: Nauka.
26. Pigarev, K. (1947) *Zhizn' Ryleeva* [Life of Ryleev]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
27. Koroleva, D.A. (2006) "Tyazhelyy pantsir' – dar tsarya stal gibeli ego vinoyu..." (Ideyno-tematicheskoe i khudozhestvennoe svoeobrazie ballady K.F. Ryleeva "Smert' Ermaka") ["The heavy armor – the king's gift became his death..." (Ideological, thematic and artistic originality of K.F. Ryleev's ballad "The Death of Ermak")]. In: Travnikov, S.N. (ed.) *Russkaya ballada. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian Ballad. History and theory of the genre]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 71–84.
28. Hoffman, V. (1975) *Voprosy poet [Ryleev the poet]*. In: Eykhenbaum, B.M. & Tynyanov, Yu.N. (eds) *Russkaya poeziya XIX veka* [Russian Poetry of the 19th Century]. Leningrad: Academia. pp. 1–73.
29. Akimov, Yu.G. (2010) *Severnaya Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v.: Ocherk sravnitel'noy istorii kolonizatsiy* [North America and Siberia at the End of the 16th – mid-18th Centuries: Essay on the comparative history of colonization]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
30. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur. pp. 45–50.
31. Oksman, Yu.G. (ed.) (1934) *Primechaniya* [Notes]. In: Ryleev, K.F. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Izd-vo pisateley. pp. 379–551.
32. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia As a Colony in Geographical, Ethnographic and Historical Terms]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izd. I.M. Sibiryakova.
33. Yadrintsev, N.M. (1980) *Sibir' pered sudom russkoy literatury* [Siberia before the court of Russian literature]. In Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-sib. kn. izd-vo. pp. 21–28.
34. Yadrintsev, N.M. (1980) *Sud'ba sibirskoy poezii i starinnye poety Sibiri* [The fate of Siberian poetry and ancient poets of Siberia]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-sib. kn. izd-vo. pp. 80–94.
35. Boyanovska, E. (2023) *Byl li Tolstoy kolonial'nym zemlevladel'tsem? Problemy chastnoy sobstvennosti i poselencheskoy kolonializm v bashkirskoy stepi* [Was Tolstoy a colonial landowner? Problems of private property and settler colonialism in the Bashkir steppe]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4 (182). pp. 156–183.
36. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Serebrennikov, N.V. (ed.) (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 123–131.
38. Yadrintsev, N.M. (1881) *Trekhstotletie Sibiri s 26 oktyabrya 1581 goda* [Tercentenary of Siberia since October 26, 1581]. *Vestnik Evropy*. 6-12. pp. 834–849.
39. Fisher, I.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoeevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem, sochinennaya na nemetskom yazyke* [Siberian History from the Very Discovery of Siberia to the Conquest of this land by Russian Weapons, Written in German]. Saint Petersburg: Pri Imp. AN.
40. Lotman, Yu.M. (1996) *O poetakh i poezii* [About Poets and Poetry]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 750–754.
41. Soderstrom, M. (2021) "V strane, zarozhdayushchey iz mnogochislennykh zarodyshey": region i imperiya v "Istoricheskom obozrenii Sibiri" P.A. Slovtsova ["In a country emerging from numerous embryos": region and empire in the Historical Review of Siberia by P.A. Slovtsov]. In: Boltunova, E. & Sanderlend, V. (eds) *Regiony Rossiyskoy imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire: Identity, representation, (on) meaning]. Moscow: NLO. pp. 118–137.
42. Slovtsov, P.A. (1838) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia]. Vol. 1. Moscow: V tipogr. A. Semena.

Информация об авторе:

Анисимов К.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Anisimov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Journalism and Literary Studies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023;
одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 11.09.2023;
approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/497/2

Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Весёлого и Е. Фёдорова)

Яна Вячеславовна Баженова¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, 54955594@mail.ru

Аннотация. Представлен сопоставительный анализ романов А. Веселого «Гуляй, Волга» (1932) и Е. Федорова «Ермак» (1955), с одной стороны, позволяющий проследить идеологическую трансформацию образа Ермака при переходе конца 1920-х – начала 1930-х гг. от революционного советского нарратива к сталинскому, а с другой – раскрывающий сдвиг в поэтике советской литературы от рефлексов классицизма к сентименталистским клише.

Ключевые слова: образ Ермака в литературе, А. Веселый, Е. Федоров, коммеморативные практики, соцреализм, сентиментализм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Баженова Я.В. Смена идеологии и трансформация поэтики советского исторического романа (Ермак в романах А. Весёлого и Е. Фёдорова) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 16–25. doi: 10.17223/15617793/497/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/2

Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels of Artyom Vesely and Evgeny Fedorov)

Yana V. Bazhenova¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, 54955594@mail.ru

Abstract. The article examines the ideological transformation of the image of Yermak during the conversion from the revolutionary Soviet narrative (ideas about internationalism and the fight for “great-power chauvinism”) to the Stalinist one (the course towards the development of cultures “socialist in content and national in form”), which took place in the late 1920s – early 1930s. The image of Yermak could be considered as an indicator that allows one to detect and describe the contradiction within the seemingly homogeneous Soviet narrative. The key thesis of the article is the transition from the early Soviet social-class project to the late Soviet project can be correlated with how, at the turn of the 19th century, classicism, based on the principles of universality, rational hierarchy and normativity, was replaced by sentimentalism, according to which people were united based on common feelings. The research material comprised, on the one hand, several editions of Soviet encyclopaediae, which were one of the key tools for constructing the Soviet worldview, and, on the other hand, two Soviet historical novels about Yermak: *Walk, Volga* (1926–1932) by Vesely and *Yermak* (1950–1955) by Fedorov. The genre of the historical novel was the dominant feature of Soviet fiction about the conqueror of Siberia in terms of the number of publications and reprints, and what is more, in the 1930s, it partially took on the role of a national myth laboratory with its set of consolidating historical events and a pantheon of heroes. The analysis showed the same shift both in the Soviet encyclopaediae and in fiction narratives about Yermak: if in the 1920s the dominant feature in the image of the conqueror of Siberia was his role as an agent of power and oppressor of the Siberian tribes, then in the 1950s Yermak turns into a representative of the “general public” and the builder of a “people’s state”. Thus, the key structural principle of the novel by Vesely was the social differentiation of people: the work depicts a social system divided into exploiters and those exploited, and Yermak, as the arbiter of the colonial tsarist policy, acts as a tyrant of the working people and Siberian autochthons. In such a system, the sentimental principle, based on the categories of sensitivity, focused on the “inner man” and the socio-moral type of conflict, is revealed only as a significant gap. In the novel by Fedorov, after the “reassembly” of the image of Yermak, on the contrary, a consolidating principle comes to the fore in the figure of the Cossack ataman: Yermak acts as a leader, an assembler of Russian lands and a builder of a public’s empire. Furthermore, in the discourse of socialist realism, there appears a typological trace of sentimentalist poetics by that involuntarily returning to Karamzin as the creator of the classic image of the Cossack ataman and the leader of the Russian sentimentalist movement.

Keywords: image of Yermak in literature, Artyom Vesely, Evgeny Fedorov, commemorative practices, socialist realism, sentimentalism

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Bazhenova, Ya.V. (2023) Change of ideology and transformation of the poetics of the Soviet historical novel (Yermak in the novels of Artyom Vesely and Evgeny Fedorov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 16–25. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/2

Одним из современных языков описания (и подходов к пониманию) учрежденного на территории Российской империи нового советского политического проекта является опыт выявления унаследованных от прошлого «имперских» черт новой государственности. В трудах Е.А. Добренко, А. Капеллера, Т. Мартина, Ю.Л. Слезкина, Ф. Хирш и других ученых предметом изучения неоднократно становились практики работы с исторической памятью и особенности трансформации советского нарратива в зависимости от актуальных для советской власти в тот или иной период ее развития политико-экономических, культурных, идеологических задач¹.

С самого начала своего существования власть большевиков оказалась в парадоксальном положении: с одной стороны, в революционном стремлении разорвать историческую связь с Российской империей была провозглашена идея деколонизации и интернационализма, с другой – в ходе «пересборки» Российской империи в новую идеологическую государственность возникла острая необходимость сохранить единство мультиэтничного государства. Если, как показали Т. Мартин и Ю. Слезкин, с начала 1920-х гг. советская национальная политика была направлена на борьбу с «великодержавным шовинизмом» и реализовывалась в практиках коренизации и перекраивания территории с целью образования национальных республик [3. С. 47–290; 4. С. 188–204], то с середины 1930-х гг. новый курс на развитие «социалистических по содержанию и национальных по форме» культур выразился в борьбе с «местным национализмом» и привел к новому статусу русской культуры как «первой среди равных» и к появлению новых метафор национального единства – «братства народов» и «дружбы народов» [3. С. 593–630; 4. С. 346–381]. Оба этих перехода – сначала от Российской империи к раннесоветскому антиимпериалистическому проекту, а затем от революционного к сталинскому – каждый раз порождали необходимость заново легитимировать власть, а значит, формировать новый властный нарратив.

В ряде своих – прежде всего относящихся к культуре – аспектов произошедший во второй половине 1930-х гг. поворот «слева направо» типологически можно сопоставить с ситуацией рубежа XVIII–XIX вв., когда в России в результате общеевропейского кризиса Просвещения былработан новый принцип легитимации власти – национальный. Как убедительно показал В.М. Живов, на рубеже XVIII–XIX вв. «первыми производителями русского националистического дискурса (были. – Я.В.) сентименталистские авторы» [6. С. 115]. В основании концепции исследователя лежит не только тот факт, что Ж.-Ж. Руссо (в Европе) и

Н.М. Карамзин (в России) были проводниками одновременно и идеологии национализма, и литературного сентиментализма, но и содержащаяся в последнем философско-идеологическая развилка. С одной стороны, в противоположность классицизму, сентиментализм обращался к чувствительному, частному, «внутреннему» человеку, с другой стороны, само понимание категории чувствительности получало в рамках этого направления глубоко социальный характер и – ввиду того, что эмоции у всех людей принципиально одинаковы, – ставилось на службу идее социальной интеграции «поверх» сословных границ [7. С. 18–19]².

Наш тезис заключается в том, что переход от раннесоветского проекта, основанного на марксистской идее рассечения общества на антагонистические классы и понимании человека как атомизированного носителя прежде всего своего личного социального интереса, реализующегося в участии в «классовой борьбе», к позднесоветской культурной системе с ее центральными метафорами «большой семьи» и «дружбы народов» можно соотнести с тем, как на рубеже XVIII–XIX вв. классицизм, основанный на принципах всемирной универсальности, рациональных иерархичности и нормативности, сменился сентиментализмом, согласно программе которого люди объединялись в сообщества на основании разделяемых ими чувств. Одним из характерных аспектов поэтики в рамках приведенной аналогии видится системно различное отношение к образам природы. О культурных реалиях XVIII столетия пишет О.Б. Лебедева: «...если классицистическую литературу... мы имели случай сравнить с *регулярным* стилем садово-паркового искусства, то аналогом сентиментализма будет так называемый *пейзажный* парк, тщательно спланированный, но воспроизводящий в своей композиции *естественные природные ландшафты*» [11. С. 331]. В XX в. ситуация предстает принципиально аналогичной – ср. известный тезис К. Кларк об отказе в начале 1930-х гг. от ключевой метафоры машины в пользу природных метафор [12. С. 84–101].

Своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей обнаружить и изучить описанный конфликт внутри системы советского нарратива, может выступать фигура покорителя Сибири Ермака, системная значимость которого тем более существенна, что воспринятый всей литературной и историографической традицией XIX в. классический образ казачьего атамана был создан лидером русского сентименталистского движения Н.М. Карамзиным – на страницах его «Истории государства Российского».

В зависимости от метаморфоз официальной советской идеологии изменения в оценке Ермака и сибирского похода можно проследить, с одной стороны, в

разных изданиях советских энциклопедий, а с другой – в исторических романах³ о Ермаке 1920–1960-х гг., в частности, в центральных для нашей темы произведениях А. Веселого «Гуляй, Волга» (1926–1932) и Е. Федорова «Ермак» (1950–1955).

* * *

Обратимся к энциклопедическим статьям о Ермаке в двух изданиях Большой советской энциклопедии, которая являлась важнейшим инструментом конструирования советского мировоззрения. Так, в 24-м томе первого издания БСЭ (1932) статья о Ермаке, написанная М.В. Нечкиной, занимает не более четверти страницы и направлена на критику колониальной и эксплуататорской политики царизма. М.В. Нечкина, ученица М.Н. Покровского, создателя вульгарно-социологического направления в отечественной историографии, предлагает идеологически «верную» и для того времени «этикетно» обязательную трактовку образа Ермака: сначала казачий атаман грабил купцов и государеву казну, но, притесняемый царем, был вынужден бежать в Сибирь, где стал функционером Строгановых и в конце концов превратился в колонизатора сибирских народов. Интерпретация М.В. Нечкиной, в сущности, представляет изображение похода Ермака в рамках теории классовой борьбы:

ЕРМАК... *т.н.* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Я.Б.) “завоеватель Сибири”, *фактически не совершивший никакого завоевания...* один из многочисленных *представителей начального этапа колониальной политики царской России*. Первоначально Е. был одним из атаманов донской казачьей вольницы, *грабившей* по Волге и Дону купеческие караваны и “казну государеву”; *укрываясь* от преследования властей, Е. был *вынужден бежать* в пермские вотчины крупных промышленников Строгановых. Последние, заинтересованные в расширении своих владений, *поставили* Е. во главе экспедиции в Сибирь (1581)... В 1581–84 Е. во главе своего отряда, *заливая свой путь кровью татар, вогулов и остяков, продвинулся в глубь Сибири*, разгромил сравнительно *небольшое* “сибирское царство” хана Кучума... и “*бил челом*” царю Ивану IV Грозному “*сибирской землицей*”, прося принять ее под его “*высокую руку*”. <...> Царское правительство усердно *поощряло* “*патриотическую*” великодержавно-шовинистическую идеализацию Е. как “*завоевателя Сибири*”, подчеркивая его *продажность русскому царю, героизм и т. д.* Эти легенды служили для обоснования “*прав*” царизма на владение Сибирью и *грабеж “инородцев”* [14]⁴.

В 15-м томе второго издания БСЭ (1952) статья о Ермаке увеличивается в объеме и сопровождается иллюстрациями, а пафос нового прочтения сибирского похода, невольно возвращаясь к Карамзину, направлен на подчеркивание *охранительной и освободительной* роли казаков. Ермак выступает как землепроходец, расширитель государственных границ и освободитель сибирских народов:

«ЕРМАК... казачий атаман, сыгравший наряду с другими русскими “*землепроходцами*” 16 в. выдающуюся роль в *освоении Сибири*. Прославлен в русской историч. литературе и народном эпосе как *герой* – “*покоритель Сибири*”... казачьи отряд[ы] Е. ... прибыли по призыву Строгановых... после того, как была получена царская грамота... в к-рой Иван IV

ставил перед ними задачу выдвинуть сеть вооруженных форпостов в глубь основной территории Сибирского ханства...

<...> Сибирские народы, подвластные Кучуму, после первых военных неудач тотчас же отпали от него. *К. Е. прибыло много остяков, татар с семьями*. Е. строго следил, чтобы никто из его воинов *не обижал местное население*. <...>

Поход Е. имел *прогрессивное значение*. Главной заслугой Е. является то, что он *проложил дорогу в Сибирь*, подготовил падение Сибирского ханства и *присоединение Зап. Сибири к Русскому государству*. В результате похода Е. *были освобождены* из-под власти Сибирского ханства народы Зап. Сибири [17].

Таким образом, если в советских энциклопедиях 1920–1930-х гг. в центре нарратива о Ермаке находится его роль агента власти и угнетателя сибирских племен, то в 1950-х гг. Ермак превращается в представителя «широких народных масс» и строителя «народной» державы. По этим же двум разнонаправленным линиям выстраиваются и художественные нарративы о Ермаке в исторических романах А. Веселого и Е. Федорова.

* * *

После первой публикации романа А. Веселого «Гуляй, Волга» в 1932 г. и вплоть до 1935 г. литературно-критические статьи, комментарии самого автора, а затем и литературоведческая трактовка произведения полностью соответствовали влиятельной в 1920-е гг. марксистской концепции М.Н. Покровского, основанной на идеях экономического детерминизма и классовой борьбы как движущих сил истории. Поэтому доминантой романа А. Веселого, основой «идейной структуры», как сказал бы ранний Ю.М. Лотман [18], оказалась социальная стратификация общества в зависимости от отношения каждого класса к торгово-промышленному капиталу. Верх этой иерархической структуры занимают сословия, в руках которых сосредоточены ресурсы и, соответственно, власть (царь, купцы, «попы», воеводы), любые действия этих агентов мотивированы борьбой за приращение или сохранение капитала⁵. Низ иерархии составляют те, кто производит или добывает ресурс: крестьяне, работники солеварен, сибирские народы, зависимые от капитала и непрерывно эксплуатируемые властью:

А. «*Воевода над всеми суд и правёж чинил, попы за всех молились, а мужики на всех работали*» [19. С. 32].

Б. «Кузьма (Строганов. – Я.Б.), умирая, наказывал сыну Луке:

– Сей хлеба больше, сей, насколько сила взгребет. *На хлеб, как птица, налетит к тебе народ*, и умножатся достатки твои...» [19. С. 54].

Положение казачества в этой системе оказывается подвижным. А. Веселый в «Литературных подарках» писал, что вольное казачество само по себе и поход Ермака с дружиной в частности предшествовали будущим народным восстаниям под предводительством Разина и Пугачева, однако в конце XVI в. казачество еще не обрело классового сознания, а значит, не было способно участвовать в общественной борьбе: «Зачатки

осознания себя как класса широкими низам и крестьянства и гулевого казачества следует отнести ко временам Пугачева и Разина. В XVI же веке и ранее, если говорить без натяжки, повольники являлись буйствующей слепой силой» [19. С. 181–182].

Соответственно, в романе «Гуляй, Волга» казачество изображается как своевольная, *дикая* и раздробленная стихия («в пьянствах... бьются и режутся до смерти, крестов на шеях не носят, посты не блюдут, гуляют с слободскими девками и, вернувшись, не помыв рук, за хлеб хватаются да заодно с холопами своих атаманов и есаулов лают» [19. С. 88]). Например, как видно уже из заглавия, оно уподобляется бурному, «гулящему» речному потоку. Ермак изображен как человек «веселого и бешеного» [19. С. 29] нрава, полный «дикого своеволия и напористой силы» [19. С. 71]. Неоднократно в ходе повествования Ермак сравнивается с жеребцом: «...был Ярмак... *мастью* черен, будто в смоле вываренный, и здоров, здоров *как жеребец*. *Ржал* Ярмак, задрал голову... Из хвоста ватаги на голос атамана *нежным ржанием отзывалась кобыла Победка*» [19. С. 26]. Зоологические сравнения применены и в отношении других казаков: Иван Кольцо похож на «косматого кобеля», у Гуртового кулак «с телячьей головой», а Мамыка живет в «особой землянке» с медведицей, ест с ней из одного котла и товарищи смеются, что скоро их «косматый сынок пойдет по лесам чертей полошить» [19. С. 67]. Более того, признак дикости распространяется в романе на всю русскую землю:

Дика стояла земля
жил на ней дикий народ
управляемый дикими властителями [19. С. 34].

Таким образом, консолидация людей в романе А. Веселого происходит, во-первых, на основании установления торгово-промышленных связей, а во-вторых – на основании общего для всех качества – дикости.

Образ Ермака в романе А. Веселого проясняется тем лучше, чем ближе в ходе развития сюжета он оказывается к позиции власти. Если в начале романа, еще не будучи атаманом, Ермак проникательно угадывает намерения Ивана Грозного склонить казаков к покорности и стремится этого избежать («Шлет Москва... *ласковые грамоты*, зовет оберегать Поле от ордынцев и за ту *службишку пороку, сукна и хлеба сулит*. А воеводы с большого ума да по государеву указу отгоняют нас от русских городишек, ровно *бешеных волков*...» [19. С. 29]), то после избрания Ермака атаманом именно он фактически единолично решает согласиться на приглашение со стороны Строгановых («Вы б приплыли к нам, единовверные казаки, и нам *служили б*» [19. С. 62]). Попав к купцам, казаки действительно начинают им служить: «Закормили, задарили Строгановы казаков. Разделившись на малые отряды, *несли казаки по острожкам сторожевую службу и показывали свою казачью правду*»⁶ [19. С. 77]. В том числе ватага Ермака участвует в жестоком подавлении восставших сибирских племен и работников солеварен.

С этим связан ключевой пункт интерпретации романа и образа Ермака в советской критике, заключаю-

щийся в том, что казаки стали орудием царя и Строгановых в насильственном подчинении аборигенов Сибири⁷. То есть социальная стратификация дополняется в романе национальной, причем спущенной сверху. С точки зрения Строгановых сибирские народы – это непросвещенные иноземцы и иноверцы (нехристи): они не владеют ремеслом, не умеют строить крепкие дома, мосты, амбары для скота⁸:

– Народишки те ремесел некоторых не знают и продолжают свою дикую жизнь выпасом скота, ловлею рыбы и зверя. Противны им обычаи и все дела наши и наша христианская вера. Соль варить и руды разрабатывать сами не хотят и не умеют, а когда мы за дело взялись, смотрят на нас с завистью [19. С. 75].

Первое, с чего начинается служба казаков Строгановым, – это усмирение бунта «черемисов» (марийцев) и «башкирцев», «задавленных непосильным ясаком. Казаки к ним сплавали – самых пущих перевешали, остальных всяко настращали и обложили двойной данью» [19. С. 77]. Второй важный эпизод – это бунт работников строгановских солеварен, среди которых были «зыряне (коми. – Я.Б.), башкирцы и татары» [19. С. 81]. В кульминационной сцене бунта Ермак однозначно показывает свою «провластную» позицию: в то время как к нему «в мольбе тянулись изъязвленные соляным раствором руки» [19. С. 80], Ермак дважды – сначала сибирцу, затем русскому – повторяет фразу «ваш уклад и правед мне дела нет» [19. С. 81–82]. Бунт заканчивается, с одной стороны, наказанием солеваров, а с другой – началом социального расслоения казачьей дружины. Васька Струна и Трофим Репка уходят от Ермака со словами «Будя кровавить руки, сиротить здешний край!» [19. С. 83]. Именно этих персонажей, упомянутых в романе лишь единожды, советская критика оценила как «положительных» героев, как «образы... ранних предшественников Разина и Пугачева» [23. С. 78].

Эквивалентная мятежу солеваров сцена в сюжете романа – это эпизод, когда уже во время похода сама ватага Ермака устраивает заговор, голодный бунт и призывает атамана вернуться на Дон. Казаки возмущены голодом, сибирским климатом («Господи, места-то какие страшные!»; «Не допечет нас Сибирь огнем, так проберет морозом» [19. С. 122–123]) и подневольным положением, в которое они попали из-за решений атаманов и Ермака («Пируют атаманы нашей кровью»; «Атаманы завели нас и продали за царевы калачи»; «Кому на царстве царевать, а кому горе горевать»; «Атаманы! Отцы вы наши родимые! Поманили вас Строгановы купцы блином масляным, вы и губы распустили» [19. С. 122–124]). В том числе среди казачьих голосов слышны покаянные реплики об истреблении сибирских народов, поскольку в походе казаки грабят поселения вогулов и остяков⁹ (манси и ханты. – Я.Б.): «Погубили мы много сибирцев где по делу, а где и не по делу»; «Будя кровавить руки, сиротить здешний край!» [19. С. 123]. Мятеж снова заканчивается казнью бунтовщиков. Причем позиция Ермака оказывается похожа на позицию абсолютного монарха: казаки, с

точки зрения атамана, передали ему свою волю и теперь только он – Ермак наравне с богом – знает, как вольнице надлежит поступать:

И снова Ярмек заговорил с твердостью:

– Ватага крепка атаманом. Чтоб и впредь не было меж нас смуты и шатости, велю вам, не мешкая ни часу, самых языкастых расказнить принародно, дабы, глядя на то, и иным не было повадно в походе размир чинить да заваривать замятню [19. С. 126].

Итак, интерпретация образа Ермака и оценка его похода в Сибирь в романе А. Веселого органично встраивалась в идеологическую повестку 1920-х гг. Следуя официальному нарративу этого периода, в социальной системе, разделенной на эксплуататоров и эксплуатируемых, Ермак как вершитель колониальной царской политики занял место на стороне угнетателей трудового народа и сибирских автохтонов. Ключевым структурным принципом романа «Гуляй, Волга» стала социальная дифференциация людей. В такой системе сентименталистскому началу с его стремлением к снятию социальных барьеров и уравниванию людей, не находится места¹⁰. Зато характерны сопоставления коллективного образа казаков и самого Ермака с разнужданной природной стихией («жеребец» и т.п.), двояко отсылающие к актуальной в первые послереволюционные годы проблеме неразвитости классового самосознания, а также к старинной рационально-просветительской антитезе *варварство – цивилизация*.

Несмотря на первоначальное преимущественно положительное признание, публикация такого произведения в 1932 г. даже у лояльных критиков уже вызвала упреки в «идеологических шероховатостях». Главным образом неодобрительную оценку роман получил за «политические ошибки», вызванные именно несвоевременностью публикации, что свидетельствовало о непопадании А. Веселого в формировавшийся в 1932–1934 гг. соцреалистический канон.

* * *

Эти «недостатки» в изображении сибирского похода были преодолены в романе Е. Фёдорова «Ермак», который, несмотря на упреки критиков в исторической недостоверности, соответствовал актуализированному с 1930-х гг. изводу советской идеологии.

В опорных пунктах роман Фёдорова соответствовал утвержденному соцреалистическому канону и господствующей во второй половине 1930-х гг. мифологии, описанным К. Кларк [12]. Так, в романе присутствует ядерный элемент литературы соцреализма – «положительный герой», сам Ермак. Созданный Фёдоровым образ Ермака опирается на два характерных для соцреализма прототипа – с одной стороны, на фольклорного богатыря, народного героя из русских былин¹¹, с другой стороны, на воина из воинской повести агиографического типа¹². Однако наиболее важная черта в образе фёдоровского Ермака, которая встраивает его в соцреалистический канон и отличает от романа А. Веселого, заключается в его роли вождя казачьей вольницы. В первую очередь Ермак выступает по отношению к «лыцарству» в качестве руководителя,

учителя и наставника, который ведет эту казачью массу по пути от стихийности к сознательности. В сюжете постепенно разгульные воровские казаки превращаются в единый народ, движимый общим делом «заботы о славе отчизны» [24. Т. 2. С. 251]. Более того, в соответствии с актуализированным в 1930-х гг. мифом о «большой семье», казаки в романе Фёдорова представлены уже не как бессознательная звериная, «дикая сила», но как основанное на родственных, эмоциональных связях «казацкое братство» под предводительством «батьки» – атамана Ермака. Тем самым внутри соцреализма начинают мерцать следы карамзинского сентиментализма.

При этом важно, что власть Ермака над казаками легитимируется по принципу национального государства. Согласно В.М. Живову, в таком типе государства «легитимность правительства... обеспечивается... тем, что оно следует по пути, обозначенному национальным характером» [6. С. 115], осуществляет волю нации, а не волю «просвещенного монарха, стремящегося к общему благу» [6. С. 114]. Центральный эпизод в легитимации Ермака – это смещение им предыдущего атамана – Андрея Бзыги. Уже при первой встрече с Бзыгой Ермак замечает его «толщину и лихоимство» [24. Т. 1. С. 18], недопустимые для казацкого атамана. Нелегитимность Бзыги раскрывается, например, когда он отказывает казакам в возможности защитить русскую землю от турок. Такое поведение Бзыги идет вразрез с волей казачества, причем эту волю казаки выражают в категориях узнаваемого сентименталистского дискурса: их сердца пылают огнем¹³. Тогда именно Ермак из всего казачьего братства первый замечает «неправильность» атаманства Бзыги:

– Чего терпеть, ежли *сердце огнем пылает! Земля поругана, казачество ждет!* На реке Дону более двух тысяч полонян на каторгах гребцами, нас ждут не дождутся. Подай руку, вместе подымутся и будут орду бить!

– Нельзя! Слушать меня, атамана, казаки! – закричал Бзыга.

Ермак и Кольцо ушли с майдана мрачными.

«*Не тот атаман!* – думал Ермак. – Кому служить, не разберешься!» – и не утерпел, ударил себя в грудь:

– Мы же *русские!*

– *Русские!* – твердо ответил Кольцо. – Каждой своей *кровиночкой!*.. [24. Т. 1. С. 56].

Окончательно же нелегитимность Бзыги обнаруживается, когда он бросает казацкое братство на голод, не раскрывая для них свои полные амбары. Бзыга отчуждается от казачьего братства, оказывается для него плохим «батькой». Тогда именно Ермак созывает казаков на круг, где – что характерно для вождя – произносит страстную, вдохновляющую речь против Бзыги, «каждое слово которой *жгло сердца*» [24. Т. 1. С. 118], после чего его самого выбирают атаманом.

С этого момента Ермак начинает вести казаков за собой, и именно его «думы», решения, чутье, «сильная рука и крепкая воля» [24. Т. 2. С. 248] на каждом поворотном этапе сюжета направляют путь казаков. При чем – что характерно для национального принципа власти – народ сам «поручает» Ермаку вести его за собой, поскольку воля их совпадает:

Шли за ним потому, что видели: *крепко верит он в свое дело и знает, куда ведет казаков и камских солеваров, потому и зажигал он всех своей верой. Откуда же эта его вера и эта его сила? Народ родил их.* <...> Народ поручил Ермаку и его дружине защиту своей жизни и своей чести. Не будь такого, – не было бы в казацком войске силы, *были бы казаки тогда разбойничьей ватагой, а не воинством за правду* [24. Т. 1. С. 486].

Под предводительством Ермака казаки по дороге в Сибирь проходят путь духовного воспитания из беглых людишек и перекати-поле в интегрированный «кусочек Руси» [24. Т. 1. С. 493], «государственных мужей» [24. Т. 2. С. 48] и «железное войско» [24. Т. 2. С. 46]; от сепаратизма и стремления основать в Сибири «казацкое царство» они приходят к идее единства русской земли и русских людей. Если в начале атаманства перед Ермаком стоит выбор «так же ли, как и теперь, грабить караваны, монастыри да нарушать государев закон, или податься... со всем народом – на вольные земли, на вольную жизнь» [24. Т. 1. С. 191], то очень быстро он понимает, что «*корень всему Москва... Русские мы люди*, и как нам жить без Руси. *Кровь сказывается*. И каждому из нас хочется – жила бы, крепла Русь!» [24. Т. 1. С. 229]. Поэтому не призыв Строгановых, а именно идея «послужить Руси» толкает Ермака вести казаков «в земли немеренные, в края соболиные, на вольную волюшку» [24. Т. 1. С. 237]. К этой цели Ермак ведет казаков последовательно.

Так, прибыв к Строгановым, герой отказывает дать купцам клятву «отстаивать их от буйства сибирцев и холопов...» [24. Т. 1. С. 350], отвечая на это, что казаки «не наемники, а дружинники русские» [24. Т. 1. С. 351]. Ермак стирает различия между социальными стратами холопов, ремесленников, смердов, работников солеварен и казаков и объединяет их в общую категорию «русских простолодинов». Поэтому при известии о бунте на солеварнях Ермак отказывается «обгагрять *братской* кровью свои руки» [24. Т. 1. С. 373] и умиряет работников не мечом (как было у А. Веселого), а словом:

– Слушайте меня, работяги! Пожгете варницы, затопите рудники, все запустеет тут – вам же хуже будет. Разойдитесь, братья! А я упрошу господина помиловать вас, смягчить вашу тяжкую жизнь. – Ермак тронул повод, и застоявшийся конь понес его среди бушующих солеваров. Они все еще кричали, жаловались, но давали казакам дорогу [24. Т. 1. С. 377–378].

Как и в романе А. Веселого, у Федорова Ермак во время похода сталкивается с заговором казаков, однако, в отличие от Веселого, у Федорова раскола между Ермаком и дружиной не происходит. Напротив, заговор только подтверждает легитимность атаманства Ермака. В бунтовщиках уже на уровне имен и характеристик подчеркивается преступность изменников: заговор устраивают Песья Морда, Яшка Тухлый и кровожадный проворовавшийся пристав Прокоп. Пойманных предателей Ермак казнит, при этом во время казни он закрывает глаза, «чтобы люди *не видели его слезы*» [24. Т. 1. С. 425].

В особенно сложные моменты похода, когда дружина просит повернуть назад, Ермак речами призывает их к единодушию:

– Слухай меня, войско! <...> Надо вершить до конца за-теянное! Не о себе пекусь, об отчизне, о каждом из вас. <...> Иванко Кольцо согласно кивал головой: «Что скажешь против слова батьки? Правда в ней!».

<...>

– И говорю я вам – волен я в ваших жизнях. *Помысли ваши и мои едины пусть будут*: идти на Кучума! Атаманы и сотники, в походе не грызутся воины! *Дружина сильна единодушием*. Тот, кто нарушил воинскую клятву, вносит смуту и шатость, того, не мешкая, всенародно казнить. Пусть знает каждый, что его ждет за измену! И еще говорю вам – утром плывем дальше, на восход. *Будет так, как сказано!* [24. Т. 1. С. 455–456].

Таким образом, на протяжении всего романа легитимность лидерства Ермака устанавливается на основе того, что его воля, чувства и помыслы, т.е. национальный характер, совпадают с волей не только казачества, но и всего русского народа.

По сравнению с романом А. Веселого у Федорова меняется и оценка отношений казаков с сибирскими народами. Именно в этом пункте наиболее явно проявляется классический сентименталистский мотив: разрушение социальных и национальных барьеров и объединение людей в сообщество на основе общего чувства – дружбы и любви. Так, первым сибирцем, которого встречает дружина Ермака, является вогулич по имени Хантазей. Казаки по пути в Сибирь берут его в плен и используют в качестве проводника. Они обращаются с пленником уважительно, называют его *другом* и кормят. Хантазей, в свою очередь, не только изначально не пытается бежать, но и показывает казакам рыбное место:

Рыбак и охнуть не успел, как очутился в объятиях могучего казака. Станичник мял его, хлопал по спине:

– Не бойся, *друг*, худо тебе не сделаем!

Вогулич и не думал бежать, он покорился своей судьбе и только жалко улыбался.

<...>

– Идем, *друг*! – повели они вогулича в табор. Тут его посадили у костра, сняли аркан и *сытно накормили кашей* [24. Т. 1. С. 408].

Хорошее обращение и обещание Ермака защитить вогулов от непомерного ясака хана Кучума вызывает верность Хантазея:

– Можешь с нами идти? – спросил атаман, глядя в упор на вогулича.

– Боюсь хана. Ой, боюсь его, – заволновался вогулич. – Хан будет отсекает мою голову... наденет на кол! Боюсь!..

– А меня боишься?

Охотник повеселел:

– *Зачем тебя бояться? Ты сильный, смелый. Не бьешь... Ходить с тобой буду...* [24. Т. 1. С. 411].

Когда Хантазей приводит казаков к вогульскому селению, жители сразу встречают русских с радостью, буквально по глазам *чувствуют* их добрые намерения:

– Русс... Русс! – повторяли вогулы, *радуясь* приходу гостей, *радушно* зазывая их в чумы.

<...>

Глаза казаков были ясными, шутки искренними, ласковыми. *Вогулы* чутьем угадывали, что пришли друзья [24. Т. 1. С. 415].

Таково отношение Ермака ко всем местным племенам и народам. Он замечает раздробленность Сибирского ханства, отмечает, что это «лоскутное царство» («государство это не единым духом и плотью спаяно. Лоскутное царство!» [24. Т. 1. С. 444]), войско Кучума – «лоскутное войско», а верность местных народов Кучуму не крепка, потому что держится на страхе и подчинении грубой силе. Например, помимо сбора непосильного и несправедливого ясака, Кучум пытался обратить местные племена в ислам; Ермак же, в отличие от Кучума, обещает осялкам «веру их не трогать, обычай народа уважить» [24. Т. 2. С. 27] и принимает их шерть – клятву, данную по осяцким обычаям.

Этнические барьеры рушатся в романе Фёдорова и благодаря любви¹⁴: казаки Ермака берут в жены женщин из сибирских племен. При этом интересно, что речь здесь не всегда идет о равенстве местной и русской культур: приход русской культуры в Сибирь подчеркнуто презентуется сибирцам как благо. Так, например, когда один из казаков выбирает себе в жены татарку и сталкивается с ее отцом, который препятствует свадьбе, потому что жених не заплатил калым, Ермак, исходя из того, что «девку клонит к *доброму сердцу*» [24. Т. 2. С. 67], велит исполнять свадебный обряд по обычаю донскому. Отцу девушки он при этом говорит не гасить счастье любви:

Медник кинулся отнимать дочь, но атаман протянул властную руку:

– Стой, погоди, малый! *Нельзя гасить счастье. Любовь добрая и честная досталась твоей дочке, а такое счастье непродажное*. Пусть живут! То первая пара ладит гнездо, от этого земля им станет дороже, милей. Так ли, братья?

– Истинно так, батько! – хором ответили казаки.

– *Не бесчестие и не насилие сотворил наш воин, а великую честь оказали мы тебе*, милый. И ты держись за нас. Худо будет тебе, – приходи к нам [24. Т. 2. С. 68].

В конце концов, стремление к объединению становится для Ермака общенациональной задачей, которая заключается в том, чтобы «отогреть» сибирскую землю, чтобы она стала русской, «трудом да хлебопашеством... закрепить за Русью Сибирь» [24. Т. 2. С. 46]. Оружием в этом деле для казаков становится

«правда» («Одним ножом да копьем иль рогатиной не всегда возьмешь, друг. Есть оружие и посильнее... Наше оружие – правда!» [24. Т. 1. С. 507]), носителем которой выступает, в первую очередь, сам Ермак, и которая заключается в том, что «сила в простом человеке – в пахаре и в ремесленнике» [24. Т. 2. С. 22]. Поэтому Ермак приходит в Сибирь не в качестве разбойника или завоевателя, не с мечом, а с сохой и телегой – в роли мужика-крестьянина, кровно связанного с землей. Миссия казаков заключается в обучении местных народов хлебопашеству и «поднятию земли». Таким образом, нациеобразующим свойством русского человека оказывается крестьянский труд:

– Надо свой хлеб растить! – веско проговорил Ермак. – *Сеять надо*, а для пашни соха надобна. Чем поднимать землю будешь? Лемех добро скованный тут первое дело!

Кузнецы переглянулись, и старый сказал:

<...>

– На хана наш работал: копыя, стрела, сабля. Вот наш работа! А ел совсем мало, – Кучум брал все и ругал.

– Рубили вы на хана, а *ныне будете рубить на себя*. И самое первое, мотай на ус, кузнец, *научим тебя ладить лемехи для сохи, подковки, топоры. Будет селянину благостен мирный труд. Пашню поднимем, зерно сеять научим, лес рубить и корчевать будем. Соха и телега придут в этот край*.

– Хороши твои речи, – согласился кузнец. – Только железно надо!

– *Обыщем землю, горы и добудем железо*, – пообещал Ермак» [24. Т. 2. С. 21].

Подводя итог, вернемся к выдвинутому в начале статьи тезису о том, что одним из индикаторов произошедшей в середине 1930-х гг. трансформации советского нарратива является фигура покорителя Сибири Ермака. На примере энциклопедических статей и двух исторических романов мы показали два полюса оценки этой исторической фигуры. На первом этапе формирования раннесоветского нарратива о Ермаке казачий атаман оказывался в позиции эксплуататора, выступал как агент власти по отношению и к казацкой вольнице, и ко всем угнетаемым социальным слоям, включая сибирские народы. Во втором случае, когда после «великого отступления» [26] возникла необходимость «пересборки» образа Ермака и всей темы русского освоения Востока, на передний план в описании фигуры казачьего атамана выдвигается консолидирующее начало: Ермак выступает в роли вождя, собирателя земель и строителя народной державы, а в дискурсе соцреализма проявляется типологический след сентименталистской поэтики.

Примечания

¹ См., например: [1; 2. С. 272–289; 3–5].

² В сентиментализме конфликт разрешался в ходе преодоления героями сословных границ, что отсылало к утопиям об идеально равноправном обществе. Неудивительно, что исследователями неоднократно отмечались случаи обращения авторов к традициям сентиментализма на тех витках литературной эволюции, которые характеризовались усиленным вниманием к социальной утопии. Так, Э.М. Жиликова пишет о «сентиментальном натурализме» Ф.М. Достоевского 1840-х гг., связанном с «развитием идей утопического социализма» [8. С. 5]. О «социалистическом сентиментализме» упоминает М.Н. Эпштейн, указывая на ряд литературных направлений второй половины 1950–1980-х гг. (эстрадная поэзия, исповедальная проза, городская проза, городской романс) [9. С. 204]. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий говорят о «натуралистическом сентиментализме» поэтики В.П. Астафьева, отстаивавшего свой, отличный от социалистической вариант «деревенской» утопии, а также о явлении неосентиментализма в русском литературном постмодернизме [10. С. 97–134, 560–582].

³ Исторический роман является доминантой советской художественной литературы о Ермаке по количеству публикаций и переизданий. Изменение роли исторического романа в системе жанров советской литературы от первых послереволюционных лет к 1930-м гг. само по себе

свидетельствовало о культурно-идеологических трансформациях. Внимание советской литературы к этому типу нарратива в 1930-е гг. было напрямую связано с очередным витком нацистроительства, в котором этот жанр должен был частично взять на себя роль лаборатории национального мифа со своим набором консолидирующих исторических событий и пантеоном героев. Подробнее об этом см., в работе М.А. Литовской [13].

⁴ То же прослеживается в образцовом историческом сочинении 1920-х гг. – книге М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (1920). Ермак там упоминается только в «синхронистической таблице», а сибирский поход описывается как «нелегальная... “вольная” колонизация под непосредственным руководством торгового капитала (Строгановы)» [15. С. 205]. Аналогичная трактовка образа Ермака представлена также в первом томе Сибирской советской энциклопедии (1929–1932), причем хорошо заметно, что помещенная без указания имени автора статья совпадает с БСЭ как по общей канве, так и лексически: «ЕРМАК... – яркий *представитель начального этапа колониальной политики царской России*. Первоначально был известен своими *грабежами* на Волге и Дону купеческих караванов и “государевой казны”; вскоре *вынужден был бежать* в Пермский край, где нашел приют в вотчинах крупных промышленников Строгановых. *По поручению Строгановых... совершил... экспедицию... в земли сибирских татар, вогулов и остяков. Отряд продвинулся в глубь Сибири, разгромил “Сибирское царство” татар и занял их столицу Искер.* Однако положение немногочисленного отряда завоевателей среди враждебного населения было так тяжело, что заставило Е. обратиться за помощью в Москву “*бить челом*” царю Ивану IV “*Сибирской землицей*”. <...> Походы Е. являются лишь одним из эпизодов завоевательно-колониального движения русских на В., связанного с жестокой эксплуатацией и разорением туземцев» [16].

⁵ Царь использует купцов для «заселения» восточных земель: «Сдавна цари московские обращали взоры свои на Заволжье и Урал... К заселению край был весьма способен и всем изобилен. Москва, закрепив за собой Волгу, занялась войною с прибалтийскими странами. К восточным же соседям Иван Грозный проявлял большую осторожность и до поры до времени не решался вступать с ними в открытую борьбу, но зато всячески поощрял к захватам купцов и промышленников, чтоб в случае неудачи самому остаться в стороне» [19. С. 53].

⁶ Показательно, что в романе А. Веселого из истории Ермака изъят мотив «раскаившегося разбойника», а посольство Ивана Кольцо к Ивану Грозному, чтобы «бить царством сибирским», мотивировано исключительно прагматическими причинами: нехваткой людей в противостоянии казаков Кучуму.

⁷ См., например, у М. Чарного: «Одной из больших заслуг Артема Веселого является то, что он первый в нашей литературе показал... сколько раздавленных жизнью, целых народов скрывается под парадным термином историков – “расширение рубежей отечества” <...> За 330 с лишним лет владычества над Сибирью российское самодержавие превратило этот богатейший край во всероссийскую каторгу. Сибирские народы вымирали один за другим и постепенно исчезали с этнографической карты мира» [20. С. 122–123]; у Д. Манзина: «Победой над Кучумом была решена судьба племен Сибири, судьба обреченных на разграбление, на чудовищную эксплуатацию, на вымирание <...> “цивилизация” русских колонизаторов... означала рабство» [21. С. 193]; у В. Гоффеншера: «Завоевание новых земель для включения в крепостническую систему закрепощения и порабощения сибирских народов, завоевание новых колоний для торгового капитала – вот та социальная функция, которая выполнялась ярмаковой вольницей» [22. С. 44].

⁸ Несмотря на нейтральный стиль изложения, повествователь в романе А. Веселого очевидно сочувствует эксплуатируемым частям общества и занимает противоположную Строгановым и Ермаку позицию. Так, «непросвещенность» сибирских народов повествователь трактует в духе незапятнанности влиянием цивилизации «благородного дикарства» – исключительно как неумение сибирцев вести торговлю с хитрыми купцами с русской стороны («Охотники и кочевники славилась *простодушием* и жили в *первобытном непорочии*» [19. С. 82]). Как раз вторжение «цивилизаторов» подводит сибирские народы к упадку, потере идентичности («кухидили вогулы, чтобы *разучиться* пахать землю, *забыть* рудное и кузнечное дело, чтобы *замутить свой язык* чужими наречиями» [19. С. 159]) и утрате «богатства» («Угасла и храбрость сибирских народов, лишь в сказках да былинах до наших дней мерцают отсветы былой славы, – так на протяжении многих веков песнь собирала под свое крыло *богатырей*» [19. С. 159]).

⁹ Аналогичное отношение к вогулам и остякам характерно и для сибирского хана Кучума, который в битве за Искер использует сибирцев как живой щит.

¹⁰ Важно отметить, что в романе А. Веселого отсутствуют мотивы любви и женитьбы. Так, присутствие молодой жены Кучума Сузге редуцировано до двух кратких упоминаний.

¹¹ Почти все, с кем встречается Ермак в романе – от казаков, стариков, женщин, вогулов до своих противников-«супостатов», – все признают богатирскую строгость и силу Ермака («Она пошла рядом со стрелем, заглядывая в лицо Ермака. Он крепко сидел в седле, широкоплечий, строгий *богатырь*. Чувствовалась в нем покоряющая сила, и Василиса – счастливая и гордая – не могла отвести от него своих глаз» [24. Т. 1. С. 150]; «Пришел на Иртыш *богатырь* и привел сильных русских. Они побили хана и мурз и сказали мне – ты человек!» [24. Т. 2. С. 88] и т.д.). Иван Кольцо слышит в Москве, что скоморохи в песнях о Ермаке делают его братом Ильи Муромца. Все казаки, пришедшие в Сибирь, отождествляются в романе с богатырями по функции охранителей от «татарского злого всадника»: «Богатырские заставы Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Колывана Ивановича преграждали путь на Русь татарскому злему всаднику. А теперь казаки шли в самое логово, откуда выходили на восточные рубежи зловерные хищники» [24. Т. 1. С. 437]. На поле боя Ермак выделяется своими нечеловеческими, сказочными силами, мощью и неуязвимостью: «Его щадили вражьи стрелы, а вернее всего – изменяли лучникам их трусливые руки при виде тяжелого, крахотистого воина с ослепительным мечом в руке» [24. Т. 2. С. 200].

¹² Подобно воину в древнерусской воинской повести, Ермак называет себя «гневом божьим» [24. Т. 1. С. 213]. В походе он соблюдает строгий пост и не допускает присутствия женщин в казачьей дружине («– Тут народ крепкий, отчаянный. *Попади сюда женка, перережутся. Мы – воины, у нас – *лицарство**. Никого не ведем: захотел миловаться с хозяйской, уходи от нас!..» [24. Т. 1. С. 342]). Особенно важно здесь отметить «след» Карамзина: в романе Федорова вслед за «Историей государства Российского» казаки перед отбытием от Строгановых в Сибирь исполняют христианский церемониал подготовки к битве (отстаивают молебен, молятся Николе Угоднику, принимают от Строгановых хоругви), а после смерти тело Ермака, как тело святого, не тлеет, а на могиле происходят посмертные чудеса: «Шесть недель пировали в поле татары и *издевались над телом Ермака*... И все шесть недель *от тела не шел тяжелый дух, никто не заметил разложения* <...> Шейхи, муллы и праведные блюстители ислама испугались такого преклонения перед памятью Ермака простых людей, которые, якобы, даже *видели свет над его могилой*. Народная молва передавала, что по субботам над ней вспыхивает огонек, и *будто свечка теплилась в головах покойника*» [24. Т. 2. С. 246–247] (ср. у Карамзина: «злые Татары, положив оное (тело. – Я.В.) на рундук, пускали в него стрелы... сие продолжалось шесть недель... Царь Кучюм и самые отдаленные Князья Остяцкие съезжались туда наслаждаться местию... к удивлению их, плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться... многия чудеса совершались над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный» [25. С. 409]).

¹³ Ср. сентименталистскую стилистику Карамзина: «Ермак с товарищами *прослезился* от умиления, как пишут: мысль свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною и променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества, *тронула сероца* грубая, но еще не лишенная угрызений совести» [25. С. 381].

¹⁴ Здесь необходимо упомянуть обилие любовных сюжетов в произведении Е. Федорова: большая часть женщин, появляющихся в романе (как одиноких, так и замужних), испытывают вполне определенную тягу к Ермаку. Например, открывает череду любовных историй Уляша, изменившая Ермаку и *утопившаяся*; сестра Ивана Кольцо Клава из ревности к Ермаку *тотит* свою соперницу Василису – казачку и сестру Якова Михайлова; соблазнить Ермака безуспешно пытается Сузге и т.д.

Список источников

1. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики : в 2 т. М. : НЛО, 2020.
2. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.
4. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : НЛО, 2008. 512 с.
5. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М. : НЛО, 2022. 472 с.
6. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. С. 114–140.
7. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 280 с.
8. Жилиякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск : Изд-во ТГУ, 1989. 272 с.
9. Эпштейн М.Н. Циклическое развитие русской литературы // Ирония идеала. Парадоксы русской культуры. М. : НЛО, 2015. С. 202–207.
10. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. М. : Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2: 1968–1990. 688 с.
11. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высшая школа, 2003. 415 с.
12. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. 262 с.
13. Литовская М.А. Образ Сибири в советских романах эпического типа // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск : Изд-во СФУ, 2010. С. 174–193.
14. Ермак // Большая советская энциклопедия / под общ. ред. В.В. Куйбышева, М.Н. Покровского, Н.И. Бухарина и др. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1932. Т. 24. Стб. 531–532.
15. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. : Партиздат, 1933. 543 с.
16. Ермак Тимофеевич // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Т. 1: А–Ж. М. : Изд-во газеты «Правда», 1929. Стб. 899–900.
17. Ермак // Большая советская энциклопедия / главн. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. Т. 15. М. : Советская энциклопедия, 1952. С. 528–530.
18. Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Избранные статьи : в 3 т. Т. 2. Таллин : Александра, 1992. С. 416–429.
19. Веселый А. Гуляй, Волга // Избранные произведения. М. : ГИХЛ, 1958. С. 23–194.
20. Чарный М. Новый роман Артема Веселого // Книга и пролетарская революция. 1932. № 10–12. С. 120–124.
21. Мазнин Д. Маршрут ватаги Ермака // Красная Новь. 1933. № 4. С. 192–197.
22. Гоффеншефер В. Мировоззрение и мастерство. М. : ГИХЛ, 1936. 286 с.
23. Серебрянский М. Советский исторический роман. М. : ГИХЛ, 1936. 158 с.
24. Федоров Е. Ермак. Исторические повести : в 2 т. Калуга : Негоциант, 1993.
25. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб. : В типографии Н. Греча, 1821. 472, 296 с.
26. Timasheff N. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism In Russia. New York : Dutton, 1946. 470 p.

References

1. Dobrenko, E.A. (2020) *Pozdnyi stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics]. Moscow: NLO.
2. Kapeller, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia As a Multinational Empire]. Moscow: Traditsiya – Progress-Traditsiya.
3. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English by O. R Shchelokova. Moscow: ROSSPEN.
4. Slezkin, Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: NLO.
5. Hirsch, F. (2022) *Imperiya natsiy: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* [Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union]. Translated from English. Moscow: NLO.
6. Zhivov, V.M. (2008) *Chuvstvitel'nyy natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyy suverenitet i poiski natsional'noy identichnosti* [Sensitive nationalism: Karamzin, Rostopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. pp. 114–140.
7. Kochetkova, N.D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and artistic quests)]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Zhilyakova, E.M. (1989) *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849)* [Traditions of Sentimentalism in the Works of Early Dostoevsky (1844–1849)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Epstein, M.N. (2015) *Ironiya ideala. Paradoxy russkoy kul'tury* [The Irony of the Ideal. Paradoxes of Russian culture]. Moscow: NLO. pp. 202–207.
10. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature: 1950–1990s]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
11. Lebedeva, O.B. (2003) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Clark, K. (2002) *Sovetskiy roman: istoriya kak ritual* [The Soviet Novel: History as Ritual]. Yekaterinburg: Ural State University.
13. Litovskaya, M.A. (2010) *Obraz Sibiri v sovetskiy romanakh epopeynogo tipa* [The image of Siberia in Soviet epic novels]. In: Anisimov, K.V. (ed.) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 174–193.
14. Kuybyshev, V.V. et al. (eds) (1932) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 1st ed. Vol. 24. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Columns 531–532.
15. Pokrovskiy, M.N. (1933) *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian History in the Most Concise Outline]. Moscow: Partizdat.
16. Azadovskiy, M.K. et al. (eds) (1929) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo gazety "Pravda". Columns 899–900.
17. Vvedenskiy, B.A. (ed.) (1952) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 15. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 528–530.
18. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra. pp. 416–429.
19. Veselyy, A. (1958) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: GIKhL. pp. 23–194.
20. Charnyy, M. (1932) *Novyy roman Artema Veselogo* [New novel by Artem Vesely]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*. 10-12. pp. 120–124.
21. Maznin, D. (1933) *Marshrut vatagi Ermaka* [Route of Yermak's gang]. *Krasnaya Nov'.* 4. pp. 192–197.
22. Goffenshefer, V. (1936) *Mirovozzrenie i masterstvo* [Worldview and Skill]. Moscow: GIKhL.
23. Serebryanskiy, M. (1936) *Sovetskiy istoricheskiy roman* [Soviet Historical Novel]. Moscow: GIKhL.
24. Fedorov, E. (1993) *Ermak. Istoricheskie povesti* [Yermak. Historical stories]. Kaluga: Negotsiant.
25. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha.
26. Timasheff, N. (1946) *The Great Retreat: The growth and decline of communism in Russia*. New York: Dutton.

Информация об авторе:

Баженова Я.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: 54955594@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.V. Bazhenova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 54955594@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.07.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 25.12.2023.*

*The article was submitted 31.07.2023;
approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 25.12.2023.*

Научная статья
УДК 81'374, 81'282.2
doi: 10.17223/15617793/497/3

Статус диалектного слова в современной лексикографии и практика его описания (на примере лексико-тематической группы «Человек»)

Наталья Антоновна Зюзькова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, zyuzkovanatalya@gmail.com

Аннотация. Проанализированы нормативно-стилистические пометы, сопровождающие диалектные лексические единицы сибирского старожильческого говора лексико-тематической группы «Человек». Рассмотрены стилистический статус диалектных слов и практика их описания в диахроническом аспекте в толковых академических словарях современного русского языка: «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах под ред. В.И. Чернышёва, «Словаре русского языка» в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой и «Большом академическом словаре русского языка» под ред. К.С. Горбачевича, издающемся с 2004 года по настоящее время.

Ключевые слова: лексикография, диалектная лексикография, сибирский старожильческий говор, наименование человека, нормативно-стилистические пометы, толковый словарь, диалектная лексика

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Зюзькова Н.А. Статус диалектного слова в современной лексикографии и практика его описания (на примере лексико-тематической группы «Человек») // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 26–33. doi: 10.17223/15617793/497/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/3

The status of a dialect word in modern lexicography and the practice of its description (on the example of the lexico-thematic group “Person”)

Natalya A. Zyuzkova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, zyuzkovanatalya@gmail.com

Abstract. The most mobile level of language is lexical; its dynamism is manifested in the ambiguity of borders between units of different language layers. One of the tasks lexicography faces is to study the interaction of varieties of the national language. The relevance of the work is determined by the dynamic character of the lexical level of modern dialects, the need to describe the role of dialect vocabulary in the formation of the Russian-language communicative space. The relevance is also proved by the studies of recent years, whose attention is focused on the lexicon of the thematic group “Person”. The aim of the article is to review the present practices of describing dialect words of the lexico-thematic group “Person” in academic dictionaries, to determine their stylistic and functional statuses. The object of the analysis is dialectal words included in dictionary entries. The focus is on the status of a dialect word in the dictionaries under consideration (i.e. the system of normative and stylistic labels). The novelty is in addressing the problem of the heterogeneity of dialectal words’ lexicographic representation in academic explanatory dictionaries, as well as in comparing labels. The sources of material are dialect and explanatory academic dictionaries of the modern Russian language (five dictionaries in general). The analyzed units are 173 dialect lexemes belonging to the lexico-thematic group “Person”, selected from the Verzhininsky Dictionary, as well as dictionary entries in this dictionary and other dictionaries of academic type, dialect dictionaries. The work used the lexicographic method, methods of definitional and contextual analysis, methods of lexicographic parameterization of units, partial sampling, and normative and stylistic characteristics. The principles that guided the authors of academic dictionaries in including or not including dialectal words in the dictionary are described. Normative and stylistic labels presented in the dictionaries were compared. The search for lexemes in three academic explanatory dictionaries and one dialectal dictionary was made. The authors of academic dictionaries are guided by the general principles of compilation of lexicons, including dialectal words, which are either widely spread, being the material of the national language, or regional words, widely used in dialects and folklore and from there entering the literature. Lexicographic principles of normative and stylistic labels supporting dialectal vocabulary are not uniform and have not been fully formed. There is a problem in representing the stylistic and functional statuses of dialect words in academic explanatory dictionaries. Dialect words need an additional study in terms of their reflection in modern dictionaries not only of the literary language, but also of colloquial speech, because of the possible change of their status.

Keywords: lexicography, dialect lexicography, Siberian old-resident speech, human denominations, normative and stylistic labels, explanatory dictionary, dialect words

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Zyuzkova, N.A. (2023) The status of a dialect word in modern lexicography and the practice of its description (on the example of the lexico-thematic group "Person"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 26–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/3

Постановка проблемы

Общеизвестным фактом является представление о языке как о динамичной и постоянно изменяющейся системе. Наиболее подвижный уровень этой системы – лексический, динамичность которого проявляется в том числе и в зыбкости границ между единицами различных языковых пластов: просторечных, диалектных, разговорных, жаргонных. По замечанию Т.А. Демешкиной, современное коммуникативное пространство создается множеством дискурсов, вступающих во взаимодействие друг с другом; основой же для этого взаимодействия выступает лексика [1. С. 185]. Так, в исследованиях последних лет отмечается существующая лексикографическая проблема, заключающаяся «в необходимости определения современного системного статуса некоторых лексем, ранее маркированных как диалектные» [2. С. 40], но в авторитетных академических словарях сопровождающихся пометами *разг.*, *прост.*, *жарг.*

Таким образом, одной из актуальных задач, стоящих перед современной лексикографией, является необходимость исследования взаимодействия разнообразия русского национального языка. Названному вопросу посвящен ряд работ, часть из которых рассматривают проблему лексикографического описания лексики современного русского языка с точки зрения ее нормативно-стилистических характеристик. В монографии В.М. Круглова, В.В. Истратий, Д.Р. Гамировой, Е.Д. Каплан (2015) проводится анализ трех типов нормативно-стилистических помет на материале семи толковых словарей русского языка [3]; в работах К.С. Кочергиной (2017, 2020) осуществляется сопоставительный анализ стилистических помет в толковых словарях современного русского языка [4, 5]; Е.В. Пурицкой и Д.И. Панковым (2018) рассматриваются проблемы нормативно-стилистического маркирования лексики с применением словарной базы данных [6]; в статьях А.Р. Пестовой затрагивается ряд вопросов, касающихся критериев стилистической квалификации слов в толковых словарях (2019, 2020, 2021) [7–9].

Проблеме отражения толковыми словарями русского языка диалектной лексики посвящены исследования Л.Г. Самотик (2010) [10], рассматривающей практику включения диалектизмов в словари литературного языка на основе «Словаря русского языка» в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой (далее – МАС-2) [11] и О.Н. Емельяновой (2012) [12], анализирующей причины включения диалектных слов в словари литературного языка, принципы их отбора и способы описания на материалах «Толкового словаря русского

языка» под ред. Д.Н. Ушакова, БАС-1, БАС-2, «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а также МАС-2.

Актуальность исследования определяется динамическим характером лексического уровня современных говоров, который нуждается в специальном изучении, а также необходимостью описания роли диалектной лексики в формировании русскоязычного коммуникативного пространства.

Кроме того, об актуальности данной темы свидетельствуют и многочисленные диалектологические исследования последних лет, внимание которых сосредоточено на лексике тематической группы «Человек»: среди них работы Е.А. Нивиной – на материале говоров Тамбовской области [13], И.С. Урманчеевой – говоры Вологодской области [14], С.Л. Гурской – ярославские говоры [15], Т.А. Литвиновой – воронежские говоры [16], Н.И. Шкабара – донские говоры [17], Ю.С. Шулякиной – говоры Ивановской области [18], И.М. Филатовой – донские казацкие говоры [19], Н.Ю. Грибовской – тверские говоры [20] и др.

Вместе с тем комплексного описания представления в академических словарях диалектной лексики, именуемой в сибирских старожильческих говорах Среднего Приобья человека, его действия, особенности характера, внешность и поведение, еще не проводилось. Обращение к лексико-тематической группе «Человек» обусловлено антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, основывающейся на принципах изучения языка в неотрывной связи с его носителем.

Целью настоящей статьи является рассмотрение существующих практик описания диалектных слов лексико-тематической группы «Человек» в академических словарях и определение их стилового и функционального статуса.

Объектом анализа являются диалектные единицы, включенные в словарные статьи.

Предметом рассмотрения в статье является статус диалектного слова в указанных словарях; под «статусом» понимается система нормативно-стилистических помет, сопровождающих лексические единицы в словарных статьях.

Новизна работы обусловлена обращением к проблеме неоднородности лексикографического представления диалектных единиц лексико-тематической группы «Человек» (на материале сибирского старожильческого говора) в академических толковых словарях, а также осуществлением сравнительного анализа помет, сопровождающих диалектные слова в этих словарях.

Источниками материала послужили следующие словари: «Вершининский словарь» в 7 томах [21], «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (далее – БАС-1) [22], «Большой академический словарь русского языка» в 27 изданных томах (далее – БАС-3) [23], МАС-2 в 4 томах [11], «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [24].

Единицей анализа выступили 173 собственно диалектные лексемы, входящие в лексико-тематическую группу «Человек» и отобранные из «Вершининского словаря» [21] с помощью приема частичной выборки, а также словарные статьи в «Вершининском словаре», БАС-1, МАС-2, БАС-3 и «Толковом словаре живого великорусского языка», в которых представлены эти лексемы.

В работе применялся лексикографический метод исследования, реализуемый с помощью приемов лексикографической параметризации единиц, а также методы дефиниционного и контекстологического анализа. При сборе материала использовался прием частичной выборки, при его анализе – прием нормативно-стилевых характеристик.

На первом этапе при помощи приема частичной выборки из «Вершининского словаря» отобраны 173 собственно диалектные лексические единицы (за исключением фразеологизмов) различной частеречной принадлежности, относящиеся к лексико-тематической группе «Человек»: это слова, характеризующие человека по социальному статусу (*сураз – ребёнок, рождённый внебрачно; женишок – ласк. к жениху*), характеру (*абыз – сердитый человек; нелюбимка – необщительная, негостеприимная женщина*), когнитивным способностям (*домышлёный – смышлённый; раздурак – экспр. к дурак*), внешнему виду (*загузистый – толстый, толстозадый; лохматуций – очень лохматый*), называющие особенности его поведения (*похабливый – склонный к сквернословью; заполошный – взбалмошный, чрезмерно суеверный, делающий всё на ходу, излишне торопливо*), совершаемые им действия (*сгальничать – издеваться, насмехаться; зарёвывать – долго и сильно плакать*) и др.

На втором этапе было осуществлено описание принципов, которыми руководствовались авторы БАС-1, МАС-2 и БАС-3 при включении или не включении диалектных единиц в состав словаря. Были выбраны именно эти академические словари как наиболее репрезентативные и полные толковые словари, носящие нормативный характер. Вместе с тем, несмотря на нормативный характер этих словарей, в них включается диалектная лексика на разных основаниях. Это обусловлено, в первую очередь, совмещением принципов нормативности и историзма в рамках одного издания: в некоторых словарях авторы одновременно стремятся и учесть литературную норму, и представить современный русский язык в исторической перспективе (что, как отмечают исследователи, является собой теоретическое противоречие [25. С. 11]). Примером таких изданий, в частности, являются БАС-1 и БАС-3.

Так, в БАС-1 во введении указывается следующее: «...границы между книжной разновидностью литературного языка и стилями живой разговорной речи не

всегда могут быть точно установлены, и литературный язык не может быть оторван от живого просторечия» [22. Т. 1. С. 5]. На этом основании в БАС-1 с соответствующими пометами вводится широкоупотребительная просторечная лексика.

Кроме того, отмечается, что в БАС-1 отражаются «те областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров». В первую очередь это те слова, которые являются широко распространенными в разных говорах или в фольклоре, а отсюда проникают и в художественную литературу, а также «слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения» [22. Т. 1. С. 5].

Вместе с тем областные слова ограниченного местного употребления и слова, отражающие мелочи домашнего крестьянского быта, в БАС-1 не включаются, даже если их можно встретить в отдельных литературных произведениях [22. Т. 1. С. 5–6].

Что касается МАС-2, в соответствии с задачами словаря в него не включены «областные слова, за исключением тех, которые достаточно широко представлены в художественных произведениях различных авторов или обозначают предметы, явления, понятия, особенно важные и характерные для жизни, быта и т.д. населения той или иной области и широко известные за ее пределами» [11. Т. 1. С. 7].

В предисловии к следующему рассматриваемому словарю, БАС-3, указывается, что в него вошли «отдельные слова ограниченного употребления: узкоспециальные, диалектные, жаргонные, достаточно широко используемые в разговорной речи, а также в художественной и научно-популярной литературе» [23. Т. 1. С. 3]. Авторы указывают и на повышенную нормативность издания: в частности, в БАС-3 «усилены стилистическая стратификация и оценка языковых фактов» [23. Т. 1. С. 5].

В сведениях о составе словаря БАС-3 отмечено, что в него, помимо общеупотребительной лексики, также включаются «областные слова, широко распространенные в разных говорах и фольклоре и отсюда проникающие в художественную литературу, иногда теряя свой диалектный характер и обнаруживая тенденцию к переходу в литературный язык» [23. Т. 1. С. 8]. Однако в примечании также отмечается, что в состав словаря не входят «диалектные слова, свойственные отдельным местным диалектам, если они не представлены в литературных источниках или использованы писателями в своих произведениях только в нарочито стилизованной под особенности местных говоров речи» [23. Т. 1. С. 10].

Как показал краткий обзор, установки, выраженные во всех трех словарях академического типа, оказываются близки и содержат общие принципы включения или не включения диалектных элементов в состав словаря. Среди общих критериев, встречающихся во всех трех рассматриваемых словарях, отметим широкое распространение диалектного слова в разговорной речи и его представленность в художественных произведениях. БАС-3, являясь прямым преемником БАС-1, закономерно продолжает принятые в нем традиции,

что отражается и в выборе лексических единиц, входящих в состав словника.

На третьем этапе был выполнен сравнительный анализ нормативно-стилистических помет, представленных в словарях БАС-1, МАС-2, БАС-3. Анализ был осуществлен с опорой на классификацию, предложенную в монографии В.М. Круглова, В.В. Истратий, Д.Р. Гамировой и Е.Д. Каплан [3], в которой определяются следующие разновидности помет:

А. Собственно нормативно-стилистические.

Б. Экспрессивные (включая семантико-словообразовательные).

В. Специальные. [3. С. 8].

В первом рассматриваемом словаре, **БАС-1**, «чтобы избежать искажения исторической перспективы употребления слов, решено сохранить лишь минимальное количество стилистических помет и пользоваться этими пометами с известной скупостью» (цит. по: [3. С. 123]). Необходимо уточнить, что тома БАС-1 с I по III и с IV по XVII включают разный набор помет; так, в частности, в томах I–III система специальных помет проработана более подробно.

А. Собственно нормативно-стилистические пометы в томах **БАС-1 с I по III** представлены следующими типами:

1) пометами, указывающими на стили письменной речи: *канц.*, *книжн.*, *поэт.*, *церк.*;

2) пометами, указывающими на стили устной речи: *в простор.*, *вульг.*, *разг.-гор.*;

3) пометами, указывающими на территориальную ограниченность слова: *обл. (Вост., Зап., Сев., Сибир., Южн.)*;

4) пометами, указывающими на хронологическую ограниченность слова: *доревоп.*, *истор.*, *нов.*, *стар.*, *устар.*;

5) узуальными пометами: *малоупотр.*, *неупотр.*

В томах **БАС-1 с IV по XVII** принято следующее деление.

А. Собственно нормативно-стилистические пометы:

1) пометы, указывающие на стили письменной речи: *народно-поэт.*, *спец.*, *устар. поэт.*;

2) пометы, указывающие на стили устной речи: *грубо простореч.*, *простореч.*, *разг.*;

3) пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова: *обл.*;

4) пометы, указывающие на хронологическую ограниченность слова: *устар.*, *устар.-быт.*;

5) узуальные пометы: отсутствуют.

Экспрессивные пометы во всех томах БАС-1 совпадают:

Б. Экспрессивные (включая семантико-словообразовательные) пометы: *бранн.*, *ирон.*, *шутл.*; *ласк.*, *увелич.*, *уменьш.*, *уничиж.*

Детальная классификация специальных помет, сопровождающая словарные статьи в БАС-1, представлена только в томах с I по III; начиная с IV тома, весь набор предлагаемых в прошлых томах помет заменяется единой пометой *спец.*

В. Специальные пометы в **БАС-1 с I по III**:

1. Научная терминология:

1) точные науки: *алг.*, *арифм.*, *геом.*, *лог.*, *матем.*, *метрол.*, *статист.*, *тригон.*;

2) естественные науки: *анат.*, *астрон.*, *бактер.*, *биол.*, *биохим.*, *бот.*, *генет.*, *геогр.*, *геодез.*, *геол.*, *гидрол.*, *зоол.*, *метеор.*, *мех.*, *микробиол.*, *минер.*, *опт.*, *палеонт.*, *петрогр.*, *почв.*, *психол.*, *физ.*, *физиол.*, *хим.*;

3) гуманитарные науки: *диал.*, *грамм.*, *искусств.*, *лингв.*, *языкозн.*, *языковед.*, *литерат.*, *синт.*, *филос.*, *фонет.*, *хронол.*;

4) общественные науки: *антроп.*, *археол.*, *экон.*, *этногр.*, *этнол.*, *юр.*

2. Терминология прикладных дисциплин: *агрон.*, *архит.*, *ветер.*, *животнов.*, *инж.*, *лесов.*, *медиц.*, *педаг.*, *пчелов.*, *садов.*, *сел.-хоз.*, *товаров.*, *фарм.*, *хирург.*

3. Техническая терминология: *авиаци.*, *горн.*, *жел.-дор.*, *металл.*, *радио*, *телегр.*, *техн.*, *фабр.*, *хим.-техн.*, *электр.*

4. Терминология профессий, ремесел, промыслов: *бухг.*, *воен.*, *дипл.*, *комм.*, *морск.*, *охотн.*, *полиграф.*, *рыбол.*, *типогр.*, *торг.*, *торг.-фин.*, *финанс.*

5. Лексика, связанная с различными областями общественной жизни: *полит.*, *церк.*

6. Терминология различных видов искусств: *кино*, *литер.*, *мифол.*, *муз.*, *спорт.*, *театр.*, *фолькл.*, *фотогр.*, *худож.*, *шахм.*

Пользуясь предложенной В.М. Кругловым, В.В. Истратий, Д.Р. Гамировой и Е.Д. Каплан классификацией [3], представим пометы, использующиеся в остальных рассматриваемых словарях.

В основании классификации системы помет, используемых в **МАС-2**, «лежит не различие между устной и письменной речью, а положение слов по отношению к границам нормированного литературного языка» [3. С. 197]. Отметим, что система помет, представляющих эмоциональные оттенки значения, в **МАС-2** проработана более детально, нежели в словарях БАС-1 и БАС-3 (в частности, в **МАС-2** впервые вводится помета *почтит.*). Итак, в **МАС-2** представлены следующие типы помет.

А. Собственно нормативно-стилистические пометы:

1) пометы, указывающие на стили письменной речи: *высок.*, *офиц.*, *офиц.-дел.*, *книжн.*, *народно-поэт.*, *спец.*, *трад.-поэт.*;

2) пометы, указывающие на стили устной речи: *груб.-прост.*, *разг.*;

3) пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова: *обл.*;

4) пометы, указывающие на хронологическую ограниченность слова: *устар.*;

5) пзуальные пометы: отсутствуют.

Б. Экспрессивные (включая семантико-словообразовательные) пометы: *бран.*, *ирон.*, *неодобр.*, *почтит.*, *презр.*, *пренебр.*, *шутл.*; *ласк.*, *увелич.*, *уменьш.*, *уничиж.*

В. Специальные пометы:

1. Научная терминология:

1) точные науки: *лог.*, *мат.*;

2) естественные науки: *анат.*, *астр.*, *бакт.*, *биол.*, *биохим.*, *бот.*, *геогр.*, *геод.*, *геол.*, *геофиз.*, *гидрол.*, *зоол.*, *метеор.*, *минер.*, *опт.*, *палеонт.*, *психол.*, *физ.*, *физиол.*, *хим.*;

3) гуманитарные науки: *грамм., ист., лингв., лит., филос.*;

4) общественные науки: *антроп., археол., экон., этногр., юр.*

2. Терминология прикладных дисциплин: *архит., вет., лес., мед., пед., пчел., сад., с.-х., фарм.*

3. Техническая терминология: *авиа, гидротех., гон., ж.-д., радио.*

4. Терминология профессий, ремесел, промыслов: *бухг., воен., дипл., кулин., мор., охот., полигр., рыб., тигрогр., торг., фин.*

5. Лексика, связанная с различными областями общественной жизни: *рел., церк.*

6. Терминология различных видов искусств: *кино, муз., спорт., театр., теле, фото, цирк.*

В БАС-3, продолжающем традиции БАС-1 и ориентирующемся на него, произошел отказ от частных специальных помет; широкоупотребительные термины сопровождаются пометой *спец.* Что касается экспрессивных помет, то они практически полностью дублируют перечень, представленный в МАС-2 (за исключением пометы *почтит.*, использующейся в МАС-2). Так, в БАС-3 представлены:

А. Собственно нормативно-стилистические пометы:

1) пометы, указывающие на стили письменной речи: *в проф. речи, книжн., нар.-поэт., спец., устар. поэт.*;

2) пометы, указывающие на стили устной речи: *груб.-прост., жарг., разг.*;

3) пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова: *обл.*;

4) пометы, указывающие на хронологическую ограниченность слова: *устар., устаревающее*;

5) узуальные пометы: *малоупотр., неупотр.*

Б. Экспрессивные (включая семантико-словообразовательные) пометы: *бранно, ирон., неодобр., презрит., пренебр., шутил.; ласк., увелич., уменьш., уменьш.-ласк., уничиж.*

В. Специальные пометы: *спец., проф.*

На четвертом этапе был осуществлен поиск 173 выбранных диалектных единиц лексико-тематической группы «Человек» в трех толковых академических словарях современного русского языка: БАС-1, МАС-2, БАС-3, а также названы основные наблюдения, сделанные по итогам этого поиска. Поиск лексики также был осуществлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля с целью проверки диалектного статуса лексических единиц.

Необходимо отметить, что в целях достоверности количественных подсчетов словообразовательные (например, слова *доможитка* и *доможирка*, *напрокудить* и *напрокудовать* и т.д.) и фонетические варианты слов (*зубатиться* и *зубачиться*), представленные в «Вершининском словаре», учитывались как отдельные лексические единицы.

Помимо этого, выборка лексем для анализа была ограничена словарными статьями от «А» до «С» («С» — частично), поскольку один из основных источников

материала, а именно БАС-3, на настоящий момент является продолжающимся изданием: в последнем из выпущенных томов представлены словарные статьи от *сома* до *стоящий*.

Кроме того, при количественных подсчетах не учитывались омонимичные формы: ср. в «Вершининском словаре» *вызвездить* — навести порядок, произвести уборку; в БАС-1 *вызвездить* — вычистить, особенно что-либо металлическое, натереть до яркого блеска; но в МАС-2 *вызвездить* — покрыться звездами (о небе). Лексико-семантические варианты слова (которые могли бы стать предметом отдельного исследования) также не учитывались и были отнесены к группе лексем, которые не встретились ни в одном из словарей: ср.: в «Вершининском словаре» *задружить* — начать встречаться (о влюбленных или симпатизирующих друг другу); в БАС-1 *задружить* — то же, что подружиться).

Не были подвергнуты анализу и те случаи, в которых слово входило в состав словника, но его лексическое значение оказывалось неясным: к примеру, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *встрепываться, встрепаться* — страдать и возвр. смотря по смыслу.

Некоторые коррелятивные видовые пары глаголов (ср.: *выцарапать* в «Вершининском словаре» и *выцарапывать* в БАС-1) и орфографические варианты слов (*выкомаривать* в «Вершининском словаре» и *выкамаривать* в БАС-3, МАС-2), совпадающих по значению, также были включены в итоговую выборку.

Таким образом, в итоговый перечень рассмотренных словарных статей, выбранных из БАС-1, БАС-3, МАС-2 и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, вошли те статьи, в которых диалектное слово зафиксировано в значении, близком к указанному в «Вершининском словаре»; омонимичные формы, слова с неопределенным значением и лексико-семантические варианты слов проанализированы и подсчитаны не были.

В ходе анализа были получены следующие результаты:

1. Слова лексико-тематической группы «Человек», выбранные из «Вершининского словаря» и не встретившиеся ни в одном из других рассматриваемых словарей — БАС-1, МАС-2, БАС-3 и «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, составили 65% от общего количества рассматриваемых слов (112 слов из 173). Среди них такие слова, как *абыз, закарачиться, набуробить, обсемяться, отчишка, прискребаться, профилонить, прохлануться, разведёныш, раздурок, распантюха* и др.

2. 19% от общей выборки составили те слова, которые встретились только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, что подтверждает их диалектный статус (33 слова из 173). Это такие лексические единицы, как *бабай, базага, беспелюха, дикуша, дореветься, зубатиться, простоволоска, разжея, сальничать, сгаркать* и др.

3. Еще 4 слова, т.е. всего 2% от общего количества, составили те лексемы, которые встретились во всех рассматриваемых словарях — БАС-1, МАС-2, БАС-3,

«Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: *гуторить, могутной, могутный, напрокудить*.

4. При рассмотрении нормативно-стилистических помет, сопровождающих словарные статьи в названных словарях, выявлена неоднородность в их подаче. Так, например, слово *гуторить* в БАС-1 приводится с пометами *прост.*, *обл.* (что, как отмечают некоторые исследователи, является несколько противоречивым); в более поздних же словарях (БАС-3, МАС-2) слово сопровождается только пометой *обл.*; слово *выцарапывать* в БАС-1 фиксируется без помет, в БАС-3, МАС-2 – с пометой *разг.*; *глушня* – в БАС-1 с пометой *прост.*, в БАС-3 – *разг.*

5. Определено, что часть диалектных слов имеет при себе не только помету *обл.*, но и другие, образуя сочетания нескольких помет, двойные пометы: например, в БАС-3 *напрокудить* – с пометами *устар.* и *прост.*, в БАС-1 *ехидина* – с пометами *прост.* и *обл.*

6. Большая часть из диалектных слов лексико-тематической группы «Человек» вообще не сопровождается пометой *обл.*: все чаще они фиксируются с пометами *прост.* или *разг.*, иногда *жарг.*, *устар.*: в БАС-1 *халатничать* – с пометой *разг.*, *вызвездить* – с пометами *устар.* и *прост.*; в БАС-3 *засоня* – с пометой *прост.*, *мантулить* – с пометой *жарг.* Некоторые лексические единицы не сопровождаются пометами вообще, что может свидетельствовать об изменении их стилистического и функционального статуса.

Кроме того, был определен перечень тех помет, которые сопровождают рассматриваемые диалектные лексемы в академических словарях БАС-1, МАС-2, БАС-3.

1) пометы, указывающие на стили устной речи: *жарг.* (1), *прост.* (16), *разг.* (10);

2) пометы, указывающие на стили письменной речи: *народно-поэт.* (1);

3) пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова: *обл.* (13);

4) экспрессивные пометы: *бранно* (1).

Полученные данные свидетельствуют о необходимости обращения к словарям современной разговор-

ной речи, с помощью которых можно отследить возможные переходы диалектной лексики в иные формы существования русского национального языка.

Выводы

1. Авторы рассмотренных академических словарей руководствуются общими принципами составления словариков, включая в них те диалектные единицы, которые либо имеют широкое распространение, являясь материалом общенационального языка, либо областные слова, широко употребляющиеся в разных говорах и фольклоре и оттуда проникающие в художественную литературу, при этом зачастую теряющие диалектный характер.

2. Лексикографические принципы постановки нормативно-стилистических помет, сопровождающих диалектную лексику, весьма неоднородны и до конца не сформированы. Существует определенная проблема в отражении стилистического и функционального статуса диалектных слов в современных толковых академических словарях.

3. Часть лексем, зафиксированных в «Вершининском словаре», в современных академических словарях приводится с пометами *прост.*, *разг.*, *жарг.* и др. Эти данные свидетельствуют о том, что диалектные лексические единицы нуждаются в дополнительном изучении с точки зрения их отражения в современных словарях не только литературного языка, но и разговорной речи в связи с возможным изменением их статуса и необходимостью описания этих процессов.

В перспективе дальнейшего исследования – осуществление сопоставительного анализа словарей русской разговорной речи, предполагающего описание особенностей представления в них диалектных слов лексико-тематической группы «Человек», а также рассмотрение лексического значения диалектных единиц на материале академических толковых словарей русского литературного языка и данных диалектных словарей (в частности «Словаря русских народных говоров»).

Список источников

1. Демешкина Т.А. Лексика как основа дискурсивного взаимодействия в русском языковом пространстве // Сборник научных статей IV Международного симпозиума : в 2 т. (Симферополь, 09–11 июня 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 181–187.
2. Зюжкова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/485/4
3. Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб. : Изд-во Нестор-История, 2015. 442 с.
4. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38. doi: 10.17223/22274200/11/2
5. Кочергина К.С. Источники лингвоэкспертной квалификации отрицательно-оценочной лексики русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 462 с.
6. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43. doi: 10.17223/22274200/13/2
7. Пестова А.Р. Стилистические процессы в лексике и их отражение в словарях (на примере пометы *прост.* в академических толковых словарях) // Семантика и прагматика языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. (Калуга, 20–22 сентября 2019 г.). Калуга, 2019. С. 182–197.
8. Пестова А.Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 5. С. 51–68.
9. Пестова А.Р. Критерии постановки стилистических помет *разг.* и *прост.* в академических толковых словарях // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021. № 3. С. 141–149.
10. Самотик Л.Г. Диалектизмы и толковые словари литературного языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 2. С. 252–256.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М. : Изд-во АН СССР, Ин-т рус. яз., 1985–1988.

12. Емельянова О.Н. Лексика с пометой «obl.» в толковых словарях современного русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 232–236.
13. Нивина Е.А. Лексика тематической группы «Человек» в говорах Тамбовской области : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 360 с.
14. Урманчиева И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2003. 292 с.
15. Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека, в ярославских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 219 с.
16. Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
17. Шкабара Н.И. Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 191 с.
18. Шулякина Ю.С. Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2014. 198 с.
19. Филатова И.М. Образ человека в донских казачьих говорах // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2018. № 2. С. 48–52.
20. Грибовская Н.Ю. Лексика тверских говоров, характеризующая человека (семантико-мотивационный аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 191 с.
21. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
22. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
23. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989.
25. Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27. doi: 10.17223/22274200/28/1

References

1. Demeshkina, T.A. (2020) [Lexis as the basis of discursive interaction in the Russian language space]. *Proceedings of the 4th International Symposium*. Simferopol. 09–11 June 2020. Simferopol: Crimea Federal University. pp. 181–187. (In Russian).
2. Zyuz'kova, N.A. (2022) Functions of dialect vocabulary in internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/4
3. Kruglov, V.M. et al. (2015) *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Standard and Stylistic Marks in Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. Saint Petersburg: Izd-vo Nestor-Istoriya.
4. Kochergina, K.S. (2017) Stilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka: сопоставительный анализ [Stylistic marks in explanatory dictionaries of the modern Russian language: comparative analysis]. *Voprosy leksikografii*. 11. pp. 20–38. doi: 10.17223/22274200/11/2
5. Kochergina, K.S. (2020) *Istochniki lingvoekspertnoy kvalifikatsii otritsatel'no-otsennoy leksiki russkogo yazyka* [Sources of linguistic expert qualification of negative-evaluative vocabulary of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
6. Puritskaya, E.V. & Pankov, D.I. (2018) Normativno-stilisticheskaya kharakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoy baze dannykh [Normative and stylistic characteristics of the vocabulary of the modern Russian language: possibilities of description in a dictionary database]. *Voprosy leksikografii*. 13. pp. 23–43. doi: 10.17223/22274200/13/2
7. Pestova, A.R. (2019) [Stylistic processes in lexis and their reflection in dictionaries (using the example of simple markings in academic explanatory dictionaries)]. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits* [Semantics and Pragmatics of Linguistic Units]. Proceedings of the International Conference. Kaluga, 20–22 September 2019. Kaluga: Kaluga State University. pp. 182–197. (In Russian).
8. Pestova, A.R. (2020) O nekotorykh problemakh stilisticheskoy kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh [On some problems of stylistic qualification of words in explanatory dictionaries]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 5 (79). pp. 51–68.
9. Pestova, A.R. (2021) Kriterii postanovki stilisticheskikh pomet razg. i prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh [Criteria for setting stylistic marks in razg. and prost. in academic explanatory dictionaries]. *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya*. 3. pp. 141–149.
10. Samotik, L.G. (2010) Dialektizmy i tolkovye slovari literaturnogo yazyka [Dialectisms and explanatory dictionaries of the literary language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2. pp. 252–256.
11. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Institute of Russian Language of USSR AS.
12. Emel'yanova, O.N. (2012) Leksika s pometoy “obl.” v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka [Vocabulary marked “region” in explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 3. pp. 232–236.
13. Nivina, E.A. (2003) *Leksika tematicheskoy gruppy “Chelovek” v govorakh Tambovskoy oblasti* [Vocabulary of the thematic group “Man” in the dialects of Tambov Oblast]. Philology Cand. Diss. Tambov.
14. Uрманчиева, И.С. (2003) *Ekspressivny so znacheniem litsa v govorakh Vologodskoy oblasti* [Expressives with the meaning of person in dialects of Vologda Oblast] Philology Cand. Diss. Vologda.
15. Gurskaya, S.L. (2010) *Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, kharakterizuyushchie cheloveka, v yaroslavskikh govorakh* [Nouns of the general gender characterizing a person in Yaroslavl dialects]. Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
16. Litvinova, T.A. (2011) *Minimatsii cheloveka kak otrazhenie yazykovoy kartiny mira (na materiale voronezhskikh govorov)* [Human nominations as a reflection of the linguistic picture of the world (based on Voronezh dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
17. Shkabara, N.I. (2012) *Leksicheskie i frazeologicheskie dialektnye edinitsy, kharakterizuyushchie cheloveka po umstvennym sposobnostyam, v donskom dialekte: sistemnaya organizatsiya i motivatsionnye otnosheniya* [Lexical and phraseological dialect units characterizing a person by mental abilities in the Don dialect: systemic organization and motivational relationships]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
18. Shulyakina, Yu.S. (2014) *Leksika tematicheskoy gruppy “Kharakter i povedenie cheloveka” v govorakh Ivanovskoy oblasti* [Vocabulary of the thematic group “Character and human behavior” in dialects of Ivanovo Oblast]. Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
19. Filatova, I.M. (2018) *Obraz cheloveka v donskikh kazach'ikh govorakh* [The image of a person in the Don Cossack dialects]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*. 2. pp. 48–52.
20. Gribovskaya, N.Yu. (2019) *Leksika tverskikh govorov, kharakterizuyushchaya cheloveka (semantiko-motivatsionnyy aspekt)* [Vocabulary of Tver dialects characterizing a person (semantic-motivational aspect)]. Philology Cand. Diss. Tver.
21. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
22. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

23. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2021) Bol'shoi akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–27. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
24. Dal', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
25. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Printsipy normativnosti i istorizma v russkoy akademicheskoy leksikografii: eshche raz o tipe bol'shogo tolkovogo slovarya [Principles of normativity and historicism in Russian academic lexicography: once again about the type of large explanatory dictionary]. *Voprosy leksikografii*. 28. pp. 5–27. doi: 10.17223/22274200/28/1

Информация об авторе:

Зюзькова Н.А. – ассистент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Zyuzkova, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zyuzkovana-talya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 01.12.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 82-4
doi: 10.17223/15617793/497/4

Своеобразие этнографического очерка в сибирской периодической печати 1850–1880-х гг. (на материале «Томских губернских ведомостей»)

Мария Владимировна Тарасова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tarasyulja@rambler.ru

Аннотация. Представлен анализ этнографических очерков малоизвестных сибирских авторов Н.А. Кострова, Н.П. Григоровского, В.В. Вербицкого, И.Ф. Русанова, опубликованных в «Томских губернских ведомостях» в период 1850–1880-х гг. Исследуются особенности поэтики этнографического очерка и типологии этнографических признаков по доминирующему проблемно-тематическому принципу. Представлена краткая история развития литературной среды в Томске в этот период. Обозначается место и роль газеты в процессе формирования и становления культурной и литературной жизни города.

Ключевые слова: этнографический очерк, «Томские губернские ведомости», сибирская периодика, иногородцы, этнокультурная идентичность

Для цитирования: Тарасова М.В. Своеобразие этнографического очерка в сибирской периодической печати 1850–1880-х гг. (на материале «Томских губернских ведомостей») // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 34–46. doi: 10.17223/15617793/497/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/4

The originality of the ethnographic essay in the Siberian periodical press of 1850–1880 (based on the material of *Tomskie Gubernskie Vedomosti*)

Maria V. Tarasova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tarasyulja@rambler.ru

Abstract. In the first half of the 19th century, the formation of the literary and social environment in Tomsk lagged behind that in other Siberian cities. The reasons for this situation were, firstly, a large number of illiterate population, an inert attitude to literature and reading in general and among the literate people, and, secondly, the lack of a printing press in Tomsk, which could become a center that concentrated around itself people who are not indifferent to the problems of their region, striving to carry educational ideas to the masses. The situation began to change only by the middle of the 19th century with the establishment of the first periodical *Tomskie Gubernskie Vedomosti*. The article discusses the essays of N. Kostrov, V. Verbitsky, I. Rusanov, N. Grigorovsky, Siberian writers-ethnographers, whose works have been little studied to date. The aim of the article is to identify the uniqueness of the ethnographic essays published in *Tomskie Gubernskie Vedomosti*, the peculiarities of their poetics and typology. Researchers attribute the formation of ethnography as an independent scientific discipline to the 1840s and associate the same period with the formation of the ethnographic trend in Russian literature. Despite the fact that the development of the Siberian literary process significantly lagged behind the all-Russian one, the regional essay organically fit into the general “ethnographic” orientation of literary “populist” tendencies due to the “unique” Siberian material. Taking into account that the essay has movable genre boundaries and its specificity is the ability to accept diverse material into its structure (historical, statistical, geographical and ethnographic materials can organically coexist within one work), the article attempts to systematize essays according to the dominant problem-thematic principle. In the course of the analysis, several typological groups were identified: historical and geographical, folklore and mythological, and social-household. Within the framework of the historical and geographical group, the essays “The City of Kuznetsk”, “The City of Kolyvan” by N. Kostrov; “A Trip to Lake Teletskoye” by V. Verbitsky are analyzed. The essays “Mustag, Karabur, Kizey and Turalyg” by V. Verbitsky, “The Legend of the Narym Foreigners” by N. Grigorovsky, “Narym Region” by N. Kostrov are studied from the point of view of the authors’ use of folklore and mythological material as a plot-forming component. The specifics of social behavior, social integration and adaptation of indigenous ethnic groups in the conditions of inevitable relationships with the Russian population, as well as the peculiarities of family and household relations of foreigners are the defining basis for essays on social and household topics. The essays “The State of Women among the Foreigners of Tomsk Province” by N. Kostrov, “A Look at the Economic and Social Life of the Kirghiz” by I. Rusanov, “Narym Region” by N. Kostrov are analyzed.

Keywords: ethnographic essay, *Tomskie Gubernskie Vedomosti*, Siberian periodicals, foreigners, ethnocultural identity

For citation: Tarasova, M.V. (2023) The originality of the ethnographic essay in the Siberian periodical press of 1850–1880 (based on the material of *Tomskie Gubernskie Vedomosti*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/4

В первой половине XIX в. формирование литературно-общественной среды в Томске несколько отставало от других сибирских городов – Тобольска, Иркутска, Красноярска. Тобольск уже к концу XVIII в. был крупнейшим политико-административным центром Западной Сибири. В городе имелись банк, почтовое отделение, учебные заведения, в числе которых было училище с библиотекой, а в 1789 г. появилась и первая типография. Вполне предсказуемо, что именно в Тобольске появляются первые в Сибири периодические издания – журналы «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789–1791), «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793–1794). В 1828 г. усилиями представителей творческой интеллигенции Н.С. Щукина, И.Т. Калашникова, А.П. Степанова и других в Красноярске выходит в свет «Енисейский альманах на 1828 год», первый литературно-художественный сборник сибирских авторов, посвятивших свои произведения родному Приенисейскому краю. В Иркутске общий уровень культуры был выше, чем в других сибирских городах, о чем, ссылаясь на Е.А. Авдееву, пишет М.К. Азадовский: «...даже общая первоначальная образованность распространена в Иркутске более, нежели во многих русских городах. Лишним доказательством этого служит то, что нигде не видела я такой общей страсти читать» [1. С. 36]. В 1830-е гг. там выпускается несколько рукописных журналов: «Домашний собеседник» (1830–1834), «Вечера досуга» (1838), позже, в 1850–1860-е гг. появляются журналы «Козуля», «Мещанин». Они отражали общественные настроения и литературные интересы времени, основным наполнением журналов были переводы с иностранных языков, поэтические произведения, а также сочинения местной творческой интеллигенции, статьи и очерки краеведческого характера. Культурно-общественная, литературная сферы жизни развивались силами просвещенной интеллигенции, состоявшей из местных учителей, чиновников, увлеченной молодежи, что способствовало повышению общего культурного уровня населения.

Провинциальная литература получила новый стимул развития с появлением газетных изданий во второй половине XIX в. в связи с вышедшим «Положением о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г., подписанным Николаем I. Согласно этому документу, все губернии и области должны были издавать ведомости (по факту газеты в Сибири стали издаваться только в 1850-е гг.). В 1830-е гг. лишь немногие писатели-сибиряки могли публиковать свои сочинения. Основные издательства находились в Москве и Петербурге, а это требовало, в первую очередь, серьезных финансовых вложений, но не все начинающие авторы обладали такими возможностями, в связи с этим именно региональная газетная периодика оказалась едва ли не основной издательской площад-

кой и «в равной мере явлением отечественной литературы, так как на ее страницах шли процессы развития литературно-критической мысли и формирования регионального самосознания» [2. С. 5]. Газеты концентрировали вокруг себя литературную жизнь, вокруг губернских ведомостей объединялись представители местной интеллигенции, в том числе и политические ссыльные, вдохновленные идеями революции, неравнодушные к проблемам своего края, поднимающие и обсуждающие острые вопросы литературы и политики. Региональные периодические издания становятся важнейшим фактором в становлении и развитии сибирского литературного процесса.

Причинами позднего появления печати в Томске были, во-первых, отсутствие местной частной инициативы, «творческой среды». Так описывал эту ситуацию А.П. Казаркин: «Всего этого (творческой, литературной среды. – М.Т.) в Томске долго не было. Его политическая элита была крайне нестабильна и чужда “почве”; томскому купечеству, в массе своей старовеческому, беллетристика была неинтересна, и все случаи литературного оживления до поры до времени упирались в инициативы приезжих энтузиастов, командированных или сосланных в Томск» [3. С. 79.]. Во-вторых, большое количество малограмотного населения в середине XIX в. (степень грамотности населения стала меняться только ближе к последней трети XIX столетия) (об этом подробнее см.: [4]), а также удаленность губернского центра от крупных торгово-экономических центров и центральных транспортных магистралей.

В Томске развитие литературной традиции начинается гораздо позже, чем в Тобольске, Иркутске или Красноярске, с середины XIX в., что связано с появлением собственного печатного органа – официальной газеты «Томские губернские ведомости», первый номер которой впервые вышел только в 1857 г.

«Томские губернские ведомости» имели структуру и содержание, схожие с губернскими ведомостями по всей Российской империи: общий отдел, «к коего статьи предназначаются для всеобщего по государству сведения», и местный отдел, «в коем печатаются статьи к сведению по одной только своей губернии» [5], при этом последний, в свою очередь, делился на официальную и неофициальную части. Официальная часть содержала информацию об административных указах, судебных извещениях, происшествиях, правительственные циркуляры. В неофициальной части освещались сведения «географические, топографические, исторические, археологические, статистические и проч. <...> статьи о сведениях о сельском хозяйстве, об урожае, о промыслах...» [5]. Таким образом, газета удовлетворяла информационные потребности как государственной власти, так и местного населения.

Материалы неофициальной части этнографического, исторического, географического содержания –

статьи, заметки, обзоры, письма, написанные в очерковой форме, – предоставлялись в редакцию корреспондентами газеты, которыми в основном были представители чиновничьего аппарата, учителя местных школ и училищ, священники. Так, в середине XIX в. в «Томских губернских ведомостях» сложился круг пишущих авторов – Н. Ядринцев, Н. Костров, священники В. Вербицкий и А. Ивановский, – чье творчество было направлено на изучение Сибири, ее истории, этнического состава коренного населения, выполняло просветительские функции и способствовало подъему общенациональной культуры. Газета также стала местом притяжения для других начинающих писателей и публицистов, пробовавших свои силы на литературном поприще: Д.А. Поникаровского, И.Ф. Русанова, Д.Л. Кузнецова, Н.П. Григоровского и др.

Цель статьи – выявить своеобразие этнографических очерков, опубликованных в «Томских губернских ведомостях», особенности их поэтики и типологии. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью очерка, одного из ведущих жанров периодической печати Сибири, и его роли в становлении регионального литературного процесса.

Очерк был популярен в период возникновения и развития журналистики благодаря своей двойственной жанровой природе, сочетающей в себе присутствие публицистической мысли во взаимодействии с художественной образностью. Как отмечала в своих исследованиях Е.И. Журбина, соотношение внутри жанра элементов публицистики и художественной литературы, взаимовлияние принципов видения и осознания мира ведут к «столкновению разных методов познания жизни, в связи с чем появляются результаты, одинаково обогащающие как публицистику, так и художественную литературу» [6. С. 7]. Б. Агапов подчеркивал в своих исследованиях взаимосвязь в очерке беллетристического и наукообразного начал: «...художник часто ограничивает свою свободу в некоторых направлениях, к этому его обязывает желание точно изобразить события, имевшие место в жизни, или цель написать портрет реально живущего или жившего человека, а иногда и особая задача, которую он перед собой ставит, например, провести в сознание читателя какую-либо определенную идею, доказать ее не только средствами искусства, но и науки, убеждения» [6. С. 26].

Очерку в современном литературоведении уделено большое внимание со стороны академического сообщества. Свои исследования жанру очерка, его внешним (тематика, форма) и внутренним (природа материала, стиль повествования, проблематика) особенностям посвящали такие ученые-литературоведы, как А.Г. Цейтлин [7], Е.Ю. Садовская [8], Т.Н. Подлевских [9], А.В. Сафронов [10] и др. О его двойственной природе, сочетающей в себе признаки литературного и публицистического начал, писали Е.И. Журбина [6], М.Н. Ким [11], А.А. Тертычный [12], Д. Туманов [13]. На материале периодической печати Томской губернии исследовательских работ немного; так, Г.А. Казарина исследует материалы «Томских губернских ведомо-

стей», посвященные коренному населению Сибири, рассматривает редакционную политику газеты по отношению к «инородческому» вопросу [14]; Н.В. Жиликова исследует роль региональной печати в общекультурном процессе, процессы взаимодействия очерка с другими малыми эпическими формами на примере публикаций «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты» [15]; И.А. Айзикова исследует образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова [16], рассматривает проблему транскраничия как сложную систему взаимосвязи природы, человека и культуры Сибири [17].

С середины XIX в. усилиями образованного в 1845 г. Русского географического общества активизировалась работа по сбору и систематизации материала о народах Российской империи, об укладе их жизни, быте, культуре и религиозных верованиях. Продвижение и популяризация полученного знания велись благодаря культурно-выставочным мероприятиям в краеведческих и исторических музеях, публикациям статей и очерков этнографического характера в периодических изданиях, авторство которых принадлежало ведущим исследователям-этнографам или представителям инициативной образованной общественности, краеведам, заинтересованным в изучении и распространении знаний о культурно-историческом своеобразии родного края и народов, его населяющих.

Формирование этнографии в качестве самостоятельной научной дисциплины исследователи относят к 1840-м гг. До этого времени накопленный этнографический опыт представлял собой совокупность стремлений и интереса к изучению народной жизни, прежде всего в историческом аспекте, а также в сфере литературных исканий писателей-краеведов. Осмысление народной специфики российской действительности становится ключевым фактором в становлении реалистического направления в литературе и историко-культурном развитии русской общественной мысли в целом. В своем фундаментальном труде «История русской этнографии» А.Н. Пыпин подчеркивает неразрывную связь развития народнической литературы с формированием разрозненных этнографических исследований в научную дисциплину. Художественное творчество формируется не только под воздействием эстетического поиска, но и благодаря влиянию условий, создаваемых общественностью: «...и рядом с ним, под таким же действием целого хода вещей, совершалась однородная работа в других областях литературы: история, археология, языковедение, изучения экономических и т.д. вели к тому же исследованию народного быта в его исторических источниках, и в его этнографическом и социальном настоящем... Исторически, не случайно художественное творчество и наука совпали в требовании уважения к народной личности» [18. С. 424].

Период 1840–1860 гг. в русской литературе связывают с формированием этнографического направления, в котором особенно ярко проявил себя очерк благодаря своим жанровым свойствам и поэтологической особенности. Малая эпическая форма, фактологический, документальный характер повествования, свободная композиция, в которой могут взаимодейство-

вать элементы фольклора, природоописания и географических особенностей местности определяют специфику этнографического очерка, который оказался наиболее предпочтительным для писателей-очеркистов, стремящихся полномасштабно репрезентировать российскую действительность. По мнению А.Л. Фокеева, именно «народные начала явились исключительным фактором, определяющим пути развития русской литературы второй половины XIX в. Фольклор и этнография становятся тем литературным явлением, которое объясняет эстетический характер многих художественных произведений 1840–1860-х гг. В этот период заметно формирование этнографического направления, этнографической школы, изменение прозаических жанров – появление этнографического очерка» [19. С. 4].

Появление большого количества очерков в региональной периодике (более 80 публикаций в «Томских губернских ведомостях» за период с 1858 по 1911 г.) преимущественно краеведческой направленности с ярко выраженным этнографическим характером свидетельствует, во-первых, об усилении интереса со стороны писателей к «сибирской» теме, во-вторых – о стремлении начинающих авторов быть вовлеченными в общерусскую тенденцию развития этнографического направления в литературе. Несмотря на выявленную исследователями тенденцию «отставания» литературного процесса Сибири от общерусского, очерк в сибирской словесности, как и другие жанры, все же развивался под влиянием традиций общерусской литературы, опирался на них [20]. Провинциальные писатели ориентировались на достижения крупных отечественных писателей и, как следствие, были в некоторой степени «подражательны» старшим «коллегам» в манере и стиле повествования.

Большой и разнородный очерковый материал, представленный в «Томских губернских ведомостях», трудно поддается однозначной типологизации, однако можно выделить в этнографических очерках некоторые разновидности в соответствии с различной этнографической доминантой:

- историко-географические очерки («О народах, обитавших в древности в Южной части западной Сибири» И. Русанова, «Исторические сведения об инородцах Томской губернии», «Материалы для истории Сибири», цикл очерков о сибирских городах «Город Кузнецк», «Город Колывань», «Город Нарым», «Город Бийск» Н. Кострова, «Поездка на Телецкое озеро» В. Вербицкого и др.);

- фольклорно-мифологические очерки («Предания Алтайских инородцев», «Мустаг, Карабур, Кизей и Туралыг», «Предания алтайцев о потопе» В. Вербицкого, «Предания нарымских инородцев» Н. Григоровского и др.);

- социально-бытовые («Состояние женщины между инородцами Томской Губернии» Н. Кострова, «Выделка кож у сибирских киргиз», «Взгляд на экономический и общественный быт киргиз» И. Русанова и др.).

Необходимо уточнить, что градация эта весьма условна, часто в рамках одного произведения соединялись все вышеперечисленные аспекты, взаимодополняя друг друга, обогащая очерк разносторонними деталями.

Проблемно-тематический характер историко-географических очерков выражается через центральную тему произведений: история возникновения сибирских городов, описания природы, географических культурных объектов, история и культура коренных этносов, проблема расселения народов, особенности взаимодействия и столкновения русской и инородческой культур. В подавляющем большинстве эту группу представляют очерки Н.А. Кострова, юриста, этнографа, фольклориста и государственного деятеля, посвятившего свое творчество изучению Сибири и Томской губернии в том числе [21. С. 143–154].

Спецификой публикаций Н. Кострова является расширенная документальная основа и авторская объективность. В основе своих очерков автор использовал материалы из авторитетных архивных исторических источников, а также собственные наблюдения, почерпнутые им в поездках по Сибири по долгу службы. После переезда в 1846 г. из Москвы в Сибирь Н. Костров всю жизнь находился на государственной службе сначала в Красноярске, затем в Минусинске и Томске, должность секретаря томского губернского статистического комитета он стал исполнять с 1865 г. Его научно-познавательский интерес оказался связан с его профессиональным интересом. По замечанию Н.В. Васенькина, это было «тем счастливым случаем, когда должностные обязанности удачно совпадали с его увлечением научными изысканиями» [22. С. 36–37].

Синтез двух начал (документально-исторического и личного наблюдения) можно видеть на примере очерка «Город Кузнецк» (1879). Здесь автор, описывая историю возникновения города Кузнецка, обращается во-первых, к труду Г.Ф. Миллера «История Сибири» (СПб., 1787), где причиной, побудившей «срубить острог» в Кузнецкой земле, указывалась необходимость постоянного контроля и усмирения инородческих поселений, а также контроль за сбором ясака: «Кузнецкие волости были обширны и удалены от Томска; следовательно, надзор оттуда за ними не мог быть бдителен и постоянен» [23]. Название, будущий город, как пишет Н. Костров, получил по имени проживающих там татар, а те в свою очередь приобрели этноним «кузнецкие» по роду своей деятельности: «...татары означенной местности, живя в соседстве гор, богатых рудами, сиздавна занимались выплавкой руды и приготовлением разных поделок, необходимых в домашнем быту. Вследствие этого, они к общему своему названию татар, получили еще другое – Кузнецов или Кузнецких татар» [23]. Также писатель обращается и к народным преданиям, зафиксированным им в ходе личного общения с местным населением: «У кузнецких татар до сего времени сохранилось предание о постройке Кузнецкого острога. По их рассказам, на месте нынешнего города Кузнецка жил некогда народ абинцы, у которого устроено было укрепление. Когда

русские не могли взять это укрепление силою, то прибегли к хитрости: они вошли в него посредством подкопа, и внезапное появление их пред осажденными абинцами до того поразило последних, что они беспрекословно признали над собой власть победителей. Несколько времени спустя, дошло это до сведения Русского Царя и он спросил, каким ремеслом занимается завоеванный народ? Когда ему сказали, что большая часть его кузнецы, то он велел чтобы выстроенный в их земле город назывался Кузнецком» [23].

Специфика авторской позиции в очерках Кострова заключается в его объективности. Приводя несколько точек зрения на событие или исторический факт, писатель представляет их в виде гипотезы, не вводя читателя в заблуждение. Ставя факт в центральную позицию, автор выстраивает вокруг него исследовательскую логику и проблемность, вовлекая читателя в процессы размышления: «Одного обстоятельства, касающегося до первого строения города Кузнецка не могу я с прочими согласить, а именно: по двум отпискам, велено было острог в 1728 году перенести на другую сторону реки, в чем тамошние казаки своим слушанием учинили препятствие. Для сего намерения посланы были из Томска Тимофей Бобарыкин, да Осип Аничков с наказом, чтоб им острог построить вновь. <...> Поэтому, разве построенный в 1726 году острог стоял на западной стороне реки Тома? или надлежало оный перенести с восточного берега на западный? или надлежит сие толковать так, чтобы вместо старого острогу на том же месте построить новый? Или здесь говорится о другом каком месте, где еще прежде 1726 г. стоял русской острог? Наконец, подлинно ли перенесен острог, или оный только на прежнем месте вновь построен? На сии вопросы, за недостатком в архивных делах известий, ответить неможно. В бытность мою в Кузнецке, я ни от кого не слыхал, чтоб город сперва построен был на другом месте, а не на том, где ныне находится» [23].

Небольшой по объему по сравнению с «Городом Кузнецком» очерк «Город Колывань» также представляет обработанный Н. Костровым исторический документальный материал возникновения города Колывани с 1713 г. – с момента образования острога «для защиты против набегов киргизов» – до 1864 г. Исторические сведения о самом городе, географические описания местности приведены автором со ссылкой на «Пространное землеописание российского государства» И.Ф. Гакмана, изданное в 1787 г. в качестве учебника по географии России: «Колыванское наместничество простиралось от южных границ Сибири вдоль верхней части Оби и Енисея, до Тобольского наместничества. Западные границы оно составляет река Иртыш» [24]. Автор усиливает документальный характер очерка, внедряя в текст статистические сведения о населении (с делением на сословия, по вероисповеданию), торгово-экономической ситуации. Судя по приводимым автором данным, ситуация в городе была плачевная: «Церкви, по недавнему устройству города не было. <...> Фабрик и заводов не существовало». А по количеству выданных «торговых свидетельств», в

основном купечеству, «торговля Колывани самая незначительная и ограничивается только удовлетворением потребностей местных жителей» [24].

Достоверность источников очерков Н. Кострова и его объективность во многом объясняют принципы отбора материала, ориентированного на изложение «исторической» правды, а детальные географические сведения свидетельствуют о стремлении автора «включить» необъятные сибирские просторы в общероссийскую территорию, активизировать в обществе процессы осмысления, что темная, холодная и пугающая Сибирь, какой ее долгое время представляли, тоже Россия, ее нужно постигать, исследовать и развенчивать устоявшиеся стереотипы.

Учитывая специфику отбора этнографического материала – плодов собственных краеведческих исследований, наблюдений и изучения повседневной народной жизни, которые чаще всего добывались писателями в результате поездок по сибирским регионам, можно говорить еще об одной специфической особенности историко-географической публицистики «Томских губернских ведомостей» – построении этнографического очерка на материале путешествия, где автор не только ведет описательный репортаж о месте своего пребывания, но и объединяет в едином повествовательном пространстве элементы истории, географии, статистики, фольклора, структурированных хронологом дороги. Путевое начало, важный фактор сюжетной динамики, позволяет автору сочетать смену мест действия с эпическим описанием реальных географических пространств, что акцентирует читательское сознание на исторической достоверности повествования. Примером может служить очерк В. Вербицкого «Поездка на Телецкое озеро» (1860), в котором автор сопровождает своего духовного наставника Его Преосвященство Паросния на Телецкое озеро для проповеди и благословения «новокрещенных окрестных его жителей»: «Телецкое озеро, иначе называемое Алтын-нор или Алтын-кул, т.е. золотое озеро, по преданию окрестных его жителей Телесов получило свое название по следующей причине: в давно минувшие времена во всем Алтае был голод. Один калмык обладал большим слитком золота, но обойдя весь Алтай с своим сокровищем, не мог приобрести на него ни одного куска хлеба. Раздосадованный богатый бедняк бросил свой слиток в озеро и сам погиб в волнах его. Телецкое озеро находится в северной части Алтая, изобилует всякого рода рыбью, в длину простирается верст на 90 и в ширину в некоторых местах верст на 20. <...> при ясном и тихом небе мы отправились из главного, места прибывания миссии – Улалы сначала на легких тележках до инородческого селения Билюли (20 верст), а потом 150 верст ехали верхом по узким грязным тропам, пробиваясь сквозь древесную чащу <...> 15 августа, отслушав здесь Божественную Литургию и посетив всех без исключения, курные юрты и домики новокрещенцев <...> Архипастырь наш отправился по р. Бия на плоту томского купца А.П. Пичугина» [25].

Несмотря на то что очерку не свойственна четко структурированная композиция, в данном тексте

наблюдается хронологически выстроенное повествование по «дневниковому» принципу, что «роднит» его с путешествием. Элементы фольклора, этнографические сведения, лирические отступления изображений окружающей природы и точные географические описания по всему пути следования героев находятся в тесной взаимосвязи. Интересен этот очерк еще и тем, что по ходу размеренного действия сюжет принимает динамичный характер (что, собственно, не свойственно очерку), когда во время сплава на плоту по р. Бии путешественники терпят бедствие. В момент кульминации читателя охватывает волнение: «Плот налетает на камень <...> Произошло смятение <...> Мы, несясь по произволу реки пробовали мелкие вещи кидать на берег, но они не долетая до него, снова падали в воду. Таким образом, неслись мы, на разбитых останках плота, уединенно друг от друга, около 5 верст. Преосвященнейший и его спутники не успевали следовать за нами и опасались за наше спасение, особенно когда нас помчало прямо на непреступную скалу» [25]. Заканчивается очерк благополучным спасением всей группы и следованием к цели путешествия. Таким образом, за счет взаимосвязи фактического материала и художественных приемов повествование приобретает живой, приключенческий характер, совсем не свойственный очерку, а скорее роману или повести, но доказывающий, что очерк действительно многогранный литературный жанр с подвижными границами и свободной структурой.

Путевой очерк являлся наиболее востребованной формой литературного творчества в периодической печати, среди всех публикаций «Томских ведомостей» наиболее популярными оказываются различные модификации путевого очерка: «письма путешественника», «путевые заметки», «из дневника путешественника», «дорожные зарисовки», в которых мотив пути «обрастает» историческими, географическими и статистическими материалами, а иногда и фольклорно-поэтическими образами и сюжетами, предоставляя автору композиционную свободу. Очерк считается пограничным жанром между наукой и искусством, но именно в путевом очерке, благодаря личным впечатлениям, писатель моделирует собственную манеру повествования, проявляется «литературная» личность автора.

Исследование народной жизни невозможно без обращения к особенностям его нематериальной культуры. Проблематика народного самосознания, миропонимания, инаковой духовной культуры отличает группу фольклорно-мифологических очерков, опубликованных в «Томских губернских ведомостях». Большая часть очерков содержит элементы устного народного творчества: мифы, предания, легенды, песни, былины, передающиеся из поколения в поколение, обрастающие со временем различными подробностями, формирующие народную «картину» мира, отражающие духовные ценности, религиозные верования – основные критерии этнокультурной идентичности народа. Тематической доминантой исследуемых очерков является «иностранная» культура, психология и духовные ценности «другого», незнакомого для русского человека

этноса, которые были чуждыми не только для читателей, но и для самих писателей.

Интересен тот факт, что В. Вербицкий (1827–1890), автор многих очерков, в основе которых лежит мифопоэтический материал, был человеком духовного сословия. Миссионер Алтайской духовной миссии, этнограф, лингвист, он совершал миссионерские поездки по Алтайскому краю, изучал культуру и язык инородцев, собирал этнографические и фольклорные материалы, разработал основные положения грамматики алтайского и аладагского наречий. У Вербицкого, как у Кострова и многих других исследователей-этнографов в то время, «литературные» исследования рождались во взаимосвязи творческого и профессионального интересов. Подходы к фольклорно-мифологическому материалу были схожи, авторы выражали «миссионерскую», просветительскую направленность в своем творчестве, собирали произведения устного народного творчества, перерабатывали, излагали в доступной для читателя форме, стремясь вызвать общественный интерес к изучению и постижению чужого и далекого, сохраняя собственную культуру. Хотя нужно отметить, что Костров был сторонником цивилизаторского подхода и считал, что сохранять инородцам свою самобытность необходимо, по крайней мере, нужно к этому стремиться, но рано или поздно русская православная культура поглотит менее устойчивые языческие устои, что процесс «оцивилизовывания» уже запущен и будет «не в их власти сохранить свой язык, религию и обычаи» [26].

Миссионерские записки, наблюдения, очерки В. Вербицкого печатались во многих периодических изданиях («Вестник ИРГО», «Томские епархиальные ведомости», «Душеполезное чтение» и др.), но в «Томских губернских ведомостях» его труды издавались ежегодно.

Специфика произведений, в которых авторы в качестве доминирующего компонента использовали фольклор, заключается в методе отбора материала и в манере его исполнения автором. Часто это небольшие очерки, в основе которых фольклор выступает в качестве сюжетобразующего компонента, становится эстетической основой произведения: «Предания Алтайских инородцев» (1861), «Мустак, Карабур, Кизей и Туралы» (1865), «Предания алтайцев о потопах» (1865) и др. Авторская позиция в них проявляется двояко: он либо самоустранился (голос автора растворяется в тексте), предлагая читателю собранный и интерпретированный (часто переведенный с татарского или тюркского наречий инородцев) им материал устного народного творчества в «чистом» виде, либо занимает позицию рассказчика, направляя повествование авторскими комментариями к сюжету.

В основе очерков лежат легенды о происхождении алтайских гор, рек, созвездий, предметов особого поклонения инородцев, в которых они наделяются духовными и телесными качествами человека (антропоморфизм), что свидетельствует о мировоззрении коренных сибирских народов, основанном на неразрывной связи человека и окружающей действительностью: «Гора Мус-таг (ледяная гора) находится к северу от хребта

Абаканского. В допотопные времена, когда горы были богатырями, Мустаг оставив в своих владениях наместника, сам отправился в Китай для женитьбы на высватанной им Кегде <...> Мустаг, прибывши домой, вступает в бой с Абаганом, но не удачно и обращается за помощью к старшему сыну Карабуру (гора верст в 45 от Мустага) <...> Шаманы в своих волшебных действиях призывают себе на помощь все знаменитые горы и когда подходят к сердитому Карабуру, тогда представляют страх, пятаются назад <...> Каменистая гора Турагыг находятся в 10 верст ниже Мрасского порога <...> Однажды оспа направилась к Черневым инородцам <...> Туралыг начала бросать в нее камни и пригвоздила <...> к утесу <...> за это благодеяние Туралыг чествуется шаманами...» [27].

Нередко очерк благодаря мифам и легендам приобретал «сказочные» черты, например, имел схожее начало со сказочным зачином русских сказок («в некотором царстве, в некотором государстве») и обогащался моральным подтекстом, подобно нравоописательному очерку, обнажая пороки: невежество, жадность, хитрость героев. Примером может послужить очерк еще одного автора, активно публиковавшегося в «Томских губернских ведомостях» в начале 1880-х гг., Н. Григоровского (1830–1883), этнографа, исследователя Нарымского края, – «Предание Нарымских инородцев» (1882), в основу которого автор поместил миф о создании созвездия Лося, повествующий о трех представителях инородных племен – самоеде, остяке и тунгусе, соревнующихся в охоте. В стремлении перехитрить друг друга герои не смогли договориться и действовать сообща в охоте на лося. В результате ни один из них не добился желаемого, вследствие чего все трое вместе с животным были перенесены на небо и превратились в звезды: «Во времена давние на севере Сибири жили три племени <...> самоеды, остяки и тунгузы. Самоеды занимали северную часть Тобольской губернии <...> тунгузы жили на севере нынешней Енисейской губернии и частью заходили в Томскую по реке Кети <...> южнее же тех и других <...> жили собственно остяки. <...> Разница между этими племенами, кроме языка была еще в том, что тунгузы жили в лесах, не строили никаких жилищ и питались сырым мясом зверей и сырой рыбой <...> самоеды же делали себе жилища из берестяных чумов. <...> остяки же были немного цивилизованнее их и жили в землянках, питались мясом <...> которое жарили на шашлыках и даже имели котелки. <...> Так вот, в те то давние времена, по одному охотнику из каждого племени, самоед, тунгуз и остяк промышляли зверей в одном лесном месте» [28].

Народно-поэтический материал использует в своих очерках и Н. Костров, которого сибирские исследователи не без основания считают основным автором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» [21]. В очерках Н. Кострова включение фольклорного элемента имеет в первую очередь исследовательское значение, как подчеркивает Н.А. Тучкова, «культура фольклорных текстов <...> является производной от

реальной этнографической культуры <...> и, тем самым, позволяет делать некоторые выводы относительно реальной этнографии» [29. С. 259]. Фольклор давал возможность писателю глубже проникнуть в реалии народной жизни. Исследуя песенное творчество и другие виды фольклора инородцев, автор стремился понять и показать изнутри особенности миропонимания другого этноса, инаковость его психологии и сознания. Через восприятие «другого» активизируются процессы самопознания, а также происходит приобщение к другой культуре. В очерке «Образцы народной литературы самоедов» (1874) автор выдвигает проблему сохранения этнической идентичности аборигенного населения Сибири в условиях активного продвижения русской цивилизации, пророча инородческим племенам полную утрату собственной народности: «...он (самоед) должен распрости́ться с своей народностью, и если где-либо самоеды поселились оседло, то уже не в их власти сохранить свой язык, религии и обычаи. Так случилось, например, с самоедами на Колве. Короче сказать, самоеды – народ вымирающий; потомство едва будет знать, что когда либо существовал такой народ» [30]. Этот мотив обреченности нашел отражение в лирическом народном творчестве самоедов, о чем Костров пишет в очерке: «В особенности кажется достоверным то сказание, по которому угрские остяки вытеснили самоедов из их жилищ на нижней Оби к берегам Ледовитого моря. Это предание распространено и между остяками и находит подтверждение себе в том, что остяцкое население встарь действительно имело свои жилища южнее нынешних и должно было оставить их вследствие напора племен тюркского происхождения» [30].

Большое внимание исследователь в своих очерках уделяет и песенному творчеству инородцев. Песни сопровождали их на всем протяжении жизненного цикла: от колыбели до погребения, без песен не совершался ни один ритуальный обряд. В очерках Н. Кострова песни представлены в переводе или в виде авторской переработки. Видов песен у инородцев, как и у любого этноса, очень много: обрядовые, молитвенные, лирические бытовые, богатырские. Песни часто заключали в себе сюжеты легенд и преданий (о сотворении мира, о противостоянии добра со злом и пр.). Распространены были и песенные импровизации, отражающие внутреннее психологическое и эмоциональное состояние певца в момент исполнения (воспевались холмы и горы; песни могли петь на свадьбах, восхваляя жениха и невесту; их пели и в обычной жизни, например, муж и жена садились в юрте друг напротив друга и пели о том, как они были молоды и счастливы в самом начале своей совместной жизни): «Они (песни) не переходят из рода в род; но рождаются и умирают мгновенно. Полагают, что не стоит помнить их, потому что каждый способен выражать и радость, и горе своего сердца» [31].

Самыми почитаемыми среди инородцев преимущественно были песни богатырские (героический эпос), так как эти песни были главными, родовыми, в которых воспевались исторические сражения, народные герои, объяснялась история возникновения и становле-

ния рода: «...в Томской губернии они называются кюелдет или кюелдегут, т.е. старина, древность. В них воспеваются, обыкновенно, богатыри-мадур-слово, которым томские самоеды в то же время называют и древнюю чудь, народ, исчезнувший перед приходом русских в Сибирь» [31]. Отношение к этим песням было почти сакральное: «С религиозным почти благоговением прислушиваются они к каждому слову, срывающемуся с уст певца. Точно также, как и шаман, сидит певец на скамейке или на сундуке, по середине юрты, а слушатели располагаются вокруг него <...> певец старается выразить телодвижениями участие, принимаемое им в своем герое. Тело его трясется, голос дрожит, левою рукою он беспрестанно закрывает глаза, полные слез, а в правой держит стрелу, обращенную острием к полу. Слушатели сидят, обыкновенно, безмолвно; но когда богатырь погибает или взвизывает на крылатом орле к облакам, – у них вырывается громкое хее, соответствующее нашему ура» [31].

Таким образом, фольклорно-мифологический элемент в очерках выполнял функцию проводника вглубь культурного кода, который, в свою очередь, был отражением глубинной связи мифоязыческого сознания с физической природой человека, открывая читателю и самому писателю принципы мироустройства и экзистенциальные основы миропонимания описываемого в произведении «другого» народа.

Социально-бытовой аспект этнографических очерков предполагал обращение авторов к теме социокультурных связей этносов. Авторами поднимались вопросы о социальной интеграции и адаптации коренных этнических групп в условиях неизбежных взаимоотношений с русским населением; о проблемах, существовавших внутри инонациональных социальных структур (систем родства), влияющих на общественно-бытовые, семейно-брачные отношения, специфику общения между разными племенами и народами, населяющими одну территорию либо обитающими по соседству, а также об особенностях хозяйственно-экономических отношений.

Специфика социального поведения инородцев нередко передается авторами через описание манеры, стиля и интонации героев «инородцев» в непривычном для них социальном окружении, при этом сам автор часто находится «в тени» повествовательного действия, присутствуя в роли собеседника. Например, в очерке И. Русанова «Взгляд на экономический и общественный быт киргиз» читаем: «При виде незнакомого, киргиз вообще пасмурен, неразговорчив и вынужденную речь его можно почесть дерзкою, но это зависит от флегматического его характера и от сочетания звуков языка, который жесток, отрывист и лишен благозвучия, а человеку, знающему по-киргизски, нужно же столько времени сойтись с ним, сколько с обыкновенным поселянином русским <...> но если в разговоре увидит дружелюбие и ласковость, то он также будет окован и если имеет нужду, то будет просить без разбору. У киргиза еще нет изысканности в выражениях, в нем нет ползющего и рабского и из того как он просит, можно видеть, что и он сознает свое досто-

инство. Он говорит смело и нисколько не робеет, в обществе русских ставит себя таким же как и в степи...» [32]. Образ киргиза предстает осторожным, немного хитрым, не упускающим своей выгоды, но достаточно смелым и уверенным. В тексте чувствуется авторское расположение к киргизам, стремление оправдать их недостатки, ощущается мимолетное чувство наставничества и опеки: «...имея дело с людьми подобного рода, должно уметь обходиться с ними, потому что в сущности они не так худы, как кажутся многим туристам. Узнав однажды их слабую сторону, можно приводить их на путь правый, только не должно оскорблять их гордости и самолюбия, а казаться, как будто соглашаетесь с их мнениями и обычаями и стараться всякое доброе дело приписывать им самим» [32]. Автор подчеркивает необходимость личностного подхода в общении с аборигенами, способствующего более эффективной коммуникации. Многие киргизы, обычно зажиточные, привлекались к царской службе, поддерживая русский закон и порядок, имели чины штабс-офицеров, награды за службу: золотые медали, сабли, украшенные драгоценными камнями, пожалованные царским правительством, что безусловно тешило их амбиции и было предметом особого тщеславия. Киргизы священно ценили эти знаки отличия и очень гордились ими, отмечает автор. Таким образом, на территории Киргизской степи, населенной инородцами-киргизами Средней Орды, по-видимому, складывались благоприятные условия для взаимодействия инородческого и русского этносов: киргизы оставались хозяевами на своих территориях, достаточно безболезненно приняли русскую власть и адаптировались к новым порядкам. Автор занимает позицию философа и наставника, утверждая мысль, что не истребление страстей, а направление их в верное русло является залогом добродетели: «...плохо управляемое самолюбие – ни что иное, как источник зла, а при хорошем руководстве, оно может служить на благо человечеству» [32].

Каких-либо подробных данных о жизни и судьбе И. Русанова найти не удалось, только в монографии В.В. Шевцова находим очень краткую информацию о нем. Русанов Илья Федорович – уроженец Воронежской губернии, происходивший из семьи священника, служивший в 1859–1860 гг. чиновником Баян-Аульского окружного приказа. С 1861 г. Русанов стал столоначальником томской экспедиции о ссыльных, а с 1862 г. взял на себя обязанности редактора неофициальной части газеты [20].

Противоположный взгляд представляет в своем очерке «Нарымский край» (1872) Н. Костров, где описывает в некоторых случаях униженное положение инородцев, наблюдает оскорбления и дискриминацию со стороны русских людей. Писатели отличаются разной повествовательной стратегией. Если И. Русанов в своих очерках занимает позицию наблюдателя и рассказчика и использует преимущественно описательную тактику передачи этнографического материала с натуры, то Н. Костров – вовлеченный участник событий, ситуацию процессов социального угнетения он

поднимает до уровня проблематики, пытается от-refлексировать в поисках причинно-следственных связей, опираясь на собственные знания, наблюдения и опыт, стремится найти объяснение происходящему в исторических, политических, культурно-социальных причинах. Коренное население Сибири оказалось в условиях исторических трансформаций, связанных с активным продвижением российской цивилизации на восток, целью которого были культурная, социальная и экономическая интеграция новых территорий, обеспечение доступа к природным богатствам региона. Н. Костров акцентирует, что богатства Сибири были одной из ключевых причин заинтересованности российских промышленников. В погоне за пушниной все глубже в Сибирь, промышленники обнаруживали новые народы и племена, до того времени не известные российскому правительству. Для аборигенов такое обнаружение не сулило ничего хорошего. Во-первых, местные воеводы, узнав, что есть такие племена, до сих пор не обложенные ясаком, отправляли отряды казаков с целью подчинения их власти московского государя, а если со стороны «туземцев» оказывалось сопротивление, то против них «употреблялась неизвестная для них сила огнестрельного оружия» [31]. Под давлением и угрозой жизни аборигенное население вынуждено было мириться с условиями «пришлой» власти. Во-вторых, если новооткрытые места были слишком удалены от центра расположения русской администрации, правительство распоряжалось о строительстве в тех местах новых острогов, отправляя новых воевод для правления, а для охраны и подавления народных бунтов – новые гарнизоны. Таким образом, для местных народов не оставалось ни одного шанса сохранить свой образ жизни без каких-либо изменений. Костров, с одной стороны, понимал, что процесс колонизации обернется для коренных сибирских народов утратой какой-либо части этнической целостности, но придерживался мнения, что прогресс и процессы «оцивилизовывания» окупят все их потери и страдания и обернутся в конечном итоге для сибирских народов благом и радостью просвещенности. Костров был убежден в правильности цивилизаторского подхода: «Кетск имел своим назначением смирять воинственные движения инородцев, бродивших на огромном пространстве между Обью и Енисеем, по рекам Кети, Чулыму и др. С того времени, как мы стали твердою ногой на Енисее и построили там остроги Туруханский (1607), Енисейский (1619) и Красноярский (1628), Кетский острог был уже не нужен и, сослужив верно свою службу, поступил под власть младшего ему острога Томского, которому еще долго предстояло бороться с разными туземными племенами для утверждения нашей власти на Оби» [31].

В результате сложившихся условий, инородцы, гонимые нуждой и голодом, вынуждены были наниматься батраками к русским, которые получали от государства эти земли в аренду с правом охотничьей деятельности, не пуская коренных жителей заниматься рыболовством и звероловством, как это было ранее, вследствие чего нередко наблюдались случаи дискриминации и угнетения последних. Русские поселенцы считали аборигенов низшим сословием, подвергали их

насмешкам и всячески притесняли, Костров описывает эту сцену так: «...посмотрите на русского, как он разыгрывает господина, бодро и смело похаживая в своем теплом овчинном тулупе, тогда как остяк и самоед, как угнетенный раб, ходит с согнутой выей, с подгибающимися коленями. <...> угрюмому туземцу он (русский) пристаёт как овод к лошади, дает ему толчки и пинки, срывает с него шапку и заставляет его бегать за собою из стороны в сторону до конца поля» [33].

Изучение и описание внутрисемейных и семейно-брачных отношений является основным аспектом как в этнографической науке в целом, так и в этнографической литературе в частности, являющейся отражением культурного традиционного уклада жизни и быта различных этносов. Любая культура характеризуется в той или иной степени положением женщины в ней. По мнению В.М. Кулемзина, основной смысл традиции заключается в том, чтобы люди определенной культуры знали и придерживались только тех традиций, которые предполагает эта культура, а не какие-либо другие, и выполнение данного условия возможно только в замкнутом коллективе, какими являются семья, род, фратрия, племя, народ. Индивид включен в каждую из этих таксонов. Таким образом, именно культура становится формирующим фактором социально управляемого человека, начиная с семьи» [34]. Именно семья становится источником трансляции традиционных устоев, передачи из поколения в поколение ценностного содержания культуры и объектом этнографических исследований в очерковых сюжетах. К теме женщины, ее статусу в семье и обществе обращались и сибирские писатели. В фокусе их этнографических очерков находится женщина, социальные роль и место которой рассмотрены через призму гендерных внутрисемейных отношений. Через образ женщины показан быт, отношения родственников, традиции в воспитании детей, обрядовая культура (брачные, родильные обряды, произведения устного народного творчества и пр.), традиции брачных отношений, нормы и правила поведения. Примерами таких очерков, опубликованных в «Томских губернских ведомостях», могут служить очерки Н. Кострова «Состояние женщины между инородцами Томской губернии» (1873), «Заметки о юридическом быте барабинских татар» (1876), Д. Поникаровского «Поездка в киргизскую степь» (1870), В. Вербицкого «Алтайцы» (1869–1870) и др.

В очерке «Состояние женщины между инородцами Томской губернии» (1873) Н. Костров дает подробное описание хозяйственно-бытового уклада, традиций, особенностей внутрисемейных отношений инородческих народов: остяков, самоедов и представителей «тюркско-монгольского племени», к которым автор относит чулымских, томских, каинских татар и алтайцев. Проблематика «женской доли», как правило, рассматривается авторами с «брачного» возраста девушки, начиная описание ее женского пути с этапа сватовства, и уже с этого момента отмечается явное неравенство между полами, где женское положение отождествляется с рабским: невеста у остяков покупается,

как всякий другой товар, и причина этому та, что женщина у них не только «рабыня в самом тесном смысле слова, но мало того, она считается существом нечистым и живет в самом глубоком пренебрежении» [35]. Жениху необходимо получить жену и работницу, отцу – тани (ост.) – выкуп в виде материального вознаграждения за то, что добросовестно выполнял роль родителя и готовил для жениха послушную и работающую жену. Таким образом, как пишет Костров, девушка становилась «разменной монетой» в такой своеобразной хозяйственно-экономической сделке, где мнение и свобода выбора не учитывались вовсе: «...пренебрежена и ничтожна личность женщины и в то время, когда отец, брат или какой-нибудь другой родственник продаст ее тому, кто более даст. Ее собственные желания, если она осмелится иметь их, не имеют при этом никакого значения» [35]. Цена молодой девушки зависела от благосостояния семьи. Дочь богатого остяка стоила от пятидесяти до ста оленей, бедный готов был отдать «свое дитя» за двадцать, двадцать пять голов или за равнозначную этому «другую ценность». «Дорогая» жена рассматривалась как дорогой товар, который со временем принесет гораздо больше прибыли, чем дешевый (надежда жениха в том числе и на материальную помощь в дальнейшем со стороны тестя, кроме богатого приданого). Н. Костров, имеющий дворянские корни носитель «цивилизаторского» западного сознания, не мог не подвергать данное положение вещей собственному анализу, прослеживается сочувствующее отношение автора к женщине, заложнице таких традиционных порядков с некоторой долей горечи к подобному рода фактам, чуждым и непонятым современнику, тем не менее имеющих место в реальной действительности: «Кто же мог требовать, чтобы в семье, ему чуждой, даром вскармливалась и вскармливалась для него жена, которая на всю жизнь делается его рабой и работницей? Отец мог бы оставить дочь свою при себе и работой своей она вознаградила бы вполне все, что он издержал на ее воспитание. Если же он добровольно отдает свою законную собственность чужому человеку, то справедливость требует, чтобы последний вознаграждал его за все труды и издержки, употребленные им на его будущую жену» [35].

После замужества угнетенное положение женщины не менялось, автор описывает, что в юрте женщинам запрещалось находиться рядом с мужчинами, питались они остатками от мужского стола; женщинам запрещалось прикасаться к рыболовному и охотничьему снаряжению, по остяцким поверьям считалось, что это принесет охотнику неудачу и добыча будет скудной.

Если мужчина более или менее был свободен в своих передвижениях, то жизненное пространство женщины, как пишет автор, было ограничено семьей. Все хозяйство было возложено на женские плечи, в отличие от мужчин, которые были озабочены только промысловыми вопросами: «Чувствуя свое глубокое унижение, остяцкая женщина, выйдя замуж, покоряется всем прихотям мужа. В юрте она ни что иное как рабочий скот: в случае надобности, она переносит ее с места на место, шьет платье для себя, мужа и детей, вяжет из камыша ковры, готовит кушанье, носит воду,

рубит дрова, короче, исправляет все житейские нужды» [35].

Социальное неравенство женщины выражалось не только в распределении хозяйственных обязанностей между супругами, но и в правовом аспекте. Н. Костров, имея юридическое образование, не мог оставить без внимания проблему экономической несостоятельности женщины и полной зависимости ее от мужчины: «Низкое положение женщины между остяками обнаруживается, между прочим и тем, что она никогда не наследует. Все имущество умершего разделяется поровну между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестер и других женских членов семьи» [36].

Семейно-бытовые отношения самоедского племени имеют схожие черты с укладом жизни остяков. Как пишет Н. Костров, несмотря на то, «что самоеды, живущие по Оби, переняли уже быт русских крестьян», менталитет остался на уровне родоплеменных инстинктов: «...отличаются от них (крестьян. – М.Т.) ...ленью, тупоумием и совершенным отсутствием всякого стремления к умственному и хозяйственному улучшению. Они живут в избах, построенных и расположенных по образцу русских, только они меньше, теснее и сверх того грязны, без всякой необходимой домашней утвари и во всех отношениях непрочны» [36]. Положение женщины в традиционном самоедском обществе также отличалось социальным неравенством, семейные отношения также имели иерархичный характер, где доминирующий статус принадлежал мужчине: «Женщина у самоедов еще несчастнее и находится еще в большем пренебрежении, чем у остяков. Имени при рождении она не получает и целый век зовется просто – не-баба. При беспрестанных перекочевках этого племени, она, кроме обыкновенной домашней работы, должна собирать и разбирать юрту, навьючивать и развьючивать нарты, вообще рабски исполнять все желания мужа... Мало этого, женщина считается у самоедов нечистой тварью. Когда она устроила юрту, то не смеет войти в нее прежде, чем окурится чем-нибудь, а равно окурит нарты, на которых ехала и все вещи, которые должны быть внесены в юрту» [36].

Интересный парадокс подмечает Н. Костров, обращаясь к проблеме места и роли женщины в инородческих сообществах: при таком унижительном положении женщины в народном фольклоре сохранились песни о богатырях, сражающихся за руку и сердце девушки. Автор находит объяснение этому в предании, рассказанном ему в ходе общения местным жителем: «...по преданию, различные племена жили во вражде между собою, а потому часто бывало очень трудно достать себе жену путем мирным. По крайней мере это было невозможно без платы за невесту, а плата была необыкновенно высока, потому что, от обычного прежде многоженства, незамужних женщин было весьма мало. Вот, чтобы избежать этой траты, наши богатыри и брали себе жен силою» [36].

Чем ближе места обитания коренных народов Сибири оказывались к русским административным центрам, тем цивилизованнее был и сам народ, что сказывалось на бытоустройстве, уровне образования, социальных отношений как с русскими соседями, так и внутри этносообществ. Наиболее «обрусевшими»

Н. Костров называет чулымских инородцев, к которым относит чулымских (кизильских), томских и каинских татар, некоторые из которых проживали уже и в русских деревнях. Кизильские татары не покупали себе невест и не вносили обязательный калым. Приданое за невестой являлось необязательным и его присутствие зависело только от воли родителей невесты, при этом жених не был вправе его требовать, а если приданое все же было дано родителями, оно составляло неотъемлемую собственность дочери. При наследовании женщина, как отмечает автор, имела равные права с мужчиной, а при потере супруги или супруга они оба получали пятую часть всего имущества. Татарская женщина все также была загружена хозяйственной работой, но в семейных отношениях уже не наблюдалось то языческое варварство и унижительное отношение, как у самоедских и остяжских племен. Причины такого разного социального устройства автор видит в сфере религиозных верований. Если язычеству как политеистической религии, которая базируется на духовной связи человека с природой, свойственны поверья, суеверия и предрассудки, то любая монотеистическая религия – это прежде всего свод правил, регулирующий жизнь человека во всех сферах. Томские и каинские татары исповедуют магометанство, как отмечает автор, поэтому положение женщины у них строго регламентировано Кораном. Женщина не освобождается от домашних забот, она ответственна за воспитание детей, но в социальном и духовном плане она защищена законом Божиим, которому подчиняется и мужчина.

Этнографический очерк второй половины XIX в. являлся одним из самых популярных и востребованных жанров сибирских периодических изданий. Он позволял публицистам открывать читателю малоизученный мир региональной жизни, ярко выраженным публицистическим характером стимулировал всевозрастающую потребность в исследовании и изучении социальной, культурной жизни сибирского края. Этнографический очерк отличался широкой тематической

проблематикой: о жизни практически неизвестного коренного населения Сибири, бытовом укладе, семейно-брачных отношениях; об их культуре, традициях, вероисповедании; о географических и климатических особенностях региона, об истории народов и городов, связанных с процессами освоения сибирских земель вглубь на северо-восток. Несмотря на то что развитие сибирского литературного процесса существенно отставало от общерусской литературы, региональный очерк органично вписывался в общую «этнографическую» направленность литературных «народнических» тенденций 1840–1860-х гг. и продолжал функционировать в региональной литературе вплоть до начала XX столетия в силу своей тематической специфики и неугасающего интереса к новым сюжетам, столь мало охваченных «большой литературой». Очень точно эту тенденцию отметил А. Горький: «...поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено <...> Литература дворян и разночинцев оставила вне своего внимания целые области, не тронула донское, уральское, кубанское казачество, совершенно не касалось “инородцев”, нацменьшинств» [37. С. 311]. Появление в Томской губернии «Томских губернских ведомостей» явилось толчком, благоприятным обстоятельством для развития региональной словесности, стало связующим звеном между литературной жизнью и периодической печатью. Одной из важнейших миссий, которая была возложена на сибирскую периодику, являлось, во-первых, формирование постоянной читательской аудитории, расширение этой аудитории в основном за счет привлечения самых разных слоев населения. Газеты и журналы приучали к постоянному, регулярному чтению, формировали привычку к чтению, литературный вкус. Во-вторых, генерирование авторского корпуса. Газета стала просветительским стержнем, вокруг которого начинала формироваться провинциальная литература, появлялись новые, талантливые авторы, социальная, культурная и литературная жизнь города Томска и губернии вышла на новый виток развития.

Список источников

1. Азадовский М.К. Сибирские страницы: статьи, рецензии, письма. Иркутск : Вост.-Сиб. Кн. изд-во, 1988. 336 с.
2. Жиликова Н.В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 270 л.
3. Казаркин А.П. Литературная жизнь Томска // Очерки истории Томской культуры. Томск, 2010. С. 78–88.
4. Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. : учеб. пособие [для учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов] / И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, В.А. Есипова [и др.] ; под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 224 с.
5. Высочайше утвержденное учреждение губернских правлений. 2.01.1845. Ст. 152 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580.
6. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М. : Мысль, 1969. 399 с.
7. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк). М., 1965.
8. Садовская Е.Ю. Генезис художественного очерка XVIII–XIX веков (проблематика, поэтика, типология) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 231–238.
9. Подлевских Т.Н. Становление жанровых и функциональных особенностей русского очерка 40-х годов XIX века // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-2. С. 134–139.
10. Сафронов А.В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, лагерная проза) : учеб. пособие для студентов высших профессиональных заведений. Рязань : Рязан. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2015. 148 с.
11. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004. 335 с.
12. Цертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2000. 250 с.
13. Туманов Д. Жанры периодической печати : учеб. пособие и хрестоматия. URL: <https://textarchive.ru/c-1762331-p2.html> (дата обращения: 28.05.2022).
14. Казарина Г.А. Жанр очерка на страницах «Томских губернских ведомостей» // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 70–74.

15. Жиликова Н.В. Открытие фронта и преодоление его в жанре путевого очерка на страницах «Сибирской газеты» // Европейские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности», 14–16 апреля 2003 г. Томск, 2004. Вып. 4. С. 132–144.
16. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174–188. doi: 10.17223/19986645/67/9
17. Айзикова И.А. Стратегии осмысления и репрезентации трансграничных территорий Сибири в очерках Н.А. Кострова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 24. С. 21–46. doi: 10.17223/23062061/24/2
18. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1 / [соч.] А.Н. Пыпина. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. VIII, 424 с.
19. Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века : Истоки, тип творчества, история развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.
20. Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182. doi: 10.17223/19986645/80/8
21. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 413 с.
22. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. 47 с.
23. Костров Н.А. Город Кузнецк // Томские губернские ведомости. 1879. № 40.
24. Костров Н.А. Город Колывань // Томские губернские ведомости. 1866. № 40.
25. Вербицкий В. Поездка на Телецкое озеро // Томские губернские ведомости. 1860. № 37.
26. Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов // Томские губернские ведомости. 1881. № 42.
27. Вербицкий В. Мустаг, Карабур, Кизей и Туралыг // Томские губернские ведомости. 1865. № 1.
28. Григоровский Н. Предание нарымских инородцев // Томские губернские ведомости. 1882. № 31.
29. Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. № 1-2. 414 с.
30. Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов // Томские губернские ведомости. 1882. № 3.
31. Костров Н.А. Нарымский край // Томские губернские ведомости. 1872. № 46.
32. Русанов И. Взгляд на экономический и общественный быт киргиз // Томские губернские ведомости. 1861. № 41.
33. Костров Н.А. Нарымский край // Томские губернские ведомости. 1872. № 36-38.
34. Кулемзин В.М. Отношение «человек – общество», «человек – вещь», «человек – природа» в традиционных и современных культурах Сибири : учеб. метод. пособие к курсу «Этнографическое краеведение». М. : Икар, 1997. 46 с.
35. Костров Н.А. Состояние женщины между инородцами Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1873. № 24.
36. Костров Н.А. Состояние женщины между инородцами Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1873. № 27–29.
37. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 25. М. : ГИХЛ, 1953. 518 с.

References

1. Azadovskiy, M.K. (1988) *Sibirskie stranitsy: stat'i, retsenzii, pis'ma* [Siberian Pages: Articles, reviews, letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Zhilyakova, N.V. (2002) “*Sibirskaya gazeta*” (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma [The Sibirskaya Gazeta (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Kazarkin, A.P. (2010) Literaturnaya zhizn' Tomsk [Literary life of Tomsk]. In: L'vova, E.L. (ed.) *Ocherki istorii Tomskoy kul'tury* [Essays on the History of Tomsk Culture]. Tomsk: Reklamnyy daydzhest. pp. 78–88.
4. Vorob'eva, T.L. (ed.) (2020) *Problema chitatel'ya v Tomsk i Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The Problem of the Reader in Tomsk and the Tomsk Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Russian Empire. (1846) Vysochayshe utverzhdennoe uchrezhdenie gubernskikh pravleniy. 2.01.1845. St. 152 [The highest approved establishment of provincial boards. 2.01.1845. Art. 152]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 20. Pt. 1. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. No. 18580.
6. Zhurbina, E.I. (1969) *Teoriya i praktika khudozhestvenno-publitsisticheskikh zhanrov* [Theory and Practice of Artistic and Journalistic Genres]. Moscow: Mysl'.
7. Tseytlin, A.G. (1965) *Stanovlenie realizma v russkoy literature. (Russkiy fiziologicheskii ocherk)* [The Formation of Realism in Russian Literature. (Russian physiological essay)]. Moscow: Nauka.
8. Sadoyskaya, E.Yu. (2012) Genezis khudozhestvennogo ocherka XVIII–XIX vekov (problematika, poetika, tipologiya) [Genesis of an artistic essay of the 18th–19th centuries (problematics, poetics, typology)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1. pp. 231–238.
9. Podlevskikh, T.N. (2009) Stanovlenie zhanrov i funktsional'nykh osobennostey russkogo ocherka 40-kh godov XIX veka [The formation of genre and functional features of the Russian essay of the 1840s]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4-2. pp. 134–139.
10. Safronov, A.V. (2015) *Zhanrovoe svoeobrazie russkoy khudozhestvennoy dokumentalistiki (ocherk, memuary, lagernaya proza)* [Genre Features of Russian Documentary Fiction (essays, memoirs, camp prose)]. Ryazan: Ryazan State University named for S.A. Yesenin.
11. Kim, M.N. (2004) *Zhanry sovremennoy zhurnalistiki* [Genres of Modern Journalism]. Saint Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V.A.
12. Tertychnyy, A.A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
13. Tumanov, D. (n.d.) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodical Press]. [Online] Available from: <https://textarchive.ru/c-1762331-p2.html> (Accessed: 28.05.2022).
14. Kazarina, G.A. (2009) Zhanr ocherka na stranitsakh “Tomskikh gubernskikh vedomostey” [The genre of the essay on the pages of the Tomsk Provincial Gazette]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 70–74.
15. Zhilyakova, N.V. (2004) [Discovery of the frontier and overcoming it in the genre of a travel essay on the pages of the Sibirskaya Gazeta]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri* [European Studies in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference Mir i Obshchestvo v Situatsii Frontira: Problemy identichnosti [World and Society in the Situation of the Frontier: Problems of identity]. Vol. 4. Tomsk. 14–16 April 2003. Tomsk: Tomsk State University. pp. 132–144. (In Russian).
16. Ayzikova, I.A. (2020) The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov's Essays. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 174–188. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/9
17. Ayzikova, I.A. (2020) Strategies for understanding and representing the cross-border territories of Siberia in Nikolay Kostrov's essays. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 24. pp. 21–46. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/24/2
18. Pypin, A.N. (1890) *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian Ethnography]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.

19. Fokeev, A.L. (2004) *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka : Istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya* [Ethnographic direction in the Russian literary process of the 19th century: Origins, type of creativity, history of development]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8
21. Shevtsov, V.V. (2012) “*Tomskie gubernskie vedomosti*” (1857–1917) v sotsiokul’turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [The Tomsk Provincial Gazette (1857–1917) in the sociocultural and information space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Vasen’kin, N.V. (2000) Knyaz’ Nikolay Alekseevich Kostrov i ego arkhiv v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov and his archive in the collections of the Scientific Library of Tomsk State University]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia*. 10. pp. 35–39.
23. Kostrov, N.A. (1879) Gorod Kuznetsk [The city of Kuznetsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 40.
24. Kostrov, N.A. (1866) Gorod Kolyvan’ [The city of Kolyvan]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 40.
25. Verbitskiy, V. (1860) Poezdka na Teletskoe ozero [Trip to Lake Teletskoye]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 37.
26. Kostrov, N.A. (1881) Obraztsy narodnoy literatury samoedov [Samples of Samoyed folk literature]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 42.
27. Verbitskiy, V. (1865) Mustag, Karabur, Kizey i Turalyg [Mustag, Karabur, Kisey and Turalyg]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 1.
28. Grigorovskiy, N. (1882) Predanie narymskikh inorodtsev [Tradition of Narym foreigners]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 31.
29. Tuchkova, N.A. (2020) *Etnicheskaya istoriya i fol’klor sel’kupov: problema korrelyatsii dannykh* [Ethnic History and Folklore of the Selkups: The problem of data correlation]. Kazan: Kazan State University.
30. Kostrov, N.A. (1882) Obraztsy narodnoy literatury samoedov [Samples of Samoyed folk literature]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 3.
31. Kostrov, N.A. (1872) Narymskiy kray [Narym region]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 46.
32. Rusanov, I. (1861) Vzgljad na ekonomicheskii i obshchestvennyi byt kirgiz [A look at the economic and social life of the Kyrgyz]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 41.
33. Kostrov, N.A. (1872) Narymskiy kray [Narym region]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 36–38.
34. Kulemzin, V.M. (1997) *Otnoshenie “chelovek – obshchestvo”, “chelovek – veshch’”, “chelovek – priroda” v traditsionnykh i sovremennykh kul’turakh Sibiri* [The Relationship “Man – Society”, “Man – Thing”, “Man – Nature” in Traditional and Modern Cultures of Siberia]. Moscow: Ikar.
35. Kostrov, N.A. (1873) Sostoyanie zhenshchiny mezhdru inorodtsami Tomskoy gubernii [The condition of a woman among foreigners in the Tomsk province]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 24.
36. Kostrov, N.A. (1873) Sostoyanie zhenshchiny mezhdru inorodtsami Tomskoy gubernii [The condition of a woman among foreigners in the Tomsk province]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 27–29.
37. Gor’kiy, M. (1953) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 25. Moscow: GIKhL.

Информация об авторе:

Тарасова М.В. – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tarasyulja@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Tarasova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tarasyulja@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 31.03.2023;
approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 167/168 + 82–7
doi: 10.17223/15617793/497/5

Логичен ли юмор?

Лариса Грачиковна Тоноян^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} tonoyan2003@list.ru

Аннотация. Рассматривается соотношение логики и остроумия, проводится логический анализ юмористических текстов, а также подходы различных наук к юмору. Исследуется юмор в период возникновения логики. Делается попытка ответить на вопрос, нарушаются ли и в каких случаях основные логические законы в различных приемах остроумия. Показано, что хотя по большей части эти законы нарушаются, иногда их подчеркнутое соблюдение также порождает комический эффект. С точки зрения логики анализируются вызывающие смех софизмы, парадоксы, а также анекдоты, византийские шутки и афоризмы.

Ключевые слова: юмористический текст, логика, остроумие, законы логики, софизмы, семантические парадоксы

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Для цитирования: Тоноян Л.Г. Логичен ли юмор? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 47–56. doi: 10.17223/15617793/497/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/5

Is humor logical?

Larisa G. Tonoyan^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} tonoyan2003@list.ru

Abstract. The article examines the relationship between logic and wit, a logical analysis of humorous texts is carried out. Humor is not often the subject of logical analysis but is actively explored by other humanities. Therefore, the article first gives an overview of the main approaches to the definition of humor in psychology, sociology, ethics, rhetoric. Next, a philosophical approach to humor is considered, definitions of humor proposed by prominent philosophers – Aristotle, Locke, Kant, et al. – are analyzed. Finally, a logical analysis of humor is given. The connection of humor with sophistry, paradoxes, with the irony of Socrates is investigated. The negative attitude towards humor is explained by the fact that humor often acts as a form of distortion of the truth, and sometimes demonstrative deception. From the point of view of logic, the article analyzes sophisms, paradoxes that cause laughter, as well as anecdotes, jokes, puns, aphorisms, dialogues from fiction, etc. When analyzing the texts, an attempt is made to answer the question of whether the four basic logical laws are violated in various witty techniques. Compliance with each of the four laws – the laws of identity, non-contradiction, excluded third, and sufficient reason – is accompanied by an analysis of examples of a humorous text. It is shown that, although for the most part these laws are violated, sometimes their emphasized observance also generates a comic effect. The article also examines the issue of humor in religion in connection with Umberto Eco's novel *The Name of the Rose*, the idea of which is based on the traditional notion of the inadmissibility of laughter in Christianity. The question of the admissibility of humor in religion is expanded by referring to articles that explore humor in Islam and Judaism. An article is also considered that analyzes Byzantine sources, in particular, the collection of humor *Lover of Laughter* and confirms the existence of the genre of monastic humor in the Middle Ages. In the jokes given in the collection, self-applicability of statements and a game with the properties of time are often used. The answer to the age-old question – did Christ laugh? – is given by an attempt to refer to the texts of the Gospel, and is illustrated by relevant passages from the Scripture, indicating that Jesus Christ, if not laughed, then used in his parables such genres of humor as irony, unexpected metaphor etc. In this part of the article, a distinction is made between laughter as a psychophysiological reaction to a situation and humor as a property of speech, text. In conclusion, it is noted that the reason for humor is the limited formalizability of natural language, as a result of which the laws of

formal classical logic are often violated. Perhaps, humor will be easier to analyze by means of non-classical logic, and, undoubtedly, humor is the subject of research in the theory and practice of argumentation. Humor is a sign of freedom and creative activity of a person, the sphere of not only his mental, but also spiritual activities.

Keywords: humorous text, logic, wit, laws of logic, sophisms, semantic paradoxes

Financial support: This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10051: The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition.

For citation: Tonoyan, L.G. (2023) Is humor logical? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 47–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/5

Как соотносятся ум и остроумие? Несомненными свойствами ума являются его быстрота и острота. М.В. Ломоносов, который на своем примере показал, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать», отличался не только умом, но и остроумием. Его современник и соратник, выдающийся математик и логик Леонард Эйлер отмечал, что Ломоносов «одарован самым счастливым остроумием», которое и помогало ему в решении сложных научных вопросов [1]. И хотя остроумие – частый спутник глубокого ума, отождествить их не удастся, так как встречаются очень умные люди, не понимающие шуток. А.П. Чехов, весьма остроумный человек, в беседе с И.А. Буниным заметил: «Не понимает человек шутки – пиши пропало! И знаете: это уже не настоящий ум, будь человек хоть семи пядей во лбу» [2].

Без сомнения, остроумие является одним из признаков ума. Остроумие связано как с быстротой реакции, так и с его уместностью, применимостью к конкретной ситуации: то же самое, сказанное чуть позже или в другом месте, может оказаться совсем не смешным. Возникает вопрос: остроумие ближе к чувству (чувство юмора) или же к разуму (склад ума)? По-видимому, это тот случай, когда разум и чувства неразрывно связаны. Любопытно, что изначальным происхождением слова является лат. *humor*, имевшее значение «влажность», «жидкость, сок» [3. С. 459]. В средневековой медицине речь шла о «влажном» человеке, в котором было достаточное количество телесной жидкости, что являлось признаком здоровья тела и духа. В современном значении слово стало употребляться в XVIII в. и происходит от англ. *humour* – причуда, нрав, настроение. Поскольку юмор и сопровождающий его смех – универсальное явление, его исследуют практически все гуманитарные науки, но в наибольшей степени психология, социология, культурология (юрродство, смеховая культура, карнавал) и риторика, в редких случаях – логика. Нас интересует логический аспект юмора, но имеет смысл рассмотреть сначала подходы к определению юмора в смежных науках.

Юмор с точки зрения психологии

Согласно психологии, *чувство юмора* связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающем мире и оценивать их с комической точки зрения. В то же время остроумие отражает особый *склад ума*, особое свойство мышления, в котором можно выделить два основных компонента – способность к избирательным ассоциациям и к мгновенной критической оценке собственной остроты.

Виктор Раскин, исследователь юмора, издатель журнала HUMOR: International Journal of Humor Research [4] предложил разбить теории юмора на три категории: 1) теории несовместимости (юмор как следствие понимания несовместимости между ожиданием слушателя и результатом); 2) теории враждебности (например, смех над другими) и 3) теории высвобождения (примером последней является теория З. Фрейда [5. С. 319], объявившего, что «юмор позволяет экономить психическую энергию», что юмор есть средство решения психической проблемы простейшими способами, есть способ разрядки эмоционального напряжения).

Юмор с точки зрения социологии

Этот подход проанализирован в статье С.С. Мельникова С.С. «Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного» [6]. Английский социолог М. Малкэй пишет, что в юмористическом образе «правила логики, ожидания здравого смысла, научные законы и требования приличий» не являются обязательными. Он полагает, что общественная жизнь включает в себя множество противоречивых значений и смыслов, а юмор с его релятивизмом создает особую среду, особый «язык» для выражения этих противоречий. Тем самым юмор служит поддержанию социального порядка [6. С. 215]. Юмор может выступать как сублимация агрессии. То есть юмор – это отклонение от социальной нормы, но в допустимой степени, некое «выпускание пара» в социуме, часто с применением парадоксов. Марк Твен: *Банк – это место, где вам с удовольствием одолжат деньги, если вы докажете, что зарабатываете достаточно, чтобы в них не нуждаться*. Для цели нашего исследования отметим в этом определении юмора то, что в юморе правила логики не являются обязательными, и очень часто юмор включает в себя парадоксы.

Юмор с точки зрения этики

Смеялся ли Аристотель? Ответ на этот вопрос был бы очень интересен, так как именно у Аристотеля как отца логики и отца этики мы могли бы найти ответ на вопрос о соотношении логики и юмора. В своих книгах по этике Аристотель нередко обсуждал вопрос о смехе, смешном, комедии и т.п. В «Никомаховой этике» он скорее настороженно относится к юмору и даже призывает, как и Платон, законодательно запретить некоторые виды шуток, выраженных в форме издевательств и насмешек. Переводчик «Никомаховой этики» Н.В. Брагинская в своей статье «Было ли у Аристотеля чувство юмора? или есть ли у нас чувство его

чувства? Эссе по исторической психологии» [7] подробно отвечает на заданный вопрос. Аристотель не был смешашим философом, как, например, Демокрит, у которого было своего рода прозвище «Смеющийся философ», как у Сократа – «Ироник». Аристотель строго дифференцировал смех. Он различал смех рабов и смех свободных, смех тела и смех ума и как свободный не использовал знаменитую освобождающую силу смеха, а как здоровый – целительные свойства иронии. Его собственное «смешное» не касалось низового, ведь он не позволял господам даже улыбаться в присутствии рабов, а остроумие хотя называл дерзостью, но «благовоспитанной». Для Аристотеля синонимом к смешному часто оказывается интеллектуально невозможное, нелепое, абсурдное. Шутит он главным образом по самым серьезным и божественным поводам [7. С. 1105]. Смех, по Аристотелю, допустим, оправдан, если он сдержанный, подконтрольный.

Таким образом, мы видим, что юмор, как и всякое явление, может быть добрым или злым. Добрый юмор снимает эмоциональное и социальное напряжение, а злой унижает и подавляет людей. Из доброй сокровищницы души человек выносит ободряющую шутку, из злой – насмешки, сарказм, черный юмор, шутки ниже пояса и т.п. Смеяться над собой трудно, а смеяться над другим(и) и особенно совместно с другими над «жертвой» легко, поэтому часто объектом насмешки становится Другой – другой по полу, национальности, социальному положению, состоянию здоровья и т.д. и т.п. Наверное, это следствие комплекса неполноценности человека: гордость, превознесение человека, с одной стороны, и гордость человека, который боится показаться смешным, – с другой. Итак, юмор может быть как добродетелью, так и пороком, и, значит, как и в случае других добродетелей, в остроумии самое главное – чувство меры. Чувство юмора – это чувство соразмерности, не только этическая, но и эстетическая категория.

Юмор как риторический прием

Попытки исследования и классификации юмора предприняли еще знаменитые риторы Цицерон и Квинтилиан. В своей книге «О чувстве юмора и остроумии» А.Н. Лук в главе «Формальная классификация приемов остроумия» собрал в единый список и сопроводил примерами следующие приемы [8].

1. Ложное противопоставление. 2. Ложное усиление. 3. Доведение до абсурда: а) преувеличение (гипербола); б) преуменьшение или смягчение (эвфемизм). 4. Остроумие нелепости: а) соединение двух логически несовместимых высказываний; б) паралогический вывод. 5. Смешение стилей, или «совмещение планов»: а) смешение речевых стилей; б) перенос терминологии; в) несоответствие стиля и содержания; г) несоответствие стиля речи и обстановки, где она произносится; д) псевдоглубокомыслие. 6. Намек, или точно наведенная цепь ассоциаций. 7. Двойное истолкование: а) игра слов; б) двусмысленность. 8. Ирония.

9. Обратное сравнение: а) «чистое» обратное сравнение; б) буквализация метафоры. 10. Сравнение по случайному или второстепенному признаку. 11. Повторение: а) «чистое» повторение; б) повторение с изменением грамматической конструкции; в) повторение с изменением смысла. 12. Парадокс.

Таким образом, с точки зрения риторики юмор весьма полезный прием, использующий все способы игры со словами. Более того, чувство юмора – необходимое профессиональное качество ратора.

Философия юмора

Обстоятельная статья Джона Морреала под названием «Философия юмора» (Morreall John. Philosophy of Humor) помещена в авторитетной Стэнфордской энциклопедии философии [9]. Автор, не делая различий между юмором и смехом, отмечает следующие подходы к смеху:

1. Отрицательное отношение к смеху. Философы пренебрегали этой темой, посвящая смеху несколько абзацев в рамках других тем. Только у Анри Бергсона имеется отдельная книга «Смех» (1900). Большинство философов, например Платон, воспринимали смех скорее как порок, а не добродетель. Хотя Аристотель считал остроумие ценной частью беседы, он согласился с Платоном в том, что смех выражает презрение. Стоики с акцентом на самоконтроле согласны с Платоном, что смех уменьшает самообладание. Эти возражения против смеха и юмора повлияли на таких раннехристианских мыслителей, как Амвросий Медиоланский, Иероним, Василий Великий, Ефрем Сирий, Иоанн Златоуст, а через них и на европейскую культуру. Они были вызваны негативными представлениями о смехе и юморе в Библии. В некоторых монашеских орденах запрещался смех и шутки. Философский аргумент против смеха был усилен Томасом Гоббсом, который считал, что смех вызывается чувством превосходства одного человека над другим, и Рене Декартом, который рассматривал смех только как выражение презрения и насмешек.

2. Теория превосходства. У Гоббса и Декарта была сформулирована психологическая теория смеха, которая, начиная с Платона и Библии, доминировала и в западном мышлении о смехе прошедшие два тысячелетия. В XX в. эта идея называлась теорией превосходства. Проще говоря, наш смех выражает чувства превосходства над другими людьми или над прежним состоянием нас самих.

3. Теория облегчения была изложена в «Эссе о свободе остроумия и юмора» Шефтсбери (1709) в первой публикации, в которой используется юмор в его современном понимании смешного. Шефтсбери объясняет смех освобождением нервной энергии. В течение следующих двух столетий, когда нервная система стала изучаться глубже, Г. Спенсер и З. Фрейд развили эту теорию. Согласно последнему, смех – это высвобождение самых вытесненных в подсознание эмоций.

4. Теория несоответствия говорит, что юмор – это восприятие чего-то несочетаемого, чего-то, что

нарушает наши логические закономерности и ожидания. Такой подход был разделяем И. Кантом, А. Шопенгауэром, С. Кьеркегором и многими другими более поздними философами и психологами. В настоящее время это доминирующая теория юмора в философии и психологии. Кант сравнивает удовольствие от шуток и остроумие с наслаждением от азартных игр и наслаждением от музыки. Во всех трех случаях удовольствие заключается в «изменяющейся свободной игре ощущений», что вызвано сменой идей в уме. Шопенгауэр видит причину юмора в несоответствии между нашим чувственным восприятием вещей и нашим абстрактным рациональным знанием тех же самых вещей. Все три перечисленные теории имеют недостаток – они не объясняют всех видов юмора. Недостатком последней теории является то, что смех как выражение абсурда, иррациональности противоречит тому, что человек в основе своей – рациональное существо и ему не свойственно получать удовольствие от иррациональности.

5. Юмор как игра, смех как игровой сигнал. Некоторые из философов пытались объяснить иррациональность юмора игровым характером этого явления. Одним из немногих, кто воспринимал юмор в положительном ключе, в качестве вида игры, был доминиканский монах Фома Аквинский, что кажется удивительным, так как средневековые монастырские правила строго ограничивали смех. «Ангельский доктор» по достоинству оценил умственную, а не психофизиологическую сторону юмора. В этом он следовал Аристотелю, который видел золотую середину между крайними проявлениями юмора в добродетели, которую он называл *eutrapelia* – осторожность, умеренность. Юмор – отдых для души, цель юмора, как и для всякой игры, – в удовольствии от самого процесса. Таким образом, рассмотрение юмора как игры отвергает упрек в полной иррациональности юмора.

6. Комедия. Джон Морреалл заканчивает свою обширную статью о философии юмора разделом «Комедия». Он отмечает, что близость комедии и философии хорошо осознавал Бертран Рассел, а современные стендап-комедии еще более близки философии, поскольку дарят новый, непривычный взгляд на вещи и удовольствие от неожиданных размышлений. Отрицательное отношение к юмору, идущее со времен Платона, считает автор статьи, уходит в прошлое.

Логический анализ юмора

Логика как наиболее **рациональная** из всех гуманитарных наук отвлекается от психологических, политических, национальных и иных особенностей человека, и ее задача сводится, собственно, к анализу текста, письменного или устного, с целью выяснить, соблюдаются ли в письменной или устной речи логические правила. Отметим, что во всех определениях подчеркивалось наличие противоречивости в юморе. Из всех перечисленных подходов к юмору логике ближе всего риторика. Но цель риторики, как известно, состоит в убеждении, воздействии на публику с необязательным

соблюдением правил логики, в то время как цель логики – достижение истины путем выявления соответствия речи действительности и установленным логическим правилам. Тогда возникает следующий вопрос: нарушаются ли и в каких случаях законы и правила логики в многочисленных проявлениях остроумия – в игре слов, каламбурах, анекдотах, шутках, пародиях и т.п.? Особый интерес испытывает логика к парадоксам, поскольку это противоречия в явном виде. А противоречия в классической логике отождествляются с ложью. Иногда кажется, что именно из-за нарушения логических законов возникает эффект неожиданности, присущий остроумному выражению. Итак, может ли юмор быть логичным? Обратимся теперь к подходам к юмору, которые мы встречаем у классиков логики.

1. «Большинство шуток являются результатом метафор или способности удивить».

«Смешное – некоторая ошибка или безобразие, никому не причиняющее страдание» [10. С. 29. V, а 34–35].

Заметим, что поскольку Аристотель считает, что *«и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать»* [11. С. 69. 982b], а юмор – результат удивления, то юмор действительно выступает неизбежным спутником философии.

2. «Неожиданное сближение или объединение идей, которое дарит ощущение удовольствия» (Джон Локк).

И Локк, и Гоббс, и Спиноза подчеркивают сопровождающее юмор чувство удовольствия, а иногда и чувство радости. Но юмор не всегда вызывает положительные эмоции. Вспомним выражения, сближающие смех с грехом: и смех и грех, т.е. и смешно, и печально; где смех, там и грех и т.д. Совсем не вызывает радости у нормальных людей черный юмор, жесткая сатира, издевка и т.п. Видимо, юмор, как мы уже отметили, амбивалентен, может быть как добрым, так и злым. Это часть определения юмора Локком опять-таки относится к области психологии, а для логики важно то, что юмор – результат *неожиданного объединения или сближения идей* с использованием метафор. Чтобы лучше понять, как связаны юмор и логика, обратимся к периоду возникновения логики.

Юмор и возникновение логики

Грамматические изыскания софистов выявили такие явления в языке, как омонимия, синонимия, и способствовали возникновению игр (со) словами, из которых часто и состоит софистика. Софистика – это умение пользоваться приемами (софизмами), при помощи которых можно обмануть собеседника. Многие софизмы известны нам из «Диалогов» Платона, например, софизм «Пес» из диалога «Евтидем» [12. С. 147].

– Скажи-ка, есть ли у тебя собака?

– И очень злая, – отвечал Ктесипп.

– А есть ли у нее щенята?

– Да, тоже злые.

– А их отец, конечно, собака же?

– Я даже видел, как он занимается с самкой.

– И этот отец тоже твой?

– Конечно.

– Значит, ты утверждаешь, что твой отец – собака и ты брат щенят!

Коротко доказательство выглядит так: твой пес имеет щенят, значит, он отец. Он – твой и он отец, значит, он твой отец. Неожиданный вывод, не правда ли? Смешно, если и не Ктесиппу, то всем окружающим, ведь такие беседы обычно проходили при большом стечении народа. Причина смеха в логической ошибке, в несоблюдении закона тождества – слово «твой» употреблено в двух разных смыслах: в смысле обладания собакой и в смысле родства. Софизм – это ложь, весьма похожая на правду. Получается, что юмор, смех возникают именно в результате искажения правды. И даже искажения простой истины обычного арифметического уравнения, совсем не касающейся чувств человека: 5 – одно число. 3 и 2 – это 5. Значит, 3 и 2 – одно число. Здесь ошибка состоит в неоднозначности союза «и»: в первом случае он обозначает арифметическое сложение, во втором – сочинительный союз. Софизм может возникнуть не только из-за многозначности слов, но и из-за неопределенности выражений при правильности логической связи между суждениями, например, в софизме «Рогатый»: *То, что ты не терял, ты имеешь. Ты не терял рога. Значит, ты их имеешь.*

Другим источником смешных ситуаций в Античности были парадоксы. Эпименид, житель острова Крит, выступая в Народном собрании Афин, высказывает суждение: *Вы правы, афиняне, все критяне – лжецы.* От неожиданности, что истинное для афинян суждение вдруг оказалось ложным, им впору рассмеяться.

Парадоксы возникают как следствие самоприменимости высказываний. Это явление в языке, когда содержание высказывания относится не только к другим объектам, но и к самому себе, как в вышеприведенном парадоксе «Лжец»: *лжет ли тот, кто говорит, что он лжет?* Но самоприменимость вовсе не обязательно приводит к парадоксу. Я говорю по-русски. Я по-русски говорю о том, что я говорю по-русски. Все нормально, никакого парадокса, противоречия не возникает. Самоприменимость часто отрицает истинность, опровергает само высказывание, например, суждение *всякое правило имеет исключение*, будучи также правилом, опровергает само себя и тем самым делает истинным противоречащее ему суждение: *некоторые правила не имеют исключений.* А тезис скептиков *все сомнительно*, применимый к самому этому высказыванию, опровергает его: сомнительно, что все сомнительно, значит, *есть несомненное, безотносительное, Абсолют.* Неожиданно, но не смешно. В других же случаях самоприменимость вызывает смех: *Поставьте же мне памятник за скромность! Или: Дайте мне таблеток от жадности! И побольше, побольше!*

Казалось бы, неопределенность может быть исключена введением определений, но скептики уже готовы были высмеять роль определений, в частности определения человека. Секст Эмпирик пишет: «Так, например, (скажем что-нибудь и ради шутки), если кто-нибудь, желая узнать от другого, не встретился ли ему человек, едущий на лошади и влекущий за собой собаку,

поставил ему вопрос так: “о разумное, смертное животное, способное к мышлению и знанию, не встретилось ли тебе животное, одаренное смехом, с широкими когтями, способное к государственной науке, поместившее закругление зада на смертное животное, способное ржать и влекущее за собой четвероногое животное, способное лаять?” – неужели он не был бы осмеян из-за определений, поставив в тупик человека, хорошо знакомого с этим предметом?» [13. С. 305].

Ошибка в данном случае состоит в том, что логические определения используются в качестве описаний, в то время как индивиды, единичные объекты не допускают определений, поскольку не имеют видовых отличий. Это тоже нарушение логического правила. Во всех софизмах мы имеем дело с ошибками, ложью. Итак, как парадоксы, так и софизмы отождествляются в двузначной классической логике с ложью.

Ирония Сократа

А как обстоит дело с юмором в диалогах Сократа? Сократа современники часто не отличали от софистов. В его диалогах тоже присутствовал эффект неожиданности, парадоксальности, например, *я знаю только то, что ничего не знаю, а остальные не знают и этого.* Но ирония Сократа не софистика. Прежде всего, они различаются по целям: софистические уловки носят корыстный характер, а ирония Сократа призывает к бескорыстному стремлению к истине. Она служит пробуждению от самонадеянности, самодовольства разума. Платон, по-видимому, противопоставлял иронию Сократа юмору софистов, считая такой юмор негативным явлением, «ибо чувство это основано на злобе и зависти, в особенности смех, вызванный несчастьем или неудачей других, или насмешки над стоящими ниже по положению» [14. С. 55]. Платон не сделал попытки объяснения природы смешного, но пришел к весьма важному для себя выводу о том, что смех может иметь серьезные последствия, в том числе для жизни целого государства.

Аристотель уже прекрасно понимал, что за игрой со словами стоит нарушение смысловых, логических правил. Перед ним был настоящий интеллектуальный вызов: чтобы опровергнуть софистов, необходимо было сформулировать те законы, которые нарушены в их мышлениях. Именно ему принадлежит формулировка трех основных законов логики: тождества, непротиворечия, исключенного третьего, а на основе этих законов им дано опровержение софизмов.

Нарушает ли юмор основные законы логики?

Начнем с закона тождества, который гласит, что в процессе рассуждения мысль должна сохранять свое основное содержание. В виде формулы: если *p*, то *p*: если сегодня вторник, то сегодня вторник. Если пятница, то пятница (а не семь пятниц на неделе). Может ли юмор, в котором все перечисленные ошибки нередки, быть логичным? На первый взгляд, юмор и логика – «две вещи несовместные». Но можно увидеть,

что найти совсем нелогичную, абсурдную шутку довольно трудно. Полный абсурд все же не смешон. Может быть, в таких случаях мы просто не можем увидеть «глубинный юмор»? Иногда остроумный ответ звучит слишком логично, именно это и создает юмористический эффект, как в следующем примере:

Учитель: Ира, ты написала очень хорошую работу, но она точно такая же, как у Маши. Что я должен думать?

Ира: Что работа Маши тоже очень хорошая.

Наиболее распространенная ошибка нарушения закона тождества – подмена понятий, мысли, истины, как в вышеприведенных софизмах. Большинство юмористических выражений, в частности приведенные ниже, построены именно на несоблюдении закона тождества, т.е. на метафоричности, двусмысленности, неопределенности слов и предложений:

а) *Почему вы называете этот хор смешанным? Ведь здесь – одни женщины. – Да, но одни умеют петь, а другие – нет.*

б) *Сидящий встал. Кто встал, тот стоит. Следовательно, сидящий стоит.*

в) *На практических занятиях студент спрашивает у преподавателя: «Можно ли наказывать человека за то, что он не сделал?» – «Нет, конечно», – отвечает преподаватель. – «Тогда, пожалуйста, не наказывайте меня: я сегодня не сделал домашнего задания».*

г) Каламбур писателя Евгения Шварца о своих коллегам Михаиле Слонимском и Константине Федине: *Миша – пророк. Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения. Слонимский сказал: – Федин уехал встряхнуться. Так и вышло.*

д) *Правительство не поддерживает добрая половина населения. А уж что говорить о злой...* Слово добрая в начале фразы означает количественную характеристику (значительная, большая), а во второй части подразумевает этическую характеристику.

е) У Льва Толстого в «Войне и мире» можно встретить употребимое в речи в XIX в. противоречивое выражение *большая половина*: *большую половину его состояния...* По-видимому, под большей половиной понимается в этих случаях лучшая часть чего-либо, значительная, осязаемая часть.

ж) *Может быть, чтобы не потерять талант, нужно его зарыть?*

В последнем предложении, во-первых, двусмысленно слово *талант* (и монета, и данная человеку способность творить), что отсылает нас к новозаветной притче о талантах; во-вторых, двусмысленно слово *зарыть*: зарыть в смысле потерять и одновременно зарыть в смысле спрятать, сохранить. Здесь мы встречаем случаи, когда слово не просто имеет разные значения, но эти значения противоположны, например, предложение «он прослушал лекцию» может означать, что он слушал лекцию или наоборот, он не слушал лекцию. Кстати, в этих случаях нарушается не только закон тождества, но и следующий, вытекающий из него закон непротиворечия.

Закон непротиворечия

Закон непротиворечия гласит: два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же

время и в одном и том же отношении: неверно, что Р и не-Р: неверно, что сегодня вторник и сегодня не вторник. Юмор с подчеркиванием несоблюдения закона непротиворечия мы находим в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. При покупке мертвых душ Чичиков говорит Собакевичу: *«Вы, кажется, человек умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что он стоит? Кому нужен?» – «Да вот вы же покупаете, стало быть нужен».*

Второй пример из повести И.С. Тургенева «Рудин»: *«Прекрасно! – промолвил Рудин. – Стало быть, по-вашему, убеждений нет?» – «Нет, и не существует». – «Это ваше убеждение?» – «Да». – «Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно, на первый случай». Все в комнате улыбнулись и переглянулись.*

Во втором случае мы снова встретились с самоприменимостью языковых выражений. В парадоксах самоприменимость приводит к порочному кругу, к логическому тупику, больше того, к кризису в науке, например, к парадоксам теории множеств. Не углубляясь в эту тему, приведем пример, иллюстрирующий известный парадокс Рассела о нормальных множествах.

Парадокс «Брадобрей»: Некий генерал, заботясь о том, чтобы не было небритых солдат, издал приказ о выделении в полку одного солдата-брадобрея, у которого должны бриться все те солдаты, которые сами себя не бреют. У кого должен бриться этот солдат-брадобрей?

Непонятно. Бедный солдат! Он не имеет права ни побриться, ни не бриться. Остальным остается только посмеяться над ним.

Закон исключенного третьего

Из двух противоречащих друг другу суждений одно истинно, другое – ложно, третьего суждения не дано: либо Р, либо не-Р. Сегодня либо вторник, либо не вторник.

Однажды Ходжа Насреддин услышал, что султану потребовался астролог. Он явился ко двору султана и сказал, что согласен на эту должность, но с условием, если его возьмут вместе с женой. Объяснил он это так: «Видите ли, в чем дело. Моя жена имеет обыкновение во всем перечить мне. Когда я, к примеру, утверждаю, что завтра будет дождь, то она мне доказывает, что завтра дождя не будет. И что удивительно, я заметил за многие годы, что либо я оказываюсь прав, либо она, и никогда ничего третьего не бывает».

Заметим, что астрологам, а также синоптикам и всем тем, чья профессия связана с прогнозированием, лучше работать в супружеской паре, заработок в любом случае будет обеспечен. Закон исключенного третьего им в этом случае в помощь. Это, конечно, шутка, как и шутка Ходжи Насреддина, за которой скрывается его обман, заведомое невыполнение предлагаемой работы, но нам в данном случае важно отметить то, что именно подчеркивание действия логического закона создает юмористическую ситуацию.

Закон достаточного основания

Четвертый и последний из основных законов, как известно, добавил В. Лейбниц. Современная его формулировка такова: достоверны лишь те суждения, относительно истинности которых могут быть

приведены достаточные основания: p истинно, так как истинно q . Например, сегодня вторник, так как вчера был понедельник, а после понедельника следующая день недели – это вторник.

Нарушением этого закона может быть либо ошибка «не следует», либо вывод из ложного основания. Продемонстрируем нарушение этих необходимых условий для вывода (соблюдения логических правил и истинности посылок) в шутках двух известных логиков. Примеры взяты из книги автора целой серии сборников по занимательной логике Рэймонда Смаллиана, полных глубокого юмора.

Доказательство Леонарда Эйлера.

О поездке Дидро в Россию по приглашению Екатерины II рассказывают следующий анекдот. Дидро был атеистом и не скрывал своих убеждений. Императрица находила его высказывания забавными, но один из ее вельмож посоветовал пресечь вольнодумные речи Дидро. Против энциклопедиста был составлен небольшой заговор, к участию в котором был приглашен знаменитый математик Эйлер, человек глубоко религиозный. Эйлер объявил, что ему удалось найти доказательство существования Бога, которое он охотно изложит Дидро в присутствии всего императорского двора. Дидро согласился на диспут. Эйлер, пользуясь тем, что Дидро совершенно не знал математики, встал и, глядя на своего оппонента, замогильным голосом произнес: «А в квадрате минус В в квадрате равно А минус В, умноженному на А плюс В. Следовательно, Бог существует. Вы согласны?» Раздался общий смех, и Дидро совершенно растерялся. Тут же он испросил у императрицы разрешение вернуться на родину и отбыл во Францию [15. С. 200–201].

Смех возник из-за нарушения закона достаточного основания: основание истинно, но из него не следует существование Бога. Как верующий ученый Эйлер понимал, что научное, математическое доказательство существования Бога невозможно, так же как невозможно доказательство Его несуществования, и на этом построил свою шутку.

Вторая история о другом знаменитом логике Бертроне Расселе.

Один философ испытал сильнейшее потрясение, узнав от Бертрона Рассела, что из ложного утверждения следует любое утверждение. Он спросил: «Вы все-таки считаете, что из утверждения “два плюс два пять” следует, что вы Папа римский?» Рассел ответил утвердительно. «И вы можете доказать это?» – продолжал сомневаться философ. «Конечно!» – ответил Рассел.

1) *Предположим, что $2 + 2 = 5$.*
 2) *Вычтем из обеих частей 2: получим: $2 = 3$.*
 3) *Переставим правую и левую части: $3 = 2$.*
 4) *Вычтем из обеих частей единицу, получим: $2 = 1$. Папа римский и я – нас двое. Так как $2 = 1$, то Папа Римский и я одно лицо. Следовательно, я Папа римский [15. С. 202].*

В этом анекдоте эффект вызван как раз соблюдением логического закона, гласящего, что из лжи следует ложь. Здесь мы встречаемся с так называемыми парадоксами материальной импликации, возникающими от того, что логика отвлекается от содержания

конкретных высказываний, а учитывает только логические значения (истинность или ложность) этих высказываний. В результате оказывается, что из истины следует все что угодно, т.е. как истинное, так и ложное высказывание. Какой простор для юмористических высказываний!

Однако закон логического следования гласит: из истинного высказывания нельзя вывести ложное высказывание. В этом случае логика ставит свое вето: «не следует». Посмотрим, соблюдается ли этот закон логического следования в следующем рассуждении.

Что лучше: вечное блаженство или бутерброд с ветчиной? – Бутерброд с ветчиной! Судите сами. Что лучше вечного блаженства? Ничего! А бутерброд с ветчиной лучше, чем ничего. Следовательно, бутерброд с ветчиной лучше, чем вечное блаженство [15. С. 202].

Здесь мы имеем дело с ошибкой «не следует». Уточним высказывание «нет ничего лучше вечного блаженства». Получим: ничего из того, что лучше вечного блаженства, не существует. Бутерброд с ветчиной существует. Отсюда следует, что бутерброд не есть что-то из того, что лучше вечного блаженства.

Этот вывод получен по модусу Cesare II фигуры простого категорического силлогизма. Ошибка в неопределенности слова «ничего». Уточнив высказывание, мы убедились, что из него следует вывод, противоречащий приведенному в первом рассуждении. Юмор снова вызван неопределенностью высказывания, т.е. нарушением закона тождества.

Как мы убедились, в одних юмористических ситуациях законы логики нарушались (это касается в основном закона тождества), в других, наоборот, подчеркивание этих законов создавало комический эффект (например, когда собеседники лоят на обмане, т.е. на несоблюдении закона противоречия Чичиковым, или соблюдение закона исключенного третьего в шутке Ходжи Насреддина). А в так называемых парадоксах материальной импликации, иллюстрацией которых было доказательство Бертрона Рассела, любая подстановка в формулу не связанных по содержанию высказываний способна вызвать у слушателей или читателей смех: *если ты Спартак, то я Александр Македонский* и т.п.

Смех как собственное свойство человека Юмор в религии

Что говорит создатель логики Аристотель о смехе? По Аристотелю, существенное свойство человека как вида животных – его разумность, логичность. При этом собственное свойство человека как вида – это обладание смехом. Смех невозможен без разумности, без ума нет и смеха, а есть, например, ржание, собственное свойство лошадей.

Проблеме смеха в христианстве посвящен роман известного культуролога, медиевиста Умберто Эко «Имя розы». Это детективное повествование о средневековом монастыре, где слепой монах Хорхе, оказавшийся в итоге разыскиваемым убийцей, тщательно скрывает загадочную книгу, а в конце умирает сам, спешно заглатывая им же пропитанные ядом листы этой книги. С какой же целью он убивал других

монахов? Дело в том, что эта книга, по замыслу автора романа – единственный сохранившийся экземпляр рукописи «О смехе», предполагаемой второй части «Поэтики» Аристотеля. Монах Хорхе считал, что смех не подобает христианину. Он считал, что если смех будет подтвержден непрерываемым авторитетом Аристотеля, то рухнет вся система ценностей Хорхе, которые он почитал единственно христианскими.

Такой замысел романа У. Эко можно было бы принять без оговорок при условии, если Хорхе не был знаком с философией Аристотеля, не читал другие трактаты философа, в которых неоднократно утверждается, что смех – это неотъемлемое и присущее только человеку свойство. Кстати, в действительной «Поэтике» Аристотеля имеется отрицательное отношение к смешному: «Комедия есть подражание худшим людям, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное; так, чтобы далеко не ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без страдания» [10. С. 29]. Если же исходить из этики Аристотеля, любое свойство человека может быть как добродетельным, так и порочным.

Поэтому ни в христианстве, ни в исламе, как пишут в своей статье «К вопросу о месте юмора и смеха в традиции ислама» О.Б. Ефимова, Т.Г. Туманян [16. С. 126–134], смех не отвергается целиком и даже не осуждается, если соблюдается чувство меры. Если же человек «без ума смеялся», а уж тем более унижал или насмехался над другими, и особенно над священными предметами, то такое поведение считается греховным. В статье «Религиозный анекдот и его богословские истоки» [17. С. 123–131] ее автор А.И. Бродский показывает, что анекдоты сочиняют и рассказывают религиозные люди; автор даже находит прообразы еврейских анекдотов в хасидских рассказах. В религиозных анекдотах часто используется прием самоприменимости и «самообосновывающейся истины», например:

– *А наш рабби, – говорит один из собеседников, – порой с самим пророком Ишей беседует.*

– *Откуда ты это знаешь?*

– *Он сам нам об этом рассказывал.*

– *Так, может, он врет?*

– *Что ты? Как может врать человек, с которым сам пророк Илья беседует?* [17. С. 129].

Обратимся снова к христианству, на этот раз к византийским источникам. Исследователь византийской логики О.Ю. Гончарко в статье «Семантический анализ временного аспекта византийских и позднеантичных греческих шуток» [18. С. 160–164] обратила внимание на византийский сборник юмора «Любитель смеха». Автор статьи осуществила попытку анализа юмора средствами неклассической логики, в частности средствами временных и модально-временных логик. В следующих шутках меняется модель времени.

«Схоластик, которого часто просили писать умершим эпитафии, как-то раз написал ее все еще живу-

щему человеку. И когда тот обиделся, схоластик возмутился: “Вы никогда не предупреждаете заранее, когда собираетесь умирать, что вынуждает меня писать плохо, почти без подготовки!”» [18. С. 164].

«Схоластик, работая школьным учителем, как-то раз на уроке, внезапно посмотрев в угол, воскликнул: “Дионисий в углу плохо себя ведет!” А когда некто из учеников ответил: “Но Дионисий еще не пришел!”, схоластик добавил: “Дионисий в углу плохо себя ведет всякий раз, когда приходит!”» [18. С. 163–164].

Как видим, византийцы, в том числе монахи были не прочь посмеяться. Существует целый жанр монашеского юмора, особенно современного. В интернете он представлен весьма широко. Например, на сайте «Азбука веры» есть раздел «Отцы-пустынники смеются». Приведем взятый оттуда анекдот.

Старец испытывает молодого человека, желающего поступить в монастырь: «Если бы у тебя было три золотые монеты, отдал бы ты их нищему? – От всего сердца, отче! – А три серебряных монеты? – Охотно! – А если бы у тебя было три медных монетки? – Нет, отче. – Почему же? – воскликнул старец в изумлении. – Потому что у меня действительно есть три медных монетки».

Как не вспомнить знаменитый пример Канта о том, что сто талеров в кармане по своим свойствам ничем не отличаются от ста талеров в уме. Как видим, молодой человек их отлично отличает. Правда, нынешние виртуальные «электронные» деньги заставляют нас по-новому отнестись к рассуждению Канта. Нам кажется, что мы обладаем деньгами, что они у нас в кармане, но если отключат электричество, мы в секунду лишимся их.

Смеялся ли Христос?

Этот вопрос и в наши дни является весьма популярной темой научных и теологических дискуссий (см., например, работу С.С. Аверинцева [19]). Не только герой романа «Имя розы» монах Хорхе, но и многие христиане считают, что Христос не мог смеяться. Эта традиция идет от Иоанна Златоуста, который как-то написал, что Христос не смеялся. Но смех и юмор – не одно и то же. Смех – психическая реакция, следствие юмористической ситуации. Юмор же заключен часто в словах, в самом тексте и не обязательно вызывает смех и даже улыбку. Мог ли Иисус Христос, будучи человеком, не обладать этим присущим людям свойством смеяться и улыбаться? Если в Евангелии мы не найдем сцен, где сказано, что Христос смеялся, то это не означает, что ему не был присущ юмор другого плана, что он не понимал юмора. Скорее всего, и о Сократе нигде не сказано, что он смеялся, но никто не сомневается в том, что он мог смеяться. Иисус Христос, скорее всего, не смеялся, но часто иронизировал. Вот несколько примеров:

Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? (Иоан. 10:32,33).

Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер!

вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Матф. 7:4–5).

Остроумным видится нам выход из ситуации, когда фарисеи провоцировали Иисуса Христа вопросом о том, позволительно ли платить налог кесарю. Он ответил: *Покажите Мне динарий: чье на нем изображение и надпись? Они отвечали: кесаревы. Он сказал им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Лука, 20: 24–25). Обратим внимание, что обоснование дается в форме закона тождества: кесарево кесарю, а Божие Богу.

В заключение ответим на вопрос, всегда ли юмор – ложь, а значит, и зло. Нет, юмор простирается от истины до лжи, от добродушной иронии до злобной издевки. В юморе зримо проявляется связь истины и добра: истина, сказанная со злом, становится ложью. Причина юмора – ограниченная формализуемость живого естественного языка. Поэтому в большинстве

юмористических выражений происходит нарушение правил логики. Хотя автоперевод в последнее время ощутимо совершенствуется, но неадекватный перевод продолжает выдавать чисто юмористический текст. Наверное, нетрудно догадаться, машинным переводом какой фразы из Евангелия является предложение *Спирт крепок, а мясо протухло*. Машина неправильно поняла английское слово *spirit*, выбрала не то значение [15. С. 193]. В синодальном переводе этот афоризм звучит так: «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41).

Юмор – признак свободы и творческой активности человека, сфера не только его душевной, но и духовной деятельности. Любому человеку, в том числе христианину, присуще это неотъемлемое свойство, и только от него зависит, станет ли это свойство добродетелью или пороком. Остроумие становится желанной добродетелью, если человек соблюдает, как и во всем остальном, чувство меры.

Список источников

1. Ломоносов М.В. Письма // Михаил Ломоносов : научная библиотека. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/pisma/letter-92.htm> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Бунин И.А. О Чехове // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1840-1.shtml
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 2.
4. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht : Reidel, 1985.
5. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб. ; М. : Университетская книга, 1997.
6. Мельников С.С. Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1.7. С. 213–217.
7. Брагинская Н.В. Было ли у Аристотеля чувство юмора? или Есть ли у нас чувство его чувства? Эссе по исторической психологии // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного : в 2 кн. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Наука, 2003. Кн. 2. С. 264–280.
8. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968.
9. Morreall J. *Philosophy of Humor* // Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/humor/>
10. Аристотель. Поэтика Риторика. СПб. : Азбука, 2000.
11. Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1975.
12. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986.
13. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Сочинения : в 2 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева ; пер. с древнегреч. Т. 2. М. : Мысль, 1976. С. 206–380.
14. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий. М. : Мысль, 1999.
15. Смаллиан Р.М. Как же называется эта книга? М. : Мир, 1981.
16. Ефимова О.Б., Туманян Т.Г. К вопросу о месте юмора и смеха в традиции ислама // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 2. С. 126–134.
17. Бродский А.И. Религиозный анекдот и его богословские истоки // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 123–131.
18. Гончарко О.Ю. Семантический анализ временного аспекта византийских и позднеантичных греческих шуток // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1(239). С. 160–164.
19. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7–19.

References

1. Lomonosov, M.V. (1764) Pis'ma [Letters]. *Mikhail Lomonosov: nauchnaya biblioteka* [Mikhail Lomonosov: research library]. [Online] Available from: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/pisma/letter-92.htm> (Accessed: 28.02.2023).
2. Bunin, I.A. (2021) *O Chekhove* [On Chekhov]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1840-1.shtml
3. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Raskin, V. (1985) *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel.
5. Freud, S. (1997) *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wit and Its Relation to the Unconscious]. Translated from German. Saint Petersburg; Moscow: Universitetskaya kniga.
6. Mel'nikov, S.S. (2015) *Sotsiologiya yumora: k kritike trekh fundamental'nykh teoriy smeshnogo* [Sociology of humor: criticism of three fundamental theories of the funny]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 1.7. pp. 213–217.
7. Braginskaya, N.V. (2003) *Bylo li u Aristotelya chuvstvo yumora? ili Est' li u nas chuvstvo ego chuvstva?: esse po istoricheskoy psikhologii* [Did Aristotle have a sense of humor? or Do we have a sense of his feelings?: an essay on historical psychology]. In: Chubar'yan, A.O. (ed.) *Homo Historicus: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: On the 80th anniversary of the birth of Yu.L. Immortal]. Book 2. Moscow: Nauka. pp. 264–280.
8. Luk, A.N. (1968) *O chuvstve yumora i ostroumii* [About the Sense of Humor and Wit]. Moscow: Iskusstvo.
9. Morreall, J. (2020) *Philosophy of Humor*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/humor/>
10. Aristotle. (2000) *Poetika. Ritorika* [Poetics Rhetoric]. Translated from Ancient Greek. Saint Petersburg: Azbuka.
11. Aristotle. (1975) *Sochineniya* [Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
12. Plato. (1986) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Mysl'.
13. Sextus Empiricus. (1976) *Sochineniya* [Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 206–380.
14. Plato. (1999) *Fileb. Gosudarstvo. Timey. Kritiy* [Philebus. Republic. Timaeus. Critias]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Mysl'.

15. Smalian, R.M. (1981) *Kak zhe nazyvaetsya eta kniga?* [What is the Name of This Book?]. Translated from English. Moscow: Mir.
16. Efimova, O.B. & Tumanyan, T.G. (2016) K voprosu o meste yumora i smekha v traditsii islama [On the question of the place of humor and laughter in the tradition of Islam]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17. 2.* pp. 126–134.
17. Brodskiy, A.I. (2019) Religioznyy anekdot i ego bogoslovskie istoki [Religious anecdote and its theological origins]. *Filosofskiy polilog. Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii. 2 (6).* pp. 123–131.
18. Goncharko, O.Yu. (2016) Semanticheskiy analiz vremennogo aspekta vizantiyskikh i pozdneantichnykh grecheskikh shutok [Semantic analysis of the temporal aspect of Byzantine and late Ancient Greek jokes]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 1 (239).* pp. 160–164.
19. Averintsev, S.S. (1992) Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture]. In: Gogotishvili, L.A. & Gurevich, P.S. (eds) *M.M. Bakhtin kak filosof* [Mikhail Bakhtin as a Philosopher]. Moscow: Nauka. pp. 7–19.

Информация об авторе:

Тоноян Л.Г. – канд. филос. наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tonoyan2003@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Tonoyan, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tonoyan2003@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.03.2023;
одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 08.03.2023;
approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 1:316+13
doi: 10.17223/15617793/497/6

Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период

Ирина Владимировна Яковлева¹, Сергей Иванович Черных²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

¹ uhova2005@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9701-297X

² 2560380@ngs.ru, ORCID: 0000-0001-6644-8295

Аннотация. Рассматривается аксиосистема российского образовательного пространства как часть общества, зависящая от образовательных взаимодействий, составляющих его экосистему, организованных, управляемых и иерархизированных и, в целом, наполненных интересами и потребностями, смыслами и ценностями ее субъектов. Утверждается, что обнаружение диалектических изменений в аксиологических приоритетах российского образования в переходный период требует их дифференциации, а также нахождения баланса в конструктивных механизмах взаимоперехода традиционных доминант к инновационным.

Ключевые слова: аксиосистема, социальная философия, философия образования, образовательное пространство, экосистема образования, ценность, образовательные ценности

Для цитирования: Яковлева И.В., Черных С.И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 57–64. doi: 10.17223/15617793/497/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/6

Dialectics of changes in the axiosystem of Russian education in the transition period

Irina V. Yakovleva¹, Sergey I. Chernykh²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ uhova2005@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9701-297X

² 2560380@ngs.ru, ORCID: 0000-0001-6644-8295

Abstract. The restoration of traditional values and national spiritual meanings today has become the main vector of change in the Russian educational space, which requires a qualitative socio-philosophical reflection in the dynamics of changes in the axiological content of education. The theoretical and methodological basis of the study is the systemic, constructivist and dialectical approaches, with the help of which the general theory of socio-educational values is outlined. The focus of the study is the ecosystem of education in the transition period (from the values and meanings of the Bologna architecture of educational practices to the achievement of Russia's educational sovereignty). The axiosystem of the Russian educational space is considered as a society's part dependent on educational interactions (organized, managed and hierarchized, filled with the interests and needs, meanings and values of its subjects) that make up its ecosystem. Rationality and humanitarian content as substantial origins of the educational ecosystem in the complex are fixed by the category "education as a value". Destruction of its dialectical interaction destroys the functioning of the educational ecosystem, a chaotic interchange of fundamental, variant, innovative values is observed. Variant values, due to their lability and adaptability, dominate in the transition period (for example, consumer attitude to education as a service, not as a value). This situation discredits the fundamentalism of traditional national values and educational values in particular (this is how the value of education as a guaranteed social elevator was discredited). The modern educational ideology initiates the message of the necessity to integrate traditional (fundamental) values with innovative achievements, in accordance with which a dialectic of value-containing fundamental, variant and innovative values is proposed within the framework of the need to revise the functions of man and his value-based consciousness. For the formation of the new educational paradigm's axiosystem, it is necessary to understand that values as meanings of being and knowledge about this being (if it is identical to it) constitute two substantial bases of social phenomenon. The aim of the article is to discover axiological priorities of the axiosystem of Russian education in the transition period, their differentiation and articulation in constructive mechanisms of mutual transition of modern, innovative dominants or return to traditional ones.

Keywords: axiosystem, social philosophy, philosophy of education, educational space, ecosystem of education, value, educational values

For citation: Yakovleva, I.V. & Chernykh, S.I. (2023) Dialectics of changes in the axiosystem of Russian education in the transition period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 57–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/6

Введение

Место и роль современной России в глобальном мире напрямую зависят от ее научно-технологической и социально-политической мощи. Этот тезис идеологически оформляется в двух основных плоскостях. В первой плоскости Россия рассматривается как один из возможных лидеров многополярного мира. Во второй, – для утверждения такого лидерства России необходимо обрести технологический и когнитивный суверенитет. Широко и активно комментируется утверждение спецпредставителя президента по вопросам цифрового и технологического развития, гендиректора АНО «Платформа НТИ» о том, что «новая холодная война 2022 года требует смены представлений когнитивного уровня <...> нет смысла заниматься технологиями, не решив проблему когнитивного суверенитета. Когнитивный суверенитет – это когда вам в голову не могут положить чужой смысл и у вас достаточно собственных аналитических способностей, чтобы отделить то, что вам действительно нужно, от того, что вам навязано <...> лучшие зарубежные практики очень часто оказываются токсичными. И мы попали в ряд когнитивных ловушек, которые стоили нам невероятного объема ресурсов» [1]. Многозначность, а равно и экономическая, политическая и социально-философская содержательность этой объемной цитаты уже подверглись рефлексии научного сообщества. Приведем только одну из реплик такого рода, принадлежащую Ч. Годдарду: «Некоторые идеологии привлекательны, ими восхищаются за качества, выходящие за рамки собственного опыта человека. Эксперимент с Болонской системой образования стал одним из примеров такого соблазна для России. <...> Результат нельзя назвать удовлетворительным» [2. С. 60]. Поскольку в развитии российской системы образования уже обозначился новый переходный период, его характеристики нуждаются в теоретическом и практическом осмыслении. 12 мая 2023 г. «либеральному эксперименту» (ловушке, соблазну), в результате предварительного бурного обсуждения, специальным указом Президента России был положен конец. Одновременно были прокламированы новые цели, смыслы и ценности, к которым надо стремиться, чтобы обеспечить будущее России в многополярном мире. Отдельная роль была отведена ценностной системе общества. «Ценностная повестка в конечном счете определяет и расстановку приоритетов для целеполагания при стратегическом планировании», – пишет Д.А. Дегтерев [3. С. 359].

Современные механизмы глобального целеполагания имеют четыре основных составляющих: безопасность, производство, финансы и сферу воспроизводства социальных норм и ценностей (коммуникационная сфера). Вполне естественно предположить, что конструирование новой модели «знание–власть–бизнес» потребует создания новой аксиологии для всех

сфер жизнедеятельности социума. И в первую очередь это касается тех общественных систем, в которых данная аксиология формируется. Именно поэтому аксиосистема образования, которая далее рассматривается как диалектический механизм воспроизводства репродукции ценностей «через воспроизводство знания», должна подвергнуться социально-философскому анализу. Регулирование ценностной составляющей образования – исключительно сложная проблема. Ее индивидуальная экспликация осложняется тем, что Учитель перестал быть сегодня «монопольным конструктором» знания (в том числе идеологического). Его место (как знаниевое пространство) все больше занимает интернет и, соответственно, на индивида как актора образовательного взаимодействия ложится ответственность различения позитивно-ценностного и негативно-ценностного смыслов. Этому может «научить» критическое мышление. Однако указанная компетенция лежит сегодня (по преимуществу) вне образовательных практик. Здесь нельзя не упомянуть к общественной дискуссии 2022 г. по поводу проекта основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в которой основным функционалом справедливо рассматривался пророссийский нарратив.

Формирование собственной идеологии соотносительности «власти–знания» как интегральных мыслительных конструкций «не может быть ориентировано только на символический и духовный ресурс, для их актуализации в сфере реальной политики требуются и территориальные, и организационные, и человеческие ресурсы» [4. С. 134]. Нельзя посредством простого «перечисления» выстроить систему ценностей, так же как нельзя осуществить их анализ без предложений по изменению (возможно, кардинальному изменению) наличного общественно-образовательного уклада. Главный способ такого изменения – формирование здорового целеполагания у всех его акторов. Акцентируя данный тезис, И.И. Бузовский говорит о центральной роли государства в этом процессе. «Главным способом формирования здорового целеполагания является эффективная организация коммуникаций-понятий в области сознания, идеалов, жизненных смыслов и ценностей. Государство представляется структурой формирования внутренних коммуникаций индивидуума в механизмах познания ценностных шкал в социуме» [5. С. 47]. Интерпретация этого тезиса позволяет утверждать, что ценности, идеалы, цели и смыслы всегда взаимосвязаны и интегрированы друг в друга. Их взаимоопределение выступает в форме ценностной установки/ориентации личности. Регулирование ценностных установок – важнейшая функция образования. Без общей концепции основных (базовых) ценностей нет единого мнения и норм поведения, и тогда эта норма не может двигаться вперед. Так утверждает лидер Китая Си Цзиньпин [6].

Методология

Методологические основания базируются на современных социально-философских исследованиях, посвященных общественным и образовательным ценностям в их соотношении. Использовались системный, конструктивистский и диалектический подходы. Системный подход позволил определить место и значимость ценностей для формирования образовательной аксиосистемы, сформулировать определение аксиосистемы образования. Диалектический метод применялся при описании взаимоперехода ценностей различных уровней. Конструктивистский подход позволил дифференцировать ценности, идеалы и смыслы в актуализации образовательной аксиосистемы. В результате были сформулированы установочные методологические принципы: наличие противоречий аксиосистемы общества в целом и отсутствие стратегии прогнозирования ценностных оснований российского образовательного пространства; отказ от зарубежного опыта и его ценностей в организации новых образовательных взаимодействий; использование онтологии образования, эпистемологии образования и праксиологии образования как методологического аппарата философии образования, требующее «дифференцированного вера» смысловых интенций в понимании общественного и образовательного идеала.

Обсуждение

Актуальное общественно-индивидуальное российское аксиологическое пространство, подчас конфликтное, интегрирует традиционные, современные и инновационные образовательные ценности, учреждающие ценности общечеловеческие (глобальные или миросистемные), включающие ценности рыночные. Традиционные образовательные ценности являются центральным, стержневым элементом управления системой образования, поскольку исходно основаны на рационализме целостной системы. Образование, в ценностно-традиционном представлении, – это [7–11]:

- вера в то, что образование улучшает уровень жизни, служит достижению статуса или положения в обществе, содействует трудоустройству и повышению дохода, влияет на конкурентоспособность общества и индивида на принципах универсальной целостности и всесторонней развитости;

- приоритет фундаментальных образовательных ценностей (бесплатность всех видов образования, воспитание в коллективе и через коллектив, непрерывность и научность процесса воспитания, учёт возрастных и индивидуальных особенностей, развитие инициативы и самостоятельности, отраслевая специализация, всеобщность, общедоступность, постоянная взаимосвязь учителя и ученика);

- ориентация на государственную идеологию: любовь к Родине, устремленность человечества в светлое будущее (например, коммунизм), духовность, соборность, коллективизм, понимание и воспроизведение

культурного кода; воспитание высоких духовно-нравственных качеств; экологизация и опережающее развитие науки, техники, технологий;

- престиж труда (трудовой подвиг, трудовое воспитание), просвещения, профессии как государственной потребности;

- принципиальное отношение к святому, эстетическим взглядам, этическим нормам и правилам;

Традиционные ценности общества и образования претерпевают постоянный натиск инновационных ценностей, в которых активно интегрируется аксиосфера глобального социума и аксиосистема модернизируемого национального (регионального) образования. Подавление традиционной функции, носящей консервативно-охранительный характер, зачастую приводит к негативным результатам, к утрате творческих основ образования и низведению его в сферу обслуживающего труда, что неизбежно отражается на его результате.

Актуальное аксиологическое содержание общественной деятельности требует учета современных образовательных ценностей, во многом зависимых от фундаментальной проработки философской дихотомии, посвященной «человеку в мире образования» и «образованию в жизни человека» [12. С. 321]. В современной глобальной миросистеме приоритетом становится экономический, политический и технологический суверенитет общества. Все более остро решается вопрос взаимодействия «ядра системы социальных ценностей» с «аксиологическим фундаментом образования» [13], особенно в аспекте экологического благополучия населения и здравоохранения, создания новых рабочих мест.

Изменилось общество, изменился человек, изменилась сущность и существование всего образовательного пространства, которое требует от человека активности в самоутверждении, требующей освобождения от зависимости, а также саморазвития, уникальности и целостности, креативности и эвристичности или развитости в целом [14]. Особое значение имеет такая ценностная амбиция, как артикуляция образовательного идеала, который бы базировался на новой онтологии человека и новой аксиологии образования. Их наполнение образует развитость потребностно-мотивационной сферы, наличие комплекса «капиталов» (интеллектуальных, культурных, социальных и др.), включая наличие ценностей, убеждений, идеалов, где новая онтология человека и новая аксиология образования объявляют получающего образование индивида субъектом собственного развития и где современные ценности тесно коррелируются с традиционными.

Становление и развитие комплекса новых образовательных технологий (информатизация, вхождение в мировое образовательное пространство, непрерывное обучение, применение технических, дистанционных и компьютерных средств обучения и контроля и др.) порождают многовариативную основу для формирования успешных инновационных перспектив в трансформации российского образования с целью разумного их сочетания. Существует необходимость ясно представ-

лять их сущность и гарантии получения высокого качества образования, основанного на практичности и эффективности. Поэтому современные (актуальные) образовательные ценности заявляют о: способности образования решать проблемы государства, общества, индивида; креативной культурной модели современного человека («человек – субъект культурного пространства непрерывного образования» и «стратегия собственного развития в изменяющемся мире» [15]); ином представлении образовательного идеала; получении практичного и эффективного образования для всех, а также о наличии желающих получать образование независимо от возраста, национальной принадлежности и других особенностей.

Современное российское государство как держатель ценностных критериев практичности и эффективности декларирует:

1. Актуальность эффективного экономического прогресса, охраны окружающей среды, создания новых рабочих мест, развитой системы социального обеспечения, бесплатной медицины и образования. Данные государственные программы в области поддержки образовательных программ, нужных для выживания нации и государства. Таким образом, выходом из Болонской системы российская образовательная политика демонстрирует недоверие англосаксонской и гумбольдтовской как образцам организации образовательной системы и объявляет создание национально-ориентированных технологического, когнитивного и образовательного суверенитетов [16].

2. Рост науки и технологий, требующих создания новых образовательных институций или условий, в которых с необходимостью снимаются противоречия между традиционной и современной парадигмой образования. Обладая способностью включать несколько десятков (сотен) образовательных учреждений разной сложности и значимости, институции способствуют объединению аксиологических и праксиологических образовательных измерений. Институции как целостная система, действующая рационально, слаженно, под единым началом, по единому принципу, упорядочивает и оформляет новейшие достижения науки и техники. Институционально-организованное образовательное пространство работает как инструмент регуляции современных представлений о классических естественно-научных и инженерно-технических областях.

3. Смысл образования – воспитание общественной нравственности. Традиция передачи общественных ценностей концентрируется на общей атмосфере, транслируемой средствами массовой информации и идеологически ориентированной образовательной методологией. Они могут быть разными и в разных вариантах (от художественной литературы до религиозных законов, от истории отечества до изучения биографии выдающихся деятелей). Морально-этические знания, получаемые в образовании, рассматриваются как безопасность человека, придание ему уверенности и силы. Например, кодекс образовательного равенства, чувство верности своему Отечеству, воспитание патриота,

гражданина и другие духовные измерения человеческого бытия имеют целью сохранение данного общества с его оригинальными ценностями.

Положительные тенденции, представленные на законодательном уровне, отражены в следующих положениях: во-первых, в условиях переходного периода впервые за последние тридцать лет происходит поворот от западной модели («болонизации образования») к национально-государственным приоритетам в сфере образования и науки, отказ от примата системы международных стандартов и возвращение к канонам отечественного образования в рамках специалитета. Во-вторых, оценка публикационной активности по тематике образовательных ценностей также начинает освобождаться от зависимости научной значимости результатов исследований зарубежных изданий. К положительным результатам законодательной практики следует отнести принятие ФЗ и Распоряжений Правительства, направленных на повышение роли патриотического воспитания, гражданской и нравственной позиции молодежи, формирование основ научного мировоззрения.

Инновационные образовательные ценности определяются изменением условий жизни человека и общества. Предмет и назначение философии образования в этом аспекте не только прогнозирование образов будущего, но и прямая реализация в современном образовании философских представлений о познании, науке, человеке в целом, где крайне необходима диалектика применений аксиосистемы российского образования. Инновативная практика все отчетливее требует необходимости ориентации образования на установку «быть образованным» [17], где все чаще подчеркивается значимость вариативных образовательных ценностей, включающих персонально-образовательные среды. Комплекс инновационных образовательных ценностей указывает на значимость развитых общественно-экономических отношений; воспитание индивида целостного, широко образованного и критически мыслящего, пользующегося правами и свободами, воспитанного в духе собственных традиций; применение новых ценностно ориентированных областей развития науки, экономики, производства. Поэтому исследование диалектики аксиосистемы общества и образования требует дифференциации (см. таблицу):

- фундаментальных ценностей, определяющих приоритеты онтологии, эпистемологии и праксиологии образовательной деятельности. Они устойчивы и относительно неизменны (например, всеобщее и бесплатное образование др.). Необходимость их онтологической переориентации на всеерные образовательные стратегии, капитализацию знаний, основанную на самостоятельности и инструментальной ценности знания;

- вариативных ценностей, генерирующих комплекс персонально-организованных сред, способствующих разработке индивидуально-модульных технологий, основанных на принципах развития субъектности. Этот комплекс обладает синергетической способностью свободно эволюционировать и видоизменяться, по-

скольку зависим от условий и возможности встраивания образования в реальные индивидуальные способы бытия;

– инновационных ценностей, высшая цель которых – создать условия для возможности развития чело-

века в аспекте «создания самого себя» [18. С. 373]. Инновационная траектория образовательной экосистемы, предлагает изменение субъектности в образовании и использование алгоритма ценностно ориентированной индивидуализации [7].

Логика диалектического единства аксиосистемы российского образования в переходный период

Содержание фундаментальных ценностей (образовательных и общественных)	Содержание ценностей вариативных (смыслы свободной институционализации)	Инновационные ценностно-образовательные доминанты
<i>Онтологическое наполнение</i>		
Целостность российской системы образования, общедоступность и бесплатность. Императив сохранения жизни, культуры, природы. Ценности традиционные (уважение собственной национальной культуры, истории, знание культурного кода, признание достоинств учительского труда). Многоаспектное и концентрированное влияние на социальный интеллект аксиосистемной методологией. Воспитание духовных измерений человеческого бытия для мира и демократии. Умение видеть перспективу развития общества и планеты. <i>Результат образования</i> – образ человека в пространстве и времени общественной жизнедеятельности	Образование многоуровневое, гибкое, дополнительное, преемственное, непрерывное, интегративное, поликультурное, безопасное и открытое. Образовательные ценности: самостоятельное интеллектуальное развитие, трудовое и нравственное воспитание; наличие у индивида социальной зрелости как саморазвивающейся гармонии и самостоятельности по отношению к внешним условиям. Общественные приоритеты: материальные (здоровье, образование, творческая активность, профессионализм) и идеальные (человеческий капитал, смысл жизни, обретение индивидуальной позиции). <i>Результат образования</i> – индивид в пространстве и времени собственной жизнедеятельности	Принципы субъектности в образовании: инновационная парадигма образования, институционально-избирательное отношение к социальному интеллекту в аспекте преобладания сущностного над функциональным; ценностная установка персональной индивидуализации. Глобальное миропонимание: концепт отстаивания исторической правды или Логос социальной памяти, отражающий научный, религиозный, художественно-эстетический, экзистенциальный аспекты российской реальности. <i>Результат образования</i> – индивид, владеющий новыми навыками работы с информацией; автономный и свободный; практичный и эффективный
<i>Эпистемологическое наполнение</i>		
Возможность подготовки в одной области образовательной экосистемы. Навыки построения знаний, основанные в рамках технической и гуманитарной культур. Ответственность гуманитарного знания за формирующийся общественный менталитет. <i>Результат образования</i> – человек с конкретными особенностями средств и операций деятельности	Формирование знания на основе его ценностной значимости (открытость, спонтанность, готовность к неожиданностям, новизне). Структурирование информации по законам нового интеллектуального своеобразия человека. Приоритет теоретико-экспериментальной деятельности в практически и экономически эффективном поведении. <i>Результат образования</i> – индивид, учитывающий соотношенность получаемых знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами, где эксплицируется связь внутри научных целей с вненаучными, социальными ценностями	Рефлексия над знанием, пониманием, интерпретацией, оценением. Приоритет неявного знания над явным и рациональный рост ценностно ориентированного знания. Значимость «интеллектуального капитала» как «интеллектуального материала». Тесная интеграция образования и науки; слияние науки и искусства. <i>Результат образования</i> – индивид как субъект образовательной деятельности с широким кругозором, эрудицией, чувством нового. Возможность профподготовки одновременно в нескольких областях образовательной экосистемы
<i>Инструментальное наполнение</i>		
Концентрация в образовании единства активов индивидуальной и общественной интеллектуальной собственности. Профессиональная подготовка на основе обширной базы. Освоение в полном объеме одной специальности или развитие одного навыка. Прорывные технологии как обновление, улучшение, получение прибыли, опережение, качественные приоритеты, эвристичность и прогресс. <i>Результат образования</i> – человек в практической деятельности и характеристиках трудовых знаний, навыков, умений и приемов	Практико-ориентированные всеерные образовательные стратегии (создание институций). Интеграция индивида в возможно более широкую профессиональную общность. Институционализация, основанная на синтезе новых знаниевых сфер (материально-экономических, организационно-управленческих, духовно-эстетических, универсальное знание о воспроизводстве социального опыта и др.). <i>Результат образования</i> – индивид, взаимодействующий на основе теории успешного действия, техники противодействия, принципов рациональной организации деятельности, способов их усовершенствования, использования знаковой информации и аргументации	Творчество и экспериментирование, использование развитых информационных сетей обмена данными, выражающихся в мультимедийных компетенциях. Индивидуально ориентированные (формальные и неформальные) отношения между учителем и учеником. Встраивание образования в реальные общественные способы бытия (коммуникационно-трудовой и социокультурный контекст взаимодействия). <i>Результат образования</i> – индивид, владеющий навыками самодиагностики и саморегулируемого обучения или то, что представляет собой выражение активности субъекта

Субъектность в образовании – это образовательная платформа, которая утверждает приоритеты самостоятельной ценностной институционализации, что делает возможной переосмысление онтологической однозначности объекта и субъекта в образовательной деятельности, где аксиологическая и праксиологическая тождественность объекта и субъекта обретает характер универсума. Субъект ценностно ориентированной образовательной деятельности приобретает свойства

объекта, в котором сам присутствует в той мере, в которой ему это доступно в аспекте сопутствующих аксиологических и праксиологических параметров, что существенно увеличивает когнитивные измерения человеческой культуры (программ общения, поведения, практической деятельности, новых моделей мышления, сознания, мировоззрения). Возможность использования алгоритма ценностно ориентированной индивидуализации актуализируется в нахождении баланса

взаимодействия фундаментальных, вариативных и инновационных ценностных доминант. Алгоритм как последовательность действий имеет 3 этапа становления: 1-й этап демонстрирует советская система образования, ориентированная на объект-субъектное образовательное взаимодействие; 2-й этап – переход от объект-субъектных к субъект-субъектным взаимодействиям; 3-й этап – переход к свободной институционализации. Свобода в том, что субъект «врастает» в объект, определяя этим не только свою природу и ценности, но и природу и ценности самого объекта. Следует признать, что субъектность делает возможной переосмысление онтологической, эпистемологической и праксиологической однозначности (одномерности) объекта и субъекта в образовательной деятельности. Под объектом понимается само образование и его аксиосистема, а субъект образовательного пространства становится сам себе педагогом. Отсюда возникает диалектика взаимоперехода.

Соглашаясь с тем, что инновации в образовании ориентированы на освоение и использование новых парадигм интегрированной системы образования [19, 20], необходимо подчеркнуть, что государственная политика по-прежнему выступает с марксистских позиций как «концентрированное выражение экономики <...>». Смена материальных условий и экономических отношений не обусловила адекватное изменение образовательной политики» [12. С. 48]. Другая проблема заключается в разработке вариантов интеграции, обусловленных глобальным, государственным или региональным заказом на образование. Подобными возможностями обладает только образование, наделенное собственной субъектностью, способное как к саморазвитию, так и к созданию условий для полноценного развития всех своих участников. Отсюда актуализируется главный тезис: инновационное образование – это развивающееся и развивающееся образование, в котором осуществляется развитие целостного индивида (человека здорового, сознательного, самостоятельного, социально зрелого).

Постболонский период инновационной образовательной политики диктует очевидность перехода к новым ценностным основаниям. Возникает необходимость определить образовательную деятельность как «становящуюся», а не как «имеющуюся». Поэтому разработка алгоритмов нового типа аксиологических оснований образовательного пространства осуществляется нами в рамках уже состоявшихся традиционных и современных ценностных ориентиров. В этой связи в первую очередь следует отметить значительное усиление роли автоматизации и технологизации процесса управления образованием. Также следует указать на то, что законотворческие инновации, к сожалению, не коснулись ценностных проблем рыночной экономики, способной синтезировать рыночные ценности в рамках уже состоявшихся традиционных и современных обстоятельств.

Ансамбль рыночных ценностей (профессионализм, мобильность, склонность к предпринимательству, стремление к непрерывному образованию и новизне,

креативность, готовность работать в высококонкурентной среде, повышенная терпимость к риску и др.) центральной фигурой декларирует мотивированного и самостоятельного индивида, адаптивного к постоянным изменениям в ситуации неопределенности, владеющего надпрофессиональными компетенциями. Несмотря на то что рынок существовал всегда, в то же время рыночной идеологии в России никогда не было. Менталитет русской культуры отрицает деньги как главное в жизни русского человека. Всегда было опасно нарушение ценностной шкалы, поскольку человек может быть отвергнут обществом. Обстоятельства рыночно-экономической предпринимательской деятельности всегда порождали «охоту» за интеллектуальным потенциалом повышенной индивидуальной капитализации, поэтому воспитание в России «сухих рационалистов-прагматиков» с их опасностью индивидуалистического эгоизма ставит под вопрос саму их реалистичность. Плюралистичность новой эпохи обостряет вопрос выбора методов и способов воспитания и образования, поэтому ценностно-образовательные подходы приобретают особую значимость, поскольку их феноменологическая специфика содержит в себе потенциал для становления и развития современного человека [21].

Представленная модель классификации фундаментальных, вариативных и инновационных образовательных ценностей (см. таблицу) обусловлена наличием подсистем и отдельных элементов, сфер деятельности (научной, производственной, экономико-политической, духовной, экологической, институциональной и др.); структурным разделением труда с углубленной индивидуальной специализацией и использованием технических средств; усилением индивидуальной функциональности на основе информатизации, этизации и экологизации; динамичной и «стремительной коммуникации», быстрой реализации намеченных сценариев жизни; этически закрепленным искусственным дополнением разнообразных сторон жизнедеятельности.

Анализ каждого наполнения с точки зрения качественно-количественных интерпретаций осуществляется с позиции: 1) философско-аксиологических критериев классификации и 2) вопроса приоритетности, или необходимости, что и как следует формировать и воспитывать в первую очередь, стремления выстроить иерархию приоритетов. Для выработки методологических подходов к формированию аксиосистемы российского образования необходимо обратиться к философии образования, которая представляет собой философско-теоретическую модель, сочетающую в себе интеграцию достижений мирового опыта для осмысления целей и задач образования, включая интеграционный комплекс представленной аксиосистемы российского образования в переходный период. «Сфера интересов философии образования должна быть поэтому значительно расширена, охватывая в современном обществе все каналы, способные транслировать ценностные ориентиры и социальный опыт новым поколениям» [22. С. 45]. При обсуждении вопросов о смысле и предна-

значении образования необходимо обратиться к феноменологии ценностного пространства образования, в котором выделяют готовность к ситуации неопределенности настоящего и будущего, что на рефлексивном уровне подразумевает мобилизацию всех ресурсов социума.

Заключение

Представление об аксиологической диалектике изменений российского образования как альтернативы ее модернизации, реформации или трансформации связано с доминированием ценностных приоритетов, когда объекты (явления) социального бытия и смыслы существования соединяются (совпадают) и образуют новые ценности. В результате исследования данных процессов были сформулированы установочные методологические принципы, акцентируемые в инновационных

ценностно-образовательных доминантах; механизмы, регулирующие субъектность в образовании (самостоятельная институционализация, каркас принципов в виде законов ценностных отношений и поведения, субстанция базовых потребностей, рефлексия как условие для стабилизации индивидуально-значимого состояния, когнитивный инструментальный для измерения реалистичности и практической образовательной деятельности и др.). Данная методология обладает способностью взаимоперехода как в сферу инновационных, так и в сферу традиционных образовательных ценностей. Описание взаимоперехода ценностей различных уровней содержит конструктивистский подход для дифференциации ценностей, идеалов и смыслов в актуализации аксиосистемы нового типа российского образовательного пространства, что требует признания новых диалектических законов, применяющих ценностное содержание экосистемы образовательного взаимодействия.

Список источников

1. Песков Дм. Остров Россия. Спецпредставитель президента о новой цифровой стратегии // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>
2. Годдард Ч. Российское образование на рубеже эпох (диалектика прошлого и будущего). Что нужно России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские чтения, 9–10 июня 2022. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 59–61.
3. Дегтерев Д.А. Ценностный суверенитет в эпоху Глобальных конвергентных медиа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371.
4. Беспалова Т.В. Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры // Вопросы социальной теории. 2020. Т. 12. С. 131–142.
5. Бузовский И.И. Тектонические движения ценностной сферы (белорусский излом) // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские чтения, 9–10 июня 2022. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 43–47.
6. Си Цзиньпинь. О государственном управлении. Пекин : Изд-во лит. на ин. яз., 2014. С. 230–235.
7. Яковлева И.В. Аксиосистема современного российского образовательного пространства: социально-философский анализ изменений и перспектив развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2023. 51 с.
8. Кузнецов И.С. Детерминанты доверия в высшем образовании // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 12. С. 9–31.
9. Очкина А. Образование как фиктивный капитал: кризис социальной значимости знания // Логос. 2018. Т. 28, № 6. С. 105–130.
10. Лескова И.А. Традиция в ракурсе постнеклассического подхода: философский аспект // Философия образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 101–115.
11. Новикова Т.Г. Традиции и инновации в развитии современного образования // Методист. 2008. № 3. С. 2–9.
12. Розин В. Гуманитарно-антропологический поворот в философии образования (комментарии к книге А. Огурцова и В. Платонова «Образы образования») // ALMA MATER (Вестник высшей школы). 2007. № 7. С. 25–34.
13. Яковлева И.В. Аксиология образования как формирующаяся система: социально-философская рефлексия // Философия образования. 2020. Т. 20, № 2. С. 31–47.
14. Сохраняева Т.В., Замоткин И.Д. Эмансипирующий потенциал образования: критическая традиция в философии образования // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 192–202.
15. Яковлева И.В., Глиос Г.Н. Условия интеграции инновационных и традиционных подходов в образовании (аксиологический аспект) // Философия образования. 2019. Т. 19, № 4. С. 83–93.
16. Черных С.И. К вопросу о новой архитектуре российского образовательного пространства // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 4. С. 630–635.
17. Черных С.И. Персональная образовательная среда в проблемном поле философии образования // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 1. С. 11–19.
18. Любарский Г.Ю. Образование будущего. Универсальный миф и структура мнений об образовании XXI века. М. : Товарищество науч. изданий КМК, 2020. 526 с.
19. Константинова Л.В., Петров А.М., Штырно Д.А. Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 2. С. 9–24.
20. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 137–155.
21. Яковлева И.В., Косенко Т.С. Феноменологический анализ российского образовательного пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 87–92. doi: 10.17223/15617793/471/10
22. Яковлева И.В., Косенко Т.С. Социально-философское познание феномена неопределенности и прогнозирование в образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 4. С. 19–27.

References

1. Peskov, D. (2022) Ostrov Rossiya. Spetspredstavitel' prezidenta o novoy tsifrovoy strategii [Island Russia. Special Representative of the President on the new digital strategy]. *RBC*. 09 June. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>
2. Goddard, Ch. (2022) [Russian education at the turn of the era (dialectics of the past and future). What Russia needs]. *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poriyadka* [Global Conflict and Contours of the New World Order]. Proceedings of the 20th International Likhachev Readings. Saint Petersburg, 9–10 June 2022. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. pp. 59–61. (In Russian).

3. Degterev, D.A. (2022) Tsennostnyy suverenitet v epokhu Global'nykh konvergentnykh media [Value sovereignty in the era of Global convergent media]. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2 (22). pp. 352–371.
4. Bepalova, T.V. (2020) Budushchee rossiyskoy tsivilizatsii: nekotorye ideologicheskie kontury [The future of Russian civilization: some ideological contours]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 12. pp. 131–142.
5. Buzovskiy, I.I. (2022) [Tectonic movements of the value sphere (Belarusian break)]. *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poriyadka* [Global Conflict and Contours of the New World Order]. Proceedings of the 20th International Likhachev Readings. Saint Petersburg. 9–10 June 2022. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. pp. 43–47. (In Russian).
6. Xi, Jinping. (2014) *O gosudarstvennom upravlenii* [On public administration]. Translated from Chinese. Beijing: Izd-vo literatury na in. yaz. pp. 230–235.
7. Yakovleva, I.V. (2023) *Aksiosistema sovremennogo rossiyskogo obrazovatel'nogo prostranstva: sotsial'no-filosofskiy analiz izmeneniy i perspektiv razvitiya* [Axiosystem of the modern Russian educational space: socio-philosophical analysis of changes and development prospects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnoyarsk.
8. Kuznetsov, I.S. (2021) Determinanty doveriya v vysshem obrazovanii [Determinants of trust in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 12 (30). pp. 9–31.
9. Ochkina, A. (2018) Obrazovanie kak fiktivnyy kapital: krizis sotsial'noy znachimosti znaniya [Education as fictitious capital: the crisis of the social significance of knowledge]. *Logos*. 6 (28). pp. 105–130.
10. Leskova, I.A. (2019) Traditsiya v rakurse postneklassicheskogo podkhoda: filosofskiy aspekt [Tradition from the perspective of a post-non-classical approach: philosophical aspect]. *Filosofiya obrazovaniya*. 3 (19). pp. 101–115.
11. Novikova, T.G. (2008) Traditsii i innovatsii v razvitiy sovremennogo obrazovaniya [Traditions and innovations in the development of modern education]. *Metodist*. 3. pp. 2–9.
12. Rozin, V. (2007) Gumanitarno-antropologicheskii povорот v filosofii obrazovaniya (kommentarii k knige A. Ogurtsova i V. Platonova "Obrazy obrazovaniya") [Humanitarian-anthropological turn in the philosophy of education (comments to the book by A. Ogurtsov and V. Platonov "Images of Education")]. *ALMA MATER (Vestnik vysshey shkoly)*. 7. pp. 25–34.
13. Yakovleva, I.V. (2020) Aksiologiya obrazovaniya kak formiruyushchayasya sistema: sotsial'no-filosofskaya refleksiya [Axiology of education as an emerging system: social and philosophical reflection]. *Filosofiya obrazovaniya*. 2 (20). pp. 31–47.
14. Sokhranyayeva, T.V. & Zamotkin, I.D. (2021) Emansipiruyushchiy potentsial obrazovaniya: kriticheskaya traditsiya v filosofii obrazovaniya [The emancipatory potential of education: a critical tradition in the philosophy of education]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 192–202.
15. Yakovleva, I.V. & Glios, G.N. (2019) Usloviya integratsii innovatsionnykh i traditsionnykh podkhodov v obrazovanii (aksiologicheskii aspekt) [Conditions for the integration of innovative and traditional approaches in education (axiological aspect)]. *Filosofiya obrazovaniya*. 4 (19). pp. 83–93.
16. Chernykh, S.I. (2022) K voprosu o novoy arkhitekture rossiyskogo obrazovatel'nogo prostranstva [On the issue of the new architecture of the Russian educational space]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 4 (12). pp. 630–635.
17. Chernykh, S.I. (2022) Personal'naya obrazovatel'naya sreda v problemnom pole filosofii obrazovaniya [Personal educational environment in the problem field of philosophy of education]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 1 (12). pp. 11–19.
18. Lyubarskiy, G.Yu. (2020) *Obrazovanie budushchego. Universal'nyy mif i struktura mneniy ob obrazovanii XXI veka* [Education of the Future. A universal myth and structure of opinions about education in the 21st century]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
19. Konstantinova, L.V., Petrov, A.M. & Shtykho, D.A. (2023) Pereosmyslenie podkhodov k urovnevoy sisteme vysshego obrazovaniya v Rossii v usloviyakh vykhoda iz Bolonskogo protsesssa [Rethinking approaches to the level system of higher education in Russia in the conditions of exit from the Bologna process]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2 (32). pp. 9–24.
20. Aleshkovskiy, I.A. et al. (2023) Osobennosti formirovaniya obrazovatel'nykh traektoriy rossiyskikh studentov: otsenka i vozmozhnosti [Features of the formation of educational trajectories of Russian students: assessment and opportunities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 4 (32). pp. 137–155.
21. Yakovleva, I.V. & Kosenko, T.S. (2021) Phenomenological analysis of the Russian educational space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 87–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/10
22. Yakovleva, I.V. & Kosenko, T.S. (2021) Sotsial'no-filosofskoe poznanie fenomena neopredelennosti i prognozirovaniye v obrazovanii [Social and philosophical knowledge of the phenomenon of uncertainty and forecasting in education]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 4 (11). pp. 19–27.

Информация об авторах:

Яковлева И.В. – д-р филос. наук, научный сотрудник Научного центра Российской академии образования Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: uhova2005@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9701-297X

Черных С.И. – д-р филос. наук, зав. кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: 2560380@ngs.ru. ORCID: 0000-0001-6644-8295

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Yakovleva, Dr. Sci. (Philosophy), research fellow, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: uhova2005@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9701-297X

S.I. Chernykh, Dr. Sci. (Philosophy), head of the History and Philosophy Department, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 2560380@ngs.ru. ORCID: 0000-0001-6644-8295

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023;
одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 27.10.2023;
approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 902/908
doi: 10.17223/15617793/497/7

Керамика Южной Европы, Восточной Азии и Среднего Востока на археологических памятниках Северо-Восточного Приазовья османского времени (конец XV – первая половина XVIII в.)

Ирина Рудольфовна Гусач¹

¹ Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
имени А.А. Горбенко, Азов, Россия, irina_gusach@mail.ru

Аннотация. Изучение керамических комплексов археологических памятников османского периода (конец XV – первая половина XVIII в.) на территории Северо-Восточного Приазовья привело к выявлению редких групп поливной импортной керамики, поступавшей в разное время в турецкие крепости Азак и Сед-Ислам из Южной Европы (итальянские города Фаэнца, Флоренция, Венеция и др.), Восточной Азии (Китай) и Среднего Востока (Сефевидский Иран). Рассматриваются находки археологов: итальянская майолика эпохи Возрождения, китайский фарфор периода императора Канси (1662–1722 гг.), «персидский фаянс» (Тебриз, Кашан и др.) и венецианские курительные трубки XVII – первой половины XVIII в. Приводится анализ ассортимента, морфологии и декора импортной элитной посуды, свидетельствующий о наличии в османских военных гарнизонах высокопоставленных чинов, а также о сохранении восточных традиций кофепития и табакокурения.

Ключевые слова: османы, Азак, Сед-Ислам, итальянская майолика, китайский фарфор, «персидский фаянс»

Для цитирования: Гусач И.Р. Керамика Южной Европы, Восточной Азии и Среднего Востока на археологических памятниках Северо-Восточного Приазовья османского времени (конец XV – первая половина XVIII в.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 65–75. doi: 10.17223/15617793/497/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/7

Ceramics of Southern Europe, East Asia, and the Middle East at the archaeological monuments of the North-Eastern Azov region of the Ottoman period (late 15th – first half of the 18th centuries)

Irina R. Gusach¹

¹ Azov Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve, Azov, Russian Federation, irina_gusach@mail.ru

Abstract. The research objects were the archaeological finds from the excavations of 1961–2020 on the territory of the Ottoman fortress Azak situated in the port part of the modern city Azov and the Ottoman fortress Sed-Islam located five km far from the village of Nedvigovka in Rostov Oblast. The main focus was on rare fragments of imported ceramics dated back to the period of the Ottoman presence (the end of the 15th – the first half of the 18th centuries) in the North-Eastern Azov region. The aim of this work was to study these artifacts for the determination of their production places and range of items. The relevance and novelty of this study lie in the fact that most of the introduced ceramics kept in the Azov Museum-Reserve (city of Azov) and in the Archaeological Museum-Reserve Tanais (village of Nedvigovka) remained unstudied for a long time (since the 1960s–1970s). Archaeological reports, publications of specialists, materials from museum and private collections were used as sources. New rare groups of imported ceramics from workshops of Southern Europe, Eastern Asia, and the Middle East were discovered in ceramic complexes of the Ottoman fortresses Azak and Sed-Islam. Products of Southern Europe are represented by 11 fragments (jugs and dishes) of Italian Renaissance majolica (the turn of the 16th century) produced in Italian cities (Faenza, Florence, Siena) and 7 Venetian clay smoking pipes (the end of the 17th – the first half of the 18th centuries). Porcelain tableware dating back to the times of the Kangxi Emperor of China (1661–1722) came to the Don from Eastern Asia with Ottomans. It is represented by the remains of coffee cups (60 fragments) and saucers (4 fragments). Most of the finds remained from the Ming dynasty (1368–1644) are painted with blue cobalt. Other types of porcelain decoration produced in Chinese provinces are also traced. “Persian faience” (8 fragments) produced by masters of Safavid Iran (Tabriz, Kashan, Kerman) refer to the ceramics of the Middle East. They are represented by fragments of coffee cups, saucers and a bowl (the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries), which are imitations of Chinese porcelain. As a result of studying the ceramic complexes of the Ottoman fortresses Azak and Sed-Islam (the end of the 15th – the first half of the 18th centuries), new groups of predominately elite ceramics from workshops of Southern Europe, Eastern Asia,

and the Middle East were discovered. The scientific value of the study is that these groups can serve as a “marker” for dating other finds in the cultural layers of Low Don fortresses damaged during Russian-Ottoman wars and fortification interventions of the 17th–18th centuries. The obtained data can be used for studying Ottoman cultural heritage on other archaeological monuments. It is noted that the variety of studied items is largely connected with the traditions of coffee drinking and tobacco smoking.

Keywords: Ottoman, Azak, Sed-Islam, Italian majolica, Chinese porcelain, “Persian faience”

For citation: Gusach, I.R. (2023) Ceramics of Southern Europe, East Asia, and the Middle East at the archaeological monuments of the North-Eastern Azov region of the Ottoman period (late 15th – first half of the 18th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 65–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/7

К археологическим памятникам Северо-Восточного Приазовья османского времени (конец XV – первая половина XVIII в.) относятся: турецкие крепости Азак и Сед-Ислам, а также караульные башни Шахи и Султанийе, с середины XVII в. входившие в систему военных укреплений Османской империи в устье реки Дон, которые перекрывали свободный выход в Азовское и Черное моря. Первым военным сооружением на Нижнем Дону, оказавшимся под властью османов, стала захваченная в 1475 г. войсками турецкого султана Мехмеда II Завоевателя итальянская фактория Тана. Небольшое оборонительное укрепление

замкового типа, воздвигнутое итальянскими колонистами на левом возвышенном берегу р. Дон, было превращено османами в военную крепость Азак. С проявлением в XVII в. большой военной активности в регионе донскими казаками, Оттоманская Порта вынуждена была усилить свою господствующую позицию, воздвигнув в 1660 г. новые военные объекты – крепость Сед-Ислам (Щит Ислама) на берегу правого притока Дона – Мертвом Донце и две сторожевые башни Шахи (Шаха, Султана) и Султанийе (Султанши), расположенные по обе стороны Дона, недалеко от крепости Азак [1. С. 198–212] (рис. 1).

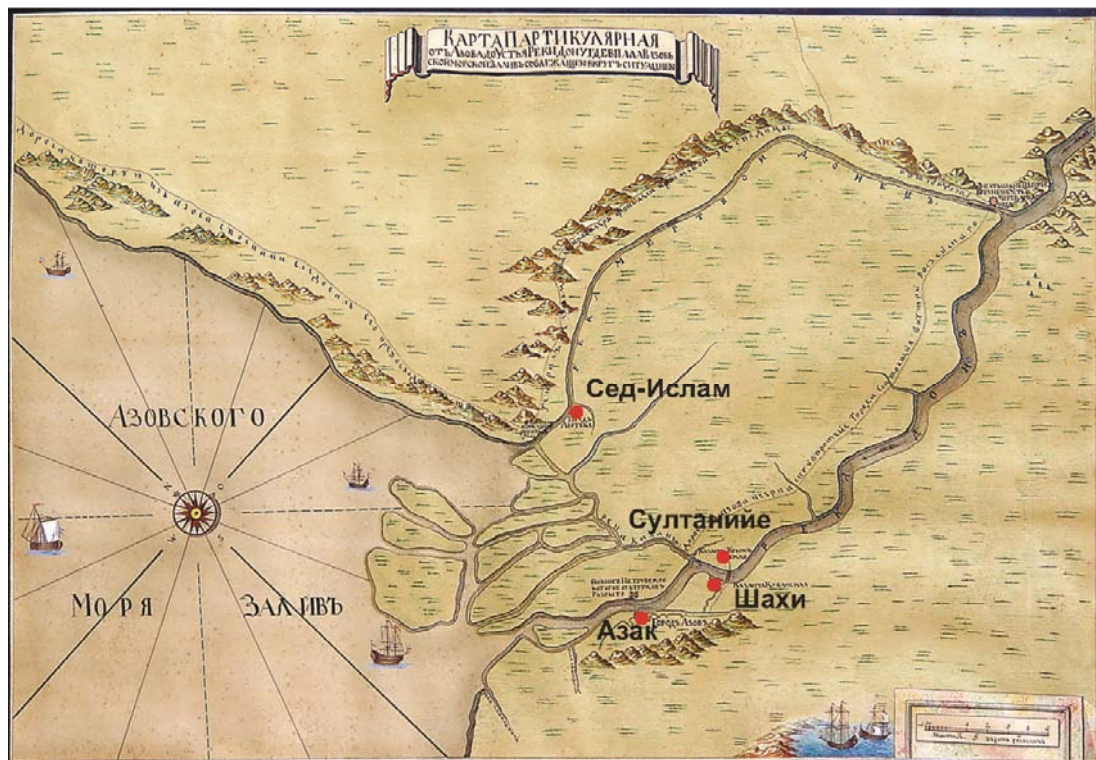

Рис. 1. «Карта партикулярная до устья Дона», XVIII в. (АМЗ НВ-9971), с обозначением османских военных укреплений: крепости Азак и Сед-Ислам, караульные башни Шахи и Султанийе

Объектом исследования послужили находки донских археологов, происходящие из раскопок разных лет (1961–2020 гг.) на территории бывшей турецкой крепости Азак, расположенной на месте портовой части современного города Азова, и турецкой крепости Сед-Ислам, находящейся в 5 км от хутора Недвиговка Мясниковского района Ростовской области. В центре внимания специалистов-керамологов оказались редкие фрагменты (целых

форм почти нет) импортной, преимущественно элитной керамики, попавшей на земли Северо-Восточного Приазовья в период османского владычества из других стран. Целью данной работы стало изучение полученных артефактов для определения места их производства и ассортимента изделий, а также выявление международных торгово-экономических связей Оттоманской Порты в конце XV – первой половине XVIII в.

Актуальность и новизна исследования заключаются в том, что основная часть представленной в нем керамики долгое время (с 1960–1970-х гг.) оставалась не выявленной среди общей массы керамического материала, происходящего из раскопок османских крепостей Нижнего Дона, который хранится в коллекции Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника имени А.А. Горбенко (г. Азов) [2] и Археологического музея-заповедника «Танаис» (хутор Недвиговка) [3]. Автору удалось определить и классифицировать эти находки, найти их аналогии на других археологических памятниках османского времени, а также среди материалов Черкасского казачьего городка [4]. Для полноты исследования добавлены артефакты из раскопок последних лет (2000-х гг.) на территории Азакской крепости и в ее округе [5–7].

Керамика Южной Европы

В раннеосманское время (рубеж XV–XVI вв.) в турецкую крепость Азак, по-видимому, через Крым, где ее находят крымские археологи в Судак, Алуште, Малом Маяке, Партените и Чембало [8–10], попадала итальянская майолика эпохи Возрождения («*Maiolica Rinascimentale*»). Судя по всему, дипломатические отношения итальянцев с османами, испортившиеся после захвата ими в 1475 г. итальянских колоний на Крымском полуострове и в Северо-Восточном Приазовье, постепенно стали налаживаться, что не могло не отразиться на их торговле в регионе. Однако в Азакскую крепость поставки этой дорогой посуды, считавшейся «элитной», были минимальны. За 60 лет раскопок (1961–2020 гг.) азовскими археологами были обнаружены 11 фрагментов итальянской майолики, принадлежавшей преимущественно сосудам закрытой формы. Находки происходят из переотложенного культурного слоя, предположительно, конца XV – начала XVI в. Более точная датировка, по причине отсутствия «закрытых» комплексов на памятнике, невозможна.

Итальянская майолика изготавливалась в различных керамических центрах – Фаэнце, Сиене, Флоренции, Пезаро и других городах с конца XV в., получив в XVI в. широкое распространение в Северо-Восточной Европе, Эгейском регионе (Эпир, Крит, Пелопоннес), на Адриатическом побережье, Кипре, в Малой Азии и т.д. [11]. Она представляла собой светлоглиняную посуду с росписью минеральными красками по белой оловянно-матовой глазури под тонким слоем бесцветной прозрачной свинцово-щелочной глазури. Технология процесса производства данной керамики, завезенной в XIII–XIV вв. в Италию из Испании, подробно описана в трактатах итальянских авторов XVI в. Благодаря этому, известно, что сосуды обжигались в печи при температуре 900–1 000°C. Роспись цветными красителями (синим, медно-зеленым, марганцево-коричневым, желтым, оранжевым, бирюзовым, красно-коричневым) наносилась по необожженной, непрозрачной, оловянной, глазури белого цвета, которую готовили из смеси песка, винного осадка и поваренной

соли с оксидами свинца и олова. Перед повторным обжигом изделие покрывалось прозрачной бесцветной свинцовой глазурью [12].

Среди находок из турецкой крепости Азак встречены фрагменты сосудов закрытой формы (10 фрагментов стенок корпуса и дна с придонной частью от 5 сосудов, очевидно, кувшинов) и открытой формы (1 фрагмент дна блюда или тарелки), относящиеся к итальянской майолике (рис. 2, 5–8, 10, 12, 14). Сосуды изготовлены на гончарном круге по программе РФК-7 (по А.А. Бобринскому) [13]. Их черепок – плотный, с многочисленными мельчайшими округлыми порами, имеет бело-бежевый или бледно-желтый цвет. Толщина стенок – 0,4–0,9 см. Глина – тонкодисперсная, с редкими включениями мелкозернистого песка и частиц рыхлого белого минерала (известит?). Снаружи и изнутри изделия покрыты белой, непрозрачной, оловянной глазурью, порой с голубым оттенком, которая служит основой для росписи: монохромной (синим кобальтом) (рис. 2, 7, 10, 14), бихромной (синим и марганцево-коричневым) (рис. 2, 8) и полихромной (синим, желтым, голубым, марганцево-коричневым и оранжевым) (рис. 2, 5, 6, 12).

Мотивы росписи итальянских сосудов разнообразны. Корпус одного из кувшинов оформлен медальоном с «лестничным» ободком, внутри которого размещена не сохранившаяся до нашего времени декоративная композиция (рис. 2, 10). Возможно, таким декором был оформлен второй кувшин, внешний контур ободка которого украшали полупальметты (рис. 2, 7). Подобный элемент орнамента характерен для итальянской майолики, производство которой исследователи связывают с мастерскими северной и центральной Италии (регионы Марке и Эмилья-Романья) [14. Р. 29–30]. Остатки кувшинов с «лестничным» ободком в декоре происходят из вышеупомянутых раскопок в Крыму. Фрагмент дна с придонной частью корпуса третьего кувшина (диаметр дна – 9,0–10,0 см, толщина дна – 0,4 см) оформлен росписью густой, темно-синей краской в стиле так называемого синего семейства, которая слегка «расплывается» по белому фону с кремовым оттенком (рис. 2, 14). Кувшины с данной росписью, как известно, изготавливали в XV в. флорентийские мастера [15. С. 8]. Аналогичный сосуд имеется в коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 2, 15) [16. Ил. 1].

Во второй половине XV в. на майолике мастерских севера и центра Италии (Фаэнца) появляется полихромный стиль росписи («*maioliche policrome rinascimentale*»), видоизменяющийся в начале XVI в. в связи с добавлением в цветовую палитру новых красок. Им украшены три находки фрагментов стенок сосудов закрытой формы (кувшинов?) из Азака. Два фрагмента имеют геометрическую роспись по белому фону тремя красками – синей, желтой и марганцево-коричневой (рис. 2, 5, 6). Третий фрагмент сосуда украшен декором так называемого красивого стиля («*stile bello*») в виде диагональных «радужных» полос синего, голубого, желтого и оранжевого цвета (рис. 2, 12). Ярко-оранжевый цвет часто присутствовал в росписи итальянских аптечных сосудов («*albarelli*») или ваз с

двумя ручками. Такой сосуд происходит из собрания Государственного Эрмитажа (рис. 2, 13).

Фрагмент дна блюда или тарелки (толщина – 0,5 см), найденный в Азакской крепости, настолько мал и так сильно поврежден, что трудно однозначно судить о мотивах его декора. Бихромная роспись выполнена синим и марганцево-коричневым красителем,

видимо, в виде цветочной розетки с тычинками (рис. 2, 8). Подобные изделия встречаются в музейных и частных коллекциях (рис. 2, 9). Остатки майолики с бихромной росписью были обнаружены в Крыму в крепостях Алустан, Судак и Чембало в культурном слое конца XV–XVI вв., что не противоречит датировке азакских находок.

Рис. 2. Керамика Южной Европы из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам. Глиняные курительные трубки, Венеция, конец XVII – первая половина XVIII в. (1–4). Итальянская майолика (Фаэнца, Флоренция, Сиена), рубеж XV–XVI вв.: фрагменты кувшинов (5–7, 10, 12, 14), фрагмент дна блюда (8). Целые формы из частных и музейных коллекций: блюдо (9), одноручный кувшин с «лестничным» декором (11), двуручные кувшины (13, 15). Италия, XVI в.

К концу XVI в. в связи с существенными осложнениями в политических взаимоотношениях с Османской Портой, объемы поставок итальянской майолики на Крымский полуостров и в Северо-Восточное Приазовье резко сократились, прекратившись полностью к началу XVII в. Однако, в переотложенном культурном слое конца XVII – первой половины XVIII в. турецких крепостей Азак и Сед-Ислам донские археологи находят глиняные курительные трубки, как считают зарубежные исследователи, венецианского производства [17. С. 7]. Отличительной особенностью этой редкой категории находок (всего 7 экземпляров: 5 – из Азака, 2 – из Сед-Ислам) является двухчастное строение чашечки: две камеры, соединенные между собой тонкой перегородкой с тремя сквозными округлыми отверстиями. Дно чашечек – плоское, с небольшой выпуклостью в центре и следами заглаживания пальцами. Втулка – узкая, короткая, усеченно-конической формы (см. рис. 2, 1–4). Существует мнение, что такие трубки использовались для курения гашиша [18. Р. 329].

Глина трубок – тонкодисперсная, без видимых примесей, коричневая. Поверхность трубок покрыта тонким слоем «серебристого лака», включая дно. Размеры трубок максимальные: высота чашечки – 5,0 см, диаметр верхней части чашечки – 2,5 см, диаметр нижней части чашечки – 3,7 см, длина втулки – 2,5 см, диаметр втулки – 1,8 см, диаметр отверстий в перегородке – 0,3 см [19. С. 38]. Итальянский исследователь Дж. Басколо считает, что эти трубки изготавливались венецианскими гончарами в 1670–1750 гг. на гончарном круге. Поэтому он называет их «*al tornio*», что переводится как «гончарный круг». Их часто путают с другими итальянскими трубками похожей конструкции – «*Chioggia*», чашечка которых оформлена 1–2 рельефными кольцами-валиками. Трубки «*Chioggia*» производили гончары коммуны Кьоджа (провинция Венеции) с 1655 г. [20. Р. 7]. По мнению хорватского исследователя Лука Бекич, итальянские трубки по причине своей простоты были довольно дешевыми. Ими часто пользовались моряки. Об этом свидетельствуют находки этих трубок в гавани Вештар (Хорватия), где со второй половины XVII в. стоял на якоре венецианский флот [21. Р. 99].

Керамика Восточной Азии

Укоренившиеся в Османской империи с рубежа XVI–XVII вв. «восточные» традиции кофепития и табакурения, которые не мыслились османами одно без другого, привели к повышенному спросу не только на курительные трубки, но и на посуду для употребления кофейного напитка. Особенно активно полуфаянсовые расписные кофейные чашечки и кофейные наборы (чашечка с блюдцем) изготавливали в XVII–XVIII вв. в анатолийском керамическом центре Кютахья. Поначалу эта посуда являлась подражанием китайским фарфоровым изделиям династии Мин (1368–1644 гг.) с монохромной росписью синим кобальтом. Позже османы

разработали свой полихромный стиль росписи кютахийской посуды [22–23]. Однако подлинники – фарфоровые кофейные чашечки – ценились гораздо выше своих дешевых имитаций среди населения Османской Порты. Китайские мастера эпохи императора Канси (1661–1722 гг.), возродив после временной стагнации в стране производство императорского фарфора, быстро сориентировались и стали наполнять османский рынок кофейной фарфоровой посудой, необходимой для поддержания традиции кофепития. Продукция китайских провинций проигрывала императорскому фарфору в своем качестве, но она была более доступной для потребителя [24].

В нижнедонские османские крепости китайские фарфоровые кофейные чашечки и блюда попали, видимо, благодаря тому, что их использовали в быту высшие чины военных гарнизонов. В керамических комплексах Азака и Сед-Ислам автору удалось выявить остатки 60 фрагментов фарфоровых кофейных чашечек (44 – в Азаке, 16 – в Сед-Ислам) и 4 фрагмента фарфоровых блюд (3 – в Азаке, 1 – в Сед-Ислам). Вся посуда была произведена в провинциях Китая. Морфологически прослеживается два традиционных типа чашечек – полусферической (рис. 3, 1, 2, 5–12, 19, 20, 23; рис. 4, 1) и колоколовидной (рис. 3, 3, 4, 15, 16, 18; рис. 4, 2) формы с явным преобладанием первого типа, на низком, узком кольцевом поддоне. Высота чашечек – 4,0–5,0 см, диаметр венчика – 7,5–9,0 см, диаметр поддона – 2,5–4,5 см, толщина стенок – 0,2–0,6 см. Черепок – более толстый, менее плотный и стекловидный, чем у императорского фарфора, белого цвета с желтоватым или голубоватым оттенком. Глазурь – бесцветная, прозрачная, иногда голубоватая, обычно хорошего качества, но иногда с многочисленными мельчайшими пузырьками воздуха, нанесена на обе поверхности чашечек, как правило, тонким слоем. Порой встречаются бракованные экземпляры чашечек с некачественной росписью или участками без покрытия глазурью (рис. 3, 22).

Из четырех фрагментов китайских фарфоровых блюд лучше других сохранились только два: первый – фрагмент тонкостенного блюда на низком, узком кольцевом поддоне цилиндрической формы (толщина стенок – 0,2–0,3 см, высота поддона – 0,4 см, диаметр поддона – 8,0 см) из турецкой крепости Азак (рис. 4, 6), второй – фрагмент более толстостенного блюда на подобном поддоне (толщина стенок – 0,2–0,5 см, высота поддона – 0,6 см, диаметр поддона – 9,0–10,0 см) из крепости Сед-Ислам (рис. 4, 4). Особого внимания заслуживает изучение стилей росписи и декора китайских фарфоровых изделий императора Канси.

В декоре китайских кофейных фарфоровых чашечек, обнаруженных в нижнедонских османских военных укреплениях, прослежено два основных приема оформления: монохромная роспись в стиле «Синее и белое» и покрытие поверхностей цветными глазурями, порой в сочетании этих двух приемов друг с другом [25. С. 393–409].

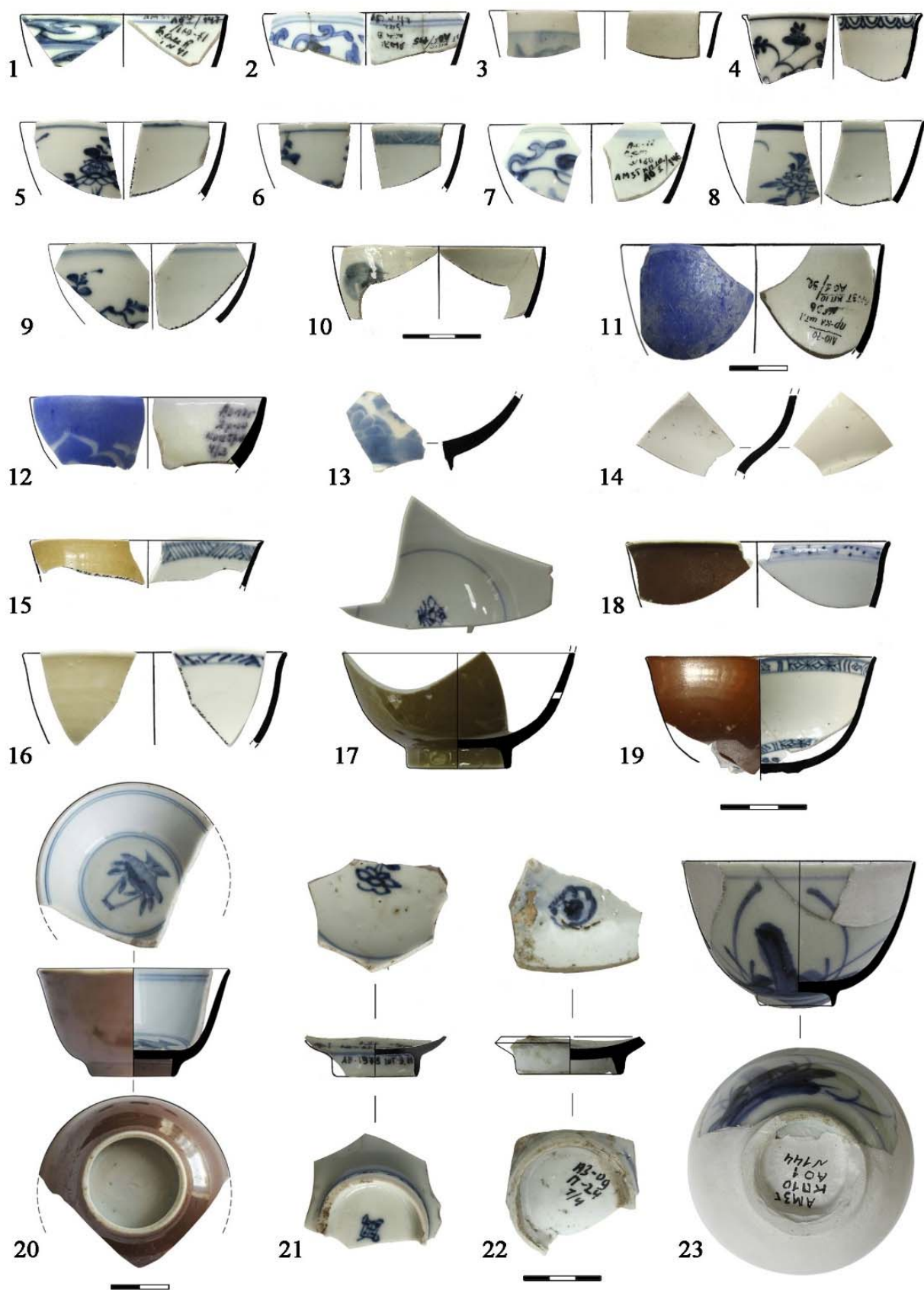

Рис. 3. Керамика Восточной Азии из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам. Фарфоровые кофейные чашечки (фрагменты и целые формы): с росписью синим кобальтом (1–11, 21–23) в технике «резерва» (12, 13), без росписи (14), с росписью кобальтом и покрытием бежевой глазурью (15, 16) или коричневой глазурью (17–20). Китайские провинции, конец XVII – первая половина XVIII в.

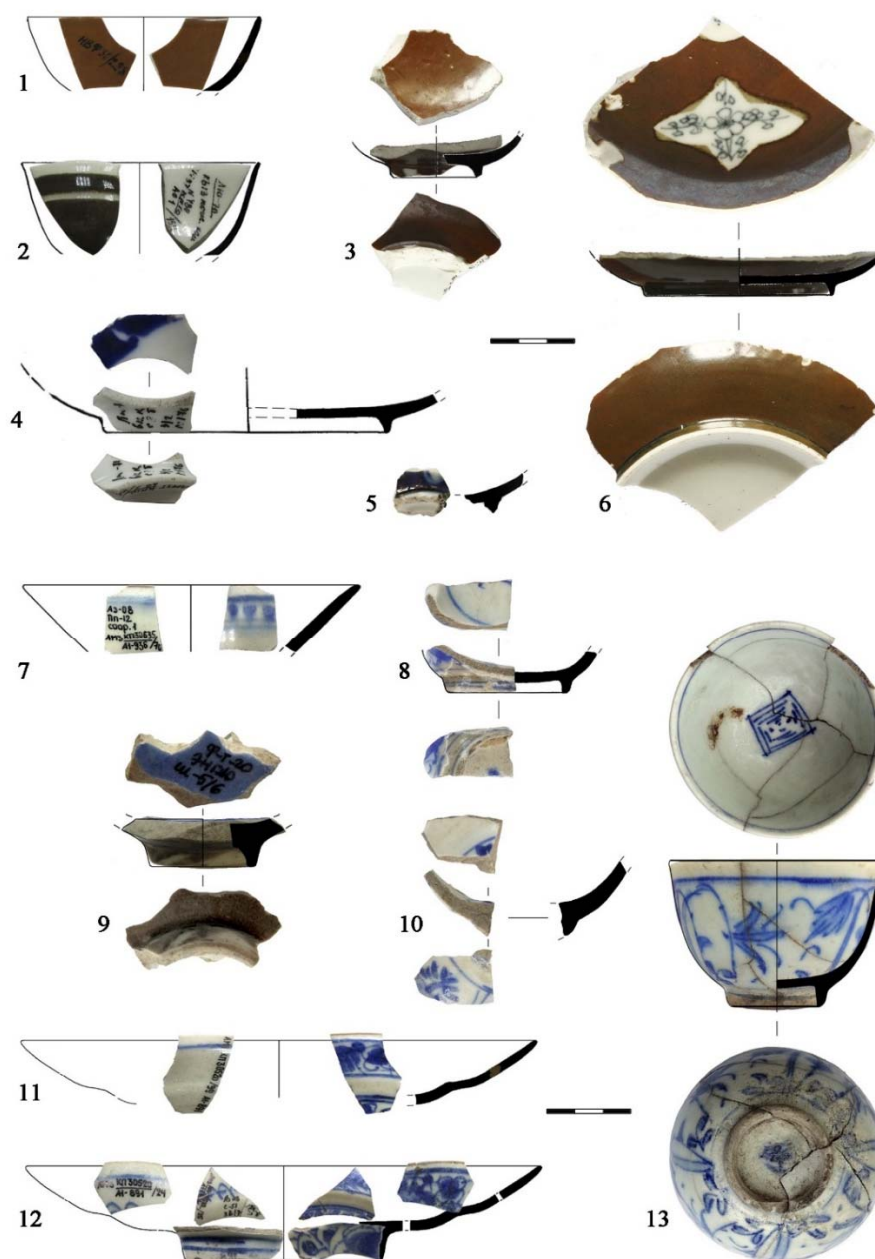

Рис. 4. Керамика Восточной Азии и Среднего Востока из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам. Фрагменты фарфоровых кофейных чашечек: с покрытием коричневой глазурью (1, 3) в технике «резерва» (2), с росписью в технике «blue roudré» (5) и блюдец с росписью кобальтом (4) и покрытием коричневой глазурью в технике «резерва» (6). Китайские провинции, конец XVII – первая половина XVIII в. «Персидские фаянсы»: фрагменты пиалы (7) и блюдец (11–12) с росписью синим и коричневым, кофейных чашечек с росписью кобальтом (8, 10) и покрытием коричневой глазурью (9). Сефевидский Иран, конец XVII – первая половина XVIII в. Целый экземпляр чашечки из раскопок в Каменце-Подольском (13), XVII в.

1. Монохромной росписью.

1.1. Синим кобальтом в стиле «Синее и белое».

Самыми популярными, по-видимому, были китайские фарфоровые чашечки с росписью синим кобальтом в стиле «Синее и белое». Находки остатков таких чашечек самые многочисленные на всех османских памятниках археологии. Мода на украшение посуды подглазурной росписью кобальтом, существовавшая в Китае еще в период династии Юань (1271–1368 гг.), гораздо шире распространилась в эпоху династии Мин (1368–1644 гг.). В период правления китайского императора Канси (1662–1722 гг.) династии Цин (1644–1911 гг.) данный

стиль росписи продолжал существовать. Мотивы росписи – преимущественно цветочно-растительные (рис. 3, 1–10). На внутренней стороне дна чашечек часто изображен стилизованный цветок или цветочная розетка (рис. 3, 21, 22), на внешней – иногда встречаются иероглифы (рис. 3, 21), а также изображения различных фигур – ромбов, «листов», которые можно рассматривать в качестве марок (клейм). Из крепости Сед-Ислам происходит фрагмент фарфоровой чашечки, внешняя поверхность которой полностью покрыта слоем синего кобальта, внутренняя – без декора (см. рис. 3, 11), а также фрагмент блюда с росписью в стиле «Синее и белое» (см. рис. 4, 4).

1.2. Синим кобальтом в технике «резерва».

Находки чашечек с росписью кобальтом в технике «резерва» весьма редки (всего два фрагмента). Мотивы декора таких чашечек, обнаруженных в Азакской крепости, цветочный и «ромбическая сетка» (рис. 3, 12–13).

2. С росписью синим кобальтом и покрытием цветными глазурями.

2.1. С росписью синим кобальтом и покрытием коричневой глазурью.

С конца XVII в. становится популярным глазурование поверхностей китайских фарфоровых сосудов, которое появилось еще в эпоху династии Мин. Тогда были изобретены цветные глазури с необычными названиями: «цвета жертвенной рыбы» (красная), «цвета яблока» (зеленая), «цвета кожи рыбы» (желтая), «цвета луны» (бирюзово-желтоватая) и др. В эпоху императора Канси особо модным стал коричневый цвет глазури различных оттенков. В качестве красителя глазури использовалось железо. Темно-коричневую краску называли «батавской» по голландскому названию столицы Индонезии Джакарты, которая в XVII в. принадлежала Голландии и Ост-Индской торговой компании. Покрытие цветными глазурями часто сочеталось с росписью кобальтом под слоем прозрачной бесцветной глазури. Мотивы росписи – пояски с геометрическими фигурами (рис. 3, 18, 19), концентрические окружности, цветочные розетки (рис. 3, 17), корзины с фруктами (рис. 3, 20).

2.2. С росписью синим кобальтом и покрытием бежевой глазурью.

Светло-коричневую и бежевую глазурь на китайской фарфоровой посуде французы именовали «кофе с молоком». Как и темно-коричневая глазурь, она часто сочеталась с росписью кобальтом (рис. 3, 15, 16). Встречаются и другие, более светлые, оттенки коричневой глазури на чашечках, но весьма редко.

2.3. С покрытием коричневой глазурью.

Среди находок из крепостей Азак и Сед-Ислам имеются фрагменты фарфоровых кофейных чашечек, обе поверхности которых покрыты темно-коричневой глазурью, за исключением внешней поверхности дна (рис. 4, 1, 3).

2.4. С покрытием коричневой глазурью в технике «резерва».

Единственный фрагмент фарфоровой чашечки, внешняя поверхность которой украшена декором в технике «резерва» (покрыта темно-коричневой глазурью, сочетающейся с широкими, горизонтальными полосами белого цвета), а внутренняя – без декора, происходит из раскопок в крепости Сед-Ислам (рис. 4, 2). Похожим стилем декора было украшено блюдо с темно-коричневой глазурью на обеих поверхностях, фрагмент которого был обнаружен в окрестностях крепости Азак. В белые картуши на блюде «вписан» растительно-цветочный орнамент, выполненный синим кобальтом (рис. 4, 6).

3. С полихромной росписью.

3.1. С росписью в технике «blue poudré».

Полихромная роспись, называемая французами «blue poudré» («синий припудренный»), появилась во времена китайского императора Канси (конец XVII –

начало XVIII в.). Суть этой техники декора заключалась в том, что синий кобальт выдувался сквозь бамбуковую трубку на еще влажный черепок, после чего изделие подвергалось обжигу. Получившийся синий фон расписывался надглазурной росписью золотом. Очевидно, таким стилем росписи была украшена чашечка, фрагмент которой нашли археологи на территории Азакской крепости (рис. 4, 5).

4. Без росписи.

Несколько фрагментов фарфоровых чашечек, происходящих из нижнедонских османских крепостей, вообще не имеют декора. Их поверхности покрыты прозрачной бесцветной глазурью (рис. 3, 14). Известно, что сосуды без росписи изготавливались китайскими мастерами и переправлялись по торговым путям в Европу в качестве «полуфабрикатов», для того, чтобы европейские мастера могли расписывать их по своему усмотрению, что называется, на свой «вкус». Китайские сосуды без росписи находили, например, на борту затонувшего у берегов Вьетнама в кораблекрушении судна, плившего в Батавию с грузом фарфора для немецкого торгового рынка [26. Р. 89].

О том, что фарфоровые изделия Поднебесной высоко ценились османами, свидетельствуют находки остатков кофейных чашечек со следами ремонта – просверленными сквозными округлыми отверстиями для стягивания трещин (рис. 3, 17). Дж. Хейс в ходе археологических исследований в Сарачхане в Стамбуле в 1990-х гг. тоже находил китайские фарфоровые чашечки со следами ремонта [27. Р. 235–237]. Донские казаки, обитавшие в низовьях Дона и контактировавшие со своими «соседями», со временем тоже приобщились к восточным традициям, в том числе и к кофепитию. Среди посуды, обнаруженной в ходе раскопок, к примеру, на территории Черкасского казачьего городка, присутствуют фрагменты кютахийских полуфаянсовых и китайских фарфоровых кофейных чашечек [28. С. 331].

Керамика Среднего Востока

Керамика Сефевидского Ирана, как и Османской Порты, подверглась заметному влиянию китайского фарфора. Это объяснялось огромной популярностью продукции Китая на рынке, что заставляло производителей керамики подражать особо востребованным покупателями образцам, порой изготавливая откровенные копии, которые продавались преимущественно в страны Европы как «подлинники». Среди керамических находок из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам присутствуют фрагменты так называемых персидских фаянсов – изделий, имитирующих китайский фарфор (рис. 4, 7–12). Внешне они выглядят как фарфоровые, но формовочная масса этих сосудов представляет собой «промежуточное состояние» между фарфором и фаянсом (черепок в изломе – белый, рыхлой структуры, а не стекловидный, как у фарфора, более толстый, формовочная масса изготовлена из измельченного кварца, битого стекла и белой глины). Качество росписи «персидских фаянсов» тоже отличается от китайских образцов – размытый, небрежно исполненный декор под толстым слоем бесцветной, прозрачной глазури низкого качества (с пузырьками воздуха).

Сефевидская посуда, происходящая из переотложенного культурного слоя второй половины XVII – первой половины XVIII в. нижнедонских османских укреплений, представлена редкими фрагментами (всего – 8 экз., из них: 6 – из крепости Азак, 2 – из крепости Сед-Ислам) кофейных чашечек (рис. 4, 8–10), блюдца (рис. 4, 11, 12) и чаши-пиалы (рис. 4, 7). Кофейные чашечки морфологически повторяют форму китайских образцов. Целые их формы известны, например, по находкам из османской кофейни второй половины XVII в. на Польском рынке в Каменце-Подольском (рис. 4, 13) [29. С. 26–32]. По сохранившимся фрагментам чашечек прослеживаются только размеры их низких кольцевых поддонов цилиндрической формы (высота – 0,5 см, диаметр – 2,8 см, толщина стенок – 0,2–0,3 см). Чаша-пиала имела диаметр венчика 12,0 см, толщину стенок – 0,2 см. Восстановленные размеры однотипных блюдца на относительно высоком, узком кольцевом поддоне: диаметр венчика – 18,0 см, высота поддона – 0,8 см, диаметр поддона – 8,0 см, толщина стенок – 0,2–0,3 см.

Декор «персидских фаянсов» подобен декору китайских фарфоровых изделий. Две кофейные чашечки украшены монохромной росписью синим кобальтом под прозрачной бесцветной глазурью (рис. 4, 8, 10). Поверхности третьей чашечки покрыты синей и коричневой глазурью, за исключением дна и внешней стороны поддона (рис. 4, 9). Чаша-пиала и оба блюдца имели особый вид декора – бихромную роспись синим и коричневым под бесцветной прозрачной глазурью, где поверхности изделий оформлены орнаментом в стиле «Синее и белое», а венчик – узким коричневым ободком. Мотивы росписи кобальтом – растительно-геометрические (рис. 4, 7, 11, 12). Изображая коричневым красителем ободок на венчике сосудов, персы, очевидно, имитировали бронзовый ободок на китайском фарфоре, который служил защитой от трещин. В конце XVII – начале XVIII в. «персидские фаянсы» массово производились во многих керамических центрах Сефевидского Ирана (Тебризе, Кашане, Кермане, Мешхеде и др.) и под видом китайских фарфоровых изделий вывозились на продажу в Европу и в Османскую империю. Известны случаи, когда на имитации китайских образцов в Кашане ставились «китайские» марки [30. С. 13; 31. Р. 95].

Выводы

В результате изучения керамических комплексов османского времени (конец XV – первая половина XVIII в.), полученных в ходе археологических исследований турецких крепостей Азак и Сед-Ислам, были выявлены новые группы импортной керамики производства мастерских Южной Европы, Восточной Азии и Среднего Востока на территории Северо-Восточного Приазовья. Изделия гончаров Южной Европы представлены редкими (0,1% от общего количества импортных керамических изделий, обнаруженных на памятниках) фрагментами итальянской майолики (кувшины и блюдо) эпохи Возрождения (рубеж XV–XVI вв.) и глиняными курительными трубками XVII – первой половины XVIII в. Поиски аналогий в письменных источни-

ках, научной литературе и среди материалов других археологических и этнографических коллекций помогли выяснить, что подобную расписную майоликовую посуду изготавливали в таких итальянских городах, как Фаэнца, Флоренция, Сиена, Пезаро и других, а двухкамерные курительные трубки с внутренней перегородкой и покрытием поверхностей «серебристым лаком» производили венецианские мастера-трубочники.

Более многочисленными по количеству найденных остатков (0,3%) являются фарфоровые изделия эпохи китайского императора Канси (1662–1722 гг.) из Восточной Азии – чаши-пиалы и кофейные чашечки с блюдцами, свидетельствующие о поддержании в турецких военных гарнизонах нижнедонских крепостей восточных традиций кофепития наряду с табакокурением, которые зародились в Османской империи почти одновременно в конце XVI – начале XVII в. Автору удалось проследить несколько вариантов декора фарфоровой посуды ремесленниками провинциальных мастерских Китая, наиболее популярным из которых является монохромная подглазурная роспись синим кобальтом в стиле «Синее и белое». Реже использовалось покрытие поверхностей сосудов цветными глазурями (преимущественно коричневого цвета различных оттенков), иногда в сочетании с росписью синим кобальтом (в том числе в белых «резервных» картушах). К другим разновидностям декора китайского фарфора относится монохромная роспись кобальтом и покрытие коричневой глазурью в технике «резерва», а также полихромная роспись в технике «blue poudré». Несколько фрагментов кофейных чашечек не имеют росписи и относятся, вероятно, к китайским фарфоровым «полуфабрикатам».

Керамика Среднего Востока в турецких крепостях Азак и Сед-Ислам представлена весьма редкими фрагментами (0,02%) так называемых персидских фаянсов (чаша-пиала и кофейные чашечки с блюдцами), произведенных в керамических центрах Сефевидского Ирана, которые удачно имитировали китайский фарфор. Судя по находкам на археологических памятниках, связанных с присутствием османов, эти изделия пользовались популярностью у населения Османской Порты. Как и китайский фарфор, «персидские фаянсы», вероятно, стоили недешево, поэтому их количество в нижнедонских укреплениях невелико. Необходимо отметить, что выделение остатков этой сефевидской керамики вызывает у керамологов определенные трудности в связи с ее большим сходством с китайским фарфором.

Все перечисленные выше группы импортной керамики относятся к разряду дорогостоящей, элитной посуды, которой, в силу ее дороговизны, могли пользоваться в быту только высокопоставленные османские военные чины и вельможи. Чего нельзя сказать о венецианских курительных трубках, являвшихся, по мнению некоторых исследователей, продукцией массового спроса, в связи с чем ими пользовались в быту низшие военные чины (в том числе моряки). В целом находки керамики Южной Европы, Восточной Азии и Среднего Востока на османских археологических памятниках Северо-Восточного Приазовья, датирующихся концом XV – первой половины XVIII в., свидетельствуют о

наличии широких торгово-экономических и политических связей Османской Порты в данный период времени в рассматриваемом регионе.

Научная ценность проведенных исследований заключается в том, что выявленные автором группы импортной керамики могут служить «маркерами» для датирования

других археологических находок, происходящих из сильно поврежденного в результате русско-турецких военных конфликтов и фортификационных вмешательств XVII–XVIII вв. культурного слоя нижнедонских крепостей, а также иных памятников археологии османского времени, где встречаются данные группы керамики.

Список источников

1. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979.
2. Казакова Л.М. Отчет об археологических работах музея в г. Азове в 1962 году. Азов, 1963. 28 л. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 2560.
3. Чеснок В.Ф. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г. Недвиговка, Ростовской области, 1970 // Архив археологического музея-заповедника «Танаис». НВФ-180.
4. Трубников В.В. Отчет о раскопках Черкасского городка XVI–XIX вв. в Аксайском районе Ростовской области. Т. I. Ростов-на-Дону, 2017. 277 с. // Архив Азовского музея-заповедника (Архив АМЗ) КВФ-14401/1.
5. Масловский А.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по улицам Мира 2А, Суворова 51, Севастопольской 3, Чапаева 14 в 2008 г. Т. 1. Азов, 2009. 136 с. // Архив АМЗ. КВФ-13795/1.
6. Гончарова С.М. Отчет об археологических раскопках на территории г. Азова Ростовской области в 2012–2013 гг. Т. IV. Азов, 2019. 230 с. // Архив АМЗ. КВФ-14595/4.
7. Якиев Б.А. Отчет о проведении работ по определению границ территории объекта археологического наследия федерального значения «Генуэзско-Венецианская фактория Тана», расположенного по адресу: внутри существующих валов Азовской крепости (местоположение: Ростовская область, г. Азов, в 1161 м к северо-западу от бульвара Петровского, 22). Государственное задание на 2020 г. Ростов-на-Дону, 2020. 38 с. // Архив АМЗ.
8. Тесленко И.Б. Итальянская майолика в Крыму периода турецкого владычества // Российская археология. 2008. № 2. С. 71–77.
9. Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV – XVI вв.) // Лики войны. Stratum plus. № 6. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2019. С. 295–320.
10. Тесленко И.Б., Майко В.В. Итальянская майолика османского Судак // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 401–426.
11. Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean (7th to 20th Century): an introduction and field guide. Utrecht, The Netherlands: Parnassus Press, 2005. P. 146–147.
12. Tite M.S. The production technology of Italian maiolica: a reassessment // Journal of Archaeological Science. 2009. № 36 (10). P. 2065–2080.
13. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы (Источники и методы изучения). М.: Наука, 1978. 272 с.
14. Gelichi S. La maiolica a Bologna nel XV secolo: nuovi dati archeologici // Atti XXIV convegno internazionale della ceramica «Della maiolica arcaica alla maiolica del primo Rinascimento». Albisola, 1991. P. 19–47.
15. Кубе А.Н. История фаянса. Берлин: Государственное издательство Р.С.Ф.С.Р., 1923. 23 с.
16. Кубе А.Н. Итальянская майолика XV–XVIII веков. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1976. 106 с.
17. Gosse Ph. Les pipes de l'Empire Ottoman. Fouilles archéologiques du port de quarantaine sur l'île de Pomègues // Association de Recherches Historiques et Archéologiques. 2001–2002–2003. 164 p.
18. Wood J. Pipes from Malta: a short account of the tobacco pipes found in Dockyard Creek, Birgu // The International Journal of Nautical Archaeology. Nautical Archaeology, 27.4. 1998. P. 313–330.
19. Гусач И.Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов, 2016. С. 18–359.
20. Boscolo G. Lapira Chioggiotta. Chioggia, 1977. 43 p.
21. Bekić L. Clay pipes from the waters of Veštar Harbour near Rovinj in Croatia // Journal of the Académie Internationale de la Pipe. 2016. Vol. 9. P. 99–108.
22. Гусач И.Р. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. тр. Т. I. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 476–481.
23. Гусач И.Р. Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. Вып. 3. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С. 116–143.
24. Кузьменко Л.И. Керамика и фарфор Китая. Каталог выставки. М., 1980. 72 с.
25. Гусач И.Р. Китайский фарфор XVII–XVIII вв. из раскопок на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 году. Вып. 25. Азов, 2011. С. 391–454.
26. Jörg C.J.A. Chinese Ceramics in the Collection of the Rijksmuseum, Amsterdam: The Ming and Qing Dynasties. Amsterdam, 1997. 352 p.
27. Hayes J.W. Turkish Pottery // Excavations at Sarāḥane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Oxford: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 455 p.
28. Гусач И.Р. Русско-турецкая граница: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII – XVIII вв. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / [редколл.: Л.А. Беляев (отв. ред.), В.Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. М.: Индрик, 2020. С. 314–337.
29. Гусач И.Р., Нечитайло П.А. Импортные кофейные чашечки из закрытого комплекса конца XVII века в Каменце-Подольском // Балансы истории: ценности и средства. Stratum plus. № 6. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2018. С. 319–357.
30. Кверфельдт Э.К. Фарфор. Краткий исторический очерк. Л.: Государственный Эрмитаж, 1940. 80 с.
31. Afshar Vafa. Safavid ceramics through the eyes of European travelers // Journal of Arts. 2020. Vol. 3, Is. 2. P. 85–96.

References

1. Çelebi, E. (1979) *Kniga puteshestviya (Izvlacheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of Travel (Extracts from the writings of a Turkish traveler of the 17th century)]. Vol 2. Translated from Turkish. Moscow: Nauka.
2. Archive of Institute of Archaeology of RAS. Fund 1 List 1. No. 2560. Kazakova, L.M. (1963) *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh muzeya v g. Azove v 1962 godu. Azov, 1963. 28 l.* [Report on the archaeological work of the museum in Azov in 1963. Azov. 28 p.].
3. Archive of the Tanais Archaeological Museum-Reserve. NVF-180. Chesnok, V.F. (1970) *Al'bom illyustratsiy k otchetu o raskopkakh v kreposti Lyutik letom 1970 g. Nedvigovka, Rostovskoy oblasti* [Album of illustrations for the report on excavations in the Lyutik fortress in the summer of 1970. Nedvigovka, Rostov Oblast].
4. Archive of Azov Museum-Reserve. KVF-14401/1. Trubnikov, V.V. (2017) *Otchet o raskopkakh Cherkasskogo gorodka XVI–XIX vv. v Aksayskom rayone Rostovskoy oblasti. T. I. Rostov-na-Donu. 277 s.* [Report on excavations of the Cherkassy town of the 16th–19th centuries. in the Aksai district of Rostov Oblast. Vol. I. Rostov-on-Don. 277 p.].
5. Archive of Azov Museum-Reserve. KVF-13795/1. Maslovskiy, A.N. (2009) *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po*

- ulitsam Mira 2A, Suvorova 51, Sevastopol'skoy 3, Chapaeva 14 v 2008 g. T. 1. Azov, 2009. 136 s. [Report on rescue archaeological excavations in the city of Azov along the streets of Mira 2A, Suvorov 51, Sevastopolskaya 3, Chapaev 14 in 2008. Vol. 1. Azov. 136 p.].
6. Archive of Azov Museum-Reserve. KVF-14595/4. Goncharova, S.M. (2019) *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na territorii g. Azova Rostovskoy oblasti v 2012–2013 gg. T. IV. Azov, 2019. 230 s.* [Report on archaeological excavations on the territory of the city of Azov, Rostov Oblast, in 2012–2013. Vol. IV. Azov. 230 p.].
7. Archive of Azov Museum-Reserve. Yakiev, B.A. (2020) *Otchet o provedenii rabot po opredeleniyu granits territorii ob"ekta arkhеologicheskogo naslediya federal'nogo znacheniya "Genuezsko-Venetsianskaya faktoriya Tana", raspolozhennogo po adresu: vnuri sushchestvuyushchikh valov Azovskoy kreposti (mestopolozhenie: Rostovskaya oblast', g. Azov, v 1161 m k severo-zapadu ot bul'vara Petrovskogo, 22). Gosudarstvennoe zadanie na 2020 g. Rostov-na-Donu. 38 s.* [Report on the work to determine the boundaries of the territory of the archaeological heritage site of federal significance "Genoese-Venetian trading post of Tana", located at the address: inside the existing ramparts of the Azov fortress (location: Rostov Oblast, Azov, 1161 m northwest of Petrovsky Boulevard, 22). State assignment for 2020. Rostov-on-Don. 38 p.].
8. Teslenko, I.B. (2008) Ital'yanskaya mayolika v Krymu perioda turetskogo vladychestva [Italian maiolica in Crimea during the period of Turkish rule]. *Rossiyskaya arkhеologiya*. 2. pp. 71–77.
9. Teslenko, I.B. & Alyadinova, D.Yu. (2019) Vliyaniye osmanskogo zavoevaniya 1475 g. na kul'turu zHITELEY Yuzhnogo Kryma (po materialam keramicheskikh kompleksov kontsa XV–XVI vv.) [The influence of the Ottoman conquest of 1475 on the culture of the inhabitants of the Southern Crimea (based on materials from ceramic complexes of the late 15th–16th centuries)]. *Liki voyny. Stratum plus*. 6. pp. 295–320.
10. Teslenko, I.B. & Mayko, V.V. (2020) Ital'yanskaya mayolika osmanskogo Sudaka [Italian maiolica of the Ottoman Sudak]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii*. 35. pp. 401–426.
11. Vroom, J. (2005) *Bizantine to Modern Pottery in the Aegean (7th to 20th Century): an introduction and field guide*. Utrecht: Parnassus Press. pp. 146–147.
12. Tite, M.S. (2009) The production technology of Italian maiolica: a reassessment. *Journal of Archaeological Science*. 36 (10). pp. 2065–2080.
13. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy (Istochniki i metody izucheniya)* [Pottery of Eastern Europe (Sources and methods of study)]. Moscow: Nauka.
14. Gelichi, S. (1991) La maiolica a Bologna nel XV secolo: nuovi dati archeologici. In: *Della maiolica arcaica alla maiolica del primo Rinascimento. Atti XXIV convegno internazionale della ceramica*. Albisola: Centro Ligure per la storia della ceramica. pp. 19–47.
15. Kube, A.N. (1923) *Istoriya fayansa* [History of Faience]. Berlin: Gosudarstvennoe izdatel'stvo R.S.F.S.R.
16. Kube, A.N. (1976) *Ital'yanskaya mayolika XV–XVIII vekov. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha* [Italian Maiolica of the 15th–18th Centuries. Collection of the State Hermitage]. Moscow: Iskusstvo.
17. Gosse, Ph. (2001–2003) *Les pipes de l' Empire Ottoman. Fouilles archéologiques du port de quarantaine sur l'île de Pomègues*. Association de Recherches Historiques et Archéologiques.
18. Wood, J. (1998) Pipes from Malta: a short account of the tobacco pipes found in Dockyard Creek, Birgu. *The International Journal of Nautical Archaeology*. 27.4. pp. 313–330.
19. Gusach, I.R. (2016) Kuritel'nye trubki iz raskopok osmanskoy kreposti Azak [Smoking pipes from the excavations of the Ottoman fortress Azak]. In: *Kuritel'nye trubki iz raskopok osmanskoy kreposti Azak (po materialam fonda arkhеologii Azovskogo muzeya-zapovednika): katalog kollektsii* [Smoking Pipes from the Excavations of the Ottoman Fortress Azak (Based on materials from the archeology fund of the Azov Museum-Reserve): collection catalog]. Azov: Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve. pp. 18–359.
20. Boscolo, G. (1977) *La Pipa Chioggiotta*. Chioggia: [s.n.].
21. Bekić, L. (2016) Clay pipes from the waters of Veštar Harbour near Rovinj in Croatia. *Journal of the Académie Internationale de la Pipe*. 9. pp. 99–108.
22. Gusach, I.R. (2005) Turetskie polufayansy XVIII veka iz Azova [Turkish semi-faience of the 18th century from Azov]. In: *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Region of the 10th–18th Centuries]. Vol. 1. Kiev: ID "Stilos". pp. 476–481.
23. Gusach, I.R. (2012) Kyutakhiyskie kofeynye chashechki iz raskopok kreposti Lyutik (Sed-Islam) [Kutahya coffee cups from the excavations of the Lutic fortress (Sed-Islam)]. *Vestnik Tanaisa*. 3. pp. 116–143.
24. Kuz'menko, L.I. (1980) *Keramika i farfor Kitaya. Katalog vystavki* [Ceramics and Porcelain of China. Exhibition catalogue]. Moscow: State Museum of Oriental Art.
25. Gusach, I.R. (2011) Kitayskiy farfor XVII–XVIII vv. iz raskopok na territorii turetskoy kreposti Azak [Chinese porcelain of the 17th–18th centuries from excavations on the territory of the Turkish fortress Azak]. In: *Istoriko-arkhеologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2009 godu* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2009]. Vol. 25. Azov: Azov Museum of Local Lore. pp. 391–454.
26. Jörg, C.J.A. (1997) *Chinese Ceramics in the Collection of the Rijksmuseum, Amsterdam: The Ming and Qing Dynasties*. Amsterdam: [s.n.].
27. Hayes, J.W. (1992) Turkish Pottery. In: Hayes, J.W. (ed.) *Excavations at Sarāḡhane in Istanbul*. Vol. 2. Oxford: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
28. Gusach, I.R. (2020) Russko-turetskaya granitsa: keramika i problemy kul'turnogo obmena vo vtoroy polovine XVII – XVIII vv. [Russian-Turkish Border: Ceramics and problems of cultural exchange in the second half of the 17th–18th centuries]. In: Belyaev, L.A. & Zakharov, V.N. (eds) *Zhizn' i smert' v Rossiyskoy imperii. Noye otkrytiya v oblasti arkhеologii i istorii Rossii XVIII–XIX vv.* [Life and Death in the Russian Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia in the 18th–19th centuries]. Moscow: Indrik. pp. 314–337.
29. Gusach, I.R. & Nechitaylo, P.A. (2018) Importnye kofeynye chashechki iz zakrytogo kompleksa kontsa XVII veka v Kamentse-Podol'skom [Imported coffee cups from a closed complex of the late 17th century in Kamenets-Podolsk]. *Stratum plus*. 6. pp. 319–357.
30. Kverfel'dt, E.K. (1940) *Farfor. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Porcelain. Brief historical sketch]. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh.
31. Afshar, V. (2020) Safavid ceramics through the eyes of European travelers. *Journal of Arts*. 2 (3). pp. 85–96.

Информация об авторе:

Гусач И.Р. – старший научный сотрудник Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника имени А.А. Горбенко (Азов, Россия). E-mail: irina_gusach@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.R. Gusach, senior research fellow, Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve (Azov, Russian Federation). E-mail: irina_gusach@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023;
одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 08.12.2023;
approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 94 (571.1)
doi: 10.17223/15617793/497/8

«Томские епархиальные ведомости» о церковно-религиозной жизни в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.)

Игорь Александрович Ерёмин¹

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, iaeremin61@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа публикаций в епархиальном издании охарактеризованы особенности церковно-религиозной жизни в Томской губернии в разные периоды Первой мировой войны. Делается вывод о том, что главное место в ней заняла идея благотворительности, как выполнение на практике важнейшей евангельской заповеди о любви к ближнему своему, под которым подразумевался совершенно незнакомый человек, нуждавшийся в помощи. Драматические события 1917 г. развернули церковно-религиозную жизнь в регионе в русло политико-партийной борьбы.

Ключевые слова: Первая мировая война, Томская губерния, региональная церковная пресса

Для цитирования: Ерёмин И.А. «Томские епархиальные ведомости» о церковно-религиозной жизни в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 76–88. doi: 10.17223/15617793/497/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/8

Tomskie Eparkhialnye Vedomosti about the church and religious life in Tomsk Province during the First World War (July 1914–1917)

Igor A. Eryomin¹

¹ Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, iaeremin61@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is to analyze publications in *Tomskie Eparkhialnye Vedomosti* and characterize the features of the church and religious life in the region during different periods of the First World War. The Christian teaching about the presence of faith only through good, selfless deeds became the core of the religious and church life of the eparchy during the war years. During this period, the editors of the periodical constantly turned to informing the population of the region about the progress of work to provide various assistance to soldiers' families and different categories of war victims, and received numerous responses from various localities. The church and religious life in the region in the second half of 1914 was characterized by the fact that people went to churches, which were crowded with worshipers. Schools did not accommodate participants in discussions at which priests spoke about the progress of military operations. A coherent system of church charity was created in the eparchy to provide assistance to soldiers' families, front-line soldiers, and victims of war. In 1915, among the features of the religious and church life in the eparchy, contemporaries noted the awakened self-awareness of the population, which forced them to pay attention to their unpreparedness to fight the powerful enemy. The consequence of this understanding among the Orthodox inhabitants of the region was an unprecedented demand for a variety of knowledge. In the church and religious life of the province, 1916 became a period of greatest tension between the clergy and the laity in providing assistance to the active army and various categories of war victims. Enormous credit for this belonged to the head of the Tomsk eparchy, an outstanding preacher of his time, Bishop Anatoly. After the coup d'état in February 1917, new authorities at all levels sought to minimize the influence of the Russian Orthodox Church on society. As a result, the previous forms of the church and religious life in the region began to quickly degrade and fade away. The content of publications in *Tomskie Eparkhialnye Vedomosti* from July 1914 to March 1917 testifies to the active support by the clergy and the laity of the eparchy for the actions of the country's leadership to repel the enemy, to mobilize society for its speedy defeat. The church and religious life in the Siberian province quickly began to be restructured along military lines. The main place in it was occupied by the idea of charity as the implementation of the most important gospel commandment to love one's neighbor, which meant a complete stranger who needed help.

Keywords: World War I, Tomsk Province, regional church press

For citation: Eryomin, I.A. (2023) *Tomskie Eparkhialnye Vedomosti* about the church and religious life in Tomsk Province during the First World War (July 1914–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 76–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/8

После десятилетий идеологизированного отношения к Русской православной церкви (РПЦ) происходит обращение к научному изучению ее опыта. В контексте изучения региональной церковной истории закономерен исследовательский интерес к дореволюционной провинциальной церковной прессе. «Епархиальные ведомости», существовавшие почти в каждой российской губернии, воспринимаются сегодня в качестве важного исторического источника.

Периодическое издание «Томские епархиальные ведомости» в последние годы привлекалось в качестве исторического источника в ряде научных работ [1–5]. В них авторы сосредоточили свое внимание на различных аспектах здравоохранения, храмовом строительстве и положении коренного населения в регионе.

В нашем исследовании, анализируя публикации в «Томских епархиальных ведомостях», мы охарактеризуем особенности церковно-религиозной жизни в регионе в разные периоды Первой мировой войны.

Епархиальная периодическая печать изначально отражала государственно-церковную точку зрения на окружающую действительность. Прототипом «Епархиальных ведомостей» и образцом для них послужили официальные издания губерний Российской империи – «Губернские ведомости». Проникновение в различные слои российского общества антиправославных и антиправительственных настроений способствовало выработке главной идеи региональной церковной периодики – духовно-нравственного окормления масс. Светская власть, контролировавшая в синодальный период РПЦ, использовала церковную прессу для пропаганды государственной идеологии «Православие, самодержавие, народность» среди населения. Кроме того, «Епархиальные ведомости» должны были подкреплять позицию губернской и частной охранительной печати.

Официальное церковное издание «Томские епархиальные ведомости» выходило с лета 1880 г. по конец 1917 г. Редакция издания состояла при Томской духовной семинарии. «Епархиальные ведомости» состояли из двух частей – официальной и неофициальной. В официальной части печатались все важнейшие и относящиеся к данной епархии манифесты, указы, повеления и рескрипты императоров, определения, отношения Сената, Кабинета министров и других государственных учреждений, Синода, а также распоряжения епархиального начальства, годовые отчеты или извлечения из них по консистории, духовной семинарии, другим учебным заведениям и учреждениям епархии. Неофициальная часть, состоявшая из миссионерского и общецерковного отделов, содержала проповеди, речи, поучения, апологетические и катехизические тексты, статьи по богословию, литургике, церковной истории, педагогике, о миссионерстве, старообрядчестве, сектантстве. Здесь печатались обзоры духовной и светской литературы, юбилейные статьи о русских писателях, назидательные рассказы и стихи, медицинские и другие практические сведения.

Объявление Германией войны России стало отправкой точкой начала глобального вооруженного

конфликта. Это событие вызвало в масштабах всей империи повсеместный патриотический подъем, всенародное движение защитить Родину от жестокого и сильного врага и непременно победить его в кратчайшие сроки. Не только на уровне правительства, но и в самых широких массах народа, эта война сразу же получила наименование «Вторая Отечественная». В «Томских епархиальных ведомостях» был опубликован императорский манифест о начале войны с Германией. Для объяснения причин и целей начавшейся войны пастырям и пастве епархии издание разместило на своих страницах обращение епископа Томского и Алтайского Мефодия. Он начал свое обращение с напоминания библейской истины о том, что война «есть суд Божий над народами». Нападение Германии на Россию епископ представил как борьбу безбожной западной цивилизации с духовной российской цивилизацией. Епископ подчеркнул, что «нам завидуют и нас боятся западные народы, а более всего наши ближайшие соседи германцы». По его мнению, страх и зависть к русским со стороны западных народов объяснялись тем, что у них «пала вера в Бога, а с упадком веры пали и добрые нравы, распадается и семейная жизнь». В результате эти народы «развращают себя, развращают других, развращают нас». В отличие от народов Запада, русский народ «хранит еще сокровище веры, безбожие еще не успело развратить добрые нравы и расшатать семейные узы, а потому Русское государство опережает своим ростом западные государства». Настоятель епархии выразил уверенность в победе и призвал православных земляков подняться «на защиту Русской земли и всего славянства с верою в Бога и правоту своего дела» [6. С. 1118–1120].

Во всех храмах епархии прошли молебны о даровании русскому воинству победы над врагами. Перед молебном в Томском кафедральном соборе 22 июля 1914 г. со словом к прихожанам обратился священник Александр Ковалевский. Он, опираясь на идеи панславизма, заявил, что в начавшейся войне с Германией решалась судьба всего славянства, которое «держится Россией, как своей представительницей, существует благодаря ее защите». Сравнив государство с «громადной по количеству членов» семьей, он призвал в суровый час испытаний забыть внутренние распри для того, чтобы «вся Россия в тесном единении с Царём, поднимавшаяся как один человек», смогла отразить «дерзкий натиск врага» [7. С. 1058–1059, 1061].

Христианское учение о наличии веры только через добрые, бескорыстные дела стало стержнем религиозно-церковной жизни епархии в новых условиях. Только что сменивший на епископской кафедре епископа Томского и Алтайского Мефодия епископ Анатолий первым делом обратился к духовенству и мирянам региона с призывом оказать немедленную посильную помощь воинам, членам их семей и особенно – жертвам войны [8. С. 1117].

Епископ Анатолий начал мобилизацию всех церковных сил региона для оказания конкретной помощи семьям защитников Отечества через скорейшее выполнение определения Святейшего Правительствующего

Синода от 20 июля 1914 г. о создании во всех православных приходах империи попечительных советов для оказания помощи этой категории населения [9. С. 341]. Приходские попечительные советы в регионе были созданы в кратчайшие сроки и сразу же приступили к активной деятельности.

С этого времени редакция издания на своих страницах постоянно обращалась к информированию населения региона о ходе работы по оказанию разнообразной помощи солдатским семьям и получала многочисленные отклики из различных населенных пунктов. Одним из первых о своей работе отчитался попечительный совет при градо-Мариинском Николаевском соборе. Он был образован в г. Мариинске 10 августа для помощи семьям лиц, призванных на защиту Отечества. Членами совета был оперативно проведен по подписным листам благотворительный сбор средств. Всего было собрано около 220 руб. деньгами и материалами на 20 руб. На эти средства совет решил открыть в приходской при соборе деревне Баймской приют-ясли для детей мобилизованных воинов. 17 августа приют был открыт. Он разместился в школьном здании, а его заведующей стала учительница Старокодомская. В приют было принято 13 детей от полугода до семи лет [10. С. 1167–1168].

Жены духовенства в Томске создали Благотворительное общество (кружок) дам духовного звания. На страницах «Томских епархиальных ведомостей» был опубликован его устав, утвержденный епископом Томским и Алтайским Анатолием 4 сентября 1914 г. Целями кружка объявлялась помощь «страждущим братьям – раненым воинам через снабжение их лазаретным бельем», а также воинам действующей армии, «обеспечивая их некоторыми предметами первой необходимости». Кроме того, объектом заботы кружка являлись «нуждающиеся семейства» военнослужащих [11. С. 351–352].

Члены Благотворительного общества обратились с воззванием к женам духовенства епархии. В нем они призвали прийти на помощь тем, «чья кровь проливается за Отечество». Они предложили каждой жене священника пожертвовать 3 руб., дьякона – 2 руб., а псаломщика – 1 руб. Если же им еще удалось бы собрать «доброхотные даяния», то можно было бы оборудовать поезд для раненых, чтобы «привозить их в наши лазареты» [12. С. 1166]. Этот призыв имел самый благоприятный отклик. Подобные общества (кружки) стали создавать и в других городах епархии.

Начавшаяся война поставила новые задачи перед учителями церковно-приходских школ епархии. «Томские епархиальные ведомости» уделили этой проблеме должное внимание. В заметке, посвященной закрытию в Томске летних двухмесячных курсов для подготовки воспитанников двухклассных церковно-приходских школ к сдаче экзаменов на звание учителя одноклассной церковно-приходской школы, были подробно изложены тезисы выступления законоучителя курсов протоиерея Дмитревского на эту тему. Обращаясь к учителям, он призвал их всегда помнить о своих обязанностях. Призвание народных учителей в суровых

условиях войны он видел в том, чтобы готовить «добрых, верных, преданных слуг отечеству». В своей педагогической деятельности учителя церковно-приходских школ должны были добиваться того, чтобы их ученики стали честными, трезвыми работниками и защитниками государства «в годину напастей» [13. С. 1129–1131].

Редакция издания приступила к публикациям материалов, посвященных участию учащихся церковных учебных заведений в деле благотворительной помощи воинам и жертвам войны. Первыми такое намерение выразили учащиеся томского епархиального женского училища, которое епископ Томский и Алтайский Анатолий посетил 24 сентября 1914 г. Инспектор классов от имени учащихся предложил направить «на служение нужде государства» энергию «более тысячи здоровых рук». Епископ Анатолий выразил готовность благословить это «доброе намерение, подсказанное... любовью к полагающим свою жизнь за родину защитникам отечества» [14. С. 1225, 1227].

На страницах издания начали появляться распоряжения к духовенству епархии проводить в храмах благотворительные сборы в пользу вооруженных сил в дни православных праздников. Началась эта деятельность с поддержки самого молодого в тот период рода войск – военного воздушного флота. Откликнувшись на письмо командующего войсками Омского военного округа от 4 сентября 1914 г. и выполняя резолюцию епископа Анатолия от 27 сентября, Томская Духовная консистория предписала причтам церквей епархии произвести однодневный кружечный сбор в пользу военного воздушного флота 8 ноября в день Михаила Архангела [15. С. 433].

С октября 1914 г. по февраль 1917 г. на страницах издания стали публиковать списки благотворителей, внесших свой вклад в дело помощи различным категориям жертв войны [16. С. 1235]. Эти люди являлись примером для подражания всем остальным православным жителям региона в деле постоянной заботы о тех, кто сражался с врагом на фронте, об их семьях.

Успехи русской армии на полях сражений в начальный период войны ознаменовались совершением благодарственных молебнов в храмах епархии «по случаю победы нашего воинства над германцами около Варшавы и Ивангорода». В кафедральном Троицком соборе Томска такой молебен 12 октября 1914 г. совершил епископ Томский и Алтайский Анатолий. Более регулярными на церковных службах в храмах были панихиды «об упокоении православных воинов, на брани за веру, Царя и Отечество живот свой положивших» [17. С. 467; 24. С. 3–4].

Между тем к оказанию благотворительной помощи пострадавшим от военными действиями подключились представители правящей династии. Под председательством сестры императрицы Александры Фёдоровны великой княгини Елизаветы Фёдоровны был учрежден Комитет по оказанию благотворительной помощи семействам воинов, ушедших на войну. В своем рескрипте на имя епископа Томского и Алтайского Анатолия она просила оказать помощь для проведения «та-

релочного сбора за всенощной 20 и за литургией 21 ноября в день великого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы». Собранные в храмах во время этих богослужений средства должны были пойти на оказание помощи солдатским семьям. Руководство епархии определением от 10–11 октября 1914 г. постановило принять в этом деле «самое живое и деятельное участие» [18. С. 478–480, 486]. С этого времени и вплоть до февраля 1917 г. все приходы епархии принимали активное участие в благотворительной поддержке деятельности этого Комитета.

Кроме того, епархиальное начальство, рассмотрев доклад Благотворительного кружка дам духовного звания в г. Томске решило проводить во всех церквях епархии во время богослужений в воскресные и праздничные дни благотворительные сборы пожертвований «от имени Кружка». При этом на каждой кружке, в которую прихожане опускали денежные пожертвования, должна была присутствовать надпись «на нужды войны»; «Благотворительного Кружка дам духовного звания» [19. С. 493].

В этой связи надо отметить, что только за сентябрь 1914 г. Томский Благотворительный кружок израсходовал более 1 200 руб. на закупку различных материалов, из которого его членами было изготовлено необходимых принадлежностей на 25 кроватей для раненых воинов в лазарете. Кроме того, для бойцов действующей армии ими было сшито 50 теплых байковых рубашек и изготовлено 50 пар холщовых портянок [20. С. 509].

Церковной традицией в тот период было торжественно отмечать дни рождения членов царской семьи и высокопоставленных представителей правящей династии. Обстановка военного времени наложила свой отпечаток на установившуюся традицию. В ноябре 1914 г. в день рождения Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России великого князя Николая Николаевича духовная корпорация и воспитанники Томской духовной семинарии вознесли молитвы, возблагодарив Бога за то, что «воздвигнут Вожь мудрый, мужественный, вдохновивший наши доблестные войска на подвиги героизма и неодолимо ведущих их к славным победам» [21. С. 518].

Новой традицией в рамках епархии стала шефская благотворительная помощь тем полкам, сражавшимся на фронте, которые до войны были расквартированы в регионе. В этом деле первыми инициативу проявили жены духовенства, входившие в состав Томского Благотворительного кружка. В октябре 1914 г. они отправили в 42-й сибирский стрелковый полк 4 ящика вещей, в которые вошли 166 теплых рубашек, 88 теплых брюк, 107 кальсон, 193 пары байковых портянок [22. С. 532].

Уже к концу года появилась традиция у всех благотворительных организаций епархии самый большой объем пожертвований землякам-фронтовикам направлять на два главных православных праздника – Рождество и Пасху.

Действуя совершенно бескорыстно, честно исполняя свой христианский долг в заботах о ближних своих, благотворители епархии не искали никакой земной славы. Но она сама находила их, воздавая благо-

дарность не только от обычных мирян, но и высокопоставленного начальства. 17 октября 1914 г. обер-прокурор Святейшего Синода В. Саблер выразил благодарность членам Томского благотворительного кружка за пожертвование вещами «на усиление Синодального лазарета имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». Руководитель Синода подчеркнул, что осмотр изготовленных вещей свидетельствовал о том, что сделаны они были с любовью людьми, наделенными «высокими патриотическими чувствами» [23. С. 2]. Епископ Томский и Алтайский Анатолий 15 декабря 1914 г. наградил благодарственными грамотами за активную благотворительную деятельность в рамках помощи солдатским семьям и жертвам войны руководителей благотворительных кружков дам духовного звания Томска, Новониколаевска, Барнаула, Бийска, Камня К.И. Юрьеву, А.А. Чистякову, С.И. Левицкую, О. Редькину, Е.В. Репьеву [24. С. 3].

На наш взгляд, верную характеристику религиозно-церковной жизни епархии за полгода с начала войны дали священнослужители Алтайской духовной миссии. В своем отчете за 1914 г. они подчеркнули, что благодаря запрещению винной торговли, «наступило отрезвление народа, пробудилось самосознание и гнев на коварного врага». Война стала сразу популярной и народной. Благодаря отказу от алкоголя, народ стал серьезно относиться и к военным событиям, и к своей жизни. Все усердно работали на себя и «на оставленных сирот». В деревнях появились попечительства «о призрении семей ушедших на войну». Народ одумался и стал религиознее. Храмы были переполнены молящимися, школы не вмещали участников бесед, на которых священники рассказывали о ходе военных действий. Алтайцы, которые в тот период относились к инородческому сословию, охотно жертвовали «из своего скудного достояния» на военные нужды. Они только теперь вполне осознали значение покровительства русского народа «как защитника от врагов», ощутили крепкую историческую связь с ним, «скованную веками». Участились крещения алтайцев. Только в первом благочинии было крещено 100 человек, чего не было ранее. Если прежде алтайцы и слышать не хотели о военной службе, то теперь были готовы служить в армии. В их среде появилось несколько добровольцев для прохождения военной службы [25. С. 544–546].

1915-й стал вторым годом затянувшейся войны, каждый день которой множил количество погибших и раненых воинов, увеличивал количество мобилизованных солдат, которые шли на фронт на смену выбывшим, оставляя свои семьи без кормильцев. Перед церковной благотворительностью в регионе вставали новые задачи, которые требовали оперативного решения. Уже в первом номере издания за 1915 г. было помещено распоряжение епископа Анатолия к благотворительным кружкам дам духовного звания епархии открыть при них патронат-попечительства для оказания помощи «раненым выздоравливающим, выпущенным из госпиталей для следования к месту постоянного жительства». Сотрудники этих попечительств должны были встретить раненых на вокзале, приобрести билет,

выдать денежную помощь, «содействовать в приискании места службы, занятий, в получении пенсий, пособий и т.д.» [24. С. 2].

При этом члены кружков продолжали активную работу по оказанию разнообразной помощи раненым, находившимся на излечении в госпиталях. Наибольшее усердие в этом деле демонстрировал Томский благотворительный кружок, который направил в Синодальный именов Наследника Цесаревича Алексея Николаевича для нужд раненых воинов 4 156 единиц различных вещей. За эту плодотворную деятельность кружок удостоился благодарности императора Николая II [26. С. 175–176].

Духовенство епархии регулярно выступало перед мирянами во время воскресных чтений в читальном зале при архиерейском доме с обзорами военных событий на фронте [27. С. 12–13].

Размещение в регионе многих тысяч военнопленных-славян австро-венгерской армии, среди которых было немало православных, вызвало необходимость их духовного окормления клиром епархии. Особое внимание в этом служении уделялось выходцам из Галиции. В связи с этим на страницах издания был подробно рассмотрен феномен политического украинства среди галичан. Речь шла о том, что враги России в течение длительного времени делали все, чтобы ополчить галичан с помощью церковной унии и увести их от «русской народности», выделив в особую славянскую группу, враждебную «Державной Руси». Затем немцы «выдумали украинство». Сначала оно появилось только как стремление сделать малороссийский язык литературным. Но затем это направление в среде малороссов «Руси Державной и Галиции» приняло политическую окраску и мечту об образовании «Самостийной Викрайны», никогда в действительности не существовавшей, от Черного моря до Каспия. В своей богослужебной практике духовенство региона благожелательно относилось даже к галичанам-униатам, которые вместе с православными земляками посещали православные храмы, подходили к Святому Кресту, лобызали иконы [28. С. 11, 20–21].

Перед новым этапом сельскохозяйственных работ на страницах издания появились публикации об итогах деятельности сельских приходских попечительных советов в деле оказания помощи солдатским семьям во время уборки урожая в 1914 г. Это делалось с целью распространения накопленного полезного опыта среди как можно большего числа приходских попечительств. Так, Жулинский приходской попечительный совет, не имея денежных средств для выдачи пособий на наем работников, пригласил всех прихожан помочь в уборке хлеба нуждающимся солдатским семьям. Таких семей в приходе оказалось 42; каждой из них с согласия прихожан было сжато по 5 десятин хлеба, «свожено и сложено в клади» по 50 копен, а для молотыбы выделялась машина или 5 работников, которые обмолачивали по 50–60 копен хлеба в течение дня. Денежные средства для помощи солдатским семьям попечительный совет собирал путем пожертвований по подписным листам и «сбором хлеба». В результате было собрано 44 руб. и 125 пудов пшеницы [29. С. 204–205].

Между тем, в связи с нарастающими масштабами мобилизации, ситуация на селе стала еще более напряженной, чем во второй половине 1914 г. Перед весенним севом 1915 г. Святейший Синод своим определением от 3–4 марта приказал главам епархий немедленно образовать во всех приходах особые попечительные советы. Епископ Томский и Алтайский Анатолий обратился к сельскому духовенству и попечительным советам при церквях с призывом организовать между прихожанами самопомощь, делать сборы семян, «всякими средствами и путями» помогать солдатским семьям. Жен священников и учительниц он призвал придти на помощь матерям [30. С. 224–225]. Призыв главы епархии был услышан, оперативно началась на местах реализация высказанных им указаний.

В 1915 г. резко активизировалась церковно-религиозная деятельность духовенства епархии в воинских частях как на территории региона, так и на фронте. Публикации на эту тему свидетельствовали, что это служение носило системный характер. Ее координировал лично епископ Томский и Алтайский Анатолий. Части, расположенные в Томске, активно окормлял миссионер священник Бельский, который только в течение одного месяца провел две беседы с личным составом Горной батареи, которую священноначалие считало «зараженной сектантством». Затем он приступил к ежедневным религиозно-нравственным беседам с военнослужащими 25-го стрелкового запасного батальона [30. С. 311–312]. Сам епископ Анатолий посетил церковь 18-го стрелкового запасного батальона. В храме были собраны от каждой роты по 10 человек унтер-офицеров и по 15 – рядовых во главе со штабами 18-го и 25-го стрелковых запасных батальонов. В своей речи епископ объяснил воинам значение победы в этой второй отечественной войне «как залога будущей христианской культурной жизни всего мира». Такое духовное окормление военнослужащих поднимало их моральный дух, формировало желание «поскорее сразиться с врагами» [38. С. 1180–1181, 1183].

Священники епархии освещали знамена вновь сформированных воинских подразделений в регионе, вдохновляя их личный состав на подвиги во имя защиты Родины. Так, священник 52-й бригады Государственного ополчения о. А. Аверьянов, выступая в зале Новониколаевской городской думы, поблагодарил жителей города, на чьи средства было изготовлено знамя-хоругвь «с великим девизом: За Веру, Царя и Отечество» для воинов 707 дружины Государственного ополчения. Он подчеркнул, что это знамя заложило «тесную духовную связь» между новониколаевцами и воинами-ополченцами. Он выразил уверенность, что после победоносного завершения войны вместе с воинами-победителями в родные края вернется и знамя, которое будут хранить в местном соборном храме «на память потомству» [31. С. 475].

Духовенство епархии торжественно провожало размещенные в регионе подразделения на фронт. Священники совершали торжественное богослужение, после чего выступали перед солдатами и офицерами с

напутственными речами. После благословения каждого подразделения иконой, все военнослужащие подходили приложиться к святому кресту и окроплялись святой водой [32. С. 400–401].

Священники епархии сопровождали собранные благотворительными организациями рождественские и пасхальные подарки для воинов на фронт. Адресатами подарков были чаще всего сибирские стрелковые полки, до войны размещенные в регионе. Так, священник о. Владимир Калугин вместе с В.С. Петкевичем в качестве уполномоченных Каменского Дамского комитета при церковно-приходском попечительстве по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на войну, доставили в 41-й и 44-й Сибирские стрелковые полки 1107 пакетов с рождественскими подарками общим весом в 960 пудов. На эти цели комитет израсходовал 6 тыс. руб., пожертвованных благотворителями [33. С. 296–297].

Клирики также доставляли подарки на фронт и в несибирские полки русской армии. Именно так поступил священник Александро-Невской церкви о. Иоанн Россов, который был уполномоченным Ново-николаевского отдела Сибирского общества. Он доставил фронтовикам пасхальные подарки и отметил их нескрываемую радость тому, что «население далекой Сибири ценит их труды и страдания и шлет им свою материальную помощь». Благодаря такой заботе, они узнали, «что все общество, вся Россия в единении с Государственным Монархом, готова бороться с врагом до конца». Сам священник отметил, что он «счастлив осознанием исполненного долга перед родиной» [34. С. 522].

Издание регулярно публиковало письма с фронта в адрес благотворительных обществ, прежде всего, членам кружков дам духовного звания. Они свидетельствовали о реально существовавшем в тот период духовном единстве между фронтом и тылом. Характерным в этом плане является письмо от воинов 1-й Сибирской отдельной Горной артиллерийской батареи за подписью Мацуева. Он отметил, что своими добрыми делами жены священников воодушевляли каждого воина. Благодаря этому солдат знал, что «его в далекой родине не забыли» и «смело и уверенно» шел на врага, «готовый положить свой живот за семейные очаги... за Русь святую» [35. С. 403–404].

Вторая половина 1915 г. прошла под знаком отступления русской армии вглубь страны под натиском превосходящих сил австро-германской коалиции, огромных людских и материальных потерь, резкого ухудшения материального положения самых широких слоев населения из-за галопирующих инфляций и дороговизны. Епископ Томский и Алтайский Анатолий со страниц издания обратился с воззванием к духовенству епархии. Он объяснил неудачи русской армии на поле боя недостатком артиллерийских снарядов и призвал членов клира к пожертвованиям «из личных своих средств» на общее дело снабжения вооруженных сил этими боеприпасами [36. С. 450–451]. Духовенство епархии активно и плодотворно участвовало в этом патриотическом деле. Военный министр генерал Поливанов в телеграмме от 28 октября 1915 г. сообщил

епископу Анатолию, что 26 октября император Николай II выразил «сердечную благодарность» за пожертвования 13 тыс. руб., собранных духовенством и церковными старостами Томской губернии для снабжения армии вооружением и снарядами [37. С. 678].

Поднятию морального духа населения региона в эти драматические для России и ее армии дни способствовало организованное епархией в Томске торжество в честь 900-й годовщины со дня кончины святого благоверного князя Владимира. Торжество, состоявшееся 15 июля, внесло свою лепту в дело укрепления самосознания православных жителей города, уверенных в том, что «под покровом веры... народ победит врага» [36. С. 646, 649].

В этом же ключе проходили в тот период поездки епископа Анатолия по сельским приходам епархии. Во время общения с православными жителями региона он рассказывал пастве о войне и ее ужасах, «о преданности воле Божией и престолу», о любви к ближним, о необходимости материальных жертв в тяжелое и тревожное время. Особое внимание глава епархии обращал на неизбежность борьбы не только с внешними врагами, но и внутренними в лице сектантства и других современных лжеучений. Он призывал православных к единению и сплоченности под покровом святой церкви в деле заботы о детях, их школьном воспитании в духе православия [39. С. 590–591].

Огромную роль в сплочении и моральном оздоровлении православного населения региона, как и всей страны, сыграл объявленный Святейшим Синодом всероссийский трехдневный пост с 26 по 29 августа. Слова синодального послания не могли оставить равнодушными верующих епархии. Они свидетельствовали о том, что Россия и ее армия навлекли на себя наказание Божие «по грехам нашим». В послании подчеркивалось, что в городах страны царил обычная земная суеда, всюду были открыты и полны посетителями даже в часы богослужений театры, кинематографы, цирки. Пост должен был стать временем всенародного покаяния и положить начало духовному обновлению православной России [40. С. 524, 526]. Пост 26–29 августа 1915 г. проходил во всех приходах епархии с большим духовным подъемом. Наступившая вскоре после окончания поста стабилизация на фронте, улучшение положения действующей русской армии воспринимались православными региона как проявление милости Божьей к стране и ее вооруженным силам.

В стране и регионе большой отклик вызвало благотворительное движение, в ходе которого сословные, профессиональные, творческие объединения и организации брали на себя обязательства за свой счет организовывать и содержать в военных госпиталях и лазаретах койки для раненых, которым присваивались имена жертвователей. Руководство епархии во главе с епископом Анатолием провело активную работу во всех приходах с целью внести свою лепту в это благородное дело. Так, в первой половине 1915 г. в Синодальном имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, благодаря присланным пожертвованиям духовенства епархии в размере 400 руб., двум кроватям для раненых были присвоены имена жертвователей [41. С. 377–378].

Новым испытанием для православного населения региона и руководства епархии во второй половине 1915 г. стало прибытие в регион десятков тысяч беженцев из охваченных боевыми действиями губерний Европейской России. Епископ Анатолий выступил с предложениями об организации эффективной помощи беженцам в Томской губернии. По его словам, к работе в этом направлении активно подключились все учреждения, оказывающие благотворительную помощь солдатским семьям и раненым воинам, в лице Общества дам духовного звания в г. Томске и его отделения во всех городах региона, а также приходские попечительные советы. Для усиления помощи вынужденным мигрантам был открыт Епархиальный Комитет с региональными отделениями. К деятельности на этом поприще также было привлечено Свято-Димитриевское Братство, известное своим активным миссионерским служением [42. С. 682].

Насколько тяжелым было положение этих обездоленных людей в Томске в первые дни после прибытия в город, рассказала на страницах издания член объединенного Епархиального комитета о беженцах и Комитета дам духовного звания для обследования положения беженцев в Томске П. А. Полетаева. Уполномоченные обнаружили здесь 80 вагонов с беженцами. Вместо окон проверяющие обнаружили маленькие щели, вагоны не имели лестниц. Свой быт беженцы оценивали так: «Досыта не накормят, но с голоду не уморят». Они завидовали католикам и евреям, которых из вагонов в свои городские дома и квартиры разобрали единоверцы. В этой связи А. Полетаева с горечью отмечала, что «православные остаются домерзать в вагонах» [42. С. 924, 927].

Охарактеризовать особенности церковно-религиозной жизни епархии в 1915 г. вновь предоставим миссионерам Алтайской духовной миссии. В своем отчете за этот год они подчеркнули, что война, пробудив самосознание населения, заставила всех обратить особое внимание на свою неготовность к борьбе с врагом, который «в военном деле использовал все приобретения науки». У православных Томской губернии появился «жгучий интерес к книге, к знанию, стремление к грамоте удвоилось». Солдаты-фронтовики в письмах домой просили своих жен отдавать детей в школы, потому что «плохо неграмотному и на войне». Школы-миссии в русских селениях были переполнены учащимися, стали открываться новые учебные заведения. Родители сами нанимали помещения, приобретали необходимую мебель [43. С. 3–4].

1916 год, несмотря на усталость от продолжавшейся уже третий год войны, стал в церковно-религиозной жизни региона временем пика усилий православных его жителей по оказанию помощи действующей армии и разным категориям населения, пострадавшим от военных действий. Все эти усилия были направлены на то, чтобы внести свой вклад в дело победы над врагами России. К этому периоду был накоплен большой положительный опыт работы на поприще благотворительной деятельности, которая прочно заняла главное место в церковно-религиозной жизни епархии. Ее масштабы просто поражают воображение,

если учесть, что речь шла о далеко не самом богатом регионе Российской империи. Только один приход церкви села Ояша в период с сентября 1914 г. по декабрь 1915 г. пожертвовал на нужды войны более 1 700 руб. деньгами, также 400 аршин холста, 85 рубашек, 45 кальсон, 48 кисетов с подарками, 310 пар перчаток. [44. С. 133]. Таких щедрых на благотворительность приходов в епархии были многие сотни.

В 1916 г. отчеты большинства благотворительных организаций епархии свидетельствовали о положительной динамике роста пожертвований и расширении благодаря этому круга лиц, которым оказывалась разнообразная помощь. Это, в частности, четко просматривается в отчетных документах церковно-приходского попечительства при Воскресенской церкви г. Новониколаевска. В феврале в попечительство поступило более 1 тыс. руб. пожертвований. Из этой суммы около 192 руб. было потрачено на содержание детей беженцев и бесплатные обеды для солдатских семей. За счет пожертвований продуктами было выдано около 1 800 обедов взрослым и более 1 700 обедов детям. В марте сумма пожертвований превысила 1 200 руб. Из этой суммы более 263 руб. было выделено на содержание детей беженцев и бесплатные обеды для солдатских семей. За счет продуктов было выдано взрослым около 2 100 и детям более 1 900 обедов. В апреле объем пожертвований превысил 1 400 руб. На содержание детей беженцев и бесплатные обеды для солдатских семей было потрачено более 320 руб. [45. С. 414–417].

В епархии строились часовни в память воинов, погибших на войне против стран Четверного союза. Так, появление такой часовни святого Петирима в приходе села Ивановского Мариинского уезда привело к тому, что с согласия епископа Анатолия здесь был установлен местный праздник 28 июля в день памяти святого Питирима, «новоявленного Тамбовского Чудотворца» [44. С. 139–140].

В 1916 г. значительно активизировало свою работу Томское епархиальное Братство трезвости. Принятое в начале войны руководством страны решение о запрете производства и продажи всех видов алкогольной продукции, оказало самое благоприятное воздействие на физическое и духовное здоровье народа. Теперь надо было совершенствовать методы работы по пропаганде трезвого образа жизни среди православных жителей Томской губернии. Председатель комитета епархиального Братства трезвости священник о. Павел Комаров предложил в качестве «разумных и здоровых развлечений» для народа в часы его досуга организацию небольших библиотек или читален, а также широкую раздачу книжек и брошюр «соответствующего содержания». К сотрудничеству в деле издания листов, пропагандирующих здоровый образ жизни, комитет пригласил всех, кто владел пером, знал народную жизнь и дорожил при этом «счастьем Родины» [44. С. 165–166]. Этот призыв нашел самый благоприятный отклик в регионе, привлекая в ряды сторонников трезвого образа жизни православных из разных сословий общества.

В этот период появлялись новые благотворительные инициативы, в которых активно участвовали клир

и миряне епархии. Так, епископ Анатолий разрешил Томскому отделу Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям провести 9 мая во всех церквях епархии особый кружечный сбор на постройку инвалидного дома в Томске, «где герои – увечные воины могли бы найти приют, уход и покой». Для тех из них, кто оставался трудоспособным, предполагалось построить мастерские, где они могли «приложить свой труд» [46. С. 165].

В 1916 г. активизировалась благотворительная помощь клириков епархии беженцам. По благословению епископа Анатолия для них открылись воскресные чтения. Они проходили в новом Епархиальном доме имени И.М. Некрасова. Организация чтений была поручена настоятелю Воскресенской церкви Ф. Смиренскому, в приходе которого находился Епархиальный дом. По содержанию чтения делились на две части. Первая часть была посвящена богопознанию христиан. Вторая часть включала в себя текущие события из военной хроники. После окончания чтений беженцы всегда благодарили организаторов за молитвы и полезные беседы. Количество присутствовавших на чтениях достигало 100 человек [47. С. 134–136].

В 1916 г. значительное количество благотворительных организаций епархии приняло участие в сборе пожертвований в пользу русских военнопленных [47. С. 83; 48. С. 55].

Благотворительные церковные организации епархии в 1916 г. успешно решали проблемы детей-сирот региона. Так, 11 декабря 1916 г. епископ Анатолий освятил в Томске здание приюта для безродных детей-сирот на улице Никольской, 69. Здание было приобретено Томским комитетом дам духовного звания. Епископ призвал воспитывать детей в приюте таким образом, чтобы они были «добрыми христианами и достойными гражданами» [49. С. 837–838].

Глава епархии епископ Анатолий активно продолжал поездки по приходам региона, вникал в суть имевшихся там проблем, находил для них приемлемые решения. Отдельной важной составляющей этих поездок были проповеди, с которыми епископ выступал в ходе богослужений. Очень символичной получилась его проповедь, с которой он выступил 27 ноября 1916 г. в кафедральном соборе г. Нарыма. На ней присутствовали и ссыльные, некоторые из них через три месяца стали вершителями судеб всего региона. Епископ как будто чувствовал приближающиеся катастрофические события для государства и страны и посвятил свою проповедь тем, кто стремился через внешние изменения принести счастье народу. Говоря о таких людях, он указал на их заблуждение, заключавшееся в том, что «они верят во внешнюю форму, которая, по их мнению, принесет счастье на землю», но не стремятся «к внутреннему духовному совершенству». Реформирование государственного строя, создание новых законов и учреждений не приведут к тому, что «зло исчезнет с лица земли само собой». Это возможно только тогда, когда «мы сами будем лучше». Присутствовавшие на богослужении ссыльные признали в епископе Анатолии талантливую и убедительную проповедника [49. С. 835–836].

Анализируя особенности церковно-религиозной жизни в Томской епархии в 1916 г., стоит отметить, что это был период наивысшего напряжения сил клириков и мирян региона в деле оказания помощи действующей армии и различным категориям жертв войны.

1917-й год начинался традиционным для «Томских епархиальных ведомостей» обзором отчетности различных благотворительных организаций епархии за 1916 г. Из публикаций этих первых недель нового года следует отметить аналитическую статью, посвященную изменению отношения местной интеллигенции к религии и церкви. В ней речь шла о том, что уже в течение первого года войны произошло возвращение к вере многих интеллигентов, «забывших или потерявших религию и веру в Бога» [50. С. 69].

Только в совместном номере 6/7 от 15 марта и 1 апреля издание разместило сообщение об отречении от престола императора Николая II, об отказе занимать престол великим князем Михаилом Александровичем, о переходе верховной власти к Временному правительству [51. С. 101–105]. С этого времени началась публикация хроники жизни епархии в самый драматический период ее истории. Будучи со времени создания Синода частью монархического государства, Русская православная церковь сразу же стала объектом различных атак тех политических сил, которые ставили задачу его скорейшего уничтожения. В едином порыве в этом направлении выступали как организаторы февральского государственного переворота в лице либерально-буржуазных сил, так и представители широкого спектра партий и организаций социалистической ориентации. Прежняя историческая монархическая Россия у всех у них вызвала откровенное неприятие.

Сразу же стало понятно, что прежней церковно-религиозной жизни в епархии больше не будет. На страницах издания с марта больше не появилось ни одного отчета о деятельности многочисленных благотворительных организаций епархии. Хотя они, скорее по инерции, продолжали свою благородную деятельность. Но многие из них прямо или косвенно находились под покровительством царской семьи, которая была арестована новыми властями. По-видимому, боязнь обвинений в симпатии к монархии привели к тому, что издание вынуждено было теперь на своих страницах не освещать, как прежде различные аспекты религиозно-церковной жизни в епархии, а каяться за прежнее свое поведение и всем своим содержанием подчеркивать полную лояльность новым властям.

Руководство епархии должно было прежде всего четко обозначить свою позицию по вопросу отречения императора Николая II от престола и приходу к власти Временного правительства. 14 марта 1917 г. епископ Анатолий обратился к духовенству епархии. Произшедшие драматические события он объяснил тем, что «свершилась воля Божия, святая, непреложная». Он призвал духовенство помогать Временному правительству «в его трудном деле борьбы с внешним врагом и внутренними неурядицами» [51. С. 112–113].

Между тем политические события в стране развивались лавинообразно, сметая все прежние устои. Хаос, который охватывал все сферы жизни, был

направлен на скорейший слом существовавшего государственного аппарата со всеми его звеньями. Звено под названием «Русская православная церковь» для новых властей считалось, с одной стороны, самым слабым, с другой стороны – самым опасным. Слабым, потому что практически два века РПЦ через Синод транслировала на православную паству волю императорской власти. Опасным, потому что, восстановив свою независимость от государства, имея во главе себя популярного в народе патриарха, РПЦ могла все-таки угрожать планам захвативших власть в стране либералов-западников, идеалами которых было секулярное государство западноевропейского образца. Поэтому ими для РПЦ была сразу же предложена целая серия мероприятий, которая должна была максимально ее ослабить как в организационном, так и в материальном плане.

Чтобы выжить в существовавшей в тот период атмосфере, руководству РПЦ на всех уровнях сразу же пришлось принимать активное участие не только в политической, но и в партийной жизни. В апреле 1917 г. епископ Анатолий второй раз обратился к духовенству Томской епархии. Он прямо призвал клириков региона «держаться той или иной партии». Идеалом в этом плане епископ считал «хорошо организованную народно-крестьянскую партию». Она должна была ставить во главу угла материальные и духовные потребности русского крестьянства. В материальном плане такая партия должна была наделить каждую крестьянскую семью землей в размере 15–20 десятин на каждого взрослого работника. Чтобы сохранить церковно-религиозные устои, следовало придать православному приходу статус юридической, общественной единицы, которая должна была совпадать с сельской общиной, включающей в себя не менее 2 тыс. человек. В общине должна была иметься своя церковь, сельское управление, школа, почта. Из сельских обществ-приходов следовало сформировать все-сословную волость. При этом приходы сохраняли право владеть церковными землями, выделенными для пользования причта. Форму правления в стране должно было утвердить будущее Учредительное собрание [52. С. 182–183].

Нараставшее в стране политическое противостояние, многочисленные социальные конфликты как предвестники грядущей полномасштабной гражданской войны, не обошли стороной приходы РПЦ. В них налицо было явное противостояние между клиром и мирянами. Данная ситуация была характерна и для Томской епархии. Ситуация обострилась настолько, что в нее был вынужден вмешаться глава епархии. Он признал, что в епархии «чувствуется большое отчуждение между пастырями и паствой». Епископ Анатолий предложил священникам решить вопрос о степени участия мирян в хозяйственной жизни прихода, приходского храма и в распоряжении церковными деньгами. Главной причиной возникновения разногласий между прихожанами и священниками, в ходе которых последних арестовывали и изгоняли из приходов, а причтовые и школьные земли захватывались, епископ назвал спор о том, кому и как распоряжаться

церковным имуществом. Для решения этой проблемы епископ призвал духовенство «возвратить прихожанам» право на участие в делах своих церквей и приходов [53. С. 177, 202–204].

Противоречия появились и в среде самого клира. Их причина также имела под собой материальную основу. Об этом недвусмысленно было заявлено на собрании младших клириков-диаконов и псаломщиков городских и сельских церквей Томской епархии, состоявшемся 8 апреля. В постановлении собрания его участники просили старших членов причтов о более справедливом разделе доходов. Социальную справедливость в новых условиях они видели в том, чтобы псаломщик получал теперь одну треть доходов по отношению к священнику, а не одну четверть, как это было прежде [53. С. 213–215].

В условиях нарастающей секуляризации жизни общества в повестку дня вошли требования отменить обязательное изучение закона Божия в школах и передать церковно-приходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Учителя закона Божия епархии решили для защиты своих интересов создать союз законоучителей. Такая организация, состоявшая из «сплоченных в единое тело элементов», по их мнению, могла заставить даже непримиримых врагов «считаться с нею и уважать ее дело». По всей епархии предлагалось срочно создавать организации и исполнительные комитеты «на защиту... законоучительного дела» [54. С. 326, 327]. Чуть позже руководство епархии обратилось к местному клиру с призывом срочно создавать Союз духовенства Томской епархии. В обращении за подписью председателя комитета протоиерея С. Дмитриевского создание этого союза объяснялось тем, что «революция впереди» и духовенство в ней будет «страдальческим элементом». Революционная угроза, по его мнению, исходила от солдат-фронтовиков, которые после окончания войны должны были вернуться домой [55. С. 329–330].

Теперь вместо панихид по погибшим на полях сражений воинов-земляков духовенству епархии пришлось отпевать военных – первых жертв надвигавшейся Гражданской войны в регионе. В ночь с первого на второе июня Томск был объявлен на военном положении; начались аресты амнистированных уголовников, терроризировавших город. Криминальные элементы оказали ожесточенное сопротивление, в результате чего погибло 18 солдат. Гробы с их телами были выставлены в кафедральном соборе для отпевания, которое проводил епископ Анатолий. В своей речи он подчеркнул, что в данный момент «анархия является той страшной, многоглавой гидрой, которая ведет нашу родину к верной гибели» [56. С. 292].

На октябрьский государственный переворот издание отключилось публикацией текста молитвы о спасении России от раздоров и нестроений [57. С. 405–407].

Епископ Анатолий, безусловно, самый выдающийся проповедник в регионе в тот период, в новом обращении к пастырям и пастве попытался объяснить причины крушения российской государственности с религиозно-церковной точки зрения. Он назвал возвращением к язычеству поведение русского народа

в 1917 г. Но первый шаг на этом пути был сделан интеллигенцией, начиная с эпохи «немецколюбивого» императора Петра. Именно она длительное время влияла в недра русского народа «яд неверия», вносила в народную жизнь «немецкие формы». Русский народ учился у них неверию и копил ненависть к тем, кого он считал своими учителями и руководителями. В результате народ-богоносец, идеалы которого всегда возносились над землей и тяготели к небу, который все вопросы своей жизни решал, опираясь на высокие истины учения Христа, отошел от своей духовной основы на почву человеческого, узкопартийного решения социальных вопросов, нарушив главные заповеди Спасителя: о любви к Богу и ближним [58. С. 396–397].

Таким образом, анализируя публикации «Томских епархиальных ведомостей» с июля 1914 г. по декабрь 1917 г., следует отметить деятельную поддержку духовенством и мирянами епархии в течение большей части изучаемого периода действий руководства страны на отпор врагу, на мобилизацию общества для

скорейшего разгрома противника. Церковно-религиозная жизнь в сибирской провинции стала быстро перестраиваться на военный лад. Главное место в ней заняла идея благотворительности, как выполнение на практике важнейшей евангельской заповеди о любви к ближнему своему, под которым подразумевался совершенно незнакомый человек, нуждавшийся в помощи. Многие сотни православных приходов в регионе стали центрами по оказанию разнообразной благотворительной помощи солдатским семьям. Эту помощь на раненых воинов и фронтовиков распространили члены благотворительных кружков, объединивших в своем составе жен священнослужителей епархии. Новые категории жертв войны, такие как беженцы, русские военнопленные стали объектами заботы многочисленных благотворительных церковных организаций. Активное участие в этой благородной деятельности принимали православные епархии всех возрастов и сословий. Драматические события 1917 г. развернули церковно-религиозную жизнь в регионе в русло политико-партийной борьбы.

Список источников

1. Караваева Е.В. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории формирования санитарной культуры Томской губернии // Макарьевские чтения : материалы 6-й Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 2007. С. 95–107.
2. Казарина Г.А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX в.: авторы, проблематика, жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.
3. Смокотин С.В. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории строительства храмов в Томской губернии // Документ: история, теория практика : сб. материалов 5-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 317–320.
4. Тартаковская К.А. «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 146–149.
5. Кузьменко Т.А., Прокопенко К.А. «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории здравоохранения в Томской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 47–51.
6. Слово Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия, Епископа Томского и Алтайского, произнесенное 30 июля в Томском кафедральном соборе по прочтении манифеста по случаю объявления войны с Германией // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1118–1120.
7. Священник Александр Ковалевский. Слово в Томском кафедральном соборе перед молебном о даровании победы над врагами 22 июля 1914 года // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 16. 15 августа. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1057–1061.
8. Встреча Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, Епископа Томского и Алтайского // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1114–1118.
9. Предложения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, Епископа Томского и Алтайского на имя Томской Духовной Консistorии // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 18. 15 сентября. Часть офиц. С. 341–342.
10. Деятельность Попечительного Совета при градо-Марининском Николаевском Соборе // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 18. 15 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1167–1168.
11. Устав Благотворительного Общества (Кружка) дам духовного звания в г. Томске // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 18. 15 сентября. Часть офиц. С. 351–357.
12. Воззвание к женам духовенства // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 18. 15 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1166–1167.
13. Закрытие летних учительских курсов в Томске // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1129–1131.
14. Посещение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, Епархиального женского училища // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 19. 1 октября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1225–1231.
15. От Томской духовной Консistorии // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 20. 15 октября. Часть офиц. С. 433.
16. Список лиц, сделавших пожертвования в благотворительный в пользу раненых кружок дам духовного звания // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 19. 1 октября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1235–1236.
17. Архиерейское служение // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 20. 15 октября. Часть офиц. С. 466–469.
18. Рескрипт Ее Императорского Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Его Преосвященству, Преосвященнейшему Анатолию, Епископу Томскому и Алтайскому // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 21. 1 ноября. Часть офиц. С. 478–480.
19. От Томской Духовной Консistorии // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 21. 1 ноября. Часть офиц. С. 492–494.
20. Отчет о деятельности комитета благотворительного в пользу раненых воинов Кружка дам духовного звания за сентябрь месяц 1914 г. // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 21. 1 ноября. Часть офиц. С. 506–510.
21. Телеграмма Его Императорского Высочества, Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, Епископа Томского и Алтайского // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 22. 15 ноября. Часть офиц. С. 517–518.
22. От Комитета Благотворительного в пользу раненых воинов Кружка дам духовного звания // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 22. 15 ноября. Часть офиц. С. 532–535.
23. Благодарность Г. Обер-Прокурора Св. Синода от 17 октября м.г. За № 174 Комитету Благотворительного в пользу раненых воинов Кружка дам духовного звания г. Томска // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 1. 1 января. Часть офиц. С. 2.
24. Распоряжения Епархиального Начальства // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 1. 1 января. Часть офиц. С. 2–9.
25. Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г. (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 13. 1 июля. Часть неофиц. С. 539–546.

26. Высочайшая благодарность // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 6-7. 15 марта – 1 апреля. Часть офиц. С. 175–176.
27. Расписание воскресных чтений в читальном зале при Архиерейском доме в первой половине 1915 г. Начало в 2 часа дня // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 1. 1 января. Часть офиц. С. 12–15.
28. А.Е. Военнопленный вопрос // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 1. Января. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 11–23.
29. Сведения о деятельности Жилинского попечительного совета, благочиние 9 округа за время войны // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 6-7. 15 марта – 1 апреля. Часть офиц. С. 204–205.
30. Архипастырский весенний призыв к сельскому духовенству Томской епархии и Попечительным советам при церквях той же епархии // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 8. 15 апреля. Часть офиц. С. 223–225.
31. Речь пред прибывкою знамени 707-ой пешей Томской Дружины Государственного Ополчения, сказанная 18 апреля 1915 года в зале Ново-Николаевской Городской Думы, священником 52 бригады Государственного Ополчения А. Аверьяновым // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 11. 1 июня. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 475–476.
32. Из Епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 9. 1 мая. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 398–407.
33. Отчетные сведения о деятельности Каменского Дамского Комитета при церковно-приходском Попечительстве по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на войну с 15 декабря 1914 по 1-ое апреля 1915 года // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 10. 15 мая. Часть офиц. С. 295–299.
34. Поездка с пасхальными подарками в действующую армию по полномочию Ново-Николаевского Отдела Сибирского Общества // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 12. 15 мая. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 514–522.
35. Из Епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 9. 1 мая. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 398–407.
36. Воззвание к духовенству Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 15. 1 августа. Часть офиц. С. 450–452.
37. Высочайшая благодарность // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 21. 1 ноября. Часть офиц. С. 677–678.
38. Из епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 24. 1 августа. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 1179–1185.
39. Из Епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 14. 15 июля. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 590–601.
40. Послание Св. Синода // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 17. 1 ноября. Часть неофиц. С. 523–527.
41. Письмо г. Обер-Прокурора Святейшего Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, епископа Томского и Алтайского // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 13. 1 июля. Часть офиц. С. 377–378.
42. Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Анатолия, епископа Томского и Алтайского об организации помощи беженцам // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 21. 1 ноября. Часть офиц. С. 682–683.
43. Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 год // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 19. 1 октября. Часть офиц. С. 1–16.
44. Отчет о собранных на нужды войны пожертвованиях по приходу церкви село Ояша благочиния 8 округа с сентября 1914 года по декабрь 1915 года // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 4. 15 февраля. Часть офиц. С. 133.
45. Отчет церковно-приходского попечительства при Воскресенской церкви г. Ново-Николаевска за февраль, март, апрель, май месяц 1916 года // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 14. 15 июля. Часть офиц. С. 413–420.
46. О сборе пожертвований в церквях Томской епархии 9 мая 1916 года на постройку Инвалидного дома в г. Томске // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 7/8. 1–15 апреля. Часть офиц. С. 164–165.
47. Ф. Смиренский. Воскресные чтения для беженцев в г. Томске в 1916 году // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 5. 1 марта. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 133–136.
48. Отчет о деятельности Комитета Ново-Николаевского благотворительного Кружка дам духовного звания в период времени с 26 ноября по 31 декабря 1916 года // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 4. 15 февраля. Часть офиц. С. 54–55.
49. Из Епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 24. 15 декабря. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 830–838.
50. Война и пост // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 3. 1 февраля. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 66–70.
51. Акт об отречении Императора Николая II от Престола; Акт об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти; От Временного правительства // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 6/7. 15 марта и 1 апреля. Часть офиц. С. 101–105.
52. Епископ. Второе обращение к духовенству Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 6/7. 15 марта и 1 апреля. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 181–186.
53. Предложение Преосвященного Анатолия, Епископа Томского и Алтайского, оо. настоятелям приходов Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 9. 1 мая. Часть офиц. С. 175–177; Еп. Анатолий Приходский вопрос // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 9. 1 мая. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 201–204.
54. Братское обращение к о.о. Законоучителям школ Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 17. 1 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 325–328.
55. К духовенству Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 18. 15 сентября. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 329–330.
56. Из епархиальной хроники // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 12. 15 июня. Часть неофиц. Отд. общецерк. С. 287–296.
57. Молитва о спасении державы российской и утлении в ней раздоров и нестроений // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 22. 15 ноября. Часть офиц. С. 405–407.
58. Новогоднее обращение к пастырям и пастве Томской // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 24. 15 декабря. Часть неофиц. С. 395–400.

References

1. Karavaeva, E.V. (2007) ["Tomskie eparkhial'nye vedomosti" as a source on the history of the formation of the sanitary culture of Tomsk Province]. *Makar'evskie chteniya* [Makaryevsky Readings]. Proceedings of the International Conference. Gorno-Altaysk. pp. 95–107. (In Russian).
2. Kazarina, G.A. (2009) *Korennoe naselenie Sibiri na stranisakh "Tomskikh gubernskikh vedomostey" vo vtoroy polovine XIX v.: avtory, problematika, zhanr* [The indigenous population of Siberia on the pages of "Tomskie gubernskie vedomosti" in the second half of the 19th century: authors, issues, genre]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Smokotin, S.V. (2012) ["Tomskie eparkhial'nye vedomosti" as a source on the history of the construction of churches in Tomsk Province]. *Dokument: istoriya, teoriya praktika* [Document: history, theory, practice]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State University. pp. 317–320. (In Russian).
4. Tartakovskaya, K.A. (2014) "Tomskie eparkhial'nye vedomosti" about health education organization in Tomsk Province in the 19th early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 146–149. (In Russian).
5. Kuz'menko, T.A. & Prokopenko, K.A. (2020) "Tomsk Diocesan Journal" as a Source on the History of Healthcare Service in Tomsk Province (The Last Quarter of the XIX – Early XX Century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 63. pp. 47–51. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/63/6
6. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) The word of His Eminence, the Most Reverend Methodius, Bishop of Tomsk and Altai, pronounced on July 30 in the Tomsk Cathedral after reading the manifesto on the occasion of the declaration of war with Germany. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. 1 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1118–1120. (In Russian).

7. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Priest Alexander Kovalevsky. Word in the Tomsk Cathedral before the prayer service for the granting of victory over the enemies on July 22, 1914. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 16. 15 August. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1057–1061. (In Russian).
8. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Meeting of His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. 1 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1114–1118. (In Russian).
9. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Predlozheniya Ego Preosvyashchenystva, Preosvyashchenneyshego Anatoliya, Episkopa Tomskogo i Altayskogo na imya Tomskoy Dukhovnoy Konsistorii [Proposals of His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai, for the name of the Tomsk Spiritual Consistory]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. 15 September. Official Part. pp. 341–342. (In Russian).
10. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Activities of the Board of Trustees at the Mariinsk St. Nicholas Cathedral. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. 15 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1167–1168. (In Russian).
11. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Charter of the Charitable Society (Circle) for Ladies of Clergy in Tomsk. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. 15 September. Official Part. pp. 351–357. (In Russian).
12. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Appeal to the wives of the clergy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. 15 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1166–1167. (In Russian).
13. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Closing of summer teacher courses in Tomsk. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. 1 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1129–1131. (In Russian).
14. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Visit of His Eminence, Most Reverend Anatoly, to the Eparchial Women's School. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 19. 1 October. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1225–1231. (In Russian).
15. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) From the Tomsk Spiritual Consistory. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. 15 October. Official Part. p. 433.
16. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) List of persons who made donations to the wounded in the charity circle of ladies of clergy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 19. 1 October. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1235–1236. (In Russian).
17. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Bishop's ministry. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. 15 October. Official Part. pp. 466–469. (In Russian).
18. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Rescript of Her Imperial Highness, Grand Duchess Elisaveta Feodorovna, to His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. 1 November. Official Part. pp. 478–480. (In Russian).
19. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) From the Tomsk Spiritual Consistory. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. 1 November. Official Part. pp. 492–494. (In Russian).
20. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Report on the activities for the benefit of wounded soldiers of the charitable committee of the Circle of Ladies of Clergy for the month of September 1914. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. 1 November. Official Part. pp. 506–510. (In Russian).
21. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Telegram of His Imperial Highness, Supreme Commander-in-Chief, Grand Duke Nikolai Nikolaevich addressed to His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. 15 November. Official Part. pp. 517–518. (In Russian).
22. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1914) Ot From the Charity Committee of the Circle of Ladies of Clergy in favor of wounded soldiers. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. 15 November. Official Part. pp. 532–535. (In Russian).
23. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Gratitude from the General Chief Prosecutor of the Holy Synod dated October 17, 2010, No. 174 to the Charity Committee of the Circle of Ladies of the Clergy of Tomsk in favor of wounded warriors. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. 1 January. Official Part. p. 2. (In Russian).
24. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Orders of the Eparchial Authorities. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. 1 January. Official Part. pp. 2–9. (In Russian).
25. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Report of the Altai Spiritual Mission for 1914 (Continued). *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. 1 July. Unofficial Part. pp. 539–546. (In Russian).
26. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) The highest gratitude. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 6-7. 15 March and 1 April. Official Part. pp. 175–176. (In Russian).
27. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Schedule of Sunday readings in the reading room at the Bishop's House in the first half of 1915. Starting at 2 o'clock in the afternoon. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. 1 January. Official Part. pp. 12–15. (In Russian).
28. A.E. (1915) The prisoner of war question. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. 1 January. Unofficial Part. General Church Section. pp. 11–23. (In Russian).
29. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Information on the activities of the Zhilinsky Board of Trustees, deanery of the 9th district, during the war. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 6-7. 15 March – 1 April. Official Part. pp. 204–205. (In Russian).
30. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Archpastoral spring call to the rural clergy of the Tomsk Eparchy and the Boards of Trustees of the churches of the Eparchy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 8. 15 April. Official Part. pp. 223–225. (In Russian).
31. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Speech before the nailing of the banner of the 707th infantry squad of the Tomsk State Militia, delivered on April 18, 1915, in the hall of the Novo-Nikolaev City Duma, by A. Averyanov, the priest of the 52nd brigade of the State Militia. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. 1 iyunya. Unofficial Part. General Church Section. pp. 475–476. (In Russian).
32. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. 1 May. Unofficial Part. General Church Section. pp. 398–407. (In Russian).
33. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Reporting information on the activities of the Kamensky Ladies' Committee under the parish guardianship to provide assistance to families of lower ranks called up for war from December 15, 1914, to April 1, 1915. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 10. 15 May. Official Part. pp. 295–299. (In Russian).
34. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) A trip with Easter gifts to the active army under the authority of the Novo-Nikolaevsk Department of the Siberian Society. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. 15 May. Unofficial Part. General Church Section. pp. 514–522. (In Russian).
35. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. 1 May. Unofficial Part. General Church Section. pp. 398–407. (In Russian).
36. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Appeal to the clergy of the Tomsk Eparchy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15. 1 August. Official Part. pp. 450–452. (In Russian).
37. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) The highest gratitude. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. 1 November. Official Part. pp. 677–678. (In Russian).
38. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. 1 August. Unofficial Part. General Church Section. pp. 1179–1185. (In Russian).
39. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 14. 15 July. Unofficial Part. General Church Section. pp. 590–601. (In Russian).
40. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Message of the Holy Synod. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. 1 November. Official Part. pp. 523–527. (In Russian).
41. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Letter from the Chief Prosecutor of the Holy Synod addressed to His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. 1 July. Official Part. pp. 377–378. (In Russian).

42. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1915) Proposal of His Eminence, Most Reverend Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai, on organizing assistance to refugees. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. 1 November. Official Part. pp. 682–683. (In Russian).
43. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) Report of the Altai Spiritual Mission for 1915. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 19. 1 October. Official Part. pp. 1–16. (In Russian).
44. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) Report on donations collected for war needs at the parish church in the village of Oyasha, deanery of the 8th district, from September 1914 to December 1915. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. 15 February. Official Part. p. 133. (In Russian).
45. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) Report of the parish guardianship at the Resurrection Church in Novo-Nikolaevsk for February, March, April, May 1916. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 14. 15 July. Official Part. pp. 413–420. (In Russian).
46. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) On the collection of donations in the churches of Tomsk Eparchy on May 9, 1916, for the construction of a home for the disabled in Tomsk. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 7/8. 1–15 April. Official Part. pp. 164–165. (In Russian).
47. Smirenskiy, F. (1917) Sunday readings for refugees in Tomsk in 1916. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 5. 1 March. Unofficial Part. General Church Section. pp. 133–136. (In Russian).
48. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Report on the activities of the Committee of the Novo-Nikolaevsk Charitable Circle of Ladies of Clergy during the period from November 26 to December 31, 1916. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. 15 February. Official Part. pp. 54–55. (In Russian).
49. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1916) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. 15 December. Unofficial Part. General Church Section. pp. 830–838. (In Russian).
50. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) War and fasting. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. 1 February. Unofficial Part. General Church Section. pp. 66–70. (In Russian).
51. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Act of the abdication of Emperor Nicholas II from the Throne; Act on the refusal of Grand Duke Mikhail Alexandrovich from the perception of the Supreme Power; From the Provisional Government. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 6/7. 15 March and 1 April. Official Part. pp. 101–105. (In Russian).
52. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Bishop. Second appeal to the clergy of the Tomsk Eparchy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 6/7. 15 March and 1 April. Unofficial Part. General Church Section. pp. 181–186. (In Russian).
53. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Proposal of His Grace Anatoly, Bishop of Tomsk and Altai, to the rectors of the parishes of the Tomsk Eparchy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. 1 May. Official Part. pp. 175–177; Bishop Anatoly The parish question. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. 1 May. Unofficial Part. General Church Section. pp. 201–204. (In Russian).
54. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Fraternal address to the teachers of religion in schools of Tomsk Province. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. 1 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 325–328. (In Russian).
55. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) To the clergy of the Tomsk Eparchy. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. 15 September. Unofficial Part. General Church Section. pp. 329–330. (In Russian).
56. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) From the eparchial chronicle. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. 15 June. Unofficial Part. General Church Section. pp. 287–296. (In Russian).
57. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) Prayer for the salvation of the Russian state and the quenching of discord and unrest in it. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. 15 November. Official Part. pp. 405–407. (In Russian).
58. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1917) New Year's address to the pastors and flock of Tomsk. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. 15 December. Unofficial Part. pp. 395–400. (In Russian).

Информация об авторе:

Ерёмин И.А. — д-р ист. наук, профессор кафедры историко-культурного наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: iaeremin61@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Eryomin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iaeremin61@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023;
одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 27.10.2023;
approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 94(477.62) “2014-2022”
doi: 10.17223/15617793/497/9

Религиозная ситуация в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в период 2014–2022 гг.

Яна Владимировна Комар¹, Александр Анатольевич Пригарин²

¹ Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия,
komaryana2006@gmail.com

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, prigarin.alexand@gmail.com

Аннотация. Анализируется актуальная религиозная ситуация в ДНР и ЛНР на протяжении всего периода существования этих государственных образований: законодательный и культурно-антропологический аспекты в динамике трансформационных 2014–2022 гг. Большая часть материалов относится к периоду 2014–2016 гг. и ориентирована на формирование включенности религиозного и/или церковного на начальном этапе конфликтной ситуации. Источниками послужили материалы публичной сферы: официальные документы УПЦ МП, нормативно-правовая база ДНР/ЛНР, статистические материалы, новостные сообщения и заявления УПЦ МП, проповеди и интервью, комментарии, записи блогов и форумов.

Ключевые слова: религиозная ситуация, поликонфессиональность, Украинская православная церковь Московского патриархата, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика

Для цитирования: Комар Я.В., Пригарин А.А. Религиозная ситуация в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в период 2014–2022 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 89–97. doi: 10.17223/15617793/497/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/9

Religious situation in the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic in 2014–2022

Yana V. Komar¹, Aleksandr A. Prigarin²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation,
komaryana2006@gmail.com

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, prigarin.alexand@gmail.com

Abstract. In the article, the authors analyze the religious situation in the territories of the Donetsk People's Republic (DPR) and the Lugansk People's Republic (LPR), studying both the legislative and cultural-anthropological aspects of this issue. Particular attention is paid to considering the position of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (UOC-MP), due to the fact that it is the largest and most influential autocephalous local Orthodox church in the Donbass. The authors also describe the situation regarding other confessions, new religious movements, Old Believers, alternative Orthodoxy, and the Ukrainian Orthodox Church of the Kyiv Patriarchate. Most of the materials refer to the period 2014–2016, which is characterized by active military operations and examples of the involvement of religion and the church in the conflict. The sources are materials from the public sphere: official documents of UOC-MP, the legal framework of DPR and LPR, statistical materials, results of sociological surveys, news reports and statements of UOC-MP, sermons and interviews, comments, blog and forum posts. An additional source was observations of one of the authors of the “lived religion” in the Donbass, which made it possible to demonstrate examples of both an individual religious experience and collective forms of the living religion. The constitution and laws were quite balanced in terms of religious views on the situation in the republics, unlike the first drafts. According to the legal framework of DPR and LPR, religion is separated from the state, but at the same time the idea of a leading religion is found in the documents. The change of states (Ukraine, DPR/LPR) entailed a reformatting of attitudes in society towards other religions, movements, and groups. Evidence of this is the cessation of activities, for example, of Pentecostals, or the fading of the functioning of Buddhists. On the one hand, UOC-MP retained its advantage in terms of the number of parishes and parishioners, and the representation of parishes in the Donbass. On the other hand, since this is the largest and most influential autocephalous local Orthodox Church, it suffered the most during both military and political events (destruction of buildings, damage to property, image). In the period 2014–2016, which is characterized by active military operations, examples of the involvement of religion and the church in the conflict situation are numerous and ubiquitous.

Keywords: religious situation, multi-confessionalism, Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic

For citation: Komar, Ya.V. & Prigarin, A.A. (2023) Religious situation in the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic in 2014–2022. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 89–97. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/9

Введение

В большинстве случаев религия рассматривается как свойство социальной среды, как элемент идентичности (осознаваемые как важные уровни самоопределения), форма солидарности (братья по вере), отчужденности (то, что «нас» отличает от «них»). Тема религии и войны/насилия стала актуальной в 1970–1980-е гг., что несомненно было связано с рядом геополитических событий: события на Ближнем Востоке, Ирландский вопрос, война в Афганистане. В 2000-х гг. крушение небоскребов в США и последующие ответные меры военного, политического и экономического характера заставили пересмотреть подходы к вопросу религии и религиозности в области философии, теологии и академизма. Среди зарубежных авторов отметим Чарльза Глока, Родни Старка, Рене Жирара, Вальтера Буркерт, Р. Шварца, Г. Авалоса, Д. Штерна, Р. Эпплби, Ч. Селенгута, М. Юргенсмейера, М. Китса, М. Джерри-сона. На постсоветском пространстве междисциплинарный подход к вопросу взаимоотношения религии и насилия практически не представлен фундаментальными работами, но среди исследований последних лет следует отметить работы К.В. Цеханской, А. Зыгмонт, Р. Арзуманян.

В советском и постсоветском пространстве вопрос религии и атеизма был актуален на протяжении как XX, так и начала XXI в. Ломка государственных институтов, политические преобразования однозначно приводят к социально-культурным трансформациям, что существенно влияет на устои былой повседневности в сформировавшемся обществе. Именно в такой ситуации оказалась часть населения Донецкой и Луганской областей Украины в 2014 г. Данный период отмечен разрушением привычных политических и общественных институций, крушением традиционного экономического базиса и хозяйственных укладов, нарушением социальных связей в жизни населения, изменением вектора внешних приоритетов, изменением в области повседневного и публичного быта. Не последнюю роль в этих трансформациях сыграли вопросы предыдущей религиозности и ее воспроизводства в новых условиях, в прифронтовых обстоятельствах. Показательны положение священнослужителей, их «миссии» в совершенно непривычных условиях, особенности церковно-приходской жизни православных общин.

В этом контексте цель данной статьи – проанализировать религиозную ситуацию на территориях ДНР и ЛНР, изучив как законодательный, так и культурно-антропологический аспекты данного вопроса. Особое внимание уделим рассмотрению положения Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) в силу того, что по численности в приходах верующих, представленности приходов на Донбассе это самая крупная и влиятельная автокефальная по-

местная православная церковь. В работе также приводятся некоторые данные и аналитика по другим конфессиям, новым религиозным движениям, старообрядчеству, альтернативному православии и Украинской православной церкви Киевского патриархата. Большая часть материалов относится к периоду 2014–2016 гг., который характерен активными военными действиями и примерами включенности религиозного и церковного в конфликтную ситуацию здесь наиболее продемонстрированы.

Круг источников включает материалы публичной сферы: официальные документы УПЦ МП, нормативно-правовая база ДНР/ЛНР, открытые статистические материалы, результаты социологических опросов, новостные сообщения и заявления УПЦ МП, опубликованные на соответствующих представительских сайтах, проповеди и интервью, комментарии, записи блогов и форумов. Отдельно, как источник, следует отметить визуальные материалы, размещенные на различных площадках: социальные сети, видео хостинги, новостные издания. Дополнительным источником служат собственные наблюдения автора «проживаемой религии» на Донбассе, что дает возможность продемонстрировать примеры как индивидуального религиозного опыта, так и коллективных форм проживания религии.

Конфессиональная история региона

Первые православные церкви стали появляться в регионе в начале XIX в., а к 1925 г. в Донецкой губернии уже было зарегистрировано 535 православных приходов¹. Другие народы, населяющие эти земли, поддерживали свои религиозные традиции. Для дореволюционного Донбасса были характерны и небольшие протестантские общины: лютеранские, баптистские и менонитские. В Донецком крае были представлены иудейские общины. Религиозный центр мусульман располагался в городе Макеевка, где была построена школа и медресе. Под Енакиеве компактно проживала община поповских старообрядцев. Такая религиозная палитра сохранялась до 1925 г. Донбасс, как и другие регионы, попал под ряд церковных репрессий со стороны большевистской власти, направленных на уничтожение духовной элиты.

Религиозное возрождение религиозной жизни приходится на 1990-е гг. (преддверие распада СССР и независимость бывших союзных республик). В конце 1990 г. УПЦ МП получает независимость и самостоятельность в своем управлении. Согласно Уставу Русской Православной Церкви, УПЦ является самоуправляемой церковью, обладая правами широкой автономии. Возрождение коснулось не только православия, Донбасс захлестнула поликонфессиональность, при этом речь идет не только о традиционных религиях – христианство (во всем конфессиональном многообра-

зии), мусульманство, иудаизм, протестантизм. Открытие страны (Украины) и привлекательность региона (экономический и человеческий потенциал) привлекли сюда новые конфессии, ранее неизвестные, центры которых располагались за границей (Новоапостольская церковь, Церковь Христова, «Слово жизни», Церковь христиан веры Евангельской, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), союз «Церковь Божия»). Подобные организации существовали в виде миссий, союзов и объединений, удовлетворяя не только духовные потребности населения, но и создавая экономико-социально-корпоративные общины. Параллельно появились различного рода эзотерические и псевдодуховные культы.

По причине отсутствия официальных данных о структуре прихожан (пол, возраст, численность) в подобного рода конфессиях и организациях не представляется возможным построение динамических рядов, а, следовательно, отследить количество прихожан сложно. Согласно открытым источникам, возраст большинства прихожан в подобного рода конфессиях, миссиях и организациях коррелируется в промежутке 30–50 лет, это люди с высоким уровнем образования, интеллигенция, определенную нишу занимает молодежь (до 20–25%) как наиболее динамичная и пластичная группа.

В 2015 г. на территории Украины фонд «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» и социологическая служба «Ukrainian Sociology Service» провели совместное исследование. Для понимания ситуации уточним, что на тот момент времени уже существовали ДНР и ЛНР и исследование проводилось только в части Донецкой области, Луганская область и АР Крым были исключены. Несмотря на то что главной целью исследования было выяснить отношение людей к церквям и проверить толерантность к созданию единой Помесной православной церкви, показатели по регионам дают представление о процентном соотношении верующих. В Донецкой области большинство верующего населения (55%) относили себя к УПЦ МП, тогда как на Галичине 67% населения считали себя верующими Греко-католической церкви [1].

Положение религиозных организаций в республиках (нормативно-правовой аспект)

Период 2014–2016 гг. – это время первоначального становления новых государственных образований Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, активных военных противостояний. С течением времени поменялась расстановка сил в регионе, изменился формат политической конъюнктуры (военизированные отряды самообороны преобразовались в легитимную политическую силу ДНР/ЛНР), была заложена законодательная база республик.

Статья 9 Конституции ДНР гласит, что «в Донецкой Народной Республике признается идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, никакая религия и

идеология не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных» [2]. Согласно статье 4 Закона ДНР «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 24 июня 2016 г. «Донецкая Народная Республика – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [3]. Согласно сложившейся исторической традиции, ведущая духовная роль на юго-востоке ее Украины принадлежит УПЦ МП. Там же в преамбуле Закона ДНР «О свободе вероисповедания...» указывается значимость церкви в истории ДНР, «принимая во внимание особую роль православия в истории Донецкой Народной Республики, в становлении и развитии ее духовности, нравственности и культуры...». Этот же закон гарантирует возможность исповедовать религию индивидуально, совместно или не исповедовать никакой религии; возможность смены религиозных убеждений. В законе прописан порядок государственной регистрации религиозных организаций и постановки на учет уже созданных религиозных групп. Кроме этого, в законе предусматриваются контроль и мониторинг всех мероприятий, проводимых религиозными объединениями.

Вот лишь некоторые показатели религиозного многообразия региона по состоянию на 1 января 2013 г.: на территории Донецкой области с правом юридического лица действовало 738 православных общин (УПЦ МП), 139 баптистских общин (Всеукраинский союз объединений евангельских христиан-баптистов), общин адвентистов седьмого дня (49), мусульманских общин (37). Наибольшее количество харизматических организаций было сосредоточено в Донецкой области, среди них, например, Церковь Полного Евангелия, Украинская христианская евангельская церковь, Церковь живого Бога и др. [4]. После 2014 г. в силу военных действий и политических изменений в регионе изменилась расстановка сил в духовной жизни. Конфессиональная структура региона стремительно изменилась и продолжает изменяться. Все ранее отмеченное религиозное многообразие свелось к нескольким основным религиям. Большинство культов или прекратили существовать, или перешли к подпольной деятельности.

Буддизм. До 2014 г. Донецкая область по числу приверженцев буддизма в Украине была на первом месте. Здесь вели свою деятельность общины различных направлений с 1990-х гг. В Украине действовало 59 буддийских организаций, и 20 из них находилось в Донбассе (Донецкая и Луганская области) [5]. С началом военных действий руководители и активные представители общин выехали с Донбасса, создали собственные проекты в других областях. Групп, желающих взять на себя развитие буддизма в рамках республик, пока не нашлось. Буддийская жизнь в регионе в стагнации [6].

Ислам. Духовное управление мусульман ДНР возглавляет муфтий Ринат Айсин, в Донецке также функционирует мечеть «Ахатъ Джами» [7].

Иудаизм. По оценкам члена общины и руководителя «Хевра Кадиша» Давида Юсимова, в Донецке живет 3–5 тысяч евреев. Помимо синагоги работает школа, общинный центр, имеется еврейское кладбище [8].

Протестантизм. Резко сократилось количество протестантских общин. Одна из причин сокращения численности – сложная процедура регистрации, официально действуют только харизматы, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, баптисты.

Христианство. В ДНР и ЛНР продолжают действовать римо-католические общины, общины староверов и православных. Наиболее обширная сеть храмов и самая многочисленная паства у УПЦ МП. В результате военных действий епархии оказались территориально разделены между Украиной и ДНР и ЛНР (таблица, рис. 1).

Епархии и приходы УПЦ МП на территории ДНР и ЛНР²

Название епархии	Районы
Горловская и Славянская епархия (ДНР)	Северные районы Донецкой области: Александровский, Бахмутский, Добропольский, Константиновский, Лиманский, Покровский, Славянский, Шахтёрский, а также районы, которые находятся на территории ДНР (с особым порядком управления)
Донецкая и Мариупольская епархия (ДНР)	Южные районы Донецкой области: Амвросиевский, Волноваский, Великоновоселковский, Докучаевский, Донецкий, Макеевский, Марьинский, Мариупольский, Новоазовский, Тельмановский, Торезский, Селидовский, Снежнянский, Харцызский, Ясиноватский
Луганская и Алчевская епархия (ЛНР)	Территория г. Луганск, а также районы Новоайдарский, Перевальский, Славянск-сербский и Станционно-Луганский
Ровеньковская и Свердловская епархия (ЛНР)	Антрацитовский район, Краснодонский район, Лутугинский район, Свердловский район

Рис. 1. Карта территорий ДНР/ЛНР по отношению к Донецкой и Луганской областям Украины (по состоянию на 2020 г.)³

Положение религиозных организаций в республиках (культурно-антропологический аспект)

Сейчас в большинстве стран мира религия отделена от государства, но она существует как социальный ин-

ститут и государственные структуры и органы вынуждены сформировать свое отношение к таковой. Официально отношение к любой религии на уровне государства закреплено в нормах закона. В предыдущем разделе мы рассмотрели положение религиозных организаций с позиции нормативно-правовых документов. Проанализируем культурно-антропологический аспект положения религиозных организаций в обществе и то, как принятая законодательная база принятая, а в некоторых случаях и полемика вокруг нормативных документов повлияли на отношение социума к религиозным организациям.

Первые нормативно-правовые документы, принятые в 2014–2015 гг., не отличаются выдержанным стилем и абстрагированием от ситуации или предпочтений. С одной стороны, их эмоциональность не отвечает вневременным юридическим нормам, а с другой стороны, такая редакция позволяет предметно рассмотреть текущую политическую ситуацию и привязку к конкретному политическому моменту. 7 апреля 2014 г. в пределах территории Донецкой области Украины была провозглашена Донецкая Народная Республика, также была принята Декларация о суверенитете. 11 мая 2014 г. на подконтрольных территориях ДНР состоялся референдум о самоопределении. Независимость ДНР была провозглашена уже на следующий день (12 мая теперь отмечается как День Республики. Через 4 дня, 16 мая была обнародована и принята конституция ДНР. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Луганской Народной Республике: 27 апреля 2014 г. была провозглашена ЛНР в пределах территории Луганской области Украины, а 12 мая 2014 г. – независимость региона и создание Луганской Народной Республики (основанием послужили результаты референдума о самоопределении Луганской Народной Республики от 12 мая 2014 г.). Основным законом является Конституция, принятая 18 мая 2014 г. Временной промежуток между провозглашением республик и принятием конституций очень короткий: для ДНР это 39 дней, для ЛНР и того меньше – 21 день. Таким образом, конституции были подготовлены и отпечатаны в кризисных экстренных условиях, когда военные действия набирали обороты, возникала непризнанная государственность и неизвестно, сможет ли она устоять в конфликте. Как показывает история, конституции со временем были отредактированы, изменялись, над правками работали опытные юристы в «кабинетной академической тиши».

Наиболее интересным для анализа является даже не первая и последующие редакции конституции, а сам проект конституции, опубликованный для обсуждения и внесения поправок. Примечательным является тот факт, что проект конституции на официальном сайте ДНР был размещен недолго и в последующем удален. Сейчас найти оригинал проекта полностью в открытых источниках не представляется возможным, доступны только выдержки. Части 2 и 3 статьи 9: «2. В Донецкой Народной Республике первенствующей и господствующей верой является Православная вера (Вера Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания), исповедуемая Русской Православной

Церковью (Московский Патриархат). 3. Исторический опыт и роль Православия и Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) признаются и уважаются, в том числе как системообразующие столпы Русского Мира».

Такое утверждение православия в качестве первенствующей и господствующей конфессии происходит из того, что в Донбассе, который является многонациональным и многоконфессиональным краем, основная конфессия – православие (УПЦ МП). Превалирование одного религиозного контингента над всеми остальными дает право на постулирование и аксиоматизацию определенной доминирующей религии без ущемления права на исповедание иных. В статье 21 проекта Конституции ДНР говорилось: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними...». И здесь же статья 21: «При этом ничто в настоящей Конституции не ограничивает Донецкую Народную Республику в праве проведения политики по защите населения от деятельности религиозных сект в соответствии с законом» [9].

В СМИ журналисты утверждали, что такое дополнение давало право не только на защиту «истинно православных ценностей», но также и на активный православный прозелитизм путем физического уничтожения «религиозных конкурентов» [10]. Таким образом, проект конституции отражал идею войны против неистинно сакральных ценностей. В СМИ и со стороны украинских властей периодически публиковалась информация, что жертвами со стороны властей ДНР и ЛНР стали представители религиозных общин (не относящихся к УПЦ МП). Сами же представители общин, комментируя религиозную ситуацию в Донбассе в 2014 г., говорят о том, что на ситуацию влияло много факторов: территория, где располагалась община; временной фактор; под чьей властью находилась территория и т.д. Из интервью пастора, волонтера и общественного активиста Сергея Косяка изданию «ОстроВ»: «Начиная с 2014 г. церкви на оккупированной территории переживали несколько волн своей религиозной деятельности и свобод. И это связано не только с временным фактором, но и территориальным. Например, в 2014 г. ситуация в Донецке и Горловке кардинально отличалась. Это зависело от того, какие на тот момент там были подразделения: Безлера или тот же “Восток”. Я бы назвал 2014 г. – годом религиозного беспредела. Сейчас ситуация по форме кардинально изменилась, появилась видимость некой законности» [11].

Период 2014–2016 гг. характеризуется активными боевыми действиями, постоянно присутствуют жертвы как среди военных, так и мирных жителей. Среди основных чувств, испытываемых военными (частично и жителями), преобладали злость, враждебность, гнев, ненависть и прочие негативные деструктивные эмоции.

Злость проявлялась в виде открытой агрессии, она переходила в ненависть и заставляла людей переживать негативные чувства, которым необходим был выход. Преимущественно это выливалось в военное противостояние, поиск врага как вне, так и внутри республик. Происходила демонизация конкретных социальных структур, в частности религиозных, не относящихся к православию. Яркий пример – отношение к протестантам и, соответственно, выстраивание внутренней политики республик (поиск врагов и борьба с ними).

Протестантская община на Донбассе была достаточно многочисленна и влиятельна. На начальном этапе конфликта 2013–2014 гг. протестанты занимали общественно активную позицию. Они в открытую заявляли о необходимости сохранения мира и государственной целостности Украины и Донбасса в ее составе. Нельзя сказать, что они были единственными, кто так считал: общественное мнение было настолько неоднозначно, изменчиво, гибко и ситуативно, что обвинять кого-то в патриотизме или непатриотизме бессмысленно. Скорее, первостепенная причина неприятия кроется в подсознательной угрозе: опасность составляли не столько сами взгляды и идеологические несостыковки, сколько организованность и влиятельность группы.

Второй момент, который повлиял на неприятие протестантизма на территориях республик, – западофобия (отторжение всего, что может указывать на идеологическую/политическую связь с западным миром). Еще более ранняя история фракционирования украинского общества (выборы президента 2004 г., парламентские выборы) разделила его на восточное и западное. Параллельно шло медийное и политическое нагнетание обстановки со стороны как правящей коалиции и президента Украины, так и медиа. Вспомним пример речи президента Петра Алексеевича Порошенко, произнесенной в г. Одесса 14 октября 2014 г., в отношении жителей Донбасса: «...потому что у нас работа будет [у жителей территорий, подконтрольных Киеву] – у них нет [у жителей Донбасса, подконтрольных ДНР/ЛНР], потому что у нас пенсии будут – у них нет, у нас выплаты на детей, пенсионерам будут – у них нет, у нас дети пойдут в школы, в детские сады – у них они будут сидеть в подвалах. Потому что они ничего не умеют делать. И так, именно так, мы выиграем эту войну» (перевод с украинского. – Я.К.) [12].

Пример антиевропейского репортажа об отношении Украины и Евросоюза с позиции российского телеканала дал «Первый канал» 30 ноября 2014 г.: «Украина, вместо углубления и расширения связей с Европой, пока получила лишь разрушенную экономику и гражданскую войну... Красивая сказка о европейской Украине рассеивается гораздо медленнее, чем дым от горящих на Майдане крыши. Но европейские политики, не склонные к сантиментам, помогают расставаться с иллюзиями. На этой неделе министр иностранных дел Германии Франц-Вальтер Штайнмайер дал понять, что на присоединение Украины к ЕС уйдут долгие годы... Разочарование все чаще сквозит в словах его ярых активистов Евроинтеграции...» [13].

Патетические речи, несдержанность высказываний, несоблюдение регистра плюс заполитизованность медиа способствовали созданию у жителей региона образа Запада как врага. Речь идет только об идеологической стороне вопроса (взгляды, идеи, уклад жизни) на Западный мир, никто же не отказывается от европейских продуктов питания или благ материального мира в виде бытовой техники и машин.

Все вышесказанное выстраивалось в логический ряд умозаключений: враг – Украина, Украине помогает Запад, значит, Запад тоже враг, а протестантизм – это религия Запада, значит, протестанты тоже враги. Из интервью Петра Дудника, пастора церкви «Добрая весть»: «Они [боевики] четко обозначили, что есть одна правильная вера – русское православие, а все остальное – это американская вера. Значит, мы [протестанты] – пособники США» [14].

Упрощенная картина рассуждений, конечно, не стопроцентно отражает ситуацию с протестантами в регионе, мы прекрасно понимаем, что протестантизм – это совокупность независимых церквей, церковных союзов и деноминаций; что интеллигенция, просвещенные граждане понимали суть протестантизма и его корни в регионе, и поэтому находились активисты, которых возмущало гонение на протестантов.

В самих же республиках ситуация с протестантскими общинами тоже складывалась по-разному. В ДНР и ЛНР подходы к религиозным вопросам отличались. Считается, что в ЛНР отношение к протестантам было более лояльное, пока главой ЛНР был Плотицкий Игорь Венедиктович (04.11.2014–24.11.2017). Связывают это с тем, что сам И.В. Плотицкий придерживался взглядов одной из групп, представляющих нетрадиционное религиозное течение, «пятидесятников», а в докризисные времена сам проповедовал в Церкви Христиан Веры Евангельской в г. Луганск [15]. В ДНР отношения между протестантами и властью были более напряженные. Глава ДНР Захарченко Александр Владимирович (04.11.2014–31.08.2018) высказывался о своих религиозных взглядах в категоричной форме: «Я православный, хожу в церковь, для себя считаю, что единственная церковь для человека, который верит в Бога, – это Московского патриархата... Признаю 4 основные конфессии – это православие, это римо-католицизм, это мусульманство и это иудаизм... С другой стороны, я буду жестко бороться с сектантством. Я не допущу... К сожалению, нашу страну наводнили всевозможные секты, всевозможные псевдорелигии... Я не хочу, чтобы мысли и умы само воспитание нашей молодежи и нашего народа попадет под эти псевдорелигии и сектантство» [16].

В результате западофобия (особенно в начале вооруженного конфликта) повлекла за собой выдворение всех инакомыслящих. Согласно отчету «О международной религиозной свободе за 2014 г. Украина» Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США фиксировало, что на территориях, подконтрольных ДНР и ЛНР, происходили военные преступления против протестантов, вплоть до физического уничтожения последних [17].

Со временем первоначальный эмоциональный и революционный запал уходит из нормативных документов. С юридической точки зрения запрета на осуществление религиозной деятельности нет, но существующая в республиках религиозно-экспертная экспертиза создает площадку исключительно для деятельности православной церкви (при этом УПЦ МП освобождено от такой экспертизы). Например, на территории ЛНР на основании выводов религиозно-экспертной экспертизы всем церковным общинам евангельских христиан было отказано в перерегистрации, что означает запрет на любую религиозную деятельность для этих общин, запрет и на богослужения в молитвенных домах, в том числе и на домашних собраниях. В случае нарушения запрета – штрафы и аресты [18]. Решение экспертизы является основанием для конфискации собственности религиозных общин. По данным USCIRF (Комиссия США по международной религиозной свободе), начиная с 2014 г. на территории Донецкой и Луганской областей регулярно происходил процесс конфискации церковных зданий [19]:

- молитвенный дом Церкви адвентистов седьмого дня (г. Горловка, ДНР) был конфискован 16.11.2016 г. и в дальнейшем передан в собственность коммунального предприятия;

- 2018 г. закрытие дома молитвы христиан-баптистов в г. Стаханов ЛНР;

- 10 июня 2018 г. закрытие храма Святого Духа УПЦ КП в г. Донецк;

- 6 июля 2018 г. конфискация молитвенного дома евангельской церкви «Новая жизнь» г. Макеевка.

Обыски, закрытие и конфискации относятся к области внутренней государственной политики ДНР и ЛНР, никакая религиозная организация не принимает в данном процессе участия, помня, что церковь отделена от государства. Интересным является последующее использование данных объектов: некоторые из них переданы в собственность коммунальных предприятий, в других располагаются военные части. УПЦ МП отказывалась принимать от представителей ЛНР и ДНР какие-либо помещения, ранее принадлежавшие любым другим конфессиям региона. Официально данная позиция была озвучена 10–11 сентября 2014 г. в столице Норвегии г. Осло, где главы и представители церквей и религиозных организаций Украины и России собрались за круглым столом: «Как религиозные деятели мы особенно обращаем внимание на необходимость соблюдения в зоне конфликта права на свободу совести. Насильственные действия в отношении духовенства и верующих, храмов и молитвенных домов любой из действующих в Донецкой и Луганской областях конфессий недопустимы» [20].

Известно несколько случаев, когда здания переходили в коммунальную собственность города и в них размещались отделы записей актов гражданского состояния (ЗАГС) (например, здание общины мормонов в Кировском районе г. Донецк ДНР, здание общины мормонов в Пролетарском районе г. Донецк ДНР, молитвенный дом евангельской церкви «Новая жизнь» г. Макеевка ДНР). В этих случаях перед открытием

государственного учреждения приглашались православные священнослужители для проведения обряда освящения помещения [21]. При этом при передаче помещений военным для размещения части в них обряда освящения не совершалось. Относительно освящения домов или зданий нет никаких канонических установлений, но по сложившейся традиции освящают здания после капитальных ремонтов, осквернения или в случаях проявления «бесовской активности» (например, перемещение предметов, при внешне появившихся фобиях у жильцов (боязнь заснуть без света)).

Выводы

Принятая конституция и законы были достаточно взвешенные в плане религиозных воззрений на ситуацию в республиках, в отличие от первых проектов. Согласно нормативно-правовой базе Донецкой и Луганской Народных Республик, религия отделена от госу-

дарства, но при этом в документах встречается идея ведущей религии. Смена государств (выход ДНР/ЛНР из состава Украины) повлекла за собой переформатирование отношения в обществе к другим религиям, течениям и группам. Свидетельством этого является прекращение деятельности, например, пятидесятников или буддистов.

С одной стороны, УПЦ МП сохранила свое преимущество в численности приходов и прихожан, представленности приходов в Донбассе.

С другой стороны, поскольку УПЦ МП – самая крупная и влиятельная автокефальная поместная православная церковь, она же больше всего и пострадала в ходе как военных, так и политических событий (разрушение зданий, порча имущества, имидж). В период 2014–2022 гг., который отмечен активными военными действиями, примеры включенности религиозного и церковного в конфликтную ситуацию многочисленны и повсеместны.

Примечания

- ¹ Подсчитано авторами по: Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 64; Государственный архив Донецкой области. Ф. Р-2375. Оп. 2. Д. 74. Л. 1–24.
- ² Таблица составлена авторами по материалам официального сайта Московского патриархата «Русская православная церковь» (данные и приведенные названия по состоянию на 01.01.2014 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/organizations/30968/> (дата обращения: 20.11.2023).
- ³ Карта составлена авторами на основании Закона Украины «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (укр. «Про особливий порядок місцевого самоврядування в окремих районах Донецької та Луганської областей»; № 1680-VII від 16.09.2014), а также Постановления «О признании отдельных районов, городов, поселков и сел Донецкой и Луганской областей временно оккупированными территориями» (укр. «Про визнання окремих районів, міст, селищ і сіл Донецької та Луганської областей тимчасово окупованими територіями»; № 254-VIII від 17.03.2015). URL: <https://web.archive.org/web/20190512074534/https://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254-VIII> (дата обращения: 20.11.2023).

Список источников

- Більшість населення України відносить себе переважно до Православної церкви Київського патріархату // Демократичні ініціативи. URL: <http://web.archive.org/web/20150417011320/http://dif.org.ua/ua/publications/press-relezy/bilshist-naselgo-patriarhatu.htm> (дата обращения: 06.11.2023).
- Конституція ДНР. Редакція 14.05.2014 // Народний Совет Донецької Народної Республіки. URL: <https://dnrsouet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 06.11.2023).
- Закон ДНР № 140-ІНС от 24.06.2016 «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». URL: <http://mincult.govdnr.ru/doc/zakon-dnr-o-svobode-veroispovedaniya-i-religioznych-obedineniyah> (дата обращения: 06.11.2023).
- Інформаційний звіт Мінкультури «Про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні за 2012 рік» // Релігійно-інформаційна служба України (РИСУ). URL: https://risu.ua/informaciyiniy-zvit-minkulturi-quot-pro-stan-i-tendenciji-rozvitku-religiynoji-situaciji-ta-derzhavno-konfesiynih-vidnosin-v-ukrajini-za-2012-rik-quot_n62608/amp (дата обращения: 20.11.2023).
- Карпатские горы и буддизм из Донбасса 23.05.2028 // Ukrainer.ru. URL: <https://ukrainer.net/karpatskye-gory-y-buddyzm-iz-donbassa/> (дата обращения: 20.11.2023).
- Халиков Р.Х. Как буддизм ушел с Донбасса 05.04.2016 // Украинский институт стратегий глобального развития и адаптаций. URL: https://uisgda.com/ru/yak_buddizm_pshov_z_donbasu.html (дата обращения: 06.11.2023).
- Бредихин А.В. Национальные и религиозные проблемы в Донецкой и Луганской народных республиках // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 2 (35). С. 69–82.
- Юсимов Д. В донецкую синагогу приходят те же евреи, что и раньше. 13.12.2017 // Лехаим. URL: <https://lechaim.ru/events/v-donetskuyu-sinagogu-prihodiyat-te-zhe-evrei-cto-i-ranshe/> (дата обращения: 20.11.2023).
- Коростелев В. О примечательном в Конституции Донецкой Народной Республики. 18.05.2014 // Zakon.Ru. URL: https://zakon.ru/blog/2014/05/18/o_primechatelnom_v_konstitucii_doneckoj_narodnoj_respubliki#comment_76345 (дата обращения: 20.11.2023).
- Скоркин К. Во что верят «ЛНР» и «ДНР»? 15.10.2015 // Реальная газета. URL: <https://realgazeta.com.ua/vo-cto-veryat-lnr-i-dnr/> (дата обращения: 20.11.2023).
- Булатчик В. Религиозная несвобода. Чем отличается жизнь верующих в «ДНР» и «ЛНР». 13.06.2019 // ОстроВ. URL: <https://www.ostro.org/general/politics/articles/570466/> (дата обращения: 20.11.2023).
- В Интернете оказался фрагмент весьма эмоциональной речи президента Украины. 14.11.2014 // Телекомпания «Первый канал». URL: https://www.itv.ru/news/2014-11-14/29072-v_internete_okazalsya_fragment_vesma_emotsionalnoy_rechi_prezidenta_ukrainy (дата обращения: 06.11.2023).
- Как выглядит украинская мечта всего через год после Майдана? 30.11.2014 // Телекомпания «Первый канал» URL: https://www.itv.ru/news/2014-11-30/30112-kak_vyglyadit_ukrainskaya_mechta_vsego_cherez_god_posle_maydana (дата обращения: 20.11.2023).
- Шаповал Е. Протестанты из Донбасса. Протестанты оказались одной из наиболее патриотичных социальных групп на охваченном войной востоке страны. 23.03.2016 // Медиахолдинг «Новое время». URL: <https://nv.ua/publications/v-donbasse-protestanty-okazalis-odnoj-iz-naibolee-patriotichnyh-sotsialnyh-grupp-104809.html> (дата обращения: 20.11.2023).
- Рябинин А. Игорь Плотницкий насаждает в Луганске сектантские учения. 21.10.2016 // Комсомольская правда. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26622/3640371/> (дата обращения: 20.11.2023).
- Захарченко знает только 4 религии. 21.05.2015 // Фраза. URL: https://frazz.com/video/223295-zaharchenko_znaet_tolko_4_religii_nikakim_buddizmam_induizmam_i_sintoizmam_v_dnr_ne_mesto (дата обращения: 20.11.2023).

17. Report on International Religious Freedom. Ukraine. 2014 // U.S. State Department. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (14 October 2015). URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2015/eur/256253.htm> (дата обращения: 20.11.2023).
18. В «ЛНР» заборили евангеліські церкви – арештами загрожують навіть за домашні збори. 17.10.2018 // Вчасно. URL: <https://vchasnoua.com/donbass/58158-v-lnr-zapretili-evangeliskie-tserkvi-arestami-ugrozhayut-dazhe-za-domashnie-sobraniya> (дата обращения: 20.11.2023)
19. Religious Freedom Abuses Continue in Crimea and Eastern Ukraine 14.10.2015 // United States Commission on International Religious Freedom. URL: <https://www.uscifr.gov/news-room/op-eds/atlantic-council-made-moscow-religious-freedom-abuses-continue-crimea-and-eastern> (дата обращения: 20.11.2023).
20. Комюніке круглого столу Церков і релігійних організацій України та Росії. 12.09.2014 // Українська Православна Церква. URL: <https://news.church.ua/2014/09/12/komyunike-kruglogo-stolu-cerkov-i-religijnix-organizacij-ukrajini-ta-rosiji/> (дата обращения: 20.11.2023).
21. В Донецьке «заселили» очередную церковь мормонов. 08.10.2017 // Ведомости Донбасса. URL: <https://dnews.dn.ua/news/650876> (дата обращения: 20.11.2023).

References

1. Demokratični initsiatiivi. (n.d.) Bil'shist' naselennya Ukraїni vidnosit' sebe perevazhno do Pravoslavnoi tserkvi Kiїvs'kogo patriarkhatu. [It is important to bring the majority of the population of Ukraine to the Orthodox Church of the Kiev Patriarchate]. *Demokratični initsiatiivi*. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20150417011320/http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/bilshist-naselgo-patriarhatu.htm> (Accessed: 06.11.2023).
2. People's Council of the Donetsk People's Republic. (2014) *Konstitutsiya DNR. Redaktsiya 14.05.2014* [Constitution of the DPR. Revision of May 14, 2014]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (Accessed: 06.11.2023).
3. Ministry of Culture of the Donetsk People's Republic. (2016) *Zakon DNR № 140-IHC ot 24.06.2016 "O svobode veroispovedaniya i religioznykh ob"edineniyakh"* [On Freedom of Religion and Religious Associations. Law of the DPR No. 140-IHC of June 24, 2016]. [Online] Available from: <http://mincult.govdnr.ru/doc/zakon-dnr-o-svobode-veroispovedaniya-i-religioznyh-obedineniyah> (Accessed: 06.11.2023).
4. Religiozno-informatsionnaya sluzhba Ukrainy (RISU) [Religious Information Service of Ukraine (RISU)]. (2012) Informatsiyniy zvit Minkul'turi "Pro stan i tendentsii rozvitku religiynoi situatsii ta derzhavno-konfesiynikh vidnosin v Ukraїni za 2012 rik" [About the state and trends in the development of the religious situation and state-confessional issues in Ukraine for 2012. Information report of the Ministry of Culture]. *Religiozno-informatsionnaya sluzhba Ukrainy (RISU)* [Religious Information Service of Ukraine (RISU)]. [Online] Available from: https://risu.ua/informatsiyniy-zvit-minkulturi-quot-pro-stan-i-tendenciji-rozvitku-religijnoji-situaciji-ta-derzhavno-konfesiynih-vidnosin-v-ukrajini-za-2012-rik-quot_n62608/amp (Accessed: 20.11.2023).
5. Ukrainer.ru. (2023) Karpatskie gory i buddizm iz Donbassa [Carpathian Mountains and Buddhism from Donbass]. *Ukrainer.ru*. 23 May. [Online] Available from: <https://ukrainer.net/karpatskye-gory-y-buddizm-yz-donbassa/> (Accessed: 20.11.2023).
6. Khalikov, R.Kh. (2016) Kak buddizm ushel s Donbassa [How Buddhism left Donbass]. *Ukrainskiy institut strategiy global'nogo razvitiya i adaptatsiy* [Ukrainian Institute of Global Development Strategies and Adaptations]. 05 April. [Online] Available from: https://uisgda.com/ru/yak_buddizm_pshov_z_donbasu.html (Accessed: 06.11.2023).
7. Bredikhin, A.V. (2017) Natsional'nye i religioznye problemy v Donetskoj i Luganskoy narodnykh respublikakh [National and religious problems in the Donetsk and Lugansk people's republics]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2 (35). pp. 69–82.
8. Yusimov, D. (2017) V donetskuyu sinagogu prikhodyat te zhe evrei, chto i ran'she [The same Jews come to the Donetsk synagogue as before]. *Lekhaim*. 13 December. [Online] Available from: <https://lechaim.ru/events/v-donetskuyu-sinagogu-prihodyat-te-zhe-evrei-cto-i-ranshe/> (Accessed: 20.11.2023).
9. Korostelev, V. (2014) O primechatel'nom v Konstitutsii Donetskoj Narodnoj Respubliki [About the remarkable things in the Constitution of the Donetsk People's Republic]. *Zakon.Ru*. 18 May. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2014/05/18/o_primechatelnom_v_konstitucii_doneckoj_narodnoj_respubliki#comment_76345 (Accessed: 20.11.2023).
10. Skorkin, K. (2015) Vo chto veryat "LNR" i "DNR"? [What do the "LPR" and "DPR" believe in?]. *Real'na gazeta*. 15 October. [Online] Available from: <https://realgazeta.com.ua/vo-cto-veryat-lnr-i-dnr/> (Accessed: 20.11.2023).
11. Bulatchik, V. (2019) Religioznaya nesvoboda. Chem otlichaetsya zhizn' veruyushchikh v "DNR" i "LNR" [Religious unfreedom. How is the life of believers in the "DPR" and "LPR" different?]. *OstroV*. 13 June. [Online] Available from: <https://www.ostro.org/general/politics/articles/570466/> (Accessed: 20.11.2023).
12. Pervyy kanal [Channel 1]. (2014) V Internetе okazalsya fragment ves'ma emotsional'noy rechi prezidenta Ukrainy [A fragment of a very emotional speech by the President of Ukraine appeared on the Internet]. *Pervyy kanal* [Channel 1]. 14 November. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/news/2014-11-14/29072-v_internete_okazalsya_fragment_vesma_emotsionalnoy_rechi_prezidenta_ukrainy (Accessed: 06.11.2023).
13. Pervyy kanal [Channel 1]. (2014) Kak vyglyadit ukrainskaya mechta vsego cherez god posle Maydana? [What does the Ukrainian dream look like just a year after the Maidan?]. *Pervyy kanal* [Channel 1]. 30 November. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/news/2014-11-30/30112-kak_vyglyadit_ukrainskaya_mechta_vsego_cherez_god_posle_maydana (Accessed: 20.11.2023).
14. Shapoval, E. (2016) Protestanty iz Donbassa. Protestanty okazalis' odnoy iz naibolee patriotichnykh sotsial'nykh grupp na okhvachennom voynoy vostoche strany. [Protestants from Donbass. Protestants turned out to be one of the most patriotic social groups in the war-torn east of the country]. *Novoe vremya*. 23 March. [Online] Available from: <https://nv.ua/publications/v-donbasse-protestanty-okazalis-odnoj-iz-naibolee-patriotichnyh-sotsialnyh-grupp-104809.html> (Accessed: 20.11.2023).
15. Ryabinin, A. (2016) Igor' Plotnitskiy nasazhdaet v Luganske sektantskie ucheniya [Igor Plotnitsky instills sectarian teachings in Lugansk]. *Komsomol'skaya pravda*. 21 October. [Online] Available from: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26622/3640371/> (Accessed: 20.11.2023).
16. Fraza. (2015) Zakharchenko znaet tol'ko 4 religii [Zakharchenko knows only 4 religions]. *Fraza*. 21 May. [Online] Available from: https://frazza.com/video/223295-zaharchenko_znaet_tolko_4_religii_nikakim_buddizmam_induizmam_i_sintoizmam_v_dnr_ne_mesto (Accessed: 20.11.2023).
17. U.S. State Department. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. (2015) *Report on International Religious Freedom. Ukraine. 2014*. [Online] Available from: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2015/eur/256253.htm> (Accessed: 20.11.2023).
18. Vchasno. (2018) V "LNR" zapretili evangel'skie tserkvi – arestami ugrozhayut dazhe za domashnie sobraniya [Evangelical churches have been banned in the "LPR"; arrests are threatened even for home meetings]. *Vchasno*. 17 October. [Online] Available from: <https://vchasnoua.com/donbass/58158-v-lnr-zapretili-evangeliskie-tserkvi-arestami-ugrozhayut-dazhe-za-domashnie-sobraniya> (Accessed: 20.11.2023)
19. United States Commission on International Religious Freedom. (2015). *Religious Freedom Abuses Continue in Crimea and Eastern Ukraine*. [Online] Available from: <https://www.uscifr.gov/news-room/op-eds/atlantic-council-made-moscow-religious-freedom-abuses-continue-crimea-and-eastern> (Accessed: 20.11.2023).
20. Ukraїns'ka Pravoslavna Tserkva [Ukrainian Orthodox Church]. (2014) *Komyunike kruglogo stolu Tserkov i religijnikh organizatsiy Ukraїni ta Rosii* [Communiqué of the round table of the Churches and religious organizations of Ukraine and Russia]. [Online] Available from: <https://news.church.ua/2014/09/12/komyunike-kruglogo-stolu-cerkov-i-religijnix-organizacij-ukrajini-ta-rosiji/> (Accessed: 20.11.2023).

21. Vedomosti Donbassa. (2017) V Donetske “zaselili” ocherednuyu tserkov' mormonov [Another Mormon church was “settled” in Donetsk]. *Vedomosti Donbassa*. 08 October. [Online] Available from: <https://dnews.dn.ua/news/650876> (Accessed: 20.11.2023).

Информация об авторах:

Комар Я.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры “Философия, история и право” Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: komaryana2006@gmail.com

Пригарин А.А. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ya.V. Komar, Cand. Sci. (History), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: komaryana2006@gmail.com

A.A. Prigarin, Dr. Sci. (History), leading researcher, professor, Educational and Scientific Center of Social Anthropology of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 29.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 94(470) «1918/1920»
doi: 10.17223/15617793/497/10

Образ беженцев в периодической печати Сибири периода Гражданской войны (на материалах Томской губернии 1918–1920 гг.)

Кирилл Александрович Конев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа материалов периодической печати, выпускавшейся в Томской губернии в 1918–1920 гг., выявляются содержательные компоненты образа беженцев в их связи с идеологемами, которые формировались в рамках информационной деятельности антибольшевистских режимов, сменявшихся на востоке России. Отмечается, что тема беженства актуализировалась в рамках нескольких содержательных контекстов. Беженцы рассматривались как пострадавшие от многочисленных лишений; как фактор, усиливающий текущие проблемы; в роли объекта попечения властей и общественных организаций и субъекта, стремящегося к улучшению своего положения.

Ключевые слова: беженцы, периодическая печать, Сибирь, Гражданская война в России, антибольшевистские силы, Томская губерния

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Конев К.А. Образ беженцев в периодической печати Сибири периода Гражданской войны (на материалах Томской губернии 1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 98–107. doi: 10.17223/15617793/497/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/10

The image of refugees in the periodical press of Siberia during the Civil War (based on materials from Tomsk Province, 1918–1920)

Kirill A. Konev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru

Abstract. For contemporaries of the events of 1918–1922, the image of refugees became an integral part of the overall picture of the devastation and disasters that befell Russia during the Civil War. The topic of refugees became firmly established in periodicals. How did the image of refugees form in periodicals in the territories controlled by anti-Bolshevik forces? Was this image connected with other ideologemes relevant for politicians and ideologists of “White Siberia”? Finding answers to these questions will allow detailing our current views on the ideological and value systems of representatives of the anti-Bolshevik movement. This work is based on materials from Western Siberian periodicals. The article identifies the content components of the image of refugees in connection with the ideologemes that were formed within the framework of the information activities of the anti-Bolshevik regimes that replaced each other in the east of Russia from mid-1918 to 1920. The topic of refugees was updated in several meaningful contexts. Refugees were seen as suffering from multiple hardships; as a factor reinforcing current problems; in the role of an object of care of authorities and public organizations and a subject striving to improve their situation. As a result, the reader of the Siberian press was faced with a multidimensional image of refugees, which was constructed in conjunction with several ideologemes. By reporting on refugees, the periodical press also formed a negative image of the enemy – the Bolsheviks. In this case, refugees were presented as a trustworthy source to which journalists referred when describing all sorts of “horrors” committed by the Reds. On the other hand, refugees, as victims, acted as a living reminder to the inhabitants of Siberia of what could await them in the event of the arrival of the Red Army and the restoration of the Soviet regime. The image of refugees as objects of care of the state and society was actively exploited as part of attempts to awaken civic consciousness and a sense of duty among Siberians. The model of behavior of a conscientious citizen, to whom the press addressed, implied showing mercy to the affected fellow citizens and supporting state or public initiatives of this kind. Updating the image of refugees to instill a sense of citizenship among ordinary people also involved calls for active participation in the fight against the Bolsheviks, through material support for the army or joining its ranks. Attempts to awaken a sense of patriotism among ordinary people involved simultaneously demonstrating the object of protection (victim refugees), referring to the “correct” algorithm of behavior from the point of view of the authorities (volunteer refugees), and condemning the “wrong” behavior (male refugees idle in the rear).

Keywords: refugees, periodicals, Siberia, Civil War in Russia, anti-Bolshevik forces, Tomsk Province

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Konev, K.A. (2023) The image of refugees in the periodical press of Siberia during the Civil War (based on materials from Tomsk Province, 1918–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 98–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/10

Одним из последствий Первой мировой войны, Русской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны стало масштабное перемещение различных категорий населения. Современная отечественная историография, посвященная российскому беженству 1914–1922 гг., достаточно обширна. Затрагиваются различные аспекты этого многообразного и сложного явления. Широко не только спектр разрабатываемых тем и проблем, но и применяемая исследовательская оптика. Н.В. Суржикова выделяет несколько контекстов, в которые вписано изучение российского беженства эпохи войн и революций. В рамках географо-переселенческой составляющей исследуются количественные параметры потоков беженцев, их состав и распространение; «этнический» аспект предполагает рассмотрение практик самоорганизации различных национальных групп беженцев и анализ политики властей по отношению к ним; изучение благотворительности связано с рассмотрением опыта решения различных гуманитарных проблем, вставших перед обществом и властями в 1914–1920-е гг.; обращаются ученые и к анализу управленческо-институционального опыта имперской России, советского правительства. Как отмечает исследовательница, отечественная историография беженства Первой мировой войны развивается преимущественно «в рамках инерционной стратегии, предполагающей не столько освоение темы “вглубь”, сколько “вширь”» [1. С. 30]. Расширение поля преимущественно по географическому принципу отличает отечественную традицию изучения беженства от зарубежной, в рамках которой «концептуализация истории беженства – это лишний пример, подтверждающий состоятельность того или иного теоретического конструкта» [1. С. 40]. Вместе с тем тенденцию к «углублению» темы демонстрируют исследователи, рассматривающие беженство как явление, являвшееся катализатором изменений в обществе. Беженство периода Гражданской войны в России исследовано в меньшей степени. В рамках изучения событий на востоке России данной темы касались в своих работах В.М. Рышков [2], П.Н. Зырянов [3], С.П. Звягин [4], В.Г. Рыженко [5], Н.В. Суржикова [6].

В условиях распада государственности и появления ряда внутренних фронтов в различных регионах страны вынужденные миграции тех или иных групп населения становились неотъемлемой частью Гражданской войны, усиливая текущие и провоцируя новые кризисы. Попытки регулирования процесса движения беженцев, их учета и призрения предпринимались по обе стороны фронта, являясь частью социальной и экономической политики как советского правительства, так и антибольшевистских режимов. Для современников образы беженцев стали неотъемлемой частью общей картины разрухи и бедствий, постигших страну в период Гражданской войны. Тема беженства прочно закрепилась на

страницах периодических изданий, отражая событийно-фактическую сторону данного феномена и определенные ценностные, эмоциональные и идеологические особенности его репрезентации в публичной сфере. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение процесса конструирования образа беженцев в средствах массовой информации, выпускавшихся на территории востока страны, подконтрольной антибольшевистским силам в период с середины 1918 по 1920 г.

Это позволяет выявить ряд идеологем, актуальных для политиков, идеологов и журналистов востока России, что в свою очередь дает возможность детализировать наши представления о мировоззренческих и ценностных установках представителей антибольшевистского движения. Реконструкция образа беженцев позволяет проследить механизмы и подходы к формированию образов своих и чужих в контексте активных попыток лидеров и идеологов антибольшевистских сил сформировать идентичность мы-группы, противостоящей советской власти. Обращение к данному образу представляет интерес и при изучении процесса формирования представлений о территории, где происходило взаимодействие беженцев и различных групп населения.

Цель данной работы – на основе анализа материалов периодической печати выявить содержательные компоненты образа беженцев в их связи с идеологемами, которые формировались в рамках информационной деятельности антибольшевистских режимов, сменявшихся на востоке России в 1918–1920 гг. Территориальные рамки исследования охватывают Томскую губернию в границах 1917 г. В период Первой мировой войны губерния приняла наибольшее количество беженцев в Сибири, к февралю 1917 г. их насчитывалось здесь 29 тыс. чел., что составляло 33,54% всех беженцев в регионе [7. С. 29]. В 1917 г. часть из них вернулась на родину, однако вскоре к оставшимся прибавились бежавшие от разрухи и начавшейся Гражданской войны. Территория губернии также стала транзитной зоной для тех, кто следовал на восток или на юг в сторону Алтая. В Новониколаевске действовало центральное справочное бюро, где осуществлялась регистрация беженцев, распределение их по местам расселения и поиск подходящей работы [8. С. 741]. К концу августа 1919 г. в губернском центре – Томске находилось 35 тыс. беженцев. С период с сентября по ноябрь численность населения города возросла со 150 662 до 211 325 чел. Во многом за счет притока беженцев [9. С. 255].

Основным источником для исследования выступила периодическая печать – газеты и журналы, выпускавшиеся на территории губернии. После падения советской власти весной–летом 1918 г. в результате выступления антибольшевистского подполья и чехословацкого корпуса количество партийных и частных периодических изданий выросло за счет возобновления

закрытых и появления новых газет и журналов. Также начался выпуск земских, профсоюзных и правительственных органов печати [10. С. 70]. В период с мая 1918 г. по декабрь 1919 г. на территории Томской губернии в общей сложности издавалось не менее 45 газет и 33 журналов [11. С. 21–24, 40–42].

Сибирские газеты и журналы при наличии соответствующих сведений информировали своих читателей о направлении движения беженцев и динамике их численности в городах и сельской местности. Фактические и статистические сведения могли приводиться и в кратких заметках, и в более пространных публикациях. Так, томская эсеровская газета «Голос народа» в июне 1918 г. сообщала, что еще до мая в Сибирь прибыло свыше 30 тыс. переселенцев, «преимущественно беженцев из голодных, гиблых губерний, безработных». Отмечалось также, что перемещались целые рабочие артели со всем скарбом [12]. В августе 1919 г. пресса сообщала о зарегистрированных в Новониколаевске беженцах следующее: в июне через город прошло 2 085 мужчин и 702 женщины, в июле – 12 988 мужчин и 3 134 женщины, в августе – 22 975 мужчин, 1 636 женщин и 756 детей [13]. Разрозненные публикации о прибытии в Сибирь все новых и новых партий беженцев рисовали мозаичный образ людской волны, нахлынувшей на города и в сельскую местность, что могло способствовать восприятию данного процесса как стихийного бедствия, ставшего следствием всеобщей разрухи. Тема беженства в западносибирской прессе актуализировалась в рамках нескольких содержательных контекстов. Каждый из них мог задавать один или несколько векторов восприятия беженцев как акторов, тем или иным образом оказывавших влияние на военно-политическую, социальную, экономическую и культурную сферы.

Беженцы – источник и катализатор проблем. В многочисленных статьях и заметках, посвященных теме беженства, затрагивались угрозы и трудности, которые неизбежно являлись следствием притока тысяч людей на восток страны. Беженцы рассматривались в качестве пострадавших от многочисленных тягот и лишений и вместе с тем могли позиционироваться в качестве фактора, усиливавшего текущие проблемы.

В словах представителей власти и текстах журналистов беженцы закономерно фигурировали в качестве одной из основных причин усиления жилищного кризиса на востоке страны. В августе 1918 г. томский городской голова И.П. Пучков, указывая на надвигающуюся волну беженцев, говорил о необходимости немедленно приступить к работе по урегулированию жилищного вопроса в городе [14]. Публикации 1918–1919 гг. в партийных, кооперативных и официальных изданиях повсеместно рисовали схожие картины – прибытие все новых партий беженцев, их размещение в непригодных для проживания условиях, уплотнение, сопутствующие этому конфликты. Недостаток помещений отмечался как в сельской местности, так и в городах, где жилищный кризис ко второй половине 1919 г. превратился в катастрофу, с которой безуспешно пытались справиться местные власти.

Притязания беженцев на пригодные для проживания площади могли вызывать критику и недовольство тех, кто не желал мириться с подобной угрозой. В заметке, опубликованной на страницах «Сибирской жизни», рассказывалось о беженцах, занявших нижний этаж Сибирских высших женских курсов в Томске и добивавшихся отвода им и верхнего этажа, где находились ценные приборы и коллекции. Курсистки, ставшие на защиту своего учреждения, отправили делегацию к уполномоченному с предложением занять другой корпус. «Что выйдет из этих хлопот неизвестно, но безумству разрушения, которое творится на наших глазах, должен быть положен какой-нибудь предел», – писал автор заметки [15]. Переизбыток населения в городах также усиливал недостаток топлива, что с наступлением холодов приводило к росту смертности. В то же время попытки беженцев раздобыть дрова приводили к упадку городской среды. Как отмечалось в томской прессе в октябре 1919 г., «беженцы, размещенные в городе, вместо дров тайком жгут перила, заборы и верхние доски тротуаров» [16].

Беженцы, наряду с расквартированными в городах запасными частями и возвращающимися военнопленными Русской армии, фигурировали в сообщениях прессы и в роли распространителей заразных болезней. В публикации новониколаевской газеты о положении в Томске в декабре 1918 г. указывалось, что в городе после недавно ликвидированной эпидемии инфлюэнцы вспыхнул тиф. «Болезнь занесена в Томск беженцами, из среды которых она перекинулась в казармы местного гарнизона, в тюрьму, психиатрическую лечебницу и т.п.», – сообщалось в издании [17]. Жилищная и санитарная проблемы закономерно увязывались воедино. Редакция журнала «Томский кооператор», подчеркивая, что проживание беженцев при «самых скверных условиях» благоприятствует распространению болезней, предупреждала читателей: «населению перед тем, как пуститься в бегство, следовало бы над всем этим призадуматься». Называлась и еще одна проблема, виной которой косвенно становились вынужденные переселенцы – «беженские потоки усиливают и без того с каждым днем растущую дороговизну, ибо появляются новые потребители, ищущие крова и хлеба, а это учитывается героями-спекулянтами» [18. С. 8].

Прибытие беженцев в города и в сельскую местность провоцировало столкновения с местным населением и властями, что способствовало усилению напряженности. На страницах периодических изданий беженцы могли выступать в роли участников конфликтных ситуаций различного типа – как пострадавшие от злоупотреблений чиновников или военных, или как участники спора с местными жителями, видящими в пришельцах угрозу сложившимся порядкам или своему материальному благополучию. Так, в письме в редакцию одной из новониколаевских газет беженцы из Бузулука, которые нашли прибежище в местной школе, рассказывали о притеснениях заведующей зданием Векшиной, стремившейся «выжить» их из школы. «Почти ежедневно она устраивала нам сцены, кричала, топала ногами, грозилась милицией, запира-

на ключ уборную, воспрещала сторожам подавать (за плату) казенный самовар и вместе с тем, в пылу увлечений своими монологами, не упускала случая рекомендовать себя за воспитанную и образованную женщину», – жаловались беженцы, которые, по их словам, лишь ночевали в помещениях учебного заведения, где днем продолжались занятия. Граждане Бузулука в итоге нашли другое место жительства, однако посчитали своим долгом указать на поведение заведующей, задавшись вопросом: «...как можно допускать нравственных калек подобных г. Векшиной, к воспитанию детей?» [19].

Акцентирование внимания читателей на негативных последствиях беженства в публикациях, в рамках которых беженцы представлялись в качестве источника угроз, позволяло предупредить общественность о надвигающихся трудностях, обратить внимание на касавшуюся всех проблему или «достучаться» до представителей власти. Вместе с тем распространение публикаций, из которых становилось ясно, что именно беженцы являются причиной тех или иных бед (будь то эпидемия или «уплотнения» квартир) не могло не повлиять на появление у городского или сельского обывателя чувства враждебности или страха по отношению к ним.

Беженцы – объект попечения. Сформировавшиеся на востоке страны летом 1918 г. антибольшевистские политические режимы среди прочего вынуждены были решать проблемы, связанные с оказанием помощи различным категориям беженцев, прибывшим в период Первой мировой войны, и тем, кто покинул родные места уже после начала внутреннего противостояния. Помощь вынужденным переселенцам рассматривалась журналистами как одна из важных задач для новой антибольшевистской власти. Корреспондент «Народной газеты», описывавший бедственное положение беженцев, разместившихся в сотнях «телячьих вагонов», на путях и в переполненном здании вокзала в Новониколаевске, отмечал: «много забот у Сиб.[ирского] Врем.[енного] Правительства, и забота о беженцах и переселенцах также ложится на плечи нашей Областной Власти. Дай Бог ей справиться с этой тяжелой задачей!» [20].

На страницах периодических изданий появлялись официальные сообщения, корреспонденции, заметки и статьи, в которых сообщалось о тех или иных решениях и действиях, направленных на оказание помощи беженцам. В подобных публикациях они представляли в роли опекаемой, незащищенной и нуждающейся группы людей, объекта воздействия центральных и местных властей, общественных или иных организаций. Освещались при этом различные направления работы – создание соответствующих структур, выделение средств и необходимых ресурсов, назначение ответственных исполнителей, распределение и размещение пострадавших, подготовка или строительство мест размещения и т.д.

Например, летом 1919 г. в прессе появились сведения о разработке и одобрении МВД Временного положения о государственном призрении беженцев, кото-

рое определяло статус беженцев, размер и порядок оказания им помощи. Кроме того, сообщалось о выделении 10 млн руб. на призрение соответствующей категории населения, а также 5 млн на обратную их эвакуацию [21]. Демонстрировалась и работа с отдельными категориями населения. Так, на заседании Междоуведомственного совещания об использовании труда беженцев-рабочих было принято решение об их регистрации в местах проезда, фиксировании специальности каждого рабочего, создании пунктов группировки и отправки к месту назначения, а также изучения спроса «на труд». Как отмечалось в публикации, «осуществление этих мероприятий должно самым благоприятным образом отразиться на жизни рабочих-беженцев» [22].

Не обходила вниманием пресса и инициативы местных властей и общественных организаций. Официальное издание Томской губернии сообщало, например, о работе Совета общественного призрения в Томске, приступившего в августе 1919 г. к обследованию семейного и имущественного положения и выяснению насущных потребностей беженцев, находившихся в различных общежитиях, приютах и богадельнях города [23]. А в сентябре Томский губернский комитет помощи армии оборудовал трехэтажный дом для помещения беженцев – семей военнослужащих. Также было учреждено особое бюро, которое должно было заниматься распределением помещений для беженцев и заботиться об их содержании [24]. В фокусе внимания была не только забота о беженцах из прифронтовых территорий, но и о многочисленных бывших военнослужащих Русской армии – военнопленных, возвращавшихся в Сибирь [25]. Кроме того в прессе фигурировали и публикации о помощи иностранцев, в частности Американского Красного Креста [26], которые способствовали формированию позитивного образа иностранных союзников антибольшевистского движения.

Вместе с тем в контексте освещения помощи бежавшим в Сибирь жителям прифронтовых территорий, могла присутствовать и критика работы органов власти со стороны журналистов или представителей общественности. В сентябре 1919 г. томская «Сибирская жизнь» обращала внимание читателей на проблему устройства беженцев в дачных поселках. Подчеркивалось при этом, что на постоянном совещании представителей эвакуированных самоуправлений и беженских организаций отсутствовал представитель городского самоуправления – заведующий отделом призрения, который, тем не менее, приглашался на заседания. В виду этого, как отмечалось в издании, «многие вопросы, связанные с устройством беженцев оставались без разрешения или недостаточно освещались» [27].

Появлялись также размышления и советы относительно возможностей решения острых проблем, связанных с беженцами. Та же газета поместила на своих страницах статью профессора Аносова, предлагавшего свой вариант уплотнения квартир для размещения очередной волны беженцев. По мнению автора, население относилось к вселяемым враждебно, что неминуемо могло отразиться на отношении к правительству, «ко-

торое будут считать виновником и этого нового бедствия...». Поэтому профессор предлагал властям обратить внимание прежде всего на богатые особняки и большие квартиры, хозяева которых не очень заняты на «государственной работе», что снизило бы градус недовольства основной массы горожан [28].

Для органов власти осведомление населения (в том числе самих беженцев) о работе по оказанию помощи пострадавшим от тягот войны являлось одним из способов укрепления собственного позитивного образа и демонстрации готовности решать насущные проблемы, что призвано было укреплять легитимность антибольшевистских режимов и обеспечивать лояльность различных социальных групп. Вместе с тем инициативы и проекты, о которых сообщала печать, самими омскими политиками рассматривались как трудновыполнимые. Г.К. Гинс, характеризуя законопроекты о признании, вносившиеся в Экономическое совещание, отмечал, что писались они «впустую», а «финансовая сторона их ни Экономическим Совещанием, ни Советом министров не учитывалась» [29. С. 280–281]. Постоянное информирование о признании беженцев задавало и «правильную», с точки зрения идеологов и журналистов, модель поведения сибиряков, к которым со страниц газет и журналов были обращены призывы принять участие в организованной на различных уровнях помощи пострадавшим.

Беженцы – организованная общность. Еще один тематический контекст предполагал презентацию стремления беженцев к самоорганизации. В периодической печати можно встретить сообщения об образовании и работе объединений беженцев, созданных по национальному, региональному, классовому или профессиональному принципу. Для беженцев периодическая печать, как средство распространения информации, в то же время служила инструментом консолидации и самоорганизации. Анонсы о предстоящих мероприятиях, заметки о работе беженских организаций, объявления о требующихся работниках или поиске работы, списки разыскиваемых беженцев, размещаемые в газетах, отражают стремление части вынужденных переселенцев проявлять активность. Цели такой активности могли быть различными.

В определенной степени это были попытки заявить о своих многочисленных проблемах и бедах, донести их до соответствующих структур и общественности, как в форме прямых обращений в виде писем в редакцию, наподобие вышеприведенного письма беженцев из Бузулука, так и в формате новостных публикаций. Например, в феврале 1919 г. в сибирской прессе появилась заметка о прибытии из Томска в Омск делегации беженцев – русских, евреев, литовцев, латышей и мусульман для ходатайства перед председателем совета министров Вологодским о выдаче на беженскую организацию до 3 млн руб. В заявлении указывалось: беженцы «буквально вымирают от голода, эпидемии и мерзнут в сырых и холодных помещениях». «По словам делегации, если правительство не придет немедленно им на помощь, беженцы будут обречены на окончательное вымирание» [30].

Стремление проявить инициативу с целью улучшения материального положения на новом месте фиксировалось на страницах газет в виде отчетов о прошедших заседаниях или сборе средств. «Сибирская жизнь», например, сообщала об общем собрании пермских беженцев, проживавших в Томске, где было решено организовать сбор членских взносов и были намечены основные направления работы – поиск жилья, школьный вопрос, обеспечение одеждой и продовольствием, организация бюро труда, оказание медицинской и юридической помощи [31]. На страницах газет и журналов отражены инициативы беженцев по включению в процессы, протекавшие в политической, экономической и культурной сферах. Беженцы могли выражать свою лояльность власти и готовность к соответствующим действиям. Осенью 1919 г. на фоне развернутой властями идеологической кампании, сопровождавшей создание добровольческих дружин «Святого Креста» и «Зеленого Знамени», прозвучали и соответствующие выступления со стороны беженских организаций. Прошедшее 14 сентября 1919 г. собрание беженцев и жителей Новониколаевска приветствовало А.В. Колчака «как печальника земли русской[.] ведущего русское воинство спасать веру Христову и Русь Святую». При этом отмечалось, что «Новониколаевское собрание единогласно приняло резолюцию Омских беженцев вступить в ряды крестоносцев. Общая запись добровольцев идет успешно[.] патриотический подъем огромный [и] единодушный» [32. С. 465].

Активными были попытки включиться в культурную жизнь принимающих переселенцев городов. В ноябре 1918 г. в Томском Общественном собрании прошел вечер в пользу учащихся беженцев из высших учебных заведений Казани «с участием лучших сил казанской оперы...» [33]. Эвакуированные представители интеллигенции пытались найти себе применение в сфере образования. Так, в ноябре 1919 г. при редакции журнала «Свободная трудовая школа» организовано было «Лекторское бюро», куда вошли педагоги из Перми. Целью организации являлось «устройство летних педагогических курсов учителей высших начальных училищ, для подготовки из них кадра лекторов на разного рода курсы» [34]. Учитывая время создания курсов, сложно, однако, сказать, был ли этот проект доведен до какого-либо результата.

Таким образом, в ряде газетных публикаций беженцы представляли не только в роли источника угроз и проблем или объекта заботы власти и общества, но и в качестве субъекта, стремящегося к улучшению своего текущего положения и изменению среды вокруг себя. Сообщения об инициативах и начинаниях беженцев призваны были привлечь внимание местных жителей к потребностям новоприбывших, мотивируя сибиряков оказать им посильную помощь. Вместе с тем информация подобного рода вносила позитивные штрихи в образ беженцев, демонстрируя, что в ряде случаев прибывшие в Сибирь жители Поволжья и Урала способны позаботиться о себе сами и могут быть полезны принимающей стороне.

Обозначив тематические контексты в рамках, в которых конструировался достаточно многогранный образ беженцев, необходимо определить идеологемы, которые были с ним связаны.

Образ беженцев и образ врага. Сообщая о беженцах, периодическая печать вместе с тем могла формировать и негативный образ врага – большевиков. Беженцы в данном случае предстали в двух ипостасях. С одной стороны, они служили заслуживавшим доверия источником, на который ссылались журналисты при описании всевозможных «ужасов», творимых красными. Например, в газете «Надежда России» со слов ижевских беженцев рассказывалось о прибытии в Пермь странного эшелона с мужчинами и женщинами из Ижевска в возрасте от 14 до 60 лет. Как оказалось, это были те из немногих, кто остался в городе к приходу большевиков, большая часть 80 тысяч жителей бежала. «Возмущенные таким массовым бегством рабочего населения от “Рабоче-крестьянской власти”, коммунисты по занятии Ижевска проявили к оставшимся неслыханное зверство и насилие», – сообщал автор статьи. Старики и дети были вооружены лопатами и отправлены на передовые позиции для рытья окопов. Многие были перебиты, остальные же «взяты в плен доблестными сибирскими войсками, избавившими их от неминуемой гибели» [35].

С другой стороны, беженцы как пострадавшие выступали в роли отчетливого напоминания жителям Сибири о том, что их может ожидать в случае прихода частей Красной армии и восстановления власти Советов. Сам факт того, что с запада прибывали все новые волны людей, выступал, по мнению идеологов и журналистов антибольшевистской Сибири, красноречивым свидетельством того, что «рабоче-крестьянская» власть практически не имеет сторонников. В статье «Отечественных ведомостей», перепечатанной в томском «Народном вестнике», беженцы предстали в образе «живой агитации», показывающей суть политики «товарищей». «Народ стал сиротой и бродягой в собственной земле. Они действительно принесли людям равенство, но равенство страдания и смерти. Это равенство на самом деле воцаряется везде, куда они приходят – И вот народ, от имени которого они злодействуют, уходит от их злодейства», – говорилось в статье. По мнению автора публикации, такая агитация должна была подействовать отрезвляюще на сомневающихся. «Пусть гневная народная молва расскажет всем, кого еще не вразумило несчастье, кто еще обольщается “рабоче-крестьянской” властью, – о том, какова она, эта власть, от которой, как от черной смерти, уходит народ» [36].

Вместе с тем ненависть беженцев к большевикам могла рассматриваться и как некий символический капитал, который власть должна использовать и ценить, оправдывая ожидания ищущих спасения на востоке. В вышедшей в той же газете статье под названием «Почему бегут от большевиков» отмечалось, что беженцы не хотят помогать большевикам разрушать государство и верят, что «Сибирское Правительство – в проти-

воположность царскому и большевистскому – действительно стоит на страже порядка и законности, действительно уважает права народа и никого не гонит насильно никуда, хотя бы и в социалистический или коммунистический рай ... Если беженцы потеряют эту святую веру, разочаруются в этом правительстве, они уйдут дальше, снова на поиски за правдой и законом», – предостерегал автор, призывая к сочувствию и помощи пострадавшим [37]. Похожим образом рассуждал о мотивах исхода беженцев иностранный военный корреспондент Л. Грондейс, считавший, что «их бегство не знак особой привязанности к правительству адмирала, но это правительство они ощущают как свое, как русское, хотя и не в силах объяснить, что это значит, но они это чувствуют» [38. С. 254–255].

Таким образом, факты и эмоциональные оценки из уст беженцев, рисовавшие страшные картины повседневности в Советской России и в прифронтовой полосе, должны были придавать убедительности словам журналистов, постоянно дополняя образ врага новыми негативными штрихами и подробностями. Причем подобный прием мог использоваться всеми представителями антибольшевистского движения независимо от политической платформы. Личные истории пострадавших, адресованные сибирякам, которые, по единодушному обобщению правительственных и партийных журналистов, не успели познакомиться со многими отрицательными сторонами большевизма, должны были служить предостережением для тыловых обывателей. Ненависть и презрение к «комиссарам», как лейтмотив беженского настроения, транслируемый прессой, должны были передаться и населению Сибири, мотивируя горожан и крестьян оказывать помощь армии и участвовать в борьбе с врагом.

Образ беженцев и идея милосердия. Напоминания о многочисленных трудностях и лишениях беженцев, размещаемые на страницах периодических изданий, сопровождались призывами к населению оказывать всевозможную помощь пострадавшим. При этом авторы подобных призывов стремились побуждать обывателей к действию, апеллируя к различным мотивам.

Помощь беженцам рассматривалась как одна из форм выполнения гражданского долга. В данном случае проявление милосердия становилось нормой поведения сознательного гражданина и патриота, заботящегося о бежавших от большевизма и войны соотечественниках. Осенью 1918 г. Томская городская Дума в обращении к жителям города указывала на небывалую жилищную нужду, сообщала о начале разработки соответствующего положения, которое урегулирует вопросы уплотнения квартир и установления предельных цен квартирной платы, и предупреждала о неминуемости скорого уплотнения. Вместе с тем местная власть призывала граждан к добровольному уплотнению путем сдачи жилья по умеренным ценам, говоря о «гражданской обязанности» оказать помощь тем, кто лишен крова и жилища [39].

Призывы спешить на помощь беженцам сопровождались воздействием на эмоции читателя и обраще-

нием к его совести. Корнет, князь Ухтомский на страницах «Военных ведомостей» в рождественские дни 1919 г. напоминал о тяжелом положении беженцев из оставленной антибольшевистскими силами Уфы: «...в то время как мы, прикрытые стеной их бедствий, готовимся к празднику в уюте и тепле, они обречены на горькие муки ... Неужели у нас каменные сердца и мы не почувствуем горячие слезы уфимцев? Неужели в это Рождество мы будем беззаботно смеяться и ликовать?», – вопрошал автор аудиторию, призывая ее помнить про уфимцев. Примечательно, что Ухтомский обращался также и к национальному чувству читателей, актуализируя соответствующий национальный стереотип: «...славящиеся своей отзывчивостью, мы, русские укротим порывы веселья, ибо Уфа тяжело страдает» [40]. Находилось место и для актуализации региональной и гендерной идентичности. В своем воззвании от 4 октября 1918 г. Временное Сибирское правительство, возлагало на население Сибири, «и в особенности на женскую часть его, как элемент более отзывчивый к страданиям и невзгодам переживаемый другими», надежды на оказание поддержки беженцам. В тексте при этом отмечалось, что «Сибирь всегда относилась тепло и участливо к таким изгнанникам, вольно и невольно попавшим на ее территорию» [41].

В то время как беженцы из других губерний искали в Сибири временного пристанища, бывшие военнопленные, возвращавшиеся из Германии и Австрии, двигались на родную землю. Пресса писала о необходимости приготовиться к достойной встрече воинов, которые были охарактеризованы как люди, «неповинные в разложении фронта и развале России» [42]. Забота о них в данном случае позиционировалась как оказание помощи землякам и в условиях Гражданской войны становилась элементом борьбы за сторонников.

Побудить к проявлению милосердия должна была не только совесть, но и чувство вины перед теми, кто вынужден был бежать от красных. «Помогите им, спасите их от голодной смерти, дайте им хоть какое-нибудь пристанище, дайте им возможность работать. Попробуйте представить себя в их положении и поступить, как велит Вам Ваша совесть!», – гласил очередной призыв, в тексте которого предложение поставить себя на место пострадавших сочеталось с напоминанием о том, что Сибирь не испытала по-настоящему «ужасов большевизма» [43]. Оказание поддержки, таким образом, становилось своеобразной «расплатой» за возможность избежать удара большевиков, который приняли на себя жители Поволжья и Урала.

Сообщения о конфликтах между местным населением и беженцами могли послужить прецедентом для соответствующего призыва к более терпимому отношению к прибывающим в Сибирь людям. Некто Прокопий в корреспонденции газеты «Народная Сибирь» в январе 1919 г. сообщал о столкновении беженцев из Петроградской и других губерний с жителями Ояшинской волости. Последние «выбрасывали» беженских детей из школы, так как их родители не могли платить за содержание учебного заведения. Подчеркивая, что «на несчастьи ближнего нельзя строить собственного благополучия», автор вставал на сторону беженцев,

«которые проедают последние гроши и в недалеком будущем должны будут существовать всецело на счет общественной благотворительности», и считал что «не стоит к одному несчастью прибавлять другое» [44].

Образ беженцев как объекта попечения государства и общества активно эксплуатировался как в правительственной и кадетской печати, так и в оппозиционной социалистической в рамках попыток пробудить гражданское самосознание и чувство долга среди сибиряков. Модель поведения сознательного гражданина, к которому обращались журналисты, предполагала проявление милосердия к пострадавшим согражданам и поддержку государственных или общественных инициатив подобного рода. При этом своеобразными рычагами воздействия на обывателей выступали эмоции, апеллирующие к совести, моральным устоям, религиозным ценностям, национальной, региональной или иной идентичности.

Образ беженцев и идея патриотизма. Актуализация образа беженцев для воспитания гражданского чувства среди обывателей предполагала не только поощрение милосердия, но и призывы к активному участию в борьбе с большевиками путем материальной поддержки армии или вступления в ее ряды, что в большей степени было характерно для изданий, подерживавших правительство адмирала А.В. Колчака.

Летом 1919 г. на фоне неудач войск Омского режима на фронте в прессе развернулась критика тыла и его «героев». Беженцы при этом представляли в привычной роли пострадавших и нуждавшихся в защите людей и служили своего рода укором для тыловых обывателей, забывших об армии. «Равным образом мы давали позорную кличку изменников не только тем, кто бежал с поля битвы, убоявшись увечий и смерти, но в одинаковой мере и тем, кто своим бездействием, нерадивым отношением к гражданскому долгу, а тем более преступной деятельностью в тылу разрушал созидательную работу наших армий», – говорилось в передовой статье газеты «Народный вестник». Именно на тех, кто забыл свой гражданский долг, редакция возлагала ответственность, и за неудачи военных, и «за те невзгоды, которые перенесли и несут тысячи беженцев» [45]. Инициатива беженцев Поволжья и Приуралья, которые в ходе встречи с А.В. Колчаком выразили готовность вступить добровольцами в армию [46], широко освещалась прессой и послужила поводом к появлению соответствующих по тональности статей. Автор новониколаевской «Русской речи» М. Стоговский (М.Н. Ананьев), ставя в пример беженцев, идущих на фронт, обращался к сибирякам с укором и призывом поступить также, «именно потому, что они бездомные беженцы уже все потеряли, а вы еще только рискуете потерять» [47].

В ходе критики тыла образ беженцев мог приобретать и иные характеристики, фигурируя на страницах периодики в негативном контексте. Беженцы могли не противопоставляться трусам и предателям, а ставиться с ними в один нелюбимый ряд. Тон задавал приказ А.В. Колчака от 25 июля 1919 г. о борьбе со слухами и пресечении деятельности большевиков. «Появились отвратительные явления беженства здоровых

и сильных физически людей, неспособных с оружием в руках отстаивать даже себя и свое достоинство, и уклонения под разными предлогами от величайшего долга перед родиной – военной службы», – обрисовывал положение в тылу Верховной Правитель, обрушиваясь при этом с критикой на паникеров [48]. Вторил А.В. Колчаку и управляющий Министерством внутренних дел В.Н. Пепеляев, по словам которого, «все как-то привыкли видеть в явлении беженства нечто положительное; человек не мирится с надвиганием большевиков и уходит». Однако, полагал министр, мужчинам способным носить оружие в сложившейся обстановке, «стыдно называть себя беженцем и думать, что, назвав себя так, он этим определит свое отношение к государству» [49]. Постоянный автор «Сибирской жизни» профессор И.И. Аносов напрямую связывал распространение панических слухов с присутствием в городах массы не занятых трудом беженцев-мужчин. В качестве меры пресечения автор предлагал минимизировать число «лишних людей» путем их отправки на работу или в армию: «...кто не может себе найти работу, тот должен выйти из состояния безделья хотя бы принудительно, “но найти самого себя”» [50].

Многогранность образа беженца, выражавшаяся в диапазоне от «пострадавшего» до «трусливого паникера», демонстрирует избирательность подходов идеологов антибольшевистских сил при его использовании в рамках пропагандистской деятельности. Решение одной проблемы белые пытались осуществить несколькими путями. Попытки пробуждения у обывателей чувства патриотизма предполагали одновременно демонстрацию объекта защиты (пострадавшие беженцы), ссылку на поощряемый «правильный», с точки зрения власти, алгоритм поведения (беженцы-добровольцы) и порицание «неправильного» (беженцы-мужчины, бездельничавшие в тылу).

Подводя итоги, отметим следующее. Отсутствие проработанной идеологии на уровне теоретической концепции заставляло сменявшиеся антибольшевистские правительства и их сторонников конструировать свою идеологию на ходу, в виде метанарратива, разбросанного по множеству текстов. Данный нарратив был соткан из ряда взаимосвязанных идеологем, содер-

жание которых перекрестно определяло друг друга. Занимая свое место среди образов «своих» и «чужих», образ беженцев активно использовался антибольшевистскими силами в ходе формулирования и дальнейшей презентации некоторых важных для них идей. Проблема беженства касалась всех сфер повседневности Белой Сибири периода Гражданской войны, что обуславливало множественность контекстов ее презентации, в результате чего читатель сибирской прессы сталкивался с многомерным образом беженцев, причем в связке с наиболее актуальными для него вопросами – о жилье, снабжении, безопасности и т.п.

Фокусировка внимания аудитории на той или иной составляющей этого многомерного образа позволяла актуализировать и за счет связности всех элементов идеологического нарратива детализировать те или иные составляющие его идеологемы. Напоминание о страдающих беженцах, адресованное сибирскому обывателю, одновременно могло использоваться для конструирования реалистичного образа врага и подталкивать к исполнению гражданского долга путем проявления заботы и милосердия. Независимо от содержательного наполнения, оценочных характеристик или контекста применения образ беженцев встраивался в ценностную систему антибольшевистского движения, одними из ключевых элементов которой были идеи нации – как сообщества граждан-патриотов, и армии – как опоры государства. Выявление взаимосвязей образа беженцев показывает, что антибольшевистские журналисты и идеологи использовали все доступные им приемы для конкретизации, истолкования и распространения данных идеологем с помощью печатного слова.

В рамках трансляции образа беженцев косвенно осуществлялось формирование определенного образа территории. Томская губерния, служившая прибежищем или перевалочным пунктом для эвакуировавшихся с Поволжья и Урала, выступала в роли «места спасения», что соответствовало в целом исторически сложившемуся образу Сибири. С другой стороны, прибытие большого количества вынужденных переселенцев, требовавшее серьезной работы по их устройству, способствовало актуализации другого устоявшегося образа Сибири как региона, требующего освоения и обустройства.

Список источников

1. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.). Екатеринбург ; Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 493 с.
2. Рынков В.М. Сибирский бег: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.
3. Зырянов П.Н. Омская эвакуация и конец белой власти в Сибири // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 119–139.
4. Звягин С.П. Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. Томск, 2008. С. 112–116.
5. Рыженко В.Г. Беженцы периода гражданской войны (к вопросу об использовании материалов центральных архивов) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2002. С. 23–26.
6. Суржикова Н.В. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны в России в 1918–1922 годах // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2022. С. 158–170.
7. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : НТЛ, 2004. 439, [1] с.
8. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М. : Кучково поле, 2022. 1040 с.: 32 л. ил.
9. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / науч. ред. В.П. Зиновьев, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 280, [4] с.
10. Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период Революции и Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 59–79.

11. Косых Е.Н., Фоминых С.Ф. Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.): указатель газет и журналов. Томск, 1991. 54 с.
12. Переселенческое движение // Голос народа. Томск. 1918. 22 июня.
13. По губернии // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 22 августа.
14. Муниципальная жизнь // Голос народа. Томск. 1918. 4 августа.
15. Новая угроза женским курсам // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 11 октября.
16. Дровяные дела // Родина. Томск. 1919. 20 октября.
17. Вести из Томска // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1918. 6 декабря.
18. За неделю. Беженцы // Томский кооператор. Томск. 1919. № 29. 26 июля. 32 с.
19. Письма в редакцию // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1919. 3 января.
20. С.П. Вести с мест. Новониколаевск // Народная газета. Томск. 1918. 23 (10) июня.
21. Государственное призрение беженцев // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 10 июля.
22. Б.Ш.В. Заботы Правительства о беженцах-рабочих // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 12 августа.
23. К оказанию помощи беженцам // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 4 августа.
24. В комитетах помощи армии // Народный вестник. Томск. 1919. 15 сентября.
25. К устройству наших военнопленных // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1918. 31 декабря.
26. Помощь американского красного креста // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 21 декабря.
27. Устройство беженцев // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 10 сентября.
28. Аносов [И.И.] К уплотнению квартир // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 5 августа.
29. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин: Общество Возрождения, 1921. Ч. 2. 609 с.
30. Делегация // Звено. Мариинск. 1919. 19 февраля.
31. Среди пермских беженцев // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 7 сентября.
32. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. докл. / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.
33. Вечер казанских студентов-беженцев // Голос народа. Томск. 1918. 10 ноября.
34. К устройству педагогических курсов // Наша газета. Томск. 1919. 15 ноября.
35. Ижевце. Очередное комиссарское зверство // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 25 июля.
36. Живая агитация // Народный вестник. Томск. 1919. 21 июля.
37. Румянцев Н. Почему бегут от большевиков // Народный вестник. Томск. 1919. 22 сентября.
38. Грондейс Л. Война в России и Сибири. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 455 с.
39. Ко всем гражданам г. Томска // Голос народа. Томск. 1918. 24 октября.
40. Корнет кн. Ухтомский. Горькое Рождество! // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 7 января (25 декабря).
41. Воззвание // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 1 января.
42. Возвращение русских пленных на Родину // Вестник Томской губернии. Томск. 1918. 16 декабря.
43. Помогите беженцам! // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 19 июля.
44. Прохожий. Ояш // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1919. 21 января.
45. Герои тыла // Народный вестник. Томск. 1919. 18 (5) августа.
46. Верховный правитель на собрании беженцев в Омске // Русская речь. Новониколаевск. 1919. 2 сентября.
47. Стоговский Мих. К сибирякам // Русская речь. Новониколаевск. 1919. 3 сентября.
48. Приказ // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 30 июля.
49. Беседа с Управляющим Мин. Внутренних дел // Народный вестник. Томск. 8 сентября (26 августа).
50. Аносов [И.И.] «Мужчины» // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 9 августа.

References

1. Surzhikova, N.V., Mikhalev, N.A. & P'yankov, S.A. (2021) *Rossiyskoe bezhenstvo: tsentry i periferii, protsessy i struktury, individy i massy (1914–1922 gg.)* [Russian refugee: centers and peripheries, processes and structures, individuals and masses (1914–1922)]. Yekaterinburg; Chelyabinsk: SUSU.
2. Rynkov, V.M. (2014) *Sibirskiy beg: vyzhizhennyye migratsii na vostokey Rossii v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1922 gg.)* [Siberian run: forced migrations in the east of Russia during the Civil War (1918–1922)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 9. pp. 101–115.
3. Zyryanov, P.N. (1998) *Omskaya evakuatsiya i konets beloy vlasti v Sibiri* [Omsk evacuation and the end of white power in Siberia]. In: *Problemy politicheskoy i ekonomicheskoy istorii Rossii* [Problems of political and economic history of Russia]. Moscow. pp. 119–139.
4. Zvyagin, S.P. (2008) *Bezhenstvy v sibirskikh gorodakh (1918–1919 gg.)* [Refugees in Siberian cities (1918–1919)]. In: *Khozyaystvennoye i kul'turnoye osvoeniye Urala i Sibiri v XIX–XX vv.* [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th–20th centuries]. Tomsk. pp. 112–116.
5. Ryzhenko, V.G. (2002) [Refugees of the Civil War period (on using materials from the central archives)]. *Chelovek i voyna. XX vek: problemy izucheniya i prepodavaniya v kursakh otechestvennoy istorii* [Man and War. 20th century: problems of studying and teaching in courses of national history]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 23–26. (In Russian).
6. Surzhikova, N.V. (2022) *Voenno-plennyye i bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii v 1918–1922 godakh* [Prisoners of war and refugees of the First World War in Russia in 1918–1922]. In: *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskiye posledstviya, uroki dlya sovremenosti* [Civil War in Russia: problems of exit, historical consequences, lessons for the present: a collection of scientific works]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 158–170.
7. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: a brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
8. Rynkov, V.M. (2022) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv na vostokey Rossii: ideologiya, zakonodatel'stvo, praktika (iyun' 1918 – oktyabr' 1922)* [Social policy of anti-Bolshevik governments in eastern Russia: ideology, legislation, practice (June 1918 - October 1922)]. Moscow: Kuchkovo pole.
9. Dmitrienko, N.M. (2000) *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX – pervoy treti XX veka: upravleniye, ekonomika, naseleniye* [Siberian city of Tomsk in the 19th – first third of the 20th century: management, economics, population]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Sheremet'eva, D.L. (2012) *Dinamika chislennosti gazetnoy pressy Sibiri v period Revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Dynamics of the number of newspaper press in Siberia during the Revolution and Civil War]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX v.* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 3. Novosibirsk. pp. 59–79.

11. Kosykh, E.N. & Fominykh, S.F. (1991) *Periodicheskaya pechat' Sibiri v gody grazhdanskoy voyny (konets maya 1918 – dekabr' 1919 gg.): ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical press of Siberia during the Civil War (end of May 1918 – December 1919): index of newspapers and magazines]. Tomsk.
12. Golos naroda. (1918) Pereselencheskoe dvizhenie [Resettlement movement]. *Golos naroda*. Tomsk. 22 June.
13. Vestnik Tomskoy gubernii. (1919) Po gubernii [On the province]. *Vestnik Tomskoy gubernii*. Tomsk. 22 August.
14. Golos naroda. (1918) Munitsipal'naya zhizn' [Municipal life]. *Golos naroda*. Tomsk. 4 August.
15. Sibirskaya zhizn'. (1919) Novaya ugroza zhenskimi kursami [New threat to women's courses]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 11 October.
16. Rodina. (1919) Drovnyanye dela [Woodworking]. *Rodina*. Tomsk. 20 October.
17. Narodnaya Sibir'. (1918) Vesti iz Tomsk [News from Tomsk]. *Narodnaya Sibir'*. Novonikolaevsk. 6 December.
18. Tomskiy kooperator. (1919) Za nedelyu. Bezhtentsev [During the week. Refugees]. *Tomskiy kooperator*. Tomsk. 29. 26 July.
19. Narodnaya Sibir'. (1919) Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor]. *Narodnaya Sibir'*. Novonikolaevsk. 3 January.
20. S.P. (1918) Vesti s mest. Novonikolaevsk [News from the field. Novonikolaevsk]. *Narodnaya gazeta*. Tomsk. 23 (10) June.
21. Voennye vedomosti. (1919) Gosudarstvennoe prizrenie bezhtentsev [State charity for refugees]. *Voennye vedomosti*. Novonikolaevsk. 10 July.
22. B.Sh.V. (1919) Zabyty Pravitel'stva o bezhtentsakh-rabochikh [Concerns of the Government about refugee workers]. *Nadezhda Rossii*. Novonikolaevsk. 12 August.
23. Vestnik Tomskoy gubernii. (1919) K okazaniyu pomoshchi bezhtentsam [On providing assistance to refugees]. *Vestnik Tomskoy gubernii*. Tomsk. 4 August.
24. Narodnyy vestnik. (1919) V komitetakh pomoshchi armii [In army assistance committees]. *Narodnyy vestnik*. Tomsk. 15 September.
25. Narodnaya Sibir'. (1918) K ustroystvu nashikh voennoplennykh [On the provision of our prisoners of war]. *Narodnaya Sibir'*. Novonikolaevsk. 31 December.
26. Voennye vedomosti. (1918) Pomoshch' amerikanskogo krasnogo kresta [Help from the American Red Cross]. *Voennye vedomosti*. Novonikolaevsk. 21 December.
27. Sibirskaya zhizn'. (1919) Ustroystvo bezhtentsev [Accommodation for refugees]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 10 September.
28. Anosov, I.I. (1919) K uplotneniyu kvartir [Towards densification of apartments]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 5 August.
29. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства)* [Siberia, allies, and Kolchak. Turning point in Russian history of 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Part 2. Beijing: Obshchestvo Vozrozhdeniya.
30. Zveno. (1919) Delegatsiya [Delegation]. *Zveno*. Mariinsk. 19 February.
31. Sibirskaya zhizn'. (1919) Sredi permskikh bezhtentsev [Among Perm refugees]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 7 September.
32. Zhuravlev, V.V. (ed.) (2012) *Privetstvennyye poslaniya Verkhovnomu Pravitelyu i Verkhovnomu Glavnomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.: sb. dok.* [Greeting messages to the Supreme Ruler and Supreme Commander-in-Chief Admiral A.V. Kolchak. November 1918 – November 1919: documents]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
33. Golos naroda. (1918) Vecher kazanskikh studentov-bezhtentsev [A night of Kazan refugee students]. *Golos naroda*. Tomsk. 10 November.
34. Nasha gazeta. (1919) K ustroystvu pedagogicheskikh kursov [To the organization of pedagogical courses]. *Nasha gazeta*. Tomsk. 15 November.
35. Izhevets. (1919) Ocherednoe komissarskoe zverstvo [Another commissar atrocity]. *Nadezhda Rossii*. Novonikolaevsk. 25 July.
36. Narodnyy vestnik. (1919) Zhivaya agitatsiya [Live propaganda]. *Narodnyy vestnik*. 1919. 21 July.
37. Rumyantsev, N. (1919) Pochemu begut ot bol'shevikov [Why they are fleeing from the Bolsheviks]. *Narodnyy vestnik*. Tomsk. 22 September.
38. Grondeys, L. (2018) *Voyna v Rossii i Sibiri* [War in Russia and Siberia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
39. Golos naroda. (1918) Ko vsem grazhdanam g. Tomsk [To all citizens of Tomsk]. *Golos naroda*. 1918. 24 October.
40. Cornet Prince Ukhtomsky. (1919) Gor'koe Rozhdestvo! [Bitter Christmas!]. *Voennye vedomosti*. Novonikolaevsk. 7 January (25 December).
41. Vestnik Tomskoy gubernii. (1919) Vozzvanie [Appeal]. *Vestnik Tomskoy gubernii*. Tomsk. 1 January.
42. Vestnik Tomskoy gubernii. (1918) Vozvrashchenie russkikh plennykh na Rodinu [Return of Russian prisoners to their homeland]. *Vestnik Tomskoy gubernii*. Tomsk. 16 December.
43. Nadezhda Rossii. (1919) Pomogite bezhtentsam! [Help refugees!]. *Nadezhda Rossii*. Novonikolaevsk. 19 July.
44. Prokhozhiy [Passerby]. (1919) Oyash. *Narodnaya Sibir'*. Novonikolaevsk. 21 January. (In Russian).
45. Narodnyy vestnik. (1919) Geroi tyla [Heroes of the Home Front]. *Narodnyy vestnik*. Tomsk. 18 (5) August.
46. Russkaya rech'. (1919) Verkhovnyy pravitel' na sobranii bezhtentsev v Omske [Supreme ruler at a meeting of refugees in Omsk]. *Russkaya rech'*. Novonikolaevsk. 2 September.
47. Stogovskiy, Mikh. (1919) K sibir'yakam [To the Siberians]. *Russkaya rech'*. Novonikolaevsk. 3 September.
48. Vestnik Tomskoy gubernii. (1919) Prikaz [Order]. *Vestnik Tomskoy gubernii*. Tomsk. 30 July.
49. Narodnyy vestnik. (c. 1919) Beseda s Upravlyayushchim Min. Vnutrennikh del [Conversation with the Manager of the Ministry of Internal Affairs]. *Narodnyy vestnik*. Tomsk. 8 September (26 August).
50. Anosov, [I.I.] (1919) "Muzhchiny" ["Men"]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 9 August.

Информация об авторе:

Конев К.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), senior lecturer; head of the Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 903.21, 903.04
doi: 10.17223/15617793/497/11

Прядение у населения раннего железного века Томского Приобья: функциональный анализ пряслиц

Асип Алексеевич Идимешев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
asap.i@mail.ru*

Аннотация. Исследуется прядение у населения раннего железного века Томского Приобья с использованием функционального анализа пряслиц. Выделены три функциональные группы орудий, соответствующие используемому для изготовления нитей сырью. Выявлено, что текстильное производство имело организацию на уровне домашних хозяйств без централизованного контроля. Отмечено изменение некоторых особенностей текстильного производства в связи с миграцией населения кулайской КИО в Томское Приобье, в сравнении со шеломокской (кижировской) культурой.

Ключевые слова: пряслица, ранний железный век, Томское Приобье, шеломокская (кижировская) культура, кулайская культурно-историческая общность

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Идимешев А.А. Прядение у населения раннего железного века Томского Приобья: функциональный анализ пряслиц // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 108–116. doi: 10.17223/15617793/497/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/11

Spinning among the Early Iron Age population of the Tomsk Ob region: A functional analysis of spindle whorls

Asap A. Idimeshev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, asap.i@mail.ru*

Abstract. The Early Iron Age of the Tomsk Ob region is associated with the existence of the Shelomok (Kizhirov) culture (7th–3rd centuries BC), part of the Scythian-Siberian world, and the Kulai cultural and historical community, whose population migrated from the north at the end of the 4th century BC and existed in this region until the 4th century AD. The aim of the study is to identify the specific features of one of the main stages of textile production – the production of threads. This is especially relevant due to the current lack of other evidence of textile production for the Early Iron Age of the Tomsk Ob region. It is also important to compare the level of production among the Shelomok (Kizhirov) and Kulai populations. This article analyzes 61 whorls from the following archaeological sites: the settlements of Shelomok I, Shelomok II, Kizhirovo II, Samus I, Polovinka-I, the fortified settlements of Timiryazovo III, Kireevskoye III, Nagorny Ishtan II, Ryuzakovo (Dukhovoye), Murashka, Kashtakovskoye I, Shelomok I burial mound. The spindle whorls are made of ceramics, stone, and bone. The moment of inertia is used as the main characteristic for the functional analysis of the spindle whorls; it is this parameter that determines the torsional force, speed, and stability of rotation. The moment of inertia is characterized by the distribution of mass about the axis of rotation; therefore, it depends on the shape, size, and weight of the product. The study was based on the methodology developed by Thania Ibarra and her co-authors. It involves calculating the moment of inertia of spindle whorls based on three-dimensional digital models created via Autodesk AutoCAD and Autodesk Inventor software. As a result of the analysis, three functional groups were identified that correspond to certain raw materials used for the manufacture of threads. The group with low moment of inertia values was used for processing high quality wool with good preparation; the group with average values for processing lower quality wool with poor preparation; the group with high values for processing plant materials (nettle, hemp). For the Shelomok (Kizhirov) culture, the most common group is the middle group (the use of wool in spinning), for the Kulai cultural and historical group, the group with high values is the most common one (the use of plant fibers in spinning). In general, in the Early Iron Age of the Tomsk Ob region, textile production was organized at the household level without any centralized control.

Keywords: spindle whorl, Early Iron Age, Tomsk Ob region, Shelomok (Kizhirov) culture, Kulai cultural and historical community

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Idimeshev, A.A. (2023) Spinning among the Early Iron Age population of the Tomsk Ob region: A functional analysis of spindle whorls. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 108–116. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/11

Введение

Текстильное производство представляется одной из важнейших составляющих системы жизнеобеспечения, но дошедших до наших дней свидетельств о нем категорически мало. Пряслица – наиболее распространенная категория находок в памятниках эпохи раннего железа Западной Сибири, свидетельствующая об одном из этапов текстильного производства – изготовлении нитей. Однако определение функционального использования пряслиц остается значительной проблемой ввиду их простой формы [1, 2]. В настоящей работе пряслица интерпретируются как составная часть инструмента для прядения – веретена, которая служит для более стабильного вращения и повышения силы скручивания.

Пряслица из археологических памятников Западной Сибири нередко выступала в качестве объекта исследований, в которых рассматривались вопросы ее культурно-хронологической атрибуции, вариантов эксплуатации, сакрального значения и др. (см., например: [3–7]). Отдельно стоит обозначить исследования, в которых рассматривались функциональные характеристики пряслиц [8; 9. С. 59–60; 10; 11].

При изучении раннего железного века Томского Приобья выделяются два основных этапа. В VII–III вв. до н.э. указанная территория была занята носителями шелонокской (кижировской) культуры, являющейся частью скифо-сибирского мира. В конце IV в. до н.э. с северных территорий в Томское Приобье начинается процесс миграции населения кулайской КИО, которое занимало рассматриваемую территорию до IV в. н.э. [12. С. 188; 13; 14. С. 84]. Ранее сведения о пряслицах указанной эпохи и региона были подробно представлены Л.М. Плетневой [15], однако автором не были рассмотрены их функциональные характеристики.

Определение функциональных характеристик пряслиц позволит установить некоторые особенности

текстильного производства, в большей степени его прядильного этапа. Это особенно актуально ввиду отсутствия на данный момент других свидетельств изготовления нитей и тканей для раннего железного века Томского Приобья. Кроме этого, будет возможно установить характер изменения традиции прядения в регионе при смене шелонокского населения кулайским в результате миграции.

Источниковая база

В настоящей работе анализируются уже опубликованные и неопубликованные описания пряслица из комплексов раннего железного века Томского Приобья. В выборку были включены материалы следующих памятников: ПП-I, ПШ-II, ПКиж-II [15], ГКир-III [16, 17], ПС-I [18. С. 99], ГНИ-II, ГР, ГМ [13, 19], ГКаш-I [20; 21. С. 228–229], ПП-I [22], КМШ-I [23]. Общее количество обнаруженных в перечисленных комплексах пряслиц – 64 (заготовки не рассматриваются), но с учетом того, что степень сохранности 3 предметов не позволяет корректно определить их функциональные характеристики, они не были включены в выборку. Таким образом, функциональному анализу было подвержено 61 изделие: 35 изготовлены из камня, 7 – из кости, 19 – из керамики (одно из которых выполнено из фрагмента сосуда) (таблица). Сравнительно небольшое количество пряслиц, вероятнее всего, связано с тем, что значительная их часть, как и веретена, были изготовлены из органических материалов (дерево, кость и др.) и не сохранились в процессе археологизации. Использование для изготовления пряслиц дерева и другого органического сырья было широко распространено по всему миру, о чем свидетельствуют этнографические и археологические данные (см., например: [24. С. 84–93; 25. Р. 45–48; 26. Р. 99; 27. Р. 33].

Пряслица раннего железного века Томского Приобья

Памятник	Номер коллекции	Материал	Диаметр изделия, см	Диаметр отверстия, см	Высота, макс., см	Вес целого изделия, г	Момент инерции, г/см ²
ПС-I	МАЭС ТГУ 6730-224	Камень	3,57–3,83	0,44	0,33	9,40	17,184
ПШ-I	МАЭС ТГУ 6840-155	Камень	6,54–6,84	0,83	1,29	71,40	378,754
ПШ-I	МАЭС ТГУ 6840-740	Камень	3,23–3,37	0,60–1,12	1,25	20,70	29,849
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-4437	Глина	5,44–5,76	0,88	1,37	50,21	187,504
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-4449	Камень	2,64–3,14	0,55	0,56	5,43	5,163
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-7501	Камень	3,73	0,55	0,41	8,86	15,108
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-8996	Глина	5,72–5,84	0,80	1,41	58,04	249,873
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-9071	Глина	5,28–5,41	0,60	1,35	52,27	173,412
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-11245	Камень	4,10–4,33	0,51	0,44	9,34	20,727
ПШ-I	МАЭС ТГУ 7005-12667	Глина	2,27–2,31	0,41	0,83	5,00	3,227
ПШ-II	МАЭС ТГУ 7107-1717	Камень	5,36–5,64	0,64	0,58	27,90	117,629
ПШ-II	МАЭС ТГУ 7107-3146	Кость	3,50–3,72	0,62	1,58	11,25	17,120
ПШ-II	МАЭС ТГУ 7107-3686	Кость	4,61	0,59	1,89	13,81	28,731
ПШ-II	МГС 5642-548	Камень	3,97–4,12	0,50	0,50	16,16	34,512
ПШ-II	МГС 5642-641	Камень	2,79–3,20	0,49	0,60	13,27	19,584
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-992	Глина	5,20–5,38	0,89	2,02	51,07	154,371

Памятник	Номер коллекции	Материал	Диаметр изделия, см	Диаметр отверстия, см	Высота, макс., см	Вес целого изделия, г	Момент инерции, г/см ²
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-1750, 10281	Глина	5,65–5,80	0,88	2,57	84,04	318,845
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-3057	Глина	6,06–6,21	0,89	1,31	66,33	318,956
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-3795	Глина	3,96	0,7	1,86	23,51	33,001
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-4783	Глина	3,40–3,46	0,56	2,33	23,70	28,116
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-4802	Камень	6,45–6,63	0,80	0,95	71,37	378,062
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-10275	Камень	7,11–7,27	0,94	0,66	46,75	272,050
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-10277	Камень	4,34–4,45	0,46	0,63	46,75	37,420
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-10284	Глина	2,24–2,28	0,48	1,29	7,73	4,41
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-10330	Камень	3,33–3,65	0,34	0,47	9,03	12,904
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-11941	Глина	5,57	0,64	0,86	33,36	122,154
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-17830	Камень	3,60–3,73	0,48	0,52	9,09	15,657
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-20233	Глина	4,06–4,16	0,58	0,82	12,75	26,758
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-20733	Камень	5,00–5,60	0,63	0,85	32,34	110,377
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-21452	Глина (Сосуд)	3,79	0,38	0,91	14,341	20,095
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-23392	Глина	4,15–4,27	0,56	1,46	28,92	64,871
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-23393	Камень	5,83–6,10	0,81	0,56	27,89	133,451
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-23419	Глина	3,45–3,53	0,54	1,23	16,96	25,960
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-23530	Камень	4,92–5,05	0,67	0,50	19,53	63,403
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-Е6'-V	Камень	5,81–5,99	0,72	1,24	62,50	210,634
ПКиж-II	МАЭС ТГУ 6900-6/н	Глина	3,17–3,24	0,61	2,61	25,89	26,805
ПКиж-II	МГС 6146-29	Камень	6,33	0,66	0,76	24,00	100,448
ПП-I	МАЭС ТГУ 7910-881	Камень	4,50–4,53	0,53	0,67	18,63	40,975
ГНИ-II	МГС 7062-1455, 1671	Камень	6,21–6,36	0,95	1,06	59,90	251,927
ГМ	МГС 6931-1210	Керамика	4,24–4,44	1,05	3,54	56,18	109,777
ГР	МГС 6685-48	Камень	4,80	0,79	0,49	16,19	46,016
ГР	МГС 6685-647	Камень	4,46–4,79	0,93	0,38	13,54	34,508
ГКаш-I	ТОКМ 13396-298	Камень	2,87–2,92	0,51	0,33	6,00	7,312
ГКаш-I	ТОКМ 13868-37, 113	Камень	3,42–3,62	0,50	0,66	12,06	20,467
ГКаш-I	ТОКМ 13868-194	Камень	4,54	0,76	0,45	16,07	40,316
КМШ-I	ТОКМ б/н 120	Кость	3,96–4,01	1,16	1,50	10,00	17,789
КМШ-I	ТОКМ б/н 152	Кость	3,32–3,49	0,75	0,50	5,82	8,769
КМШ-I	ТОКМ б/н 154	Кость	3,19–3,73	0,49	0,78	7,93	11,645
КМШ-I	ТОКМ б/н 356	Кость	1,88–1,91	0,30	1,08	2,18	0,901
КМШ-I	ТОКМ б/н 406	Кость	6,81–7,18	0,82	0,56	25,70	152,823
КМШ-I	ТОКМ б/н ш 1 44	Камень	5,78–6,02	0,87	0,76	30,34	124,409
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-65	Камень	3,37–3,49	0,59	2,08	22,13	26,274
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-126	Керамика	4,51–4,68	0,54–0,73	2,02	34,33	80,111
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-217	Камень	3,18–3,27	0,69	0,65	7,47	10,231
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-289	Камень	6,35–6,69	0,93	1,42	69,55	296,330
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-307	Камень	4,11–4,53	0,72	1,22	35,49	81,032
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-312	Камень	4,66–4,74	0,78	1,10	32,34	86,755
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-907	Камень	5,71–5,83	0,73–0,82	1,42	59,91	207,694
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-1412	Камень	3,30–3,42	0,41	0,54	8,29	10,878
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-1431	Керамика	6,81–7,18	0,88–1,05	2,09	75,25	436,613
ГКир-III	КАИК ФИПН ТГУ ГКир-III-б/н	Камень	5,87–6,01	0,96	1,29	62,71	252,589

Методы

В качестве основной характеристики для функционального анализа пряслиц используется момент инерции. Именно этот параметр определяет силу скручивания, скорость и стабильность вращения. Момент инерции характеризуется распределением массы относительно оси вращения, следовательно, он зависит от формы, размера и веса изделия. Применение данного параметра для изучения функциональных характеристик пряслиц было предложено еще М. Парсонс [28], но его непосредственное использование в данном качестве началось несколько позже. В археологических исследованиях существуют различные методики определения момента инерции рассматриваемых изделий. Изначально исследователями использовались формулы для вычисления момента инерции идеальных твердых тел (см., например: [29–31]). Однако этот метод имеет значительный недостаток: в результате рас-

четов образуется большая погрешность, которая связана с разницей между формой идеального тела и настоящей формой пряслица.

К настоящему времени, наиболее достоверной для расчета момента инерции является методика, предложенная Т. Хмилевски и Л. Гардынски, которая основана на использовании торсионного маятника в комплексе со специально разработанными формулами [32]. Однако следует отметить, что и эта методика имеет свой недостаток – для ее применения необходимо прямое воздействие на изделие, что не всегда возможно, например, из-за степени сохранности. Кроме того, использование торсионного маятника для корректного расчета момента инерции возможно только для полностью целых пряслиц, что исключает из выборки большое количество фрагментированных артефактов.

Оптимальной для расчета момента инерции пряслиц является методика, разработанная Т.Е. Ибарра и

соавторами. Она основана на использовании трехмерных цифровых моделей предметов, созданных в программном обеспечении Autodesk AutoCAD на основании сечений изделий; Autodesk Inventor служит для произведения расчетов [33]. Данная методика позволяет учитывать форму (с некоторой погрешностью для ассиметричных изделий), массу, плотность и объем пряслиц, что необходимо для определения момента инерции. В настоящей работе для анализа фрагментированных предметов путем графической и цифровой реконструкции устанавливается степень их целостности (в %), после этого высчитывается масса целого изделия.

Отдельно стоит отметить, что при использовании данной методики существует дополнительная погрешность при расчетах момента инерции костяных изделий, так как в процессе археологизации они теряют часть своей изначальной массы в связи с разложением органических веществ.

В расчетах не учитывается момент инерции веретен (стержня, в большинстве случаев деревянного, на которое крепилось пряслице), так как нам неизвестны их параметры. Но это обстоятельство не вносит значительную погрешность в вычисления ввиду того, что их влияние на момент инерции, в сравнении с пряслицами, незначительно [31. Р. 265].

В шкале, используемой в графиках, применяется условное деление значений момента инерции на определенные диапазоны (см. рис. 1–3). Это связано с тем, что при изменении значений наиболее показательной является не прямая числовая разница, а соотношение. Используется шкала, основанная на коэффициенте, который равен 1,2. Такое значение определено А. Верхененом специально для выделения функциональных групп пряслиц с учетом относительной ошибки, возникающей при вычислениях [31. Р. 266–267].

Единицей измерения момента инерции в системе СИ является кг/м^2 , но исходя из того, что пряслица имеют достаточно малые значения, в археологии принято использовать г/см^2 [31. Р. 263; 33. Р. 1228].

Результаты исследований

На основании созданных трехмерных моделей по описанной методике были определены значения момента инерции для 61 пряслица из памятников эпохи раннего железа Томского Приобья. Стоит отметить, что большинство изделий имеют незначительно ассиметричную форму, что вносит некоторые различия между показаниями, вычисленными по моделям и реально существующими. Это утверждение справедливо и для фрагментированных предметов, так как в качестве основного критерия 3D реконструкции использовалась симметричная форма пряслиц. Однако данные погрешности принимаются как допустимые.

В результате распределения вычисленных данных по шкале, основанной на изменениях соотношений значений момента инерции, выделяются 3 основные группы, которые могут характеризоваться как функциональные (рис. 1):

- 1) группа с низкими значениями момента инерции (от 0,901 до 8,769 г/см^2) – 6 изделий;
- 2) группа со средними значениями момента инерции (от 10,231 до 64,871 г/см^2) – 29 изделий;
- 3) группа с высокими значениями момента инерции (от 80,111 до 436,613 г/см^2) – 26 изделий.

Крайние значения для группы с низким моментом инерции, а также начальное значение для средней группы представлены костяными пряслицами и могут иметь некоторую погрешность – во время эксплуатации данных изделий их момент инерции был выше, но установить, насколько он был выше, не представляется возможным.

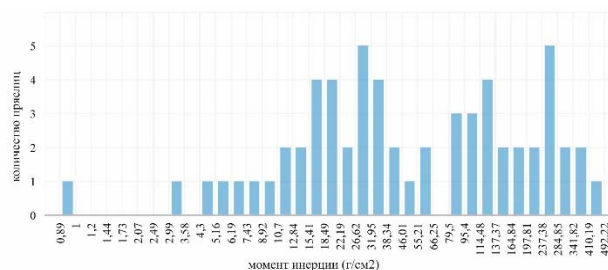

Рис. 1. Общее соотношение значений момента инерции пряслиц раннего железного века Томского Приобья

В археологической науке широко распространено мнение, что параметры пряслиц напрямую связаны с качеством изготавливаемых нитей (тонина, сила и равномерность скручивания, прочность и др.), используемым при прядении сырьем (разновидности волокон животного или растительного происхождения), техникой прядения [28; 34. Р. 142–143; 35. Р. 52; 36–38]. К подобным выводам склоняются и исследователи, рассматривающие в своих работах функциональные характеристики пряслиц Западной Сибири. В. Понырко, использующая в качестве функциональной характеристики значения запаса кинетической энергии пряслиц, выделила три группы, которые соотносятся с прядением шерсти, растительных волокон и ссучиванием нитей [8]. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский, соглашаясь с выводами В. Понырко, отмечают также зависимость параметров пряслиц от места и способа их крепления к веретену и используемой техники прядения [9. С. 59; 10]. М.А. Чемякина и Л.А. Мыльникова в качестве функциональных параметров используют массу и диаметр изделий, отмечая, что они влияют на качество получаемой нити, тип используемого сырья и производимую операцию (прядение с кудели, сучение-скручивание готовых нитей). Форму центрального отверстия и пряслиц в целом исследователи связывают со способом крепления на веретено [11].

Ряд исследователей указывают на определяющее влияние навыков и предпочтений прядильщиков на качество изготавливаемых нитей и выбор используемого для этого сырья (см., например: [30. Р. 121, 211, 229–240; 39. Р. 314–317; 40. Р. 80; 41. Р. 1065]). Данный тезис подкреплен большим количеством экспериментальных исследований, в которых принимали участие профессиональные прядильщики, в том числе и пред-

ставители культур, традиционно занимающиеся данным видом деятельности в течение нескольких поколений. Установлено, что взаимосвязь между характеристиками пряслиц и качеством нитей отсутствует. Опытный мастер может достаточно легко контролировать тонины и равномерность скручивания нити вне зависимости от параметров пряслиц. При этом, однако, отмечается некоторая взаимозависимость между функциональными параметрами пряслиц и используемыми в прядении волокнами. В некоторых случаях это связано с удобством работы, в других – с невозможностью использовать отдельные функциональные группы пряслиц для скручивания определенных видов волокон [31. Р. 263–269; 33. Р. 1228–1233; 42]. А. Верхекеном были рассчитаны значения момента инерции пряслиц, которые использовались различными исследователями для более чем 100 экспериментов по изготовлению нитей из овечьей и собачьей шерсти. Наибольшее количество показателей момента инерции распределилось на два диапазона: 1–10 и 40–90 г/см². Подобное распределение указывает на влияние не только используемого волокна, но и качества его подготовки к прядению. Низкие значения момента инерции связаны с обработкой хорошо подготовленной качественной шерсти, более высокие значения указывают на худшее качество сырья и его подготовку [31. С. 262, 268. Рис. 44.10]. Т.Е. Ибарра с соавторами проводились эксперименты с использованием в качестве сырья для прядения хлопка, шелка, шерсти кролика и определенного вида агавы (maguey). В результате было установлено, что для обработки сырья животного и растительного происхождения, состоящего из коротких и тонких волокон (хлопок, шелк, шерсть кролика), применимы пряслица из одной функциональной группы с показателями момента инерции от 0,896 до 48,985 г/см². Сырье, состоящее из более длинных и грубых волокон (агава), соотносится с другой функциональной группой пряслиц с показателями момента инерции от 41,355 до 311,549 г/см². Стоит принимать в расчет, что граница между группами довольно размытая. Также отмечается, что пряслица с высокими показателями момента инерции могут использоваться для обработки сырья, состоящего из коротких и тонких волокон, но только при опорной (supported) технике прядения, однако даже в этом случае существуют значительные для прядильщика неудобства. Пряслица с низкими показателями момента инерции, в свою очередь, непригодны для обработки сырья, состоящего из длинных и грубых волокон, так как они создают недостаточную силу скручивания. Авторы приходят к выводу, что функциональная группа с низкими показателями момента инерции более пригодна для опорной (supported) техники прядения, а группа с высокими показателями – для подвесной (бросовой) (drop-spinning) [33. Р. 1227–1228, 1232–1234].

Для сравнения результатов представленных исследований с материалами настоящей работы стоит уточнить, что в эпоху раннего железа для Западной Сибири кроме шерсти характерно и иное используемое в тек-

стильном производстве сырье. Т.Н. Глушковой отмечается, что в данный период в Томско-Нарымском Приобье для изготовления тканей помимо шерсти использовалось также и растительное сырье, представленное дикой коноплей (кендырь) и крапивой. Фиксируется наличие ссученных нитей. Шелковые ткани на территории Западной Сибири представляются как импортные, что исключает шелк из сырья, используемого для прядения [43. С. 12–13, 61, 72–74; 44]. Подобная сырьевая база выделяется и по материалам Верхнего Приобья [45. С. 68–69].

Если для шерстяного сырья имеются экспериментальные данные для сравнения, то для растительного, используемого в рассматриваемом регионе, их нет. Однако, учитывая свойства волокон крапивы и конопли, стоит принять, что для их использования в прядении требуется пряслица с более высокими значениями момента инерции, чем для шерсти. Отсутствуют также экспериментальные данные по ссучиванию нитей, но, вероятно, для подобной операции также требуются пряслица с высокими значениями момента инерции. Кроме этого, существует вероятность, что ссучивание осуществлялось ручным способом без использования веретена [43. С. 69].

Выделенные функциональные группы пряслиц из комплексов раннего железного века Томского Приобья могут иметь следующую интерпретацию:

- группа с низкими значениями момента инерции может характеризовать изделия, предназначенные для обработки шерсти высокого качества с хорошей подготовкой к процессу прядения. В качестве сырья могли использовать шерсть овец или коз, так как население шеломокской (кижировской) культуры имело комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства, в том числе мелкого рогатого скота [46. С. 46–47]; схожую ситуацию можно предположить и для томского варианта кулайской КИО [47. С. 166–167];

- изделия из группы со средними значениями момента инерции использовались для обработки шерсти худшего качества, в сравнении с предыдущей группой, или же сама подготовка сырья к прядению осуществлялась на низком уровне;

- высокие значения момента инерции пряслиц, вероятнее всего, указывают на использование растительного сырья для изготовления нитей, в качестве которого выступала конопля и крапива;

- для ссучивания нитей, предположительно, могли использоваться пряслица как с высокими, так и со средними показателями момента инерции, что зависело от тонины и количества скручиваемых нитей. Как указывалось ранее, существует вероятность того, что ссучивание производилось вручную.

Учитывая, что определяющую роль в выборе сырья и качестве изготавливаемой нити имеют навыки и предпочтения прядильщика, пряслица с пограничными значениями выделенных функциональных групп могут использоваться в качестве универсальных орудий, которыми могли обрабатывать различные виды волокон.

Вероятно, существует зависимость между функциональными параметрами пряслиц и используемыми техниками прядения, на что ранее указывали исследователи [10, 38]. Но недостаточное количество археологических источников и полное отсутствие письменных для рассматриваемой эпохи Томского Приобья, не позволяет установить это достоверно. Использование лишь археолого-этнографических параллелей явно недостаточно для решения данной проблемы, учитывая высокую культурную изменчивость в регионе в период от раннего железного века до этнографического времени. Использование определенной техники прядения является культурной и территориальной особенностью и не всегда связано с конкретными формами или функциональными группами пряслиц. Стоит отметить, что предпринимались попытки использования трасологических и функциональных данных для определения применяемых техник прядения для конкретных пряслиц [33. Р. 1232–1234; 48. Р. 174–179; 49], но для того чтобы выделить значимые критерии, требуется большая методическая разработка этого аспекта.

При сравнении материалов, из которых изготовлены пряслица разных функциональных групп, не фиксируется каких-либо закономерностей. Костяные, керамические и каменные изделия представлены во всех выделенных функциональных группах (рис. 2). Это может указывать на то, что материал для изготовления орудий имел второстепенную роль относительно их функциональных характеристик.

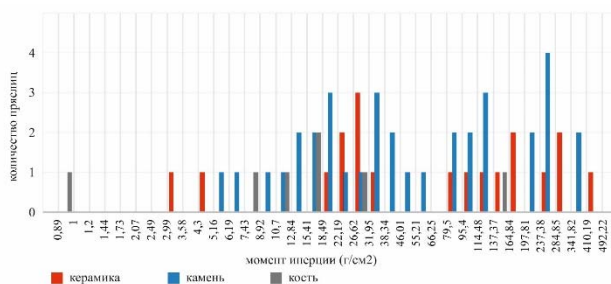

Рис. 2. Соотношение значений момента инерции пряслиц раннего железного века Томского Приобья в зависимости от материала изготовления

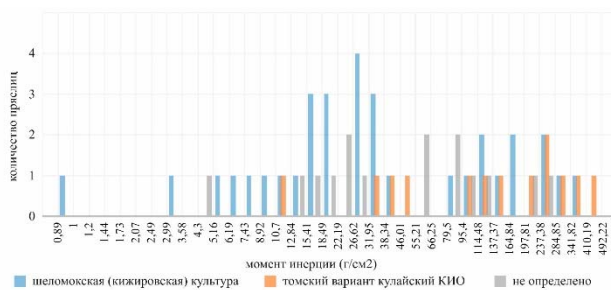

Рис. 3. Соотношение значений момента инерции пряслиц раннего железного века Томского Приобья в зависимости от культурной принадлежности

При анализе пряслиц также учитывалась их культурно-хронологическая принадлежность. 33 изделия

отнесены к шелонокской (кижировской) культуре, 13 – к томскому варианту кулайской КИО. 15 предметов не были отнесены к конкретным культурам, так как были обнаружены на многослойных памятниках и не имеют выраженных культурно диагностирующих признаков. Представленные в диаграмме результаты (см. рис. 3) указывают на то, что население шелонокской (кижировской) культуры в прядении использовало сырье как растительного, так и животного происхождения разной степени подготовки и качества. Отмечено некоторое преобладание шерсти. Для населения томского варианта кулайской КИО характерна схожая ситуация, но с преобладанием растительного сырья и, вероятно, в большинстве случаев использования шерсти более низкого качества и подготовки. Подобные заключения подтверждаются находками текстиля на сопредельных территориях как для кулайской КИО [43. С. 12–13, 72–74], так и для культур скифского круга [45. С. 68–69].

Выводы

Широкий диапазон значений в функциональных группах и их невыраженные границы, отсутствие закономерностей в использовании материалов для изготовления пряслиц свидетельствуют о неунифицированном характере производства текстильного оборудования. В свою очередь, это также указывает на отсутствие стандартизации процесса изготовления нитей, в том числе при выборе и подготовке сырья для прядения. Все это приводит к выводу о том, что в Томском Приобье в раннем железном веке текстильное производство имело организацию на уровне домашних хозяйств без централизованного контроля (использована модель, разработанная К.К. Кимбро [40. Р. 248–250]).

В связи с миграцией населения кулайской КИО в Томское Приобье несколько изменился характер текстильного производства по сравнению с предыдущим этапом. Для шелонокской культуры наиболее распространенным сырьем для изготовления нитей была шерсть различного качества и степени обработки, менее значимую роль играло растительное сырье, представленное, вероятно, крапивой и (или) коноплей. Носители кулайской КИО предпочитали использовать в текстильном производстве растительные волокна (вероятно, крапива и (или) конопля). Употребление шерсти стало менее популярным, снизилось ее качество и уровень обработки.

Более убедительные результаты можно получить при условии проведения экспериментальных исследований с использованием пряслиц с различными показателями момента инерции для изготовления нитей из крапивы, конопли и других видов возможного сырья, а также для ссучивания нитей с учетом их количества и тонины. Кроме этого, уточнить данные позволит большая выборка пряслиц раннего железного века Томского Приобья, но для этого требуются дополнительные полевые исследования.

Список сокращений

б/н – без номера; ГКаш-I – городище Каштаковское I (поселение Каштаковское I); ГКир-III – городище Киреевское III; ГМ – городище Мурашка; ГНИ-II – городище Нагорный Иштан II; ГР – городище Рюзаково (Духовое); КАИК ФИПН ТГУ – кафедра археологии и исторического краеведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; КИО – культурно-историческая общность; КМШ-I – курганный могильник Шеломок I; МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; МГС – Музей г. Северска; ПКиж-II – поселение Кижирова II (городище Кижирова); ПП-I – поселение Половинка-I; ПС-I – поселение Самусь I; ПШ-I – поселение Шеломок I (городище Шеломок); ПШ-II – поселение Шеломок II; ТОКМ – Томский областной краеведческий музей.

Список источников

1. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2005. С. 93–101.
2. Rusu A.A. Jetoane medievale din ceramică: utilități cu multiple dubii de interpretare // Analele Banatului, Serie nouă: Arheologie – istorie. 2016. Vol. XXIV. P. 337–378.
3. Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул : Барнаульский гос. пед. ун-т, 1999. С. 140–148.
4. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2000. С. 75–82.
5. Чиндина Л.А. Загадки Хроноса и Кикиморы // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков : материалы междунар. конфер. «XXII Дульзоновские чтения». Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2000. Т. 2. С. 268–274.
6. Берсенева Н.А., Берснев А.Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // I Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск : Академкнига, 2002. С. 221–222.
7. Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 100–105.
8. Понырко В. Прядение в I тысячелетии до н.э. по материалам лесостепного Приобья // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С. 34–35.
9. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
10. Бородавский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ Горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 9–12.
11. Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-I) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1995. С. 52–63.
12. Плетнева Л. М. Оружие шеломокской культуры // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-2 (84). С. 181–189.
13. Рыбаков Д.Ю. Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н.э. // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 132–160.
14. Рагимханова И.Ж. Предметы вооружения из курганного могильника Шеломок-I // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 2. С. 83–90.
15. Плетнева Л.М. Пряслица эпохи раннего железа из Томского Приобья // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2, № 4 (88). С. 146–155.
16. Чиндина Л.А., Панкратова Л.В. Археологические памятники в окрестностях поселка Киреевска // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 10–14.
17. Винниченко Е.П. К вопросу о функциях пряслиц городища Киреевское-3 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 176–177.
18. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
19. Рыбаков Д.Ю., Цурикова А.Ю. Городище Нагорный Иштан II (предварительные результаты раскопочных работ 2012 г.) // Труды Томского областного краеведческого музея. 2013. Т. 18. С. 201–211.
20. Марков П.А. Отчет о работах на Каштаковском поселении I. Отчет об археологических разведочных работах в районе деревни Каштаково и на поселении Каштаковском I в Кожвинковском районе Томской области в 1999 году // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 723. Л. 1–36.
21. Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 554 с.
22. Панкратова Л.В. Керамический комплекс поселения Половинка-I // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2011. Т. 4. С. 132–146.
23. Рагимханова И.Ж. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Шеломок-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. № 28. С. 307–312.
24. Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1955. Т. 16. С. 41–146.
25. Øye I. Textile equipment and its working environment: Bryggen in Bergen, c 1150–1500 // The Dryggen papers. Main series. 1988. Vol. 2. 152 p.
26. Shamir O. Textiles, basketry and cordage from En Rahel // Atiqot. 1999. Vol. 38. P. 91–123.
27. Peyronel L. Spinning and Weaving at Tell Mardikh-Ebla (Syria): Some Observations Spindle-Whorls and Loom-Weights from the Bronze and Iron Age // Ancient textiles series. Production, crafts and society. 2007. Vol. 1. P. 26–35.
28. Parsons M.H. Spindles whorls from the Teotihuacan Valley, Mexico // Miscellaneous studies in Mexican prehistory. Anthropological papers (University of Michigan. Museum of Anthropology). 1972. Vol. 45. P. 45–79.
29. Loughran-Delahunt I. A functional analysis of Northwest Coast spindle whorls : dis. ... Master of Arts. Washington : Western Washington University, 1996. 117 p.
30. Fauman-Fichman R. Postclassic craft production in Morelos, Mexico: the cotton thread industry in the provinces : dis. ... doctor of Philosophy. Pittsburgh : University of Pittsburgh, 1999. 353 p.
31. Verheeken A. The moment of inertia: a parameter for the functional classification of worldwide spindle-whorls from all periods // Ancient textiles series: North European Symposium for Archaeological Textiles X. 2010. Vol. 5. P. 257–270.
32. Chmielewski T., Gardynski L. New frames of archaeometrical description of spindle whorls: a case study of the Late Eneolithic spindle whorls from the IC site in Gródek, district of Hrubieszów, Poland // Archaeometry. 2010. Vol. 52, № 5. P. 869–881.
33. Ibarra T.E., López Corral A., Santacruz Cano R. The Artisan and the Tool: A Technological-Functional Analysis of Tlaxcallan Spindle Whorls // Archaeometry. 2018. Vol. 60, № 6. P. 1221–1236.
34. Castro Cured Z. Fusayolas ibéricas, antecedentes y empleo // Cypsela: revista de prehistòria i protohistòria. 1980. № 3. P. 127–146.
35. Barber E.J.W. Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze Ages with special reference to the Aegean. Princeton : Princeton University Press, 1991. 471 p.
36. Andersson E. The Common Thread, Textile Production during the Late Iron Age and Viking Age // University of Lund Institute Archaeology report series. 1999. № 67. 53 p.
37. McCafferty S.D., McCafferty G.G. Textile Production in Postclassic Cholula, Mexico // Ancient Mesoamerica. 2000. Vol. 11, № 1. P. 39–54.

38. Grömer K. Aussagemöglichkeiten zur Tätigkeit des Spinnens aufgrund archäologischer Funde und Experimente // *Archaeologia Austriaca. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas*. 2004. Vol. 88. P. 169–182.
39. Parsons J.R., Parsons M.H. Maguey utilization in highland central Mexico: an archaeological ethnography // *Archaeological Ethnography (Anthropological Papers Series)*. 1990. Vol. 82. 406 p.
40. Kimbrough C.K. Spindle Whorls, ethnoarchaeology, and the study of textile production in third millennium BCE Northern Mesopotamia: a methodological approach : дис. ... доктор философии. New York : New York University, 2006. 422 p.
41. Cossich Vielman M. Haciendo hilo, creando historia: Análisis de los malacates de la Costa Sur y del sureste de Petén // *En XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas*. Guatemala : Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2009. P. 1062–1077.
42. Kania K. Soft yarns, hard facts? Evaluating the results of a large-scale hand-spinning experiment // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2015. Vol. 7, № 1. P. 113–130.
43. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут : Сургут. гос. пед. ун-т, 2002. 206 с.
44. Глушкова Т.Н. Ткачество в системе жизнеобеспечения общества Западной Сибири в древности по археологическим и этнографическим источникам // *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 135–136.
45. Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Барнаул : Алтай. гос. пед. ун-т, 2022. 374 с.
46. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III тыс. до н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 142 с.
47. Рыбаков Д.Ю. Томское Приобье в конце IV/III вв. до н.э. – IV в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. Т. 1. 239 с.
48. Forte V., Lemerini C. Traceological analysis applied to textile implements: An assessment of the method through the case study of the 1st millennium BCE ceramic tools in central Italy // *Oigini: prehistory and protohistory of ancient civilizations*. 2017. Vol. 40. P. 165–182.
49. Forte V., Coletti F., Ciccarelli E., Lemerini C. The Contribution of Experimental Archaeology in Addressing the Analysis of Residues on Spindle Whorls // *EXARC Journal*. 2019. № 4. URL: <https://exarc.net/ark:/88735/10456> (дата обращения: 20.09.2023).

References

1. Serikov, Yu.B. (2005) K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits [On the sacred and functional purpose of the so-called spindle whorls]. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Fedorovicha Geninga)* [Archeology of the Urals and Western Siberia (To the 80th anniversary of the birth of Vladimir Fedorovich Gening)]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 93–101.
2. Rusu, A.A. (2016) Jetoane medievale din ceramica: utilități cu multiple dubii de interpretare. *Analele Banatului, Serie nouă: Arheologie – istorie*. XXIV. pp. 337–378.
3. Telegin, A.N. (1999) Opyt ispol'zovaniya pryaslits v kachestve kul'turno-diagnostiruyushchego istochnika (po materialam epokhi rannego zheleza) [Experience of using whorls as a cultural diagnostic source (based on materials from the Early Iron Age)]. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri* [Issues of archeology and history of Southern Siberia]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 140–148.
4. Frolov, Ya.V. (2000) O pryaslitsakh rannego zheleznogo veka Verkhnego Priob'ya kak kul'turno-diagnostiruyushchem priznake [About the Early Iron Age spindle whorls of the Upper Ob region as a cultural diagnostic feature]. In: *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Current issues in the history of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 75–82.
5. Chindina, L.A. (2000) [Riddles of Chronos and Kikimora]. *Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur. Prepodavanie natsional'nykh yazykov* [Comparative-historical and typological study of languages and cultures. Teaching national languages]. Proceedings of the International Conference XXII Dulzon Readings. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 268–274. (In Russian).
6. Berseneva, N.A. & Bersenev, A.G. (2002) Trasologicheskie aspekty izucheniya keramicheskikh pryaslits [Traceological aspects of the study of ceramic spindle whorls]. In: *I Severnyy arkheologicheskyy kongress* [I Northern Archaeological Congress]. Khanty-Mansiysk: Akademkniga. pp. 221–222.
7. Golovchenko, N.N. (2016) "In Their Hands Joined Spindles and a Knife" or Some of the Questions of Interpretation of the Cult Spindles Population Upper Ob Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (41). pp. 100–105. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/41/14
8. Ponyrko, V. (1985) Pryadenie v I tysyacheletii do n.e. po materialam lesostepnogo Priob'ya [Spinning in the 1st millennium BC. based on materials from the forest-steppe Ob region]. In: *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology of Siberia and the Far East]. Irkutsk. pp. 34–35.
9. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [Bolshechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
10. Borodovskiy, A.P. (1995) Predmety primitivnogo pryadeniya kak indikator etnoterritorial'nykh granits Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleza [Items of primitive spinning as an indicator of the ethno-territorial boundaries of the Altai Mountains in the Early Iron Age]. In: *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Aborigines of Siberia: problems of studying endangered languages and cultures]. Vol. 2. Novosibirsk: Izd-vo IAET SB RAS. pp. 9–12.
11. Chemyakina, M.A. & Myl'nikova, L.N. (1995) K voprosu o pryadenii u sargattsev (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1) [On spinning among the Sargattians (based on materials from the Om'-1 settlement complex)]. In: *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archeology yesterday, today, tomorrow]. Novosibirsk: NSPU. pp. 52–63.
12. Pletneva, L.M. (2014) Oruzhie shelomokskoy kul'tury [Weapons of the Shelomok culture]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2 (84). pp. 181–189.
13. Rybakov, D.Yu. (2020) Lokal'nye osobennosti tomskogo varianta kulayskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti kontsa IV v. do n. e. – IV v. n. e. [Local features of the Tomsk version of the Kulai cultural and historical community of the end of the 4th century BC – 4th century AD]. *Universum Humanitarium*. 2. pp. 132–160.
14. Ragimkhanova, I.Zh. (2023) Predmety vooruzheniya iz kurgannogo mogil'nika Shelomok-I [Weapons from the Shelomok-I burial mound]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 35 (2). pp. 83–90.
15. Pletneva, L.M. (2015) Pryaslitsa epokhi rannego zheleza iz Tomskogo Priob'ya [Whorls of the Early Iron Age from the Tomsk Ob region]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2:4 (88). pp. 146–155.
16. Chindina, L.A. & Pankratova, L.V. (2003) Arkheologicheskie pamyatniki v okrestnostyakh poselka Kireevska [Archaeological monuments in the vicinity of the village of Kireevsk]. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnootaevskoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and ethnographic studies in the southern taiga zone of Western Siberia]. Tomsk. pp. 10–14.
17. Vinnichenko, E.P. (2000) K voprosu o funktsiyakh pryaslits gorodishcha Kireevskoe-3 [On the functions of the spindle whorls of the Kireevskoe-3 settlement]. In: *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoy i Tsentral'noy Azii* [On the functions of the spindle whorls of the Kireevskoe-3 settlement]. Novosibirsk. pp. 176–177.
18. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological map of Tomsk Oblast]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
19. Rybakov, D.Yu. & Tsurikova, A.Yu. (2013) Gorodishche Nagornyy Ishtan II (predvaritel'nye rezul'taty raskopochnykh rabot 2012 g.) [The ancient settlement of Nagorny Ishtan II (preliminary results of excavations in 2012)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 18. pp. 201–211.

20. Archive of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 4. File 723. Page 1–36. Markov, P.A. *Otchet o rabotakh na Kashtakovskom poselenii I. Otchet ob arkhеologicheskikh razvedochnykh rabotakh v rayone derevni Kashtakovo i na poselenii Kashtakovskom I v Kozhevnikovskom rayone Tomskoy oblasti v 1999 godu* [Report on work at the Kashtakovskiy I settlement. Report on archaeological exploration work in the area of the village of Kashtakovo and at the Kashtakovskiy I settlement in the Kozhevnikov district of Tomsk Oblast in 1999].
21. Grebneva, G.I. (2017) *Katalog arkhеologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Catalog of the archaeological collection of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Pankratova, L.V. (2011) Keramicheskiy kompleks poseleniya Polovinka-I [Ceramic complex of the settlement Polovinka-I]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: Materialy i issledovaniya* [Archeology and ethnography of the Ob region: Materials and research]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 132–146.
23. Ragimkhanova, I.Zh. (2022) Predvaritel'nye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Shelomok-I [Preliminary results of excavations at the Shelomok-I burial mound]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya*. 28. pp. 307–312.
24. Popov, A.A. (1955) Pletenie i tkachestvo u narodov Sibiri v XIX i pervoy chetverti XX stoletiya [Braiding and weaving among the peoples of Siberia in the 19th and first quarter of the 20th centuries]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 16. pp. 41–146.
25. Øye, I. (1988) Textile equipment and its working environment: Bryggen in Bergen, c 1150–1500. *The Dryggen papers. Main series*. Vol. 2.
26. Shamir, O. (1999) Textiles, basketry and cordage from En Rahel. *'Atiqot*. 38. pp. 91–123.
27. Peyronel, L. (2007) Spinning and Weaving at Tell Mardikh-Ebla (Syria): Some Observations Spindle-Whorls and Loom-Weights from the Bronze and Iron Age. *Ancient textiles series. Production, crafts and society*. 1. pp. 26–35.
28. Parsons, M.H. (1972) Spindles whorls from the Teotihuacan Valley, Mexico. In: *Miscellaneous studies in Mexican prehistory. Anthropological papers*. Vol. 45. University of Michigan. Museum of Anthropology. pp. 45–79.
29. Loughran-Delahunt, I. (1996) *A functional analysis of Northwest Coast spindle whorls*: Dis. ... Master of Arts. Washington: Western Washington University.
30. Fauman-Fichman, R. (1999) *Postclassic craft production in Morelos, Mexico: the cotton thread industry in the provinces*: Dis. ... Doctor of Philosophy. Pittsburgh: University of Pittsburgh.
31. Verhecken, A. (2010) The moment of inertia: a parameter for the functional classification of worldwide spindle-whorls from all periods. *Ancient Textiles Series: North European Symposium for Archaeological Textiles X*. 5. pp. 257–270.
32. Chmielewski, T. & Gardynski, L. (2010) New frames of archaeometrical description of spindle whorls: a case study of the Late Eneolithic spindle whorls from the 1C site in Gródek, district of Hrubieszów, Poland. *Archaeometry*. 52 (5). pp. 869–881.
33. Ibarra, T.E., López Corral, A. & Santacruz Cano, R. (2018) The Artisan and the Tool: A Technological–Functional Analysis of Tlaxcallan Spindle Whorls. *Archaeometry*. 60 (6). pp. 1221–1236.
34. Castro Curel, Z. (1980) Fusayolas ibéricas, antecedentes y empleo. *Cypsela: revista de prehistòria i protohistòria*. 3. pp. 127–146.
35. Barber, E.J.W. (1991) *Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze Ages with special reference to the Aegean*. Princeton: Princeton University Press.
36. Andersson, E. (1999) The Common Thread, Textile Production during the Late Iron Age and Viking Age. *University of Lund Institute Archaeology Report Series*. 67.
37. McCafferty, S.D. & McCafferty, G.G. (2000) Textile Production in Postclassic Cholula, Mexico. *Ancient Mesoamerica*. 11 (1). pp. 39–54.
38. Grömer, K. (2004) Aussagemöglichkeiten zur Tätigkeit des Spinnens aufgrund archäologischer Funde und Experimente. *Archaeologia Austriaca. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas*. 88. pp. 169–182.
39. Parsons, J.R. & Parsons, M.H. (1990) Maguety utilization in highland central Mexico: an archaeological ethnography. In: *Archaeological Ethnography*. Vol. 82. Anthropological Papers Series.
40. Kimbrough, C.K. (2006) *Spindle Whorls, ethnoarchaeology, and the study of textile production in third millennium BCE Northern Mesopotamia: a methodological approach*: Dis. ... Doctor of Philosophy. New York: New York University.
41. Cossich Vielman, M. (2009) Haciendo hilo, creando historia: Análisis de los malacates de la Costa Sur y del sureste de Petén. *XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas*. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología. pp. 1062–1077.
42. Kania, K. (2015) Soft yarns, hard facts? Evaluating the results of a large-scale hand-spinning experiment. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 7 (1). pp. 113–130.
43. Glushkova, T.N. (2002) *Arkheologicheskie tkani Zapadnoy Sibiri* [Archaeological fabrics of Western Siberia]. Surgut: Surgutskiy State Pedagogical University.
44. Glushkova, T.N. (2010) Tkachestvo v sisteme zhizneobespecheniya obshchestva Zapadnoy Sibiri v drevnosti po arkhеologicheskim i etnograficheskim istochnikam [Weaving in the life support system of society in Western Siberia in ancient times according to archaeological and ethnographic sources]. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in a historical context: Experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 135–136.
45. Golovchenko, N.N. (2022) *Predmetnyy kompleks odevzdy naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza* [Itemized complex of clothing of the population of the Upper Ob basin of the Early Iron Age]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
46. Pletneva, L.M. (1977) *Tomskoe Priob'ye v kontse VIII–III tys. do n.e.* [Tomsk Ob region at the end of the 8th to the 3rd millennium BC]. Tomsk: Tomsk State University.
47. Rybakov, D.Yu. (2015) *Tomskoe Priob'ye v kontse IV/III vv. do n.e. – IV v. n.e.* [Tomsk Ob region at the end of the 4th/3rd centuries BC – 4th century AD]. History Cand. Diss. Vol. 1. Tomsk.
48. Forte, V. & Lemorini, C. (2017) Traceological analysis applied to textile implements: An assessment of the method through the case study of the 1st millennium BCE ceramic tools in central Italy. *Oigini: prehistory and protohistory of ancient civilizations*. 40. pp. 165–182.
49. Forte, V. et al. (2019) The Contribution of Experimental Archaeology in Addressing the Analysis of Residues on Spindle-Whorls. *EXARC Journal*. 4. [Online] Available from: <https://exarc.net/ark:/88735/10456> (Accessed: 20.09.2023).

Информация об авторе:

Идимешев А.А. – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: asap.i@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Idimeshev, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: asap.i@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023;
одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/15617793/497/12

Деловая активность купчих на хлебном рынке Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX в.

Евгения Николаевна Меньшикова¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, menshikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Исследуется исторический опыт участия женщин купеческого сословия в развитии стратегического для России второй половины XIX – начала XX в. сегмента экономики – хлебной торговли. Источниковой базой исследования стали источники разных типов: статистические материалы, материалы периодической печати, архивные документы, актовые документы – деловые контракты купчих. Подавляющее большинство выявленных купчих были самостоятельными фигурами на хлебном рынке региона, их деятельность де-юре была независимой от мужчин.

Ключевые слова: Российская Империя, Центральное Черноземье, купчихи, хлебная торговля, деловая активность

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-01396 «Купчихи Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века: “стратегия выживания” и история профессионального успеха».

Для цитирования: Меньшикова Е.Н. Деловая активность купчих на хлебном рынке Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 117–124. doi: 10.17223/15617793/497/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/12

Business activity of merchant women in the grain market of the Central Chernozem region in the second half of the 19th – early 20th centuries

Evgenia N. Menshikova¹

¹ Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, menshikova@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the historical experience of merchant women's participation in the development of a segment of the economy strategic for Russia – grain trade – in the second half of the 19th – early 20th centuries. Sources of various types became the source base of the study: statistical materials, periodicals, archival documents, business contracts of merchant women. In the second half of the 19th – early 20th centuries, the Central Chernozem region was the largest center of domestic grain trade in Russia. Grain bread and hemp were the main items of wholesale trade in this region. The bread market of the Central Chernozem region began to develop more actively when the construction of a dense railway network began. State and private railways directly connected the Central Chernozem region with remote regions of Russia and other countries. The main buyers of grain and flour bread were merchants from the western and north-western provinces of the Russian Empire (Smolensk, Vitebsk, Mogilev, Kovno), brokers of German grain firms, Jewish trading houses of Königsberg. The author identified 2,342 merchant women who lived in Voronezh, Kursk, Oryol, and Tambov provinces. Of these, 104 merchant women, about 4.4%, were engaged in grain trade, and 101 were independent figures in business. Their activities were de jure independent of men – husbands, fathers, sons, grandchildren. They received certificates of estate and certificates for doing business under their own names. Grain trading for merchant women was associated with economic risks and force majeure. Merchant women were represented in all directions and forms of grain trade. They were engaged in wholesale and retail bread trade. They owned grain warehouses, barns, bread shops, confectionery cafes. Merchant women combined their occupation of grain trade with other types of trade (meat and fish trade, haberdashery trade and others), industrial production (flour mills, brick factories, soap factories, mining), services (owned hotels, restaurants, inns, engaged in usury, leased real estate). Grain trade in the region was characterized by intense competition and was androcentric in its structure. Therefore, merchant women diversified their business models for the survival and development of their business in the conditions of the region.

Keywords: Russian Empire, Central Chernozem region, merchant women, grain trade, business activity

Financial support: The work was supported by the Russian Science Foundation within the framework of scientific research “Merchant women of the Central Chernozem region in the second half of the 19th – early 20th century: ‘survival strategy’ and a story of professional success”, Project No. 23-28-01396.

For citation: Menshikova, E.N. (2023) Business activity of merchant women in the grain market of the Central Chernozem region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 117–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/12

Во второй половине XIX – начале XX в. центрально-черноземные земледельческие губернии России – Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская – в экономико-географическом отношении являлись крупнейшими центрами внутренней хлебной торговли [1. С. 57–58, 64, 66]. «Местность почти сплошь покрыта черноземом и производит избытки хлеба, которые идут в продажу» [2. С. 1] – так характеризовали территорию указанных губерний статистики. Именно хлеб в зерне и сопутствующая его производству пенька были в регионе главными предметами оптовой торговли [3. С. 7].

В современной исторической науке к проблеме развития мирового хлебного рынка в прошлом, его динамике и участникам проявляют интерес историки разных историографических традиций [4–9]. Для отечественной науки также характерно исследование истории хлебной торговли России в разные исторические периоды [1], ее государственного регулирования [10–12], характеристики «игроков» хлебного рынка и региональных особенностей [13–21], развития экспортного потенциала [22]. При этом с позиций социальной истории многие вопросы остаются не освещенными. В их числе исторический опыт участия женщин в развитии этого стратегического для России сегмента экономики. В настоящем исследовании на основе анализа разнотипных исторических источников ставится задача охарактеризовать участие женщин из купеческой среды в системе хлебной торговли Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX столетия.

Исторические обстоятельства, при которых развивалось купеческое сословие в России, были таковы, что к концу XIX в. его численность неуклонно сокращалась (прежде всего, ввиду реализации реформ – гильдейской 1863 г. и промыслового облажения 1898 г.). Эта тенденция имела свое преломление и в исследуемом регионе. Ее иллюстрируют сведения, сосредоточенные в табл. 1, 2.

Таблица 1
Численность купеческого сословия в городах
центрально-черноземных губерний в 1861–1862 гг.

Губерния	Кол-во чел.	Женщины	Мужчины
Воронежская [23. С. 309–345]	9 224	4 221	5 003
Курская [23. С. 691–735]	12 817	6 049	6 665
Орловская [24. С. 71–109]	16 204	7 446	8 758
Тамбовская [24. С. 551–593]	15 829	7 481	8 348

Таблица 2
Численность купеческого сословия
в центрально-черноземных губерниях в 1897 г.

Губерния	Кол-во чел.	Женщины	Мужчины
Воронежская [25. С. 32]	3 181	1 686	1 495
Курская [26. С. 60]	5 587	2 393	3 194
Орловская [27. С. 60]	6 300	3 241	3 059
Тамбовская [28. С. 54]	5 206	2 681	2 525

Данные табл. 1, 2 позволяют составить наблюдение о сокращении в два с половиной – три раза численности купеческого сословия в губерниях Центрального Черноземья за вторую половину XIX в.

Настоящее исследование опирается на сведения о выявленных автором в ходе поисковой работы 2 342 купчихах, живших в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях. Материалы о них внесены в базу данных «Купчихи-предпринимательницы Центрального Черноземья конца XIX – начала XX века». Из общего числа выявленных купчих, 104 занимались хлебной торговлей, т.е. около 4,4%. Распределение по губерниям купчих, чей деловой интерес распространялся на хлебную торговлю, отражено в табл. 3.

Таблица 3
Численность купчих, занятых в хлебной торговле,
в губерниях Центрального Черноземья

Губерния	Численность купчих, чел.
Воронежская	12
Курская	34
Орловская	30
Тамбовская	28
Итого	104

Исторический портрет купчих, сосредоточивших свою деловую активность на хлебной торговле, дополняют данные об их социальном статусе. Выявленные купчихи в социальном отношении не были однородны, об этом свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4
Внутрисословный статус женщин купеческого сословия,
занятых в хлебной торговле

Внутрисословный статус	Численность, чел.
Купчиха	101
Купеческая жена	1
Купеческая вдова	1
Мать купеческого сына	1
Итого	104

Как видно из табл. 4, подавляющее большинство выявленных купчих были самостоятельными фигурами на хлебном рынке региона, их деятельность де-юре была независимой от мужчин – мужей, отцов, сыновей, внуков (использование в официальном дискурсе наименования «купчиха» свидетельствовало о внутрисословном статусе – гильдейские и промысловые свидетельства были взяты женщинами на свое имя).

С активным развитием в конце 1860–1870-е гг. железнодорожной сети центрально-черноземные губернии укрепили свой экспортный потенциал во внешней хлебной торговле южной России [1. С. 58; 2. С. 20–86, 138–147]. Высокая плотность железнодорожной сети, представленная казенными и частными железными дорогами – Курско-Харьковско-Азовская, Киево-Харьковско-Севастопольская, Обоянская (узкоколейная, 30 верст), Московско-Киево-Воронежская, Риго-Орловская, Орловско-

Витебская, Орловско-Грязская, Юго-Восточная, Тамбовско-Саратовская, Рязанско-Уральская, Сызранско-Вяземская, Козлово-Воронежско-Ростовская, – во многом определила исключительно благоприятные условия для развития хлебной торговли в регионе. Местное купечество использовало их для формирования сложных логистических схем, направляя свои зерновые поставки (самостоятельно либо с использованием услуг маклеров) в самые отдаленные регионы России и за ее рубежи. Поэтому для купцов и купчих непосредственные контакты с иностранными торговыми партнерами в хлебном бизнесе представляли собой скорее рутинизированную повседневность, чем нечто неординарное. Скажем, основными покупателями хлеба в зерне и муке на Свенской ярмарке, вблизи Брянска, были еврейские кёнигсбергские торговые дома [3. С. 7], а завсегдатаями Кирсановской (в Тамбовской губернии) хлебной биржи – маклеры, агенты и представители германских хлебных фирм [29]; «они ежегодно в большом количестве» [29] вывозили из Тамбовской губернии рожь. И вообще, город Кирсанов был известен в Германии как богатый хлебный рынок [29]. В целом, в Тамбовской губернии «главнейшим» пунктом по экспорту хлеба в зерне считался город Козлов [30. Стлб. 1412], его экспортно-логистические возможности описывались такой характеристикой, как «огромная отправка хлеба» (более трех миллионов пудов в год) [31. Стлб. 1929]. Экспортные возможности хлебного рынка центрально-черноземных губерний, например, во второй половине 1870-х гг. характеризовались объемом около 10 миллионов пудов хлеба [32. С. 3].

Купечество нередко испытывало сложности при общении с железнодорожным руководством (и непосредственными железнодорожными агентами) и в вопросах того, как был организован сам процесс подачи вагонов под погрузку зерна, а также дальнейшей его перевозки. Зачастую невыполнение железнодорожниками своих контрактных обязательств приводило к получению купцами и купчихами убытков [33]. Купчихи, занимаясь хлебной торговлей, так же как и их партнеры – мужчины-купцы, сталкивались с различными непредвиденными ситуациями, связанными со взаимоотношениями с железнодорожниками. Их благополучное разрешение и последующее преодоление последствий требовали от купчих терпения и сохранения самообладания. Так, в личную бизнес-историю купчихи Анны Супрасской непосредственно вторглись события Первой русской революции. В марте 1911 г., спустя шесть лет после произошедшего, гражданский кассационный департамент Сената рассматривал дело, касавшееся купчихи А. Супрасской [34. С. 101–104]. Она предъявляла к обществу Московско-Киево-Воронежской железной дороги «иск о 235 рублей 50 копеек перебора платы за хранение груза (ржаной муки) по прибытии его на станцию назначения» [34. С. 101]. Принадлежавший А. Супрасской груз прибыл на станцию назначения «Москва-Рязанская» 28 января 1905 г., но «не мог быть выкушен в виду почтово-телеграфной забастовки» до 15 января 1906 г. [34. С. 101]. Несмотря на невыполнение обязательств железной дороги о выдаче в срок груза, купчиха Супраская была вынуждена оплатить в соответствии с принятыми железнодорожными тарифами «хранение»

ее движимого имущества на территории железнодорожной станции. Что, по сути, противоречило распоряжению министра путей сообщения, «изложенного в циркулярной телеграмме от 21 октября 1905 года»: грузы подлежали выдаче на московских железнодорожных станциях без взыскания платы за хранение с 7 октября 1905 по 15 января 1906 г. [34. С. 101]. Курский окружной суд, сначала рассматривавший данный инцидент, выслушав обе стороны – истицу А. Супрасскую и представителей железной дороги (заявивших о том, что распоряжение министра путей сообщения не были обязательны для исполнения частными железными дорогами, каковой и являлась Московско-Киево-Воронежская железная дорога), принял решение об обоснованности и правоте требований истицы: обязал железную дорогу возместить расходы за переплату. С таким решением не согласились поверенные железной дороги, подав кассационную жалобу в Сенат, который, в свою очередь, определил: решение Курского окружного суда отменить, а дело возвратить в тот же суд для нового рассмотрения, но уже в другом составе присутствия [34. С. 104].

Несмотря на все сложности организации логистических процессов в торговле хлебом, местные купчихи считали оправданным расположение своих торговых заведений (особенно оптового устройства) в непосредственной близости к железнодорожным станциям. Так поступили в разное время купчихи: П.С. Романова, разместившая свою хлебную торговлю на станции Поньры в Фатежском уезде Курской губернии [35. Стлб. 1667], А.Ф. Заморина – вблизи станции Нарышкино в Орловском уезде [35. Стлб. 1688], В.М. Пекунова – на станции Добринка Юго-Восточной железной дороги, Б.Я. Левина – на станции Коссаржи Московско-Киево-Воронежской железной дороги [36. Стлб. 2429], Ю.А. Полякова – на станции Солнцево Тимского уезда [35. Стлб. 1667], А.В. Ильина – на станции Охочевка [36. Стлб. 1412], Т.И. Кубикова – на станции Черемисинова той же железной дороги [36. Стлб. 1412], Е.Н. Светозарова [36. Стлб. 2396], А.Н. Шураева [36. Стлб. 2396] – на станции Токаровка Юго-Восточной железной дороги.

Говоря об участии женщин-купчих в стратегической для исследуемого региона хлебной торговле, следует указать на представленность купчих во всех ее видах (оптовой и розничной) и типах (в торговле, собственно, зерновым хлебом, так называемыми мельничными продуктами – мукой, дробленным зерном, отрубями, а также хлебопекарными и кондитерскими изделиями).

К концу XIX в. в исследуемых губерниях оптовую торговлю зерновым хлебом представляли более пяти-сот торговых компаний купечества: в Воронежской губернии – 135, из них принадлежавших купчихам – 8 [35. Стлб. 1622, 1625]; в Курской губернии – 88, из них одна принадлежала купчихе [35. Стлб. 1664, 1667]; в Орловской губернии – 199, из них 10 принадлежали купчихам [35. Стлб. 1688]; в Тамбовской губернии – 133, из них 7 принадлежали купчихам [35. Стлб. 1733–1734]. Работая в оптовом сегменте хлебного рынка, купчих привлекала и такая форма, как содержание оптовых складов (где хранилась продукция, которую

они реализовывали сами, также купчихи сдавали склады в аренду другим участникам хлебного рынка).

Распространенным занятием среди купчих была высокодоходная оптовая торговля продуктами первичной переработки зерна – мукой и другими (в дискурсе исследуемого времени, «мельничными продуктами» – отрубями), как правило, производимыми на собственных промышленных мукомольных и так называемых крупорушных предприятиях (например, крупные торговые компании тамбовских купчих П.Н. Егоровой и Е.А. Григорьевой – основательниц торговых домов (в мукомольной сфере): «Прасковьи Николаевны Егоровой с сыновьями» [37. С. 4] и «Е.А. Григорьева с сыновьями» [20. С. 126; 38. С. 2]).

К концу XIX в. в исследуемом регионе было более трех сотен предприятий, ориентированных на торговлю «мельничными продуктами» (56 – в Воронежской губернии, из них одно принадлежало купчихе) [35. Стлб. 1625]; 133 – в Курской губернии, из них 10 принадлежали купчихам [35. Стлб. 1665, 1667–1668]; 75 – в Орловской губернии, из них 7 принадлежали купчихам [35. Стлб. 1688, 1691]; 113 в Тамбовской губернии, из них 5 принадлежали купчихам [35. Стлб. 1734–1735]. Умело занимаясь хлебной торговлей, купчихам подчас приходилось действовать в довольно агрессивной конкурентной среде, андроцентричной по своей сути. Однако к 1913 г. хлебная торговля в регионе (в уездах) претерпела в гендерном отношении некоторые изменения – увеличилось число купчих (в соотношении с мужчинами-купцами), занимавшихся данным видом торговли. Например, в Острожском уезде Воронежской губернии из 15 торговых предприятий, специализировавшихся на оптовой торговле хлебом в зерне, 3 принадлежало купчихам: М.А. Обуховой, А.М. Симоновой, А.Е. Базиковой [36. Стлб. 659]. В Грайворонском уезде Курской губернии из 7 торговых предприятий, занимавшихся торговлей мукой, 5 принадлежали купчихам: Д.С. Бондаковой, А.И. Коваленковой, А.А. Колтуновой, М.Т. Маковозовой, Д.П. Шаповаловой [36. Стлб. 1376]. В городе Усмани из 15 подобных торговых предприятий, 5 владели купчихи М.Н. Андреева, Е.И. Гаврилова, А.Г. Галюгина, М.П. Матвеева [36. Стлб. 2426], Е.В. Чулкова [36. Стлб. 2429]; в городе Липецке 2 «мучных» торговых предприятия принадлежали купчихам П.Д. Богдановой и Т.П. Дивновой [36. Стлб. 2416].

Купчихи, даже будучи главами торгового предприятия (хлебной специализации) лишь де-юре, на практике были полностью осведомлены как о стратегических направлениях развития своего «хлебного бизнеса» (семейного, как правило), так и проявляли знания его мельчайших деталей. В этой связи выглядит показательным пример белгородской купчихи М.И. Слатиной (урожденной Гладковой, представительницы богатой и влиятельной купеческой семьи в губернском Курске, чей отец, 2-й гильдии курский купец И.В. Гладков и мать, А.А. Гладкова были известными в Курске предпринимателями и общественными деятелями) [39]. Будучи женой влиятельного 2-й гильдии белгородского купца И.И. Слатина (во второй половине 1870-х гг. он занимал должность городского головы Белгородской городской

думы), М.И. Слатина участвовала самым непосредственным образом в семейном «хлебном бизнесе» (деловые интересы Слатиных в хлебной торговле были рассредоточены по уездным городам Курской губернии, а также в Харькове и Чернигове). В одном из писем своим родителям она жаловалась отцу на завышенный банковский процент по кредиту, а также на то, что реальное количество зерна на продажу не соответствует запланированной массе на 100 четвертей [39. Л. 5].

Розничная хлебная торговля купчих в основном имела форму хлебных лавок. Например, в 1860–1870-х гг. в деревянной хлебной лавке в сыпном ряду на Базарной площади в городе Щигры Курской губернии вела свою хлебную торговлю купчиха Н.И. Зубкова [40. С. 2], как и купчиха М.И. Иванова – в Курске, в так называемой сыпной лавке «с тремя притворами с закромами» [40. С. 2]. А в 1890-е гг. в Курске хлебную торговлю в нескольких торговых заведениях подобного типа [41–43] вели: временная 2-й гильдии купчиха М.И. Васильева [44. С. 4], в Белгороде на Базарной площади – купчихи Ф.Т. Попова [45. Л. 41; 46. Л. 111 об.; 47. Л. 3 об., 15 об.], М.Н. Самойлова [48. С. 491], Е.М. Мачурина [49. Л. 16 об.], в Курске – купчиха Е.Ф. Ворошилина [50. Л. 233], в Грайвороне – 2-й гильдии купчиха Е.Д. Лысенкова [51. С. 8; 52. С. 5], в Старом Осколе – 2-й гильдии купчиха Н.Ф. Переверзева [53. С. 6; 54. С. 5], 2-й гильдии купчиха М.М. Дьякова [53. С. 6; 54. С. 5], в Воронеже в хлебных лавках, а также в амбарах для ссыпки хлеба при них – купчиха М.М. Клемешова (на Малой Дворянской улице, в доме Лоскутова) [55. С. 117].

Для купчих разновидностью розничной хлебной торговли была торговля хлебобулочными и кондитерскими изделиями. Купчихи владели булочными, а также организовывали небольшие кондитерские или специализированные отделы в своих продовольственных лавках, где предлагали покупателям кондитерские изделия. В том числе они занимались производством собственных кондитерских фабрик, как это делали, например, орловская купчиха Т.И. Губерт [56. С. 558] и уразовская купчиха Е.А. Игнатова (она владела фабрикой по производству пряников, ими же и торговала в собственной кондитерской) [57. С. 87].

Исследование присутствия купчих на хлебном рынке Центрального Черноземья привело к наблюдению об одновременном совмещении частью из них хлебной торговли с другими видами предпринимательской деятельности – торговлей разнообразными товарами, промышленным производством и сферой услуг. В ходе исследования были выявлены персоналии 22 купчих (из 104, занимавшихся хлебной торговлей), выстраивавших наряду с хлебной торговлей подобную комплексную бизнес-стратегию. Количественные характеристики такого совмещения могут быть представлены следующим образом: 4 купчихи совмещали хлебную торговлю с мукомольным производством (конные, паровые мельницы и так называемые крупорушки); 2 – с кондитерским производством; 2 – с содержанием предприятий общественного питания с полным ресторанным обслуживанием (рестораны, трактиры, чайные); 3 – с оптовой торговлей строительным лесоматериалом;

1 – с мукомольным делом (водяная мельница), мясной торговлей, мыловаренным производством, деревопеределкой (бондарная мастерская), арендой недвижимости, сельскохозяйственным производством, землевладением и лесовладением; 1 – с мукомольным (водяная мельница), мыловаренным производством а также с производством кирпича; 1 – с бакалейной торговлей и торговлей железными (и скобяными) товарами; 1 – с торговлей текстильными изделиями, одеждой и обувью, галантерейными товарами, изделиями из кожи; 1 – с оптовой скупкой скота и мяса; 1 – с мукомольным (крупорушка), прядильным (пенькотрепальный завод) и добывающим производством (меловой завод); 1 – с торговлей продукцией животноводства; 1 – с деятельностью по предоставлению мест для краткосрочного проживания (содержание гостиницы) и ресторана; 2 – с мукомольным производством (паровая мельница) и предоставлением займов (ростовщичество); 1 – с рыбной и книжной торговлей.

Исследование внутрисословного статуса женщин, совмещавших хлебную торговлю с другими видами деловой активности, показало: 20 из них развивали свое дело де-юре самостоятельно – носили статус «купчиха», одна была купеческой женой, одна – вдовой купца. Можно предположить, диверсификация бизнеса была для местных купчих во второй половине XIX – начале XX в. одним из факторов экономического

выживания и развития в условиях провинции, острой конкуренции в андроцентричном по своему устройству хлебном рынке региона.

Таким образом, Центральное Черноземье, являясь во второй половине XIX – начале XX в. аграрным регионом с растениеводческой специализацией, в качестве главной продукции этой отрасли сельского хозяйства представляло на внутренний и внешний рынки зерно. Развитая железнодорожная сеть связывала многие уездные и губернские города региона с портовыми городами России и Германии, что позволяло купчихам, торговавшим зерном, становиться участниками внешнеторговых операций. Торговля зерном для купчих сопровождалась большим количеством рисков и форс-мажоров, связанных с погодными условиями, недобросовестным выполнением своих обязательств железной дорогой, по которой осуществлялась перевозка грузов, зависимостью от комиссионеров, социальных катаклизмов, международной рыночной конъюнктуры и конкуренции. Смежным с торговлей зерном занятием была оптовая торговля мукой, которая по большей части являлась продукцией собственных предприятий купчих. Купчихи совмещали с хлебной торговлей другие виды торговли, промышленное производство и предоставление услуг в гостиничном деле, общественном питании, частном кредитовании, аренде недвижимости.

Список источников

1. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 608 с.
2. Чеславский В.И. Хлебная торговля в Центральной России. Часть I. Торговля в Примосковском районе. СПб. : Тип. В. Безбородова, 1873. 338 с.
3. Обзор Орловской губернии за 1882 г. Орел : Электро-типография Губернского Правления, 1883. 48 с.
4. Geiger R. Mastering the Market: The State and the Grain Trade in Northern France, 1700–1860 // Journal of Interdisciplinary History. 2000. № 30. P. 678–680.
5. Mercier S. The Evolution of World Grain Trade // Applied Economic Perspectives and Policy. 1999. № 21. P. 225–236.
6. Romani M., Scuro R. Grain trade in Early modern Mantua and Venice: The role of Ashkenazi and Italian Jews // Business History. 2022. August. P. 1–29.
7. Scollie F. From Port Hope to Thunder Bay: Joseph Goodwin King, the Canadian Pacific Railway and Western Canada's first grain elevator on the Great Lakes 1883-1910 // Ontario History. 2022. № 114. P. 165–195.
8. Singh N. Grain Trade, Climate Change and Famines: A Study of Awadh from c. 1858–1900 // Indian Historical Review. 2022. № 49 (1). P. 122–142.
9. Swierenga R. The Grain Trade in the Old Northwest // Civil War History. 1968. № 14. P. 73–75.
10. Разгон В.Н. Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Т. 2. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 5–19.
11. Константинова М.В. О роли государства в хлебной торговле Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сб. ст. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 197–209.
12. Жолобова Г.А. Проблема посредничества в российской хлебной торговле 2-й половины XIX – начала XX вв. и правовые меры его ограничения // Административное и муниципальное право. 2013. № 3 (63). С. 256–264.
13. Устюгова О.А. Хлебная торговля на Юге Дальнего Востока России в 80-е гг. XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2000. С. 50–53.
14. Терещенко А.А. Торговые связи городов Центрального Черноземья во второй половине XIX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1–2 (3–4). С. 131–138.
15. Закожурникова Ю.В. Хлебный рынок Шадринска в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 13–16.
16. Банникова Е.В. Уральское дореформенное купечество и хлебная торговля // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград : РГУ им. Иммануила Канта, 2009. С. 40–56.
17. Константинова М.В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX – начале XX вв. Красноярск : КГТЭИ, 2010. 151 с.
18. Ермаков В.В. Организация и регулирование хлебной торговли в Нижнем Прикамье (XIX – начале XX в.) // Власть. 2010. № 2. С. 106–109.
19. Воробцова Л.Н. Крупные торговые предприятия в Новониколаевске в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 122–128.
20. Рябикина Н.В. Участие торговых домов в мукомольной отрасли производства в Тамбовской губернии в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 9 (149). С. 118–128.
21. Ульянова Г.Н. Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23.
22. Котов Б.С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX – XX вв. (на примере хлебной торговли) // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 14–31.

23. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Часть первая. СПб. : Типография К. Вульфа, 1863. 920 с.
24. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Часть вторая. СПб. : Типография К. Вульфа, 1863. 910 с.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. IX. Воронежская губерния. Тетрадь II. СПб. : Скоропечатня П.О. Яблонского, 1904. 268 с.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XX. Курская губерния. СПб. : Типография «Слово», 1904. 291 с.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XXIX. Орловская губерния. СПб. : Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904. 259 с.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. XLII. Тамбовская губерния. СПб. : Типография «Слово», 1904. 161 с.
29. Белоусов А.О. Воспоминания учителя (Из прошлого Кирсановской средней школы № 1). Кирсанов, 1972–1979. Машинопись. URL: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=belous.belous> (дата обращения: 11.04.2023).
30. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли... Том первый. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1895. 952 с.
31. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли... Том первый. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1902. 2340 с.
32. Внутренние известия // Курские губернские ведомости. 1876. № 25.
33. Кончаков Р.Б. «Время быстро улетает, капиталы исчезают, кредит в агонии, торговцы в отчаянии»... // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск : Изд-во КурскГУ, 2009. С. 317–320.
34. Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената... № 35 от 23 марта 1911 г. // Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1911 г. № 1-104 / сост. Л.М. Ротенберг. Екатеринбург : Тип. И. Когана, 1914. 303 с.
35. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли... СПб. : Издание А.С. Суворина, 1899. 1478 с.
36. Вся торгово-промышленная Россия. Киев : Т-во Л.М. Фиш, 1913. 597 с.
37. О продаже. № 6254 // Воронежские губернские ведомости. 1910. № 89.
38. Список лиц, имеющих право участвовать в избрании гласных Тамбовской городской думы... на 1901–1904 гг. // Тамбовские губернские ведомости. 1900. № 127.
39. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 724. Оп. 1. Д. 69.
40. Продажи // Курские губернские ведомости. 1873. № 24.
41. Продажи. № 1 // Курские губернские ведомости. 1876. № 50.
42. Продажи. № 1 // Курские губернские ведомости. 1876. № 51.
43. Продажи. № 9 // Курские губернские ведомости. 1877. № 29.
44. Список избирателей для выбора гласных в Курскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1892. Приложение к № 85.
45. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 216.
46. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 101.
47. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 2.
48. Список торговых, промышленных и других заведений Курской губернии // Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. Курск : Типография губернского правления, 1892. 513 с.
49. ГАБО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14.
50. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 94.
51. Список избирателей для выбора гласных в Грайворонскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 68.
52. Список избирателей для выбора гласных в Грайворонскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 85.
53. Список избирателей для выбора гласных в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 69.
54. Список избирателей для выбора в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 80.
55. Торгово-промышленные заведения по г. Воронежу с уездом // Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. Воронеж : Типо-литография Воронежского губернского правления, 1899. 461 с.
56. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов, С.Г. Будасов. СПб. : Типография В. Киришаума, 1894. 850 с.
57. Список наиболее крупных фабрик и заводов... // Памятная книжка Воронежской губернии на 1909 г. Воронеж : Типо-литография губернского правления, 1909. 647 с.

References

1. Kitanina, T.M. (2011) *Khlebnaya trgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika* [Grain Trade in Russia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries. Survival strategy, modernization processes, government policy]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Cheslavskiy, V.I. (1873) *Khlebnaya trgovlya v Tsentral'noy Rossii* [Grain Trade in Central Russia]. Pt. I. Saint Petersburg: Tip. V. Bezborodova.
3. Oryol Gubernia Statisticks Committee. (1883) *Obzor Orlovskoy gubernii za 1882 g.* [Review of the Oryol Province for 1882]. Oryol: Elektro-tipografiya Gubernskogo Pravleniya.
4. Geiger, R. (2000) Mastering the Market: The State and the Grain Trade in Northern France, 1700–1860. *Journal of Interdisciplinary History*. 30. pp. 678–680.
5. Mercier, S. (1999) The Evolution of World Grain Trade. *Applied Economic Perspectives and Policy*. 21. pp. 225–236.
6. Romani, M. & Scuro, R. (2022) Grain trade in Early modern Mantua and Venice: The role of Ashkenazi and Italian Jews. *Business History*. August. pp. 1–29.
7. Scollie, F. (2022) From Port Hope to Thunder Bay: Joseph Goodwin King, the Canadian Pacific Railway and Western Canada's first grain elevator on the Great Lakes 1883–1910. *Ontario History*. 114. pp. 165–195.
8. Singh, N. (2022) Grain Trade, Climate Change and Famines: A Study of Awadh from c. 1858–1900. *Indian Historical Review*. 49 (1). pp. 122–142.
9. Swierenga, R. (1968) The Grain Trade in the Old Northwest. *Civil War History*. 14. pp. 73–75.
10. Razgon, V.N. (1997) Gosudarstvennoe regulirovanie khlebnoy trgovli v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v. [State regulation of grain trade in Siberia in the second half of the 18th – first half of the 19th centuries]. In: *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and Entrepreneurship in Siberia]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 5–19.
11. Konstantinova, M.V. (2005) O roli gosudarstva v khlebnoy trgovle Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [On the role of the state in the grain trade of Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. In: *Protsessy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri* [Urbanization Processes in Central Russia and Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 197–209.
12. Zholobova, G.A. (2013) Problema posrednichestva v rossiyskoy khlebnoy trgovle 2-y poloviny XIX – nachala XX vv. i pravovye mery ego ogranicheniya [The problem of mediation in the Russian grain trade in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries and legal measures to limit it]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 3 (63). pp. 256–264.

13. Ustyugova, O.A. (2000) Khlebnaya trgovlya na Yuge Dal'nego Vostoka Rossii v 80-e gg. XIX v. (po materialam gubernatorskikh otchetov) [Grain trade in the south of the Russian Far East in the 1880s (based on materials from governor's reports)]. In: *Istoricheskiy opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka* [Historical Experience in the Development of the Far East]. Vol. 3. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 50–53.
14. Tereshchenko, A.A. (2007) Torgovye svyazi gorodov Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX veka [Trade relations of the cities of the Central Black Earth Region in the second half of the 19th century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1–2 (3–4). pp. 131–138.
15. Zakozhurnikova, Yu.V. (2009) The bread trade of Shadrinsk in the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika – Tomsk State University Journal of History*. 4 (8). pp. 13–16. (In Russian).
16. Bannikova, E.V. (2009) Ural'skoe doreformnoye kupechestvo i khlebnaya trgovlya [Ural pre-reform merchants and grain trade]. In: *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad: RGU im. Immanuila Kanta. pp. 40–56.
17. Konstantinova, M.V. (2010) Khlebnaya trgovlya v Eniseyskoy gubernii v sereдинe XIX – nachale XX vv. [Grain Trade in the Yenisei Province in the Mid-19th – Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk: KGTEL.
18. Ermakov, V.V. (2010) Organizatsiya i regulirovaniye khlebnoy trgovli v Nizhnem Prikam'e (XIX – nachale XX v.) [Organization and regulation of grain trade in the Lower Kama region (19th – early 20th centuries)]. *Vlast'*. 2. pp. 106–109.
19. Vorobtsova, L.N. (2013) Large trading companies in Novonikolayevsk in late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika – Tomsk State University Journal of History*. 5 (25). pp. 122–128. (In Russian).
20. Ryabikina, N.V. (2015) Uchastie torgovykh domov v mukomol'noy otrasli proizvodstva v Tambovskoy gubernii v nachale XX v. [Participation of trading houses in the flour milling industry in Tambov Province at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 9 (149). pp. 118–128.
21. Ul'yanova, G.N. (2022) Khlebnaya trgovlya v Moskve v pervoy polovine XIX veka: dostavka zerna, muki i krup po vodnym putyam [Bread trade in Moscow in the first half of the 19th century: delivery of grain, flour and cereals by waterways]. *Istoricheskiy kur'er*. 3 (23). pp. 11–23.
22. Kotov, B.S. (2019) Rossiysko-germanskyye torgovye otnosheniya na rubezhe XIX – XX vv. (na primere khlebnoy trgovli) [Russian-German trade relations at the turn of the 20th century (on the example of grain trade)]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 1 (102). pp. 14–31.
23. Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. (1863) *Ekonomicheskoye sostoyaniye gorodskikh poseleniy Evropeyskoy Rossii v 1861–1862 g.* [The Economic State of Urban Settlements in European Russia in 1861–1862]. Pt. 1. Saint Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa.
24. Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. (1863) *Ekonomicheskoye sostoyaniye gorodskikh poseleniy Evropeyskoy Rossii v 1861–1862 g.* [The Economic State of Urban Settlements in European Russia in 1861–1862]. Pt. 2. Saint Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa.
25. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii. 1897* [The First General Census of the Russian Empire. 1897]. Vol. 9. Notebook 2. Saint Petersburg: Skoropechatnyy P.O. Yablonskogo.
26. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii. 1897* [The First General Census of the Russian Empire. 1897]. Vol. 20. Saint Petersburg: Slovo.
27. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii. 1897* [The First General Census of the Russian Empire. 1897]. Vol. 29. Saint Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskoy tyur'my.
28. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii. 1897* [The First General Census of the Russian Empire. 1897]. Vol. 42. Saint Petersburg: Tipografiya "Slovo".
29. Belousov, A.O. (1972–1979) *Vospominaniya uchitelya (Iz proshlogo Kirsanovskoy sredney shkoly № 1)*. Kirsanov [Memoirs of a Teacher (From the past of Kirsanovsky secondary school No. 1). Kirsanov]. Typescript. [Online] Available from: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=belous.belous> (Accessed: 11.04.2023).
30. Suvorin, A.S. (1895) *Vsya Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli...* [All Russia. Russian book of industry, trade...]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
31. Suvorin, A.S. (1902) *Vsya Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli...* [All Russia. Russian book of industry, trade...]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
32. Kurskie gubernskie vedomosti. (1876) Vnutrennie izvestiya [Internal news]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. 25.
33. Konchakov, R.B. (2009) "Vremya bystro uletaet, kapitaly ischezayut, kredit v agonii, torgovtsy v otchayanii"... ["Time is quickly flying away, capital is disappearing, credit is in agony, traders are in despair"...]. In: Razdorskiy, A.I. (ed.) *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XIX vv.* [Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th–19th Centuries]. Kursk: Kursk State University. pp. 317–320.
34. Governing Senate. (1914) Reshenie Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata ... № 35 ot 23 marta 1911 g. [Decision of the Civil Cassation Department of the Government Senate... No. 35 of March 23, 1911]. In: Rotenberg, L.M. (ed.) *Polnyy svod resheniy Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata za 1911 g. № 1–104* [Complete Set of Decisions of the Civil Cassation Department of the Government Senate for 1911 No. 1–104]. Ekaterinoslav: Tip. I. Kogana.
35. Suvorin, A.S. (1899) *Vsya Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli...* [All Russia. Russian book of industry, trade...]. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
36. Fish, L.M. (1913) *Vsya torgovo-promyshlennaya Rossiya* [All Commercial and Industrial Russia]. Kiev: T-vo L.M. Fish.
37. Voronezhskie gubernskie vedomosti. (1910) O prodazhe. № 6254 [About sale. No. 6254]. *Voronezhskie gubernskie vedomosti*. 89.
38. Tambovskie gubernskie vedomosti. (1900) Spisok lits, imeyushchikh pravo uchastvovat' v izbranii glasnykh Tambovskoy gorodskoy dумы... na 1901–1904 gg. [List of persons entitled to participate in the election of members of the Tambov City Duma... for 1901–1904]. *Tambovskie gubernskie vedomosti*. 127.
39. State Archive of the Kursk Region (GAKO). Fund 724. List 1. File 69. (In Russian).
40. Kurskie gubernskie vedomosti. (1873) Prodazhi [Sales]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. 24.
41. Kurskie gubernskie vedomosti. (1876) Prodazhi. № 1 [Sales. No. 1]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. 50.
42. Kurskie gubernskie vedomosti. (1876) Prodazhi. № 1 [Sales. No. 1]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. 51.
43. Kurskie gubernskie vedomosti. (1877) Prodazhi. № 9 [Sales. No. 9]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. 29.
44. Kurskie gubernskie vedomosti. (1892) Spisok izbirateley dlya vybora glasnykh v Kurskuyu gorodskuyu dumu [List of voters for the election of members to the Kursk City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 85.
45. State Archive of the Kursk Region (GAKO). Fund 143. List 1. File 216. (In Russian).
46. State Archive of the Kursk Region (GAKO). Fund 143. List 1. File 101. (In Russian).
47. State Archive of the Belgorod region (GABO). Fund 22. List 1. File 2. (In Russian).
48. Verzhitskiy, T.I. (ed.) (1892) *Pamyatnaya knizhka Kurskoy gubernii na 1892 g.* [Memorial Book of the Kursk Province for 1892]. Kursk: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
49. State Archive of the Belgorod region (GABO). Fund 22. List 1. File 14. (In Russian).
50. State Archive of the Kursk Region (GAKO). Fund 143. List 1. File 94. (In Russian).
51. Kurskie gubernskie vedomosti. (1893) Spisok izbirateley dlya vybora glasnykh v Grayvoronskuyu gorodskuyu dumu [List of voters for the election of officials to the Grayvoronsk City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 68.
52. Kurskie gubernskie vedomosti. (1893) Spisok izbirateley dlya vybora glasnykh v Grayvoronskuyu gorodskuyu dumu [List of voters for the election of officials to the Grayvoronsk City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 85.
53. Kurskie gubernskie vedomosti. (1893) Spisok izbirateley dlya vybora glasnykh v Starooskol'skuyu gorodskuyu dumu [List of voters for the election of members to the Starooskol'sk City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 85.

- of officials to the Stary Oskol City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 69.
54. Kurskie gubernskie vedomosti. (1893) Spisok izbirateley dlya vybora v Starooskol'skuyu gorodskuyu dumu [List of voters for election to the Stary Oskol City Duma]. *Kurskie gubernskie vedomosti*. Appendix to 80.
55. Bylov, M.N. (ed.) (1899) Torgovo-promyshlennyye zavedeniya po g. Voronezhu s uezdom [Trade and industrial establishments in the city of Voronezh with the district]. In: *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1900 g.* [Memorable Book of the Voronezh Province for 1900]. Voronezh: Tipo-litografiya Voronezhskogo gubernskogo pravleniya.
56. Orlov, P.A. & Budasov, S.G. (eds) (1894) *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii. Materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* [Index of Factories and Factories in European Russia. Materials for factory statistics]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
57. Tyumenev, V.G. (ed.) (1909) Spisok naibolee krupnykh fabrik i zavodov... [List of the largest factories and plants...]. In: *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1909 g.* [Memorable Book of the Voronezh Province for 1909]. Voronezh: Tipo-litografiya gubernskogo pravleniya.

Информация об авторе:

Меньшикова Е.Н. — канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). E-mail: menshikova@bsu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Menshikova, Cand. Sci. (History), associate professor, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: menshikova@bsu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023;
одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 02.10.2023;
approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 29(299, 299.1, 299.4); 39(393, 395, 398)
doi: 10.17223/15617793/497/13

Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов *шиешгула*

Юрий Иванович Ожередов¹

¹ Научно-образовательный центр «Циркумполярная Чукотка» – Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета, Анадырь, Россия, nohoister@gmail.com

Аннотация. Проведены анализ, корреляция и обобщение археологических и этнографических источников, касающихся погребальной практики нарымских палеоселькупов локальной группы *шиешгула*. Стационарные археологические полевые и кабинетные исследования погребальной практики позволили выделить в погребальном комплексе ряд элементов, характеризующих специфику ритуалов упокоения умерших соплеменников, отправлявшихся в загробный мир в специально подготовленных сооружениях или средствах, приспособленных для погребальных церемоний.

Ключевые слова: некрополи *шиешгула*, погребальный комплекс, ингумация, кремация, курган, погребение

Для цитирования: Ожередов Ю.И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов *шиешгула* // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 125–133. doi: 10.17223/15617793/497/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/13

Representative elements of the burial complex of the Shieshgul, a local group of southern Paleo-Selkups

Yuri I. Ozheredov¹

¹ Scientific Educational Center “Circumpolar Chukotka” – Chukotka Branch of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Anadyr, Russian Federation, nohoister@gmail.com

Abstract. In the course of the study, an analysis, correlation, and generalization of archaeological and ethnographic sources related to the funeral practice of the local Shieshgul group of the Narym Paleo-Selkups, identified in a number of other groups by dialect and language, were carried out. In 1960–1980, G.I. Pelikh analyzed the spiritual and material culture of this group among others and concluded about the multi-component and distinctive features of its funeral rite. The theoretical and field study of the Shieshgul the author conducted from the standpoint of archeology significantly expanded the knowledge about the funeral practice of the group that came from ethnology. Some positions were supplemented and clarified. It was established that the Shieshgul chose locations for cemeteries in compliance with aesthetic and sacred signs. The beauty and convenience of placement were combined with the metaphysical proximity of the afterlife, according to the vertical and horizontal model of the world order: in the former case, high places served as resting places, in the latter, the lower reaches of the rivers. The peculiarity of choosing a place for a cemetery was the territories of settlements and burial grounds of previous times, where the funeral was held according to the method of inoculation and cremation of the dead in soil and subcultural burials. Mounds were formed during the layer-by-layer construction of burials on a limited family plot of the cemetery. When the space was occupied, a new one was installed on top of the first layer, and so up to three layers. At the same time, there was a wide variety of funerary structures that changed under external influence during 300–400 years. Burial structures developed from log frames on the surface and boxes slightly immersed in the ground (16th–18th centuries). At the beginning of the 19th century, under the influence of Russian Orthodoxy, rectangular board coffins appeared, installed in log fences like Christian graves. Later, coffins narrowed at the bottom appeared; they were put into pits in mounds. In addition to such objects, buckled boats and sarcophagi woodblock consisted of two halves were used as coffins. In addition to real burials, symbolic burials (cenotaphs) were revealed, in which there were no bodies of the dead, but only their substitutes. In some cases, mounds trace the remains of pillars with birch branches attached on the top and imitating a sacred tree, along which the souls of the dead symbolically moved into the afterlife. The identified components of the funeral rite are an individual set of features characterizing one of the dominant local groups of Paleo-Selkups. The use of the method of a separate study of local groups will allow a further comparative analysis aimed at identifying common and specific features and their nature in the culture of the Narym Paleo-Selkups.

Keywords: necropolis of Shieshgul, burial complex, incrimination, cremation, mound, burial

For citation: Ozheredov, Yu.I. (2023) Representative elements of the burial complex of the Shieshgul, a local group of southern Paleo-Selkups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 125–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/13

Изучение погребальной практики нарымских палеоселькупов, начатое в 1930-е гг. П.И. Кутафьевым и продолженное в 1940–1950-е гг. А.П. Дульзоном, З.Я. Бояршиновой, В.С. Синяевым, Е.М. Пеняевым, Р.А. Ураевым и следующими поколениями ученых, ведется по настоящее время. Почти за столетний период стационарных исследований в Нарымском Приобье собран представительный корпус источников по самым разным направлениям материальной и духовной жизни палеоселькупов, предков локально-диалектных групп, выделенных у южных (нарымских) селькупов. А.И. Боброва именует их праселькупам, наследие которых принадлежит Средневековью, а с XVII в. появляются памятники, оставленные «селькупским населением» [1. С. 79]. Значительная часть источников, полученных археологией, принадлежит обрядовой сфере группы, названной Г.И. Пелих *ишеишула*. Ее представители заселяли обское левобережье с притоками и тогурско-колпашевский участок на правом берегу Оби [2. С. 11, рис. 2; 3. С. 5–7]. Погребальная практика палеоселькупов обладает широким диапазоном форм и способов, обусловленных особенностями генезиса этноса. Отдельные элементы ритуала, безусловно, универсальны и распространяются на все диалектно-локальные группы. Другие, вероятно, обязаны специфике каждой из групп [2. С. 11; 3. С. 32; 4. С. 93–107].

Языковое, культурное и географическое обособление в среде палеоселькупов привело к разобщенности отложившейся, прежде всего, в духовной сфере, еще на стадии периода сложения мифологии. К примеру, былинные богатыри в преданиях разделились по географической принадлежности: в поединках сталкиваются «низовские» и «верховские» герои, совершенно не обеспокоенные своим мифическим «родством». На этот счет Г.И. Пелих писала, что *шош-гула* (палеоселькупы *ишеишула*) повсеместно признаются своими, однако степень их родства в других группах припоминается с большим трудом [2. С. 11; 3. С. 73, 75–76]. Потомков, *ишеишула*, осевших на берегах Оби у д. Сондорово, называли «сондоровские». По данным составителя грамматики селькупского языка лингвиста А.И. Кузьминой, своеобразие сондоровского говора, которым пользуются потомки *ишеишула*, обусловлено тем, что он «является одним из наиболее древних диалектов селькупского языка» [5. С. 189]. По сведениям Г.И. Пелих, особенность этой группы обусловлена наличием в ее культуре древнего комплекса *киенкум*, базового для формирования духовного мира *ишеишула* [6. С. 13–14].

Заметное влияние на культуру селькупов оказали тюркоязычные соседи, обитатели Барабы, Притомья и Причулымья. Сильнее других этот процесс коснулся *ишеишула*, заселявшей бассейн р. Васюган [2. С. 11, 59]. Л.А. Чиндина полагает, что в IX в. с началом движения тюрков на юге и древнехантыйских племен на севере, «среднеобское самодийское население оказалось отрезанным от северной и южной самодийских групп. Эта изоляция, скорее всего, и обеспечила языковое и этническое своеобразие селькупов, отмеченное лингвистами и этнографами...» [7. С. 130].

В археологии многокомпонентность палеоселькупов, прослежена, прежде всего, на керамическом материале. По форме и орнаментации посуды выделено два

массива населения: люди с местными (рёлкинскими) корнями и выходцы с юго-востока, носители тунгусо-манчжурских языков [7. С. 130; 8]. Множество примеров влияния на нарымских аборигенов находим не столь далеко в прошлом, но на рубеже I–II и во II тыс. н.э. По археологическим наблюдениям, угорский элемент проник в протоселькупскую среду по окончании рёлкинской эпохи [9]. Знаком этого стало появление на Нарымском левобережье населения самобытной вожпайской культуры (IX–XIII вв.), пришлого из угорского Обь-Иртышья [10]. Свидетельством проникновения явилось устройство в бассейне р. Шудельки вожпайского городища *Остяцкий Бор* [1. С. 81–82; 11; 12. С. 70].

Сходная ситуация с появлением в X–XIV вв. некрополя Алдыган, оставленного в низовьях р. Чая выходцами из Зауралья и Нижнего Приобья [13]. Функционирование некрополя синхронно *Остяцкому Бору*, а изделия алдыганского типа найдены примерно в 5 км от последнего в могильнике развитого Средневековья Мысовской на р. Шудельке, где также встречались фрагменты вожпайской керамики (поселение Мысовское 1, местонахождение Мигалка). К северу, обозначая миграцию вожпайцев, их керамика обнаружена на поселении Тух-Эмтор IV, Березовый остров, Шаманский Мыс на р. Васюган и в низовьях р. Тым [1. С. 81–82; 11].

Перечисленные комплексы открыто указывают на присутствие в протоселькупское время соседей, выходцев из средневековой обско-угорской среды. На юго-западном фронтире расселения *ишеишула* к такому же выводу склоняют находки в Кустовском могильнике [12. С. 304]. В кургане № 15 выявлены медные и серебряные украшения угорского типа XIII–XIV (XV) вв. [9]. Согласно публикациям, вожпайцы и алдыганцы являлись носителями разных культурных традиций. Следовательно, с севера и северо-запада (запада?) в Нарымское Приобье пришли народы синхронных, но разных культур угорского круга. Примерно так в эскизном изображении выглядела этнокультурная картина протоселькупского мира и ближайшего окружения на период его становления и позиционирования в Среднем Приобье.

Исследователи имеют дело с локальными этнокультурными формами, пребывавшими в трудноразделимом изоморфном состоянии. Для выделения на их основе самостоятельных культур оснований пока нет, но в качестве локальных вариантов палеоселькупской культуры они рассматриваться в состоянии. Уточним, что попытки выделения культуры палеоселькупов уже известны. В 1930-е гг. П.И. Кутафьев говорил о существовании в Нарымском Приобье особой культуры, а в 1957 г. А.П. Дульзон на материалах Нижнего Чулыма и прилегающего района Оби предложил обоснование «остяцкой (селькупской)» культуры [14]. Следующим стал В.А. Могильников с предложением рассмотреть идею «кустовской культуры», обозначившуюся на материалах XIII–XIV вв. из раскопок П.И. Кутафьева на Кустовском некрополе [15]. А совсем недавно А.И. Боброва выделила «нарымскую археологическую культуру» IX–XVII вв. [16. С. 129].

Практически все археологические исследования отличаются дескриптивной формой без разделения на группы. Хотя очевидно, что в них присутствуют не только языковые особенности. Например, археологически подтвердились сведения Г.И. Пелих о том, что *ишегула* хоронили в отличие от других групп в непо потревоженной (нераспиленной) лодке [6. С. 14; 17]. Но наряду с уникальными, имелись и универсальные явления. Например, практически все группы палеоселькупов, а затем и селькупы использовали единообразный набор железных наконечников стрел [18].

Результаты стационарных исследований некрополей, оставленных палеоселькупам *ишегула* в XIII–XVII вв. и их приемниками селькупам в XVIII – середине XIX в., достаточно полно характеризуют особенности погребального обряда. В настоящей работе внимание направлено на репрезентативные элементы в виде посмертных сооружений, выявленных на левобережных обских притоках: могильник Барклай на р. Чая, могильники Кустовский и Сухая Речка на р. Кёнга (правый приток р. Парабель, впадающей в Обь слева). Привлекались публикации с материалами из памятников, изученных другими специалистами.

Работа направлена на обобщение и анализ форм погребальных сооружений палеоселькупов, составляющих внешнюю структуру погребальных комплексов. Иными словами, оболочками включающими «любой тип вмещающего объема, созданного или использованного для размещения останков умершего» [19. С. 30].

Натурная и символическая топография некрополей палеоселькупов

Проблема размещения и устройства кладбищ всегда была одной из самых насущных проблем человечества. При этом издревле перед людьми стояла задача выбора максимально удобного места для погоста. Свидетельством тому являются наставления по выбору места захоронения, изложенные в ведийском нарративе начала I тыс. до н.э. «Шатапатха-брахмана». Они сводятся к нормам, согласно которым человек должен покоем в месте визуально недоступном из селения живых и отвечающий ряду требований: *«Пусть делает ее (могилу. – Авт.) в приятном месте, для того, чтобы ему /умершему/ было приятно; и в спокойном /месте/, чтобы для него /умершего/ был покой... Пусть он делает ее там, где ее не будет видно отсюда (из селения. – Примеч. переводчика), т.к. он, безусловно, зовет, и другой из этих /членов его семьи/ скоро последует /за покойным/ в смерти. Пусть позади будут красивые объекты... леса или земля с лесами, холмами... пусть здесь будет вода... так как вода – красивый объект»* [20. С. 29; 21].

Удаление кладбища за зрительный горизонт, помимо практического и эстетического, имело символическое значение, обусловленное представлениями о духовной чистоте и экзорцизме. Кладбище как место, близкое к загробному миру, т.е. «нечистое», не должно напоминать о себе. Дистанция до селения должна быть достаточной, чтобы души умерших не могли найти дорогу к жилищам живых, чтобы увлечь кого-то из них в мир мертвых.

Специальное исследование показало, что воззрения сибирских народов по данному вопросу во многом соответствуют предписаниям ведийского нарратива [22]. Сближение обнаруживается в формальном и символическом осмыслении устройства кладбищ. Этнолог Н.М. Талигина так оформила это правило: «Место под кладбище выбирали высокое. Сухое, песчаное, как для поселений. Между поселением людей и кладбищем должна быть водная граница. Вода служила барьером между живыми и мертвыми» [23. С. 122]. Селения мертвых не должны отличаться от селений живых. Сходные требования к местоположению кладбища предъявляли современные селькупы, выбиравшие чистые, высокие и хорошо продуваемые сосновые боры на коренных террасах рек. Хотя нередко этнографические кладбища располагались по незаливным берегам проток и стариц. К примеру, у д. Зимний Напас на р. Тым и у юрт Налимки на р. Кеть предпочитали хоронить в густом бору [4. С. 63]. Ранее таких же взглядов придерживались палеоселькупы. Мы не знаем, как выглядели кладбища 300–400 лет назад. В современных условиях культурный ландшафт местонахождения палеоселькупских некрополей мало чем или вовсе ничем не отличается от ландшафта селькупских памятников нового времени.

Как показывает практика, более существенным моментом при выборе места являлась метафизическая сторона вопроса, обусловленная мифологическим мироустройством в двух вариантах [22]. Первый – горизонтальный, его маркером является река, разделенная на три зоны: исток, место проживания божеств, среднее течение – мир живущих людей и устье, сливающееся с морем мертвых, населенном демонами и душами умерших; второй – вертикальный, знаком которого было дерево, делившееся на три части: вершину, упирающуюся в небесный свод, населенный божествами; ствол – мир живых людей и корневую систему, уходящую в загробный мир демонов. Идеальным стал вариант, где две эти модели слились в единую систему. Здесь мировое дерево произрастало у истоков великой реки возле избушки *старухи*, или у жилища Кандальдука [24. С. 9].

Некрополи, устроенные на древних поселениях и кладбищах

К предыдущей теме тесно примыкает вопрос размещения захоронений на ранее освоенных человеком местах, на территориях поселений и могильников предшествующих времен. И если второй вариант строится на логичном постулате о продолжении традиции пользования, то первый не находит даже формального объяснения.

Впервые на факт размещения Гребеншиковского могильника на заброшенном поселении, обратил внимание А.П. Дульзон [25]. Данный пример нашел место и в других памятниках *ишегула*. В частности, так же размещены близкие в этнокультурном отношении палеоселькупские могильники Иготкинский, Тискинский и Мигалка на р. Оби и Барклай на р. Чае, устроенные на поселенческих комплексах развитого и раннего Средневековья [1. С. 29], а Мигалка возникла на территории стоянок последовательно сменявших друг

друга от неолита до рёлкинского времени [26]. Позже стало ясно, что традиция имеет более глубокие корни. Погребения некрополя развитого Средневековья Алдыган в низовьях р. Чаа были обнаружены «в культурном слое поселений эпохи бронзы» [27]. Схожая картина отмечена в раннесредневековой рёлкинской культуре, но с одним отличием. Могильник Рёлка возник на захоронениях карасукского времени [28. С. 7]. Причины устройства кладбищ на территориях памятников предшествующих времен объяснения пока не находят. Гипотетически причина может крыться в осмыслении старых объектов в качестве «умерших», сблизившихся с потусторонним миром, удобных для перехода из реального мира в потусторонний.

Грунтовые и подкурганные погребения. Погребальная практика Нарымского Приобья делится на грунтовые и курганные захоронения. Ниже северных обских притоков р. Васюган слева и р. Тым справа курганов нет. Вниз по Оби известны лишь грунтовые могильники, выше практиковались оба способа, причем обычно в рамках одного некрополя, но в разных хронологических горизонтах. Например, в Кустовском могильнике в межкурганном пространстве располагались грунтовые могилы XIII–XIV в., а рядом под насыпями залегали захоронения XVI–XVII вв. Особенность селькупских курганов состоит в том, что насыпи, за редким исключением, не являются одноразовым перекрытием могил, они формировались в результате послойного захоронения умерших на ограниченной площадке. Об таком устройстве писал в 1872 г. краевед Н. Костров [28. С. 136]. Новые погребения устанавливались на засыпку старых, формируя ярусы, куда в XIX–XX вв. впускали захоронения по христианскому обряду [29, 30]. В кургане № 7 некрополя Барклай в таком порядке располагалось 20 погребений.

Сочетание разных видов объясняется эпохальными сменами этнокультурного ландшафта. Прото-самодийская кулайская культура РЖВ оставила по всей северной территории ее распространения грунтовые захоронения без насыпей. Инфильтрации курганного способа в Нарымское Приобье с юга-юго-востока синхронизируются с проникновением древнетюркского населения, метисация которого с аборигенами послужила возникновению раннесредневековой рёлкинской культуры. Параллельно с этим бытует прежний грунтовый способ, а в XVIII–XIX в. добавляется его аналог в виде впускных погребений в существующие насыпи. В Тискинском некрополе захоронения в средневековые курганы велись до 1957 г., в Барклае – по 1840–1850-е гг. Над грунтовыми могилами селькупы ставили срубные домики, сменившие грунтовые насыпи, имитирующие дома усопших. Представления такого рода находят истоки в глубокой древности, к примеру, в ранних египетских *мастаба*, копировавших жилища людей [19. С. 192].

У арийских племен требование обеспечить умершего символическим домом было прописано в ведийском нарративе [31].

Ингумация и кремация. Пример бинарного порядка в погребальном обряде протоселькупов и селькупов

демонстрирует сосуществование ингумации и кремации, перенятых из рёлкинской традиции. Данная практика одинаково существовала в грунтовых и подкурганных типах захоронений, бытуя в границах одного могильника.

В количественном отношении доминирует ингумация с целым рядом разновидностей. Преобладает наземная форма с умершим, уложенным вытянуто на спине. Курганная форма встречается реже, но внешне не отличается от первой. Лишь однажды в Барклае умерший был найден в скорченном виде, возможно, будучи похороненным в сидячем положении. Иногда в погребении отсутствовал череп, изредка обнаруживался череп без привязки к костяку. Палеоселькупы в одно погребение единовременно укладывали от одного до пяти покойников. В оградках селькупов XIX в. насчитывалось от одного до трех ящиков-гробов с умершими [32].

Кремация проводилась всегда на месте захоронения в вариантах полного или частичного сожжения. В первом случае сгорало все погребений, в другом выгорала лишь его часть, символически *pars pro toto*, часть вместо целого. При этом не очень понятно, какими принципами руководствовались традиционные общества при назначении соплеменнику способа отправления в иной мир. Литературное мнение о том, что сожжению подлежали представители светской и духовной элиты (вожди, шаманы), не всегда находит подтверждение. А.И. Боброва опубликовала сводку данных, согласно которой кремации подвергали представителей обоих полов и всех возрастов, хотя доминируют зрелые [34]. К примеру, в могильнике Барклай пятеро кремированных были взрослыми мужчинами [31]. В Кустовском могильнике кремировали три раза: двух женщин, юношу и мужчину 50–60 лет [9]. Одно сожжение отмечено П.И. Кутафьевым в Гребеншиковском некрополе на р. Кёнге. Все кремации относятся к XVI–XVII вв., до и после их не выявлено. Наши выводы полностью коррелируют с результатами, полученными А.И. Бобровой, изучившей кремации X–XVII вв. из палеоселькупских, селькупских и этнически соседствующих этносов Томско-Нарымского и Причумского Приобья [34].

Кроме непосредственного сожжения умерших, на территориях некрополей регулярно совершались ритуальные обжигания и окуривания площадок под захоронения. Имеется мнение, что огонь в погребальный обряд селькупов привнесен от чумских тюрков [14].

Ограды, оградки, ящики, гробы. Разнообразие погребального обряда нашло выражение в формах могильных сооружений и вместилищ для покойных. Наиболее заметными были различия в устройстве послойных захоронений под насыпями.

Погребения XIII–XIV вв. устроены в форме прямоугольных дощатых ящиков на древней поверхности или опущенных в ямы глубиной до 40 см. Часто они без дна и всегда одиночные. Группы погребений выстраивались в один или два ряда с ориентацией в широтном направлении и бревенчатой оградой вокруг.

В XVI–XVII вв. основным погребальным сооружением становится бревенчатая рама-обкладка с дощатым дном и перекрытием. Торцовые стенки делали из

бревен, врезанных концами в бревна длинных сторон, или из вертикально установленных в ряд нетолстых бревен. Периметр рам укрепляли кольями, вбитыми в грунт. Днища и перекрытия застилали берестяными тисками. Ими же оборачивали покойников, формируя, так называемые чехлы [29].

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на слившихся насыпях Баркляя наблюдается совмещение старых и новых типов сооружений, которые сложно дифференцировать в узком хронологическом диапазоне. Сохранялась практика захоронений под насыпь на дневной поверхности в деревянных рамах, сменившихся прямоугольными ящиками. В одном случае на насыпи стояли три бревенчатые ограды, внутри которых оставляли прямоугольные дощатые ящики с умершими. При добавлении новые ящики ставили рядом, а затем вторым ярусом, что требовала экономия места для новых покойников на семейном участке. Вероятно, этим стремились оградить сакральное пространство семьи, подобно оградкам у христианских могил. Православные нормы проявились и в других деталях: гробы, ориентация умерших, меднолитые нателные кресты и образки. В начале XIX в. появляются погребения с кошельками, набитыми монетами, впущенные в насыпи и перекрытые продольными плахами. Параллельно или чуть позже появляются гробы с зауженным окончанием, сколоченные железными гвоздями и скобами. В них хоронили преимущественно младенцев и редко – взрослых [29, 33].

Г.И. Пелих выделила в культуре *шиешгула* компонент *киенкум*, предусматривавший в погребальном обряде лодки и столбы (символические деревья) [6. С. 13]. Мифологические сведения подтвердили в археологии: в некрополях Баркляя и Кустовский, на территории обитания группы *шиешгула*, в XVI–XVII вв. были открыты столбы и захоронения в лодках [17, 35].

Лодки и колоды. Две лодки были обнаружены под одноактными насыпями Кустовского могильника. В кургане № 13 исследована массивная колодообразная однодеревка с уплощенным дном и трапециевидным выступом на корме, отвечающая характеристикам селькупской лодки *лаба квышанд* [4. С. 16; 17; 35]. Образцы данной формы являлись наиболее древними в Южной Сибири [36. С. 65], но крайне редко встречались в Западной Сибири [37. С. 219]. Подтверждением древности подобных лодок является мифологема, гласящая, что раньше васюганские ханты плавали в «корытах» [38. С. 53].

В кургане № 13А похороны состоялись в лодке со стройными обводами корпуса, заостренного с обеих сторон. Кормовое завершение коротко срезано в вертикальной проекции, а длинный нос плавно поднимался на протяжении 1/3 днища [9, 35]. Данные контуры свойственны для селькупского облака *ронтык*, оснащенного носовым выступом прямоугольной или треугольной формы. Кормовой выступ украшала фигура в форме «половинки волюты», обращенной вниз [4. С. 15–16, 111, рис. 1].

По данным Г.И. Пелих, лодка *ронтык* – это не только лодка шаманов, но и мифологическая «лодка мертвых». Анализ мировой практики захоронений в лодках и ладьях указывает на наличие в египетской,

переднеазиатской, островной тихоокеанской и западно-североамериканской погребальной практике особого рода «погребальных» судов, отличных от утилитарных. У селькупов этому понятию соответствовали *ронтык* у южной, нарымской или *ротык* у северной тазовско-туруханской группы, обладавшие конструктивными особенностями лодок «южного» типа, уходящих корнями в древнюю историю Передней и Средней Азии [17, 35, 39].

Сибирская этнография обычно описывает ритуалы в лодках, распиленных пополам, где одна из половин являлась крышкой погребения. Часто использовали лодки с отрезанным носом или кормой (иногда и то и другое одновременно). Однако мифология содержит глухие упоминания о захоронениях в цельных лодках. Полученные в Кустовском некрополе археологические материалы подтвердили достоверность этих сведений и реконструкции Е.Д. Прокофьевой, показавшей захоронение в неповрежденной лодке [40]. Гипотетически, погребение в цельной лодке символизирует архетип наиболее архаичного обряда. Со временем подробности изначального ритуала, видимо, были утрачены, сохранилась лишь оболочка трансформированной идеи, в прагматике саркофага-гроба. Однако у *шиешгула* представление о древней форме и содержании ритуала сохранилось в «чистом» виде до XVII в. [41].

Идея саркофага у сибирских аборигенов воплотилась в гробах-колодах, состоявших из двух частей кедрового бревна, распущенного вдоль с расчетом устройства вместилища для тела и крышки. Колоды готовили под индивидуальные габариты умершего, поэтому их размеры различаются. Из-за внешнего сходства и способа выделки колоды ассоциировались с лодками, о чем можно судить со слов инородческого священника Петра Краснова, много лет служившего у хантов р. Васюган. Он писал: «Гроб по их понятиям означает лодку, а лопата весло. Когда гроб у них означает лодку, то поэтому они делают его из цельной чурки, чтобы вода в него, как в лодку, не могла бы попасть и потопить на том свете умершего, если он когда поплывет» (цит. по: [17]). По данным этнографии, захоронения в колодах обусловлено приходом русских. В с. Тарахла Шегарского района такой способ использовали вплоть до 1962 г. [6. С. 76]. В широком культурологическом контексте захоронения в долбленых домовинах колодах или *корстах* повсеместно считаются очень древними, являясь прототипами («вариететами») погребений в лодках [42. С. 94]. Их появление в Европе относят к эпохе бронзы, они известны у этрусков и в период римского владычества, но широкое распространение получили в Средневековье. Колоды вырубали из стволов дуба или грушевого дерева, а поверхность украшали резбой [42. С. 95–98]. Не случайно, что лодка у многих народов, в том числе сибирских, напоминала колоду, а в погребальной практике лодки и колоды сопутствуют в рамках одной мегакультуры на протяжении долго времени (у палеоселькупов и селькупов не менее чем 300–400 лет) [43. С. 120]. Применительно к селькупам Е.Д. Прокофьева писала: «Прежде гроб (колькор) выдалбливали из кедровой колоды» [40].

В селькупской погребальной практике долбленные колоды, видимо, не имели повсеместного распространения. Вероятно, правы были старики, информировавшие Г.И. Пелих о появлении колод под русским влиянием. В крупнейшем Тискинском некрополе *ишешгула* было всего четыре колоды [44. С. 34–35]. В Барклае на р. Чая колоды выявлены лишь в двух комплексах XVII в. Их отличает тонкостенность и низкий профиль. Крышки уплощенной формы устанавливались очень близко к телу усопших. Ранее на той же реке смоленные колоды употребляли «остяки» д. Костенкиной [25]. Словами В.А. Дрёмова, на кладбище этой деревни было найдено около ста колод, использовавшихся задолго до гробов [42. С. 35].

Кенотаф. В 1930-е гг. в одном из курганов Кустовского могильника П.И. Кутафьев обнаружил бревно в сопровождении заупокойного инвентаря, что послужило основанием считать погребение кенотафом [1. С. 81; 28. С. 135; 45. С. 28–29]. Данный эпизод не стал исключением. В 1946 г. А.П. Дульзон изучил погребение Тургайского могильника, где лежали одни вещи. В.И. Матющенко увидел в этом ритуале самусьскую традицию [46]. Продолжение данной практики нашло место в курганах Рёлки, где Л.А. Чиндина отметила «фиктивные захоронения» [7. С. 33]. В могильнике Барклай автором было изучено захоронение XVI–XVII вв., в раме-обкладке перекрытой плахами, в которой находился только керамический сосуд [47], символизируя, возможно, женское погребение [48. С. 99]. В другом случае рядом с костяком человека лежала половина туши козы или овцы. Появление символических захоронений без умерших относят к III тыс. до н.э. (две гробницы Снофру) [19. С. 176]. По древним представлениям, кенотаф сооружали для сохранения души умершего [31]. Для ее временного вселения использовали разного рода заместители [19. С. 176]. Тюрки-печенеги сооружали кенотаф, если воин не возвращался из похода, а ханты делали то же самое, если не находили тело погибшего. В обоих случаях в могилу складывали вещи покойного, а печенеги еще и чучело лошади [49. С. 36; 50. С. 134].

Столбы. В селькупской этнографии весьма часты упоминания сакральных столбов, символизирующих мировое древо, некоторые из них напрямую входили в погребальный ритуал северных и южных селькупов [4. С. 63; 51]. Археологически традицию удалось проследить на трех некрополях южных палеоселькупов: достоверно на Кустовском и с высокой степенью вероятности на могильниках Барклай и Бедеревский Бор-2 [52, 53]. На Кустовском могильнике столб стоял между четырьмя захоронениями в центре многоактной насыпи. Судя по остаткам, на вершине были закреплены березовые ветки с приношениями: оловянная тарелка с отверстием и графито, бубенец, железный топор-тесло, фрагменты металлических предметов, камень, скопления стеклянных бус и несколько обломков керамики. В средней части столба найден костяной наконечник стрелы, изначально, вероятно, воткнутый [54]. Г.И. Пелих писала: «В ноги у сруба вкапывался столб (с распространением христианства он был заменен крестом) [4. С. 63]. «На столбы крепились круглые металлические пластины или тарелки, символы солнца и месяца» [48. С. 47].

На вершине кургана могильника Барклай найдено скопление березовых веток, где залежали трехстворчатая меднолитая иконка, железный гвоздь и стеклянные бусы. Вероятно, здесь также стоял столб с березовыми ветками или просто молодая береза с кроной. Сходные ритуалы известны у соседствующих *кетов*, которые по завершению обряда набрасывали на могилу ворох веток и устанавливали «развилку жердь» [42. С. 13, рис. 58]. В старину на могилу ставилось жертвенное дерево *кассиль по* [40], а по данным О.Б. Степановой, «у северных селькупов до сих пор на могилу нередко сажают побег кедра или устанавливают срезанную березку, кедр или ель. Селькупы говорят, что это “жизненное дерево” человека, на подобные деревья вешают приклады – жертвенные полоски ткани» [48. С. 39]. По сведениям Н.В. Сайнаковой, только «у иванкинских шёшкупов главным священным деревом была береза», «только шёшкупы использовали березу именно в качестве жертвенного дерева, по которому шли просьбы людей к Богу» [3. С. 205]. Г.И. Пелих именует это дерево «мифологическим мировым деревом» *дару (дару)* [54. С. 24]. Суть «могильного дерева», «жизненного дерева» видится в представлении о том, что душа человека, миновав свой «подземный отрезок жизни», по этому дереву поднимается на небо. Вероятно, что и надмогильные столбы-памятники (*олыль по*) [40] или поры-пот [55]. олицетворяют такое дерево – канал связи между мирами. Известно, что священные деревья (березки) «*лозыль-кассиль-по*» ставили на границе с потусторонним миром для защиты от него живых людей. Симптоматична находка среди веток гвоздя. Г.И. Пелих писала, что железные гвозди селькупы вбивали в священные столбы «*алдтон-тыбыл*» для развешивания подарков духам потустороннего мира. Возможно, костяной наконечник (стрела, которой он принадлежал), найденный на кустовском столбе, служил той же цели.

По представлениям селькупов, столб в ногах могилы указывает на то, в каком из подземных миров должна находиться душа умершего. Душа шамана могла сразу уйти в верхний мир, а души обычных людей – в один из нижних. Если вершину столба венчает закругление, то место души находится в третьем мире, у ранее умерших родственников. В связи с таким оформлением любопытно упоминание Г.И. Пелих о подвешенных на столбах круглых предметах «*сангэ*», символизирующих в разных обстоятельствах солнце или луну. Это оловянные тарелки с кустовского столба-дерева и из Бедеревского Бора-2. Сходные тарелки находились на священном месте шамана Г. Калина на р. Таз. Одна из них висела на дереве [23]. Примечательно, что ритуальные столбы с дисками-символами солнца отмечены Л. Фробениусом у североамериканских индейцев [56. С. 243], обозначая тем самым близость воззрений населения двух соседствующих континентов и древность данной традиции.

Заключение

В исследовании обобщены и кратко проанализированы результаты археологических исследований погребальной практики палеоселькупов локальной группы *ишешгула*, выявившие несколько репрезентативных элементов погребальных обрядов. Раскопки подтвердили

этнографические наблюдения и выводы, сделанные Г.И. Пелих, о многокомпонентности культуры палеоселькупов. Отмечены многократные включения инокультурных традиций, привнесенные пришлыми этносами, представителями южных культур или соседей палеоселькупов, подверженных влиянием со стороны номадов степной зоны и великих цивилизаций Востока и

Запада Евразии. В работе использованы преимущественно материалы из некрополей *шиешгула*, и вполне оправданно можно предполагать, что получен корпус источников, характеризующих именно эту группу. Тем самым положено начало изучения локального варианта культуры южной группы палеоселькупов с позиций археологии при включении источников этнографии и лингвистики.

Список источников

1. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2016. 278 с.
2. Пелих Г.И. Селькупы XVII века. Новосибирск : Наука, 1981. 178 с.
3. Сайнакова Н.В. Обские шёкшупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 270 с.
4. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
5. Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1974. 265 с.
6. Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972.
7. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 181 с.
8. Боброва А.И., Мец Ф.И. К вопросу о многокомпонентности культуры средневекового населения Томско-Нарымского Приобья // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во АГУ, 1994. С. 163–164.
9. Ожередов Ю.И. Кустовский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 84–86.
10. Беликова О.Б. Вожпайская культура на территории Томской области // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 43–45.
11. Березовская Н.В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 95–97.
12. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 340 с.
13. Яковлев Я.А. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 7–10.
14. Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Учёные записки ТГПИ. Томск, 1957. Т. XVI. С. 443–488.
15. Могильников В.А. Некоторые проблемы этнической атрибуции культур эпохи железа таежного Обь-Иртышья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 110–113.
16. Березовская Н.В., Волков В.Г., Тучкова Н.А. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 128–138. doi: 10.17223/19988613/54/21
17. Ожередов Ю.И. Захоронения в лодках у палеоселькупов // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 83–111.
18. Кондрашов А.Н. Селькупские наконечники стрел (по археологическим данным) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 107–110.
19. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М. : Вост. лит., 1997. 279 с.
20. The satapatha-brāhmaṇa. Part I : according to the text of the Mādhyandina school. New York : Scribner's, 1900. 456 p.
21. Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района. Курганы в истории Хакасии (популярный очерк). СПб. : ИИМК РАН, 2001. 100 с.
22. Ожередов Ю.И. Сакральная топография некрополей нарымских селькупов // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 132–162.
23. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
24. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 5–70.
25. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 89–316.
26. Чиндина Л.А. Мигалка, грунтовый могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 97–98.
27. Боброва А.И. Мир реальный и потусторонний (к проблеме реконструкции системы жизнеобеспечения) // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 168–170.
28. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
29. Ожередов Ю.И. Погребальные сооружения селькупов XIV – сер. XIX вв. из курганной группы Барклай // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 89–92.
30. Ожередов Ю.И. Погребальный обряд шиешгула в свете российской государственной политики кон. XVI – сер. XIX вв // Русские старожилы. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 91–93.
31. Акишев К.А., Акишев А.К. К интерпретации символики исыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М. : Наука, 1981. С. 144–153.
32. Ожередов Ю.И. Использование огня в погребальном и поминальном обрядах по материалам курганной группы Барклай // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 35–45.
33. Ожередов Ю.И. Барклай, курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 26–28.
34. Боброва А.И. Кремация в погребальной обрядности средневекового населения Томско-Нарымского Приобья и Причудымья // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 46–56.
35. Ожередов Ю.И. К вопросу о погребениях в лодках у нарымских селькупов, по археологическим источникам // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Ханты-Мансийск : Изд-во Омского пед. ун-та, 2002. С. 220–224.
36. Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 200 с.
37. Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 299 с.
38. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 224 с.
39. Пелих Г.И. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов // Сборник научных работ исторических кафедр. Труды ТГУ. Т. 171. Томск : Изд-во ТГУ, 1963. С. 159–174.
40. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) : сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977. С. 66–79.
41. Ожередов Ю.И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 22 с.

42. Ануцин Д.Н. Сани, лодки и кони как принадлежность погребального обряда. Археолого-этнографический этюд // Древности: Труды ИМАО. Т. 14. М.: Типография и Словолитня О.О. Гербек, 1890. С. 81–226.
43. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. I. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 154 с.
44. Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 176 с.
45. Кутафьев П.И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год. Т. II // Архив МАЭС ТГУ, № 116-1. 45 с.
46. Матюшенко В.И. Самусьский могильник // Труды ТГУ. Т. 150. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1961. С. 46–53.
47. Ожередов Ю.И. Кенотаф в палеоселькупском погребальном обряде: Вопросы формы и семантики // III Северный археологический конгресс Ханты-Мансийск. Тезисы докладов. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 190–191.
48. Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и души. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 304 с.
49. Плетнева С.А. Печенеги // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 35–36.
50. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: АЭ РАН, 1998. 235 с.
51. Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 185–190.
52. Ожередов Ю.И. Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы. Тобольск–Омск, 2001. С. 224–227.
53. Ожередов Ю.И. Ритуальное дерево в погребальном обряде палеоселькупов Приобья (по материалам археологии) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 212–216.
54. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
55. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. 1993. № 38 (1–3). P. 287–308.
56. Фробениус Л. Детство человечества. СПб.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1914. 368 с.

References

1. Bobrova, A.I. et al. (2016) *Narymskoe Priob'ye vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [Narym Ob Region in the 2nd Millennium AD (10th–20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
2. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka* [Selkups of the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
3. Saynakova, N.V. (2017) *Obskie sheshkupy: rasselenie, formirovanie i etnicheskaya kul'tura v XIX–XX vv.* [Ob shoshkups: settlement, formation and ethnic culture in the 19th–20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kuz'mina, A.I. (1974) *Grammatika sel'kupskogo yazyka* [Grammar of the Selkup Language]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie i istoriya sel'kupov* [Origin and history of the Selkups]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
7. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob region in the early Middle Ages (Relkin culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Bobrova, A.I. & Mets, F.I. (1994) [On the question of the multi-component culture of the medieval population of the Tomsk-Narym Ob region]. *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages]. Proceedings of the International Conference. Barnaul. 12–13 April 1994. Barnaul: Altai State University. pp. 163–164. (In Russian).
9. Ozheredov, Yu.I. (2001) *Kustovskiy kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov* [Kustovsky complex of archaeological monuments]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 84–86.
10. Belikova, O.B. (2001) *Vozhpayskaya kul'tura na territorii Tomskoy oblasti* [Vozhpa culture on the territory of Tomsk Oblast]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 43–45.
11. Berezovskaya, N.V. (1992) *Vozhpayskie pamyatniki v Narymskom Priob'ye* [Vozhpa monuments in the Narym Ob region]. In: *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archeology of Siberia and the Far East]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–97.
12. Chindina, L.A., Yakovlev, Ya.A. & Ozheredov, Yu.I. (1989) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological Map of Tomsk Oblast]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
13. Yakovlev, Ya.A. (2001) *Aldygan, kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov* [Aldygan, a complex of archaeological monuments]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–10.
14. Dul'zon, A.P. (1957) *Ostyatskiy kurgannyi mogil'nik XVII veka u sela Molchanovo na Obi* [Ostyak burial mound of the 17th century near the village of Molchanovo on the Ob]. *Uchenye zapiski TGPI*. 16. pp. 443–488.
15. Mogil'nikov, V.A. (2000) *Nekotorye problemy etnicheskoy atributsii kul'tur epokhi zheleza taezhnogo Ob-Irtysh'ya* [Some problems of ethnic attribution of Iron Age cultures of the Ob-Irtysh taiga]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vladivostok: Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 110–113.
16. Berezovskaya, N.V., Volkov, V.G. & Tuchkova, N.A. (2018) The origins of the selkups in the light of interdisciplinary approach (archaeology, genetics, linguistics, historical ethnography). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 54. pp. 128–138. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/54/21
17. Ozheredov, Yu.I. (2023) *Zakhoroneniya v lodkakh u paleosel'kupov* [Burials in boats among the Paleoselkups]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 4 (35). pp. 83–111.
18. Kondrashov, A.N. (1992) *Sel'kupskie nakonechniki strel (po arkheologicheskim dannym)* [Selkup arrowheads (according to archaeological data)]. In: *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archeology of Siberia and the Far East]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 107–110.
19. Smimov, Yu.A. (1997) *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya* [Labyrinth: Morphology of intentional burial]. Moscow: Vostochnaya literatura.
20. Muller, F.M. (ed.) (1900) *The Satapatha-Brāhmaṇa. Part I: According to the text of the Mādhyandina school*. New York: Scribner's.
21. Aleksandrov, S.V., Paul's, E.D. & Podol'skiy, M.L. (2001) *Drevnosti Askizskogo rayona. Kurgany v istorii Khakasii (populyarnyy ocherk)* [Antiquities of the Askiz Region. Kurgans in the history of Khakassia (popular essay)]. Saint Petersburg: Institute for the history of material culture RAS.
22. Ozheredov, Yu.I. (2021) *Sakral'naya topografiya nekropoley narymskikh sel'kupov* [Sacral topography of the necropolises of the Narym Selkups]. *Narody i religii Evrazii*. 2 (27). pp. 132–162.
23. Taligina, N.M. (2005) *Obrady zhiznennogo tsikla u synskikh khandov* [Rituals of the Life Cycle among the Syn Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Pelikh, G.I. (1980) *Materialy po sel'kupskomu shamanstvu* [Materials on Selkup shamanism]. In: *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 5–70.
25. Dul'zon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti* [Archaeological monuments of Tomsk Oblast]. *Trudy TOKM*. 5. pp. 89–316.
26. Chindina, L.A. (2001) *Migalka, gruntovyy mogil'nik* [Flasher, ground burial ground]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 97–98.
27. Bobrova, A.I. (1998) *Mir real'nyy i potustoronniy (k probleme rekonstruktsii sistemy zhizneobespecheniya)* [The real and other world (to the problem of reconstructing the life support system)]. In: *Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika* [Life Support System of Traditional Societies in Ancient and Modern Times. Theory, methodology, practice]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 168–170.

28. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Relka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Ozheredov, Yu.I. (1993) Pogrebal'nye sooruzheniya sel'kupov XIV – ser. XIX vv. iz kurgannoy gruppy Barklay [Funeral structures of the Selkups in the 14th – mid-19th centuries from the Barclay mound group]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Kul'turno-geneticheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Cultural-Genetic Processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 89–92.
30. Ozheredov, Yu.I. (2000) Pogrebal'nyy obryad shieshgula v svete rossiyskoy gosudarstvennoy politiki kon. XVI – ser. XIX vv. [Funeral rite of Shieshgul in the light of Russian state policy. 16th–mid-19th centuries]. In: *Russkie starozhily* [Russian Old-Timers]. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 91–93.
31. Akishev, K.A. & Akishev, A.K. (1981) K interpretatsii simvoliki issyetskogo pogrebal'nogo obryada [On the interpretation of the symbolism of the Issyk funeral rite]. In: Kukushkina, N.A. (ed.) *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma* [Culture and Art of Ancient Khorezm]. Moscow: Nauka. pp. 144–153.
32. Ozheredov, Yu.I. (1992b) Ispolzovanie ognia v pogrebal'nom i pominal'nom obryadakh po materialam kurgannoy gruppy Barklay [The use of fire in funeral and memorial rites based on materials from the Barclay Kurgan group]. In: *Voprosy etnokul'turnoy istorii narodov Zapadnoy Sibiri* [Questions of the Ethnocultural History of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 35–45.
33. Ozheredov, Yu.I. (2001) Barklay, kurgannyi mogil'nik [Barclay, burial mound]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–28.
34. Bobrova, A.I. (1992) Krematsiya v pogrebal'noy obryadnosti srednevekovogo naseleniya Tomsko-Narymskogo Priob'ya i Prichulyum'ya [Cremation in the funeral rituals of the medieval population of the Tomsk-Narym Ob region and Chulyum region]. In: *Voprosy etnokul'turnoy istorii narodov Zapadnoy Sibiri* [Questions of the Ethnocultural History of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 46–56.
35. Ozheredov, Yu.I. (2002) K voprosu o pogrebeniyakh v lodkakh u narymskikh sel'kupov, po arkheologicheskim istochnikam [On the issue of burials in boats among the Narym Selkups, according to archaeological sources]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk; Khanty-Mansiysk: Omsk State Pedagogical University. pp. 220–224.
36. Tomilov, N.A. (1980) *Etnografiya tyurkoyazychnogo naseleniya Tomskogo Priob'ya* [Ethnography of the Turkic-Speaking Population of the Tomsk Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Bel'gibaev, E.A. (2004) *Traditsionnaya material'naya kul'tura chelkantsev basseyna r. Lebed' (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Traditional Material Culture of the Chelkans of the River Basin. Swan (Second half of the 19th–20th centuries)]. Barnaul: Altai State University.
38. Kulemin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty* [Vakh-Vasyugan Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
39. Pelikh, G.I. (1963) Elementy peredneaziatskoy kul'tury u narymskikh sel'kupov [Elements of Western Asian culture among the Narym Selkups]. *Sbornik nauchnykh rabot istoricheskikh kafedr. Trudy TGU*. 171. pp. 159–174.
40. Prokofeva, E.D. (1977) Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkups]. In: *Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Cultural Monuments of the Peoples of Siberia and the North (Second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vol. 33. Leningrad: Nauka. pp. 66–79.
41. Ozheredov, Yu.I. (2006) *Lokal'no-dialektnaya gruppa «shieshgula»: ideynyy kontekst arkheologicheskikh istochnikov (XVI–XVII vv.)* [Local dialect group Shieshgula: ideological context of archaeological sources (16th–17th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
42. Anuchin, D.N. (1890) Sani, lodki i koni kak prinadlezhnost' pogrebal'nogo obryada. Arkheologo-etnograficheskiy etyud [Sleighs, boats and horses as accessories of a funeral rite. Archaeological and ethnographic study]. *Drevnosti: Trudy IMAO*. 14. pp. 81–226.
43. Kar'yalaynen, K.F. (1994) *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra Peoples]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
44. Bobrova, A.I. (2007) *Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika)* [Selkups of the 18th–19th Centuries (Based on materials from the Tiskinsky burial ground)]. Tomsk: Tomsk State University.
45. Archive of Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at TSU. No. 116-1. P 1–45. Kutaf'ev, P.I. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Narymskomu okrugu za 1938 god* [Report on archaeological research in the Narym district for 1938]. Vol. 2.
46. Matyushchenko, V.I. (1961) Samus'skiy mogil'nik [Samus'sky burial ground]. *Trudy TGU*. 150. pp. 46–53.
47. Ozheredov, Yu.I. (2010) [Cenotaph in the Palaeoselkup funeral rite: Questions of form and semantics]. *Abstracts of the 3rd Northern Archaeological Congress*. Khanty-Mansiysk. 8–13 November 2010. Yekaterinburg: IzdatNaukaServis. pp. 190–191. (In Russian).
48. Stepanova, O.B. (2008) *Traditsionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushi* [Traditional Selkup Worldview: Ideas about the cycle of life and soul]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
49. Pletneva, S.A. (1988) Pechenegi [Pechenegs]. In: Puchkov, P.I. (ed.) *Ischeznuvshie narody* [Vanished Peoples]. Moscow: Nauka. pp. 35–36.
50. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khandov* [Essays on the History and Culture of the Khanty]. Moscow: AE RAS.
51. Baulo, A.V. (1980) Tipy nadmogil'nykh sooruzheniy u tazovskikh sel'kupov [Types of burial structures among the Taz Selkups]. In: Pelikh, G.I. & Toshakova, E.M. (eds) *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 185–190.
52. Ozheredov, Yu.I. (2001) [Pillar in the Shieshgul funeral rite]. *Samodiysy* [Samoyeds]. Proceedings of the 4th Siberian Symposium. Tobolsk. 10–12 December 2001. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 224–227. (In Russian).
53. Ozheredov, Yu.I. (2017) [Ritual tree in the funeral rite of the Paleoselkup of the Ob region (based on archaeological materials)]. *Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress*. Vol. 2. Barnaul – Belokurikha. October 2017. Barnaul: Altai State University. pp. 212–216. (In Russian).
54. Pelikh, G.I. (1998) *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup Mythology]. Tomsk: Izd-vo NTL.
55. Gemuev, I.N. & Pelikh, G.I. (1993) O pogrebal'noy obryadnosti sel'kupov [On the funeral rites of the Selkups]. *Asta Ethnographica Hungarica*. 38 (1–3). pp. 287–308.
56. Frobenius, L. (1914) *Detstvo chelovechestva* [The Childhood of Man]. Saint Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina P.V. Lukovnikova.

Информация об авторе:

Ожередов Ю.И. – канд. ист. наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра “Циркумполярная Чукотка” – Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета (Анадырь, Россия). E-mail: nohoister@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.I. Ozheredov, Cand. Sci. (History), research fellow, Scientific Educational Center “Circumpolar Chukotka” – Chukotka Branch of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Anadyr, Russian Federation). E-mail: nohoister@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

ПЕДАГОГИКА

Original article
UDC 378.2+159.922.1
doi: 10.17223/15617793/497/14

Prospects for the development of science and higher education in the Republic of Kazakhstan: Gender patterns

Adilbek K. Bisenbaev¹, Aigul E. Bizhkenova²,
Aiman S. Aktanova³, Anastasia V. Fakhrutdinova⁴

^{1, 2, 3} National Academy of Education named after Y. Altynsarin, Astana, Kazakhstan

⁴ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ eldarknar@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7490-8375

² Abizhkenova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-4869-7973

³ aktanovaaiman71@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0444-5336

⁴ avfach@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7872-7507

Abstract. Gender equality is a fundamental catalyst for economic development and societal prosperity. This study is undertaken to explore gender patterns within the academic community of Kazakhstan. The research employs statistical data to quantitatively assess the representation of women and men, analyzing age-related characteristics of individuals who have obtained a PhD in Kazakhstan with the aim of identifying gender differences within the academic community. The results indicate that gender equality has been achieved at institutional and organizational levels, yet pervasive “social barriers” still hinder the full recognition of women’s accomplishments. A notable phenomenon observed in the scientific system of Kazakhstan is the trend of feminization, which emerged in 2012 when the number of female researchers (9,316) surpassed that of their male counterparts (7,776). However, in this landscape characterized by gender and social inequality, a parallel effect of gender inversion emerged. Women scientists face specific challenges in transitioning from a PhD to the subsequent Doctor of Science (DrS) degree, as recognized in Kazakhstan. While the number of female researchers with a PhD degree is nearly twice that of male researchers, the number of female researchers with a DrS degree significantly lags behind their male colleagues. This gender inversion effect is explored through the prism of social factors, shedding light on a complex issue that requires further investigation and intervention to promote true gender equality in science and academia. As a recommendation to mitigate the effects of gender inversion and “social barriers” in the field of science, the authors propose a restructuring of the scientific metric system. This involves reducing the dominance of quantitative (numeric) and temporal (time-based) assessments while increasing the importance of qualitative (humanitarian) assessments of potential, productivity, and research efficiency. Additionally, the authors suggest the development, adoption, and implementation of specialized programs aimed at improving the social life of researchers to achieve family ergonomics. Furthermore, qualifications should be taken into account, with grants, memberships, hierarchical positions, and recognition in the scientific system considering only a PhD degree (or candidate of sciences) within the Bologna Process, diminishing the value of academic degrees such as “Doctor of Sciences” and “Doctor of Proficiency”. Lastly, quantitative stimulation of diverse scientific groups is recommended through appropriate regulatory acts and supervisory functions.

Keywords: higher education, gender equality, science, gender patterns, feminization of science

Financial support: This article was prepared within the programme trust fund study OR 11465474 “Scientific foundations for modernization of the education system and science” (2021–2023, National Academy of Education named after Y. Altynsarin).

Research limitation: The research findings are relevant to national scientific systems where the effect of feminization, characterized by the long-term and sustainable prevalence of female researchers over male researchers, is evident. The observed inversion effect in the research holds relevance for countries in which the effect of feminism in a specific domain (a local social anomaly) intersects with gender inequality across society as a whole.

Acknowledgments: The authors express gratitude to Professor A.K. Aringazin and Academician S.Zh. Tokmoldin for discussing the issues of scientific cooperation, epistemology, and social dynamics.

For citation: Bisenbaev, A.K., Bizhkenova, A.E., Aktanova, A.S. & Fakhrutdinova A.V. (2023) Prospects for the development of science and higher education in the Republic of Kazakhstan: Gender patterns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 134–142. doi: 10.17223/15617793/497/14

Introduction

In the pursuit of prosperity and global competitiveness, societies increasingly recognize the imperative of nurturing the full spectrum of talents within their citizenry. To this end, many nations have adopted policies promoting diversity, inclusiveness, and the empowerment of women in the workplace. However, despite these commendable efforts, gender representation remains persistently skewed in various sectors. The UNESCO Science Report of 2021 [1] highlights a sobering statistic: only one in three scholars globally is a woman, with certain critical fields like engineering and artificial intelligence witnessing female representation as low as 28% and 22%, respectively. Paradoxically, the quantity of women scholars has risen steadily in recent decades, yet these gains have, in some instances, exacerbated gender disparities, as demonstrated by Huang et al. In 2020 [2].

While numerous studies have probed the causes of this gender imbalance, the contextual roots of this complex issue remain inadequately explored [1–4]. Empirical evidence suggests that contextual factors, encompassing culture, political systems, economic development, social structures, and education, exert a profound influence on gender differences within the academic community [5, 6]. More specifically, investigations into gender equality at the societal level offer insights into underlying issues that elude explanation in other contexts. Based on empirical data on gender bias in STEM and six key academic contexts, it has been observed that social structural factors may still impede the advancement of women in academic science [7].

This study, therefore, delves into the gender dynamics of the scientific landscape of Kazakhstan, a nation positioned at the crossroads of Central Asia, sharing borders with China, Russia, Turkmenistan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. Emerging from the dissolution of the Soviet Union in 1991, Kazakhstan boasts universal compulsory secondary education and high adult literacy rates. Guided by policies that incentivized foreign investment, particularly in the energy sector, the nation has achieved remarkable stability and economic growth, elevating it to the status of an upper-middle-income society. Over three decades, Kazakhstan's population has evolved into a tapestry of diverse ethnicities and religious communities, with Kazakhs and Islam emerging as dominant forces. This diversity, deeply rooted in the nation's Soviet legacy and geographical placement at the convergence of cultural civilizations, defies simple categorization into the conventional paradigms of the Global North or the Global South.

Central to this research is an exploration of the dimensions of masculinity (masculine) and femininity (feminine), integral components of the five-dimensional cultural space elucidated by Hofstede et al. in 2005 [8]. These dimensions extend their influence beyond mere societal norms, occupying a pivotal role within the scientific realm, subsocial spheres, and subcultural intricacies. Of particular significance is their impact on “human potential” and the “gender factor”, two linchpin parameters in the arena of science. These dimensions wield

substantial influence, dictating the effectiveness and inclusiveness of scientific endeavors, especially when viewed through the lens of gender dynamics, which, in turn, shape the composition and dynamics of scientific teams.

Significantly, research has demonstrated that, as a rule, heterogender research teams tend to outperform their homogeneous counterparts, especially in domains such as medical sciences, as indicated by Yang et al. In 2022 [9]. Consequently, gender issues in the realm of science in Kazakhstan transcend mere social considerations, evolving into predominantly methodological considerations within the field of epistemology.

In light of these complex dynamics, this research embarks on a comprehensive examination of gender factors within the quantitative distribution of academic degrees, specifically focusing on the distinctions between PhD and DrS degrees within the Kazakhstani scientific community. Notably, Kazakhstan has adopted a nuanced two-level system of scientific degrees, with the candidacy of sciences equating to the esteemed status of a candidate of sciences. Further ascension within this academic hierarchy culminates in the prestigious Doctor degree, a pinnacle of scholarly achievement earned through the rigorous defense of dissertations in accordance with the Law on Science [10].

This study aspires to illuminate the intricate tapestry of gender dynamics within Kazakhstan's scientific landscape, thereby contributing to the broader discourse on gender equality in academia and society, particularly in regions situated at the crossroads of the Global North and the Global South.

The aim of this research is to investigate the gender patterns and disparities within the Kazakhstani scientific community, considering the contextual factors of culture, political system, economic development, social structure, and education. This study aims to understand the influence of gender dynamics on the distribution of academic degrees (PhD and DrS) in Kazakhstan's academic landscape, with a focus on identifying the contextual roots and underlying issues contributing to gender inequalities in science, and exploring the potential impact of gender diversity on scientific effectiveness and inclusiveness within this unique cultural and geographical context.

Materials and Methods

Empirical evidence to support the arguments are developed from the statistical data. In other words, this secondary research involves aggregation of existing data and their analysis in order to find gender differentials in Kazakhstan's academic society. The research methodology was designed based on the fundamentals “Principles and structures of scientific recommendations: a general plan. ISC and INSA Special Report, March 2022”.

Main numerical facts are summarized and collated from the government statistics. More specifically, statistical tables and graphs were based on the data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (BNS ASPR RK) in the science field.

BNS ASPR RK has enormous statistical data on this issue, and they are regularly updated. In addition, numerical data from other government agencies were also considered. The quality of statistical data was checked based on compliance of data on science and innovation with the law of anomalous numbers (Benford's law) [11].

The correlation coefficient between the anomalous distribution of numbers and tabular numerical parameters of data in the field of science was 0.9547, with a logical conclusion about a strong positive relationship between Benford's law and the statistical data of the BNS ASPR RK in the field of science.

The methodology of collecting, storing and visualizing statistical data of the BNS ASPR RK was conducted based on a comparative and recursive analysis between their data [12] – Methodology for the formation of statistical indicators of research, development work and innovation”, “Report on the quality of research and development work in the Republic of Kazakhstan for 2021”, and the documents, principles, and criteria of international statistics. The documents for comparison and recursion included the United Nations Principles Governing International Statistical Activities; the ECC Quality Statement, the European Code of Statistical Practice; the Legal Framework for European Statistics. Statistical law. Eurostat Compact Guide 2010; Special Data

Dissemination Standard (SDDS): a Guide for Subscribers and Users; General Assessment of Data Quality (CQA) (2003), and the Generic Law on Official Statistics developed within the framework of the United Nations Development Account Project for Countries Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia.

Recent research on gender issues in the R&D process indicates a high level of bias against women researchers in the field of science [13]. Some researchers note a “gender equality paradox,” wherein gender imbalance is paradoxically stronger in more developed/gender-equal/individualistic countries [14]. Successful practices are being developed to achieve gender equality in science, assisting women researchers in advancing through academic levels [15].

Results

In the social sphere of gender equality, Kazakhstan is in the middle zone of the world community. According to the World Economic Forum, in 2022, Kazakhstan ranked 65th on the Gender Gap Index (between Botswana and Tanzania) with an index of 0.719 among 146 countries in the world.

Since 2018, we can note the unstable dynamics of the Gender Gap Index with a negative trend in the “place” parameter and a positive trend in the “index” parameter:

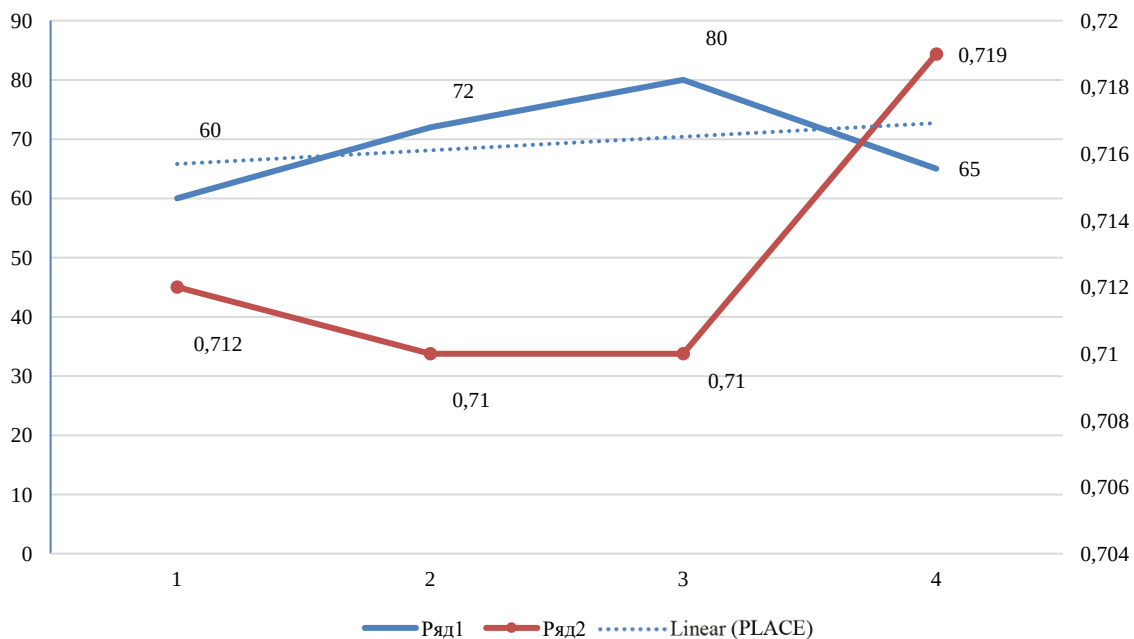

Fig. 1. Dynamics of the Gender Gap Index in Kazakhstan

Figure 1 depicts the dynamics of the Gender Gap Index for the Republic of Kazakhstan. Here we can note the explosive nature (after a decrease) of the improvement in the situation with gender inequality in Kazakhstan during the period from 2021 to 2022 – a sharp transition from the 80th to the 65th place with an improvement in the position

by as much as 15 points. This is associated with active political transformations in the personnel matters of the civil service and gender policy during the post-Nazarbayev period (since 2019), when President Tokayev began actively involving women in the governance of the state, sectors, and regions. In particular, for the first time in the

history of Kazakhstan, a female researcher became the President of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

Nevertheless, for now, without future medium-term data, it makes no sense to talk about a cardinal and strategic improvement of the situation in the field of gender equality, considering the possibility of the situational nature of the “gender jump”.

Gender equality is observed most of all in the fields of education, medicine and economics, least of all in the field of politics. We should add that, according to the Gender Inequality Index (GII) in 2021, Kazakhstan ranked 41st with an index of 0.161.

As for employment in the field of science, the situation with gender equality is quite positive. First, there is no discrimination based on gender in the field of science in Kazakhstan if not theoretically, then practically. The amount of remuneration in the dominant grant system of R&D financing among female and male scientists is the same according to the current standards in scientific policy, which do not provide for any gender segregation under the same conditions. This is primarily due to the dominance of state participation in the financing of science. At the same time, in

grant projects, where public-private partnership is provided, conditions are also guided by the labor legislation of the Republic of Kazakhstan.

In general, gender discrimination on the wage fund in the economy exists in Kazakhstan. The ratio of the average monthly salary of women to men is 21% as of the end of 2021 [12]. That is, on average, across the entire economy of Kazakhstan, women’s wages are 21% less than men’s wages. However, this is mainly in the field of private business, entrepreneurship, and commerce.

The average monthly nominal wage across all types of activities was 116 108 tenge for women and 169 352 tenge for men (according to 2016 data). Notably, the most significant wage disparity is observed in the “Professional, Scientific, and Technical Activities” sector, with 217 698 tenge for women and 402 091 tenge for men. The smallest wage gap is in the education sector, with 93 293 tenge for women and 98 381 tenge for men.

As we are looking for the quantitative gender composition in science, there has been a clear parity in the last decade.

Table 1 presents the total number and gender composition of the employed population in Kazakhstan.

Table 1

Total number and gender composition of people in Kazakhstan employed in the field of science, including researchers

YEAR	INVOLVED IN R&D, people		among them RESEARCHERS, people		TOTAL, people
	women	men	women	men	
2012	10 178	10 178	6 576	6 918	20 404
2013	12 257	11 455	8 849	8 346	23 712
2014	13 427	12 366	9 766	9 338	25 793
2015	12 883	11 852	9 592	8 862	24 735
2016	12 220	10 765	9 282	8 139	22 985
2017	11 436	10 645	8 991	8 214	22 081
2018	11 602	10 776	9 217	8 237	22 378
2019	11 332	10 511	8 979	8 145	21 843
2020	11 993	10 672	9 738	8 490	22 665
2021	11 583	10 034	9 316	7 776	21 617

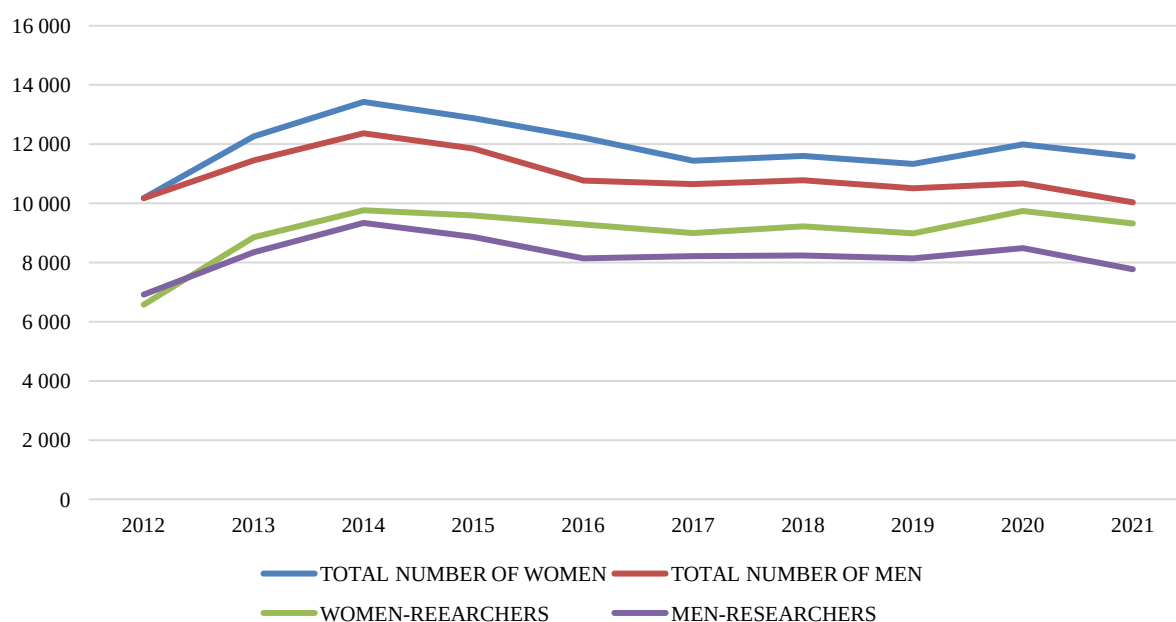

Fig. 2. Total number and gender composition of people in Kazakhstan employed in the field of science, including researchers

Figure 2 presents the total number and the gender composition of the population in Kazakhstan engaged in the field of science, including researchers.

In general, the percentage of women engaged in scientific research is 53.6%, the percentage of men is 46.4%. Regionally, the highest proportion of female researchers is in Pavlodar (64%), Mangystau (58.6%), and Aktope (58.5%) regions of Kazakhstan. The lowest proportion of female researchers is in Atyrau (43.1%) and Turkestan (43.7%) regions. On average, the highest share of women's participation in R&D is in the northern regions, the lowest in the south of the country.

Thus, we can hypothesize about differing levels of gender relations and gender policies in the northern and southern regions of Kazakhstan within the realm of science. Naturally, this is influenced by the social conditions of life within the framework of the traditionalism of Kazakh society. For example, the different numerical composition of families in the northern and southern regions determines the possibility of women's involvement in the field of science, which requires irregular working hours and increased dedication. In particular, the birth rate in the southern regions is on average twice as high as the birth rate in the northern regions.

In general, traditionally, at least since 2006, there have been more women in Kazakhstani science than men. Given the just small difference between the gender numerical compositions, we can talk about optimal gender equality in Kazakhstan in the field of science.

From Table 1 and Figure 2, two effects can be stated: the marked effect of gender parity and the effect of feminization of science.

Young males and females in Kazakhstan have almost the same or identical conditions for entering the system of higher and postgraduate education. Here, "social elevators" work quite properly. In this sense, gender parity

creates optimal conditions for the creation of heterogender research teams among young researchers.

The number of women in science is not only in a state of gender parity, but is constantly growing. Gender equality in science is more pronounced than in some other industries. For example, in politics, where the percentage of women among political civil servants of local executive bodies is presented only by 4.5 %.

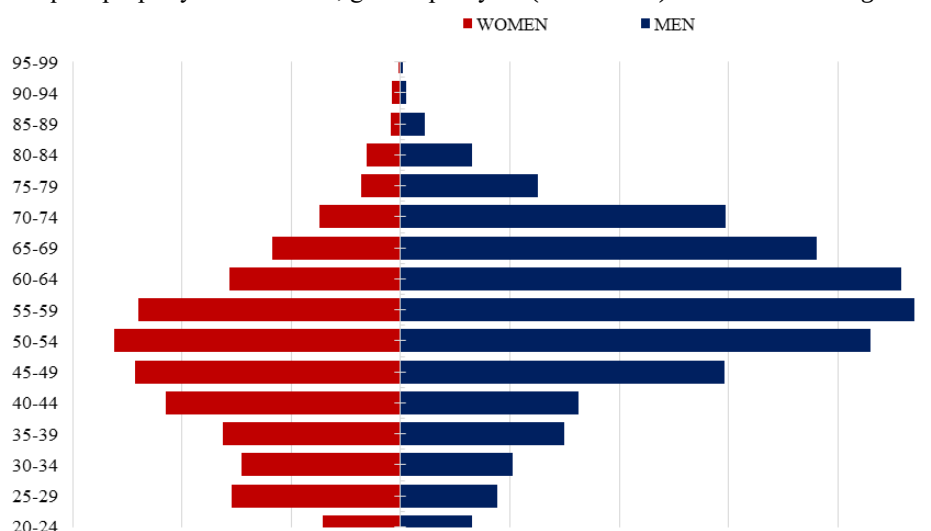
It should be noted here that there may be separate professions or specialties that are usually called "female" or "male". In general, in an integral sense, there are no specific "female" or "male" spheres of activity or industries.

Initially, it can be assumed that, in the public sector, gender segregation is implemented by gender and is becoming more and more relevant as women move up the hierarchical ladder: in society on racial (national) grounds, in community on the level of cultural differentiation. In addition, in the economy and in private business, all kinds of segregation and discrimination are eclectically collected – by gender, race, culture, subculture and other characteristics. Of course, segregation patterns are diffused between sectors, but each sector has its own dominants, its own aggregate stable gender state.

In the field of science, the dominant aggregate state is gender equality and the practical absence of gender discrimination.

Therefore, in a certain sense, the sphere of science opens up for women an increased range of opportunities for self-realization and self-actualization, which leads to the phenomenon of feminization of Kazakhstani science, as it can be noticed on the example of highly qualified researchers.

It would be logical to consider the social dynamics of the gender composition of researchers with an academic degree by age categories. To do this, we will compile tables of age-related gender pyramids for professionals (researchers) with academic degrees:

	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–69	65–69	70–74	75–79	80–84	85–89	90–94	95–99
women	71	155	145	163	215	243	262	240	157	117	74	36	31	9	8	2
men	65	88	103	150	163	296	430	470	458	381	297	126	65	22	5	2

Fig. 3. Age pyramid of the gender composition of Doctors of Sciences (BNS ASPR RK) by years (as of 2021)

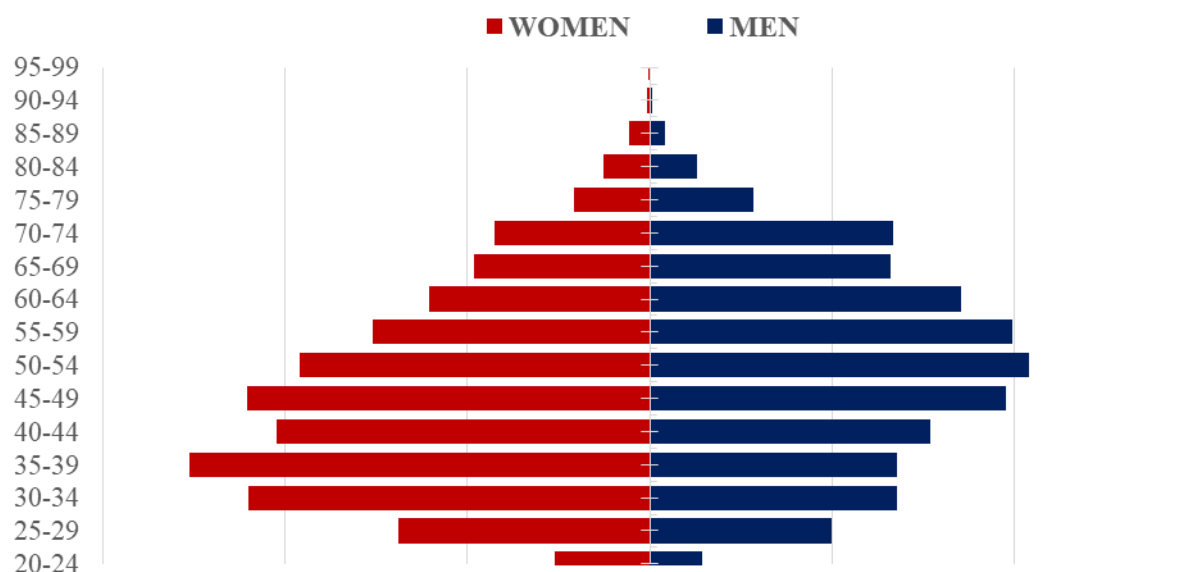

Fig. 4. Age pyramid of the gender composition of Candidates of Sciences by years (as of 2021)

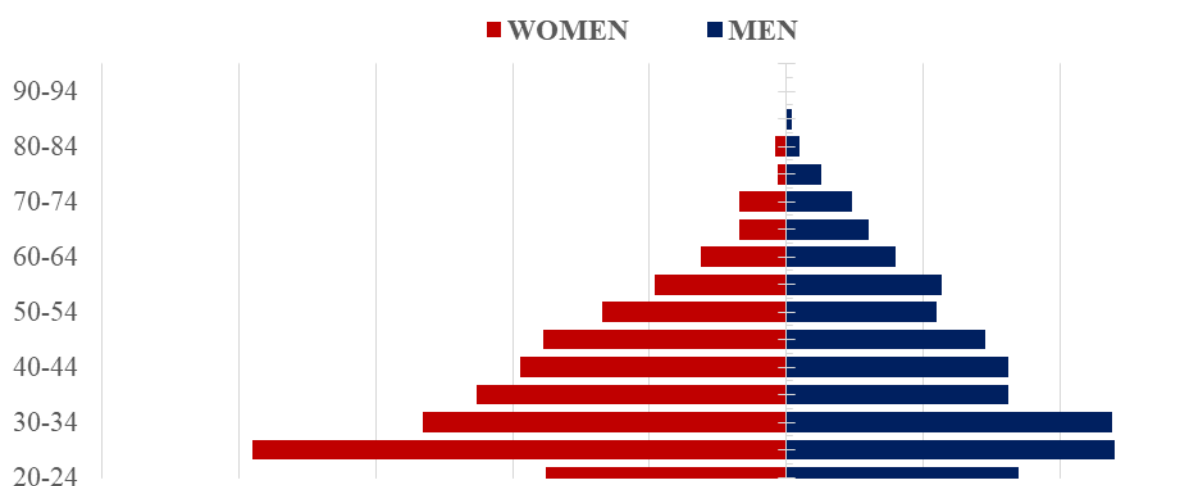

Fig. 5. Age pyramid of PhD gender composition by years (as of 2021)

Among men, the largest number of candidates of sciences is in the age segment of 50–54 years, among women in the segment of 35–39. Among men, the largest number of PhDs is in the age segment of 25–29 years, the same for women. Among men, the largest number of doctors of sciences (including doctors by the profile) is in the age segment of 55–59 years, among women in the segment of 50–54 years.

Having a pronounced amphoric form, the age-based gender pyramid of doctors of sciences belongs to a regressive type typical for both women and men. In other words, the number of doctors of sciences among men and women is equally stable at older ages and the age

composition of doctors of sciences is close to the gerontological type.

However, it is necessary to consider the age attrition of researchers. With this in mind, the rate of decline of doctors of sciences among men is slightly higher than that among women. In the hypothesis that the productive age of female scientists and male scientists is about the same, it should be expected in the medium term that the number of female doctors of sciences would exceed the number of male doctors of sciences.

In turn, the age-based gender pyramid of candidates of sciences has a different character for men and women.

For women, it is a *progressive* type, expressed in the form of a triangle. For men, it is a *stationary* type in the form of a bell-shaped curve. The general type of pyramid can be characterized as a *progressive-stationary* type.

That is, if the number of candidates of sciences among men is fairly stationary, then the number of candidates of sciences among women is in dynamics. Therefore, the number of candidates of sciences among women will only progress.

The same social conditions for women and men in the field of science are characteristic of the fact that men and women have the highest density of PhD degrees at the same age – 25–29 years.

At the same time, women become candidates of sciences at an earlier age than men do: 35–39 years and 50–54 years, respectively, as well as become doctors of sciences at an earlier age than men: 50–54 years and 55–59 years, respectively. This is related to the fact that men in Kazakhstan more often work and support their families. Meanwhile, women, in their younger years, give birth to and raise children while simultaneously pursuing doctoral studies. Men typically commence their dissertation research after the age of 35; by then they have already secured housing and all other necessary life conditions for their families.

Thus:

A regressive type of the age-related gender pyramid characterizes the group of doctors of sciences and doctors by profile;

A stationary type of the pyramid characterizes the candidate of sciences group;

A progressive type of the pyramid characterizes the PhD group.

It can be noted that the age pyramid reflects not only the age dynamics, but also the chronology of the achievement and receipt of academic degrees. Therefore, it is also a temporal dependence.

It reflects two types of dependencies: how quickly the maximum value of the state is reached and/or how long the group of subjects is in this state.

In other words, women achieve maximum success faster and realize the transition from one state to another (for example, from the PhD state to the Doctor of Sciences state) faster on the timeline.

The age-gender pyramid for PhD has a pronounced progressive (triangular) shape for both women and men. It means that increasing numbers of young researchers are becoming PhDs among both women and men. Here we can note the positive dynamics of improving the quality and professional composition of young researchers within the scientific sphere.

However, in the group of doctors of sciences and doctors by profile, there is a clear predominance of males over females. In fact, the two-fold predominance of doctors of sciences among men over the number of doctors of sciences among women is asymmetric to the situation in the other two groups.

This issue belongs to one of the most gender-sensitive problems – the contextual parameter “*Combining Professional and Family Responsibilities*”. It is well

known that Kazakh women have much more family responsibilities than men do, because patriarchal traditions are still quite strong in Kazakh society.

As accurately noted in *Gender Pay Gap* [16]: “*the role of the “breadwinner” is a normative male model and does not imply equal participation of men in doing housework, caring for children and their upbringing*”.

Obviously, women who combine science and family will a priori lose to male researchers who have more opportunities to conduct studies and spend less time on family. Therefore, “two key differences between men and women lie in the greater role that women play in childcare and housework in most families, and in a narrower role of female fertility” [17].

These differences between female and male researchers are particularly noticeable at the stage of the qualification transition from the PhD degree to the degree of Doctor of Sciences and Doctor by Profile, associated as the result with a large amount of labor and time.

Scientific work and qualification achievements in science directly depend on the individual potential maximum and the time to achieve the final scientific or qualification result.

If, in the first case, the parity is maintained, then, according to the time factor, women, as they become involved in science, definitely lose the scientific marathon in terms of strategic scientific results and effectiveness.

At the stage of transition between scientific states and qualification states, social influence on research work plays a significantly greater role than scientific factors. To put it simple, the “social brakes” are starting to turn on in place of social elevators in science at higher levels.

Therefore, in the Doctor of Sciences chain, it is very likely to observe the effect of gender inversion. In the case of Kazakhstani science, the effect of gender inversion is expressed quite transparently from a comparison of Figures 1, 2, and 3.

Discussion

Women are more hardworking, stress-resistant, organized in research work; they tend to strictly follow methodological principles and standards, and have creative heuristic thinking. The results of conducted interviews (involving more than 50 female scientists) allow us to discern a genuine interest among 62% of female scientists in the advancement of the field of science, which they have dedicated their entire professional lives to. Meanwhile, 15% of female scientists are more involved in managerial activities and primarily maintain their status as researchers through periodic publications in the field of science.

Several qualities can be attributed to women, such as their responsibility for the outcomes of their work, which is subsequently rewarded. In this regard, research outcomes are primarily linked to maternal responsibilities, such as providing for children’s material needs and facilitating their diversified development (covering the cost of children’s extracurricular activities). This explains their resilience to stress; the labor of female scientists is rewarded with the positive emotions of their children. Over 12% of the surveyed women work in research institutions, where their main work

is connected with research, leading to significant results. In contrast, the majority of women engage in scientific pursuits during their free time or in addition to administrative roles, especially in multifaceted educational institutions. These institutions incentivize women with academic degrees to engage in research work by assessing their performance based on results over a specific period of work. In terms of the intellectual research work of over 50% of women, it can be explained by their desire to confirm their existing status within the educational institution (professor, associate professor, etc.), as the educational process consumes a significant amount of their time and energy. The respondents also highlighted an interesting aspect regarding the effectiveness of their research: women are often engaged in household chores, childcare, and have other commitments. This allows them to manage their work time effectively, freeing up time for creative research activities. Men, on the other hand, have less diversity in their activities, which could relax them.

Female researchers' heuristic thinking allows them to increase the effectiveness and efficiency of the work of a research team or group. Although, this does not mean that heuristic thinking is more valuable in collective research than in individual scientific work. However, heuristic thinking clearly creates some kind of synergy as a cooperative effect in a research group, where female researchers play the role of connectors, practitioners and supervisors of the scientific process.

This reflects a particular aspect of female psychology – the need for emotional support. The exchange of opinions and the consideration of all “pros” and “cons” help women anticipate potential mistakes, gain confidence in their decisions, and they also seek positive emotions from their surroundings. In contrast, men tend to be more self-assured, communicate less when making various decisions, relying on plain facts. This conclusion is drawn from a survey of 100 scientists, 50 of whom are male and 50 are female (9% of the surveyed women and 75% of men did not feel the need to discuss their results).

At the social micro-level, gender inequality persists as a consequence of residual phenomena and effects associated with a certain level of patriarchal attitudes of Kazakh society in family relations. Consequently, as the level of women's involvement in science increases, “social brakes” are activated due to the lack of time resources.

In general, in Kazakhstan, the problem of gender equality in the scientific field has definitely been solved at

the institutional and organizational levels. In particular, the number of women in science and the number of women with academic degrees are equal in relation to the corresponding indicators of male researchers.

However, due to the increasing role of “social brakes”, as they become involved in the scientific process, the individual potential maximum of a female researcher is not achieved due to the lack of time required to achieve it. Low-yielding growth phases especially manifest themselves at higher stages of transition from the PhD and Candidate of Sciences degrees to the Doctor of Sciences and Doctor by Profile degrees.

Transitions from one scientific or qualification stage to another higher one become high-risk enterprises. This is reflected not only in the results of research, personnel or qualification phases of growth, but also in scientific insignia. For example, among the 50 winners of the Kazakhstan contest Best Researcher–2022, there are clearly fewer women (19) than men (31).

In these cases, there is a marked effect of gender inversion, when a larger number passes into a new lower quality of scientific effectiveness and productivity.

Conclusion

To level the effect of gender inversion and “social brakes” in the field of Kazakhstan's R&D the following measures may be required:

1) Restructuring of the scientometrics system with a decrease in the dominance of quantitative (digital) and temporal (time) assessments to increase the importance of qualitative (humanitarian) assessments of the potential, productivity and effectiveness of research activity;

2) Development, adoption, and implementation of special programs to improve researchers' social life in terms of achieving family ergonomics;

3) In the qualification requirements within the framework of grant programs, membership, hierarchical positions and insignia in the system of science, due account only of the PhD (or Candidate of Sciences) degree within the framework of the Bologna Process with the loss of the values of the Doctor of Sciences and Doctor by Profile academic degrees;

4) Quantitative stimulation of heterogeneous scientific groups through appropriate regulations and regulatory functions.

References

1. UNESCO. (2021) *UNESCO Science Report: The Race against Time for Smarter Development*. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433/PDF/377433eng.pdf.multi>
2. Huang, J. et al. (2020) Historical comparison of gender inequality in scientific careers across countries and disciplines. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 117 (9), pp. 4609–4616.
3. Tindall, T. & Hamil, B. (2004) Gender Disparity in Science Education: The Causes, Consequences, and Solutions. *Education*. 125 (2).
4. Ding, W.W., Murray, F. & Stuart, T.E. (2006) Gender differences in patenting in the academic life sciences. *Science*. 313 (5787), pp. 665–667.
5. Ceci, S.J. & Williams, W.M. (2011) Understanding current causes of women's underrepresentation in science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 108 (8), pp. 3157–3162.
6. Charlesworth, T.E.S. & Banaji, M.R. (2019) Gender in science, technology, engineering, and mathematics: Issues, causes, solutions. *Journal of Neuroscience*. 39 (37), pp. 7228–7243.
7. Ceci, S.J., Kahn, S. & Williams, W.M. (2023) Exploring Gender Bias in Six Key Domains of Academic Science: An Adversarial Collaboration. *Psychological Science in the Public Interest*. 24 (1), pp 15–73. doi: 10.1177/15291006231163179
8. Hofstede, G.H., Hofstede, G.G.J. & Minkov, M. (2010) *Cultures and Organizations: Software for the Mind*, Revised and expanded. McGraw-Hill.
9. Yang, Y. et al. (2022) Gender-diverse teams produce more novel and higher-impact scientific ideas. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 19 (36). doi: 10.1073/pnas.2200841119
10. *Law of the Republic of Kazakhstan on Science* dated February 18, 2011, No. 407-IV.
11. Benford, F. (1939) The Law of Anomalous Numbers. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 78 (4), pp. 551–572.

12. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2021) [Online] Available from: <https://stat.gov.kz/>
13. Valian, V. (2023) Science's gender gap: the shocking data that reveal its true extent. *Nature*. 619. pp. 244–246. doi: 10.1038/d41586-023-02139-x
14. Napp, C. (2023) Gender stereotypes embedded in natural language are stronger in more economically developed and individualistic countries. *PNAS Nexus*. 2 (11). pp. 1–11. doi: 10.1093/pnasnexus/pgad355
15. Guillemin, M., Wong, E. & Such, G. (2022) How we boosted the number of female faculty members at our institution. *Nature*. 609. pp. 28–29. doi: 10.1038/d41586-022-02829-y
16. Kireeva, A. (2019) *Gender Pay Gap*. Almaty: Narxoz University.
17. O'Brien, K. (2012) Global environmental change II: From adaptation to deliberate transformation. *Progress in Human Geography*. 36 (5). pp. 667–676. doi: 10.1177/0309132511425767

Information about the author:

A.K. Bisenbaev, PhD, leading researcher, National Academy of Education named after Y. Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: eldarknar@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7490-8375

A.E. Bizhkenova, Dr. Sci. (Philology), chief researcher, National Academy of Education named after Y. Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: Abizhkenova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-4869-7973

A.S. Aktanova, Cand. Sci. (Philology), leading researcher, National Academy of Education named after Y. Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: aktanovaaiman71@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0444-5336

A.V. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages in International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7872-7507

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Бисенбаев Адильбек Кнарович – PhD, ведущий научный сотрудник Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: eldarknar@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7490-8375

Бижкенова Айгуль Ермаковна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: Abizhkenova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-4869-7973

Актанова Айман Советовна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: aktanovaaiman71@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0444-5336

Фахрутдинова Анастасия Викторовна – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7872-7507

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2023;
одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 37.026
doi: 10.17223/15617793/497/15

Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования

Марина Ефимовна Вайндорф-Сысоева¹, Марина Львовна Субочева²,
Виктория Александровна Шитова³

^{1, 2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

³ Академии социального управления, Москва, Россия

¹ vs.me@mpgu.su

² ml.subocheva@mpgu.su

³ v.shitova@yandex.ru

Аннотация. Осуществлена попытка разработки новых форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования на основе анализа широкого спектра научно-методической литературы и собственно результатов многолетнего педагогического опыта авторов с учетом появления новых технических средств и глобального охвата всех сфер жизни цифровизацией. Предпринята попытка выделить и классифицировать формы организации дистанционного обучения в перспективе их развития с учетом современных тенденций онлайн-коммуникаций и специфики опосредованного взаимодействия субъектов в современных условиях. Представлены модели организации дистанционного обучения и специфические формы организации обучения в условиях использования цифровой образовательной среды

Ключевые слова: цифровизация, цифровое обучение, формы обучения, синхронное и асинхронное взаимодействие, модели организации обучения, онлайн-обучения, офлайн-обучение

Для цитирования: Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 143–150. doi: 10.17223/15617793/497/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/15

Development of forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education

Marina E. Vayndorf-Syssoeva¹, Marina L. Subocheva², Viktoria A. Shitova³

^{1, 2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

³ Academy of Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹ vs.me@mpgu.su

² ml.subocheva@mpgu.su

³ v.shitova@yandex.ru

Abstract. The traditional interpretation (developed within the framework of domestic pedagogical science and already classical in a certain sense), essential characteristics and classification of the concepts of forms of education, forms of organization of education, models, types of education have developed in conditions of face-to-face interaction between teachers and students. With the development of distance technologies, electronic and digital learning, the widespread use of rapidly changing digital tools and digital resources and, as a consequence, the formation of new forms of interaction between all participants in the educational process, there is a need for a different approach to identifying and classifying forms and models of organizing distance learning. In this regard, the aim of this article is to develop new forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education. The basis for the practice-oriented research was the Institute of Physics, Technology and Information Systems of Moscow State Pedagogical University. Modeling of the educational process of distance learning in a digital educational environment took place for master's students in the Electronic Educational Technologies program. In the process of presenting the main material, the authors first of all clarify the conceptual apparatus inherent in the didactics of digital learning, reflecting the modern requirements for constructing the educational process in a digital educational environment. Then they consistently describe the models for organizing distance learning according to the method of organizing interaction in the educational process (asynchronous, synchronous, integrated, hybrid, mixed, remote), as well as types and forms of organizing distance learning for various reasons, as well as ways of organizing training using e-learning and distance educational technologies. The models for organizing distance learning presented in the article with a description of

their structural components and specific forms of organizing learning in the context of using a digital educational environment allow university teachers to optimally plan the educational process using digital tools and new digital resources to achieve the desired learning outcomes.

Keywords: digitalization, digital learning, forms of learning, synchronous and asynchronous interaction, models of organizing learning, online-learning, offline-learning

For citation: Vayndorf-Syssoeva, M.E., Subocheva, M.L. & Shitova, V.A. (2023) Development of forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 143–150. (In Russian), doi: 10.17223/15617793/497/15

В педагогических трудах советских и российских ученых, в научных статьях по дидактике и методике можно найти достаточно большое количество различных классификаций таких дидактических единиц и понятий, как формы обучения, формы организации обучения, модели, типы обучения. Но для обоснования этих классификаций авторы обычно выбирали традиционное очное взаимодействие. Безусловно, с развитием дистанционных технологий, электронного и цифрового обучения начали появляться и разделения на основе интернет-взаимодействия, но пока нельзя утверждать, что исследования дидактических компонентов в области дистанционного и цифрового обучения содержат исчерпывающие сведения и не противоречат друг другу. Проблема устоявшегося выделения ведущих признаков классификаций дидактических компонентов дистанционного обучения (в широком понимании) видится еще и в быстроменяющихся условиях и всевозрастающих требованиях к современной организации процесса обучения, высокоскоростном темпе развития информационных технологий, появлении новых технических средств и в целом в глобальном охвате всех сфер жизни цифровизацией [1]. В статье предпринята попытка выделить и классифицировать формы организации дистанционного обучения в перспективе их развития с учетом современных тенденций онлайн-коммуникаций и специфики опосредованного взаимодействия субъектов в современных условиях.

Для решения обозначенной проблемы использовались следующие методы педагогического исследования: анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных ученых, а также опубликованный педагогический опыт; анализ собственного педагогического опыта, публикации, по результатам которого представлены в исследовании; обобщение данных анализа на основе системного подхода в научных работах; педагогическое моделирование.

Базой практико-ориентированного исследования является образовательная организация высшего образования Институт физики, технологии и информационных систем ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Моделирование образовательного процесса дистанционного обучения в условиях цифровой образовательной среды происходило для обучающихся студентов магистратуры по программе «Электронные образовательные технологии». Общее количество обучающихся по данной программе в период с 2018 г. (год начала эксперимента) до 2023 г. составило более 120 человек.

Анализ исследований и публикаций

На каждом этапе научной работы, центром которой является многоаспектный анализ складывающейся дидактики цифрового периода развития общества, происходит поэтапный анализ полученных результатов. Это, в свою очередь, находит отражение в публикациях научных статей и монографиях, в которых рассматривались различные аспекты проблемы, в частности, «“Цифровое образование” как системообразующая категория: подходы к определению» (2018 г.), «Риск возникновения конфликтных ситуаций при организации взаимодействия участников учебного процесса в цифровой образовательной среде» (2020 г.), «Модель организации профессиональной педагогической поддержки преподавателя при использовании электронных образовательных ресурсов» (2020 г.), «Специфика учебно-педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде» (2021 г.), «Цифровая дидактика: особенности организации обучения в образовательной организации» (2021 г.), «Цифровые технологии как современная возможность эффективной организации учебного процесса в условиях цифровой образовательной среды» (2022 г.), «Технология организации коллективной работы в условиях гибридного обучения или “Цифровой Форсайт”» (2022 г.), «Развивающая обратная связь “обучающий–обучаемый” как ведущий компонент в условиях цифрового обучения» (2022 г.), «Дидактика цифровой эпохи: некоторые аспекты развития» (2023 г.) и ряд других работ.

Целью данной статьи является разработка новых форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования.

Изложение основного материала

Экспериментальная работа по разработке эффективной модели целостного педагогического процесса дистанционного обучения в условиях цифровизации образования потребовала прежде всего уточнения понятийного аппарата, отражающего современные требования построения образовательного процесса на всех ступенях и тенденции, характерные для построения учебной коммуникации с учетом включения возможностей цифровой образовательной среды.

1. Формирование понятийного аппарата¹.

Продолжающийся процесс формирования понятийного аппарата, как отражение развития собственно дидактики цифрового общества, потребовал, в частности, адекватного отражения в соответствующей терминологии изменения места и роли дистанционного обучения в современном обществе [3].

Важно отметить, что авторы данного исследования под **дистанционным обучением понимают** технологию организации обучения на расстоянии в полном объеме, что означает не только использование Интернета, но и всей системы дистанционного обучения (СДО), а именно с использованием источников информации разного типа, как цифровых, так и на бумажных носителях.

Цифровое обучение рассматривается как технология организации обучения в определенных условиях применения цифровой образовательной среды, с обеспечением доступа в эту среду, возможностью общения, с обязательным использованием материалов в цифровом виде, не обязательно на расстоянии (работа в аудитории на компьютере). Здесь следует подчеркнуть, что понимание и использование ряда терминов, таких как «технология обучения», «педагогическая технология», «образовательная технология», «модель», «моделирование», продолжает и развивает традиционное толкование этих понятий, сложившееся в рамках отечественной педагогической науки. Из всего множества авторских определений таких исследователей, как М.В. Кларин, Б.Т. Лихачев, В.П. Беспалько, И.П. Волков, Т.И. Шамова и целого ряда других ученых, в представляемой работе вышеназванные термины получили свое развитие, основываясь на позициях В.М. Монахова о понимании сути педагогической технологии и Т.И. Шамовой о трактовке образовательной технологии [4–8].

Так, В.М. Монахов считал, что педагогическая технология – это продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителей, следовательно, речь идет о педагогическом проектировании и моделировании социальных процессов в широком смысле слова, что соответствует настоящему периоду бурного развития цифровизации всех сфер жизни общества [9]. Эта же научная позиция отражается и в трактовке понятия «образовательная технология» Т.И. Шамовой и Т.М. Давыденко: образовательная технология – это процессная система совместной деятельности учащихся и учителя по проектированию (планированию), организации и корректированию образовательного процесса с целью достижения конкретного результата при обеспечении комфортных условий участникам. Итак, речь идет о проектировании моделей обучения, формах и видах взаимодействия участников образовательного процесса, особых условиях взаимодействия и создании комфортных условий, причем все эти компоненты «процессной системы совместной деятельности учащихся и учителя» осуществляются в цифровой образовательной среде.

В связи с этим следует обратить внимание на раскрытие содержания ряда терминов, существенных для понимания и осознания значения цифрового обучения при организации дистанционного обучения. Таким образом, представим новое, авторское прочтение в рамках представляемого исследования следующих понятий:

Взаимодействие асинхронное – взаимодействие между преподавателем и обучающимися, а также обучающимися между собой (когда обучение групповое), разделенное во времени.

Взаимодействие синхронное – взаимодействие между преподавателем и обучающимися, а также обучающимися между собой (когда обучение групповое) «здесь и сейчас», в прямом эфире.

Мастер-класс – учебное занятие / открытое мероприятие, на котором мастер/профессионал демонстрирует новые / уникальные / полезные / профессиональные возможности (возможно проведение и в синхронном, и асинхронном форматах/режимах²).

Мастерская – учебное занятие / открытое мероприятие, на котором участники выполняют совместно (под руководством) с мастером задания (возможно проведение в синхронном формате).

Модель – образ (в том числе условный или мысленный – изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и т.п.) или прообраз (образец) объекта или системы объектов.

Модель обучения определяется как «индивидуальная интерпретация преподавателем на занятиях метода обучения применительно к конкретным целям и условиям работы» [10. С. 145–146].

Форма организации обучения **групповая** – обучение происходит в группах (более двух участников), на которые делятся обучающиеся (позиция авторов).

Форма организации обучения **фронтальная** – обучающий работает сразу со всеми обучающимися в общем темпе и для достижения общих образовательных целей.

2. Модели организации дистанционного обучения.

Итак, речь идет об оптимизации процесса обучения, повышении его качественного результата в условиях цифровизации образования, используя современные (цифровые) средства обучения, в комфортных условиях для всех участников образовательного процесса [11–14]. В данном контексте *технология* выступает лишь инструментом передачи знаний и организации взаимодействия, на основе которого выделяют современные *модели обучения*. Как и в случае с трактовкой основополагающих понятий, приведенных выше («педагогическая технология» и «образовательная технология»), известные классификации «моделей обучения» достаточно широко трактуются в отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке. Для классификации этих моделей исследователи предлагают различные основания, но поскольку в рамках настоящей статьи нет задачи анализировать существующие классификации, то ограничимся представлением авторской классификации моделей современного обучения. В процессе научно-экспериментальной работы была разработана классификация моделей организации дистанционного обучения **по способу организации взаимодействия в учебном процессе**, где технологией организации обучения на расстоянии в полном объеме являются *дистанционные*, а технологией, обеспе-

печивающей организацию и процесс обучения с применением средств цифровой образовательной среды, – *цифровые*.

Асинхронная модель. Образовательная коммуникация реализуется посредством электронной почты через систему дистанционного обучения. Интернет является средством асинхронной коммуникации и доступа в систему дистанционного обучения. Технология доставки знаний: кейс-технология, система дистанционного обучения. Реализуются индивидуальная и групповая коммуникации.

Синхронная модель. Образовательная коммуникация реализуется на расстоянии «здесь и сейчас» посредством специальных программных продуктов (вебинары, мессенджеры). Интернет служит средством синхронной коммуникации. Технология доставки знаний: вебинар, система дистанционного обучения, мессенджер. Реализуются групповая, индивидуальная, фронтальная коммуникации.

Интегрированная модель, включающая синхронное и асинхронное взаимодействие. Учебный процесс реализуется в двух форматах.

Первый формат: учебная коммуникация реализуется совокупно синхронно (через систему вебинаров) и асинхронно (через систему дистанционного обучения) в одной образовательной организации.

Второй формат: учебная коммуникация реализуется совокупно синхронно (через систему вебинаров) и асинхронно (через систему дистанционного обучения) в условиях сетевого взаимодействия различных образовательных организаций.

Различаются данные форматы способами построения учебного взаимодействия в процессе организации учебного материала и технологиями его реализации.

Гибридная модель, включающая очное и дистанционное взаимодействие. Реализуется в синхронном формате. Образовательная коммуникация реализуется посредством вебинара, одновременно (синхронно) в системе дистанционного обучения и в очном формате. Интернет является средством синхронной коммуникации, средством доступа (для удаленных участников) в очную аудиторию и в систему дистанционного обучения (для всех участников). Реализуется индивидуальная и групповая коммуникации.

Смешанная модель. Реализуется в синхронном и асинхронном форматах. Образовательная коммуникация реализуется посредством вебинара и очных занятий. Интернет является средством синхронной коммуникации, средством доступа в систему дистанционного обучения. Реализуется индивидуальная и групповая коммуникации.

Таким образом, гибридная модель – это когда часть участников учебного процесса участвуют удаленно, а часть очно, но одновременно, т.е. это синхронный процесс. А смешанная модель – когда участники то очно, то в Интернете (в СДО) при сочетании очного и онлайн-обучения.

Удаленная модель. Реализуется в синхронном и асинхронном форматах. Образовательная коммуникация осуществляется посредством вебинара и средств СДО. Интернет служит для организации синхронной коммуникации, является средством доступа в систему дистанционного обучения. Реализуется индивидуальная и групповая коммуникации.

Рис. 1. Модели организации дистанционного обучения

3. Типы дистанционного обучения.

Само дистанционное обучение может осуществляться в трех вариантах (типах взаимодействия), поэтому в современных условиях организации обучения необходимо выделить три типа (разные основания) дистанционного обучения, такие как онлайн-, офлайн и смешанное.

Онлайн-обучение может быть реализовано с использованием платформы для вебинаров, через совместную работу в облачных сервисах, в системе дистанционного обучения и в формате гибридного обучения.

Офлайн-обучение реализуется в формате самостоятельной работы обучающегося асинхронно с педагогом, например в системе дистанционного обучения.

Смешанный тип обучения сочетает в себе элементы онлайн- и офлайн-обучения в распределенном педагогически целесообразном формате.

4. Формы организации цифрового обучения.

В процессе изучения форм организации цифрового обучения нами были определены основания для классификации форм обучения в конкретных условиях. Так

как определяющими для организации обучения являются Интернет и организация взаимодействия в цифровой образовательной среде, то, соответственно, в основу классификации были положены использование средств Интернета, способы организации взаимодействия и количество участников образовательного процесса.

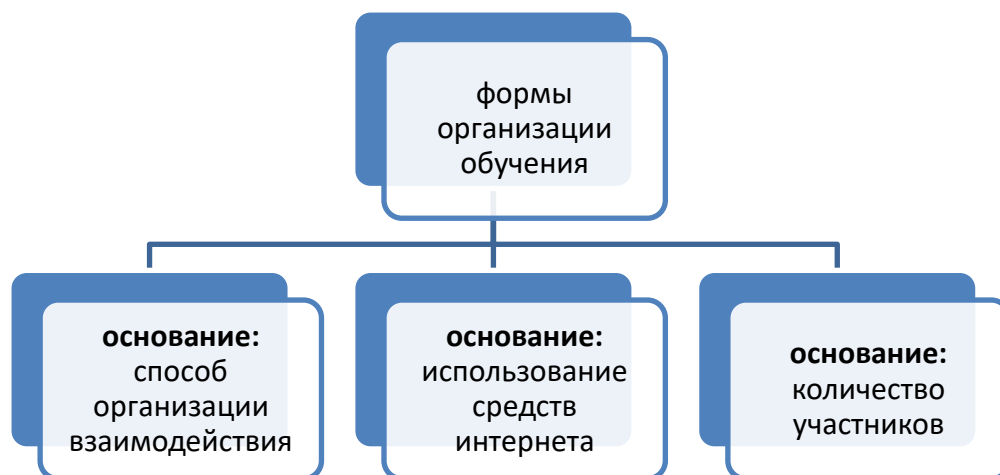

Рис. 2. Формы организации обучения в зависимости от основания классификации

4.1. Форма организации цифрового обучения.

Основание – использование средств интернета. Определяя формы организации обучения, такие как электронное (использование базы данных обучающего), цифровое (управление учебным процессом), смешанное (дифференцированный подход), удален-

ное (как копия очного), гибридное обучение (интеграция форматов) и виртуальная реальность (использование специальных ресурсов), были обоснованы и определены способы организации взаимодействия для каждой из этих форм (синхронная / асинхронная / очная) (рис. 3).

Рис. 3. Формы организации цифрового обучения (основания: использование средств Интернета и способы организации взаимодействия)

4.2. Форма организации цифрового обучения. Основание – организация взаимодействия. Эффективность дистанционного обучения обеспечивается, в том

числе, и формами организации взаимодействия участников образовательного процесса. К ним относят *синхронное взаимодействие* — когда взаимодействие

между преподавателем и обучающимися, а также обучающимися между собой (при групповом обучении) происходит «здесь и сейчас», в прямом эфире и **асинхронное** –

когда взаимодействие между преподавателем и обучающимися, а также обучающихся между собой (при групповом обучении) разделено, отсрочено во времени.

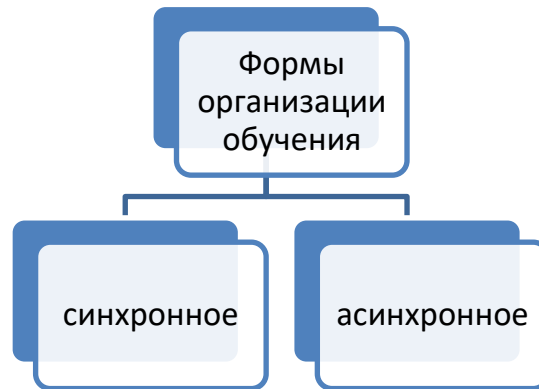

Рис. 4. Формы организации цифрового обучения (основания: условия взаимодействия)

4.3. Форма организации цифрового обучения.

Основание – количество участников. В случае выбора основания для классификации форм организации взаимодействия количество участников образовательного процесса, то, очевидно, к ним следует отнести индивидуальные, фронтальные, групповые и парную формы. Эти формы могут быть реализованы при соответствующей методике организации во всех формах организации обучения, где основанием служит использование средств интернета.

Индивидуальное обучение предполагает задания, которые специально подобранно для конкретного обучающегося в соответствии с его образовательными способностями. Перечень заданий:

- работа с научной литературой, различными источниками (справочники, словари, энциклопедии, антологии и т.д.);
- решение задач, примеров, создание презентаций, написание аннотаций, отчетов;
- проведение различных наблюдений и т.д.

Фронтальное обучение – вид деятельности, при котором все обучающиеся под руководством препода-

вателя решают одну учебную задачу, обсуждают, сравнивают, подбирают решения и обобщают результат одновременно всей группой, преподаватель работает со всеми сразу, в едином темпе и с общими установками.

Групповая (парная) форма организации обучения. Обучающиеся работают в группах (от 3 человек), создаваемых на различных основаниях.

Признаки групповой работы:

- деление на учебном занятии на группы с целью решения конкретных учебных задач;
- каждой группе назначается конкретная задача, которая выполняется совместно под непосредственным руководством преподавателя или назначенного руководителя в группы;
- групповые задания выполняются таким образом, чтобы можно было учесть и оценить индивидуальный вклад каждого члена группы;
- состав группы непостоянный, он подбирается с учетом того, как образовательные возможности каждого члена группы могут быть реализованы с максимальной эффективностью для коллектива.

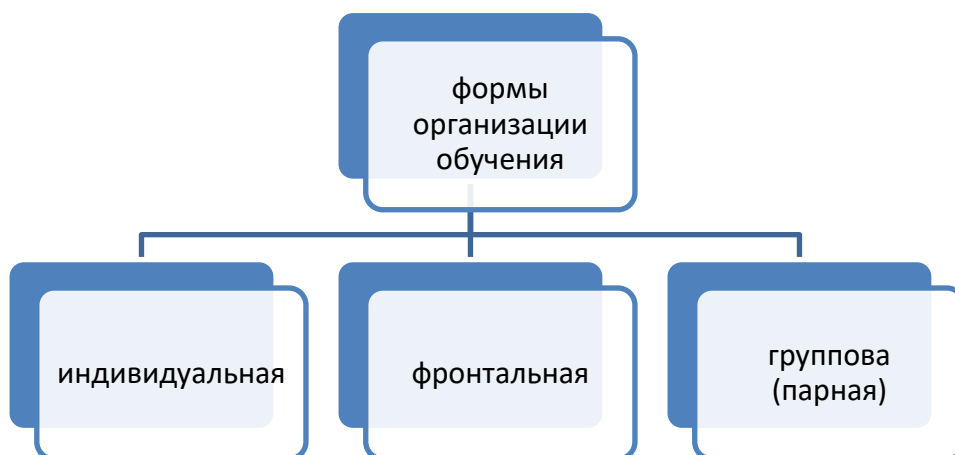

Рис. 5. Формы организации цифрового обучения (основания: количество участников взаимодействия)

5. Способы организации обучения с использованием ЭО и ДОТ.

Рассматривая каналы восприятия информации как основу для одной из классификаций способов организации обучения, представим способы организации обучения с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в зависимости от используемых каналов восприятия информации. На данном основании выделим вербальное, аудиовизуальное, программированное, мультимедийное и эмпирическое (основано на практике) обучение. Обозначим особенности перечисленных способов организации обучения с учетом модели их реализации (синхронно/асинхронно), используемых методов цифрового обучения и способов передачи информации.

Вербальное обучение. Передача информации осуществляется посредством слова.

Реализуется синхронно через онлайн-лекции, видеозанятия, цифровой воркшоп, презентации результатов деятельности, метод косвенной инициативы, онлайн-доску, мастерские, мастер-классы онлайн. Передача информации участникам образовательного процесса осуществляется порциями (дискретно) с педагогически целесообразным использованием аудио- и видеоресурсов.

Обучение с использованием аудиовизуальных средств. Передача информации реализуется через экранные и звуковые пособия, предназначенные для предъявления слуховой и зрительной информации.

Реализуется асинхронно в форматах видеозаписи, интерактивной/дискретной лекции, скринкаста, видеокментариев процесса деятельности, виртуальной доски.

Процесс пошагового сопровождения учебных текстов слайдами, диаграммами, графиками.

Программированное обучение. Обучение, обеспечивающее возможность самостоятельного приобретения знаний и навыков на основе специально разработанной программы.

Реализуется асинхронно в виде портфолио, ситуационного анализа, интерактивной/дискретной лекции, кодирования, с использованием тренажеров, тестового контроля. Особенности: предполагает разделение учебного материала на множество порций и постоянный контроль качества усвоения.

Мультимедийное обучение. Обучение, реализуемое одновременно с использованием звука, анимиро-

ванной компьютерной графики, видеоряда. Предполагает объединение нескольких обучающих средств, сочетание текстовой информации и графических изображений, возможность использования звуковых эффектов, цветовой палитры.

Реализуется как синхронно, так и асинхронно.

В асинхронном формате используются интернет-ресурсы (энциклопедии, справочники, словари, журналы, газеты, альманахи), видеозаписи, виртуальные библиотеки, базы данных, обучающие программы, электронные учебники, искусственный интеллект, интерактивные сборники упражнений и развивающих игр и др.

В синхронном формате – проектирование, онлайн-мастерская, тренинг, видеозанятие.

Эмпирическое обучение. Процесс получения информации или приобретения навыка путем непосредственного, самостоятельного изучения объекта или выполнения задачи. Предполагает формирование компетенций в процессе практической деятельности.

Реализуется как синхронно, так и асинхронно.

В асинхронном формате используются проектирование, виртуальный тренажер, ситуационный анализ, ограниченный перебор, интерактивные задания, интерактивные мотивирующие упражнения.

В синхронном формате – проектирование, онлайн-мастерская, тренинг, видеозанятие, цифровой воркшоп.

Заключение

Представленные в статье модели организации дистанционного обучения (асинхронная, синхронная, интегрированная, гибридная, смешанная и удаленная), а также описанные формы организации цифрового обучения как в асинхронном, так и в синхронном формате позволили уточнить специфику и выделить особенности построения обучения в условиях использования цифровой образовательной среды. Описанные конкретные отличия могут послужить основой для планирования оптимального изменения процесса преподавания в высшей школе и не только. Выделенные модели и формы организации дистанционного обучения показали, что сегодня преподаватель должен строить свой учебный курс, опираясь на те возможности, которые дают средства Интернета и цифровая образовательная среда.

Примечания

¹ Часть терминов была представлена в статье авторов [2].

² Режим (формат) синхронный/асинхронный – общение в реальном времени (аудиторные занятия, видеоконференция, переписка здесь и сейчас, телефонный звонок) / в отложенном времени (обмен сообщениями в разное время, выполнение работы в несовпадающее время).

Список источников

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Цифровое обучение в контексте современного образования: практика применения. М. : Диона, 2020. 244 с.
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Дидактика цифровой эпохи: некоторые аспекты развития // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 160–168. doi: 10.17223/15617793/490/18
3. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Цифровая дидактика: особенности организации обучения в образовательной организации // Человеческий капитал. 2021. № 12 (156), т. 2. С. 15–22.
4. Бедерханова В.П. Педагогическое проектирование в инновационной деятельности : учеб. пособие. Краснодар, 2000. 54 с.

5. Бешенков С.А. Моделирование и формализация : метод. пособие. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002. 336 с.
6. Современные образовательные технологии : учеб. пособие / под ред. Н.В. Бордовской. 3-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2022. 432 с. URL: <http://library.atu.kz/files/155041/10/> (дата обращения: 26.08.2023).
7. Беспалько В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; НПО МОДЭК, 2002. 352 с.
8. Кларин М. Педагогическая технология в учебном процессе. М., 1998.
9. Монахов В.М. Педагогическое проектирование – современный инструмент дидактических исследований // Школьные технологии. 2001. № 5. С. 75–89.
10. Азимов Э.Г., Щукина А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : ИКАР, 2009. 448 с.
11. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2005. 230 с.
12. Делимова Ю.О. Моделирование в педагогике и дидактике // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. № 3(19). С. 33–38.
13. Лодатко Е.А. Моделирование педагогических систем и процессов. Славянск : СГПУ, 2010. 148 с.
14. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. 2-е изд., испр. и доп. М. : Смысл, 2001. 366 с.

References

1. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2020) *Tsifrovoye obucheniye v kontekste sovremennogo obrazovaniya: praktika primeneniya* [Digital Learning in the Context of Modern Education: Practice of application]. Moscow: Diona.
2. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2023) Didactics of the digital age: Some aspects of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 490. pp. 160–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/490/18
3. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2021) Tsifrovaya didaktika: osobennosti organizatsii obucheniya v obrazovatel'noy organizatsii [Digital didactics: features of the organization of training in an educational organization]. *Chelovecheskiy kapital*. 12-2 (156). pp. 15–22.
4. Bederkhanova, V.P. (2000) *Pedagogicheskoye proektirovaniye v innovatsionnoy deyatel'nosti* [Pedagogical Design in Innovative Activities]. Krasnodar: KKIDPPO.
5. Beshenkov, S.A. (2002) *Modelirovaniye i formalizatsiya* [Modeling and Formalization]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.
6. Bordovskaya, N.V. (ed.) (2022) *Sovremennyye obrazovatel'nyye tekhnologii* [Modern Educational Technologies]. 3rd ed. Moscow: KNORUS. [Online] Available from: <http://library.atu.kz/files/155041/10/> (Accessed: 26.08.2023).
7. Bespal'ko, V.P. (2002) *Obrazovaniye i obucheniye s uchastiem komp'yutrov (pedagogika tret'ego tysyacheletiya)* [Education and Learning with the Participation of Computers (Pedagogy of the third millennium)]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; NPO MODEK.
8. Klarin, M. (1998) *Pedagogicheskaya tekhnologiya v uchebnoy protsesse* [Pedagogical Technology in the Educational Process]. Moscow: Znanie.
9. Monakhov, V.M. (2001) *Pedagogicheskoye proektirovaniye – sovremennyye instrumentariy didakticheskikh issledovaniy* [Pedagogical design – modern tools for didactic research]. *Shkol'nyye tekhnologii*. 5. pp. 75–89.
10. Azimov, E.G. & Shchukina, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts]. Moscow: IKAR.
11. Dakhin, A.N. (2005) *Pedagogicheskoye modelirovaniye* [Pedagogical Modeling]. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO.
12. Delimova, Yu.O. (2013) *Modelirovaniye v pedagogike i didaktike* [Modeling in pedagogy and didactics]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 3 (19). pp. 33–38.
13. Lodatko, E.A. (2010) *Modelirovaniye pedagogicheskikh sistem i protsessov* [Modeling of Pedagogical Systems and Processes]. Slavyansk: Slavyansk State Pedagogical University.
14. Yasvin, V.A. (2001) *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational Environment: From modeling to design]. 2nd ed. Moscow: Smysl.

Информация об авторах:

Вайндорф-Сысоева М.Е. – д-р пед. наук, профессор кафедры технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: vs.me@mpgu.su

Субочева М.Л. – д-р пед. наук, зав. кафедрой технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: ml.subocheva@mpgu.su

Шитова В.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Академии социального управления (Москва, Россия). E-mail: v.shitova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.E. Vayndorf-Sysoeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vs.me@mpgu.su

M.L. Subocheva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Technology and Professional Education, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ml.subocheva@mpgu.su

V.A. Shitova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Academy of Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.shitova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2023;
одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 372.881.1; 811.11
doi: 10.17223/15617793/497/16

Структурный метод развития маркетинговых речевых умений студентов-лингвистов (иностранные языки)

Андрей Александрович Колесников¹

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, kolesnikow@list.ru*

Аннотация. Представлена методика развития речевых умений маркетингового характера у студентов-лингвистов на занятиях по иностранному языку. Описан многослойный характер речевого умения (синтактико-языковая основа, ядро, периферия), обоснована последовательность формирования его компонентов. На уровне периферии определены специальные компоненты умения, обеспечивающие необходимые характеристики эффективности и выразительности маркетингового высказывания, а также их интерпретацию при восприятии «продвигающего» текста. Приведены примеры организации обучения.

Ключевые слова: речевое умение, маркетинговое высказывание, структурный метод, когнитивно-коммуникативный подход, языковой вуз

Для цитирования: Колесников А.А. Структурный метод развития маркетинговых речевых умений студентов-лингвистов (иностранные языки) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 151–162. doi: 10.17223/15617793/497/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/16

Structural approach to the development of marketing speech skills in linguistic university students majoring in foreign languages

Andrei A. Kolesnikov¹

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation, kolesnikow@list.ru*

Abstract. The article examines a structural approach to developing specialized marketing speech skills of students majoring in FL linguistics during foreign language classes. A teaching model is designed, based on an understanding of the genre nature of marketing communication, the multilayered nature of speech skills, and the technique of sequential formation of its components, where each subsequent component relies on the previous one (the “layering” method). The approach used is grounded in the cognitive-communicative methodology, which ensures a conscious character of learning through the means of implementing speech intentions or perceiving others’ utterances. The article describes a three-stage sequence for developing speech skills. The first stage focuses on the formation of the syntactic-linguistic basis of the skill, while the second stage involves developing the core of the speech skill, which implies the ability to create and/or comprehend invariant genre statements in a specific domain or communicative situation. The third stage opens up the variational possibilities for further expanding the speech skill. During the third stage, additional skill components emerge, providing adaptation of utterances to the tasks of a particular communicative situation or precise interpretation of the communicative intention of the author-interlocutor. It is during this stage that skill components are formed, enabling the creation or perception of “promotional” (marketing) utterances. These components are based on several basic compositional types of speech (narration, description, reasoned explanation) that are integrated into the skills of working with texts of a journalistic nature. These foundational skills are expanded with additional elements that facilitate the creation of expressiveness or emphasis in statements to influence the audience, depending on the goals of the marketing situation. The elements of expressiveness used are described in the article. As a practical illustration of the developed teaching model, examples of sequential work with various types of advertising messages are presented, starting from brief promo-texts and ending with extended promotional statements. Based on these examples, variations in the implementation of the proposed three-stage technique are demonstrated. The conducted research contributes to optimizing foreign language teaching in linguistic universities, enhancing the variability of the professionally oriented educational process. The created teaching model possesses a sufficient level of universality, allowing its transfer to the teaching of creating and perceiving utterances in different types of specialized discourse.

Keywords: speech skill, marketing utterance, structural approach, cognitive-communicative approach, linguistic university

For citation: Kolesnikov, A.A. (2023) Structural approach to the development of marketing speech skills in linguistic university students majoring in foreign languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 151–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/16

Введение

Кафедра германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ много лет ведет успешную научно-исследовательскую и образовательную работу в области маркетинговой лингвистики и обучения многоязычным маркетинговым коммуникациям. В рамках ряда научных проектов с привлечением ученых других вузов были опубликованы многочисленные научные статьи, а результаты исследования обобщены в коллективной монографии «Маркетинговая лингвистика» [1]; кафедрой ежегодно организуется одноименный круглый стол всероссийского формата с международным участием [2]. Существенный вклад в обучение теоретическим основам маркетинговой лингвистики внесло пособие «Коммуникация: теория и практика» [3], которое стало востребованным не только на направлении «Лингвистика и межкультурная коммуникация», но и на таких, как «Связи с общественностью», «Журналистика» и др. В настоящее время к изданию готовится учебник для магистрантов «Маркетинговая лингвистика».

Вместе с тем, несмотря на активное внедрение результатов исследовательской деятельности кафедры в учебный процесс и привлечение студентов к совместному научно-исследовательскому поиску, преподавание иностранных (немецкого и английского) языков на уровне бакалавриата (направление подготовки «Лингвистика и межкультурная коммуникация») осуществляется по традиционной для языковых вузов методической модели. Практический курс иностранного языка организуется с использованием аутентичных (зарубежных) учебников соответствующего уровня (по шкале CEFR), а также авторских пособий преподавателей кафедры. Методическая проблема заключается в том, что зарубежные учебники, несмотря на большое преимущество в плане аутентичности, не учитывают необходимость выхода речевого общения именно в область маркетинговых коммуникаций. Зарубежные учебники для специальных целей (например, *Wirtschaftsdeutsch*, опубликованный издательством Langenscheidt при поддержке Goethe-Institut; *Erfolgreich im Beruf*, изданный Cornelsen и пр.) носят, как правило, обобщенно-профессиональный характер (по крайней мере, до уровня B2) и ориентируются исключительно на страну изучаемого языка, не предполагая системной работы над продвигающими маркетинговыми высказываниями в межкультурной/международной среде. Кроме того, подобные учебники не учитывают российского образовательного контекста, где в силу значительной ограниченности иноязычных ресурсов в повседневной жизни формирование речевого умения должно быть более дробным, поэтапным и осознанным. Пособия отечественных специалистов в этой области нередко создаются учеными-лингвистами с опорой на текстually-переводной метод без учета методической последовательности развития умения продуцирования и(или) восприятия высказывания маркетингового характера.

Подобная проблема характерна для многих языковых вузов (или факультетов/институтов иностранных

языков), где обучение практике речи с одной стороны, и перспективные исследования в области языка и дискурса – с другой, не находят должной корреляции в учебном процессе. Поставленная перед нами задача заключается в том, чтобы с опорой на системное представление о последовательном развитии речевого умения при обучении иностранному языку обосновать методическую модель, позволяющую осуществить переход к овладению высказыванием маркетингового характера. В нашем обосновании мы постараемся добиться определенного уровня универсальности, достаточного для того, чтобы обеспечить возможность переноса создаваемой методической модели на обучение продуцированию и восприятию высказываний в разных типах специализированного дискурса. Полагаем, данное исследование позволит в дальнейшем создать учебное пособие для студентов-лингвистов, в котором будет преодолена обозначенная выше проблема.

Методология и основные термины

Методология исследования определяется когнитивно-коммуникативным подходом, который обеспечивает сознательный и системный характер последовательного формирования элементов речевого умения. Результатом должно стать овладение маркетинговым высказыванием, имеющим форму текста продвигающего характера.

Под продвигающим текстом исследователи понимают «коммуникативную единицу, функционирующую в пространстве маркетинговых коммуникаций, служащую целям эффективного воздействия на целевую аудиторию (привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию)» [4. С. 283], которая обладает системой релевантных вербальных и невербальных средств усиления эффекта воздействия. Феномен маркетинговой лингвистики описывается исследователями через особый тип коммуникации интегрированного характера, который восходит к теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас) и имеет целью нелинейное (сетевое) воздействие на реципиентов путем комбинации вербальных и невербальных стратегий (ср. [5, 6]). Фундаментальное исследование жанровой системы маркетингового дискурса, проведенное И.А. Гусейновой, позволило установить, что подобный дискурс «является вербализованной формой объективации рыночного мышления и сознания, а также отрегулированным механизмом становления и развития жанровой системности, способствующим поддержанию взаимоотношений между предприятиями, а также предприятиями и целевым адресатом в функциональном пространстве маркетинговой коммуникации» [7. С. 2–3].

Переноса сказанное в область обучения, необходимо обратить внимание именно на жанровый характер маркетинговой коммуникации. Особое значение он

приобретает в обучении письменной речи. Ряд европейских лингводидактов предлагают две основные модели обучения письму: креативное письмо и жанровое письмо [8, 9]. Последнее предполагает особые требования к структуризации речевого умения в процессе становления.

Жанровая система маркетинговой коммуникации обладает специфическими характеристиками, которые необходимо учитывать в процессе обучения. Одной из таких характеристик является жанровая мимикрия, представляющая собой жанровый сдвиг, когда продвигающий текст «маскируется» под другой жанр (например, личное письмо, выпуск новостей и пр.) [1. С. 48–55]. Подходы к анализу и созданию текстов мимикрирующих жанров в маркетинговой лингвистике и лингводидактике прямо противоположны. В лингвистическом исследовании мы идем от функций продвигающего текста и далее обращаем внимание на форму предъявления. В обучении же первоначальной задачей является формирование базового речевого умения восприятия и создания «опорного» текста определенного композиционно-функционального типа: личного или делового письма, сообщения, описания и пр. В дальнейшем на сформированное «ядро» умения можно наращивать дополнительные функциональные «слои», в том числе обеспечивающие преобразование текста в продвигающий. В основе такого способа обучения лежит понимание структурной последовательности формирования компонентов речевого умения, что обеспечивает осознанные действия по реализации коммуникативного намерения (или точное понимание коммуникативного намерения собеседника/автора) в условиях постепенно усложняющейся коммуникативной задачи и в контексте более сложных видов дискурса. Таким образом, используемый нами метод поэтапного развития маркетинговых речевых умений можно охарактеризовать как *структурный* в рамках *когнитивно-коммуникативного подхода*.

Исследование

Проблема структуризации развития речевого умения. Несмотря на наличие большого количества исследований и методических рекомендаций относительно развития речевых умений, все же не до конца ясным остается пошаговый алгоритм постепенного усложнения корпуса таких умений с учетом их многослойной «конструкции»: от базовых мыслительно-языковых действий (понимания, как следует устно или письменно выразить мысль или правильно воспринять и осознать сообщаемое собеседником) к формированию или пониманию элементарного целостного высказывания в зависимости от жанра и регистра общения – и далее к способности варьировать речевые приемы в зависимости от меняющихся намерений и ситуаций. Предположение, что многие дополнительные содержательно-смысловые и структурные «слои» умения переносимы из родного языка, не всегда верно: нередко речевые модели родного лингвосоциума могут привести к структурно-стилистическим и социокультурным ошибкам. Проблема усложняется в том случае, если

речь идет о профессионально ориентированном контексте. Многие современные методические работы придерживаются прагматико-функционального подхода к формированию коммуникативной компетенции студентов в рамках профессионального дискурса (см. [10–12] и др.). Обучающийся должен понимать, как интерпретировать и строить высказывания в условиях комбинированной рецептивно-продуктивной речевой среды [12]. При этом обучающие действия сосредоточены вокруг профессионально ориентированного высказывания как такового, которое является одновременно и «исходными данными», и конечным результатом. Такое положение дел является чуть ли не аксиомой; исследования сосредоточены в большей степени на средствах и технологиях, помогающих более эффективно обучать таким высказываниям (TED-Talks, блоги, социальные сети, мобильные технологии и пр., см. [13–17]). Отметим, что этот подход используется преимущественно в неязыковом вузе – в ситуации, когда требуется получить конечный речевой продукт в довольно сжатые сроки. В данных условиях может не хватить времени для тщательной отработки каждого отдельного исходного речевого действия и реализации всей цепочки становления умения – от базового высказывания до трансформации. Поэтому развитие речемыслительной деятельности, при сохранении всех необходимых образовательных условий – проблемности, коммуникативной насыщенности, взаимосвязи и взаимовлияния языкового и специализированного материала [18] – осуществляется на основе «финального» речевого продукта. Однако для студентов-лингвистов требуется более глубокое проникновение и детальное исследование эволюции становления обсуждаемого продукта. В этой связи и само развитие речевого умения должно отвечать требованиям структурности, системности и последовательности.

Структурный метод формирования речевого умения наиболее последовательно начал применяться в работах Я.М. Колкера и Е.С. Устиновой. Пошаговое формирование умения авторы реализуют за счет постепенного усложнения/«наращивания» речемыслительных действий: от базового, соотносимого с основной мыслительной операцией и замыслом высказывания, к многообразным факультативным, которые делают высказывание ярче и богаче. Так, например, центральным компонентом умения составлять резюме текста является, по мнению авторов, выделение наиболее существенных предложений; ядром – объединение отобранных предложений в единое смысловое целое и преобразование их; факультативной частью – адаптация текста для разных коммуникативных условий, регистров, добавление субъективного «окраса» через личностное восприятие текста и пр. [19, 20]. Мы принимаем за основу нашего метода описанную авторами поэтапность становления умения с некоторыми уточнениями. Полагаем, тот компонент, который назван «центральным», представляет собой синтактико-языковую основу речевого умения (для краткости будем называть ее синтаксической) и фактически является связующим

звеном между завершением формирования совокупности необходимых языковых навыков и началом развития «ядра» умения. Этот компонент как бы соединяет «код внутренней речи» (Н.И. Жинкин) субъекта, речевой замысел будущего высказывания, и уже имеющиеся в распоряжении обучающегося языковые средства: субъект осознает, *что* он хочет сказать (написать) и *как* он хочет это сделать. Однако развернуть замысел в полноценное высказывание на данном этапе обучающемуся пока трудно, так как языковая форма все еще существенно сдерживает речевое самовыражение (в плане беглости, связности, соблюдения композиционных канонов и пр.). Поэтому *синтаксический* этап заключается в конструировании грамматически/синтаксически правильных предложений и(или) создании небольших текстов, отвечающих нормам того или иного функционального типа (сообщение, описание, объяснение и пр.) и представляющих собой, образно выражаясь, «несущий каркас» будущего высказывания. В плане рецепции данный компонент выражается в понимании на уровне языковых эквивалентов отдельных предложений, сверхфразовых единств, небольших текстов. Следующий шаг, определяющий формирование *ядра* речевого умения, заключается в наполнении общего замысла минимально достаточными речевыми средствами, которые соответствуют авторскому представлению о высказывании определенного жанра в данной ситуации. Автор должен обладать базовым пониманием, как вербальные и невербальные элементы его высказывания соотносятся с социокультурными нормами и ценностной картиной мира инофона. Рецептивный план умения подразумевает переход на уровень концептосферы: осознания авторского замысла с учетом «голоса» автора (авторского стиля) и рамок социокультурной ситуации. К *факультативным* (периферийным) составляющим умения отнесем способность использовать или распознавать дополнительные речевые средства, влияющие на выразительность высказывания, определяющие его коннотации или новые смыслы, подтекст, а также преобразующие высказывание в другой – более комплексный – жанр, например, при изменении ситуации.

Итак, структурный метод развития речевого умения должен учитывать следующие элементы. *Синтаксический уровень речевого умения* предполагает формирование способности преобразовать коммуникативное намерение в грамматически/синтаксически корректную форму высказывания или через восприятие формы высказывания определить непосредственный смысл сообщения. *Ядром речевого умения* является способность создавать и(или) осмысливать высказывания инвариантных жанров в определенной области или коммуникативной ситуации. *Периферия речевого умения* включает в себя дополнительные компоненты умения, которые обеспечивают создание или осмысленное восприятие факультативного дифференцированного набора характеристик высказывания для его адаптации к задачам определенной коммуникативной ситуации или точной интерпретации коммуникативного намерения.

Особенности поэтапного развития маркетингового речевого умения. Обучение продвигающим высказываниям, ориентированным на массовую (публичную) область взаимодействия, представляет собой непростую, но интересную задачу для преподавателей практического курса иностранного языка и лингвотейоретических дисциплин. Используемый нами метод вызывает необходимость выявить центральную составляющую маркетингового речевого умения, которая определит речевую основу обучения. Применительно к массовой коммуникации центральными следует считать умения, необходимые во всех сферах публичного взаимодействия. Авторы фундаментального труда *Angewandte Linguistik* («Прикладная лингвистика» под редакцией К. Кнаппа, см. [21]) включают в языковое пространство массовой коммуникации три основные сферы: рекламную коммуникацию, журналистские жанры, PR-коммуникацию. К базовым следует отнести умения работать с текстом публицистического характера, который лежит в основе массовой коммуникации и определяет, таким образом, некий эталон формата высказывания, ориентированного на неоднородную аудиторию. В дальнейшем ядро таких умений расширяется *периферией*, включающей в себя дополнительные компоненты, которые обеспечивают создание выразительности или экспрессивности высказывания для воздействия на публику в зависимости от целей маркетинговой ситуации.

Задача преподавателя состоит в осуществлении последовательного «наращивания слоев» умения студентов. Начиная с синтаксического компонента – способности выразить мысль в форме корректного синтаксического единства – преподаватель обеспечивает процесс развития «ядра» (действий с инвариантными жанрами), которое затем расширяется через серию дополнительных заданий, способствующих пониманию языковых, стилистических и композиционных особенностей маркетингового текста. Рассмотрим эту последовательность действий на основе конкретных примеров.

Базовые композиционные типы речи (формы высказывания), которые лежат в основе «продвигающих» маркетинговых текстов, – это сообщение, описание, аргументированное объяснение. На начальном этапе обучения в языковом вузе следует ориентироваться на краткие тексты рекламного характера, состоящие из одного–двух предложений: в этом случае мы можем опереться на названные формы высказывания в своем чистом виде и нет нужды предварительно знакомиться с публицистическим стилем. Так, например, композиционное построение типичного рекламного текста можно свести к нескольким простым положениям:

- *представлен какой-либо продукт / какая-либо услуга (=сообщение);*
- *он имеет определенные характеристики (=описание);*
- *эти характеристики лучшие аналогов, потому что... (=аргументация);*
- *необходимо приобрести именно этот продукт (главный вывод).*

Для достижения необходимого эффекта воздействия на аудиторию центральная часть умения должна

быть обогащена дополнительными средствами создания выразительности. Обратимся в качестве примера к рекламе музыкального стримингового сервиса Spotify.

Вначале краткие рекламные тексты (одно-два предложения) преобразуются в нейтральную форму сообщения. Студенты знакомятся с характеристиками текстов данного типа (репрезентация фактиче-

ской информации, предложения в прошедшем времени и пр.) и затем получают для анализа следующие фразы. Второе предложение каждой фразы следует дополнить описанием реакции представителей компании на тот факт, что сообщается в первом предложении, вставив слово или выражение в нужной форме.

1. *An unnamed person has created a playlist called "One Night Stand with Jeb Bush Like He's a Bond Girl in a European Casino" on his device. The name of the playlist ... the representatives of the "Spotify" company.*
 2. *An unnamed person played the track "Sorry" 42 times on February, 14th. The representatives of "Spotify" ...*
 3. *An unnamed person in Venice listened to Adele's songs for 4 hours continuously on February, 14th. Representatives of the company ...*¹
- *to be concerned about someone's state of mind*
 - *to cause confusion among smb.*
 - *to clarify someone's fault*

¹ 1. An unnamed person has created a playlist called "One Night Stand with Jeb Bush Like He's a Bond Girl in a European Casino" on his device. The name of the playlist caused confusion among the representatives of the "Spotify" company. 2. An unnamed person played the track "Sorry" 42 times on February, 14th. The representatives of "Spotify" want to clarify his fault. 3. An unnamed person in Venice listened to Adele's songs for 4 hours continuously on February, 14th. Representatives of the company are concerned about his state of mind.

В данном случае объединяется работа над языковым (лексика), синтаксическим (построение утвердительного предложения в прошедшем времени) уровнем и ядром умения (создание сообщающего высказывания – констатации фактов). Далее студентам предлагаются оригинальные тексты на рекламных плакатах. Задачей снова является подобрать окончание к каждой

фразе. Выражения, над которыми студенты работали в первом задании (работа с лексикой), здесь приобретают разговорную форму, придающую всей фразе дополнительные коннотации (в частности, экспрессивность, юмор). Первое предложение также преобразуется стилистически за счет добавления обращения и некоторого упрощения лексики.

1. *Dear person who made a playlist called "One Night Stand with Jeb Bush Like He's a Bond Girl in a European Casino",*
- ...
 2. *Dear person who played "Sorry" 42 times on Valentine's Day,*
- ...
 3. *Dear person in Venice who listened to Adele for four straight hours on Valentine's Day,*
- ...¹
- *What did you do?*
 - *You OK?*
 - *We have so many questions.*

¹ 1. Dear person who made a playlist called "One Night Stand with Jeb Bush Like He's a Bond Girl in a European Casino",
- We have so many questions.
2. Dear person who played "Sorry" 42 times on Valentine's Day,
- What did you do?
3. Dear person in Venice who listened to Adele for four straight hours on Valentine's Day,
- You OK?

Обучающимся предлагается задание сопоставить рекламный плакат (изображения оригинальных плакатов *Spotify* с данным текстом доступны в Интернете) с нейтральным текстом и объяснить, почему в одном случае текст можно считать рекламой, а в другом – обычной передачей информации (сообщением). Студенты должны сделать вывод о том, что именно превращает сообщение в рекламу, т.е. какие средства выразительности преобразуют один формат высказывания в другой – и здесь мы уже имеем дело с развитием периферии речевого умения. Особое внимание следует обратить на такие аспекты, как:

- языковые особенности (лексика, грамматика, синтаксис);
- композиционная структура;
- стилистические приемы;
- семиотические средства (изображения, инфографика и пр.) и их функции.

Далее студентам необходимо выявить приемы воздействия маркетингового текста на адресата и описать предполагаемую целевую группу. В рассмотренном

случае это можно сделать на двух уровнях: *видимом* и *скрытом/глубинном*. *Видимый уровень*, представленный языковыми, структурными и стилистическими особенностями, определяет жанровый сдвиг: информация или факты передаются через разговорно-ироничное обращение к читающему, предполагающее дружеское остроумное общение. На этом этапе следует обсудить со студентами, зачем понадобился подобный «сдвиг». Обращаясь к *глубинному уровню*, следует затронуть вопрос о том, зачем компания разработала целую рекламную стратегию, обращаясь к частным и, казалось бы, незначительным (хотя и забавным) фактам. В ходе дискуссии можно прийти к выводу, что именно такие факты имплицитно передают основные ценности компании: сервис обеспечивает пользователю свободу выбора, свободу действий в соответствии с его индивидуальными предпочтениями, даже если другим пользователям они покажутся странными или комичными. Таким образом, скрытый смысл приведенного выше сообщения в том, что рекламируемый сервис поддерживает свободомыслящих, незаурядных личностей.

Краткие рекламные или промотексты нередко содержат в себе игру слов и опираются на устойчивые выражения, в связи с чем их можно использовать на

этапе работы с лексикой. В качестве примера обратимся к оформлению упаковок немецкой пиццы (рис. 1, 2).

Рис. 1. Оформление упаковки немецкой пиццы. Вариант 1

Рис. 2. Оформление упаковки немецкой пиццы. Вариант 2

Вариант 1. WIR NEHMEN NUR MOZZARELLA. ALLES ANDERE IST KÄSE. (1. БЕРЕМ ТОЛЬКО МОЦАРЕЛЛУ. Все остальное сыровато).

Вариант 2. UNSER THUNFISCH IST HANDGEANGELT. FLOSSE DRAUF. (2. НАШ ТУНЕЦ ВЫЛОВЛЕН ВРУЧНУЮ. Плавником клянусь!).

В данном случае структура высказывания представляет собой модель «сообщение + комментарий с игрой слов». В первом предложении-сообщении передается исключительно фактическая информация; второе предложение-комментарий обыгрывает первое.

Wir nehmen nur Mozzarella – «берем только моцареллу» – сообщение информации. *Alles Andere ist Käse* (разг.: «все остальное – чушь», обыгрывается «моцарелла» как лучший вид сыра и «сыр» (в значении «чушь» в разговорном немецком) – все остальные виды). Аналогичный пример из русскоязычной рекламы мясного магазина: «У нас мясо. Все остальное лишь гарнир...».

Unser Thunfisch ist handgeangelt – «наш тунец выловлен вручную» – сообщение информации. *Flosse drauf* (в связи с *Thunfisch* в первой части обыгрывается разговорное выражение „Hand drauf“ – «это точно» / «зуб даю!». Слово „Hand“ «рука» заменено на „Flosse“ «плавник»: «плавником клянусь!»).

На основе данных микротекстов студентам можно предложить следующие задания:

а) найти игру слов, восстановить оригинальное устойчивое выражение и пояснить, благодаря чему достигается юмористический эффект (языковой уровень, стилистический анализ);

б) проанализировать микротексты, определить, где сообщается фактическая информация, а где присутствует эмоционально-субъективный комментарий,

объяснить свои выводы. Привести собственные примеры с рассмотренными разговорными выражениями в их оригинальном звучании (сочетание синтаксического уровня и развития ядра умения);

в) подготовить оформление собственного «продукта», опираясь на проанализированные примеры. По возможности, придумать свой вариант игры слов, подходящий для авторского «продукта» (переход от ядра к периферии).

Обращение к более объемным высказываниям маркетингового характера требует наличия базовых знаний и умений в области публицистических текстов. Названные ранее формы высказывания (сообщение, описание, аргументированное объяснение) лежат в основе таких жанров, как новостное и аналитическое сообщение, комментарий, портретная статья, эссе. Начиная со второго курса студентов необходимо знакомить с основными лингвистическими закономерностями перечисленных форм.

Несмотря на существенные языковые и стилистические различия, публицистический и маркетинговый / рекламный тексты опираются на единую структурно-композиционную основу. После формирования ядра умения (знакомства с названными публицистическими жанрами) студентам необходимо предложить для сопоставительного анализа классический текст информационного сообщения (где наиболее ярко выражены структурные особенности) и рекламного объявления: см., например, образцы, приведенные ниже. На основе этих текстов обучающиеся заполняют и обсуждают сравнительную таблицу (см. табл. 1: ее рекомендуется частично заполнить в качестве примера).

Таблица 1

Сопоставительный анализ сообщения и рекламы

	Информационное сообщение	Рекламное сообщение
Начало: первое предложение / первая строка	Ориентирование читателя в происшедшем: основная информация о событии. Особенности: ...	Ориентирование покупателя в продукте / услуге: привлечение внимания, личное обращение. Особенности: ...
	Сходства:	
	Отличия:	
Основной текст	Факты, детали, ...	Подробности о товаре / услуге. Особенности: ...
	Сходства:	
	Отличия:	

Заключительное предложение / последняя строка	Предыстория, источники, ...	Вывод о преимуществе продукта / услуги, контактные данные...
	<i>Сходства:</i>	
	<i>Отличия:</i>	

Знакомство со структурно-содержательными особенностями текстов дополняется более детальным анализом. Ориентация на специфику маркетингового дискурса происходит за счет уточнения ряда характеристик *эффективности* дискурсивного продукта того или иного жанра. Трансформация этих характеристик может стать предметом обсуждения на занятии при анализе продвигающих текстов и их сопоставлении с традиционными публицистическими жанрами. Такой вид работы определяет развитие периферии умения.

Эффективность как основной показатель качества высказывания означает, что высказывание достигло намеченной цели [19. С. 29]. Основным составляющим элементом эффективности в нашем случае будет являться *выразительность*, которая обусловит уточнение других характеристик. Так, например:

– *правильность* высказывания обычно предполагает соблюдение лексико-грамматических норм и соответствие узусу, т.е. учет особенностей употребления языковых структур в соответствии с типом текста и коммуникативной ситуацией. В продвигающих текстах нередко встречаются отклонения от языковых и узуальных норм с целью увеличения экспрессивности (в частности, преднамеренные ошибки: орфографические “OH DEER ITS HARD TO SPEL WHEN YOUR HUNGRY. If you keap making typing mistakes GRAB YOURSELF A SNICKERS FAST”; в порядке слов “Before coffee, your brain doesn’t well so work” и пр.);

– *достаточность* и *экономность* означает, что высказывание должно содержать в себе все и только необходимые (существенные) компоненты. Например, новостная заметка состоит из обобщения события, подробностей происшедшего, источника информации. Однако в продвигающем высказывании информация, которая была бы достаточна для публицистического информационного текста, должна быть расширена воздействующим содержанием (вербальным и(или) иллюстративно-художественным). Только в этом случае будет обеспечена достаточность средств для достижения цели высказывания. Однако подавляющее большинство рекламных текстов должны быть одновременно информационно емкими, эмоционально красочными и предельно краткими. В качестве примера можно привести рассмотренный выше случай модели «сообщение + эмоционально воздействующий комментарий»;

– *точность* информационного текста означает его завершенность и логическую взаимосвязь частей, тщательность подбора языковых средств, отсутствие двусмысленности, понятность для целевой аудитории. В этом случае точность высказывания воздействует на рациональную сторону восприятия. Ситуация маркетингового дискурса требует точности воздействия на

эмоциональную составляющую, в связи с чем в ряде случаев двусмысленность становится не только возможной, но и желательной (например, в виде остроумной игры слов) – как в известном слогане IBM “We Make *It* Happen”, где “it” имеет двойное значение как местоимение и аббревиатура IT;

– наконец, сама *выразительность* как таковая, играющая основную роль в воздействии на реципиента, обладает собственным набором средств – от языковых до экстралингвистических, художественных. Даже информационный текст, в котором не используются специальные стилистические приемы (эмоциональная лексика, тропы, фигуры речи) и отсутствует иллюстративное сопровождение, может, тем не менее, обладать большой экспрессивной составляющей благодаря своей композиции, за счет отбора и организации фактов. Я.М. Колкер и Е.С. Устинова приводят пример газетного сообщения, где именно организация фактов при отсутствии любых других форм выразительности производит огромное впечатление на читателя:

“One victim, Alex Kuzma, 63, of 808 North Maplewood Avenue, was hit with such impact that his right forearm was carried off on the car of the hitrun motorist who struck him. Kuzma was struck Sunday as he crossed Chicago Avenue at Campbell Avenue. Witnesses saw the car slow down, douse its headlights and speed away. After searching futilely for the dead man’s missing arm, police expressed belief that it must have lodged in some section of the speeding auto” [19. С. 33].

На занятиях по языковой практике имеет смысл предложить обучающимся найти примеры рекламных/ продвигающих продуктов, где воздействующая функция реализована аналогично: именно через выразительность композиционной структуры текста (например: „QUADRATISCH. PRAKTISCH. GUT.“; „Volkswagen. Das Auto.“). Затем можно предложить самостоятельно подготовить и презентовать несколько подобных текстов.

Аналитико-продуктивная работа, опирающаяся на информационные публицистические жанры и определяющая переход от сформированного ядра умения к периферии, может включать в себя задания на преобразование публицистического текста в продвигающий. В исходном тексте (лучше всего использовать новостные заметки о событиях или происшествиях) необходимо вычленив проблемное положение вещей, которое может быть преодолено благодаря определенному товару или услуге, определить необходимые трансформации структуры и стиля высказывания, подготовить продвигающий текст на основе исходного и обсудить в группе. Сначала такое преобразование студенты могут выполнить с использованием нейросети и проанализировать получившиеся варианты. Приведем пример.

Исходный текст новостного сообщения (по материалам агентства fra)

Die englische Polizei hat die Suche nach Spuren für die Aufklärung des größten Geldraubs in der Geschichte Großbritanniens fortgesetzt. Die Bemühungen konzentrieren sich vor allem auf einen Kleintransporter, in dem ein größerer Teil der Millionenbeute gefunden worden war. Nach einem «heißen

Английская полиция продолжает поиск следов для раскрытия самого крупного грабежа в истории Великобритании. Основное внимание приковано к маленькому грузовику, в котором была обнаружена значительная

Tipp» hatten Polizisten den Minivan vor einem Hotel an der Strecke des Eurostar- Schnellzugs entdeckt.

Bei dem Überfall auf ein Gelddepot hatten die Gangster am Mittwoch umgerechnet mehr als 70 Millionen Euro erbeutet.

Рекламный текст, созданный нейросетью ChatGPT

Brauchen Sie Sicherheit für Ihr Geschäft? Wollen Sie, dass Ihre Werte und Schätze geschützt sind? Dann ist unser Unternehmen die Lösung für Sie!

Wir bieten Sicherheitsdienstleistungen und Überwachungstechnologie, die Ihnen helfen, sich vor Diebstahl und Raub zu schützen. Wie im aktuellen Fall des größten Geldraubs in der Geschichte Großbritanniens, bei dem mehr als 70 Millionen Euro erbeutet wurden, ist es wichtig, präventive Maßnahmen zu ergreifen und sich auf mögliche Risiken vorzubereiten.

Kontaktieren Sie uns noch heute und lassen Sie uns gemeinsam die Sicherheit Ihres Unternehmens gewährleisten!

Как нетрудно заметить, исходный текст соответствует классической структуре новостной статьи: первое предложение передает сущность содержания, последующие предложения раскрывают детали, в конце – отсылка к предыстории. Нейросеть определила основную проблему (безопасность) и сгенерировала рекламный текст охранной фирмы по следующей схеме: апелляция к потребности в безопасности, прямое обращение к читателю → сообщение о роде деятельности компании → аргументация необходимости защиты своих средств и ценностей: происшествие в Великобритании как наглядный пример того, что может случиться, если об этом вовремя не подумать → побуждение к скорейшим контактам с продавцом. Таким образом, исходная форма высказывания «сообщение» преобразована в аргументированное обоснование, где центральным аргументом выступает событие из сообщения как наглядный пример. Стилистической особенностью модифицированного текста является постоянное обращение к читающему, что характерно для

часть миллионной добычи. По горячим следам полицейские обнаружили минивэн возле отеля на маршруте скоростного поезда «Евростар».

В результате нападения на хранилище денег гангстеры украли свыше 70 миллионов евро в среду.

Рекламный текст, созданный нейросетью ChatGPT

Ищете безопасность для своего бизнеса? Хотите защитить свои ценности? Тогда наша компания – верное решение для вас!

Мы предлагаем услуги охраны и технологии наблюдения, которые помогут защитить вас от кражи и грабежа. Как в случае с самым большим ограблением в истории Великобритании, в ходе которого было похищено более 70 миллионов евро, важно принимать профилактические меры и готовиться к возможным рискам.

Свяжитесь с нами уже сегодня и давайте вместе обеспечим безопасность вашего бизнеса!

рекламного жанра (в отличие от нейтрального информационного).

На занятии студентам необходимо представить разные варианты трансформированного посредством нейросети текста, обсудить особенности каждого варианта, сделать выводы. Далее студенты объединяются в микрогруппы, каждая группа получает свой информационный публицистический текст и преобразует его в продвигающий. Представляя результат своей работы, студенты должны обосновать проведенные структурно-стилистические трансформации.

Работа с текстами, в основе которых лежит описание (иногда в сочетании с повествованием и аргументированием) как композиционный тип речи (фрагменты репортажей, портретные статьи и пр.), является опорой для дальнейшего ознакомления с рекламными текстами описательно-аргументирующего характера. Приведем пример организации аналитической работы с рекламным продуктом данного типа (рис. 2) уже в рамках лингвотеретических дисциплин (например, стилистики).

Рис. 3. Образец рекламного плаката [21. Р. 241]

Текст: (1) *Es gibt Licht.* (2) *Und es gibt OSRAM.* (3) *Fast schon wie Licht von einem anderen Stern.* (4) *Drehen Sie doch mal statt einer Glühlampe unsere HALOLUX in die Fassung, und sehen Sie Licht mit anderen Augen.* (5) *Es strahlt weißer, brillanter und 25% heller.* (6) *Bei doppelter Lebensdauer.* (7) *So gesehen lebt eine ganz normale Glühlampe hinter dem Mond.* (8) *OSRAM* (1) Есть свет. (2) А есть ОСРАМ. (3) Почти как свет другой звезды. (4) Вставьте наш HALOLUX вместо лампочки и посмотрите на свет другими глазами. (5) Он белее, ярче и на 25% светлее. (6) С удвоенным сроком службы. (7) С этой точки зрения обычная лампочка давно отстала от жизни (игра слов, дословно: «живет за Луной»). (8) ОСРАМ).

Интерпретация жанровых свойств данного рекламного продукта может происходить на основе аналитической таблицы (табл. 2), включающей следующие элементы для анализа: фонематика/графемика, морфо-

логия/словообразование, лексика, синтаксис, риторика, прагматика, семиотика, стилистика и лингвистика текста. В данном случае лингвистической основой умения является знание названных лингвистических уровней описания текста. В качестве ядра умения выступает способность студента обнаруживать эти лингвистические признаки в тексте и в соответствии с ними интерпретировать текст (сначала это отрабатывается на примере описательных и комментирующих статей, затем осуществляется переход к маркетинговому тексту). Развитие периферии будет заключаться в умении обнаружить прагматические функции продвигающего текста на каждом уровне анализа (см. третий столбец табл. 2). По форме организации это может быть групповая работа: каждая (микро)группа получает задание проанализировать определенный уровень описания и затем представить результаты анализа другим группам.

Таблица 2

Пример анализа аутентичного рекламного продукта на занятии по лингвотеоретической дисциплине (немецкий язык)

Уровень описания	Наблюдения и анализ	Прагматические функции
Фонематика/графемика	<i>Halolux</i> (аллитерация начала слогов, ритм длинный-длинный-короткий), <i>Osram</i> (цвет шрифта: теплый оранжевый = свет).	Подчеркнуть привлекательность, вызвать теплые чувства
Морфология/словообразование	<i>Белее, ярче, светлее</i> (сравнительная степень); простые глаголы (<i>есть, вставить, смотреть, жить</i>), постоянное настоящее время, императив в (4): <i>вставьте, посмотрите</i>	Привлечь внимание, усилить понимание, побудить к действию
Лексика	Семантическое поле: <i>свет, звезда, лампочка, Луна</i> (смысловая аналогия); фразеология: <i>etwas mit anderen Augen sehen, hinter dem Mond leben</i> (образные связи, игра слов); <i>Halolux</i> (<i>Halogen, Lux</i> – специфический композиционный прием, латинская корневая морфема), <i>Osram</i> (осмий и вольфрам как материалы для производства нитей накаливания, простой и короткий товарный знак)	Обеспечить принятие и понимание, представление о продукте и запоминание, пробудить теплые чувства
Синтаксис	Короткие предложения (сложное предложение в (4), эллипсы в (3) и (6), расчленение в (1), (2) и (5), (6))	Обеспечить понимание и запоминание
Риторика	Три части: введение, (1)–(3), описание предметов и действий/аргументация, (4)–(6), заключение, (7), (8). (1), (2): параллелизм (<i>es gibt</i>), сравнение; (5) тройной образ/параллелизм: <i>weißer, brillanter, heller</i> ; (6), (7): <i>figura etymologica</i> (<i>Lebensdauer, lebt</i>); (3), (4), (7): игра слов на основе идиомы (<i>von einem anderen Stern, mit anderen Augen sehen, hinter dem Mond leben</i>)	Побудить интерес, обеспечить привлекательность
Прагматика	(1)–(3): упомянуть продукт и свойства продукта, (4) призвать к тестированию продукта, (5), (6) описать свойства продукта, (7) положительно оценить продукт, отрицательно оценивая конкурирующий продукт, (8) назвать имя бренда	См. столбец 2. Обеспечить запоминание, привлекательность
Семиотика	Изображение проводит параллель между Луной и лампой накаливания (аналогия формы и содержания). Картина показывает сцену (контекст) и результат действия (от Луны к лампе, ср. «выть на Луну»); коннотации сказочного (волки), естественного (лес зимой, типичная европейская погода зимней ночью), фантастического/волшебного (атмосфера сцены) и библейского (намек на библейскую сцену с Вифлеемской звездой). Фразеологизмы связывают изображение с текстом, апеллируют к элементам изображения в их прямом значении	Привлечь внимание, создать образ, обеспечить привлекательность
Лингвистика текста/стилистика	Пример аргументации в картинке (<i>Osram</i> должен быть ярче, чем Луна, потому что волки обращаются к <i>Osram</i> , каузальный вывод), аналогии (небесное тело = лампочка) и сравнения (<i>Osram Halolux</i> против обычной лампочки). Продукт-ориентированная рекламная стратегия. Структура текста: утверждение – доказательство на примере (изображение) – призыв к проверке продукта (аргументация) – описание – оценка. Описательно-аргументативный стиль текста с игрой слов и тесной связью между языком и изображением	Создать образ, обеспечить принятие, понимание.

Нетрудно заметить, что развитие периферии умения опирается в данном случае на детальное изучение взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических свойств продукта (лексики и связанных с ней шрифта и цвета; согласованности устойчивых фраз и элементов композиции картины; параллелизма символов и аналогий: в тексте

лампочка «Осрам» ассоциируется со звездой, а на картине бледная луна символизирует традиционную лампочку) и объяснение того, как эта взаимосвязь реализует прагматические функции рекламного объявления.

Наконец, еще один вид аналитической работы с выходом в продуктивную деятельность заключается в

изучении наглядных примеров «жанрового сдвига», который уже упоминался ранее, или коммуникативно-стилистической мимикрии рекламного текста [1. С. 48–55]. В этом случае также можно использовать потенциал нейросети. Программе искусственного интеллекта предлагается стилистически нейтральный текст информационного характера и дается задача преобразовать его в продвигающих (рекламный) продукт в формате различных жанров, например личного письма, памфлета, экстренного выпуска новостей и пр. Необходимо обратить внимание студентов на отличия классического жанра (напр., личного письма) от мимикрирующего, который лишь «притворяется» письмом, а на самом деле относится к области массовой (маркетинговой) коммуникации. Аналитическая работа осуществляется по модели, описанной выше; студентам необходимо сопоставить получившиеся тексты и сделать вывод, какой именно мимикрирующий жанровый продукт будет обладать наиболее высокими показателями эффективности с точки зрения продвигающей функции. На следующем этапе студенты получают новые тексты и должны самостоятельно подготовить рекламный материал в том или ином мимикрирующем жанре. Возможна работа в группах.

Таким образом, при описанной последовательности организации работы происходит постепенное (позатупное) развитие и усложнение жанровых умений студентов в области маркетингового дискурса.

Заключение и выводы

Проведенное исследование позволило обосновать лингводидактическую стратегию использования структурного метода развития специализированного речевого умения маркетингового характера у студентов-лингвистов на занятиях по иностранному языку. Актуальность разработки данного метода обусловлена необходимостью корректного перенесения результатов исследований в области маркетинговой лингвистики в образовательный контекст практического курса обучения иностранному языку. Обобщим основные положения нашей стратегии.

1. Структурный метод развития маркетингового речевого умения предполагает наличие системной методической модели обучения, в основе которой лежит понимание жанрового характера маркетинговой коммуникации, преимущественно применительно к письменной речи. Данный метод опирается на когнитивно-коммуникативный подход (который обеспечивает осознанный характер обучения средствам реализации речевого замысла или восприятия чужого высказывания) и строится на понимании многослойности речевого умения и технологии последовательного формирования компонентов умения, когда каждый последующий компонент опирается на предыдущие (методика «наращивания слов»).

2. В основе предлагаемой нами модели лежит трехэтапная последовательность развития речевого умения. На первом этапе формируется синтактико-языковая основа речевого умения как связующее звено

между завершением формирования необходимой для данного умения совокупности языковых навыков и началом развития базовых компонентов речевого умения как такового. Отрабатывается конструирование и восприятие грамматически/синтаксически правильных предложений и небольших текстов, отвечающих синтаксическим нормам определенного функционального типа речи, необходимого для той ситуации, в рамках которой развивается умение. На втором этапе формируется ядро речевого умения, подразумевающее развитие способности создавать и(или) осмысливать высказывания инвариантных жанров в определенной области или коммуникативной ситуации. Третий этап открывает вариативные возможности дальнейшего расширения речевого умения. На этом этапе происходит становление дополнительных компонентов умения, которые обеспечивают овладение факультативным дифференцированным набором характеристик высказывания для его адаптации к задачам определенной коммуникативной ситуации или точной интерпретации коммуникативного намерения автора при восприятии текста.

3. Компоненты умения, обеспечивающие создание или восприятие «продвигающего» (маркетингового) высказывания, опираются на ряд базовых композиционных типов речи (сообщение, описание, аргументированное объяснение), которые включаются в умения работать с текстом публицистического характера. Эти опорные умения расширяются дополнительными компонентами, которые обеспечивают создание выразительности или экспрессивности высказывания для воздействия на публику в зависимости от целей маркетинговой ситуации. Используемые элементы выразительности описаны нами в статье.

4. В качестве практической иллюстрации разработанной методической модели приведены примеры последовательной работы с разными типами рекламных сообщений, начиная с кратких промо-текстов и заканчивая развернутыми продвигающими высказываниями. На их основе показаны вариации в осуществлении представленной выше трехэтапной технологии. На этапе работы с развернутыми высказываниями особую роль начинает играть явление жанровой мимикрии. Для более эффективного освоения данного явления нами были предложены способы использования нейросети в качестве вспомогательного средства.

5. Проведенное исследование поможет оптимизировать обучение иностранным языкам в языковых вузах, усилив вариативность профессионально ориентированного характера учебного процесса, а также будет способствовать созданию учебного пособия для студентов-лингвистов, учитывающего специфику овладения иностранным языком именно в языковом вузе. Созданная методическая модель обладает достаточным уровнем универсальности, что открывает возможность ее переноса на обучение созданию и восприятию высказываний в разных типах специализированного дискурса.

Список источников

1. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М. : Флинта, 2019. 164 с.
2. Бирюкова Е.В., Борисова Е.Г. Маркетинговая лингвистика: проблемы и перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3 (43). С. 160–164. doi: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.18
3. Коммуникация. Теория и практика / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. М. : Издательский Дом ВКН, 2020. 336 с.
4. Анискина Н.В., Ухова Л.В. Продвигающий текст как эффективный инструмент маркетинговой лингвистики // Медиалингвистика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года. СПб. : Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. С. 282–284.
5. Жеглова Ю.Г. Маркетинговая лингвистика как лингвистика интегрированных коммуникаций // Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Г. Викуловой. М. : Языки Народов Мира, 2021. С. 31–36.
6. Бирюкова Е.В., Борисова Е.Г., Хохлова И.В. Лингвистические особенности маркетинговой коммуникации (на материале текстов в Instagram на русском, английском и немецком языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 3. С. 250–254. doi: 10.30853/filnauki.2020.3.52
7. Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 41 с.
8. Matz F. Schreiben // *Englisch Methodik* / Ch. Lütge (Hrsg.). Berlin : Cornelsen, 2018. S. 33–50.
9. Wolfrum J. Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ). Ismaning : Hueber, 2010. 183 S.
10. Сысоев П.В., Золотов П.Ю. Формирование прагматической компетенции студентов на основе корпусных технологий // Язык и культура. 2020. № 51. С. 229–246. doi: 10.17223/19996195/51/12
11. Гришаева Е.Б. Прагматико-функциональный подход в обучении профессионально ориентированному иностранному языку // Язык и культура. 2020. № 52. С. 140–157. doi: 10.17223/19996195/52/9
12. Киреева Н.В. Методика развития комбинированных коммуникативно-речевых умений студентов неязыкового вуза // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 92–105.
13. Жигалев Б.А., Белорукова М.В., Ганюшкина Е.В., Золотова М.В. Технологии успешного формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в группах аспирантов // Язык и культура. 2022. № 59. С. 202–226. doi: 10.17223/19996195/59/11
14. Мельникова Е.А., Вычужанина Е.В., Митчелл Л.А. Обучение профессиональному иноязычному дискурсу с использованием потенциала социальной сети (на базе научных студенческих конференций) // Язык и культура. 2022. № 58. С. 224–235. doi: 10.17223/19996195/58/13
15. Евстигнеев М.Н., Завьялов В.В., Евстигнеева И.А. Обучение профессиональному письменному дискурсу студентов-юристов на основе блог-технологии // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 49–55.
16. Капранчикова К.В. Алгоритмы развития речевых умений студентов нелингвистических направлений подготовки на основе мобильных технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 96–104.
17. Sysoev P.V., Pustovalova O.V. Developing writing skills with "Twitter" // *Language and Culture*. 2014. № 3. P. 128–136.
18. Крылов Э.Г. Речемыслительная контекстно обусловленная деятельность как основа предметно-языкового обучения в неязыковом вузе // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 20–29.
19. Колкер Я.М., Устинова Е.С. Как сделать высказывание точным и выразительным : теория и практика обучения говорению на иностранном языке. М. : Научная книга, 2009. 348 с.
20. Русский как иностранный: преподавание с опорой на родной язык и язык посредник / Ц. Ван, Я.М. Колкер, Е.С. Устинова, Е.Л. Марьяновская. СПб. : Алет-Пресс, 2019. 381 с.
21. *Angewandte Linguistik* / K. Knapp (Hrsg.). Tübingen : UTB, 2007. 644 S.

References

1. Borisova, E.G. & Vikulova, L.G. (eds) (2019) *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing Linguistics. Regularities of promotional text]. Moscow: FLINTA.
2. Biryukova, E.V. & Borisova, E.G. (2021) Marketingovaya lingvistika: problemy i perspektivy razvitiya [Marketing linguistics: problems and prospects for development]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*. 3 (43). pp. 160–164. doi: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.18
3. Vikulova, L.G. et al. (2020) *Kommunikatsiya. Teoriya i praktika* [Communication. Theory and practice]. Moscow: Izdatel'skiy Dom VKN.
4. Anis'kina, N.V. & Ukhova, L.V. (2017) [Promotional text as an effective tool of marketing linguistics]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Proceedings of the 2nd International Conference. Saint Petersburg. 02–06 July 2017. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 282–284. (In Russian).
5. Zheglova, Yu.G. (2021) Marketingovaya lingvistika kak lingvistika integrirovannykh kommunikatsiy [Marketing linguistics as linguistics of integrated communications]. In: Vikulova, L.G. (ed.) *Marketingovaya lingvistika v tsifrovuyu epokhu* [Marketing Linguistics in the Digital Era]. Moscow: Yazyki Narodov Mira. pp. 31–36.
6. Biryukova, E.V., Borisova, E.G. & Khokhlova, I.V. (2020) Lingvisticheskie osobennosti marketingovoy kommunikatsii (na materiale tekstov v Instagram na ruskom, angliyskom i nemetskom yazykakh) [Linguistic features of marketing communication (based on texts on Instagram in Russian, English and German)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (13). pp. 250–254. doi: 10.30853/filnauki.2020.3.52
7. Guseynova, I.A. (2010) *Kommunikativno-pragmaticheskie osnovaniya zhanrovoy sistemy v marketingovom diskurse* [Communicative and pragmatic foundations of the genre system in marketing discourse]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Matz, F. (2018) Schreiben. In: Lütge, Ch. (ed.) *Englisch Methodik*. Berlin: Cornelsen. pp. 33–50.
9. Wolfrum, J. (2010) *Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ)*. Ismaning: Hueber.
10. Sysoev, P.V. & Zolotov, P.Yu. (2020) Development of students' pragmatic competence using corpora. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 51. pp. 229–246. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/51/12
11. Grishaeva, E.B. (2020) Pragmatic and functional approaches in teaching / learning of a professionally-oriented foreign language. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 52. pp. 140–157. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/52/9
12. Kireeva, N.V. (2010) The methods of developing complex speech skills of students at non-linguistic universities. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (10). pp. 92–105. (In Russian).
13. Zhigalev, B.A. et al. (2022) Effective strategies forming L2 professional communicative competency in postgraduate groups. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 59. pp. 202–226. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/59/11
14. Mel'nikova, E.A., Vychuzhanina, E.V. & Mitchell, L.A. (2022) Teaching professional foreign language discourse using the potential of a social network (the example of a student academic conferences). *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 58. pp. 224–235. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/58/13

15. Evstigneev, M.N., Zav'yalov, V.V. & Evstigneeva, I.A. (2021) Obuchenie professional'nomu pis'mennomu diskursu studentov-yuristov na osnove blog-tekhnologii [Teaching professional written discourse to law students based on blog technology]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 5. pp. 49–55.
16. Kapranchikova, K.V. (2014) Algoritmy razvitiya rechevykh umeniy studentov nelingvisticheskikh napravleniy podgotovki na osnove mobil'nykh tekhnologiy [Algorithms for the development of speech skills of students in non-linguistic areas of training based on mobile technologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3 (131). pp. 96–104.
17. Sysoyev, P.V. & Pustovalova, O.V. (2014) Developing writing skills with Twitter. *Language and Culture*. 3. pp. 128–136.
18. Krylov, E.G. (2021) Rechemyslitel'naya kontekstno obuslovlennaya deyatel'nost' kak osnova predmetno-yazykovogo obucheniya v neyazykovom vuze [Speech-thinking contextually determined activity as the basis of subject-language teaching in a non-linguistic university]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 5. pp. 20–29.
19. Kolker, Ya.M. & Ustinova, E.S. (2009) *Kak sdelat' vyskazyvanie tochnym i vyrazitel'nyim : teoriya i praktika obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke* [How to Make a Statement Accurate and Expressive: Theory and practice of teaching speaking a foreign language]. Moscow: Nauch. kn.
20. Van, Ts. et al. (2019) *Russkiy kak inostrannyi: prepodavanie s oporoy na rodnoy yazyk i yazyk posrednik* [Russian as a Foreign Language: Teaching based on the native language and an intermediary language]. Saint Petersburg: Alef-Press.
21. Knapp, K. (ed.) (2007) *Angewandte Linguistik*. Tübingen: UTB.

Информация об авторе:

Колесников А.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: kolesnikow@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Kolesnikov, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kolesnikow@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 21.07.2023;
approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 796.011
doi: 10.17223/15617793/497/17

К вопросу о готовности юношей допризывного возраста к службе в армии

Станислав Александрович Моисеев^{1, 2}, Яна Маратовна Белова³, Александр Сергеевич Кайсин⁴

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск, Россия

^{2, 4} Военная академия материально-технического обеспечения, Омск, Россия

³ Учебно-методический центр патриотического воспитания молодежи «Авангард», Омск, Россия

^{1, 2} stasmoiseev120790@mail.ru

³ umurzakova.yana@mail.ru

⁴ kaisin.83@mail.ru

Аннотация. Представлены показатели физической подготовленности юношей 14–17 лет, проходящих военные сборы в учебно-методическом центре патриотического воспитания молодежи. Выявлен достоверно низкий уровень общей выносливости у допризывной молодежи. Реализация учебной программы в ходе сборов вызвала снижение функциональных возможностей организма у преобладающего большинства будущих защитников Отечества. Полученные результаты указывают на неготовность исследуемого контингента к этапу общевоинской подготовки в воинских частях.

Ключевые слова: физическая подготовленность, основные физические качества, функциональная подготовленность, общая работоспособность, адаптационный потенциал, тесты, юноши допризывного возраста

Для цитирования: Моисеев С.А., Белова Я.М., Кайсин А.С. К вопросу о готовности юношей допризывного возраста к службе в армии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 163–169. doi: 10.17223/15617793/497/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/17

On the readiness of young men of pre-conscription age to serve in the army

Stanislav A. Moiseev^{1, 2}, Yana M. Belova³, Aleksandr S. Kaisin⁴

¹ Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation

^{2, 4} Omsk Branch of the Military Academy of Logistics, Omsk, Russian Federation

³ Educational and Methodological Center for Patriotic Education of Youth "Avangard", Omsk, Russian Federation

^{1, 2} stasmoiseev120790@mail.ru

³ umurzakova.yana@mail.ru

⁴ kaisin.83@mail.ru

Abstract. Currently, close attention in our country is paid to health issues, the organization of health care and physical education of the population. At the same time, the physical condition of the population causes serious concern among many researchers and medical personnel. Along with the above, many researchers note a trend towards increasing the requirements of professional activity in modern specialties. Thus, a contradiction arises between the requirements of the educational process (the process of combat training), on the one hand, and the ability of students to master them, on the other. The objective of the study is to identify the level of physical fitness of young men aged 14–17 in the training camp. Research methods are document analysis, pedagogical observation, pedagogical testing, biomedical and physiological research methods, as well as methods of mathematical statistics. The study involved young men aged 14–17 doing training in camps within the framework of the military-patriotic education of youth, a total of 1163 people (Group I of young men aged 14–15 (n = 712); Group II of young men aged 16–17 (n = 451)). Testing was carried out on the basis of the educational and methodological center for the military-patriotic education of youth Avangard (Omsk). Testing was carried out weekly during the academic year. The analysis of the weekly training program made it possible to identify such forms of physical training as morning physical exercises, mass sports work, and training sessions. In general, it is noted that the weekly training program is a simplified fragment of the combined arms training program in universities and military units. As a result of the study, we identified the level of physical fitness of the training camp participants, as well as indicators of their external respiration systems, cardio-respiratory systems, and adaptive potential. We found that the indicators of the general endurance of the subjects of both groups are at a low level, while in the transition from senior school to adolescence, its degree of compliance with the normative bases decreases significantly ($p \leq 0.05$); the implementation of the program of weekly gatherings in the subjects of combined arms training at Avangard led to a decrease in the functional capabilities of the body of the overwhelming majority of the subjects. A comparative analysis of the normative bases of basic physical fitness and GTO made it possible to establish that only 31.6% of the studied contingent meets the requirements of the former. There is no doubt that a

combined arms training course in military universities or military units can have a more significant impact on young men with similar indicators. Thus, it becomes clear that the vast majority of pre-conscription youth in terms of their level of physical fitness and functional indicators at this stage are not ready to start mastering the stage of combined arms training. This circumstance must be taken into account when planning and implementing the educational process in military universities and combat training programs in military units.

Keywords: physical readiness, basic physical qualities, functional readiness, general working capacity, adaptive potential, tests, young men of pre-conscription age

For citation: Moiseev, S.A., Belova, Ya.M. & Kaisin, A.S. (2023) On the readiness of young men of pre-conscription age to serve in the army. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 163–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/17

Актуальность

Вопросы здравоохранения и физического воспитания населения нашей страны всегда находились в центре внимания государственной власти [1–4]. При этом здоровье населения у многих исследователей и медицинского персонала вызывает серьезные опасения. Особое внимание обращает на себя факт увеличения численности молодежи, которая по состоянию здоровья относится к специальной медицинской группе [1–3]. Данный факт можно считать следствием недостаточной двигательной активности рассматриваемого контингента [5]. По прогнозам специалистов, отрицательная динамика стабилизировалась и может сохраниться на протяжении еще 10–15 лет, что в свою очередь влияет не только на качество трудовых ресурсов, но и на обороноспособность страны [1, 2]. Многие исследователи отмечают тенденцию к повышению уровня требований к профессиональной деятельности в ряде современных специальностей [5–7]. Достаточно большие объемы информации необходимо осваивать учащимся в ходе обучения в образовательных учреждениях, в том числе учреждениях, осуществляющих боевую подготовку специалистов силовых структур [4, 6, 7]. Таким образом, возникает противоречие между требованиями образовательного процесса (процесса боевой подготовки) и способностью учащихся к их выполнению.

Цель данного исследования – оценить готовность к физическим нагрузкам юношей 14–17 лет в период проведения сборов в рамках военно-патриотического воспитания молодежи.

Материалы и методы исследования

Контингент испытуемых численностью 1 163 человек составили юноши 14–17 лет, проходившие сборы в рамках мероприятий военно-патриотического воспитания молодежи. Было сформировано две возрастные группы: I группа – 14–15 лет ($n = 712$); II группа – 16–17 лет ($n = 451$). Тестирование осуществлялось на базе учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард» (УМЦ, г. Омск) еженедельно в течение учебного года. В исследовании были использованы такие методы, как анализ документов, педагогическое наблюдение, педагогическое тестирование, медико-биологические и физиологические методы исследования, а также методы математической статистики. Для выявления показателей силовых качеств использовался тест «Сгибание и

разгибание рук в упоре лёжа на полу», для определения скоростно-силовых и координационных качеств – тесты «Челночный бег 3х10 м» и «Прыжок в длину с места толчком двумя ногами», для оценки общей выносливости – тест «Бег на 3000 м». При этом тестовые задания были ориентированы на максимально возможный индивидуальный результат. Устойчивость организма испытуемых к гипоксии определялась с использованием проб с задержкой дыхания (по методике, описанной В.П. Загрядским и З.К. Сулимо-Самуйло) [8]. Измерение частоты сердечных сокращений (ЧСС) проводилось при помощи мониторов сердечного ритма «Polar». Систолическое (САД), диастолическое (ДАД) артериальное давление измерялось с помощью электронного тонометра. Антропометрические измерения (длина и масса тела) произведены по общепринятой методике В.В. Бунака. Оценка адаптационного потенциала (АП) производилась с использованием способа, предложенного Р.М. Баевским и А.П. Берсеновой [9]:

$$\text{АП} = 0,011 (\text{ЧСС}) + 0,014 (\text{САД}) + 0,008 (\text{ДАД}) + 0,009 (\text{МТ}) - 0,009 (\text{Р}) + 0,014 (\text{В}) - 0,27, \quad (1)$$

где АП – адаптационный потенциал системы кровообращения (баллы); ЧСС – частота сердечных сокращений (уд/мин); САД и ДАД – систолическое и диастолическое артериальное давление (мм рт. ст.); МТ – масса тела (кг); Р – рост (см); В – возраст.

Таблица 1

Балльная характеристика адаптационного потенциала [10]

Показатель, баллы	Характеристика
$\leq 2,10$	Удовлетворительная адаптация
2,11 – 3,20	Функциональное напряжение адаптационных механизмов
3,21 – 4,30	Неудовлетворительная адаптация характеризуется снижением функциональных возможностей системы кровообращения, неспособностью адаптироваться к физическим нагрузкам в относительно короткое время
$\geq 4,30$	Резкое снижение функциональных возможностей системы кровообращения, вероятны явления срыва адаптационных механизмов

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ распорядка дня. В рамках решения задачи исследования нами были проанализированы распорядок дня в учебно-методическом центре «Авангард» и типовой распорядок дня для военнослужащих срочной службы (табл. 2), а также учебная программа сборов.

Таблица 2
Основные мероприятия распорядка дня юношей, проходящих военные сборы в учебно-методическом центре «Авангард», и типового распорядка дня для военнослужащих срочной службы

Распорядок дня			
Для юношей в УМЦ «Авангард»		Для военнослужащих срочной службы	
Мероприятие	Продолжительность, мин	Мероприятие	Продолжительность, мин
Подъем	–	Подъем	–
Выход на утреннюю зарядку	15	Выход на утреннюю физическую зарядку	10
Утренняя зарядка	25	Утренняя физическая зарядка	30
Завтрак	25	Завтрак	20
Учебные занятия		Учебные занятия по предметам боевой подготовки	
Занятие №1	45	1-й час	50
Занятие №2	45	2-й час	50
Занятие №3	45	3-й час	50
Занятие №4	45	4-й час	50
Обед	25	5-й час	50
Занятие №5	45	Обед	30
Занятие №6	45	6-й час	50
Занятие №7	45	7-й час	50
Полдник	25	8-й час	50
Занятие №8	45	Спортивно-массовая работа, воспитательная работа	50
Спортивно-массовая работа, воспитательная работа	50	Ужин	20
Ужин	25	Личное время	120
Культурно-досуговая работа	75	Вечерняя прогулка, проверка	10
Второй ужин, подготовка к отбою	30	Вечерний туалет	30
Отбой	-	Отбой	-

Установлено, что распорядок дня в учебно-методическом центре «Авангард» имеет много общего с распорядком дня военнослужащих срочной службы (табл. 2). Так, в ходе анализа распорядка дня были определены такие формы физической подготовки, как утренняя зарядка, спортивно-массовая работа и учебные занятия. Утренняя зарядка продолжительностью 25 мин проводилась ежедневно по вариантам: I вариант – общеразвивающие упражнения, II вариант – ускоренное передвижение; III вариант – комплексная тренировка. Спортивно-массовые мероприятия продолжительностью 50 мин проводилась два раза в неделю и были ориентированы на спортивные и подвижные игры. Учебные занятия проводились в соответствии с расписанием занятий 5 раз в неделю (по 45 мин каждое) по темам: разучивание и совершенствование физических упражнений, выполняемых на утренней зарядке; тренировка в выполнении упражнений на основные физические качества (зачет с оценкой); разучивание комплексов вольных упражнений на 16 счетов и комплекса рукопашного боя (без оружия); спортивные игры. Следует обратить внимание, что при общем сходстве распорядка дня в УМЦ и типового распо-

рядка дня военных образовательных организаций существует разница в продолжительности мероприятий. Например, в военных образовательных организациях больше времени уделяется образовательному процессу, а повседневные мероприятия распорядка дня сокращены в сравнении с распорядком дня в УМЦ.

Анализ занятий по учебным дисциплинам. В течение дня с участниками сборов проводились занятия в соответствии с учебной программой сборов (тактическая, огневая, строевая, военно-медицинская подготовка, радиационная, химическая и биологическая защита, общевоинские уставы и обеспечение безопасности военной службы): 4 учебных часа до обеда и 4 учебных часа после обеда (продолжительность 1 учебного часа 45 мин). Распределение учебного времени, отведенного на реализацию учебной программы сборов, представлено в табл. 3.

Таблица 3
Распределение учебного времени по предметам учебной программы в учебно-методическом центре

Предметы учебной программы	Распределение учебного времени, учебный час
Тактическая подготовка	4
Огневая подготовка	8
Радиационная, химическая и биологическая защита	3
Общевоинские уставы	8
Строевая подготовка	4
Физическая подготовка	5
Военно-медицинская подготовка	2
Обеспечение безопасности военной службы	1

Основной задачей обучения участников сборов являлось получение знаний, необходимых военнослужащим в рамках действий солдата в общевойсковом бою, основной формой обучения – групповые занятия, а основными методами обучения – рассказ, показ. Однако такие предметы учебной программы, как физическая, строевая и военно-медицинская подготовка, а также некоторые занятия по огневой подготовке и РХБЗ, реализовывались на практических занятиях с использованием тренировок на выполнение приемов и усвоение способов действий в ходе отработки нормативов. Учебная программа сборов в УМЦ имеет много общего с курсом общевойсковой подготовки в военных образовательных организациях или учебных центрах. Общевойсковая подготовка – это начальный этап подготовки военнослужащих, представляющий собой организованный процесс, направленный на формирование фундамента военных знаний, умений и навыков в системе военного образования.

Несмотря на сходство между курсом пятидневных сборов в УМЦ и общевойсковой подготовкой в воинских частях, в последних требования к обучающимся значительно выше. Это объясняется тем, в содержание программы включены мероприятия не только по общевойсковой подготовке, но и по подготовке военнослужащих к действиям в составе дежурных смен (в том числе решение задач по предотвращению террористических актов),

к использованию специальной экипировки и средств индивидуальной бронезащиты, военной и специальной техники, а также тренировки на учебных стендах, что, безусловно, не применяют в ходе сборов в УМЦ. Основной формой обучения в период общевоинской подготовки являются практические занятия, в ходе которых осуществляется обучение молодого пополнения приемам и способам действий солдата в общевоинском бою. В начальном периоде общевоинской подготовки обучение осуществляется преимущественно на групповых занятиях (изучение основ и правил) с использованием материальной части и учебных стендов; в последующем мероприятия имеют исключительно практический характер, на них используются различные виды военной и специальной техники. Курс общевоинской подготовки в военных образовательных организациях более пролонгирован по времени.

При оценке адаптационного потенциала военнослужащих следует учитывать воздействие специфических факторов военной службы (в зависимости от видов и родов войск), т.е. специфику деятельности подразделений [11].

Так, в результате изучения особенностей военной службы курсантов морского вуза исследователям удалось определить факторы, оказывающие воздействие на состояние здоровья и эффективность деятельности специалистов данного профиля. К таким факторам было отнесено повышенное информационное наполнение на фоне высоких физических нагрузок и психоэмоционального напряжения, в результате чего создаются предпосылки формирования у респондентов хронического стресса и повышенного расхода функциональных резервов организма. Например, уровень импульсного шума и локальной вибрации на практических занятиях с использованием военной и специальной техники превышал предельно допустимые в 1,5–2 раза [4].

Данные факторы имеют место при подготовке специалистов не только данного профиля. Таким образом, можно заключить, что пятидневные сборы в УМЦ имеют много общего лишь с начальным (подготовительным) периодом курса общевоинской подготовки военных образовательных организаций или учебных центров.

Анализ физической подготовленности испытуемых. Одной из основных физиологических характеристик, позволяющих противостоять утомлению и удовлетворительно переносить нагрузки на протяжении длительного времени, является физическая работоспособность. При этом показатели физической работоспособности тесно коррелируют с общей выносливостью. В исследованиях, проведенных на базе военно-инженерного вуза, было выявлено, что курсанты, имеющие высокий уровень общей выносливости, сравнительно быстро адаптировались к жизни и быту, а также к специфическим нагрузкам военной службы без снижения функциональных возможностей системы кровообращения и срыва адаптационных механизмов организма [5, 6].

Однако высокий уровень работоспособности тесно коррелирует не только с показателями общей выносливости, но и с сохранением наиболее эффективной формы взаимосвязи качеств двигательной деятельности, поэтому одной из задач исследования являлось изучение уровня общей физической подготовленности участников сборов (согласно условиям выполнения упражнений, изложенных во Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне (ГТО)». Для объективной оценки использовались нормативные базы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса для IV и V ступеней (возрастные категории 13–15 и 16–17 лет). Показатели физической подготовленности участников сборов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Среднегрупповые показатели ($\bar{x} \pm \sigma$) физической подготовленности участников сборов

Батарея тестов	Результат	Количество испытуемых, выполнивших требования знаков различного достоинства, % от общего числа проверенных			
		Золотой знак, %	Серебряный знак, %	Бронзовый знак, %	Не выполнили требова-ния, %
I группа n = 712					
Сгибание и разгибание рук в упоре лёжа на полу (количество раз)	36 ±17	44,8	35,5	9,4	10,3
Челночный бег 3x10 (с)	7,7±0,8	14,8	31	24,9	29,3
Прыжок в длину с места толчком двумя ногами (см)	206,6 ±20	42,5	28,3	21,1	8,1
Бег на 3000 м (мин, с)	15.35±3.21	8,2	17,1	30,3	44,4
II группа n = 451					
Сгибание и разгибание рук в упоре лёжа на полу (количество раз)	39 ±15	30,5	34,9	15,5	19,1
Челночный бег 3x10 (с)	7,5±0,7	9,4	29	21	40,6
Прыжок в длину с места толчком двумя ногами (см)	225,8 ±18	37,2	20,9	15,4	26,5
Бег на 3000 м (мин, с)	15.27±2.57	3,5	15,7	27,7	53,1

В ходе тестирования (табл. 4) было установлено, что высокие результаты испытуемым I группы удалось продемонстрировать в тестах «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа» и «Прыжок в длину с места» (требования на знаки различного достоинства выполнили 89,7 и 91,9% испытуемых).

Сравнительно скромные показатели были выявлены в тестах «Челночный бег 3х10 м» и «Бег на 3000 м».

В тесте «Челночный бег 3х10 м» доля испытуемых, которым не удалось выполнить требования комплекса ГТО, составила 29,3%. Наиболее слабые результаты

наблюдались у испытуемых I группы в ходе тестирования общей выносливости (доля не выполнивших требования комплекса ГТО составила 44,4%). Результаты испытуемых II группы достоверно ($p \leq 0,05$) превосходили таковые респондентов I группы по всей батарее тестов. Однако требования нормативной базы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО V ступени выше, чем IV. Поэтому общее количество респондентов II группы, не выполнивших требования тестирующей программы комплекса ГТО, в сравнении с I группой достоверно ($p \leq 0,05$) выше. Важно отметить, что наиболее слабые результаты у испытуемых обеих групп были выявлены при тестировании общей выносливости.

Таким образом, можно констатировать, что показатели общей выносливости испытуемых обеих групп находятся на низком уровне. Результаты испытуемых II группы по всей батарее тестов превосходят таковые испытуемых I группы, однако качественный показатель (общее количество участников, выполнивших требования комплекса ГТО) выше у последних.

Анализ функционального состояния. Функциональное состояние организма человека под воздействием физической нагрузки характеризуется в основном состоянием систем, лимитирующих физическую работоспособность, т.е. кардиореспираторной и гемодинамической.

Нами было принято решение с помощью специфических проб ответить на главный вопрос исследования: готовы ли юноши к нагрузкам начального этапа общевоинской подготовки?

Некоторые показатели кардиореспираторной системы и адаптационного потенциала представлены в табл. 5.

Таблица 5
Среднегрупповые показатели ($\bar{x} \pm \sigma$) кардиореспираторной системы и адаптационного потенциала участников сборов

Пробы	Участники сборов			
	Вступительные испытания		По завершении исследования	
	I группа (n = 712)	II группа (n = 451)	I группа (n = 712)	II группа (n = 451)
Проба Штанге, с	42,5 $\pm$ 4,7	45,2 $\pm$ 5,5	40,1 $\pm$ 5,2	42,2 $\pm$ 4,7
Проба Генче, с	21,6 $\pm$ 2,8	24,6 $\pm$ 3,7	20,7 $\pm$ 3,1	21,3 $\pm$ 2,9
ЧСС в покое, уд/мин	85 $\pm$ 7	80 $\pm$ 6	88 $\pm$ 10	85 $\pm$ 9
АП, баллы	2,01 $\pm$ 0,21	1,95 $\pm$ 0,14	3,24 $\pm$ 0,11	3,22 $\pm$ 0,08

Анализ результатов функциональных проб, полученных в ходе начала сборов, позволяет резюмировать, что среднегрупповые показатели дыхательной и сердечно-сосудистой систем участников обеих групп соответствуют возрастной норме. При этом среднегрупп-

повые показатели АП у испытуемых обеих групп находились в пределах верхней границы, характеризующей удовлетворительную адаптацию. По завершении сборов функциональное состояние организма испытуемых достоверно ($p \leq 0,05$) изменилось. Так, время проб с задержкой дыхания (проба Штанге, Генче) в I группе уменьшилось на 5,45 и 4,17%, во II группе – на 11,28 и 13,31% соответственно. ЧСС в покое участников сборов по завершении испытаний увеличилось (табл. 5). Анализ среднегрупповых показателей АП по завершении сборов позволил выявить снижение функциональных возможностей и недостаточную приспособительную реакцию к физическим нагрузкам у респондентов обеих групп. При этом лишь у 37% испытуемых в I группе и 30% во II группе наблюдалось функциональное напряжение адаптационных механизмов, т.е. адекватная реакция на экзогенные стимулы. По нашему мнению, снижение функциональных возможностей организма могло быть вызвано повышенной двигательной активностью в ходе сборов в сравнении с привычным образом жизни, что может свидетельствовать о недостаточной физической подготовленности. Данный факт подтверждается результатами, зарегистрированными в обеих группах в ходе тестирования основных физических качеств (табл. 4).

По мнению В.Д. Сонькина [12], недостаточность экзогенных стимулов в период пубертатных перестроек (12–15 лет) не может быть компенсирована естественным приростом работоспособности в 15–17-летнем возрасте.

Сравнительный анализ полученных результатов с нормативами НФП. Для сравнения результатов физической подготовленности испытуемых с нормативами «Наставления по физической подготовке Вооруженных Сил Российской Федерации» (НФП-09) была выбрана нормативная база для категории военнослужащих «Военнослужащие по призыву до 6 месяцев». Сравнение проводилось с использованием результатов тестирования участников II группы. Отметим, что в НФП некоторые тестирующие программы отличны от комплекса ГТО. Например, в НФП отсутствуют тесты «Челночный бег 3х10 м» и «Прыжок в длину с места толчком двумя ногами». При этом требования таких тестирующих программ, как «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу» и «Бег на 3000 м» идентичны в обоих документах.

Ввиду вышеизложенного сравнение между нормативами проводилось с использованием результатов, полученных в данных тестах. В НФП для теста «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа» определен следующий оценочный эквивалент: 35 повторов соответствует оценке «отлично», 30 повторов – «хорошо» и 25 повторов – «удовлетворительно». Для теста «Бег на 3000 м» оценке «отлично» соответствует результат 13 мин 20 с, «хорошо» – 14 мин, «удовлетворительно» – 14 мин 40 с. Оценочные показатели физической подготовленности представлены на рис. 1.

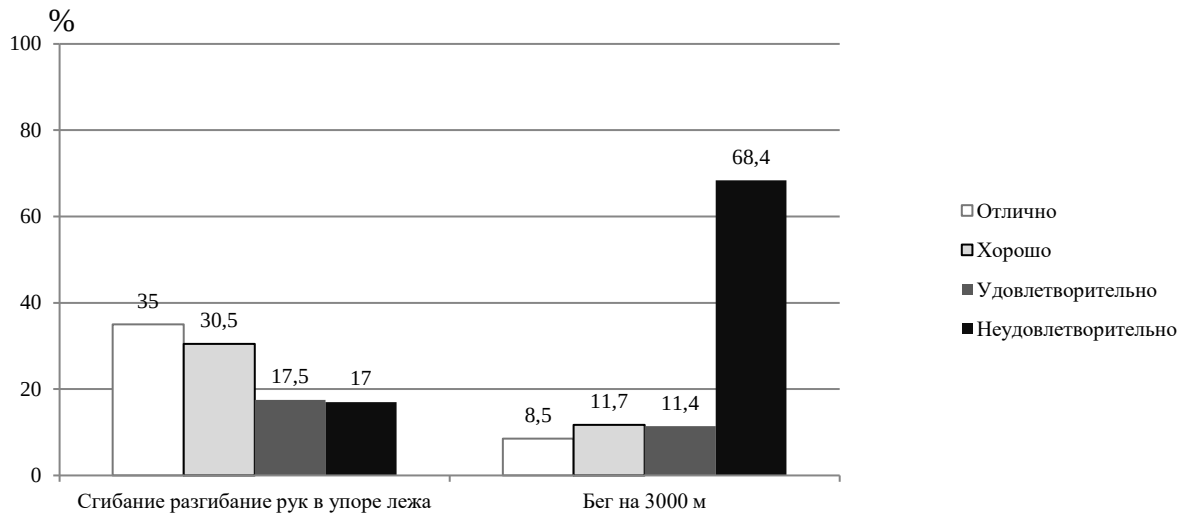

Рис. 1. Оценочные показатели физической подготовленности (по НФП) результатов тестирования участников II группы

Сравнительный анализ полученных результатов позволил резюмировать, что требования на оценку в НФП отличаются от требований комплекса ГТО на знаки различного достоинства. При этом требования на положительную оценку в НФП при тестировании «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа» ниже требований комплекса ГТО, а в тесте «Бег на 3000 м» ниже только на оценку «отлично», т.е. результат на оценку «хорошо» и «удовлетворительно» выше требований ГТО на серебрянный и бронзовый знаки.

Кроме того, необходимо учитывать, что в соответствии с требованиями НФП достаточно одной неудовлетворительной оценки при тестировании основных физических качеств, чтобы общая оценка за физическую подготовленность была неудовлетворительной.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что в ходе тестирования силовой выносливости плечевого пояса и верхних конечностей 83 % испытуемых II группы выполнили требования норматива на положительную оценку, тогда как результаты общей выносливости оставляют желать лучшего (68,4% испытуемых не уложились в пороговый минимум).

Заключение

В результате проведенного исследования можно констатировать, что показатели общей выносливости испытуемых обеих групп находятся на низком уровне,

при этом при переходе от старшего школьного к юношескому возрасту степень соответствия данных показателей нормативным базам достоверно ($p \leq 0,05$) снижается. Сравнительный анализ результатов сборов в УМЦ «Авангард» и начального периода курса общевоинской подготовки в военных образовательных организациях позволил сделать заключение об их идентичности. Реализация программы пятидневных сборов по предметам общевоинской подготовки в УМЦ привела к снижению функциональных возможностей организма испытуемых, продемонстрировавших довольно скромные результаты в ходе тестирования основных физических качеств. Сравнительный анализ нормативных баз НФП и ГТО позволил установить, что требованиям НФП соответствует лишь 31,6 % исследуемого контингента. Таким образом, не возникает сомнений, что курс общевоинской подготовки в военных вузах или учебных центрах способен оказать более значимое воздействие на юношей с аналогичными показателями. Становится понятным, что преобладающее большинство допризывной молодежи по уровню физической подготовленности и функциональным показателям на данном этапе не готово приступить к освоению курса общевоинской подготовки в военных образовательных организациях или в учебных центрах по подготовке младших специалистов. Данное обстоятельство необходимо учитывать при планировании и реализации образовательного процесса в военных вузах и программы боевой подготовки в воинских частях.

Список источников

1. Агеев В.У. Жить чтобы уметь радоваться и наслаждаться жизнью. СПб. : Олимп, 2019. 24 с.
2. Марченко А.А., Тарасенко И.Р. Исследование гармоничности физического развития студентов инженерных специальностей Ставропольского государственного аграрного университета // Теория и практика физической культуры. 2015. № 1. С. 49–51.
3. Шлыков А.Г. Состояние физической подготовленности и физического развития допризывной молодежи // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 12 (178). С. 359–365.
4. Кикун П.Ф., Мельникова И.П., Сабирова К.М. Гигиеническая оценка факторов учебно-производственной среды курсантов высшего морского учебного заведения // Экология человека. 2018. № 3. С. 21–26.
5. Моисеев С.А., Лёвочкин А.Н., Кайсин А.С., Филатова Н.П. Динамика показателей физической подготовленности курсантов Военной академии на протяжении всего периода обучения // Известия ТулГУ. 2019. № 1. С. 32–39.
6. Моисеев С.А., Филатова Н.П. Динамика адаптационного потенциала курсантов Военной академии Материально-технического обеспечения на начальных этапах обучения // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 25–30.

7. Субботина Л.Ю., Пучка И.В. Проблема выявления профессионально-важных качеств у военнослужащих по контракту в современных условиях // Вестник ЯрГУ. 2016. № 4. С. 83–87.
8. Загрядский В.П., Сулимо-Самуйло З.К. Методы исследования в физиологии труда. Л. : ВМА, 1991. 110 с.
9. Баевский Р.М., Берсенева А.П. Оценка адаптационных возможностей организма и риска развития заболеваний. М. : Медицина, 1997. 236 с.
10. Баевский Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. М. : Медицина, 1979. 295 с.
11. Кикун П.Ф., Жовнерчук Е.В., Мельникова И.П., Измерова Н.И., Сабирова К.М. Особенности психофизиологической адаптации курсантов в процессе профессионального освоения морских специальностей // Медицина труда и промышленная экология. 2018. №12. С. 19–24.
12. Сонькин В.Д., Тамбовцева Р.В. Развитие мышечной энергетике и работоспособности в онтогенезе. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 368 с.

References

1. Ageevets, V.U. (2019) *Zhit' chtoby umet' radovat'sya i naslazhdatsya zhizn'yu* [Live to Be Able to Rejoice and Enjoy Life]. Saint Petersburg: Olimp.
2. Marchenko, A.A. & Tarasenko, I.R. (2015) Issledovanie garmonichnosti fizicheskogo razvitiya studentov inzhenernykh spetsial'nostey Stavropol'skogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Study of the harmony of physical development of students of engineering specialties of the Stavropol State Agrarian University]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1. pp. 49–51.
3. Shlykov, A.G. (2019) Sostoyaniye fizicheskoy podgotovlennosti i fizicheskogo razvitiya doprizyvnoy molodezhi [The state of physical fitness and physical development of pre-conscription youth]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 12 (178). pp. 359–365.
4. Kiku, P.F., Mel'nikova, I.P. & Sabirova, K.M. (2018) Gigienicheskaya otsenka faktorov uchebno-proizvodstvennoy sredy kursantov vysshego morskogo uchebnogo zavedeniya [Hygienic assessment of factors in the educational and industrial environment of cadets of a higher maritime educational institution]. *Ekologiya cheloveka*. 3. pp. 21–26.
5. Moiseev, S.A., et al. (2019) Dinamika pokazateley fizicheskoy podgotovlennosti kursantov Voennoy akademii na protyazhenii vsego perioda obucheniya [Dynamics of physical fitness indicators of cadets of the Military Academy throughout the entire training period]. *Izvestiya TulGU*. 1. pp. 32–39.
6. Moiseev, S.A. & Filatova, N.P. (2021) [Dynamics of the adaptive potential of cadets of the Military Academy of Logistics and Technical Support at the initial stages of training]. *Fizicheskoe vospitaniye i sport v sisteme obrazovaniya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Physical Education and Sports in the Education System: Current state and prospects]. Proceedings of the 2nd International Conference. Omsk. 29–30 April 2021. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 25–30. (In Russian).
7. Subbotina, L.Yu. & Puchka, I.V. (2016) Problema vyyavleniya professional'no-vazhnykh kachestv u voennosluzhashchikh po kontraktu v sovremennykh usloviyakh [The problem of identifying professionally important qualities among contract military personnel in modern conditions]. *Vestnik YarGU*. 4. pp. 83–87.
8. Zagryadskiy, V.P. & Sulimo-Samuylo, Z.K. (1991) *Metody issledovaniya v fiziologii truda* [Research Methods in Labor Physiology]. Leningrad: VMA.
9. Baevskiy, R.M. & Berseneva, A.P. (1997) *Otsenka adaptatsionnykh vozmozhnostey organizma i riska razvitiya zabolevaniy* [Assessment of the Body's Adaptive Capabilities and the Risk of Developing Diseases]. Moscow: Meditsina.
10. Baevskiy, R.M. (1979) *Prognostirovaniye sostoyaniy na grani normy i patologii* [Prediction of Conditions on the Border between Normal and Pathological]. Moscow: Meditsina.
11. Kiku, P.F. et al. (2018) Osobennosti psikhofiziologicheskoy adaptatsii kursantov v protsesse professional'nogo osvoeniya morskikh spetsial'nostey [Peculiarities of psychophysiological adaptation of marine cadets during professional training in marine specialties]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya*. 12. pp. 19–24.
12. Son'kin, V.D. & Tambovtseva, R.V. (2018) *Razvitiye myshechnoy energetiki i rabotosposobnosti v ontogeneze* [Development of Muscle Energy and Performance in Ontogenesis]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

Информация об авторах:

Моисеев С.А. – аспирант кафедры теории и методики физической культуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия); специалист физической подготовки филиала Военной академии материально-технического обеспечения (Омск, Россия). E-mail: stasmoiseev120790@mail.ru

Белова Я.М. – специалист по работе с молодежью Учебно-методического центра патриотического воспитания молодежи “Авангард” (Омск, Россия). E-mail: umurzakova.yana@mail.ru

Кайсин А.С. – канд. пед. наук, специалист физической подготовки филиала Военной академии материально-технического обеспечения (Омск, Россия). E-mail: kaisin.83@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Moiseev, postgraduate student, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation); physical training specialist, Omsk Branch of the Military Academy of Logistics (Omsk, Russian Federation). E-mail: stasmoiseev120790@mail.ru

Ya.M. Belova, youth work specialist, Educational and Methodological Center for Patriotic Education of Youth “Avangard” (Omsk, Russian Federation). E-mail: umurzakova.yana@mail.ru

A.S. Kaisin, Cand. Sci. (Pedagogics), physical training specialist, Omsk Branch of the Military Academy of Logistics (Omsk, Russian Federation). E-mail: kaisin.83@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023;
одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 30.08.2023;
approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/497/18

Опытно-экспериментальное обучение по преодолению проблемы ложных друзей переводчика в рамках профессионального языкового образования

Марина Витальевна Влавацкая¹, Елизавета Валерьевна Дмитриенко²

^{1, 2} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹ vlavackaya@corp.nstu.ru / vlavatskaya@list.ru; ORCID: 0000-0001-5619-9416

² dmitrienko.2016@corp.nstu.ru / lizadmtr99@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6940-1505

Аннотация. Представлены теоретические основы предлагаемой модели обучения по преодолению проблемы ложных друзей переводчика (ЛДП) в рамках профессионального лингвистического образования. Обоснована целесообразность интегративного подхода при обучении будущих переводчиков. Описана модель преодоления проблемы ЛДП с включением в нее комплекса упражнений и заданий. Проведена опытно-экспериментальная работа с целью верификации разработанной модели обучения в процессе профессиональной подготовки студентов-лингвистов.

Ключевые слова: модель обучения, обучение переводу, ложные ассоциации, межъязыковая асимметрия, межъязыковая девиация, интерференция, интегративный подход

Для цитирования: Влавацкая М.В., Дмитриенко Е.В. Опытно-экспериментальное обучение по преодолению проблемы ложных друзей переводчика в рамках профессионального языкового образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 170–182. doi: 10.17223/15617793/497/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/18

Experimental training in overcoming the problem of false friends of the translator in the framework of professional language education

Marina V. Vlavatskaya¹, Elizaveta V. Dmitrienko²

^{1, 2} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ vlavackaya@corp.nstu.ru / vlavatskaya@list.ru; ORCID: 0000-0001-5619-9416

² dmitrienko.2016@corp.nstu.ru / lizadmtr99@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6940-1505

Abstract. Professional language education should provide students with the tools to carry out pedagogical and translation activities that will allow them to cope with emerging problems, one of which is the problem of false friends of the translator, or the erroneous identification of some lexical elements of the native and foreign language systems when translating. It is caused by interference, or interlingual deviation, i.e. the influence of the first linguistic system of the native language on the second linguistic system of the foreign language. The article presents a model for overcoming the problem of translator's false friends among linguistic students based on the integration of systemic, contrastive, and communicative-cognitive approaches, as well as consideration of interdisciplinarity and interlevel learning. The object of the study is the learning process of linguistic students; the subject is the model of learning to overcome the problem of false friends of the translator among linguistic students. The aim of the study was to develop and verify in an experimental way a training model for overcoming the problem of false friends of the translator using an integrative approach in teaching linguistics students. The set aim is realized by presenting the theoretical foundations of the proposed learning model, substantiating the feasibility of an integrative approach in teaching future translators, describing the model for overcoming the problem of false friends of the translator with the inclusion in it of a set of exercises and tasks, conducting experimental work to verify the developed learning model in the professional training of linguistic students. The study of linguistic, interference and linguodidactic aspects of the problem of translator's false friends allowed us to form the stages of training within the model to overcome this problem, which provided an opportunity for its approbation and verification. This model is focused on the development of linguistic, lexical, translation and professional competence in future translators. The organization of the experimental part of the study consisted of three stages: preliminary (zero cut), procedural (forming) and evaluative (control cut). The experiment was conducted with the participation of control and experimental groups of 30 people each. After obtaining the overall results of the zero cut, the procedural stage was carried out, in which the developed model with the set of tasks included in it was tested on the experimental group. As a result of the successful verification of the proposed training model through the experiment proved the hypothesis of this study, namely, the learning model using the integrative approach will be effective in building key translation competencies of language students, developing their skills and abilities to work to overcome the problem of translator's false friends in the acquisition of professional language education.

Keywords: learning model, translation training, false associations, interlingual asymmetry, interlingual deviation, interference, integrative approach

For citation: Vlavatskaya, M.V. & Dmitrienko, E.V. (2023) Experimental training in overcoming the problem of false friends of the translator in the framework of professional language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 170–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/18

Введение

С учетом потребностей современного общества система подготовки молодых специалистов в области иностранных языков постоянно обновляется в содержательном и процессуальном отношении, создаются необходимые образовательные условия для успешных достижений «целей обучения, активизирующих личностный потенциал субъектов образовательного процесса, овладения ими эффективными познавательными средствами иноязычной речевой и речемыслительной деятельности, коммуникативной культурой и в целом профессиональной компетентностью» [1. С. 171].

В информационном мире профессиональное языковое образование должно обеспечить студентов инструментами осуществления педагогической и переводческой практики, которые позволят им решать разного рода задачи, работать с большими объемами потенциальной информации, сталкиваться с обилием вопросов и проблем, которые могут оказаться в поле их профессиональной деятельности.

Получение профессионального лингвистического образования – длительный и трудоемкий процесс, не лишенный препятствий разного рода. Одним из таких затруднений является проблема ложных друзей переводчика (ЛДП), или ошибочное отождествление некоторых лексических элементов систем родного и иностранного языков при переводе, например: *paragraph* – не **параграф* (символ * здесь и далее означает неправильный вариант перевода), а *абзац*; *intelligence* – не **интеллигенция*, а *ум*, *интеллект*; *council* – не **консул*, а *собрание*, *совет* и т.п. Как можно заметить, при переводе некоторых интернациональных слов возникает ложная ассоциация с похожими словами родного языка из-за их фонетического, графического или семантического сходства. Подобные слова представляют собой опасность неверного отождествления из-за их ошибочных ассоциаций.

Этой проблемой на протяжении почти ста лет занимаются отечественные ученые-языковеды, среди которых В.В. Акуленко [2], В.В. Алимов [3], Л.И. Борисова [4], Н.К. Гарбовский [5], а также Е.С. Желнова [6], О.Н. Мальцева и Ю.А. Монашева [7], М.Г. Протогенова и М.Г. Стрижакова [8], Т.М. Терентьева [9], И.С. Крикунов [10] и другие и зарубежные исследователи: М. Кесслер и Ж. Дерокиньи [11], К. Эллис [12], Ф. Грожан [13], Л. Ся, Т. Бак и др. [14] и т.д. Практика показывает, что даже опытный переводчик не застрахован от ошибок, вызванных влиянием первой языковой системы родного языка на вторую языковую систему иностранного языка, т.е. от *интерференции*, или *межъязыковой девиации*. Причиной такого возникновения становится *межъязыковая асимметрия* (омонимия или паронимия), т.е. «языковое явление, которое состоит в отсутствии однозначных соответствий между элементами двух языков» [5. С. 369]. Анализ и выявление определенных закономерностей, связанных с этой проблемой,

а также разработка специальной модели и опытно-экспериментальное обучение по преодолению проблемы ЛДП у студентов-лингвистов, по нашему мнению, смогут помочь им избежать подобных ошибок и оптимизировать процесс изучения иностранного языка и перевода, в чем и заключается актуальность данной работы.

В основе предложенной модели обучения лежит принцип интеграции, а также учет междисциплинарности (межпредметности) и межуровневости (ступеней) обучения. Под *интерграцией* мы понимаем разработку методики с использованием системного, контрастивного и коммуникативно-когнитивного подходов. Организация учебного процесса в соответствии с этими принципами, на наш взгляд, позволит студентам-лингвистам достичь весьма высокого уровня понимания слов категории ЛДП посредством развития у них лексических и переводческих навыков на протяжении всего обучения, включая изучение таких дисциплин, как лексикология, стилистика, межкультурная коммуникация, лингводидактика и др.

Объект исследования – процесс обучения иностранным языкам и переводу студентов-лингвистов; предмет – модель обучения по преодолению проблемы ЛДП у студентов-лингвистов.

Цель данной работы – разработать и верифицировать опытно-экспериментальным способом модель обучения по преодолению проблемы ЛДП с использованием интегративного подхода в рамках профессионального образования студентов-лингвистов.

Поставленная цель реализуется с помощью следующих задач: 1) представить теоретические основы предлагаемой модели обучения; 2) обосновать целесообразность интегративного подхода при обучении будущих переводчиков; 3) описать модель обучения по преодолению проблемы ЛДП, включая систему заданий и упражнений; 4) провести опытно-экспериментальную работу разработанной методики в процессе подготовки студентов-лингвистов для выявления ее достоинств и недостатков.

Гипотеза исследования: модель обучения с применением интегративного подхода окажется эффективной в формировании ключевых переводческих компетентностей у студентов-лингвистов, развитии их навыков и умений работы по преодолению проблемы ЛДП в рамках получения профессионального образования.

Теоретические основы

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные научные труды по таким аспектам изучения феномена ЛДП, как лингвистический, интерференционный и лингводидактический.

Лингвистический аспект проблемы ЛДП касается изучения *межъязыковой асимметрии*, которая возникает не только при сопоставлении систем двух языков на разных ее уровнях, но и при выявлении соответствий между использованием двух языковых единиц в

речи. На лексическом уровне межъязыковая асимметрия проявляется на уровне слова и лексической сочетаемости. Причина заключается в том, что «количество и содержание значений у межъязыковых словарных эквивалентов никогда не совпадают» [15. С. 101]. На грамматическом уровне межъязыковая асимметрия проявляется, во-первых, в области морфологии (отсутствие морфологических форм, реализация разных функций одних и тех же морфологических форм) и, во-вторых, в области синтаксиса (нарушение грамматической сочетаемости и образование аномальных структур в языке перевода) [15. С. 101].

Интерференционный аспект изучения касается проявления проблемы ЛДП в условиях билингвизма [13, 14, 16] и языковых контактов [17–19], а следствием ее проявления в речи является интерференция [6, 20]. Иначе говоря, интерференция возникает, когда структуры одного языка накладываются на структуры другого языка и в результате появляются разного рода *межъязыковые девиации* – фонетические, лексические, грамматические, стилистические и т.д. Таким образом, интерференция и межъязыковая девиация тесно связаны, как причина и следствие.

Отправной точкой изучения интерференционных явлений в языке стали труды Л.В. Щербы, на данный момент имеющие огромное значение в лингвистике, межъязыковой девиатологии и лингводидактике. Согласно доводам академика, при контакте двух языков может произойти нарушение норм каждого из них. В результате смешения языки не только заимствуют какие-то отдельные элементы, но также ослабевают степень различимости тех или иных частей языка, т.е. система стремится к упрощению. Огромную роль для отечественной методики обучения сыграла идея ученого о пользе *отрицательного языкового материала*, т.е. письменные и устные ошибки как носители языка, так и иностранцев, а их учет очень важен для эффективного преподавания языков [21]. Работы Л.В. Щербы побудили языковедов на дальнейшее исследование и описание языковых контактов как процесса интерференции, или взаимного приспособления языка говорящего и языка слушающего и соответствующих изменений норм обоих контактирующих языков.

Изучение научной литературы свидетельствует о том, что проблема интерференции остается насущной и описывается в исследовательских работах в разных аспектах: когнитивном [22], психолингвистическом [23], социолингвистическом [24], методическом [25] и других, а также в разных сферах использования перевода (обучении, художественной литературе, профессиональных областях и т.д.) и для разных целей (научных, учебных, специальных и т.д.).

Лингводидактический аспект изучения проблемы ЛДП касается ее преодоления в первую очередь при обучении иностранному языку в профессиональной сфере [7] и переводу [26]. В рамках данного аспекта за последнее время были разработаны: во-первых, методика преодоления интерференции при изучении предлогов немецкого языка как второго иностранного по-

сле английского [27] и, во-вторых, теоретическая модель обучения преодолению интерференции при подготовке профессиональных переводчиков, которая «отражает в себе основные закономерности, наблюдаемые в процессе достижения необходимых образовательных целей» [28. С. 170]. Разработчики этой модели вывели теоретические положения, гарантирующие успешность ее применения посредством этапизации всего процесса предотвращения интерференции. Модель содержит несколько блоков: 1) целевой, включающий цель и основные задачи реализации модели; 2) теоретический, описывающий подходы, принципы и содержание процесса обучения преодолению интерференции; 3) технологический, использующий определенные методы, приемы, средства с учетом условий обучения; 4) результативно-оценочный, дающий результаты, выводящий критерии, демонстрирующий показатели и определяющий уровни эффективности процесса обучения преодолению межъязыковой интерференции [28].

В основе разрабатываемой нами модели по предотвращению проблемы ЛДП в рамках обучения переводу лежит принцип *интеграции*, включающий комплекс подходов. Во-первых, это системный подход, ориентированный на раскрытие целостности перевода как системы взаимосвязанных явлений и выявление механизмов, обеспечивающих целостность системы, когда основное внимание студента направлено на выявление многообразных отношений и их типов как в самом переводе, так и в его связях с окружающей действительностью [29]. Во-вторых, это контрастивный подход, когда выявляются сходства и различия в употреблении определенных языковых единиц на основе сравнительно-сопоставительного изучения языков [27]. В-третьих, это коммуникативно-когнитивный подход, который в процессе формирования межкультурной компетенции реализуется в двух аспектах – в когнитивной составляющей межкультурного общения и в учете коммуникативной направленности процесса обучения иностранным языкам и переводу. Совокупность этих принципов, или интегративный подход, положен в основу модели преодоления проблемы ЛДП, включая комплекс учебных заданий в рамках опытно-экспериментального исследования, на котором мы остановимся ниже.

Методы и методология

В исследовании использовались такие методы, как описательный и констатирующий, применяемые с целью теоретического анализа педагогической и лингводидактической литературы; анализ существующих образовательных документов по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль «Перевод и переводоведение»; изучение и обобщение педагогического опыта в преодолении лексической интерференции; экспериментальное обучение с целью организации и проведения занятий в соответствии с задачами данного исследования; педагогическое моделирование для разработки модели обучения по преодолению проблемы ЛДП,

включая комплекс упражнений; опытнo-экспериментальное обучение, направленное на преодоление проблемы ЛДП у студентов-лингвистов.

На основании образовательного стандарта ФГОС ВО бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика от 12.08.2020 [30], а также рабочей программы кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета по дисциплине «Практический курс перевода первого иностранного языка» [31] были выявлены компетенции, которые необходимо сформировать у студентов-лингвистов в процессе обучения. Так, квалифицированные специалисты в области преподавания иностранных языков и переводоведения должны овладеть набором компетенций и направить все усилия на развитие этих компетенций.

Цель опытнo-экспериментального обучения – научить студентов легко выявлять в тексте слова категории ЛДП и правильно подбирать для перевода их эквиваленты, т.е. развить необходимые навыки и умения и в итоге сформировать профессиональные (языковые, переводческие, лингвокультурные и др.) компетенции. Организация опытнo-экспериментальной части исследования строилась из следующих этапов.

На предварительном этапе студентам даются предложения на перевод в количестве 50 контекстов с целью выявления имеющихся у них знаний и навыков перевода слов категории ЛДП, т.е. делается нулевой срез.

На процессуальном этапе студенты делятся на 2 группы по 30 человек – контрольную и экспериментальную. Сначала они знакомятся с теорией по проблеме ЛДП, затем им предлагается выполнить комплекс упражнений, направленный на преодоление данной проблемы в процессе обучения иностранному языку и переводу с целью апробации разработанной нами модели.

На оценочном этапе студентам обеих групп снова даются предложения на перевод для проверки эффективности данной модели обучения.

Далее рассмотрим процесс проведения опытнo-экспериментального обучения и представим его результаты.

Опытнo-экспериментальное обучение по преодолению проблемы ЛДП у студентов-лингвистов

1. На предварительном этапе, а точнее в первой его части, студентам двух групп – контрольной и экспериментальной – был предложен список из 25 предложений со словами-ЛДП для перевода с русского на английский язык в течение 60 минут и с условием не пользоваться какими-либо вспомогательными средствами, прежде всего словарями и переводчиками.

При учете полученных ответов мы направили свое внимание на работу с проблемой ЛДП и не акцентировали внимание на ошибках, которые касаются других аспектов изучения языка, например орфографии, морфологии, синтаксиса и т.д. Далее проанализируем некоторые переведенные студентами предложения,

чтобы определить способы или варианты передачи значений русских слов – ЛДП на английский язык.

В первом предложении *На тот момент я не чувствовал к ней ничего кроме симпатии* ЛДП – это слово «симпатия». Его эквивалентный перевод **affection** зафиксирован у 3% испытуемых. Самый частый вариант перевода – **sympathy* (сочувствие) – дали 46% студентов, затем идет фраза **liked her* (23%). Еще 23% сделали синонимичный перевод, в связи с чем им пришлось изменить структуру предложения. Передали семантику ЛДП по-разному 5% студентов: *was about to fall in love, feeling, felt in love liked her, a great affection, great attraction, very nice for her*.

Слово «экстравагантность» в предложении *Ее всегда отличала от других экстравагантность* не было переведено в 35% случаев. Вторым по количеству в процентном отношении стоит вариант **extravagant*, составивший почти 31%. Также были даны варианты *extraordinary, uniqueness* и *special*, что только отчасти передает смысл предложения, подчеркивая необычность девушки (22%). Полностью перестроили предложение 12% испытуемых, например *I'd call her style as "out-of-the-way"*, которое передает необходимый объем значения и вполне адекватно оригиналу.

Эквивалентный перевод слова «актуальный» в предложении *Тема данной работы всегда будет актуальна* – **relevant**, его использовали около 26% испытуемых. Самым распространенным вариантом стал **actual* (31%), затем идут **popular, *important* и **up-to-date* (по 9%), а также **essential* и **a matter* (по 2%). В 12% случаев студенты не смогли перевести данное слово на английский язык.

При переводе лексемы «автобаза» в предложении *И тогда мы сразу же поехали на автобазу* самыми частыми вариантами стали **autobase* и **car station* – 23 и 20% соответственно. По результатам проверки перевод **autobase* – самая типичная ошибка, так как «автобаза» относится к потенциально существующим асимметричным диалексам, когда отсутствует реальный эквивалент сходной формы. Правильный перевод слова – **deport** – дали только 6% испытуемых, не дали перевода – 22%.

С переводом лексемы «аккорды» в предложении *Ты знаешь аккорды для этой песни?* не было больших затруднений. Правильный перевод – **chords** – представили 41%, второе место по частоте у **accords* (38%). Также были зафиксированы варианты **notes, *tabs* (19%) и предложения типа *How is it played?* (10%) как замена перевода заданного слова с сохранением общего содержания высказывания.

В предложении *Они могут наложить арест на имущество на период до десяти дней* лексеме «арест» перевели как **arrest* почти 50% студентов. Только около 5% выбрали правильный перевод – **seizure**. В английском языке слова «arrest» и «seizure» имеют разные значения: при использовании первого акцент делается на аресте человека, а второго – на аресте имущества или частной собственности. Около четверти респондентов вообще не смогли сделать перевод (24%).

В другом предложении *Он аспирант в Гарварде* выделенное слово правильно перевели около 40%, т.е. **post-graduate**, или **graduate student**. В то же время 34% студентов оставили его без перевода, а остальные 23 дали неверные варианты перевода: **assistant*, **PhD*, **has a bachelor degree*. В одном случае значение слова было передано описательно **He has a degree higher than masters*. Как известно, описательный перевод дается в тех случаях, когда у слова нет эквивалента в языке перевода.

Самым частым вариантом перевода слова «атлас» в предложении *Джессике очень нравится ее новое платье из атласа* является **atlas*, процент которого составил 38%. В 28% случаев студенты вообще не смогли его перевести. Также были предложены варианты **cloth*, **this material* и *satin* – правильный перевод, который предложили 10% испытуемых.

В следующем предложении *В тяжелых ситуациях он всегда был с ней очень деликатен* около 33% студентов дали неверный перевод **delicate*, что означает «хрупкий», «едва уловимый», «что-то, с чем нужно обращаться аккуратно». Перевод *gentle* – более подходящий (12%), но были предложены и варианты *careful*, *polite*, *nice*, *tender*, *attentive*, *kind*, в некоторых контекстах их можно считать синонимичными (52%).

При переводе контекста *Когда у нас следующая репетиция?* 50% испытуемых представили правильный вариант перевода – *rehearsal*, около четверти испытуемых перевели как **repetition* (23%). Слова *репетиция* и *repetition* не являются эквивалентами и не могут заменять друг друга.

Относительно перевода слова «ром» в предложении *Джону всегда нравился ром* было зафиксировано 4 варианта: **rome*, *rum*, **room* и **rom*, из которых **rom* и *rum* – наиболее частотны – 21 и 28% соответственно. Также были даны варианты **scotch*, **whisky*, **gin*, **brandy* и даже **hard beverages* (36%), правильный перевод – *rum* (6%).

Слово «транспаранты» в предложении *Люди вышли на улицы с большими транспарантами* студенты перевели как **posters* (23%) и *banners* (36%); последний вариант является наиболее подходящим. Вариант **posters* – ‘a large printed pictures used for decoration’ искажает смысл русского предложения. Также был предложен еще один вариант перевода – **transparents* (4%), однако слово «transparent» является прилагательным со значением «прозрачный» и не может иметь окончания -s.

Количество вариантов перевода слова «валет» в предложении *Она выиграла, потому что ей попался валет* достигло 14, включая и такие единичные варианты, как **lover*, **win card*, **special card*, **trump card* и **a “V”*. Наиболее частый и правильный вариант – *Jack* составил 38%, его синоним – *knave* – 4%. Замена названия этой карты на общее *a win card* несколько искажает смысл, в частности, если это касается сюжета произведения в целом, как например, в «Пиковой даме» А.С. Пушкина.

Таким образом, в первой части предварительного этапа опытно-экспериментального обучения были получены результаты нулевого среза и определены варианты передачи значений слов-ЛДП, среди которых: непосредственно слово-ЛДП (*аккуратный* – **accurate*); эквивалент слова-ЛДП (*точный* – *accurate*); синоним или синонимичная замена слова – ЛДП (*валет* – (*Jack*) – *knave*); передача значения слова – ЛДП при помощи трансформации всего предложения (*Ты знаешь аккорды для этой песни?* – *How is it played?*); частичная передача значения слова – ЛДП (*деликатный* – *polite*, *nice*, *tender*, *attentive* и т.п.), а также отсутствие перевода слова – ЛДП или всего предложения. Под *неправильным переводом здесь понимается неадекватный перевод, который не связан с проблемой ЛДП, например: *аспирант* – **student*, *валет* – **win card* / **special card* и т.п. (табл. 1).

Таблица 1

Результаты предварительного этапа опытно-экспериментального обучения:
перевод предложений со словами – ЛДП с русского на английский язык

Варианты передачи значений слов –ЛДП с русского на английский язык	Непосредственно слова – ЛДП	Эквиваленты слов –ЛДП	Синонимы или синонимичные замены слов –ЛДП	Трансформация предложения с положительным результатом	Частичная передача значения слов –ЛДП	Отсутствие перевода слов –ЛДП или предложений	*Неправильный перевод слов – ЛДП	Группы студентов: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ)
Соотношение (всего 25 предложений),	31	22,5	4	2	5	16	19,5	КГ
	30,5	22	6	2	5	15,5	19	ЭГ

Далее перейдем ко второй части предварительного этапа эксперимента, а именно к обсуждению результатов переводов предложений со словами – ЛДП с ан-

глийского языка на русский. Студентам был предложен список из 25 предложений, которые они переводили в течение 60 минут.

В первом предложении *The U.S. Army adopted a new ammunition* для перевода лексемы «ammunition» студенты предложили следующие варианты: *обмундирование, *снаряжение, *военная форма, *униформа, *аммуниция и боеприпасы. Около 36% студентов перевели слово как *аммуниция, скалькировав его английскую орфографию с двумя буквами «м». Его русским эквивалентом является слово **боеприпасы**, которое использовали 20% студентов. Варианты *снаряжение и *оружие семантически близки к боеприпасам. Около 30% испытуемых выбрали для перевода слова *форма и *обмундирование, что совершенно не соответствует истине и может привести к грубой ошибке, если речь идет непосредственно о военной структуре.

Предложение *He was a compositor for George Smeeton in 1812* не смогли перевести около 40% студентов, 23% перевели его как *композитор. Кроме того, в 6% случаев была предложена синонимичная замена, например *Он писал произведения*. Согласно словарю [32], compositor – a person whose job is to arrange the letters, words, sentences, etc. of a book or a magazine before it is printed, т. е. его русским эквивалентом является слово **наборщик** или **наборщик текста**. В результате никто из студентов не дал адекватного перевода.

В предложении *Mario Bernardi is Canadian conductor and pianist* правильным вариантом перевода выделенного слова является **дирижёр**, именно его выбрали почти 45%. Но были даны и другие варианты: *проводник, *кондуктор, *исследователь и *руководитель. Последнее слово семантически схоже с эквивалентом **дирижёр** в силу того, что дирижер действительно руководит оркестром или группой музыкантов. У данного слова также есть значение ‘employee on a bus, train, or other public conveyance, who is in charge of the conveyance and its passengers, collects fares or tickets’, но такие варианты, как *кондуктор или *проводник, исключены в рамках контекста *Марио Бернарди был ...и пианистом*, чего не учли некоторые студенты. Около 18% студентов вообще не сделали перевод предложения.

19% испытуемых не смогли перевести предложение *His delegation believed that they had such special expertise*. Созвучное русское слово «экспертиза» выбрали для перевода 43% студентов. Значение английского слова «expertise» – ‘a high level of knowledge or skill’ – не является эквивалентным, так как речь идет скорее о знаниях или компетентностях, а не об исследовании. В то же время были даны вполне приемлемые варианты перевода: **знания, компетенция**, а также словосочетания **неповторимый опыт, специальная проверка, самые компетентные**.

При переводе предложения *He was a genial and kind man* около 10% испытуемых не смогли перевести выделенное слово, а 38% – все предложение. По данным словаря [33], «genial» означает ‘marked by or freely expressing sympathy or friendliness’. Межъязыковой русский омоним «гениальный» не подходит в качестве эквивалента, тем не менее его использовали 20% студентов. Испытуемые также предложили варианты **искренний, дружелюбный и щедрый**, которые в какой-то степени можно считать приемлемыми.

Предложение *You need someone to lift your morale* не перевели на русский язык 28% студентов. Хотя у слова «morale» есть определенное звуковое сходство с русским словом «мораль», оно имеет другое значение: ‘the amount of confidence felt by a person or group of people, especially when in a dangerous or difficult situation’ [32], что переводится на русский язык как **боевой дух** или **моральное состояние**. Именно такой перевод предпочли около 11% студентов. Кроме того, были предложены синонимичные варианты: *кто поднимет твое настроение, кто поддержит тебя* или *ты нуждаешься в какой-то моральной поддержке*. Многие все же предпочли перевести **morale** как *мораль, используя разные вариации **кто поднимет тебе моральные устои, *кто научит тебя морали* и несущее совершенно другой смысл **кто поставит тебя на место*. В данном случае мы видим, как интерференция влияет на точность перевода, когда перефразирование предложения полностью меняет смысл истинного высказывания.

Следующее предложение *Periodic acid is a strong oxidizing agent* содержит терминологическое словосочетание «periodic acid», которое может поставить в затруднительное положение незнакомого с химической терминологией переводчика. По результатам эксперимента более 50% студентов не дали перевода предложения, почти 20% использовали в качестве переводного эквивалента не очень распространенный термин «периодическая кислота». По данным словарей, *periodic acid* является **йодной кислотой** – такой перевод предпочли только 9% студентов. Также были зафиксированы варианты перевода, которые искажают смысл оригинала **Кислород – это сильный окислительный элемент* и **Кислотный дождь является сильным элементом*. Второе предложение полностью лишено логики, так как кислотные дожди – это общее название осадков, содержащих кислотные оксиды, но не химический элемент.

Предложение *Apologies should be followed by rehabilitation* не смогли перевести около 37% испытуемых. Трудность перевода заключается в самом выделенном слове, так как оно по форме схоже с русским словом «реабилитация». Эти два слова могут быть эквивалентами, если *rehabilitation* используется в медицинском дискурсе в значении ‘the process of returning to a healthy or good way of life, or the process of helping someone to do this after they have been in prison, been very ill’ [32]. В английском предложении речь идет о **регуливании ситуации**, виновник которой предпочел извиниться, и 30% студентов выбрали именно этот вариант. В то же время многие студенты предпочли синонимичные и адекватные замены: *Извинения должны сопровождаться действиями; За извинениями должно следовать искупление делом* и *Извинения должны быть искренними*. В последнем случае структура предложения полностью изменена, но смысл передан верно.

Предложение *One of the biggest components of the Earth's crust is silicon* не смогли перевести почти 32% студентов. Около 36% перевели **silicon** как *силикон. Известно, что лексема «silicon» происходит от латинского слова «silicium» и совпадает с названием химического элемента. В английском языке есть лексема «silicone», которая отличается от «silicon» только одной буквой,

что и послужило причиной неправильного перевода. Схожее по звуковому составу слово (омофон) есть и в русском языке – это слово «силикон», которое и вызвало сомнение у испытуемых. Тем не менее около 31% студентов дали верный вариант перевода – **кремний**.

Следующее предложение *My roles in these films were **urbane** and sophisticated*. Его не перевели 18% студентов, а слово «urbane» не перевели 10%. Самый частый переводной вариант – это *роли городских пажо-нов* и синонимичные ему выражения. Студенты, видимо, спутали «urbane» с паронимом «urban», т.е. «городской». Значения слова «urbane» в словаре [33]: ‘notably polite or polished in manner’ и ‘confident, comfortable, and polite in social situations’, которые семантически не совпадают со словом «городской». Правильный вариант перевода – **изысканный**, вариант *вежливый* предложили примерно 15% испытуемых.

Другое предложение *The **codex** is located now in the State Historical Museum* не смогли перевести 21% студентов, 14% не смогли перевести только слово «codex». Большинство испытуемых выбрали вариант **кодекс* (41%). Известно, что английское слово «codex» имеет значение [34]: ‘a manuscript book especially of scripture, classics, or ancient annals или a quire of manuscript pages held together by stitching: the earliest form of book, replacing the scrolls and wax tablets of earlier times’. Русское слово «кодекс», в свою очередь, означает систематизированный единый законодательный акт, регулирующий однородную область общественных отношений (гражданский кодекс, уголовный кодекс, семейный кодекс). Так, для точного перевода в

данном контексте больше подойдет слово **манускрипт** – его предпочли всего 20% студентов, так как для большинства студентов лексема «кодекс» ассоциируется прежде всего с законодательными документами, а не с древними рукописями.

Еще одно предложение – *The ugly **spectre** of violence still haunts the political scene*. Несмотря на явное сходство *spectre* со словом «спектр» в русском языке, оно так переводится редко. Его значения в английском языке [34]: ‘a visible disembodied spirit’ или ‘something that haunts or perturbs the mind’, т.е. его русские эквиваленты – **призрак** или **привидение**, например: *the spectre of Hamlet's father* – это *тень отца Гамлета*, но именно такие случаи вызывают наибольшее замешательство. Полностью не смогли перевести предложение 50% испытуемых, еще 30% не смогли перевести слово «spectre». Один из предложенных вариантов перевода **Насилие царит на политической сцене*, который несколько меняет смысл оригинала. Если *призрак насилия* оказывает на читателя прагматический эффект, напоминая о пережитках прошлого, то **насилие* несет в себе явно негативную коннотацию, указывая на царящую политическую обстановку. В данном случае можно назвать вполне адекватными такие переводы, как *дымка насилия*, *дух насилия* и *отголоски насилия*.

Таким образом, во второй части предварительного этапа опытно-экспериментального обучения нами были получены результаты нулевого среза и определены варианты передачи значений слов – ЛДП, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты предварительного этапа опытно-экспериментального обучения:
перевод предложений со словами – ЛДП с английского языка на русский

Варианты передачи значений слова – ЛДП с английского на русский язык	Непосредственно слова-ЛДП	Эквиваленты слов – ЛДП	Синонимы или синонимичные замены слов-ЛДП	Трансформация предложения с положительным результатом	Частичная передача значений слов – ЛДП	Отсутствие перевода слов-ЛДП или всего предложения	Неправильный перевод слов-ЛДП	Группы студентов: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ)
Соотношение (всего 25 предложений), %	26	17	4	1	7	29	16	КГ
	25	16,5	4,5	1	6	32	15	ЭГ

Таким образом, на предварительном этапе опытно-экспериментального обучения были выявлены *общие* результаты по переводу с английского на русский язык и наоборот в процентном соотношении по контрольной и экспериментальной группам. Полученные данные свидетельствуют о том, что при обучении переводу студентов-лингвистов проблема ЛДП имеет место быть. Такие реализации, как ошибочное калькирование английской орфографии и использование при переводе межъязыковых омонимов, причисляются к интерференционным ошибкам, демонстрирующим влияние родного языка на вторичную языковую систему, представленную в данном случае английским языком.

На процессуальном этапе опытно-экспериментального обучения проводилась основная работа, в рамках которой была апробирована разработанная модель обучения с входящим в нее комплексом заданий и упражнений, направленным на преодоление проблемы ЛДП при обучении переводу студентов-лингвистов. Как было отмечено ранее, в основу данной модели положен принцип интеграции обучения, включающий системный, контрастивный и когнитивно-коммуникативный подходы: системный подход способствует интеграции всех знаний о переводе воедино, контрастивный – выявлению универсальных и дифференциальных признаков в использовании

определенных лексических единиц, коммуникативно-когнитивный – проведению коммуникативной направленности обучения и развитию у студентов таких психических процессов, как восприятие, логическое и критическое мышление, ассоциации, воображение и т.д.

Созданная модель обучения по преодолению проблемы ЛДП основывается на планировании результата, исходя из синтеза применения системы методических средств, наличия языкового опыта студентов в родном и иностранном языках, объяснении проблемы ложных друзей переводчика, вовлечении учащихся в активную учебную деятельность, а также рефлексии и оценивания работы студентов.

На основе принципа методической целесообразности был разработан комплекс упражнений с по-

следовательностью осуществления следующих действий: 1) восприятие слова; 2) семантизация; 3) имитативное использование; 4) использование (подстановка); 5) употребление слова в разных контекстах перевода, а также обсуждение материала, его обобщение, рефлексия и переводческая практика.

После теоретического изучения проблемы студентам было предложено выполнить следующие задания и упражнения.

Задания 1 и 2. Восприятие и семантизация слов категории ЛДП. При этом студенты выполняют условно-речевые упражнения: вводится ряд новых слов – ЛДП и отдельно даются их толкования. Задание состоит в том, чтобы найти к этим словам соответствующие определения (табл. 3).

Таблица 3

Упражнение на соотнесение слова – ЛДП (слева) с его толкованием (справа)

№	Слово – ЛДП	Толкование
1	Morale	the amount of confidence felt by a person or group of people, especially when in a dangerous or difficult situation
2	Genial	friendly and pleasant
3	Silicon	a grey chemical element that is found in rocks and sand and is used in making computers and other electronic machines
4	Expertise	a high level of knowledge or skills
5	Codex	an ancient book that was written by hand
6	Spectre	a ghost

Задание 3. Имитативное использование: применение условно-речевого типа упражнений, а именно вопросы и ответы на них; в данном случае преподаватель задает вопросы по толкованиям слов из предыдущего упражнения. Подобная практика способствует лучшему запоминанию слов категории ЛДП и их значений, например:

1) How can you call an ancient book that was written by hand?

2) What is the synonym of a ghost?

3) What is a high level of knowledge or skill called?

4) How could you call a grey chemical element that is found in rocks and sand and is used in making computers and other electronic machines?

5) Can you call the amount of confidence felt by a person or group of people, especially when in a dangerous or difficult situation?

Задание 4. Подстановка: студенты вставляют необходимое по смыслу слово.

1. Nothing like soft shoulders to improve my ____ (morale).

2. The ____ of separatism seems to be hovering over Europe these days (spectre).

3. Who said the West lost its Russian ____ after the Cold War? (expertise).

4. When I asked the young human rights activist whether she perceived any substantive difference between Russia's ____ president and its surly prime minister, there was an almost imperceptible sigh (genial).

5. Russia's '____ Valley' Project destined to fail? (Silicon) и т.д.

Задание 5. Использование слов – ЛДП и перевод: дается упражнение на перевод предложений со словами – ЛДП для лучшего запоминания и практического применения.

1. Она обладает значительным опытом в области истории Франции.

2. Учитель очень приветлив с нами.

3. Компания разработала технологию, в которой не используется дорогостоящий кремний.

4. И в его столе он держал одну из четырех книг майя, Дрезденской старинной рукописи.

5. Чтобы разрешить проблемы сегодняшнего мира, мы как никогда нуждаемся в экспертных знаниях.

6. Низкий моральный дух подавляет борьбу за лучшее будущее.

Задание 6. Использование: условно-речевые упражнения. Студентам предлагается обсудить актуальную тему и употребить при этом новые слова из категории ЛДП, например We need expertise more than ever to solve the world's problems. Такое задание направлено на развитие логического мышления и воображения.

Задание 7. Семантизация и употребление: условно-речевое упражнение. Учащимся дается список парных (английских и русских) слов, чтобы они нашли английский эквивалент для русского слова, а затем объяснили друг другу их семантические различия, например: morale / мораль; expertise / экспертиза; silicon / кремний; genial / гениальный; codex / кодекс; spectre / спектр и т.д. При этом происходит развитие критического мышления и укрепление ассоциативной памяти.

Задание 8. Использование: речевое упражнение. Студенты должны использовать изученные слова, придумав с ними сначала предложение, а потом небольшой текст для перевода. При этом можно использовать как английские слова – ЛДП, так и их русские эквиваленты. Данное задание ориентировано на развитие у студентов не только мышления, но и воображения.

Задание 9. Использование и обсуждение. Учащимся дается задание перевести текст с русского на английский язык или с английского на русский, обращая особое внимание на перевод слов-ЛДП, затем проанализировать и обсудить перевод текста в аспекте проблемы ЛДП, а далее предложить свои рекомендации, как

лучше перевести текст с данными словами. Преподаватель заранее готовит небольшие тексты для перевода. См. образец: [35]. Данное упражнение имеет рефлексивный характер и развивает логическое мышление.

Задание 10. Обобщение и коммуникативная направленность. Студентам предлагается работа в парах и задание разыграть ситуацию, в которой один из них – учитель, который должен объяснить ученикам, какие слова относятся к ЛДП и как можно избежать подобных ошибок в речи и переводе. Цель задания – развивать воображение, критическое мышление и ассоциативную память.

Задание 11. Рефлексия: подведение итогов изученного материала. Учащимся нужно ответить на вопрос: какие *советы* вы дадите своим ученикам, чтобы избежать ошибок, связанных со словами категории ЛДП? Сформулируйте их тезисно, т.е. в виде списка методических рекомендаций.

Подчеркнем, что разработанный комплекс упражнений и заданий направлен не только на изучение и усвоение непосредственно языкового материала, но и на развитие ментальных и психических процессов и операций.

Итак, мы описали только фрагмент методики по предотвращению проблемы ЛДП при обучении студентов-лингвистов. Данная модель была нами апробирована

в рамках опытно-экспериментального обучения студентов-переводчиков в экспериментальной группе.

В то же время нельзя оставить без внимания важную образовательную тенденцию нашего времени – применение инновационных технологий как способа реализации целей профессионального языкового образования, которые «будут способствовать приходу новых технологий обучения, а также установлению факторов, которые делают востребованными технологизацию процесса обучения иноязычному общению, и выявлению организационно-методических условий, способствующих повышению технологичности этого процесса» [1. С. 107]. Взяв за основу это утверждение, мы параллельно разработали подобный комплекс упражнений в программной системе E-lang [36], которая является оптимальным современным ресурсом при обучении студентов-лингвистов. Ее преимущество заключается в том, что она повышает интерес и мотивирует студентов на дальнейшее совершенствование практики перевода. Как показывает наш опыт, система E-lang имеет большой потенциал – она располагает комплексом упражнений по дриллингу, который включает более 10 типов заданий, направленных на самостоятельную работу по развитию навыков перевода и преодоления проблемы ЛДП (рис. 1).

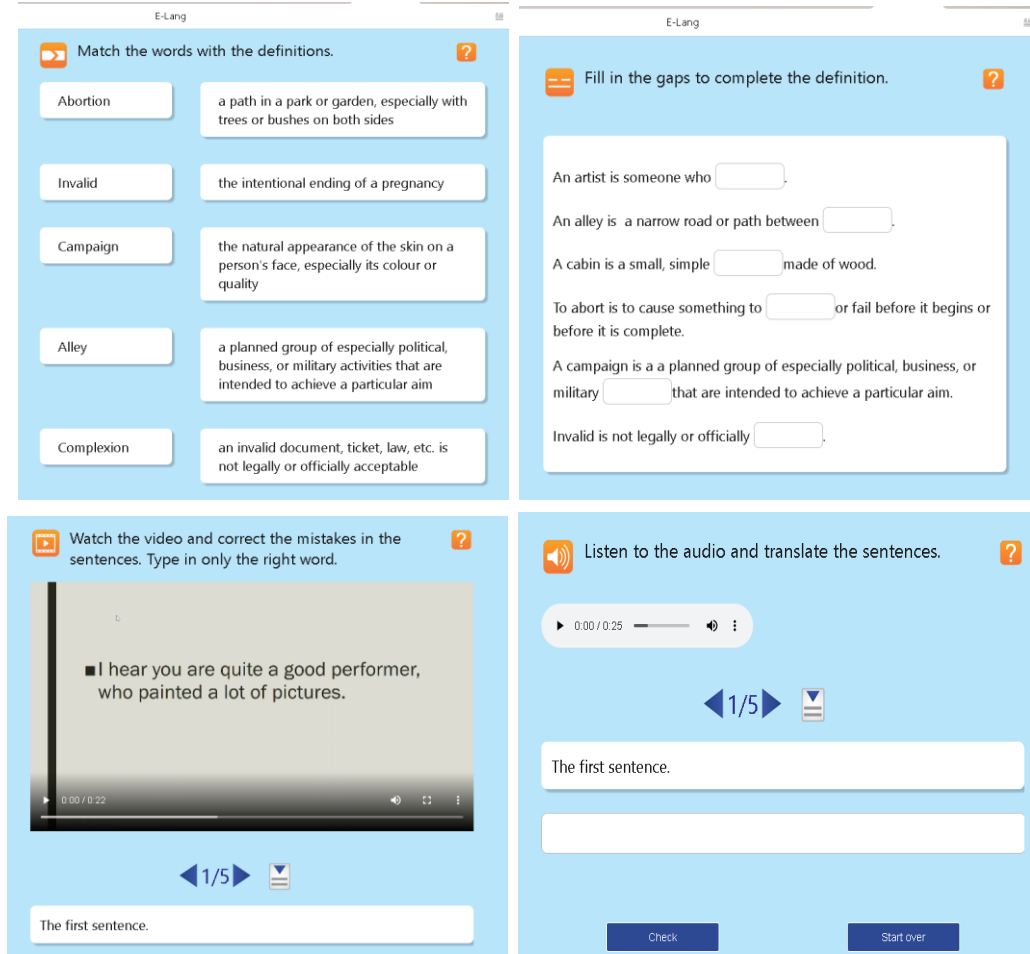

Рис. 1. Типы упражнений и заданий на развитие навыков перевода и предотвращения проблемы ЛДП в программной системе E-lang

Выполнив самостоятельно комплект заданий блока «False Friends of the Translator» в системе E-lang, студенты успешно запоминают слова – ЛДП, а также их значения, сочетаемость и грамматические конструкции с их использованием. Кроме того, проделанная работа в этой системе способствует правильному употреблению данных слов в разных контекстах, расширяет словарный запас студента и гарантирует выполнение корректного перевода.

На оценочном этапе студентам обеих групп – контрольной и экспериментальной – повторно были даны 50 предложений с теми же словами из категории ЛДП. На перевод 25 предложений с русского на английский и 25 – с английского на русский отводилось по 60 минут в разные дни. Напомним, что на процессуальном этапе только в экспериментальной группе была апробирована модель обучения по преодолению проблемы ЛДП. Результаты перевода после опытно-экспериментального обучения представлены в табл. 4.

В табл. 4 представлены варианты передачи значений слов категории ЛДП и результаты эксперимента по переводу предложений с русского на английский язык в процентном соотношении. Самый частый вариант передачи значений таких слов в контрольной группе связан непосредственно с проблемой ЛДП. На второй позиции – эквивалентный перевод, на третьем месте оказались неправильные переводы (не связанные с проблемой ЛДП). Далее по нисходящей идет отсутствие пере-

вода слова или всего предложения, затем следует перевод, частично отражающий семантику заданного слова. Наименее частотны переводы с синонимом или синонимической заменой и вариант трансформации предложений с приемлемой передачей содержания.

В экспериментальной группе наибольший процент занял эквивалентный перевод, затем следуют непосредственно слова – ЛДП. На третьей позиции – неправильный перевод, затем идет отсутствие перевода слов – ЛДП или всего предложения. Далее по убывающей следует синонимичная замена, частичная передача значения и наименьший процент занимает трансформация предложений с положительным решением.

Далее остановимся на результатах оценочного этапа, а именно на данных по переводу предложений с английского на русский язык после опытно-экспериментального обучения (табл. 5).

В заключение представим результаты сравнения данных опытно-экспериментального обучения по экспериментальной и контрольной группам (табл. 6).

Как показывают результаты опытно-экспериментального обучения по преодолению проблемы ЛДП у студентов-лингвистов, разработанная нами модель обучения является вполне эффективной и позволяет учащимся легче обнаруживать, понимать и переводить тексты, содержащие слова категории ЛДП. Кроме того, она строго ориентирована на формирование лингвистической, лексической, переводческой и профессиональных компетенций у будущих специалистов по переводу.

Таблица 4

Результаты оценочного этапа опытно-экспериментального обучения:
перевод предложений со словами – ЛДП с русского на английский язык в контрольной и экспериментальной группах

Варианты передачи значений слов – ЛДП с русского на английский язык	Непосредственно слова – ЛДП	Эквиваленты слов – ЛДП	Синонимы или синонимичные замены слов – ЛДП	Трансформация предложений с положительным результатом	Частичная передача значений слов – ЛДП	Отсутствие перевода слов – ЛДП или всего предложения	Неправильный перевод слов – ЛДП	Группы студентов: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ)
Соотношение (всего 25 предложений), %	31	22,5	4	2	5	16	19,5	КГ
	30,5	22	6	2	5	15,5	19	ЭГ

Таблица 5

Результаты оценочного этапа опытно-экспериментального обучения:
перевод предложений со словами – ЛДП с английского на русский язык в контрольной и экспериментальной группах

Варианты передачи значений слов – ЛДП с английского на русский язык	Непосредственно слова – ЛДП	Эквиваленты слов – ЛДП	Синонимы или синонимичные замены слов – ЛДП	Трансформация предложений с положительным результатом	Частичная передача значений слов – ЛДП	Отсутствие перевода слов – ЛДП или всего предложения	Неправильный перевод слов – ЛДП	Группы студентов: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ)
Соотношение (всего 25 предложений), %	26	17	4	1	7	29	16	КГ
	25	16,5	4,5	1	6	32	15	ЭГ

Данные сравнения предварительного и процессуального этапов эксперимента в контрольной и экспериментальной группах на оценочном этапе эксперимента, %

№	Варианты передачи значений слов – ЛДП	Направление перевода: Русский ↔ Английский	Контрольная группа			Экспериментальная группа		
			Результаты предварительного этапа	Результаты оценочного этапа	Показатель роста	Результаты предварительного этапа	Результаты оценочного этапа	Показатель роста
1	ЛДП	Рус.→англ.	31	29	-2	30,5	16	-14,5
		Англ.→рус.	26	26	0	25	17	-8
2	Эквивалентный перевод	Рус.→англ.	22,5	23	+0,5	22	51	+29
		Англ.→рус.	17	26	+9	16,5	52	+35,5
3	Синонимическая замена	Рус.→англ.	4	5	+1	6	6	0
		Англ.→рус.	4	4	0	4,5	6	+1,5
4	Трансформация предложения	Рус.→англ.	2	2	0	2	1	-1
		Англ.→рус.	1	1	0	1	0	-1
5	Частичная передача значения	Рус.→англ.	5	7	+2	5	2	-3
		Англ.→рус.	7	5	-2	6	7	+1
6	Отсутствие перевода	Рус.→англ.	16	15	-1	15,5	8	-7,5
		Англ.→рус.	29	23	-6	32	13	-19
7	Неправильный перевод	Рус.→англ.	19,5	19	-0,5	19	16	-3
		Англ.→рус.	16	15	-1	1,5	5	-8,5

Заключение

Процесс опытно-экспериментального обучения по преодолению проблемы ЛДП с целью практического использования и верификации модели, разработанной для студентов направления 45.03.02 «Лингвистика», выявил положительную динамику развития профессиональных (языковых, переводческих и др.) и когнитивных (речемыслительных, рефлексивных, творческих и т.д.) компетенций у студентов экспериментальной группы.

В ходе применения одного блока разработанной нами модели, или совокупности учебных действий, направленных на достижение поставленной методической задачи, на основе интеграции системного, контрастивного и коммуникативно-когнитивного подходов, была доказана ее эффективность. Организация учебного процесса в соответствии с этими принципами позволила достичь весьма высокого уровня понимания студентами-лингвистами проблемы ЛДП посредством формирования лексических навыков и навыков перевода.

По результатам проведенного эксперимента заметна успешность применения данной модели обуче-

ния, реализуемой посредством четкой этапизации работы, отражающей последовательное решение поставленных задач. Для достижения цели обучения по преодолению проблемы ЛДП на первом этапе студентам даются теоретические основы, затем они выполняют разного типа упражнения и задания, тем самым закрепляя свои знания. Обучение завершает выполнение перевода слов – ЛДП в разных контекстах. Таким образом, была доказана целесообразность интегративного подхода по предотвращению проблемы ЛДП, создана и описана сама модель с комплексом заданий и упражнений, а также проведена опытно-экспериментальная работа, которая верифицировала данную модель обучения в процессе профессиональной подготовки студентов-лингвистов.

Следовательно, гипотеза исследования, по которой модель обучения с применением интегративного подхода является эффективной в формировании ключевых переводческих компетентностей у студентов-лингвистов и развитии их навыков и умений работы по преодолению проблемы ЛДП в рамках получения профессионального языкового образования, была успешно доказана.

Список источников

1. Викулина М.А., Обдалова О.А. Технологии как способ реализации целей иноязычного образования в высшей школе // Язык и культура. 2017. № 38. С. 171–189. doi: 10.17223/19996195/38/12
2. Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». Портал переводчиков. URL: <https://web-3.ru/translations/freebooks/books/review/akulenko/> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Алимов В.В. Интерференция в переводе. М.: URSS, Ком; Книга, 2005. 232 с.
4. Борисова Л.И. Ложные друзья переводчика. М., 2002. 212 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007. 544 с.
6. Желнова Е.С. Подходы к изучению межязыковой интерференции в работах отечественных и зарубежных ученых // Цифровая наука. 2020. № 9. С. 59–73.
7. Мальцева О.Н., Монашева Ю.А. Проблема «мнимых друзей переводчика» в межкультурной коммуникации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 1. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1122> (дата обращения: 30.04.2023). doi: 10.17805/trudy.2020.1

8. Протогенова М.Г., Стрижакова М.Г. К вопросу о «ложных друзьях переводчика» как современной проблеме языковедов // Наука и социум: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск : СИПШПИСР, 2020. С. 98–101.
9. Терентьева Д.М. Роль трансформационных операций в решении проблемы межъязыковой асимметрии и переводческие ошибки (на примере английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 4. С. 1320–1324.
10. Krikunov I.S. False Friends Semantic and Historical-Linguistic Systematics // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12, № 5. С. 120–124.
11. Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs. Paris : Librairie Vuibert, 1928. 387 p.
12. Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. Oxford : Oxford University Press, 1994. vii + 824 p.
13. Grosjean F. An attempt to isolate, and then differentiate, transfer and interference // International Journal of Bilingualism. 2011. Vol. 16 (1). P. 11–21.
14. Xia L., Bak T., Sorace A., Vega-Mendoza M. Interference suppression in bilingualism: Stimulus-Stimulus vs. Stimulus-Response conflict // Bilingualism: Language and Cognition. 2022. Vol. 25 (2). P. 256–268. doi: 10.1017/S1366728921000304
15. Лекомцева И.А., Куралева Т.В. Межъязыковая асимметрия в переводе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 1 (22). С. 101–105.
16. Лешканова Е.О., Поршнева Е.Р. Проблема типологии профессионального билингвизма переводчиков // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 130–141.
17. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. Киев : Вища школа, 1979. 263 с.
18. Jafarova K.A. Language contacts as one of the forms of realization of bilingualism and interference // Universidad y Sociedad. 2022. Vol. 14, № 3. P. 94–101.
19. Auer P. Language contact. Pragmatic factor // The Routledge Handbook of Language Contact. 2020. P. 147–167.
20. Koptleuova K., Khairzhanova A., Jumagaliyeva U., Baiseuova G., Kurmangaliyeva A. Contrastive analysis of cross-linguistic interference of trilingual oil workers // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2022. Vol. 8 (1). P. 13–27.
21. Щерба Л.В. О троице аспекте языковых явлений и об эксперименте в ЯЗЫКОЗНАНИИ // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
22. Мишланова С.Л., Хрусталева М.А. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. 200 с.
23. Сидорова А.А. Стратегии определения и преодоления лексической интерференции при изучении иностранных языков в языковом вузе // Державинский форум. Тамбовский госуниверситет. 2022. Vol. 6, № 4. С. 631–638.
24. Багана Ж. Основы теории межкультурной коммуникации. М. : ФЛИНТА, 2017. 308 с.
25. Закирьянов К.З. Двухязычие и интерференция. Уфа : БГУ, 1984. 81 с.
26. Платонов А.М., Тарасюк Н.А. Основные теоретические положения методики преодоления интерференции в процессе обучения переводу студентов по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика профиль подготовки Теория и методика перевода // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 2 (54). С. 191–194.
27. Бороздина Н.А. Методика преодоления интерференции при изучении предлогов немецкого языка как второго иностранного после английского : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2021. 154 с.
28. Платонов А.М., Тарасюк Н.А. Теоретическая модель обучения преодолению межъязыковой интерференции студентами по направлению Лингвистика 45.03.02. Теория и методика перевода // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 1 (57). С. 169–175.
29. Гарбовский Н.К. Лекция 16: Системный подход к изучению перевода. URL: <https://medium.com/лекции/н-к-гарбовский-лекция-16-системный-подход-к-изучению-перевода-f2f08002263> (дата обращения: 30.04.2023).
30. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (бакалавриат), направление подготовки 45.03.02 Лингвистика: утвержден Приказом Министерства Образования РФ от 12.08.2020 г. № 969. URL: https://fgosvo.ru/upload-files/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
31. Рабочая программа учебной дисциплины «Практический курс перевода первого иностранного языка»: утверждена на совете факультета гуманитарного образования, протокол № 5 от 21.06.2018 / сост.: М.А. Ивлева, Е.А. Мелехина. Новосибирск : НГТУ, 2018. 21 с.
32. Cambridge Dictionary. English Dictionary. Translations and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 30.04.2023).
33. Dictionary by Meriam-Webster: America's most trusted online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 30.04.2023).
34. Meanings and definition of English words. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 30.04.2023).
35. Примеры и способы перевода «Ложных друзей переводчика» // Studbooks.net https://studbooks.net/836437/literatura/pri-mer-y_sposoby_perevoda_lozhnyh_druzey_perevodchika/ (дата обращения: 30.04.2023).
36. E-lang – система онлайн-курсов для изучения иностранных языков. Обучение иностранным языкам // Новосибирский государственный технический университет – НЭТИ. URL: <https://elang.nstu.ru/?lang=2> (дата обращения: 30.04.2023).

References

1. Vikulina, M.A. & Obdaldova, O.A. (2017) Technologies as powerful means for realizing foreign language educational objectives at the university level. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 38. pp. 171–189. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/38/12
2. Akulenko, V.V. (n.d.) O “lozhnykh druz'yakh perevodchika” [About the “false friends of the translator”]. WEB 3.0. [Online] Available from: <https://web-3.ru/translations/freebooks/books/review/akulenko/> (Accessed: 30.04.2023).
3. Alimov, V.V. (2005) *Interferentsiya v perevode* [Interference in Translation]. Moscow: URSS, KomKniga.
4. Borisova, L.I. (2002) *Lozhnye druz'ya perevodchika* [False Friends of the Translator]. Moscow: NVI-Tezaurus.
5. Garbovskiy, N.K. (2007) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: R.Valent.
6. Zhelnova, E.S. (2020) Podkhody k izucheniyu mezh'yazykovoy interferentsii v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [Approaches to the study of interlingual interference in the works of domestic and foreign scientists]. *Tsifrovaya nauka*. 9. pp. 59–73.
7. Mal'tseva, O.N. & Monasheva, Yu.A. (2020) Problema “mnimyykh druzey perevodchika” v mezhkul'turnoy kommunikatsii [The problem of “false friends of the translator” in intercultural communication]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 1. [Online] Available from: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1122> (Accessed: 30.04.2023). doi: 10.17805/trudy.2020.1
8. Protogenova, M.G. & Strizhakova, M.G. (2020) [On the issue of “false friends of the translator” as a modern problem for linguists]. *Nauka i sotsium* [Science and Society]. Proceedings of the 15th All-Russian Conference. Novosibirsk. 2 December 2020. Novosibirsk: ANO DPO “SIPPPISR”. pp. 98–101. (In Russian).
9. Terent'eva, D.M. (2021) Rol' transformatsionnykh operatsiy v reshenii problemy mezh'yazykovoy asimmetrii i perevodcheskie oshibki (na primere angliyskogo yazyka) [The role of transformation operations in solving the problem of interlingual asymmetry and translation errors (using the example of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 4 (14). pp. 1320–1324.
10. Krikunov, I.S. (2022) False Friends Semantic and Historical-Linguistic Systematics. *Original'nye issledovaniya*. 5 (12). pp. 120–124.
11. Koessler, M. & Derocquigny, J. (1928) *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs*. Paris: Librairie Vuibert.
12. Ellis, R. (1994) *The Study of Second Language Acquisition*. Oxford: Oxford University Press.
13. Grosjean, F. (2011) An attempt to isolate, and then differentiate, transfer and interference. *International Journal of Bilingualism*. 16 (1). pp. 11–21.
14. Xia, L. et al. (2022) Interference suppression in bilingualism: Stimulus-Stimulus vs. Stimulus-Response conflict. *Bilingualism: Language and Cognition*. 25 (2). pp. 256–268. doi: 10.1017/S1366728921000304

15. Lekomtseva, I.A. & Kuraleva, T.V. (2018) Mezhtsazykovaya asimmetriya v perevode [Interlingual asymmetry in translation]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 1 (22). pp. 101–105.
16. Leshkanova, E.O. & Porshneva, E.R. (2022) Problema tipologii professional'nogo bilingvizma perevodchikov [The problem of the typology of professional bilingualism of translators]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 3. pp. 130–141.
17. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyaniye i problemy issledovaniya* [Languages in Contact: Findings and Problems]. Translated from English by Yu.A. Zhluktenko. Kiev: Vishcha shk.
18. Jafarova, K.A. (2022) Language contacts as one of the forms of realization of bilingualism and interference. *Universidad y Sociedad*. 3 (14). pp. 94–101.
19. Auer, P. (2020) Language contact. Pragmatic factor. *The Routledge Handbook of Language Contact*. pp. 147–167.
20. Kopteueva, K. et al. (2022) Contrastive analysis of cross-linguistic interference of trilingual oil workers. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 8 (1). pp. 13–27.
21. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka. pp. 24–39.
22. Mishlanova, S.L. & Khrustaleva, M.A. (2009) *Interferentsiya: kognitivno-diskursivnyy analiz sinonimii* [Interference: Cognitive-discourse analysis of synonymy]. Perm: Perm State University.
23. Sidorova, A.A. (2022) Strategii opredeleniya i preodoleniya leksicheskoy interferentsii pri izuchenii inostrannykh yazykov v yazykovom vuze [Strategies for determining and overcoming lexical interference in the study of foreign languages at a language university]. *Derzhavinskiy forum. Tambovskiy gosuniversitet*. 4 (6). pp. 631–638.
24. Bagana, Zh. (2017) *Osnovy teorii mezhdul'turnoy kommunikatsii* [Fundamentals of the Theory of Intercultural Communication]. Moscow: FLINTA.
25. Zakir'yanov, K.Z. (1984) *Dvuyazychie i interferentsiya* [Bilingualism and Interference]. Ufa: Bashkir State University.
26. Platonov, A.M. & Tarasyuk, N.A. (2020) Osnovnye teoreticheskie polozheniya metodiki preodoleniya interferentsii v protsesse obucheniya perevodu studentov po napravleniyu podgotovki 45.03.02 Lingvistika profil' podgotovki Teoriya i metodika perevoda [Basic theoretical principles of the methodology for overcoming interference in the process of teaching translation to students in the field of study 45.03.02 Linguistics, profile of training Theory and methodology of translation]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (54). pp. 191–194.
27. Borozdina, N.A. (2021) *Metodika preodoleniya interferentsii pri izuchenii predlogov nemetskogo yazyka kak vtorogo inostrannogo posle angliyskogo* [Methodology for overcoming interference when studying prepositions of German as a second foreign language after English]. Philology Cand. Diss. Kursk.
28. Platonov, A.M. & Tarasyuk, N.A. (2021) Teoreticheskaya model' obucheniya preodoleniyu mezh'tsazykovoy interferentsii studentami po napravleniyu Lingvistika 45.03.02. Teoriya i metodika perevoda [Theoretical model of teaching students to overcome interlingual interference in the field of Linguistics 45.03.02. Theory and methodology of translation]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (57). pp. 169–175.
29. Garbovskiy, N.K. (n.d.) Lektsiya 16: Sistemnyy podkhod k izucheniyu perevoda [Lecture 16: A systematic approach to the study of translation]. *Medium*. [Online] Available from: <https://medium.com/lektsii/n-k-garbovskiy-lektsiya-16-sistemnyy-podkhod-k-izucheniyu-perevoda-f2f08002263> (Accessed: 30.04.2023).
30. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2020) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya (bakalavriat), napravlenie podgotovki 45.03.02 Lingvistika: utverzhen Prikazom Ministerstva Obrazovaniya RF ot 12.08.2020 g. № 969* [Federal state educational standard of higher education (bachelor's degree), domain of study 45.03.02 Linguistics: approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 969 of August 12, 2020]. [Online] Available from: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf (Accessed: 30.04.2023).
31. Ivleva, M.A. & Melekina, E.A. (eds) (2018) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Prakticheskiy kurs perevoda pervogo inostrannogo yazyka": utverzhdena na soвете fakul'teta gumanitarnogo obrazovaniya, protokol № 5 ot 21.06.2018* [Work programme of the academic discipline "Practical course in translating the first foreign language": approved by the council of the Faculty of Humanitarian Education, protocol No. 5 of 21 June, 2018]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
32. Cambridge Dictionary. (n.d.) *English Dictionary. Translations and Thesaurus*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 30.04.2023).
33. Merriam-Webster: America's most trusted online dictionary. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 30.04.2023).
34. Dictionary.com. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.dictionary.com/> (Accessed: 30.04.2023).
35. Studbooks.net. (n.d.) Primery i sposoby perevoda "Lozhnykh družey perevodchika" [Examples and methods of translation of "The Translator's False Friends"]. *Studbooks.net*. [Online] Available from https://studbooks.net/836437/literatura/primery_sposoby_perevoda_lozhnykh_druzey_perevodchika/ (Accessed: 30.04.2023).
36. Novosibirsk State Technical University (NETI). (n.d.) *E-lang – sistema onlayn-kursov dlya izucheniya inostrannykh yazykov. Obucheniye inostrannym yazykam* [E-lang – a system of online courses for learning foreign languages. Teaching foreign languages]. [Online] Available from: <https://elang.nstu.ru/?lang=2> (Accessed: 30.04.2023).

Информация об авторах:

Влавацкая М.В. – д-р. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: vlavackaya@corp.nstu.ru / vlavatskaya@list.ru; ORCID: 0000-0001-5619-9416

Дмитриенко Е.В. – аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: dmitrienko.2016@corp.nstu.ru / lizadmtr99@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6940-1505

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Vlavatskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vlavackaya@corp.nstu.ru / vlavatskaya@list.ru; ORCID: 0000-0001-5619-9416

E.V. Dmitrienko, postgraduate student, lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dmitrienko.2016@corp.nstu.ru / lizadmtr99@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6940-1505

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 01.05.2023;
approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/497/19

Разработка инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс»

Юлия Александровна Нелюбина¹

¹ Шаньдунский педагогический университета, Цзинань, КНР, gerbera7489@mail.ru

Аннотация. Представлена авторская разработка инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс», соответствующая современным требованиям дистанционного формата и отвечающая потребностям взрослых, изучающих китайский язык в условиях отсутствия языковой среды. Предлагаемая модель обучения нацелена на активную включенность взрослых в процесс обучения и развитие их самостоятельности, ответственности и рефлексии, позволяющая более эффективно управлять своим обучением, адаптироваться к дистанционной форме и преодолевать ограничения, вызванные отсутствием языковой среды.

Ключевые слова: интенсивное обучение, иностранный язык, китайский язык, обучение взрослых, перевернутый класс

Для цитирования: Нелюбина Ю.А. Разработка инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 183–192. doi: 10.17223/15617793/497/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/19

Development of an innovative model of teaching Chinese to adults in intensive courses using the “flipped classroom” technology

Iulia A. Neliubina¹

¹ Shandong Normal University, Jinan, China, gerbera7489@mail.ru

Abstract. The article substantiates the importance of short-term Chinese language training through intensive courses in the context of the rapidly changing world situation and relations with China. The author emphasizes that this type of education is becoming more and more in demand in Russian society, since it provides a rapid and effective mastery of the Chinese language and the achievement of the desired results in adults. In order to develop an innovative model of teaching intensive Chinese language courses for adult Russians on the basis of a “flipped classroom”, the available applied research results in the field of the theory of personality-oriented education are used, taking into account the needs, interests and individual characteristics of the student. The article focuses on modern methods used in intensive courses that contribute to accelerated learning. These methods are focused on intensive practical application of the language, development of communication skills, and active involvement of students in the educational process. The novelty of the learning model lies in the focus on the active involvement of students in their own learning process and the development of their independence, responsibility and reflection, which will allow them to manage their learning more effectively, adapt to distance learning, and overcome the limitations of the absence of a language environment. As a result, students can achieve desired results in a shorter time. For a successful implementation of the model of teaching intensive Chinese language courses for adult learners on the basis of a “flipped classroom”, the author identifies and substantiates the main interrelated blocks (analytical, substantive, functional, and evaluative), as well as the criteria for its evaluation (the level of language competence, the level of Chinese language proficiency depending on speech activity (reading, listening, writing and conversational skills), the level of proficiency in some aspects of the Chinese language (grammar, vocabulary, phonetics)). The results of the analysis of the learning process at intensive Chinese language courses for adult Russians based on the “flipped classroom” learning model indicate a high pedagogical effect. The students were able to master the elementary level of the Chinese language, sufficient for oral communication in this language in their professional activities. In conclusion, the article discusses the prospects for research in the field of designing models of teaching at intensive Chinese language courses for adults and replenishing the database with educational and didactic materials.

Keywords: intensive learning, foreign language, Chinese, adult education, flipped classroom

For citation: Neliubina, Iu.A. (2023) Development of an innovative model of teaching Chinese to adults in intensive courses using the “flipped classroom” technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 183–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/19

Введение

В последние годы Россия и Китай укрепляют свои отношения во многих областях, таких как политика, экономика, культура и туризм. Изучение китайского языка становится всё более актуальным для российских граждан в связи с развитием сотрудничества между двумя странами. Кроме того, в последнее время наблюдается рост числа китайских туристов в России, что создает дополнительный спрос на переводчиков и гидов, владеющих китайским языком. В связи с этим изучение китайского языка может быть полезным как для личного развития, так и для развития профессиональных навыков и карьерного роста.

Однако изменения в образовательном векторе, вызванные процессом «дигитализации» и распространением коронавирусной инфекции (2019-nCoV) [1. С. 2], требуют новых подходов к обучению китайскому языку, ориентированных на развитие практических навыков у обучающихся, в том числе методов, способных противостоять негативным социокультурным и образовательным тенденциям и релевантной организации учебных занятий, которая бы учитывала часы аудиторной нагрузки и результаты освоения дисциплины. Речь идёт не только о школьниках и студентах, но и о взрослых специалистах, нуждающихся в изучении китайского языка для эффективной работы в различных областях, связанных с Китаем, например в бизнесе, туризме, научных исследованиях и т.д. Кроме того, китайский язык становится все более востребованным в мире, и его знание может стать значимым конкурентным преимуществом на рынке труда.

В этой ситуации организация процесса обучения китайскому языку предполагает не только передачу теоретических знаний, но также активное вовлечение обучающихся в общение на языке, развитие навыков понимания на слух, устной речи и письма для эффективного использования языка в профессиональной деятельности. Для этого необходимы современные методы обучения, включая использование интерактивных учебных материалов, коммуникативных заданий и игр, а также практикумов, обеспечивающих аутентичную коммуникацию с носителями языка. Также важно, чтобы обучающиеся осознавали собственные цели в изучении китайского языка, понимали важность развития навыков общения на иностранном языке в современном мире и мотивировались на достижение поставленных целей.

Китайский язык привлекает внимание своей уникальной письменностью, включающей иероглифы, и тонкостями тональной системы, что вызывает среди изучающих интерес и признается как фактор, делающий его одним из языков, требующих дополнительных усилий и времени для освоения. Утверждение о том, что китайский язык считается одним из самых сложных, часто высказывается людьми, изучающими или преподающими язык, а также носителями других языков, которые решаются на изучение китайского. Однако общепринятой точки зрения, согласно лингвистическим исследованиям [2, 3], нет, так как сложность языка воспринимается субъективно. При сравнении с другими языками

сложность может восприниматься по-разному. Например, для носителей языков с алфавитом, китайский с иероглифами может показаться сложным, в то время как для носителей других языков, таких как японский или вьетнамский, которые также используют иероглифы, некоторые аспекты могут быть более знакомыми. Китайский язык отличается от европейских языков в своей фонетике и грамматике. Китайский язык является тоновым языком, то есть значение слова может меняться в зависимости от тона, в котором оно произносится. В связи с чем у обучающихся, не имеющих опыта в изучении тоновых языков, могут возникать трудности. Кроме того, китайская письменность основана на иероглифах, которые не имеют никакого сходства с латинским алфавитом. Для изучения китайской письменности необходимо запоминать большое количество иероглифов и их сочетаний. В-третьих, в китайском языке отсутствует флексивность, характерная для многих европейских языков. Это означает, что в китайском языке отсутствуют грамматические формы слов, изменяющиеся в соответствии с числом, родом или временем, как, например, в английском или французском. В-четвертых, существует культурная особенность, что важно учитывать при преподавании китайского языка. Китайский язык тесно связан с китайской культурой, и понимание культурных контекстов может быть ключевым аспектом успешного обучения. Кроме того, изучение китайского языка может быть затруднено из-за отсутствия доступа к качественным учебным материалам и недостаточной практики общения с носителями языка [4. С. 243].

Стоит отметить, что в условиях быстро меняющейся ситуации на мировой арене, включая экономические и культурные связи с Китаем, наиболее востребованным и отвечающим запросам общества становится краткосрочное обучение китайскому языку посредством интенсивных курсов, основанных на современных технологиях обучения, обеспечивающих быстрое и эффективное овладение иностранным языком и достижение желаемых результатов [5. С. 22].

В силу указанных обстоятельств модель обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» приобретает особенную актуальность и востребованность. Такая модель обеспечивает эффективное обучение, адаптированное к особенностям взрослых обучающихся, в условиях ограниченного времени и необходимости освоения значительного объема учебного материала.

Методология исследования

С педагогической точки зрения разрабатываемая модель обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» строится с использованием научно-обоснованной теории личностно-ориентированного образования (У. Джеймс, А. Маслоу, К. Роджерс, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, А.В. Хуторский, И.С. Якиманская и др.), базирующейся на принципах личностного развития и индивидуализации обучения с учетом потребностей, интересов и

индивидуальных особенностей каждого обучающегося. Основные аспекты личностно-ориентированного обучения включают:

- индивидуализацию: учет индивидуальных особенностей каждого обучающегося, таких как стиль обучения, темп усвоения материала, уровень подготовки и интересы;
- активное участие: стимулирование активного участия обучающихся в учебном процессе, включая обсуждение, коллективное решение задач, проектную деятельность и другие формы сотрудничества;
- самостоятельность и ответственность: поддержку развития у обучающихся навыков самостоятельного обучения, саморегуляции и ответственности за свой учебный процесс;
- контекстуальность: учет контекста обучения, включая социокультурные и социально-экономические аспекты, которые могут влиять на образовательный процесс;
- личностный рост и развитие: признание образования как средства для личностного роста и развития, а не только для получения знаний и навыков.

Цель личностно-ориентированного обучения заключается в том, чтобы поддержать разнообразные потребности и способности обучающихся, помочь им стать активными, целеустремленными и компетентными личностями. Интенсификацию обучения, в свою очередь, предполагает более глубокое и концентрированное освоение учебного материала за более короткий период времени посредством разнообразных методов и технологий, которые могут быть успешно применены в различных образовательных сценариях при изучении иностранного языка. Это может включать в себя интенсивные уроки, практику в условиях реального общения, а также вовлечение обучающихся в активные формы обучения, такие как обсуждения, ролевые игры и проектные работы.

В контексте обучения на интенсивных курсах китайского языка для взрослых образовательная технология «перевернутый класс», известная в иноязычной литературе как «flipped learning» (Дж. Бергман, А. Сэмс), основанная на андрагогических принципах [6], предоставляет уникальные возможности для максимально эффективного обучения в дистанционном формате, в условиях ограниченного времени и значительных объемов учебного материала.

Суть технологии заключается в изменении традиционного порядка получения знаний и их применения на практике. Учебный материал предоставляется обучающимся для изучения дома до занятия, а время в классе используется для обсуждения, углубленного анализа и практического применения полученных знаний. Обучающиеся получают доступ к видеолекциям, текстам или другим учебным ресурсам вне аудиторного времени, что позволяет им изучать материал в собственном темпе. Затем на занятии под руководством преподавателя обсуждаются вопросы, выполняются упражнения и проекты, направленные на более глубокое понимание и применение учебного материала. Такой подход призван активизировать занятия, сделать их более интерактивными и нацеленными на

развитие критического мышления обучающихся. Вместо того чтобы просто слушать лекции в классе, обучающиеся более активно участвуют в учебном процессе, обсуждают темы, решают задачи и применяют полученные знания на практике [7].

Технология «перевернутый класс» характеризуется как средство, способствующее повышению методологической культуры учащихся, и видится как инструмент, способствующий развитию у обучающихся навыков и методов работы с информацией, а также улучшению процесса усвоения знаний [8. С. 202]. При этом отмечается, что в условиях информатизации и доступа студентов к самостоятельному поиску информации технология «перевернутый класс» позволяет более эффективно использовать традиционное учебное время. Студенты получают возможность изучать теоретический материал самостоятельно в подходящих для них времени и месте [9. С. 85].

Стоит отметить, что технология «перевернутый класс» давно завоевала прочные позиции в классической методике преподавания иностранного языка благодаря своим неоспоримым преимуществам [10]. Некоторые исследования [11, 12] подтверждают эффективность «перевернутого класса» в обучении иностранным языкам. Кроме того, данная технология обучения активно используется в современном образовании, включая онлайн-курсы и дистанционное обучение [13]. Это связано с тем, что «перевернутый класс» позволяет преподавателям более эффективно использовать время на занятиях, улучшить качество обучения и увеличить количество времени, которое обучающиеся могут потратить на практические упражнения.

В силу указанных объективных причин, объединив преимущества методов интенсивного обучения иностранным языкам и технологии обучения «перевернутый класс», в данной статье представлена авторская разработка инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием указанной технологии, соответствующая современным требованиям дистанционного формата и отвечающая потребностям взрослых, изучающих китайский язык в условиях отсутствия языковой среды. Модель обучения нацелена на активную включенность взрослых в собственный процесс обучения и развитие их самостоятельности, ответственности и рефлексии, позволяющие более эффективно управлять своим обучением, адаптироваться к дистанционной форме и преодолевать ограничения отсутствия языковой среды.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно государственным стандартам в области образования Российской Федерации, цели преподавания иностранного языка можно разделить на развитие и просвещение, а также формирование и развитие иноязычной компетенции. Учитывая тот факт, что разрабатываемый интенсивный курс китайского языка ориентирован на взрослых россиян, которые уже имеют базовое образование, формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) играет ведущую роль в обучении китайскому языку.

Иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой многогранное понятие, включающее различные аспекты, необходимые для эффективного общения на иностранном языке. По мнению отечественных исследователей (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Р.П. Мильруд, В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова и др.), ИКК представляет собой более чем просто умение говорить на иностранном языке; ИКК включает в себя сложный набор навыков, знаний и умений, необходимых для успешного взаимодействия с носителями языка. Важно отметить, что данное определение выходит за рамки языковых навыков, и некоторыми специалистами подчеркивается важность культурной компетенции и умения эффективно взаимодействовать в различных языковых и культурных средах [14. С. 231].

Некоторые современные исследователи в состав иноязычной коммуникативной компетенции включают не только языковую, речевую и социокультурный компоненты (М. Канале, М. Свейн, Р.П. Мильруд, И.Л. Бим и др.), но также учебный, компенсаторный и самообразовательный (S.J. Savignon, П.В. Сысоев и др.). При этом если первые три компонента связаны непосредственно с изучением и использованием иностранного языка, то в содержании остальных компонентов можно проследить знания, умения и навыки, присущие также информационной и учебной компетенциям. Интеграция этих компонентов представляет собой комплексный и многогранный подход к формированию иноязычной коммуникативной компетенции, который лучше соответствует требованиям современного обучения языкам [15]. На наш взгляд, наиболее полной и функциональной моделью является модель ИКК, предложенная В.В. Сафоновой, которая рассматривает ИКК как уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, который позволяет обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение в зависимости от психологических факторов общения. ИКК объединяет языковую, речевую, социокультурную, включающую социолингвистическую, предметную, общекультурную и лингвистическую компетенции [16. С. 128].

В рамках нашего исследования интенсивный курс китайского языка для взрослых россиян в целом формулируется задачей участия сотрудников саммита ШОС во время его проведения: выполнение профессиональных функций с возможностью использования китайского языка в своей профессиональной деятельности для оказания элементарной помощи гражданам Китая во время саммита ШОС.

Конкретные цели преподавания китайского языка в рамках интенсивного курса должны быть сформулированы достаточно диагностически, т.е. цели должны быть конкретными, критериальными, идентифицируемыми и измеримыми. Такое целеполагание согласуется с таксономией Б. Блума, представляющей собой иерархическую структуру целей обучения, которая помогает определить уровни познавательной деятельности обучающихся и установить ясные критерии их до-

стижения. Каждый уровень таксономии Б. Блума представляет собой более сложные и глубокие формы мышления и понимания, а именно:

1. Знание: обучающиеся должны иметь возможность перечислить основные грамматические правила, лексические единицы и правила чтения в китайском языке в рамках изученных 15 тем.

2. Понимание: обучающиеся должны быть способны объяснить основные грамматические структуры, прочесть и понять основной смысл коротких текстов на китайском языке и выразить свои идеи в устной и письменной форме в рамках уровня владения китайским языком HSK 2.

3. Применение: обучающиеся должны быть в состоянии использовать грамматические структуры и лексику для общения на китайском языке, составлять простые предложения и задавать вопросы в различных ситуациях в рамках изученных 15 тем.

4. Анализ: обучающиеся должны быть способны анализировать и сравнивать различные языковые конструкции, применять правила грамматики и выбирать наиболее подходящие выражения в соответствии с контекстом в рамках уровня владения китайским языком HSK 2.

5. Оценка: обучающиеся должны быть в состоянии оценивать свой собственный прогресс, анализировать свои ошибки и предлагать способы улучшения своих навыков в китайском языке.

6. Синтез: обучающиеся должны быть в состоянии сочетать изученные грамматические структуры и лексику для создания сложных предложений, развивать собственный словарный запас и строить связный текст на китайском языке.

7. Творчество: обучающиеся должны развивать свою творческую способность при использовании китайского языка. Это может включать создание оригинальных выражений и фраз, разработку нестандартных способов использования языка в различных контекстах, а также проявление своей индивидуальности при использовании китайского языка.

Преподаватель может поощрять обучающихся к экспериментированию с языком, предлагать задания и проекты, которые требуют оригинального подхода и предоставляют обучающимся возможность выразить себя на китайском языке.

Поскольку разрабатываемый курс китайского языка является интенсивным, этот уровень должен быть достигнут по окончании трех месяцев.

В соответствии с целью интенсивного курса китайского языка для взрослых по его окончании обучающиеся могут сдать международный экзамен на знание китайского языка второго уровня (HSK 2).

Тест HSK (уровень II) оценивает способности тестируемых в применении повседневного китайского языка. Это аналог уровня II шкалы владения китайским языком для носителей других языков и уровня A2 Общеввропейской системы отсчета (CEF). Тестируемые, которые смогли сдать HSK (уровень II), отлично владеют базовым китайским языком и могут общаться при выполнении элементарных и рутинных задач, требую-

щих простого и прямого обмена информацией по знакомым и обычным вопросам. HSK (уровень II) рассчитан на обучающихся, изучивших китайский язык в течение двух семестров (учебного года), по 2–3 учебных часа в неделю. Обучающиеся освоили 300 часто используемых слов и связанных с ними грамматических моделей.

Кроме того, 300 слов из перечня HSK 2 являются ядерными словами в курсе китайского языка, т.е. входят в активную лексику, которую должен освоить каждый обучающийся, помимо этой лексики в курс включена пассивная лексика, освоение которой не является основной целью обучения, но может стать хорошим подспорьем в индивидуализации обучения, давая возможность освоить китайский язык, несмотря на разницу между более слабыми в языковом отношении обучающимися и обучающимися, которым изучение китайского языка даётся легче.

Основной целевой направленностью инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» является достижение прогнозируемых результатов обучения. Эта модель представляет собой систематический подход, который сочетает различные элементы обучения, такие как использование онлайн-ресурсов, активное взаимодействие обучающихся и преподавателя, самостоятельное изучение материала и практические задания. Каждый элемент модели играет определенную роль и вносит свой вклад в достижение целостного результата. Например, использование онлайн-ресурсов может обеспечить доступ к разнообразным учебным материалам и интерактивным упражнениям, которые помогают обучающимся углубить свои знания и навыки в китайском

языке. Активное взаимодействие обучающихся и преподавателя позволяет обсуждать и разъяснять сложные темы, задавать вопросы и обмениваться идеями. Самостоятельное изучение материала позволяет обучающимся глубже погрузиться в изучение языка и развивать свою самостоятельность и ответственность. Практико-ориентированные задания помогают применять усвоенные знания и навыки в профессиональной деятельности, улучшать грамматику, повышать словарный запас, развивать письмо и устную речь. Все эти элементы взаимодействуют друг с другом, образуя целостную модель, которая способствует эффективному и интенсивному обучению китайскому языку взрослых россиян [17. С. 85].

Содержание обучения включает в себя лингвистический, психологический и методологический компоненты. Лингвистический компонент охватывает языковые аспекты (фонетику, лексику, грамматику), виды речевой деятельности (говорение, чтение, аудирование, письмо) и социокультурный материал. Психологический компонент включает в себя формирование и развитие навыков и умений общения на китайском языке. Методический компонент включает планирование учебной деятельности, выбор средств для решения разных задач, овладение различными стратегиями работы с литературой, справочниками и т.д.; овладение навыками самостоятельной работы и т.д.

В соответствии с вышеизложенным разработанная инновационная модель обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» включает в себя четыре основных взаимосвязанных блока: аналитический, содержательный, функциональный и оценочный (рис.1).

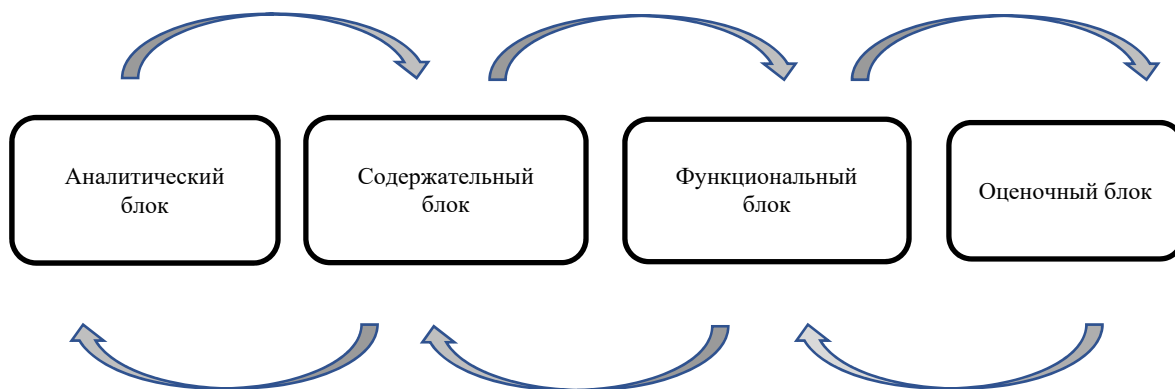

Рис. 1. Структурные блоки инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс»

Аналитический блок имеет решающее значение при создании обучающей модели; он является неотъемлемой частью, без которой нет смысла строить модель. Основной функцией этого блока является предоставление входных данных, на основе которых создается весь курс. Аналитический блок представляет собой набор инструментов для анализа образовательного спроса, потребностей обучающихся, определения их текущего уровня владения китайским языком, мотива-

ции, возможных трудностей и т.д. В этом блоке формулируется цель обучения, определяются его задачи и устанавливаются прогнозируемые результаты обучения. В соответствии с вышеизложенным определяется общее содержание преподавания, намечается план разработки материалов и других учебных ресурсов, а также утверждается учебный план. Согласно разрабатываемой модели обучения, аналитический блок также используется при внедрении модели обучения в курс.

Это становится ресурсом коррекции содержательного, функционального и оценочного блоков.

Содержательный блок представляет собой описание инструментов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), академических публикаций, образовательных ресурсов сети, созданных и отобранных в соответствии с целью обучения. На данном этапе автор курса создает ресурсный банк учебных материалов, средств ИКТ, учебные материалы для реализации «перевернутого класса», разрабатывает дорожную карту курса, приводит содержание курса в соответствие с целью, задачами, системой оценки и результатами; это должно быть достигнуто за определенный промежуток времени. Академические часы отводятся на аудиторную и самостоятельную работу, последняя также подразделяется на предклассную и внеклассную самостоятельную работу; определяется план мониторинга образовательного процесса обучающихся.

В качестве информационной основы для модели обучения на интенсивных курсах китайского языка для взрослых на основе «перевернутого класса» выбрана платформа Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – бесплатная система управления обучением, ориентированная в первую очередь на организацию эффективного взаимодействия между преподавателями и обучающимися.

Функциональный блок состоит из набора функций учителя и ученика, методов, применяемых в процессе интенсивного преподавания китайского языка на основе технологии «перевернутый класс». Функциональный блок описывает перечень требований к преподавателю и обучающемуся с учетом их характеристик и

функций; выбор методов обучения производится на основе лично-ориентированной концепции обучения и «перевернутого класса», а также методов обучения с активным участием обучающихся. При этом учитывается предмет преподавания, китайский язык, а также тип обучения, а именно интенсивный курс.

Оценочный блок состоит из двух важных и взаимосвязанных компонентов: оценки результатов обучения обучающихся и оценки процесса преподавания. Первый компонент включает в себя внедрение контрольно-оценочных мероприятий в процесс обучения взрослых, определение критериев оценки результатов обучения, при этом основную роль играет формирующая оценка; итоговое контрольное мероприятие является обязательным, но не решающим. Второй важный компонент оценочного блока – оценка учебного процесса, т.е. определение эффективности и качества обучения, разработка критериев эффективности учебного процесса. На основе этих данных процесс обучения корректируется каждые две недели курса; в конце курса проводятся опросы и интервью с преподавателями и обучающимися с целью определения общей эффективности данной модели, её сильных и слабых сторон, выбора объекта обучения, мотивации обучающихся и т.д. Из-за наличия второго компонента блока оценки функциональный блок постоянно корректируется, что, в свою очередь, влияет на блок контента. Таким образом, вся система модели становится гибкой и адаптивной.

Внедрение инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» проходит через несколько этапов (рис. 2).

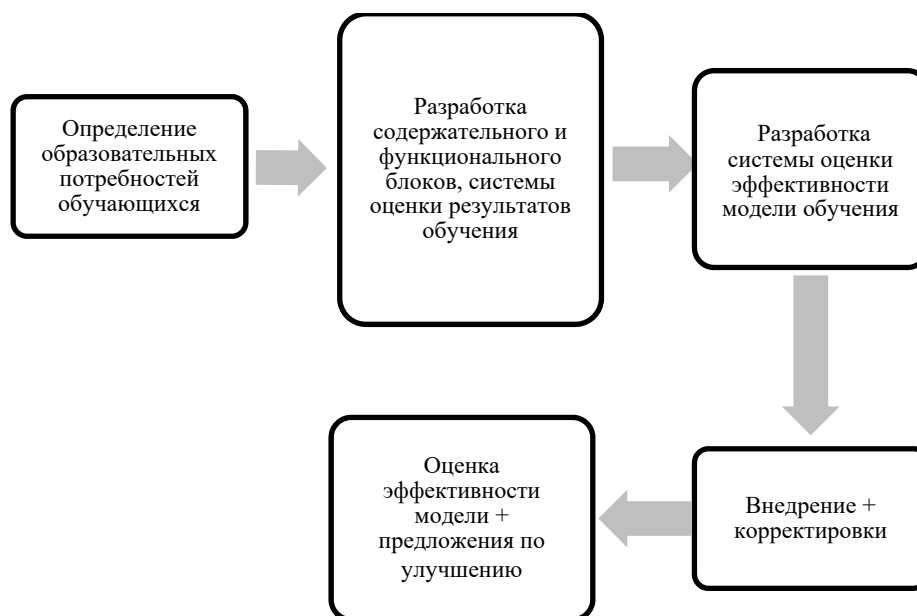

Рис. 2. Схема этапов внедрения инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс»

Первый этап выполняется в соответствии с аналитическим блоком. Преподаватель разрабатывает анкеты для получения базовой информации об обучающихся, а также проводит уточняющие интервью о мотивации и их видении целей курса. Эта информация

становится исходной базой контентного блока и функционального блока. Далее, на втором этапе на основе этой информации разрабатывается ресурсная база и содержание курса в соответствии с общей целью курса и индивидуальными целями обучающихся, насколько

это возможно. Разработана дорожная карта курса, планы занятий с примерным почасовым планированием. Поскольку курс создан на основе *flipped classroom*, распределение содержательной нагрузки становится наиболее важным; мы также должны принимать во внимание аудиторные часы и часы самостоятельной работы, последние из которых, в свою очередь, делятся на предклассные и внеклассные занятия. На этом этапе преподаватель также должен выбрать учебный материал, подходящий для образовательных целей, и принять решение о создании оригинальных материалов, которые являются ключевыми для данного курса и наиболее подходят для организации занятий с использованием *flipped classroom*. Создается ресурсная база и заполняется учебная платформа. Одновременно создается система оценки результатов обучения обучающихся (блок оценки). Основываясь на особенностях перевернутого класса, на этом этапе также определяются и уточняются роли и функции преподавателя и обучающегося. Поскольку мы не можем составить план урока, не зная функций преподавателя и обучающегося, от этого зависит почасовой план. На третьем этапе, когда определяются содержание курса и функциональные роли преподавателя и обучающихся, на первый план выходит блок оценки. Оценочный блок состоит из двух частей. Первая часть, результаты обучения обучающихся, разрабатывается на втором этапе. Вторая часть оценочного блока, оценка эффективности курса, требует создания

соответствующей системы оценки. Четвертый этап – это внедрение оригинальной модели обучения на практике. От этого этапа зависит эффективность модели обучения, поскольку внедрение требует постоянной корректировки в соответствии с аналитическим и оценочным блоками.

Созданная модель должна обладать такими свойствами и компонентами, которые можно легко адаптировать к изменяющимся условиям. Одной из главных особенностей этой модели является гибкость, которая проявляется, когда необходимо внести изменения в учебный процесс в соответствии с реальной текущей ситуацией в обучении взрослых, в случае изменения направления процесса, внутренних или внешних факторов или уточнения цели.

Новизна этой оригинальной модели обучения заключается не только в особенностях организации занятий на интенсивных курсах китайского языка для взрослых, но и, прежде всего, в применении обучающимися постоянного систематического самоанализа и самодиагностики своих достижений, что становится важнейшей частью личностно-ориентированной модели обучения. Для автора это гарантия более высокой эффективности авторской модели обучения по сравнению с другими подобными моделями.

Критерии оценки инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» представлены на рис. 3.

Рис. 3. Критерии оценки инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс»

Каждые две недели обучающимся предлагается проводить самоанализ и самодиагностику своего учебного процесса. Самоанализ относится к аналитическому блоку. Эта часть реализована в форме личного интервью. Основная цель этого процесса – отслеживать их эмоциональное состояние, изменения в мотивации, удовлетворенность собой, преподавателем и

курсом в целом; от обучающихся также принимаются предложения по улучшению курса. Самодиагностика относится к блоку оценки и в основном требует отслеживания индивидуальных результатов обучения обучающихся, что они делают сами. Например, их просят проверить свои результаты обучения за две недели, сколько иероглифов они запомнили на данный момент,

какие темы следует объяснить еще раз и т.д. Согласно этой информации, обучающимся, во-первых, необходимо пересмотреть учебный материал, чтобы сделать процесс обучения более эффективным, а во-вторых, они могут повлиять на процесс обучения, попросив своего преподавателя внести некоторые коррективы, возможно, уделить больше внимания определенным темам или речевым навыкам. Это позволяет в полной мере реализовать личностно-ориентированное обучение, где образовательные потребности обучающегося находятся в центре учебно-воспитательного процесса, что заставляет обучающихся принимать участие в учебном процессе более активно, чем при традиционном обучении. На этом этапе проводятся корректировки контентного блока и функционального блока. Это постоянный процесс на протяжении всего курса.

После завершения курса мы проводим последний этап – оценку эффективности курса, подведение итогов и внесение предложений по улучшению курса. Итоговая оценка за курс выставляется по традиционной российской пятибалльной шкале, где оценка «отлично» (5 баллов) соответствует результату от 91 до 100 баллов по столбальной шкале, оценка «хорошо» (4 балла) соответствует 76–90 баллам, оценка «удовлетворительно» (3 балла) соответствует 61–75 баллам, а баллы ниже 61 указывают на оценку «неудовлетворительно» (2 балла). Доля итогового экзамена составляет 50% от общей итоговой оценки, вторая половина – это средний балл итоговой оценки в процессе обучения. Однако, помимо цифровых данных, большое внимание уделяется формирующей оценке, и в соответствии с ней присваивается итоговая оценка за курс. На выпускном экзамене, помимо оценок и комментариев по поводу результатов экзамена, преподаватель подробно комментирует поведение обучающегося на протяжении всего учебного процесса, таким образом представляя полную картину его обучения. Мы будем считать обучение на интенсивном курсе китайского языка для взрослых россиян, основанном на «перевернутом классе», эффективным, если средний балл итоговой аттестации обучающихся по столбальной шкале составляет 70 баллов и более. Мы также будем полагаться на степень удовлетворенности обучающихся и преподавателей интенсивным курсом китайского языка, основанным на «перевернутом классе».

Анализ процесса обучения китайскому языку для взрослых россиян на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» показал высокий педагогический эффект, который заключается в достижении цели обучения: овладение элементарным уровнем китайского языка для устного общения на этом языке при выполнении профессиональной деятельности, связанной с саммитом ШОС. Обучающиеся овладели лексикой, грамматикой, фонетикой, необходимыми для простого общения на китайском языке, они способны различать китайскую речь на слух, адекватно реагировать на неё в рамках изучаемых тем, а также при необходимости могут писать и читать на китайском языке. Средний балл по 100-балльной шкале

составил 82 балла, что свидетельствует о высоких результатах. Анализ удовлетворенности обучающихся обучением также показал высокий результат, некоторые из них планируют продолжить изучение китайского языка в более обдуманном ключе.

Среди преимуществ инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс», можно выделить следующее:

- возможность овладения большим пластом лексикой за относительно короткое время;
- обучение полностью соответствует возможностям взрослых обучающихся, так как построено на принципах андрагогики, сочетает в себе суггестивные методы обучения, метод активизации возможностей личности и команды, а также технологию перевернутого класса; учитывается отсутствие большого количества времени на обучение, в связи с чем учебный материал представлен порционно и фрагментарно;
- модель отвечает образовательным потребностям взрослых, так как основана на их конкретных запросах, своевременное внесение изменений в учебный материал также положительно влияет на удовлетворенность обучением и результаты;
- своевременная обратная связь от преподавателя помогает устранить возникающие проблемы и страхи общения на китайском языке;
- развитие информационных технологий и дистанционного обучения создает широкие возможности для получения образования, не покидая из дома или рабочее место, что также положительно сказывается как на посещаемости занятий, так и на результатах обучения;
- высокий профессионализм преподавателей позволяет заинтересовать обучающихся и ответить на их различные вопросы в режиме реального времени;
- возможность проведения занятий как онлайн, так и офлайн в классе.

Несмотря на значительный успех и высокий педагогический эффект инновационной модели обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс», исследование имеет некоторые ограничения:

- одноразовое исследование по специальному заказу для конкретного мероприятия;
- проведение исследований в связи с пандемией COVID-19 и срочный переход на дистанционное обучение;
- невозможность тестирования эффективности применяемой модели обучения на носителях других иностранных языков (помимо русского языка) в рамках данного исследования и распространения среди них результатов обучения;
- сравнительный анализ результатов обучения с обычным неинтенсивным обучением и интенсивным автономным обучением не проводился;
- из-за пандемии не удалось официально сдать международный экзамен HSK и достоверно подтвердить достижение студентом уровня HSK2; небольшая выборка для проведения статистических исследований.

Исходя из вышеуказанных ограничений, можно выделить следующие перспективы для дальнейших исследований:

1) повторное проведение исследования с новыми слушателями в количестве от 200 человек (для подтверждения репрезентативности выборки), согласно исходным данным, сравнение новых результатов с полученными ранее;

2) проведение сравнительного исследования в нескольких группах:

– группа А – обучение с использованием авторской модели онлайн-обучения;

– группа В – обучение с использованием авторской модели офлайн-обучения;

– группа С – обучение в неинтенсивной онлайн-группе на основе «перевернутого класса»;

– группа D – обучение в неинтенсивной офлайн-группе, основанной на «перевернутом классе»; групповое электронное обучение в неинтенсивной онлайн-группе, не основанной на «перевернутом классе»;

– группа F – обучение в неинтенсивной офлайн-группе, не основанной на «перевернутом классе», с использованием тех же учебных материалов и с теми же целями обучения;

3) сравнительный анализ применения данной модели обучения для взрослых россиян и обучающихся из разных стран с использованием языка-посредника (английский);

4) сравнительный анализ применения данной модели обучения для взрослых и подростков;

5) проведение психологического исследования состояния обучающихся во время интенсивного курса китайского языка.

Выводы

Таким образом, использование технологии «перевернутый класс», т.е. перенос основной части учебного материала из аудитории в домашнюю среду при проведении практических занятий и обсуждений в классе, может быть эффективным подходом к обучению китайскому языку для взрослых россиян.

Такой подход позволяет ознакомиться с материалом заранее, перед посещением занятий, что дает возможность обучающимся изучать его в собственном темпе и задавать вопросы преподавателю на занятиях и во время выполнения домашних заданий.

Кроме того, предлагаемая автором инновационная модель обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» способствует развитию коммуникативных навыков обучающихся, что связано с активным использованием языка на практических занятиях, где обучающиеся могут применять полученные знания в реальных ситуациях общения.

Использование интерактивных методов обучения, активного участия в процессе обучения и обсуждений на занятиях помогает стимулировать интерес и мотивацию взрослых, что в свою очередь способствует более успешному изучению языка.

В целом выводы подтверждают, что инновационная модель обучения китайскому языку для взрослых на интенсивных курсах с использованием технологии «перевернутый класс» имеет потенциал для оптимизации процесса обучения языку и развития иноязычных коммуникативных навыков у обучающихся, а также способствует повышению их мотивации.

Список источников

1. Бермус А.Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7, вып. 1. С. 1–10.
2. Романов Г. Основные трудности в изучении китайского языка и пути их преодоления. URL: <http://russia2025.tilda.ws/imagine#rec43151656> (дата обращения: 14.04.2023).
3. Насибулина П.Б. Трудности при обучении китайской письменности и пути их преодоления // Проблемы педагогики. 2018. № 2 (34). С. 38–42.
4. Шулина А.И. Основные сложности в преподавании китайского языка и методы их решения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 2. С. 242–256.
5. Назарова С.А. Современное состояние обучения китайскому языку: анализ действующих учебных программ и учебно-методической литературы // Modern oriental studies. 2019. № 1. С. 21–23.
6. Суйкова О.А. Андрагогические принципы в реализации непрерывного образования взрослых // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2018. № 4 (37). С. 61–67.
7. Гэ М., Куприна Т.В. Использование метода «перевернутый класс» на занятиях по китайскому языку // Образование от «А» до «Я». 2022. № 4. С. 34–37.
8. Гуркова М.В. Технология «Перевернутый урок» как средство повышения методологической культуры учащихся // Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2017. С. 201–204.
9. Ремизова Е.Г. Реализация методики смешанного обучения по модели «Перевернутый урок» на уроках информатики // Информационные технологии в образовании. 2014. С. 83–88.
10. Золотарева С.А. Метод «Перевернутого класса»: история и опыт применения // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93) 2022. С. 29–32.
11. Цытович М.В., Бороненко Г.Ф., Якушева О.В. Использование технологии перевернутого класса на разных ступенях высшего образования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. Т. 11, № 3. С. 21–32.
12. Де Ягер Лут. Влияние перевернутого класса как разновидности онлайн-обучения на преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 175–203.
13. Гнутова И.И. От «перевёрнутого класса» к «перевёрнутому обучению»: эволюция концепции и её философские основания // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 3. С. 86–95.
14. Горгарова Я.Ю. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности студентов вуза в парадигме современного образования // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 2А. С. 227–238.
15. Воронова Л.С. Определение ключевых компетенций в структуре иноязычной коммуникативной компетентности и описание критериев к уровню их сформированности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-3. С. 31–38.
16. Сафонова В.В. Со-изучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 4 (25). С. 123–138.

17. Нелюбина Ю.А. Интенсивный курс китайского языка на основе метода Г.А. Китайгородской // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12, № 1(42). С. 83–86.

References

1. Bermus, A.G. (2022) Aktual'nye problemy pedagogicheskogo obrazovaniya v epokhu tsifrovoy transformatsii: teoreticheskiy obzor [Current problems of teacher education in the era of digital transformation: theoretical review]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (7). pp. 1–10.
2. Romanov, G. (2018) Osnovnye trudnosti v izuchenii kitayskogo yazyka i puti ikh preodoleniya [The main difficulties in learning the Chinese language and ways to overcome them]. [Online] Available from: <http://russia2025.tilda.ws/imagine#rec43151656> (Accessed: 14.04.2023).
3. Nasibulina, P.B. (2018) Trudnosti pri obuchenii kitayskoy pis'mennosti i puti ikh preodoleniya [Difficulties in teaching Chinese writing and ways to overcome them]. *Problemy pedagogiki*. 2 (34). pp. 38–42.
4. Shulina, A.I. (2020) Osnovnye slozhnosti v prepodavanii kitayskogo yazyka i metody ikh resheniya [The main difficulties in teaching the Chinese language and methods for solving them]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 2. pp. 242–256.
5. Nazarova, S.A. (2019) Sovremennoe sostoyanie obucheniya kitayskomu yazyku: analiz deystvuyushchikh uchebnykh programm i uchebno-metodicheskoy literatury [The current state of Chinese language teaching: analysis of current curricula and educational literature]. *Modern oriental studies*. 1. pp. 21–23.
6. Suykova, O.A. (2018) Andragogicheskie printsipy v realizatsii nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh [Andragogical principles in the implementation of continuing education for adults]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 4 (37). pp. 61–67.
7. Ge, M. & Kuprina, T.V. (2022) Ispol'zovanie metoda "perevernutyy klass" na zanyatiyakh po kitayskomu yazyku [Using the "flipped classroom" method in Chinese language classes]. *Obrazovanie ot "A" do "Ya"*. 4. pp. 34–37.
8. Gurkova, M.V. (2017) Tekhnologiya "Perevernutyy urok" kak sredstvo povysheniya metodologicheskoy kul'tury uchashchikhsya [Technology "Flipped Lesson" as a means of increasing the methodological culture of students]. *Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P.M. Masherova*. pp. 201–204.
9. Remizova, E.G. (2014) Realizatsiya metodiki smeshannogo obucheniya po modeli "Perevernutyy urok" na urokakh informatiki [Implementation of a blended learning methodology based on the "Flipped Lesson" model in computer science lessons]. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii*. pp. 83–88.
10. Zolotareva, S.A. (2022) Metod "Perevernutogo klassa": istoriya i opyt primeneniya [The "Flipped Classroom" method: history and experience of application]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (93) 2022. pp. 29–32.
11. Tsytoich, M.V., Boronenko, G.F. & Yakusheva, O.V. (2019) Ispol'zovanie tekhnologii perevernutogo klassa na raznykh stupenyakh vysshego obrazovaniya [Using flipped classroom technology at different levels of higher education]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki"*. 3 (11). pp. 21–32.
12. de Jager, Lod. (2020) Vliyaniye perevernutogo klassa kak raznovidnosti onlayn-obucheniya na prepodavateley [The influence of the flipped classroom as a type of online learning on teachers]. Translated from English. *Voprosy obrazovaniya*. 2. pp. 175–203.
13. Gnutova, I.I. (2020) Ot "perevernutogo klassa" k "perevernutomu obucheniyu": evolyutsiya kontseptsii i ee filosofskie osnovaniya [From the "flipped classroom" to "flipped learning": the evolution of the concept and its philosophical foundations]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 3 (29). pp. 86–95.
14. Gorgarova, Ya.Yu. (2021) Formirovaniye inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti studentov vuza v paradigme sovremenno obrazovaniya [Formation of foreign language communicative competence of university students in the paradigm of modern education]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 2A (11). pp. 227–238.
15. Voronova, L.S. (2016) Opredeleniye klyuchevykh kompetentsiy v strukture inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti i opisanie kriteriev k urovnyu ikh sformirovannosti [Determination of key competencies in the structure of foreign language communicative competence and description of criteria for the level of their formation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 4-3. pp. 31–38.
16. Safonova, V.V. (2014) Co-learning of languages and cultures in the mirror of world tendencies in developing modern language education. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (25). pp. 123–138. (In Russian).
17. Nelyubina, Yu.A. (2023) Intensivnyy kurs kitayskogo yazyka na osnove metoda G.A. Kitaygorodskoy [Intensive Chinese language course based on the G.A. Kitaygorodskaya's method]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 1-12 (42). pp. 83–86.

Информация об авторе:

Нелюбина Ю.А. – аспирант кафедры образовательных технологий Шаньдунского педагогического университета (Цзинань, КНР). E-mail: gerbera7489@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.A. Neliubina, postgraduate student, Shandong Normal University (Jinan, China). E-mail: gerbera7489@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 29.05.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 378.147: 81
doi: 10.17223/15617793/497/20

Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации

Александра Владимировна Соболева¹, Ольга Андреевна Обдалова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ alex.art.tom@gmail.com

² o.obdalova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается специфика вербальной коммуникации в условиях цифровой среды. Проанализирован цифровой формат общения в ракурсе межличностной и межкультурной коммуникации. Впервые описана модель, отражающая специфику цифровой коммуникации участников общения, вступающих в межкультурное взаимодействие с использованием иностранного языка. Описаны ключевые компоненты модели виртуальной коммуникации: коммуниканты, сообщение, канал коммуникации, специфика общения, эффект, коммуникативная ситуация.

Ключевые слова: обучение иноязычному общению, цифровая среда, межкультурная виртуальная коммуникация, модель речевого взаимодействия

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 193–202. doi: 10.17223/15617793/497/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/20

A model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication

Aleksandra V. Soboleva¹, Olga A. Obdalova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ alex.art.tom@gmail.com

² o.obdalova@mail.ru

Abstract. The article aims to identify the features of verbal communication in the modern digital environment and describe new formats of digital communication that affect the process of teaching foreign language communication. Interpersonal intercultural communication is associated with information interaction between representatives of different cultures at the non-verbal and verbal level. The success of such communication is conditioned by the comprehensibility of the form of expression of the message in a foreign language; specificity of the state of perception of foreign language speech; creation of correct relationships in the communication process; relying on the professional experience and/or communication experience of the speaker. The solution to this problem is associated with identifying the specifics of communication implemented in the digital environment at the individual, group and intergroup levels, taking into account the intercultural context. The article uses general scientific methods of cognition: analysis and synthesis, methods of analogy, deduction; system approach. The leading research method is modeling as a conceptual tool for explaining communication processes and elements of communication that have the specifics of intercultural interaction in the digital environment. The research material is the process of communication and its elements, mediated by the intercultural context and conditions of the digital environment. The authors consider the Internet environment as a complex, self-organizing communication set of conditions, which has constantly emerging new properties. The set of structural elements of the communication process that are in relationships and connections with each other and influence the success of communication is determined. A communication channel is described as a way of distributing messages in a communication environment. The hierarchical and network structure and their features are highlighted. The subjects of communication and their roles in communication processes at the individual and group levels are presented. It is noted that, in modern digital communication, communicators can be both specific people and a machine based on artificial intelligence. A characteristic is given of digital communicative behavior determined by symbolic etiquette norms and linguistic elements of communication. In the context of digital communication, the multimodal nature of the message has been revealed. Text messages in digital communication are presented in the form of “oral-written speech,” which is a new form of speech. The described model of communication in the conditions of intercultural digital communication allows us to highlight the main features of verbal communication

in the modern digital environment and present new formats of digital communication that influence the process of learning foreign language communication.

Keywords: teaching foreign language communication, digital environment, intercultural virtual communication, speech interaction model

Financial support: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2023) A model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 193–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/20

Введение

Цель статьи заключается в выявлении особенностей вербальной коммуникации в современной цифровой среде и описании новых форматов цифровой коммуникации, влияющих на процесс обучения иноязычному общению.

При обучении иноязычному общению в современных условиях общества необходимо учитывать разные формы коммуникации и их особенности, характеризующие речевое поведение личности. В первую очередь выделим межличностную коммуникацию, выступающую основой передачи и обмена информацией между представителями социума. Межличностная коммуникация «связана с непосредственными контактами людей в группах или парах и подразумевает опыт совместной деятельности, рождающий определенную степень близости партнеров, наличие понимания друг друга» [1. С. 5]. Такой контакт означает информационное взаимодействие между людьми на невербальном и вербальном уровнях. Следуя Бурлесону, межличностную коммуникацию можно определить как социальное взаимодействие, поскольку совместное действие и взаимовлияние двух или более индивидов основывается на создании и интерпретации сообщений, из которых выделяются общие смыслы и желаемые социальные цели [2]. Эффективность межличностной коммуникации связана с тем, как партнеры по общению используют психологические, коммуникативные, реляционные, невербальные, контекстуальные и дискурсивные стратегии для поддержания своих отношений. Приходится констатировать, что в ситуациях межличностного общения между людьми – представителями разных культур – процессы обмена информацией часто бывают сложными и неопределенными, поскольку люди с разным культурным происхождением оценивают друг друга с позиций различных социальных и культурных ценностей. Продуктивность, или успешность, такой коммуникации обусловлена рядом факторов [3, 4]:

- понятностью формы выражения сообщения на иностранном языке;
- учетом состояния восприятия иноязычной речи;
- созданием корректных отношений в процессе общения;
- опорой на профессиональный опыт и/или опыт общения говорящего.

В настоящее время необходимо учитывать также специфику коммуникации, реализующейся в условиях цифровой среды. В последнее время происходит интенсивный процесс переноса значительной части деятель-

ности и социальной жизни человека в коммуникационную среду Интернета. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел исследование, согласно которому доля пользователей Интернета среди россиян в настоящее время составляет 81% [5]. Создано виртуальное коммуникативное пространство, представляющее собой «коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей, со многими другими, в любой момент времени и в глобальном масштабе» [6. С. 15]. Связи между людьми в современном мире изменяются и трансформируются; они становятся многообразными, более легковесными, неустойчивыми и удаленными. Прежние контакты, формировавшиеся на основе пространственной близости, вытесняются дистанционными связями, осуществляемыми посредством коммуникационных средств.

Цифровой формат создает условия для реализации общения на индивидуальном, групповом и межгрупповом уровнях. Однако процесс коммуникации опосредован при этом каким-либо устройством современной техники, например, ноутбуком, персональным компьютером, планшетом, смартфоном, smartчасами, навигатором, электронной книгой и другими вновь появляющимися и быстро распространяющимися коммуникационными средствами. Их использование оказывает значительное влияние на способы, формы и содержание общения. Поскольку современный человек погружен в цифровой мир и информационные потоки, он значительное время посвящает общению в цифровом пространстве. Эмпирический опыт свидетельствует о том, что произошло зарождение нового типа человека – «человека виртуального», оснащенного «умными» убиквитарными сенсорными телефонами и планшетами с полноценной операционной системой, мощной видеокамерой, датчиками позиционирования и гироскопами [7]. Э. Тоффлер отмечает изменение интенсивности и частоты коммуникаций. Люди сегодня живут в условиях, в которых длительность коммуникаций сокращается, пропускная способность общения ускорена, а идеи, информация и данные распространяются намного быстрее, и этот процесс все дальше интенсифицируется [8].

Ряд авторов отмечают явные изменения темпорально-топологических характеристик, связанных «с отказом от привязки к конкретным географическим местам и линейному восприятию времени» [9. С. 61]. Обмен информацией происходит по-новому: в непрерывном режиме, круглосуточно, при неограниченном количестве контактов и быстрой обратной связи, когда человеку не приходится тратить много времени и усилий на подготовку сообщения и его доставку до адресата.

Проведенный анализ трудов показал, что коммуникация в цифровую эпоху, претерпев значительные изменения благодаря появлению и широкому внедрению технических новшеств и вызванную ими эволюцию в межличностных отношениях, позволяет оценить текущее состояние проблемы коммуникации в виртуальной среде и выявить новые ее виды.

Можно выделить дистанционно-традиционный, дистанционно-элитный и дистанционно-номинальный виды коммуникации, согласно Л.В. Басовой [10]. Дистанционный характер коммуникации привел к тому, что в отличие от традиционного (реального) вида процесс коммуникации строится на использовании каких-либо доступных человеку коммуникационных устройств. В дистанционно-традиционном виде коммуникации проявляют себя устойчивые близкие отношения (родственные, дружеские), сформировавшиеся в реальной жизни. Второй вид, дистанционно-элитный, предполагает, что между представителями определенных социальных групп (этнические, профессиональные, образовательные и др.) и обычными людьми существует дистанция. При такой коммуникации связь между субъектами коммуникации, поиск и обмен информацией осуществляется с помощью разнообразных интернет-ресурсов (сайты, блоги, форумы, чаты, подкасты, вебинары и пр.). Указанный третий вид коммуникации (дистанционно-номинальный) ассоциируется с отсутствием реальной связи между коммуникантами, когда извлечение необходимой информации происходит в сети Интернет, без посредничества человека. Такая коммуникация влечет возможные разрывы, которые могут произойти без видимой причины.

Действительно, превалирование дистанционного формата общения качественно меняет коммуникативное поведение человека и культуру взаимоотношений. В обыденной практике общения в виртуальном пространстве коммуниканты все больше используют свои виртуальные изображения (аватарки) и часто воспроизводят видео с выключенным экраном (черный квадрат). Можно также выделить такую особенность цифровой коммуникации, как преобладание текстовой информации. Отмечаем также появление новых паттернов поведения коммуникантов в такой среде, когда человек из-за своего виртуального присутствия в коммуникации может проявлять высокую степень невнимательности и отвлеченности от процесса коммуникации. Другой проблемой может оказаться задержка или отсутствие обратной связи.

Можно отметить также целый ряд других особенностей и проблем цифровой коммуникации, к которым мы относим повышенную информационную нагрузку человека (информационная перегруженность), связанную как с восприятием и переработкой большого объема потоков информации, так и с идентификацией персональной идентичности субъектов коммуникации. Часто возникают вопросы соблюдения авторского права по использованию контента и оценке достоверности информации и ресурсов. Коммуниканты выражают озабоченность возможностью выпасть из информационного потока из-за насыщенности индивидуального информационного поля. В то время как другая

тенденция выражается в стремлении человека постоянно присутствовать в среде и фиксировать сиюминутность своих переживаний и пребывания в пространстве.

Отличительной особенностью последних нескольких лет является появление форматов коммуникации, строящихся в режиме взаимодействия «машина–машина» или «машина–человек» (проекты «Цифровое правительство», «НейроНет», «Интернет вещей» и др.). По данным ежегодного отчета Global Digital 2022 и 2023 гг. [11], нейросети активно интегрируются в коммуникацию. Коммуникация в сети Интернет стала ключевым аспектом для внедрения искусственного интеллекта и чат-ботов. В 2023 г. ИИ, в частности платформы ChatGPT, Dall•E, MidJourney, Stable Diffusion и Synthesia, стали важным рабочим инструментом многих компаний, что приносит им повышение производительности и рост эффективности деятельности. Одновременно возникает дискуссия о законности, этике и возможности неправомерного использования подобных технологий [12]. Однако следует учитывать, что появление новых ИИ-инструментов, как показывает практика этого года, влияет на увеличение объема дезинформации и еще в большей степени усиливает искажение данных из-за «переработки» контента.

Модель межкультурной коммуникации в цифровой среде

Для анализа иноязычного взаимодействия в цифровой среде и учета его специфики в процессе обучения иноязычному общению представляется важным рассмотреть коммуникацию как совокупность ее ключевых структурных элементов с учетом особенностей каждого из них. В теории коммуникации представлен целый ряд моделей, позволяющих систематизировать изучаемый объект, выявить и объяснить происходящие в нем процессы и взаимодействия, а также увидеть перспективу развития исследуемого явления. Наш интерес акцентируется на описании модели речевого взаимодействия в цифровой среде. Она представляет собой открытую совокупность различных информационных систем, в которой наибольшее количество возможностей коммуникации реализуется с помощью сети Интернет. Для структурирования модели будем рассматривать интернет-среду как «сложную, самоорганизующуюся коммуникационную среду, обладающую постоянно появляющимися, новыми свойствами» [13. С. 28].

Существует большое разнообразие моделей коммуникации, построенных на основе разных теорий и концепций коммуникации. Г.Г. Почепцов проанализировал и выделил 25 моделей коммуникации, созданных 25 авторами [14]. Эти модели представляют не все многообразие существующих моделей, поскольку ученые создают новые их варианты, привнося в известные какие-либо детали.

Нашей задачей является описание модели, отражающей специфику цифровой коммуникации партнеров, вступающих в межкультурное взаимодействие с использованием иностранного языка. Такое исследование проводится впервые.

Авторы предлагают графическое и описательное представление моделей, где схематично и в обобщенном виде указаны структуры, процессы коммуникации и сделаны акценты на главных коммуникативных элементах. Известны модели коммуникации таких авторов, как К. Шеннон, У. Уивер, У. Шрамм, Б. Уэстли, М. МакЛин, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Годэ, Г. Лассуэлл, Р.О. Якобсон, У. Эко и др. [15]. При моделировании каждый из авторов концентрирует внимание на тех элементах, которые сопряжены с определенными исследовательскими и практическими интересами. Тем не менее на основе обобщения имеющегося материала можно выстроить совокупность структурных элементов коммуникативного процесса, находящихся в отношениях и связях друг с другом и влияющих на успешность коммуникации и способы оптимизации иноязычного взаимодействия коммуникантов, характерной для настоящего времени.

Ниже приведем подобную совокупность коммуникативных элементов, существенных для нашего исследования.

В первую очередь, для уточнения структуры распространения сообщений в коммуникативной среде, обозначаемой как *канал связи*, выделим иерархическую и сетевую структуру распространения информации. В иерархической структуре информация движется «от узла к узлу» [16. С. 127], где под «узлом» понимается контакт источников информации, при котором один субъект коммуникации получает информацию посредством других источников, а не напрямую. При этом могут возникать задержки во времени при достижении информацией нужного адресата. В сетевой коммуникации распространение информации может происходить одновременно по всем адресатам. Иерархическая структура свойственна межличностной коммуникации, а сетевая часто используется в образовательной практике. Разница в поступлении информации каждому из субъектов коммуникации в этих структурах будет отличаться лишь временным параметром. В сетевой коммуникации доставка сообщения произойдет быстрее, чем в иерархической, но поступление информации каждому ее пользователю гарантируется в обоих случаях.

Поскольку в цифровой среде существует безграничный доступ к источникам информации, количество доступной информации значительно возрастает, создавая ее переизбыток. Этому также способствует наличие мобильной связи и сети Интернет. При этом состояние непрерывного присутствия в сети оказывает негативное влияние на способность человека к адекватной оценке информации и ее критическому осмыслению. Человеку важно суметь ограничить себя определенным числом источников, представляющих наибольший интерес.

Социальная сеть, по мнению ученых [6, 16–19], представляет собой интерактивный многопользовательский веб-сайт или цифровую платформу, где содержание создается самими пользователями; пользователям доступна информация об объектах, существующих в данной социальной среде, они могут сами устанавливать контакты между пользователями и объектами.

Рассмотрим *субъект коммуникации*. Субъектами коммуникационного процесса выступают отправитель

и получатель сообщения или, по-другому, коммуникатор и реципиент (аудитория). Важно учитывать их цели, мотивы, культуру, свойственные им социально-психологические характеристики, языковой код, индивидуальную специфику и имеющиеся ресурсы. В коммуникации субъекты попеременно выступают в разных ролях: кодировщиком, интерпретатором, декодировщиком сообщения. Отметим, что во взаимодействии могут вступать более двух субъектов, а также может появиться субъект-посредник. В современной цифровой коммуникации коммуникаторами могут выступать как конкретные люди, так и машина со встроенным искусственным интеллектом (ИИ).

Цифровое коммуникативное поведение детерминруется символическими этикетными нормами и языково-лингвистическими элементами общения [20. С. 133], что находит выражение в языковой компрессии речи и формировании новой социальной семиотики. *Сообщения* часто носят мультимодальный характер. Репрезентация языка в символах (эмодзи, смайлики, стикеры) служит средством реализации невербального коммуникативного кода, который отсутствует в цифровой коммуникации. Кроме того, семиотические параграфемные знаки выполняют эмотивную, прагматическую, пунктуационную, заместительную и риторическую функции [21], реализуемые в реальной коммуникации при помощи вербального и невербального кодов коммуникации.

Цифровая коммуникация строится на обмене вербальными сообщениями, в число которых входят и текстовые, которые в цифровом формате заменяют традиционный процесс написания от руки, отправки и получения письма. Переход от рукописного письма к набору букв на клавиатуре и управлению письмом при помощи мыши — часть всеобщей тенденции к «гаджетизации» деятельности человека, когда нужная операция достигается быстрым нажатием кнопки на соответствующем устройстве. Исследования психолингвистов привели к выводу, что переход на письмо посредством клавиатуры негативно сказывается на деятельности мозга человека. Когда текст создается не при написании его на бумажном носителе, а посредством клавиатуры, то буквы возникают молниеносно, как готовые образы на экране компьютера. Скорость появления образа, который создается за счет быстрого нажатия (касания) на клавиши, настолько велика, что появившийся образ на экране компьютера не успевает ассоциироваться с мыслью человека пишущего (создающего) текст. Ручное письмо, как установлено учеными, является сложным моторным актом. Он характеризуется тем, что производимые рукой и пальцами движения не тождественны работе кончиков пальцев при клавиатурном письме. При этом восприятие буквы, слова, фразы, текста при наборе на клавиатуре в силу единообразного движения рук, притупляется, и процесс письма становится бессознательным, неосмысленным. Чем дольше человек использует клавиатурное письмо, тем скорее у него происходит атрофия зрительных навыков восприятия образа слова [22].

Отличительной особенностью взаимодействия людей в виртуальной среде можно назвать *текстовые сообщения*, которые выступают как «написанный текст, посыла-

емый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь» [23]. Такую форму коммуникации называют устно-письменной речью или письменной разговорной речью, поскольку она обладает чертами устной речи, представленной в письменной форме. Текст, созданный для интернет-коммуникации, не является традиционно понимаемым письмом, а представляет собой «систему символов, знаков и образов с клишированными смыслами» [24. С. 64].

Взаимодействие, происходящее посредством такого обмена информацией, имеет свои особенности: действия человека имеют место в информационном пространстве, оно не ограничивается ни пространственными, ни временными рамками, взаимодействие происходит посредством текстов. Цифровая коммуникация сопровождается повышенной анонимностью, создает условия для открытого доступа коммуниканта к тексту для последующего ознакомления с ним. При этом у субъектов взаимодействия в силу нарушения границ реального мира формируется новый тип мышления, так называемое виртуальное мышление, или *net-мышление* (В.И. Курбатов). Это новый феномен, который изучается специалистами, отмечающими такие его черты, как символичность, полифоничность, связанные с множественностью интерпретаций, опорой на интерактивный многопользовательский контент сетевых миров. Зародился новый язык – язык интернет-коммуникации, который отражает многообразие изменений на уровне речевых, текстовых, коммуникативных и семиотических практик. К отличительным признакам языка интернет-общения относят также гиперинтертекстуальность.

По своей форме такие сообщения в зависимости от информационно-коммуникационной технологии реализации коммуникации могут соответствовать традиционным формам сообщений, таким как обычное письмо, разговорная речь и документы. В цифровой среде зародились новые правила поведения и культуры общения, названные исследователями [25–27] *сетикетом* или *нетикетом*. Их описывают как механизмы коммуникации, призванные создать условия для комфортного общения. Отметим, что традиционные жанры деловой коммуникации служат основой для адаптации правил офлайн-коммуникации к цифровой, однако в последней в силу увеличения количества контактов, их частотности и появления фактора анонимности, а также употребления разговорной речи в письменных сообщениях такие требования часто не соблюдаются.

Процесс общения в цифровой среде трансформируется в виртуальные коммуникации. Обобщение черт цифрового общения на основе проведенного анализа позволяет выделить следующие ключевые особенности: опосредованность компьютером, дистантность связей, интерактивность между объектами и субъектами, доступность сервиса, наличие поликультурной и межкультурной среды, повышенная конфиденциальность и относительная анонимность, сниженная статусная иерархия, неограниченные возможности для конструирования личностной и социальной идентичности, мультимедийность, полимодальность и гипертекстуальность [28].

Кроме того, речевое взаимодействие в условиях цифровой среды зачастую носит *мультилингвальный* характер, т.е. характеризуется использованием иностранных

заимствований в речевом взаимодействии вперемешку с родным языком. Отмечается, что в интернет-общении используются разные национальные языки, причем большая доля приходится на английский язык. Можно выделить полные иноязычные вкрапления, например фраза «*Cherches la femme*», созданная писателем Дюма, а также частичные иноязычные вкрапления, например *deadline* – окончательный срок принятия материалов. Частичные заимствования могут использоваться как в русской графике с сохранением грамматических признаков английского языка – *дедлайн*, так и в графике языка-источника, *deadline* [29]. Другими примерами заимствований могут служить следующие слова: *респект* (от от англ. *respect* – уважение, уважать), *чилиться* (от англ. *chill* – расслабляться), *хейтер* (от англ. *hate* – ненависть), *тиммейт* (от англ. *team mate* – команда товарищей), ставшее очень популярным в последнее время слово *фейк* (от англ. *fake* – фальшивый) и многие другие. Использование английского языка доминирует также на уровне словообразовательных и синтаксических моделей [30, 31]. Все это можно квалифицировать как возникновение особой коммуникативной (дискурсивной) тактики, названной Р.П. Мильрудом переключением кодов [32], или ситуационным переходом с родного языка на иностранный. Несмотря на преобладание заимствований из английского языка, в речи также встречаются заимствования из корейского (*кек*) и японского (*кун*, *тян*) языков.

Среди форматов общения выделяют следующие: 1) асинхронное общение один на один (например, e-mail); 2) асинхронное общение один/многие (например, списки, рассылки); 3) синхронное общение один на один (например, Skype); 4) асинхронное общение в формате многие/многие (например, форум); 5) синхронное общение многие/многие (чат), общение в режиме реального времени, в том числе видеообщения (через Skype, например).

В последнее время стали доступными разные мессенджеры, позволяющие создавать и пересылать сообщения мгновенно (WhatsApp, Telergam, Viber, VK и др.). Они предоставляют возможность отправлять текстовые сообщения (голосовые, видео), звонить через Интернет, обмениваться файлами, делиться геолокацией и др. Их особенностью является мультиплатформенность, подразумевающая их доступность для различных платформ (iOS, Android, Windows и Mac), что позволяет пользователям общаться друг с другом при помощи различных устройств.

Новые формы коммуникации в эпоху Интернета, по выражению М.А. Кронгауза, стали «публично-интимными», что выражается в «парадоксальном» совмещении межличностной и публичной коммуникации [33. С. 394].

Значительное место в современном интернет-пространстве заняли форумы. Их востребованность обусловлена необходимостью интеракции дистантных пользователей сетей. Форумы успешно удовлетворяют потребность в общении по интересам, создавая возможности для всех заинтересованных для активного обмена мнениями, данными и сообщениями. Особая атмосфера неформальности коммуникации снижает барьеры в общении, что делает форумный дискурс доступным, открытым для словотворчества.

Особенности содержания традиционной и интернет-коммуникации обобщены в таблице.

Изменения в коммуникации в цифровой среде

Элемент модели	Содержание традиционной коммуникации	Содержание цифровой коммуникации
Коммуниканты	Конкретный человек, социальная группа, конкретный источник информации	Конкретный человек, социальная группа, конкретный источник информации, анонимный источник, машина-автомат на основе искусственного интеллекта. Осложнены чередование ролей и обратная связь. Разрушена иерархия социальных ролей по полу, возрасту, этносу, национальности, образованию, профессии, социально-экономическому статусу
Сообщение	Аналоговое сообщение (текст, аудио-, видео-формат)	Аналоговое сообщение, цифровое сообщение (в виде текста, аудио и видео). Подстройка цифровых форматов под конкретного пользователя
Канал	Аналоговые каналы связи (канал тональной частоты (телефония). Сигнал может быть искажен помехами, могут происходить искажения звука. Эфирный аналоговый сигнал имеет очень слабую степень защиты от постороннего доступа	Аналоговые и цифровые каналы связи. Цифровая связь считается более защищенной от помех и от внешних воздействий благодаря шифрованию в цифровой код. Цифровой сигнал или точно есть, или полностью отсутствует (или ноль, или единица). Состояние онлайн, оперативность получения информации. Превалирование вербального общения
Общение	Обычное речевое общение. Непосредственное общение лицом к лицу при визуальном контакте. Опосредованное (по телефону и др.). Осуществляется через систему элементарных актов, каждый из которых определяется: а) субъектом – инициатором общения; б) субъектом, которому адресована инициатива; в) нормами, по которым организуется общение; г) целями, которые преследуют участники общения; д) ситуацией, в которой совершается взаимодействие	Поверхностное, мимолетное. Отсутствие эмпатии, потеря идентичности. Утрата общественной солидарности. Потери. Выделяют: 1) асинхронное общение один/один; 2) асинхронное общение один/многие; 3) синхронное общение один/один; 4) асинхронное общение многие/многие; 5) синхронное общение многие/многие (чат)
Эффект	Реакция конкретного человека, социальной группы	Реакция конкретного человека, социальной группы, анонимного получателя, машины-автомата на базе ИИ (непредсказуемость). Использование манипулятивных технологий. Отчуждение от реального социума. Гибкость мышления и мобильность, многозадачность. Быстрое восприятие информации. Субъективная зависимость от цифры. Недостаток когнитивного контроля. Отстранение от глубоких межличностных отношений. Гибридизация письменных и устных форм, сокращение и свертывание речи под влиянием текстинга; потеря смысла при аудировании; разрыв формы и содержания языкового знака; появление слов-стикеров, указывающих на объекты, действия и эмоции; выбор слов с меньшим набором сем в значении; замена словесных знаков и знаков препинания иконическими знаками (смайлами и эмодзи) и др. Репертуар языковых средств наполняется наиболее частотными, входящими в поверхностный слой активного лексикона, грамматикона и прагматикона говорящего и отвечающими доминирующему, «шлагерному» стандарту речи. Недооценка или переоценка себя по отношению к другим; усугубление межязыковых барьеров
Коммуникативная ситуация	Коммуникативная ситуация представляет собой конкретную ситуацию общения, выступающую частью объективной реальности. Коммуникативная ситуация – это единство и соотношение речевых и неречевых элементов, в котором предполагаются сочетание и кооперация лингвистических и внелингвистических факторов, играющие важную роль в обеспечении целостности сообщения и связности его частей	Нет пространственно-временных координат; дистантность; характеризуется повышенной интерактивностью; осложняются вопросы идентичности, самопрезентации; нет физических (телесных) коммуникативных препятствий. Отсутствие паравербальной (интонационной) и невербальной (жестикация, мимика, позы) информации и, как следствие, выработка коммуникантами особых приемов передачи интонации (графем, знаков препинания, использование заглавных букв и других типографских средств – жирный шрифт, подчеркивание). Для передачи невербальной составляющей служат так называемые эмодзи, смайлики (рожицы)

В процессе коммуникации могут возникать *помехи* в результате неожиданных вмешательств среды или проявления искажений, что приводит к изменениям в исходном сообщении. А.П. Садохин определяет их в широком смысле слова как барьеры или проблемы, «возникающие в процессе взаимодействия, препятствующие ему или снижающие его эффективность» [34. С. 26]. Выделяют технические, межкультурные, межличностные, социальные и психологические помехи.

Межкультурные барьеры возникают тогда, когда участники взаимодействия общаются на разных языках, что может вызывать непонимание между коммуникантами. Действительно, когда люди используют различный языковой код, передавать информацию становится сложнее. Однако в современном мультикультурном обществе существует множество ситуаций, в которых необходимо общаться с иностранцами. В этом случае языковые барьеры обусловлены лингвистическими или

психологическими причинами. Лингвистические барьеры связаны с неспособностью применить на практике знания того или иного языка, а психологические обусловлены внутренними ощущениями человека, например, страхом, смущением, боязнью неизвестности [35].

Барьеры, связанные с техниками общения, возникают, когда один или несколько участников коммуникации манипулирует информацией для достижения своих, зачастую корыстных целей. При виртуальном общении никто не может быть уверенным в том, что общается с реально существующим человеком. Если разговор происходит в форме переписки, очень сложно распознать, кто стоит за «аватаркой», поскольку не видно мимики собеседника, жестов, не слышен его голос [36].

Межличностные барьеры связаны с проявлением индивидуальных психологических особенностей партнеров по общению и их взаимоотношений. Проблемы кроются в моделях поведения, которые могут препятствовать эффективному общению. Барьеры такого рода могут быть связаны с культурой на рабочем месте, проблемами с самооценкой или другим поведением, которое может привести к дистанцированию или затруднению общения. Поскольку человек как элемент коммуникации является сложным и чувствительным получателем информации, его восприятие будет зависеть от его чувств, желаний и жизненного опыта. Получение информации может вызвать внутренние реакции разного рода, от приятия ее до полной блокировки. Слова могут содержать неявные (имплицитные) фоновые смыслы. Поскольку язык выступает основным средством общения и транслятором культуры, то овладение языком коммуникации обеспечивает успешность межличностного взаимодействия. Оптимизация межличностной коммуникации способствует не только знанию языка, слов иностранного языка, но и того, как язык используется в конкретной ситуации, что в настоящее время определяется как прагматика [37, 38].

По результатам опроса, проведенного Ю.А. Мазневой, В.А. Ивановой [35], первое место занимают межличностные барьеры (52,8%), второе – технические помехи (17,4%), затем – социальные (12,6%), межкультурные (10%) и психологические (7,4%).

Важным фактором, опосредующим коммуникацию в современном поликультурном мире, является открытость для «восприятия чужого культурного опыта» и готовность самому «делиться с другими народами собственной культурой» [39. С. 75]. Межкультурная коммуникация возникает только в том случае, если партнеры по общению являются представителями разных культур, осознают свою культурную принадлежность и воспринимают то, что принадлежит к другой культуре, в дихотомии «свое–чужое». Межкультурное общение по своей природе всегда является межличностным общением и реализуется в особых ситуациях, когда один участник обнаруживает культурные различия другого. Для преодоления межкультурных барьеров важно обладать культурной грамотностью, универсальными культурологическими знаниями, а также межкультурной компетенцией как сложным образованием, включающим языковую, коммуникативную и культурную составляющие.

Специфика межкультурных взаимодействий обусловлена расхождением в языковом мышлении представителей разных лингвокультурных сообществ. Каждый речевой коллектив использует определенные способы и формы отражения в сознании окружающего мира посредством языка. Каждое лингвокультурное сообщество обладает специфическим, свойственным только ему способом концептуализации действительности. Картины мира участников межкультурной коммуникации всегда своеобразны. Элиминирование проблем такого рода связано с развитием у обучающихся знания и понимания особенностей национальной ментальности. Исследование И. Элола и А. Оскоз [40] показало, что использование блогов при обучении иностранному языку не только способствует установлению межкультурных связей, но и оказывает положительное влияние на развитие межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся. Социальные медиа, включая Facebook, блоги, MySpace, YouTube, Twitter и iPhone, имеют значительный потенциал для установления международных деловых отношений [41]. Однако в то же время избыток личной информации в блогах, особенно негативного плана о себе или своих друзьях, может препятствовать установлению конструктивных внутрикультурных и межкультурных отношений [42]. В целом, социальные медиа представляют собой мощный инструмент для общения и установления связей в киберпространстве, однако их использование требует соответствующей межкультурной коммуникативной компетентности.

В цифровой среде межкультурная коммуникация еще более усложняется. Интернет-среда становится не только средством передачи информации, но и средой взаимодействия культур с их ценностями и «смыслами», создавая мультикультурное пространство общения и отражая «мозаичность» современной культуры в целом [43. С. 73]. При виртуальной коммуникации складывается поликультурная социальная среда, требующая осознания культурного разнообразия мира, развития и определенного уровня поликультурной грамотности участников коммуникации. В интернет-среде становится доступным более широкий диапазон средств обмена информацией и появляются дополнительные возможности визуализации реального социокультурного взаимодействия. Складывается «сложный узор разнообразных связей» [44. С. 3] как между реальным и виртуальным миром, так и между культурными кодами цифровой среды и традиционной культуры [45. С. 54]. Наконец, коммуникация в цифровой среде способствует развитию новой культуры виртуального космополитизма, когда представители разных культур создают онлайн-сообщества и формируют межкультурные отношения [46].

Заключение

Благодаря возможностям новой цифровой среды произошли существенные изменения в сфере коммуникации. Появление новых коммуникационных технологий привело к трансформации форм и содержания общения, а также оказало значительное влияние на процессы восприятия и понимания в ходе межличностного общения. В рамках межкультурного взаимодей-

ствия такая трансформация может привести к культурным разрывам между представителями различных культурных и этнических групп. В условиях цифровой коммуникации также увеличивается риск коммуникационных разрывов. Коммуникации посредством цифровых инструментов приводят к изменению культурных моделей и требуют от человека научиться новому способу взаимодействия с представителями других культур. Приспособление к новой ситуации и достижение взаимопонимания между людьми из различных социокультурных

групп представляют собой значительную проблему в процессе обучения иноязычному общению.

Авторам представляется, что оптимизация процессов коммуникации должна реализовываться на всех этапах общения через оптимизацию целей коммуникации; оптимизацию ресурсов, языковых и речевых сред, используемых для достижения целей; оптимизацию способов достижения целей, а также сокращение помех, возникающих в ходе реализации коммуникативного взаимодействия.

Список источников

1. Большаков С.Н., Гурушкин П.Ю., Коваленко Н.П., Черкашина С.А. Межличностная и деловая коммуникация : учеб. пособие. СПб : СПбГУ, 2011. 179 с.
2. Burleson B. 2009. The nature of interpersonal communication: A message-centered approach // Berger C.R., Roloff M.E., Roskos-Ewoldson D.R. (Eds.) The handbook of communication science. Thousand Oaks, CA : Sage, 2009. P. 145–163.
3. Soboleva A.V., Obdalova O.A. Strategies in Interpretation of Culture-Specific Units by Russian EFL Students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 69–76.
4. Соболева А.В., Обдалова О.А. Организация процесса формирования межкультурной компетенции студентов с учетом когнитивных стилей обучающихся // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 191–198. doi: 10.17223/15617793/392/32
5. Цифровой детокс: зачем, как и почему? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (дата обращения: 25.11.2023).
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 327 с.
7. Трачук А.В., Линдер Н.В. Инновации и производительность: эмпирическое исследование факторов, препятствующих росту методом продольного анализа // Управленческие науки. 2017. Т. 7, № 3. С. 43–58.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999.
9. Липатова М.Е. Специфика цифровой коммуникации в современном обществе // Трансформация коммуникации в цифровую эпоху : материалы науч. онлайн-конфер. с междунар. участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М. : МАКС Пресс, 2020. 136 с. 1,84 Мб. doi: 10.29003/m1399.978-5-317-06444-0
10. Басева Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 5–10.
11. Global Digital 2022: ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры // Sostav.ru. 2022. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>
12. Коротко о главном: обзор отчета «GLOBAL DIGITAL 2023» // Sostav.ru. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/141843/36953>
13. Федюнин Д.В., Гончарова Н.Ю. Современные особенности построения цифровых коммуникаций и их эффективность // Практический маркетинг. 2012. № 11 (189). С. 28–34.
14. Почепцов Г.Г. Медиа: теория массовых коммуникаций. Киев : Альтерпрес, 2008. 416 с.
15. Чудновская И.Н., Бухтиярова И.Н., Липатова М.Е. Модель коммуникации в цифровом образовательном пространстве в рефлексии студентов // Социология. 2022. № 1. С. 173–183.
16. Прончев Г.Б. Трансформация моделей социальной коммуникации в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 28 (4). С. 122–138. doi: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138
17. Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.
18. Патаракин Е.Д. Педагогический дизайн социальной сети Scratch // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2013. Т. 16, № 2. С. 505–528.
19. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17, № 1. С. 650–675.
20. Савруцкая Е.П. Проблемы коммуникации в контексте социокультурной реальности информационного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (3). С. 132–137.
21. Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 769–783. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783
22. Трофимова Г.Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 32 с.
23. Трансформация коммуникации в цифровую эпоху : материалы науч. конфер. с междунар. участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М. : МАКС Пресс, 2020. 136 с. 1,84 Мб. doi: 10.29003/m1399.978-5-317-06444-0
24. Курбатов В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 42–47.
25. Карабань Н.А., Дикарева А.В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети Интернет // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 31–37. doi: 10.7256/2454-0749.2018.1.25379
26. Евсеева И.В. Вопросы этикета: обращение на «Ты» и «Вы» в Интернет-сети // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 3, № 4 (52). С. 181–184.
27. Мосейко А.А. Особенности и отличия интернет-этикета от традиционного речевого этикета // Известия ВГПУ. 2019. № 5 (138). С. 153–157.
28. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 6. С. 79–94. doi: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094
29. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. № 2 (1). С. 5–14.
30. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск : Новосибир. ин-т экономики, психологии и права, 2003. С. 35–44.
31. Захватаева К.С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 400–403.
32. Мильруд Р.П. Методическая культура: переключение кодов // Просвещение. Иностранные языки. 2012. № 3. С. 12–13.
33. Какорина Е.В. Язык интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007. С. 393–478.

34. Садохин А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры: Журнал – обозрение. 2008. № 2. С. 26–35.
35. Мазнева Ю.А., Иванова В.А. Барьеры в цифровой коммуникации и способы их преодоления // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : IX Междунар. науч.-практ. конф. 2021. Т. 1, № 1. С. 100–108. doi: 10.36906/KSP-2021/14
36. Тищенко В.А. Барьеры общения в электронной коммуникации // Образовательные технологии и общество. 2008. № 2. С. 366–376.
37. Obdalova O.A., Minakova L.Y., Soboleva A.V. Indirect reporting and pragmatically enriched context: A case study into Russian learners of English // *Pragmatics and Cognition*. 2019. Vol. 26, № 1. P. 85–111. doi: 10.1075/pc.19011.obd
38. The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics) / ed. by I. Kecskes. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. doi: 10.1017/9781108884303
39. Питерова А.Ю., Тетерина Е.А. Особенности межкультурной коммуникации // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1 (32) : в 2 ч. Ч. II. С. 75–79.
40. Elola I., Oskoz A. Blogging: Fostering Intercultural Competence Development in Foreign Language and Study Abroad Contexts // *Foreign Language Annals*. 2008. № 41 (3). P. 454–477. doi: 10.1111/j.1944-9720.2008.tb03307.x
41. Jackson M. 10 big benefits of a busy business blog. 2011. URL: http://www.webreference.com/authoring/bus_blog/
42. Qian H., Scott C.R. Anonymity and self-disclosure on weblogs // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. Vol. 12 (4). P. 1428–1451.
43. Липатова М.Е., Богатырева А.А. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 1. С. 72–84.
44. Межкультурная коммуникация и цифровизация: вопросы подготовки кадров к глобальному сотрудничеству / ред.: М.В. Резунова, О.А. Овчинникова. Брянск : Изд-во Брян. филиала РАНХиГС, 2021. 224 с.
45. Мешкова Л.Н. Цифровые технологии как фактор трансформации культуры // Вестник БГУ. 2020. № 3. С. 53–60. doi: 10.18101/1994-0866-2020-3-53-60
46. McEwan B., Sobre-Denton M. Virtual cosmopolitanism: Constructing third cultures and transmitting social and cultural capital through social media // *Journal of International and Intercultural Communication*. 2011. Vol. 4 (4). P. 252–258.

References

1. Bol'shakov, S.N. et al. (2011) *Mezhlichnostnaya i delovaya kommunikatsiya* [Interpersonal and Business Communication]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
2. Burleson, B. (2009) The nature of interpersonal communication: A message-centered approach. In: Berger, C.R., Roloff, M.E. & Roskos-Ewoldson, D.R. (eds) *The handbook of communication science*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 145–163.
3. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Strategies in Interpretation of Culture-Specific Units by Russian EFL Students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 69–76.
4. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Organization of students' intercultural competence formation in view of their cognitive styles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 191–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/392/32
5. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (2020) Tsifrovoy detoks: zachem, kak i pochemu? [Digital detox: why, how and why?]. *Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)*. 04 February. [Online] Available from: <https://vciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (Accessed: 25.11.2023).
6. Kastel's, M. (2004) *Galaktika Internet: Razmysleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business and society]. Translated from English by A. Matveev. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
7. Trachuk, A.V. & Linder, N.V. (2017) Innovatsii i proizvoditel'nost': empiricheskoe issledovanie faktorov, prep'yatstvuyushchikh rostu metodom prodol'nogo analiza [Innovation and productivity: an empirical study of factors impeding growth using a longitudinal analysis method]. *Upravlencheskie nauki*. 3 (7). pp. 43–58.
8. Toffler, A. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST.
9. Lipatova, M.E. (2020) [Specifics of digital communication in modern society]. *Transformatsiya kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu* [Transformation of Communication in the Digital Age]. Proceedings of the Online Conference. Moscow. 9 October 2019. Moscow: MAKSS Press. (In Russian). doi: 10.29003/m1399.978-5-317-06444-0
10. Baeva, L.V. (2014) Virtual'naya kommunikatsiya: klassifikatsiya i spetsifika [Virtual communication: classification and specificity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 4 (14). pp. 5–10.
11. Sostav.ru. (2022) Global Digital 2022: ezhegodnyy otchet ob internete i sotsial'nykh setyakh – glavnye tsifry [Global Digital 2022: annual report on the Internet and social networks – main figures]. *Sostav.ru*. 28 January. [Online] Available from: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>
12. Sostav.ru. (2023) Korotko o glavnom: obzor otcheta “GLOBAL DIGITAL 2023” [Briefly about the main thing: GLOBAL DIGITAL 2023 report review]. *Sostav.ru*. 23 March. [Online] Available from: <https://www.sostav.ru/blogs/141843/36953>
13. Fedyunin, D.V. & Goncharova, N.Yu. (2012) Sovremennye osobennosti postroeniya tsifrovyykh kommunikatsiy i ikh effektivnost' [Modern features of building digital communications and their effectiveness]. *Prakticheskiy marketing*. 11 (189). pp. 28–34.
14. Pocheptsov, G.G. (2008) *Media: teoriya massovykh kommunikatsiy* [Media: Theory of mass communications]. Kiev: AI'terpres.
15. Chudnovskaya, I.N., Bukhtiyarova, I.N. & Lipatova, M.E. (2022) Model' kommunikatsii v tsifrovom obrazovatel'nom prostranstve v refleksii studentov [Model of communication in the digital educational space in the reflection of students]. *Sotsiologiya*. 1. pp. 173–183.
16. Pronchev, G.B. (2022) Transformatsiya modeley sotsial'noy kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu [Transformation of social communication models in the digital era]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 28 (4). pp. 122–138. doi: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138
17. Vinnik, V.D. (2012) Sotsial'nye seti kak fenomen organizatsii obshchestva: sushchnost' i podkhody k ispol'zovaniyu i monitoringu [Social networks as a phenomenon of social organization: essence and approaches to use and monitoring]. *Filosofiya nauki*. 4 (55). pp. 110–126.
18. Patarakin, E.D. (2013) Pedagogicheskiy dizayn sotsial'noy seti Scratch [Pedagogical design of the Scratch social network]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo (Educational Technology & Society)*. 2 (16). pp. 505–528.
19. Voronkin, A.S. (2014) Sotsial'nye seti: evolyutsiya, struktura, analiz [Social networks: evolution, structure, analysis]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 1 (17). pp. 650–675.
20. Savrutsкая, E.P. (2012) Problemy kommunikatsii v kontekste sotsiokul'turnoy real'nosti informatsionnogo obshchestva [Problems of communication in the context of the sociocultural reality of the information society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1 (3). pp. 132–137.
21. Kol'tsova, E.A. & Kartashkova, F.I. (2022) Mul'timodal'nyy kharakter tsifrovoy kommunikatsii: funktsionirovanie emodzi v mezhlichnostnom obshchenii [Setiket, or the rules of speech behavior on the Internet]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3 (13). pp. 769–783. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783
22. Trofimova, G.N. (2004) *Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [Functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
23. Mamedov, A.K. & Chudnovskaya, I.N. (eds) (2020) *Transformatsiya kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu* [Transformation of Communication in the Digital Era]. Moscow: MAKSS Press. doi: 10.29003/m1399.978-5-317-06444-0
24. Kurbatov, V.I. (2014) Virtual'naya kommunikatsiya, virtual'nyy yazyk i virtual'noe myshlenie [Virtual communication, virtual language and virtual thinking]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 11. pp. 42–47.

25. Karaban', N.A. & Dikareva, A.V. (2018) Setiket, ili pravila rechevogo povedeniya v seti Internet [Netiket, or the rules of speech behavior on the Internet]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 31–37. doi: 10.7256/2454-0749.2018.1.25379
26. Evseeva, I.V. (2012) Voprosy netiketa: obrashchenie na "Ty" i "Vy" v Internet-seti [Netiquette issues: "Ty" and "Vy" on the Internet]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3 (52). pp. 181–184.
27. Moseyko, A.A. (2019) Osobennosti i otlichiya internet-etiketa ot traditsionnogo rechevogo etiketa [Features and differences between Internet etiquette and traditional speech etiquette]. *Izvestiya VGPU*. 5 (138). pp. 153–157.
28. Galyashina, E.I. & Nikishin, V.D. (2021) Destrukivnoe rechevoe povedenie v tsifrovoy srede: faktory, determiniruyushchie negativnoe vozdeystvie na mirovozzrenie pol'zovatelya [Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview]. *Lex Russica*. 6 (74). pp. 79–94. doi: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094
29. Zorina, A.V. (2018) Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke (na primere internet-leksiki) [Anglicisms in the modern Russian language (using the example of Internet vocabulary)]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 2 (1). pp. 5–14.
30. D'yakov, A.I. (2003) Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglitsizmov v sovremennom russkom yazyke [Reasons for the intensive borrowing of Anglicisms in the modern Russian language]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Novosibirsk: Novosibirsk Institute of Economics, Psychology and Law. pp. 35–44.
31. Zakhvataeva, K.S. (2012) Rol' angliyskogo yazyka v protsesse sovremennogo anglo-russkogo yazykovogo kontaktirovaniya [The role of the English language in the process of modern English-Russian language contact]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3 (1). pp. 400–403.
32. Mil'rud, R.P. (2012) Metodicheskaya kul'tura: pereklyuchenie kodov [Methodical culture: switching codes]. *Prosveshchenie. Inostrannye yazyki*. 3. pp. 12–13.
33. Kakorina, E.V. (2007) Yazyk Internet- kommunikatsii [Language of Internet communication]. In: *Yazyk massovoy i mezhlchnostnoy kommunikatsii* [Language of Mass and Interpersonal Communication]. Moscow: MediaMir. pp. 393–478.
34. Sadokhin, A.P. (2008) Mezhlukul'turnye bar'ery i puti ikh preodoleniya v protsesse kommunikatsii [Intercultural barriers and ways to overcome them in the process of communication]. *Observatoriya kul'tury: Zhurnal – obozrenie*. 2. pp. 26–35.
35. Mazneva, Yu.A. & Ivanova, V.A. (2021) [Barriers in digital communication and ways to overcome them]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and prospects]. Proceedings of the 9th International Conference. Vol. 1-1. Nizhnevartovsk. 10 November 2021. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 100–108. (In Russian). doi: 10.36906/KSP-2021/14
36. Tishchenko, V.A. (2008) Bar'ery obshcheniya v elektronnoy kommunikatsii [Barriers to communication in electronic communication]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 2. pp. 366–376.
37. Obdalova, O.A., Minakova, L.Y. & Soboleva, A.V. (2019) Indirect reporting and pragmatically enriched context: A case study into Russian learners of English. *Pragmatics and Cognition*. 1 (26). pp. 85–111. doi: 10.1075/pc.19011.obd
38. Kecskes, I. (ed.) (2022) *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics* (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108884303
39. Piterova, A.Yu. & Teterina, E.A. (2010) Osobennosti mezhlukul'turnoy kommunikatsii [Features of intercultural communication]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 1 (32). Pt. 2. pp. 75–79.
40. Elola, I. & Oskoz, A. (2008) Blogging: Fostering Intercultural Competence Development in Foreign Language and Study Abroad Contexts. *Foreign Language Annals*. 41 (3). pp. 454–477. doi: 10.1111/j.1944-9720.2008.tb03307.x
41. Jackson, M. (2011) *10 big benefits of a busy business blog*. [Online] Available from: http://www.webreference.com/authoring/bus_blog/
42. Qian, H. & Scott, C.R. (2007) Anonymity and self-disclosure on weblogs. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 12 (4). pp. 1428–1451.
43. Lipatova, M.E. & Bogatyreva, A.A. (2016) Aktualizatsiya mezhlukul'turnogo dialoga v sovremennom internet-prostranstve [Actualization of intercultural dialogue in the modern Internet space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 1 (16). pp. 72–84.
44. Rezunova, M.V. & Ovchinnikova, O.A. (eds) (2021) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i tsifrovizatsiya: voprosy podgotovki kadrov k global'nomu sotrudnichestvu* [Intercultural Communication and Digitalization: Issues of training personnel for global cooperation]. Bryansk: RANEPa, Bryansk Branch.
45. Meshkova, L.N. (2020) Tsifrovye tekhnologii kak faktor transformatsii kul'tury [Digital technologies as a factor in cultural transformation]. *Vestnik BGU*. 3. pp. 53–60. doi: 10.18101/1994-0866-2020-3-53-60
46. McEwan, B. & Sobre-Denton, M. (2011) Virtual cosmopolitanism: Constructing third cultures and transmitting social and cultural capital through social media. *Journal of International and Intercultural Communication*. 4 (4). pp. 252–258.

Информация об авторах:

Соболева А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка в сфере профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alex.art.tom@gmail.com

Обдалова О.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры методики обучения иностранным языкам и междисциплинарных исследований в образовании, руководитель лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: o.obdalova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Soboleva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alex.art.tom@gmail.com

O.A. Obdalova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, head of the Laboratory of Socio-Cognitive Linguistics and Foreign Language Teaching, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 04.12.2023;
approved after reviewing 17.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/497/21

Значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹, Николай Трофимович Ведерников²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *mez_da@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), для чего выводится определение данного понятия и очерчивается круг задач, решаемых посредством изучением данного объекта в практической уголовно-процессуальной деятельности. Авторы, исходя из необходимости обеспечивать в ходе этой деятельности принятие процессуальных актов и осуществление процессуальных действий, выделяют три группы задач, решаемых изучением мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого).

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальные задачи, мотивационная сфера личности обвиняемого (подозреваемого)

Для цитирования: Мезинов Д.А., Ведерников Н.Т. Значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 203–208. doi: 10.17223/15617793/497/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/21

The importance of studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect) in the criminal procedure

Dmitriy A. Mezinov¹, Nikolay T. Vedernikov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *mez_da@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Abstract. The article reveals the importance of studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect). For this, a definition of this concept is derived, and the range of tasks solved by the study of this object in practical criminal procedural activities is outlined. The subject of the study was the motivational sphere of the accused as a component of their personality. The study employed general (analysis, synthesis, system-structural) and special (modeling, expert evaluation) scientific methods. Based on the results of generalizing the psychological concept of the motivational sphere of personality, as well as related concepts given by representatives of the sciences of the criminal legal cycle, the article defines the concept of the motivational sphere of the personality of the accused (suspect). This sphere includes stable elements with a personal meaning: needs, value orientations, desires, interests, hobbies, habits, motivational attitudes. It also includes other motivations that, when interacting with a certain situation, can act as motives for various manifestations of behavior and activities of the accused (suspect). The study of the motivational sphere of the personality of the accused (suspect), consisting in establishing the circumstances (facts) that express and characterize it, in the course of practical criminal procedural activities solves a number of important tasks that arise when adopting certain procedural acts and implementing preceding and following procedural actions. Based on the results of the consideration, the authors identify three groups of such tasks: (1) the main and mandatory criminal legal, penal and criminological tasks that arise when imposing sentences, as well as in a number of other procedural acts; (2) the tasks of adopting (issuing) procedural acts that do not include criminal-law, penal, and criminological issues for resolution as the main ones when adopting (issuing) these acts; the content of such tasks includes purely criminal procedural issues as the main ones for resolution, which led to their designation as criminal procedural tasks understood in the narrow sense and solved by studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect); (3) due to the need to establish (prove) the circumstances (facts) of the subject of proof in a criminal case, the forensic tasks of narrowing the circle of suspects, putting forward and checking versions in relation to other established circumstances, choosing tactics

for the behavior of the subject of the preliminary investigation in the case as a whole and conducting individual investigative actions in particular.

Keywords: criminal process, criminal procedural tasks, motivational sphere of personality of accused (suspect)

For citation: Mezinov, D.A. & Vedernikov, N.T. (2023) The importance of studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect) in the criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 203–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/21

Значение изучения того или иного объекта (по сути, представляющего собой часть объективной действительности) в уголовном процессе состоит в обеспечении таким изучением решения различных задач, возникающих в области уголовного процесса. При этом можно выделить два смысла (уровня) понимания значения изучения объекта в этой области.

Во-первых, это значение и соответствующие задачи, решаемые изучением объекта с позиции наук уголовно-правового цикла, в том числе собственно науки уголовного процесса. В этом случае уместно вместо слова «изучение» употреблять слово «исследование» и подразумевать исследование обычно сложного, комплексного объекта действительности, подчиненное именно решению научных задач, относящихся как к объяснительной, так и к прикладной функциям данных наук. Во-вторых, значение и соответствующие задачи, решаемые изучением объекта с позиции практической уголовно-процессуальной деятельности, т.е. в уголовном процессе по конкретному случаю (сообщению о преступлении, уголовному делу) с осуществлением соответствующих процессуальных действий и принятием процессуальных актов уполномоченными субъектами. В этом случае под изучением объекта подразумевается, по сути, установление конкретных обстоятельств (фактов), в которых выражается этот объект, для решения задач именно практической уголовно-процессуальной деятельности, уголовного процесса по конкретному случаю.

Учитывая прикладную функцию наук уголовно-правового цикла, следует отметить известную обусловленность значения исследования объекта в первом (научном) понимании от уголовно-процессуального значения изучения этого объекта во втором (практическом) понимании, т.е. логичную подчиненность научных задач, решаемых исследованием объекта, задачам, решаемым его изучением в практической уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь, необходимо констатировать подчиненность практических задач, решаемых изучением объекта, а точнее, установлением обстоятельств (фактов), выражающих изучаемый объект, в уголовном процессе по конкретному случаю, задачам назначения уголовного судопроизводства (процесса), обозначенным в настоящее время в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1].

В настоящей статье освещает вопрос о понимаемом во втором практическом смысле значении и соответствующих задачах, решаемых изучением такого объекта действительности, как мотивационная сфера личности обвиняемого (подозреваемого). Под обвиняемым (подозреваемым) здесь подразумевается любое фактически подвергаемое уголовному преследованию лицо, независимо от наличия или отсутствия у него в конкретный момент времени процессуального статуса обвиняемого или подозреваемого.

Следует отметить, что практические задачи, решаемые изучением определенного объекта, т.е. установлением обстоятельств (фактов), его выражающих, в уголовно-процессуальной деятельности, с необходимостью подчинены обеспечению принятия определенных процессуальных актов, в том числе постановлений, определений, приговоров, а также осуществления предшествовавших и последующих этому процессуальных действий. Собственно, принятию любого процессуального акта, как и осуществлению любого процессуального действия, должно предшествовать установление тех или иных обстоятельств (фактов), составляющих фактические основания их принятия и осуществления. При этом наиболее важные обстоятельства (факты), установление которых необходимо для принятия основных процессуальных актов, прямо закрепляются в уголовно-процессуальном законе в качестве подлежащих обязательному установлению в практической уголовно-процессуальной деятельности. Среди подлежащих установлению обстоятельств (фактов) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в ст. 73, 99 и других статьях закрепляет личность обвиняемого, имея ввиду определенные ее стороны, различные обстоятельства, ее характеризующие.

В свою очередь, в личности обвиняемого (подозреваемого) большой и значимый блок ее структурных элементов занимает мотивационная сфера. К такому выводу можно прийти, если обратиться к общему психологическому понятию мотивационной сферы личности человека [2. С. 182–183, 344], а также понятиям мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), даваемым рядом представителей наук уголовно-правового цикла [3. С. 16–17, 11, 25; 4. С. 6; 5. С. 23; 6. С. 29–30, 35–41, 108; 7. С. 14, 26, 53–70, 87–99], с теми оговорками, что представители науки уголовного процесса в своих исследованиях, по сути, не использовали данное понятие, а в работах криминологов и криминалистов используется словосочетание «личность преступника». Обобщая существующие понятия и немного уточняя ранее данное нами определение [8. С. 133; 9. С. 244], в наиболее общей форме можно следующим образом определить понятие мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого): это относительно устойчивая, иерархически организованная система мотивов (мотивационных образований), которая является побуждающей и направляющей определенную деятельность и поведение обвиняемого (подозреваемого) подсистемой его личности. Составляют мотивационную сферу личности обвиняемого (подозреваемого) такие ее элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивационными образованиями, как потребности, ценностные ориентации, влечения (желания), интересы, увлечения, привычки,

мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов различных проявлений поведения и деятельности обвиняемого (подозреваемого).

Исходя из приведенного понятия, полагаем, что изучение мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), состоящее в установлении выражающих и характеризующих ее обстоятельств (фактов), в ходе осуществления практической уголовно-процессуальной деятельности имеет особое значение, т.е. обеспечивает решение ряда важных задач, возникающих при принятии определенных процессуальных актов, а также осуществлении предшествовавших и последующих этому процессуальных действий. Итак, обратимся к очерчиванию круга этих задач.

Для начала здесь необходимо пояснить, что любые возникающие в ходе осуществления практической уголовно-процессуальной деятельности задачи, решаемые при изучении, установлении по уголовному делу (или материалу доследственной проверки) определенных обстоятельств (фактов), в том числе относящихся к мотивационной сфере личности обвиняемого (подозреваемого), возникают в рамках собственно уголовного процесса по конкретному случаю. Поэтому все такие задачи являются задачами уголовно-процессуального характера, уголовно-процессуальными задачами в широком смысле.

Между тем решение целого ряда понимаемых в широком смысле уголовно-процессуальных задач требует разрешения вопросов уголовно-правового (что особо значимо, учитывая служебную роль уголовно-процессуального права по отношению к уголовному праву), а также уголовно-исполнительного, криминологического, криминалистического характера. Так, вынесение приговора (иного итогового судебного акта) опосредовано разрешением ряда уголовно-правовых, уголовно-исполнительных (и в известной мере криминологических) вопросов.

Прежде всего, вынесение приговора (иного итогового судебного акта) требует обязательного разрешения по своей сути уголовно-правовых вопросов правильной квалификации преступления и назначения обвиняемому справедливого наказания. Мотивы преступления, формируемые именно мотивационной сферой личности субъекта преступления во взаимодействии с определенной ситуацией (внешними условиями) совершения этого преступления, являются обязательным признаком ряда составов преступления, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации [10]. В частности, это «корыстные побуждения» в ст. 154, 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), «корыстные и иные низменные побуждения» в ст. 153, 155 УК РФ, «корыстные или хулиганские побуждения» в ст. 215.2 УК РФ, «мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» в ст. 282–282.4 УК РФ и др. Также мотивы преступления во многих статьях уголовного закона закреплены в качестве квалифицирующего признака состава преступления, например,

«корыстные» и «хулиганские ...побуждения» в п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, «хулиганские побуждения» в п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, «хулиганские побуждения, а равно мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» в ст. 116 УК РФ.

Цели преступления, как и его мотивы, также формируются мотивационной сферой личности субъекта преступления во взаимодействии с определенной ситуацией (внешними условиями) совершения этого преступления и аналогично являются обязательным признаком ряда составов преступления, предусмотренных Особенной частью УК РФ; в первую очередь это «корыстная цель» во всех хищениях, т.е. составах преступления, закрепленных в ст. 158–164 УК РФ, или, например, «цели сбыта» в ст. 186, 191.1, 234 УК РФ и многих других статьях УК РФ, «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом» в ст. 174.1 УК РФ. Цели преступления могут выступать и квалифицирующим признаком состава преступления, как, например, «цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение» и «цели использования органов или тканей потерпевшего» соответственно в п. «к» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, «цели сбыта» в ч. 2 ст. 146 УК РФ, «цели сбыта или пропаганды» в ч. 2 ст. 282.4 УК РФ, «цели совершения преступления на территории Российской Федерации» в п. «б» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, «цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение» в ч. 4 ст. 327 УК РФ.

Как видно, решение вопроса правильной квалификации преступления в многих случаях требует точного установления мотивов и (или) целей преступления, что предполагает изучение мотивационной сферы личности преступника (выступающего до вступления обвинительного приговора в законную силу в роли подозреваемого или обвиняемого) как сферы личности, играющей главную роль в формировании этих субъективных психологических детерминант конкретного преступления.

В свою очередь, некоторые разновидности мотивов и целей преступления закреплены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), и обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), подлежащих обязательному учету при разрешении вопроса о назначении обвиняемому справедливого наказания (кроме случаев, когда таковые разновидности мотивов и целей уже учтены при квалификации преступления, т.е. являются обязательными или квалифицирующими признаками определенных составов преступления). Таковы «мотивы сострадания» в п. «д» ч. ст. 61 УК РФ, «мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», «месть за правомерные действия других лиц, а также цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение», «цели пропаганды, оправдания и поддержки терроризма», «цели пропаганды, оправдания и поддержки диверсии», закрепленные соответственно в п.

«е», «е.1», «р», «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В целом, разрешение вопроса назначения обвиняемому справедливого уголовного наказания включает в себя оценивание степени общественной опасности преступления и личности преступника, для чего необходимо изучение именно мотивационной сферы личности обвиняемого, в особенности элементов этой сферы, которые определяют так называемую направленность личности [6. С. 129–130; 11. С. 221; 12. С. 41].

Следует добавить, что вынесение обвинительного приговора требует обязательного разрешения уголовно-исполнительных (являющихся в известной мере и криминологическими) вопросов правильного определения как вида наказания, так и при наказании в виде лишения свободы – вида исправительного учреждения и режима (п. 7, 9 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), с тем чтобы в дальнейшем, в соответствии со ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [13], были обеспечены надлежащие порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, средства исправления осужденных, а также охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание им помощи в социальной адаптации, а в конечном итоге достигнуты цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. При этом очевидно, что криминологические (по своей сути) вопросы исправления осужденного, предупреждения совершения им новых преступлений (так называемая частная превенция) требуют для их надлежащего разрешения изучения именно мотивационной сферы его личности, поскольку профилактическое воздействие должно быть оказано именно на нее, именно в ее области лежат внутренние субъективные (психологические) причины возможного в будущем совершения этим лицом преступлений.

В ходе практической уголовно-процессуальной деятельности криминологические вопросы требуется решать и в иных случаях. Так, вынесение судом по уголовному делу частного определения по ч. 4 ст. 29 УПК РФ предполагает предложение мер по устранению причин совершения преступления и условий, этому способствовавших. Внутренние субъективные (психологические) причины совершения лицом преступления, как уже говорилось, лежат в области мотивационной сферы личности этого лица (обвиняемого в рамках конкретного уголовного дела), для чего необходимо ее изучение при вынесении данного процессуального акта.

Теперь обратимся к вопросам криминалистического характера, разрешению которых будет способствовать изучение мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в практической уголовно-процессуальной деятельности. Решение таких вопросов, предполагающее использование разработанных в криминалистической науке рекомендаций, призвано обеспечить надлежащее познание и, в конечном итоге, установление обстоятельств (фактов) предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), собственно доказывание этих обстоятельств при осуществлении процессуальных действий исследовательского характера (прежде всего, следственных действий).

В подчиненном (в конечном итоге) установлению обстоятельств предмета доказывания криминалистическом аспекте изучения личности обвиняемого еще в советский период времени рядом ученых [14. С. 63–64; 15. С. 13; 16. С. 128] было выделено два направления такого изучения с определением соответствующих криминалистических задач (вопросов), которые могут быть решены при этом. Поскольку мотивационная сфера является составной частью личности обвиняемого (подозреваемого), в одной из предыдущих статей нами был использован такой подход, и соответствующие криминалистические задачи (вопросы), которые могут быть решены при изучении данной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), уже рассматривались [8. С. 133–134]. В наиболее обобщенном виде данные вопросы (задачи) сводятся к сужению круга подозреваемых (фактически заподозренных в совершении преступления лиц), выдвижению и проверке версий в отношении других устанавливаемых обстоятельств, а также выбору тактики поведения субъекта предварительного расследования по делу в целом и проведения отдельных следственных действий (прежде всего с участием обвиняемого или подозреваемого) в частности.

Формулировка понимания продемонстрированных выше вопросов уголовно-правового, уголовно-исполнительного, криминологического, криминалистического характера, как и разработка рекомендаций по их разрешению, по существу относится к ведению не науки уголовного процесса, а других наук уголовно-правового цикла, т.е. уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, криминалистики. Поэтому такого рода необходимые для разрешения вопросы, встающие в качестве задач при осуществлении практической уголовно-процессуальной деятельности, можно именовать соответственно уголовно-правовыми, уголовно-исполнительными, криминологическими, криминалистическими задачами. При этом следует констатировать, что постулируемая прикладной функцией науки уголовного процесса задача разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона в определенной мере подчинена необходимости решения отмеченных уголовно-правовых (особо), уголовно-исполнительных, криминологических, криминалистических (в некоторой мере) задач. В рамках заявленной темы необходимо отметить, что применительно к уголовно-правовым, уголовно-исполнительным, криминологическим задачам, решаемым при изучении мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в практической уголовно-процессуальной деятельности, формулировка п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, закрепляющая необходимость установления лишь абстрактных «мотивов», более ничего не указывая относительно мотивационной сферы личности обвиняемого, вряд ли может быть признана удовлетворительной.

Учитывая отмеченную относимость задач уголовно-процессуальной деятельности к ведению разных наук уголовно-правового цикла, в рамках темы статьи аналогично тому, как в свое время был выделен «уго-

ловно-правовой, уголовно-процессуальный, исправительно-трудовой, криминалистический и криминологический аспекты изучения личности обвиняемого» [17. С. 14], можно разделить задачи, решаемые изучением ее мотивационной сферы, на соответствующие перечисленным аспектам уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные (современный аналог понятия исправительно-трудовых задач советского периода), криминалистические и криминологические.

В то же время часть задач, решаемых изучением мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), носят сугубо уголовно-процессуальный характер, т.е. не предполагают обязательного разрешения уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, криминологических и даже криминалистических вопросов с обращением к соответствующим наукам, формулирующим их понятие и рекомендации по разрешению. Это уголовно-процессуальные задачи в узком смысле, их формулировка и разработка рекомендаций по их решению относится к ведению именно науки уголовного процесса. В приведенном выше понимании аспектов изучения личности обвиняемого в уголовном процессе также был выделен сугубо уголовно-процессуальный аспект такого изучения.

Наличие в узком смысле уголовно-процессуальных задач, решаемых изучением мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), можно констатировать при необходимости принятия (вынесения) процессуальных актов, не предполагающего обязательного разрешения уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, криминологических, криминалистических вопросов (во всяком случае, в качестве основных по принимаемым процессуальным актам). Как мы уже отмечали в предыдущих статьях [8. С. 134], в первую очередь, это процессуальные акты об избрании, продлении, изменении и отмене мер пресечения. Это определяется тем, что фактические основания принятия (вынесения) процессуальных актов по избранию, продлению, изменению и отмене мер пресечения требуют наличия у субъекта, ведущего производство по уголовному делу, сведений, позволяющих обоснованно прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого), которое будет детерминироваться именно мотивационной сферой его личности. Поэтому принятие (вынесение) таких актов обяза-

тельно должно включать в себя изучение мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого). Применительно к обеспечению решения уголовно-процессуальных задач избрания, продления, изменения и отмены мер пресечения полагаем необходимым отметить имеющиеся в настоящее время пробелы в уголовно-процессуальных нормах, прежде всего, в положениях ст. 97, 99 УПК РФ, не требующих в однозначных и прямых формулировках установления и учета сведений о мотивационной сфере личности обвиняемого (подозреваемого) при принятии (вынесении) соответствующих процессуальных актов.

Обобщая и несколько развивая изложенное выше понимание в широком смысле уголовно-процессуальных задач, решаемых изучением мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), считаем возможным сгруппировать их следующим образом.

Во-первых, возникающие при принятии (вынесении) приговоров, а также в ряде случаев и иных процессуальных актов, основные и обязательные для решения при принятии (вынесении) этих актов уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические задачи.

Во-вторых, задачи принятия (вынесения) процессуальных актов, не включающие в свое содержание в качестве основных для разрешения при принятии (вынесении) этих актов уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, криминологические, вопросы. В содержание этих задач включаются в качестве основных для разрешения сугубо уголовно-процессуальные вопросы, что обусловило обозначение их вышеупомянутыми в узком смысле уголовно-процессуальными задачами, решаемыми изучением мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого).

В-третьих, обусловленные необходимостью установления (доказывания) обстоятельств (фактов) предмета доказывания по уголовному делу криминалистические задачи сужения круга подозреваемых (фактически заподозренных в совершении преступления лиц), выдвижения и проверки версий в отношении других устанавливаемых обстоятельств, выбора тактики поведения субъекта предварительного расследования по делу в целом и проведения отдельных следственных действий (прежде всего, с участием обвиняемого или подозреваемого) в частности.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023)) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 09.11.2023).
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
3. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
4. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
5. Криминальная мотивация. М.: Наука, 1986. 304 с.
6. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
7. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.
8. Мезинов Д.А. О криминалистических и уголовно-процессуальных задачах изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого) в стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. (2–3 апреля 2020 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 132–134.
9. Скоревич А.С., Мезинов Д.А. Криминалистический потенциал заимствования коммуникативных моделей в тактику проведения допроса // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 238–248. doi: 10.17223/15617793/466/29
10. Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023)) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 09.11.2023).

11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
12. Васильев В.Л. Юридическая психология. М. : Юрид. лит., 1991. 350 с.
13. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 09.11.2023).
14. Ведерников Н.Т. Неотвратимость наказания и изучение личности преступника // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики : Материалы науч. конф. Свердловск, 1972. С. 63–64.
15. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. 156 с.
16. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во МГУ, 1984. 143 с.
17. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (понятие, предмет и методика изучения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 40 с.

References

1. Consultant Plus. (2023) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation (No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on November 2, 2023))*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 09.11.2023). (In Russian).
2. Il'in, E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. Saint Petersburg: Piter.
3. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie* [Motives for Crimes and Their Proof]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Volkov, B.S. (1982) *Motivy prestupleniy* [Motives for Crimes]. Kazan: Kazan State University.
5. Kudryavtsev, V.N. (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal Motivation]. Moscow: Nauka.
6. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation for Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.
7. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob'ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal motivation as an object of cognition in criminology]. Law Cand. Diss. Tomsk.
8. Mezinov, D.A. (2020) [On forensic and criminal procedural tasks of studying the motivational sphere of the personality of the accused (suspect) at the stage of preliminary investigation]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki* [Current Problems in the Fight Against Crime: Issues of theory and practice]. Proceedings of the 23rd International Conference. Pt. 2. Krasnoyarsk. 2–3 April 2020. Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii. pp. 132–134. (In Russian).
9. Skorevich, A.S. & Mezinov, D.A. (2021) Forensic potential of borrowing communication models into the interrogation tactic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 238–248. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/29
10. Consultant Plus. (2023) *Criminal Code of the Russian Federation (No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 12, 2023))*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 09.11.2023). (In Russian).
11. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
12. Vasil'ev, V.L. (1991) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Consultant Plus. (2023) *Criminal Executive Code of the Russian Federation (No. 1-FZ of January 08, 1997 (as amended on June 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 01, 2023))*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (Accessed: 09.11.2023). (In Russian).
14. Vedernikov, N.T. (1972) [The inevitability of punishment and the study of the personality of the criminal]. *Leninskiy printsip neotvratimosti nakazaniya i zadachi sovetskoy kriminalistiki* [Lenin's Principle of the Inevitability of Punishment and the Tasks of Soviet Criminology]. Proceedings of the Conference. Sverdlovsk. September 1970. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. pp. 63–64. (In Russian).
15. Glazyrin, F.V. (1973) *Izuchenie lichnosti obvinяемого i takтика sledstvennykh deystviy* [Studying the Identity of the Accused and Investigative Tactics]. Sverdlovsk: Ural State University.
16. Vasil'ev, A.N. & Yablokov, N.P. (1984) *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Subject, System and Theoretical Foundations of Criminology]. Moscow: Moscow State University.
17. Vedernikov, N.T. (1980) *Lichnost' obvinяемого v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve (ponyatie, predmet i metodika izucheniya)* [The personality of the accused in Soviet criminal proceedings (concept, subject and methodology of study)]. Abstract of Law Dr. Diss.

Информация об авторах:

Мезинов Д.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Ведерников Н.Т. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Mezinov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

N.T. Vedernikov, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 09.11.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 29.12.2023*

Научная статья
УДК 347.721
doi: 10.17223/15617793/497/22

Правовой статус коммерческих корпораций и особенности правового регулирования их деятельности в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки

Алексей Андреевич Кравчук^{1,2}, Александр Юрьевич Цыганков³

¹ ООО «Космический центр “Морской старт”», Владивосток, Россия

² Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{1,2} zkv3krava@mail.ru

³ tsygan.alexandr2017@yandex.ru

Аннотация. Исследуется правовой статус коммерческих корпораций, закрепленный в правовых актах России и США, а также сопоставляются системы правового регулирования их деятельности. Рассматривается корпоративное законодательство двух стран, регулирующее деятельность коммерческих корпораций. Исследованы понятия и виды (типы) корпораций (в общем) и коммерческих корпораций (в частности), представленные в правовых системах РФ и США. Проведен сравнительный анализ типовой структуры американской коммерческой корпорации и российского акционерного общества, а также сопоставлены права и обязанности субъектов, управляющих ими.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения, типовая структура корпорации, система управления корпорацией, фидуциарные обязанности, источники корпоративного права

Для цитирования: Кравчук А.А., Цыганков А.Ю. Правовой статус коммерческих корпораций и особенности правового регулирования их деятельности в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 209–221. doi: 10.17223/15617793/497/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/22

The legal status of business corporations and the legal regulation of their activities in the Russian Federation and the United States of America

Aleksey A. Kravchuk^{1,2}, Aleksandr Yu. Tsygankov³

¹ Space Center “Sea Launch”, Vladivostok, Russian Federation

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^{1,2} zkv3krava@mail.ru

³ tsygan.alexandr2017@yandex.ru

Abstract. The economy of modern Russia is primarily based on its corporate and public sectors. At the same time, most state-owned enterprises use the corporate management model. Therefore, the improvement of the mechanisms of legal regulation of corporations' activities is one of the most important tasks for the development of Russia's economy. A comparative analysis of domestic and foreign experience in regulating legal relations often helps to find effective solutions to emerging internal problems. In this regard, the article explores the relevant experience of regulating corporate legal relations in the United States. The study aims to consider the legal status of commercial corporations according to the applicable Russian and U.S. legislation, and to compare the systems of their activities' legal regulation. In order to reach the aim, the authors set the following objectives: (1) to consider the corporate legislation of the two countries that regulates the activities of commercial corporations; (2) to explore the concepts and types of corporations (in general) and commercial corporations (in particular), presented in the Russian and U.S. legal systems; (3) to conduct a comparative analysis of the typical structure of an American commercial corporation and a Russian joint-stock company, as well as to compare the rights and obligations of their managing bodies. The methodological basis of the presented research includes a number of general and special scientific methods. The authors consciously focus on the consideration of the practical side of the regulation of corporate legal relations that is mainly based on a comparative legal analysis of the current legislative norms of the two countries. At the end of the article, the authors conclude that the approaches of the Russian Federation and the United States to the regulation of corporate legal relations have a number of significant differences in terms of: unification of corporate legislation; determining the legal status of commercial corporations; distribution of managerial powers between shareholders, directors and officers; legislative consolidation of fiduciary duties of a commercial corporation management.

Keywords: corporate legal relations, typical structure of a corporation, corporate management system, fiduciary duties, sources of corporate law

For citation: Kravchuk, A.A. & Tsygankov, A.Yu. (2023) The legal status of business corporations and the legal regulation of their activities in the Russian Federation and the United States of America. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 209–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/22

Введение

В течение последних лет экономика России столкнулась с внешними вызовами, такими как пандемия коронавируса и санкции недружественных стран, а также внутренними проблемами, включая технологическую зависимость, дефицит кадров и проблемы организации управления. В ответ на это руководство страны приняло меры, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса. Однако, государственной и корпоративный секторы по-прежнему остаются основой экономики России. При этом большинство компаний государственного сектора экономики используют корпоративную модель организации управления. Говоря иначе, совершенствование механизмов правового регулирования деятельности корпораций входит в число наиболее важных задач на пути экономического прогресса современной России. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта регулирования правоотношений зачастую помогает найти эффективные решения возникающих внутренних проблем. Как справедливо отметила Т.Я. Хабриева, «запрос на такого рода исследования очевиден» [1. С. 10]. Также очевидно и то, что перенимать следует передовые знания. Ввиду длительного и непрерывного процесса развития института корпораций (более 100 лет) США смогли аккумулировать значительный правовой опыт регулирования корпоративных правоотношений, что позволило им стать крупнейшей экономикой мира. Все это указывает на актуальность проводимого исследования.

Цель, поставленная в статье, – провести исследование правового статуса коммерческих корпораций, закрепленного в правовых актах Российской Федерации (РФ) и Соединенных Штатов Америки (США), а также рассмотреть систему правового регулирования их деятельности. Авторы придерживаются традиционного взгляда на природу феномена «правовой статус», под которым понимается сложившееся состояние и положение исследуемого субъекта, а также совокупность его прав и обязанностей. Под правовым регулированием в статье следует понимать целенаправленную деятельность государства по упорядочиванию общественных отношений путем применения специальных юридических средств и методов.

Цель исследования обусловила постановку следующих исследовательских задач: (1) рассмотреть корпоративное законодательство РФ и США, регулирующее деятельность коммерческих корпораций; (2) исследовать понятия и виды (типы) корпораций (в общем) и коммерческих корпораций (в частности), представленные в правовых системах РФ и США, т.е. их текущее правовое положение; (3) провести сравнительный анализ типовой структуры американской коммерческой корпорации и российского акционерного общества, а

также сопоставить права и обязанности субъектов, управляющих ими.

Методы научного исследования

Представленное исследование основывается на применении ряда общенаучных и специальных методов изучения общественных феноменов и процессов, в числе которых: сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический, комплексный, диалектический, структурно-функциональный методы и метод системного анализа. В частности, применение сравнительно-правового метода позволило сопоставить соответствующие нормы, регулирующие корпоративные правоотношения в Российской Федерации (РФ) и Соединённых Штатах Америки, с целью выявления общих черт и особенностей, присущих правовым системам этих стран. Применение комплексного метода исследования позволило составить целостное представление о сущности системы корпоративного законодательства РФ и США. Применение метода системного анализа и структурно-функционального метода способствовало детальному изучению системы корпоративного управления американской коммерческой корпорации и российского акционерного общества (АО). В исследовании также применялись формально-юридический и формально-логический методы, традиционно используемые практически во всех работах правовой тематики.

В статье авторы осознанно сосредоточились на рассмотрении практической стороны регулирования корпоративных правоотношений, преимущественно основываясь на сравнительно-правовом анализе действующих законодательных норм двух стран. Теоретические аспекты регулирования корпоративных правоотношений были изучены нами ранее и не попадают в фокус данной статьи [2].

Степень научной разработанности темы

Тема настоящего исследования нашла достаточно широкое отражение в трудах отечественных ученых. Развернутый анализ исторических аспектов формирования и развития феномена корпорации в РФ и США представлено в работах А.Н. Беженара [3], И.В. Бондаренко и Д.А. Давудова [4]. Рассмотрение сущностных характеристик корпораций в правовых системах исследуемых стран отражено в работе А.В. Дудченко и Н.В. Одинец [5]. Отдельные вопросы регулирования деятельности и управления АО в США и России раскрыты в работе П.В. Магданова [6]. Вместе с тем, как отмечают названные эксперты, процесс формирования отечественного корпоративного законодательства по-прежнему не завершен. Этот факт предопределяет необходимость постоянного внимания к исследуемым

в статье проблемам с целью поддержания научной дискуссии о наиболее приемлемых путях развития отечественного корпоративного права.

Источники корпоративного права в РФ и США

Современное российское законодательство в сфере регулирования деятельности корпораций четко структурировано. Так, основные положения корпоративного права нашли отражение в четвертой главе Гражданского кодекса (ГК) РФ, посвященной юридическим лицам (в том числе корпоративным). Вопросы частноправового регулирования деятельности корпоративных юридических лиц, применительно к конкретным их организационно-правовым формам, определены отдельными федеральными законами (ФЗ), в числе которых ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ФЗ «О хозяйственных партнерствах», ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и т.д.

Существует также ряд федеральных законов в сфере публичного права, которые регламентируют отдельные аспекты корпоративных правоотношений, не затрагивая при этом их сущностную сторону (ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ФЗ «О рынке ценных бумаг» и т.д.) [7. С. 55–56]. Немаловажная роль в регулировании корпоративных правоотношений отводится и некоторым подзаконным актам, в числе которых: указ Президента РФ «О мерах по защите прав акционеров и обеспечению интересов государства как собственника и акционера»; Кодекс корпоративного поведения, рекомендованный распоряжением ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р; Концепция реформирования предприятий и иных коммерческих организаций, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 30.10.1997 № 1373, и др.

Таким образом, в РФ действует единое кодифицированное законодательство, императивные нормы которого регулируют деятельность корпоративных юридических лиц на территории всей страны, чего нельзя сказать о США. В американском правовом порядке, напротив, отсутствует единый нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность корпораций. Правовой статус корпораций, равно как и прочих институтов коммерческого права, определяется законами отдельных штатов, а не федеральными властями.

Следует отметить, что значимую роль в формировании корпоративного законодательства штатов внесла Американская ассоциация юристов (АВА), в 1950 г. опубликовавшая Модельный закон о предпринимательских корпорациях (Model Business Corporations Act, MBCA) [8], который хоть как-то унифицировал корпоративные правоотношения и ввел единую терминологию, тем самым облегчив деятельность корпораций, работающих одновременно на территории нескольких штатов. Положения этого закона

корректируются на постоянной основе с тем, чтобы сохранить его актуальность в меняющихся условиях обстановки и повысить популярность среди законодательных органов разных штатов.

Безусловно, MBCA не относится к числу нормативно-правовых актов. Этот документ имеет исключительно рекомендательный характер, и руководство каждого конкретного штата самостоятельно решает, применять ли содержащиеся в нем нормы для регулирования деятельности корпорации на их территории или нет. Однако осознание наличия неоспоримых преимуществ унификации корпоративных правоотношений, которые предлагало внедрение MBCA, привело к тому, что к 2008 г. этот акт был полностью одобрен и принят 24 штатами, в то время как еще 26 штатов, а также округ Колумбия так или иначе приняли отдельные его положения, включив их в свои законы о корпорациях, которые в разной степени учитывают местную специфику штатов [9].

Если оценивать корпоративное законодательство различных штатов на предмет их соответствия положениям MBCA, то, пожалуй, менее всего этому критерию будет соответствовать корпоративное законодательство штата Делавэр, представленное в восьмом разделе кодекса штата (Delaware Code) [10. Р. 40–41]. Сегодня штат Делавэр предлагает наиболее привлекательные условия для инкорпорирования коммерческих предприятий, в числе которых:

1. Максимально простая и быстрая процедура регистрации корпораций. Регистрация требует минимального объема личной информации, что позволяет акционерам и директорам корпораций сохранять максимальную конфиденциальность. Помимо стандартных сроков регистрации штат предлагает воспользоваться ускоренными вариантами (в течение 24 часов, в тот же день, через два часа и за 30 минут) за дополнительную плату. Сама процедура регистрации может быть выполнена удаленно в режиме онлайн.

2. Упрощенная система отчетности. Законодательство штата позволяет представлять годовой отчет о деятельности корпорации в онлайн-режиме, при этом он требует минимальной информации и прост в подаче [11].

3. Налоговые преференции. Корпорации, зарегистрированные в Делавэре, но не осуществляющие там предпринимательскую деятельность, не платят налог на прибыль. В штате не взимаются налоги на личное имущество, на наследство, на прибыль от инвестиций, а также налог с продаж [12]. Кроме того, в Делавэре не облагаются налогом и нематериальные активы корпораций (патенты, товарные знаки, торговые наименования и пр.).

4. Наличие Канцлерского суда штата (Court of Chancery). В этом судебном органе разрешаются деловые споры, возникающие в процессе деятельности корпораций. Рассматриваются такие дела не присяжными заседателями, а специализирующимися на коммерческом праве судьями, руководствующимися принципом справедливости при разрешении споров [11]. На протяжении многих лет Канцлерский суд штата Делавэр был местом разрешения важных корпоративных споров, а принятые им решения оказали влияние на фор-

мирование различных доктрин корпоративного управления по всей стране [10. Р. 39]. Как результат, сегодня этот судебный орган аккумулировал обширную базу прецедентов, позволяющую разрешить спор практически в любой сфере коммерческой деятельности.

5. Гибкость системы корпоративного управления. Корпоративное законодательство штата предоставляет бизнесу большую свободу в выстраивании системы управления корпорацией, а также в определении прав и обязанностей членов совета директоров и акционеров [11].

Наличие этих преференций привело к тому, что в 2020 г. в Делавэре было зарегистрировано 68% из 500 крупнейших компаний США по размеру выручки (список Fortune 500). В том же году на долю зарегистрированных в штате корпораций пришлось 93% от общего объема всех первичных публичных размещений акций (IPO) в США [12]. Можно уверенно констатировать, что штат Делавэр выиграл гонку за привлечение корпораций.

Вместе с тем некоторые второстепенные аспекты корпоративных правоотношений, преимущественно затрагивающие вопросы контроля отдельных видов деятельности корпораций (инвестиционная и консультационная деятельность, операции с ценными бумагами, банкротство, выплата подоходного налога, взаимоотношения с потребителями и пр.), регулируются федеральным законодательством США. К числу таких нормативно-правовых актов относятся: Закон о ценных бумагах (Securities Act of 1933), Закон о бирже ценных бумаг (Securities Exchange Act of 1934), Закон о холдинговых компаниях в коммунальном хозяйстве (Public Utility Holding Company Act of 1935), Закон о доверительном управлении (Trust Indenture Act 1939), Закон об инвестиционной компании (Investment Company Act of 1940), Закон об инвестиционных советниках (Investment Advisers Act of 1940), Закон Сарбейнса-Оксли (Sarbanes-Oxley Act of 2002), Закон о реформировании Уолл-стрит и защите прав потребителей Додда-Франка (Dodd-Frank Act of 2010), Кодекс США о банкротстве (U.S. Bankruptcy Code или U.S. Code: Title 11), Закон о налогообложении (Internal Revenue Code of 1986 или U.S. Code: Title 26) и пр. [13. С. 206; 14. С. 389–390; 15. С. 1419].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что подходы РФ и США к регулированию корпоративных правоотношений существенно разнятся. В российском правовом порядке деятельность корпораций регулируется на федеральном уровне. Законодателем разработаны нормативно-правовые акты, содержащие унифицированные императивные нормы, действующие по всей стране. В США же, напротив, единый нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность корпораций на всей территории страны, не представлен. Порядок регулирования корпоративных правоотношений определяется каждым штатом самостоятельно. Этот факт оказывает амбивалентное влияние на развитие феномена корпоративных правоотношений в США. С одной стороны, отсутствие кодифицированного законодатель-

ства затрудняет процесс правового регулирования деятельности корпораций ввиду отсутствия единой отраслевой терминологии и стандартов [15. С. 1419]. С другой стороны, разнообразие правовых норм позволяет штатам конкурировать между собой в стремлении создать наиболее благоприятные условия для развития предпринимательства и, как следствие, привлечь в свой штат наибольшее число корпораций [13. С. 207].

Понятие и виды (типы) корпораций в РФ и США

Согласно легальному определению, приведенному в ст. 65.1 ГК РФ, корпорация (корпоративное юридическое лицо) представляет собой юридическое лицо, учредители которого: во-первых, получают право участвовать в этих корпорациях (становиться их членами); во-вторых, получают право формировать (по умолчанию входит в состав) высший орган корпорации – общее собрание участников. Иными словами, к корпорациям относятся юридические лица, построенные по принципу участия (членства) их учредителей в деятельности созданной ими организации. Исчерпывающий перечень организационно-правовых форм корпоративных юридических лиц представлен в ст. 65.1 ГК РФ (рис. 1).

Как видно из перечня, российские корпорации могут быть как коммерческими (полные и командитные товарищества, крестьянские (фермерские) хозяйства, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества и производственные кооперативы), так и некоммерческими (потребительские кооперативы, общественные организации и движения, ассоциации и союзы, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока (КМНС), нотариальные палаты). Статьями 123-16.1 и 123-16.2 ГК РФ законодатель ввел дополнительные организационно-правовые формы некоммерческих корпоративных организаций, не указанные в ст. 65.1 ГК РФ, а именно: адвокатские палаты и адвокатские образования, являющиеся юридическими лицами (адвокатские бюро, коллегии адвокатов и юридические консультации).

Анализ вышеприведенного списка корпораций показывает, что в российском правовом порядке корпорациями признаются оформленные в качестве юридического лица объединения лиц (как физических, так и юридических) и (или) их имущества (капиталов) для достижения совместных целей. Так, примерами корпораций, основанных исключительно на объединении лиц (граждан), могут служить: казачьи общества, общины КМНС, палаты нотариусов, общественные организации и движения и пр. Объединение лиц и их капиталов (имущества) происходит при учреждении обществ с ограниченной ответственностью, производственных кооперативов, крестьянских (фермерских) хозяйств и т.д. Пожалуй, единственным видом корпораций, представляющих собой чистое объединение капиталов, могут выступать акционерные общества, в которых личность конкретных акционеров, факт их появления или ухода из компании не имеют никакого юридического значения для самой корпорации [17. С. 13–14].

Рис. 1. Организационно-правовые формы корпоративных юридических лиц согласно ГК РФ (составлено по: [16])

В США определение понятия «корпорация» не закреплено на законодательном уровне. Наибольшее распространение на практике получило определение, представленное в Народном юридическом словаре Дж. Хилла, который размещен на сайте Национального управления архивов и документации США. Согласно этому словарю, корпорация – «организация, созданная с одобрения правительства штата в качестве юридического лица для ведения бизнеса (или другой деятельности), которая может подавать иски или отвечать по искам, а также может выпускать акции для сбора средств (исключая некоммерческие организации), с помощью которых она может начать бизнес или увеличить свой капитал» [18. Р. 116–117]. Как следует из приведенного определения, корпорации преимущественно представляют собой коммерческие организации, цели которых сводятся к наращиванию капитала посредством ведения предпринимательской деятельности. Ключевым преимуществом корпорации, согласно словарю, считается тот факт, что «ответственность корпорации за ущерб или долги ограничена ее активами, поэтому акционеры (Shareholders) и должностные лица (Officers) защищены от личных претензий, за исключением случаев совершения ими мошенничества» [18. Р. 116–117]. Вместе с тем на практике существуют примеры и некоммерческих корпораций, отличающихся от коммерческих целями деятельности (благотворительная, воспитательная, образовательная, религиозная и т.д.), а также наличием официального освобождения от уплаты подоходного налога. Некоммерческие органи-

зации не имеют акционеров и, следовательно, не выплачивают дивиденды. Получаемая ими прибыль остается в корпорации и используется в целях реализации ее общественно полезных функций [19]. В число широко известных американских некоммерческих корпораций входят Boy Scouts of America, Better Business Bureau, Amnesty International и др.

Учитывая тот факт, что абсолютное большинство корпораций в США представлено именно предпринимательскими структурами, считаем целесообразным сосредоточить основные усилия на исследовании коммерческих корпораций, рассмотрев их в совокупности с другими коммерческими структурами. Согласно информации, приведенной на официальном сайте Налогового управления США (IRS), корпорации входят в число основных бизнес-структур, осуществляющих коммерческую деятельность на территории государства (рис. 2). Среди них статусом юридического лица обладают лишь корпорации (Corporations) и компании с ограниченной ответственностью (Limited Liability Companies), которые выступают в качестве самостоятельных субъектов правоотношений. Частные предприниматели (Sole Proprietorships) [20] и товарищества (Partnerships) [21], напротив, не имеют статуса отдельного юридического лица, обособленного от их собственников. В них собственник (собственники) несут полную ответственность за любое действие или бездействие созданной ими предпринимательской структуры.

С правовой точки зрения получение коммерческой организацией статуса юридического лица обеспечивается процедурой инкорпорирования (для корпораций)

и учреждения/организации (для компаний с ограниченной ответственностью). Статус корпорации подтверждается сертификатом (свидетельством) о регистрации (Certificate of Incorporation), а статус компании с ограниченной ответственностью – сертификатом

(свидетельством) об учреждении/организации (Certificate of Formation/Organization). Выдаются такие сертификаты правительством штата (государственным секретарем штата или отделом корпораций, в зависимости от штата) [23].

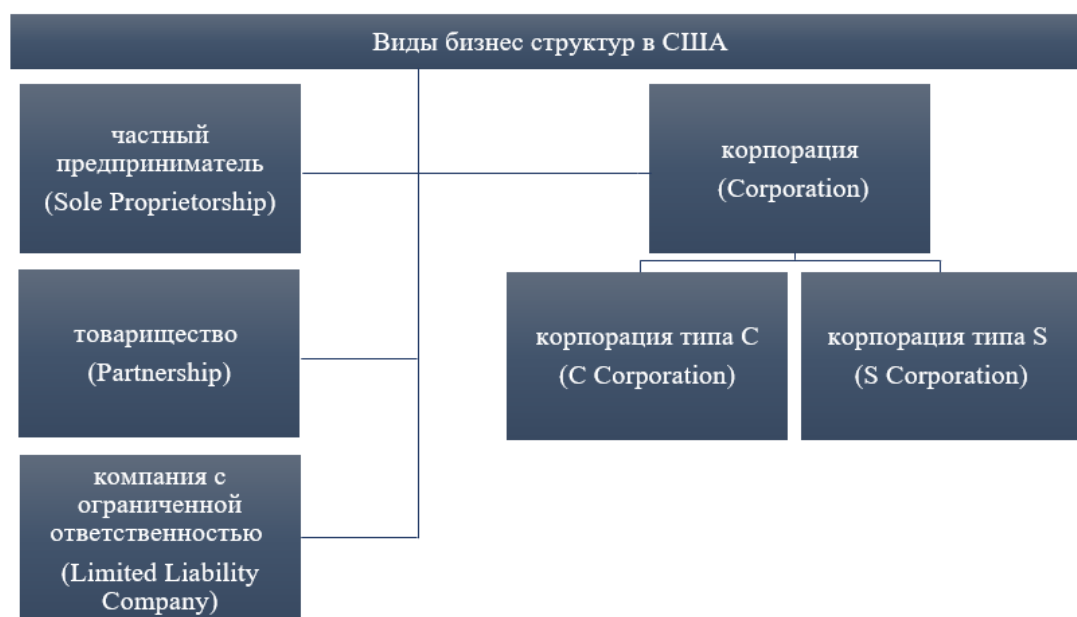

Рис. 2. Основные коммерческие предприятия США
(составлено по: [22])

Коммерческие корпорации США представлены двумя типами – С и S (см. рис. 2). Основное отличие между ними заключается в применении разных моделей взимания с них федеральных налогов. В корпорациях типа S доходы, расходы, вычеты и кредиты организации переходят к их акционерам. Акционеры в свою очередь отражают сведения о фактических доходах и расходах в своих личных налоговых декларациях, выступая в качестве физических лиц. На основании указанных сведений Налоговое управление США (IRS) начисляет подоходный налог на прибыль акционеров по индивидуальным ставкам (от 10 до 37% в зависимости от суммы годового дохода). Указанная схема, также называемая «сквозной», позволяет корпорациям типа S избежать двойного налогообложения, характерного для корпораций типа С [24].

Корпорации типа С рассматриваются в качестве отдельных налогоплательщиков. Они самостоятельно осуществляют коммерческую деятельность, получают прибыль, несут убытки, платят все налоги и только потом распределяют чистую прибыль в виде дивидендов между акционерами, чьи доходы также облагаются налогами. Фактически вырученные корпорацией типа С денежные средства облагаются налогом дважды:

первый раз – в ходе уплаты подоходного налога юридическим лицом (прибыль корпорации), и второй – в ходе уплаты подоходного налога физическими лицами (полученные акционерами дивиденды). При этом акционеры не вправе вычитать из налогооблагаемой базы потери корпорации, а корпорация, в свою очередь, не вправе вычитать из налогооблагаемой базы распределенные дивиденды [25].

Разница в объеме выплат подоходного налога при использовании различных моделей налогообложения корпораций типа S и С наглядно продемонстрирована в табл. 1. Представленные в таблице результаты рассчитаны на основе следующих базовых условий: во-первых, условный налогооблагаемый доход корпорации за отчетный период составляет 1 млн долл. США; во-вторых, условное количество конечных бенефициаров корпорации ограничено одним акционером. При таких условиях акционер выплачивает максимально возможный подоходный налог в размере 37% (в 2023 г. по ставке 37% облагаются доходы физического лица, превышающие 578 125 долл. США). При этом чистая прибыль конечного бенефициара корпорации типа S на 26,6% превысит аналогичный показатель корпорации типа С.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей налогообложения корпораций в США и РФ

Наименование налогового показателя	Корпорация типа С (США)		Корпорация типа S (США)		Хозяйственное общество (РФ)	
	%	долл. США	%	долл. США	%	долл. США
<i>Первый этап – выплата налога на доходы юридического лица (корпорации)</i>						
Налогооблагаемая база	–	1 000 000	–	–	–	1 000 000
Ставка корпоративного подоходного налога	21,0	210 000	–	–	20,0	200 000

Наименование налогового показателя	Корпорация типа С (США)		Корпорация типа S (США)		Хозяйственное общество (РФ)	
	%	долл. США	%	долл. США	%	долл. США
<i>Второй этап – выплата налога на доходы физического лица (акционера)</i>						
Налогооблагаемая база	–	790 000	–	1 000 000	–	800 000
Ставка индивидуального подоходного налога	37,0	292 300	37,0	370 000	15,0	120 000
Чистая прибыль акционера с дохода в 1 000 000 долл. США	49,77	497 700	63,0	630 000	68,0	680 000

Источник: [26, 27].

На первый взгляд, в экономическом плане корпорации типа S выглядят более привлекательными нежели корпорации типа С, поскольку позволяют сохранить в руках акционеров больший объем капитала. Однако корпорации типа S имеют ряд существенных ограничений, не позволяющих использовать этот вид бизнес-структур для учреждения крупных международных корпораций. К числу таких ограничений: (1) учредителями могут быть только резиденты США; (2) акционеры могут быть представлены физическими лицами, наследственными и доверительными фондами; (3) акционерами не могут стать другие корпорации, партнерства, а также иностранные граждане; (4) общее количество акционеров не может превышать 100; (5) корпорация имеет право выпускать акции одного-единственного типа (без разделения количества голосов, закрепляемых за одной акцией); (6) корпорации типа S не могут заниматься финансовой и страховой деятельностью, а также международной торговлей [24].

Что же касается компаний с ограниченной ответственностью (LLC), то данный вид бизнес-структур считается относительно новым для США. Первые LLC появились в 1970-х гг. в штатах Флорида и Вайоминг. Однако уже к 2010 г. компании с ограниченной ответственностью были узаконены во всех 50 штатах и в Федеральном округе Колумбия [28]. Во многом LLC схожи с корпорациями, но ни в коей мере не тождественны им. Так, члены (собственники) LLC, во-первых, могут, но не обязательно обладают ограниченной ответственностью; во-вторых, могут, но не обязательно имеют штат профессиональных управленцев (менеджеров); в-третьих, могут самостоятельно выбрать модель налогообложения своей компании, аналогичную той, что применяется для корпораций или товариществ (для компаний с двумя и более членами), либо вовсе выбрать вариант, при котором компания не имеет статуса самостоятельного налогоплательщика. В некоторых штатах для LLC установлены дополнительные ограничения, не распространяющиеся на корпорации, в числе которых: срочный характер деятельности компании, проявляющийся в обязанности определить дату автоматической ликвидации компании в будущем; привязанность компании к личности конкретного собственника, проявляющаяся в обязанности ликвидации компании либо проведения обязательного голосования оставшихся членов по вопросу продолжения деятельности компании в случае смерти, банкротства или иного происшествия с одним из ее членов, и др. [29].

Основными сущностными характеристиками корпорации в правовой системе США считаются: (1) ограниченная ответственность в отношении активов; (2)

непрерывность существования (существование корпорации не зависит от количества и личности конкретных акционеров); (3) централизация управления (штат профессиональных менеджеров); (4) возможность беспрепятственной передачи права собственности (свободная продажа акций) [30]. В практическом плане указанные критерии являются основополагающими при разграничении корпораций и компаний с ограниченной ответственностью. Так, LLC имеет право одновременно отвечать лишь двум из четырех указанных критериев. В случае превышения этого лимита компания с ограниченной ответственностью подлежит инкорпорированию, т.е. становится корпорацией, теряя все свои налоговые преференции.

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что по своей природе из шести организационно-правовых форм коммерческих корпоративных юридических лиц, представленных в российском правовом порядке, понятию коммерческая корпорация, используемому в правовом порядке США, соответствует только российское юридическое лицо, учрежденное в организационно-правовой форме акционерного общества, т.е. коммерческой организации, обязательными атрибутами которой являются: (1) разделение уставного капитала на определенное количество акций, каждая из которых удостоверяет обязательственные права акционеров по отношению к обществу; (2) ответственность акционеров по рискам, связанным с деятельностью общества, ограничена стоимостью принадлежащих им акций; (3) право беспрепятственного отчуждения акций участниками общества (отсутствие необходимости получения согласия других акционеров на продажу акций) и, как следствие, (4) непрерывность существования общества [31]. Руководствуясь одним из основополагающих принципов сравнительного правоведения – «сравнивать сравнимое», объектами дальнейшего сравнительного анализа будут выбраны именно эти организационно-правовые формы юридических лиц исследуемых стран.

Типовая структура, права и обязанности субъектов органов управления российского акционерного общества и американской коммерческой корпорации

Как было отмечено выше, и российские АО, и американские корпорации относятся к юридическим лицам, а следовательно, считаются носителем всех прав и обязанностей, присущих этим субъектам права. Согласно ст. 48 ГК РФ, юридическими лицами признаются зарегистрированные в соответствии с законом организации (структуры), отвечающие следующим параметрам: во-первых, они располагают обособленным

имуществом, которым отвечают по возникшим обязательствам; во-вторых, они являются носителем гражданских прав и обязанностей, которые реализуются ими от своего имени; в-третьих, они могут стать как ответчиком, так и истцом в судебном процессе. В

США юридические лица наделяются аналогичными полномочиями, а именно: 1) они могут предъявлять иски и отвечать по ним в суде; 2) могут владеть имуществом; 3) могут заключать договоры, т.е. вступать в гражданские правоотношения [32].

Таблица 2

Типовая структура американской корпорации и российского акционерного общества

Функции органа	Корпорации США	Акционерные общества РФ	Форма вознаграждения
Иницирующие органы	Учредители (Incorporators)	Учредители	Не предусмотрена либо сделная (в США для наемных учредителей)
Волеобразующие органы	Акционеры (Shareholders) Совет директоров (Board of Directors) и комитеты	Общее собрание акционеров Совет директоров (наблюдательный совет) и профильные комитеты	Прирост капитала, дивиденды Заработная плата, компенсация (возмещение) расходов
Волеизъявляющие органы	Должностные лица (Officers)	Исполнительный орган: (1) единоличный (директор, генеральный директор); (2) единоличный (директор, генеральный директор) и коллегиальный (правление, дирекция)	Заработная плата (в т.ч. в форме предоставления акций и опционов)

Источник [8, 31, 33].

Несмотря на кажущуюся идентичность структуры управления исследуемых организаций (см. табл. 2), следует отметить ряд существенных расхождений в функциях и полномочиях соответствующих органов управления. Хотя учредители организации не входят в состав управляющих органов корпорации/АО, именно с них стоит начать анализ, поскольку существование организации как самостоятельного субъекта правоотношений становится результатом деятельности учредителей. Учредители как российского АО, так и американской корпорации могут быть представлены физическими и (или) юридическими лицами. Однако если в российском правовом порядке учредители АО – это лица, непосредственно принявшие решение об учреждении общества, которые после регистрации АО получают статус акционеров [31], то учредители американской корпорации хотя и могут быть, но зачастую не являются акционерами, директорами или должностными лицами учреждаемой ими организации. Как правило, роль учредителя достается наняемому юристу, который занимается подготовкой, подписанием и подачей учредительных документов в компетентные органы штата. После первого заседания совета директоров и должностных лиц учредитель уходит в отставку [8].

Как в США, так и в РФ под акционерами понимаются физические и (или) юридические лица, владеющие акциями корпорации/АО. Создавая коммерческую корпорацию, потенциальные акционеры обменивают свои деньги или имущество (либо и то и другое) на акционерный капитал корпорации (акции и облигации) [25] с целью извлечения материальной выгоды. Ее получение обеспечивается путем распределения чистой прибыли в виде дивидендов либо путем продажи всех или части принадлежащих им акций [34. Р. 104]. Говоря иначе, акционеры – это собственники и, как следствие, главные выгодоприобретатели корпорации/АО.

Согласно российскому законодательству, высшим органом управления АО считается общее собрание акционеров, которое организуется в форме обязательных

годовых, либо дополнительных (созываются советом директоров при наличии острой необходимости) внеочередных собраний. Голосование по вопросам, включенным в повестку общего собрания, – это основной способ реализации акционерами своих прав по управлению обществом. Полный перечень вопросов, относящихся к компетенции общего собрания акционеров, определен ст. 48 ФЗ «Об акционерных обществах» и включает более 20 пунктов. Условно они могут быть разделены на три группы: (1) организационные вопросы (изменение, дополнение и утверждение устава, реорганизация общества, определение состава совета директоров, и т.д.); (2) имущественные вопросы (распределение прибыли, операции с акциями, уменьшение или увеличение уставного капитала и т.д.); (3) контрольно-надзорные вопросы (разрешение или последующее одобрение сделок, утверждение годовой отчетности, формирование ревизионной комиссии, назначение аудиторской организации и т.д.).

В правовом порядке США права, которыми располагают акционеры корпорации, не обозначены так же четко, как это сделано в РФ, и различаются от штата к штату. Тем не менее, как правило, во всех штатах им принадлежат следующие фундаментальные права в сфере управления коммерческой корпорацией, также реализуемые путем голосования: (1) исключительное право избрания директоров; (2) право внесения поправок и дополнений в устав; (3) право на участие (одобрение) в сделках, влияющих на дальнейшую жизнеспособность бизнеса (слияние, ликвидация); (4) номинальное право знакомиться с бухгалтерской отчетностью, протоколами заседаний совета директоров, внутренней документацией корпорации, ограниченное надобностью обоснования острой необходимости и важности раскрытия этих сведений для конкретного акционера; (5) право предъявления иска к корпорации за действия, нарушающие права акционера [35. Р. 413–427]. Встречи акционеров проводятся в форме ежегодных и специальных собраний, а также по приказу судебных органов.

Как нам представляется, имея возможность реально участвовать в решении ряда имущественных и контрольно-надзорных вопросов, общее собрание акционеров российского АО располагает большим объемом полномочий, нежели собрание акционеров американской корпорации. Хотя, по мнению отдельных экспертов, акционеры играют чисто номинальную роль в организации процесса управления АО, так как все полномочия законодательно предоставляются единоличному исполнительному органу. В США же, напротив, вопросы внутрикорпоративного управления (определение численности совета директоров и комитетов в его составе, избрание директоров, установление размера их вознаграждения, а также определение содержания устава корпорации) решаются исключительно акционерами [6. С. 44]. Однако на практике компетенция акционеров американской корпорации часто ограничивается только вышеуказанными правами, поскольку совет директоров имеет законную возможность уклониться от необходимости вынесения отдельных имущественных вопросов на рассмотрение собрания акционеров, выставляя, например, процедуры по слиянию (поглощению) организаций в качестве сделок купли-продажи, не требующих одобрения акционеров. Фактически основной способ реализации права акционера на участие в управлении организацией заключается в возможности выбора директоров, которые непосредственно определяют курс развития корпорации и контролируют деятельность ее должностных лиц [35. Р. 430–434]. Как нам представляется, именно так проявляется себя на практике принцип отделения собственности на вложенный капитал от управления.

В целом основные задачи совета директоров как российского АО, так и американской корпорации схожи и заключаются: (1) в определении стратегии развития компании и принятии решений по наиболее важным вопросам; (2) в избрании руководящих должностных лиц (исполнительные органы, Officers) и осуществлении контроля над их деятельностью. В общих чертах функционал совета директоров российского АО отражен в Кодексе корпоративного поведения, рекомендованном распоряжением ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р, и включает: (1) определение приоритетных направлений деятельности АО; (2) разработку финансово-хозяйственного плана АО; (3) введение эффективной процедуры внутреннего контроля. Конкретный перечень вопросов, отнесенных к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) российского АО (18 наименований), определен ст. 65 ФЗ «Об акционерных обществах».

Основные контрольно-надзорные функции совета директоров (Board of Directors) американской корпорации определены в § 8.01 MBCA и § 141 Кодекса штата Делавэр и включают контроль: (1) эффективности бизнеса, планов и стратегий; (2) управления рисками, которым подвержена или может быть подвержена корпорация; (3) деятельности исполнительных должностных лиц и выплачиваемого им вознаграждения; (4) политики и практики соблюдения корпорацией норм этического поведения и законов штата; (5) финансовой отчетности корпорации; (6) эффективности внутренней

системы управления корпорацией; (7) состава совета директоров и деятельности его комитетов; (8) функционирования системы своевременного представления директорам значимой информации и отчетности. К компетенции совета директоров (Board of Directors) также относятся: определение размера выплачиваемых акционерам дивидендов, внесение изменений в устав (Bylaw) или учредительный договор (Articles of Incorporation), а также принятие решения по реализации существенных корпоративных сделок, не влияющих на дальнейшую жизнеспособность корпорации.

Сравнительный анализ полномочий советов директоров российского АО и американской корпорации указывает на то, что директора последней располагают большей полнотой власти в вопросах управления организацией. В обоснование этой точки зрения приведем несколько примеров. Так, в США вопросы объявления дивидендов и принятия решения по крупным сделкам относятся к исключительной компетенции совета директоров, а полномочия по внесению изменений (дополнений) в учредительные документы разделены с акционерами [36. Р. 13–15]. В то же время в РФ правом внесения изменений (дополнений) в устав АО располагает только общее собрание акционеров, а полномочия по выплате дивидендов и принятию решения о совершении крупных сделок разделены между советом директоров (наблюдательным советом) и общим собранием акционеров. В первом случае совет директоров вносит рекомендации по размеру и порядку выплаты дивидендов, а общее собрание акционеров принимает решение об их выплате (объявлении), хотя и действует на основе полученных рекомендаций. Во втором из обозначенных нами случаев совет директоров дает согласие (одобрение) на совершение сделок стоимостью 25–50% балансовой стоимости активов АО, а общее собрание акционеров – стоимостью свыше 50% либо по сделкам меньшей стоимости в случае отсутствия единогласного решения совета директоров [31].

Как справедливо отмечают некоторые эксперты, большая часть исследователей проблематики корпоративного управления напрасно фокусируется на вершине корпоративной иерархии, ведь львиная доля управленческих решений (в том числе и по сделкам) принимается исполнительными органами и работниками более низкого уровня. Опыт последних лет указывает на то, что большинство современных американских корпораций «исповедуют культ главного исполнительного директора (CEO)» [37. Р. 393], веря в то, что это то самое должностное лицо, которое единолично способно привести корпорацию к успеху либо стать причиной ее краха. Действительно, трудно отрицать тот факт, что исполнительные органы (Officers) – это фундамент структуры корпоративного управления. Именно этот орган осуществляет повседневное руководство текущей деятельностью общества, от которого зависит конкурентоспособность и устойчивость корпорации/АО на внутреннем и мировом рынках. Как в РФ, так и в США состав, права и обязанности исполнительного органа (Officers) общества/корпорации не закреплены на законодательном уровне, а определяются собранием акционеров и советом директоров

либо лицами, ими уполномоченными (генеральным директором/СЕО), и отражаются в уставе организации (в части количественного состава) и трудовых договорах нанимаемых должностных лиц (в части пределов их полномочий) (ст. 69 ФЗ «Об Акционерных обществах», § 8.40–8.41, 8.44 МВСА, § 142 Кодекса штата Делавэр).

Хотя функции, выполняемые исполнительным органом российского АО и американской корпорации, идентичны, стоит отметить различия в организационной структуре рассматриваемых органов. Так, в РФ исполнительный орган представлен единоличным исполнительным органом (директор, генеральный директор), который действует либо самостоятельно, либо совместно с коллегиальным исполнительным органом (дирекция, правление) [31]. В последнем случае генеральный директор получает статус председателя правления, а решения коллегиального органа принимаются в ходе заседаний путем голосования и оформляются протоколом. В свою очередь, для исполнительных органов американской корпорации нехарактерно принятие коллегиальных решений [6. С. 44]. В зависимости от штата руководителей вся полнота власти возлагается либо на главного исполнительного директора (СЕО), либо распределяется между несколькими руководителями, действующими по вверенным им направлениям деятельности корпорации под общим руководством СЕО. В их число могут входить операционный директор (COO), финансовый директор (CFO), директор по маркетингу (CMO), директор по информационным технологиям (CIO), технический директор (CTO), корпоративный секретарь.

Стоит напомнить, что основная цель коммерческой корпорации в США и АО в РФ – это извлечение прибыли. Акционеры исследуемых организаций несут все риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности, в объеме вложенного ими имущества, но при этом обладают весьма ограниченными возможностями в вопросах управления корпорацией/АО. Отсюда возникает исследовательский вопрос: предусматривает ли российское и американское законодательство обязанность директоров и должностных лиц/исполнительных органов преследовать цели организации (фидуциарные обязанности) и несут ли они персональную ответственность за свои действия перед акционерами? Ответ на этот вопрос будет утвердительным.

Согласно ст. 53.1 ГК РФ и ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» члены совета директоров (наблюдательного совета) и исполнительных органов должны действовать в интересах АО, а также исполнять обязанности и осуществлять права в отношении АО «добросовестно» и «разумно». Они также несут ответственность за все убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), в том числе если эти действия (бездействие) не соответствовали «обычным условиям гражданского оборота» или «обычному предпринимательскому риску». Как видим, российское законодательство вводит в отношении действий членов совета директоров (наблюдательного совета) и

исполнительных органов обязательные критерии «добросовестности» и «разумности», однако не раскрывает их содержания.

Сущность этих критериев раскрывается в постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62. Так, о недобросовестности действий (бездействия) директора может идти речь, в случае если: (1) присутствовал конфликт интересов; (2) имело место сокрытие информации о совершенной сделке; (3) сделка совершена без одобрения уполномоченных органов общества; (4) после увольнения он отказывается передать обществу документы, касающиеся обстоятельств причинения убытков; (5) он сознательно (по неосторожности) действовал (бездействовал) вопреки интересам юридического лица. Под неразумностью действий (бездействия) директора подразумеваются: (1) принятие решений без учета имеющей значение и известной ему информации; (2) непринятие мер по получению необходимой и достаточной для принятия решения информации; (3) совершение сделки без соблюдения внутренних процедур общества. Во всех обозначенных случаях вина члена совета директоров (наблюдательного совета) и исполнительных органов общества считается доказанной, и при наличии требования общества он обязан возместить все причиненные им обществу убытки.

В американском правовом порядке фидуциарные обязанности и ответственность директоров (Directors) и должностных лиц (Officers) прямо закреплены в законодательных актах. Так, в § 8.30, 8.42 МВСА и § 142–144 Кодекса штата Делавэр обозначены стандарты, в соответствии с которыми надлежит действовать указанным субъектам корпоративных правоотношений. В судебной практике их разделяют на две основные группы: обязанность соблюдать осторожность (Duty of Care) и обязанность соблюдать преданность (Duty of Loyalty). Соблюдение осторожности подразумевает обязанность субъектов корпорации принимать только взвешенные решения, основанные на анализе всей доступной существенной информации. Соблюдение преданности подразумевает обязанность осуществлять действия (включая решение не действовать) в интересах корпорации на бескорыстной (отсутствие материальной заинтересованности) и независимой (отсутствие связей с потенциальными выгодоприобретателями) основе. Эта группа включает в себя обязанности: (1) добросовестности (Good Faith) – обязанность действовать, основываясь на искренней вере в то, что эти действия отвечают наилучшим интересам компании и ее акционеров; (2) надзора (Oversight) – обязанность следить за соблюдением компанией норм действующего законодательства и внутренних нормативных актов; (3) раскрытия информации (Disclosure) – обязанность незамедлительного доведения до вышестоящих должностных лиц (органов) информации о наличии конфликта интересов и всех известных им фактических данных, способных повлиять на правильность принятия решения другими субъектами корпорации [38].

Согласно § 8.31, 8.42 МВСА и § 102, 142 Кодекса штата Делавэр, директора (Directors) и должностные лица (Officers) могут быть привлечены к персональной

ответственности перед акционерами за ущерб, нанесенный корпорации их действиями (бездействием). Однако директора могут быть освобождены от ответственности, если докажут, что при принятии ошибочного решения, приведшего к убыткам корпорации, они действовали рационально и основывались на достоверной информации, которой располагали на момент принятия решения. В судебной практике США этот подход известен как правило делового суждения (Business Judgment Rule) [8].

Таким образом, в США фидуциарные обязанности директоров и должностных лиц коммерческой корпорации определяются нормативно-правовыми актами штатов, в то время как в РФ они не закреплены на законодательном уровне. По мнению П.В. Магданова, этот факт негативно сказывается на системе корпоративного управления, позволяя руководителям российских АО принимать любые решения, нарушать права акционеров, инвесторов и кредиторов, поскольку последним крайне сложно доказать «недобросовестность или злоупотребление полномочиями единоличного исполнительного органа» ввиду отсутствия у них доступа к информации. На практике такая возможность появляется лишь при инициировании процедуры банкротства общества, «когда конкурсный управляющий получает доступ к бухгалтерской отчетности и внутренним документам общества» [6. С. 45].

Заключение

Подходы к регулированию корпоративных правоотношений РФ и США существенно разнятся. В РФ деятельность корпораций регулируется унифицированным федеральным законодательством, императивные нормы которого действуют по всей стране. В США же порядок регулирования корпоративных правоотношений определяется на уровне штатов (региональном уровне). Этот факт оказывает амбивалентное влияние на развитие корпоративных правоотношений: с одной стороны, отсутствие кодифицированного законодательства затрудняет процесс правового регулирования деятельности корпораций ввиду отсутствия единой отраслевой терминологии и стандартов; с другой стороны, разнообразие правовых норм позволяет штатам конкурировать между собой в стремлении создать наиболее благоприятные условия для развития предпринимательства.

В российской правовой действительности коммерческая корпорация может быть представлена одной из шести организационно-правовых форм юридических лиц: полные и коммандитные товарищества, крестьянские (фермерские) хозяйства, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества и производственные кооперативы. Однако сравнительно-правовой анализ законодательных норм двух стран указывает на то, что по своей природе понятие «коммерческая корпорация», используемому в правовом порядке США, соответствует только российское юридическое лицо, учрежденное в форме акционерного общества. Лишь эти два вида юридических лиц представляют собой чистое объединение капиталов, в котором личность конкретных акционеров, факт их появления или ухода из компании не имеют юридических последствий для самой предпринимательской организации.

Сравнительный анализ функционирования типовой структуры управления американской коммерческой корпорации и российского АО показал, что, несмотря на их кажущуюся идентичность, при детальном рассмотрении проявляется ряд существенных расхождений в функциях и полномочиях соответствующих органов управления. В США в большей степени реализован принцип отделения собственности на вложенный капитал от управления, что проявляется в делегировании основной части полномочий по управлению корпорацией директорам, а основной способ реализации права акционера на участие в управлении организацией сводится к возможности выбора директоров.

Также следует отдельно отметить тот факт, что в США фидуциарные обязанности директоров и должностных лиц коммерческой корпорации четко обозначены и законодательно закреплены нормативно-правовыми актами штатов, в то время как в РФ они не закреплены на законодательном уровне. Российское корпоративное право лишь поверхностно касается этого вопроса, вводя критерии «добросовестности» и «разумности», но не раскрывая их, что, как отмечают эксперты, создает условия для возникновения различного рода нарушений (злоупотреблений) со стороны руководства АО. Все это говорит о том, что положительный опыт США в части законодательного закрепления фидуциарных обязанностей руководящих органов коммерческой корпорации может оказаться полезным для совершенствования системы управления АО и развития корпоративных правоотношений в РФ.

Список источников

1. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И. Сравнительное правоведение: итоги и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 5–11. doi: 10.12737/jzsp.2023.017
2. Кравчук А.А., Цыганков А.Ю. Методологические подходы к пониманию сущности корпоративных правоотношений // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 99–103. doi: 10.26163/GIEF.2023.67.67.014
3. Беженар А.Н. Сравнительно-правовой анализ появления корпораций в США и России // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 166–169.
4. Бондаренко И.В., Давудова Д.А. Корпорации в РФ и США: сравнительно-правовой анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–2 (80). С. 176–181. doi:10.24412/2500-1000-2023-5-2-176-181
5. Дудченко А.В., Одиенко Н.В. Сравнительно-правовой анализ корпораций России, Англии и США // Сфера услуг: инновации и качество. 2021. № 54. С. 124–132.
6. Магданов П.В. Сравнение правовых основ регулирования деятельности и управления акционерными обществами в США и России // Стратегии бизнеса. 2022. Т. 10. № 2. С. 42–46. doi: 10.17747/2311-7184-2022-2-42-46
7. Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Источники корпоративного права // Власть закона. 2015. № 3 (23). С. 49–65.
8. Model Business Corporation Act (2016 Revision) (December 9, 2016). Active 36436414.2.

9. Model Business Corporation Act: Everything You Need to Know // Upcounsel. URL: <https://www.upcounsel.com/model-business-corporation-act> (дата обращения: 29.08.2023).
10. Salacuse J.W. Corporate Governance, Culture and Convergence: Corporations American Style or with a European Touch // *Law and Business Review of the Americas*. 2003. Vol. 9, No. 3. P. 33–62.
11. Delaware Corporation: Everything You Need to Know // Upcounsel. URL: <https://www.upcounsel.com/delaware-corporation> (дата обращения: 29.08.2023).
12. Crail Ch., Watts R., Haskins J. Why Incorporate in Delaware? Benefits & Considerations // *Forbes Advisor*. 2023. URL: <https://www.forbes.com/advisor/business/incorporating-in-delaware/> (дата обращения: 29.08.2023).
13. Этнюков В.Е. Правовые основы деятельности корпораций в США // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 8. С. 205–208.
14. Цыганков А.Ю., Бобылев С.С. Правовое регулирование деятельности корпораций на рынке бездокументарных ценных бумаг // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2023. Т. 9, № 2. С. 387–394.
15. Зяблицкий А.В., Колонтаевская И.Ф. Особенности правового регулирования корпораций в Великобритании и США // *Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация : материалы XVIII Междунар. конгресса с элементами научной школы для молодых ученых : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. М., 2022. С. 1417–1425.*
16. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
17. Макарова О.А. Генезис предпринимательских объединений: от корпорации к корпорации? // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 1. С. 4–15.
18. Hill G.N., Hil K.T. *The People's Law Dictionary*. MJF BOOKS, NEW YORK. 2002. 476 p.
19. The Difference Between a Nonprofit Corporation and a 501(c)(3) // *Houston Chronicle*. URL: <https://smallbusiness.chron.com/difference-between-nonprofit-corporation-501c3-59719.html> (дата обращения: 29.08.2023).
20. Sole Proprietorships // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/sole-proprietorships> (дата обращения: 29.08.2023).
21. Tax Information For Partnerships // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/businesses/partnerships> (дата обращения: 29.08.2023).
22. Business Structures // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/business-structures> (дата обращения: 29.08.2023).
23. Certificate of Incorporation // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/certificate_of_incorporation (дата обращения: 29.08.2023).
24. S Corporations // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/s-corporations> (дата обращения: 29.08.2023).
25. Forming a Corporation // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/forming-a-corporation> (дата обращения: 29.08.2023).
26. IRS provides tax inflation adjustments for tax year 2023 // IRS Official website. URL: <https://www.irs.gov/newsroom/irs-provides-tax-inflation-adjustments-for-tax-year-2023> (дата обращения: 29.08.2023).
27. Налог на прибыль организаций // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/yul/organization_pays_taxes/tax_profit/ (дата обращения: 29.08.2023).
28. Can a LLC Be Sued?: Everything You Need to Know // Upcounsel. URL: <https://www.upcounsel.com/can-a-llc-be-sued> (дата обращения: 29.08.2023).
29. Hoover S. C Corp vs. S Corp, Partnership, Proprietorship, and LLC: What Is the Best Business Entity? // *Finance*. URL: <https://www.toptal.com/finance/interim-cfos/c-corp-vs-s-corp> (дата обращения: 29.08.2023).
30. US Market // Global Alliance of SMEs. URL: <http://www.globalsmes.org/news/index.php?func=detail&detailid=417&catalog=22&lan=en> (дата обращения: 29.08.2023).
31. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
32. Legal Person // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/legal_person (дата обращения: 29.08.2023).
33. General Corporation Law // The Delaware Code Online. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/index.html> (дата обращения: 29.08.2023).
34. Gomory R., Sylla R. The American Corporation // *Daedalus Journal of the American Academy of Arts & Sciences*. 2013. Vol. 142, No. 2. P. 102–118. doi: 10.1162/DAED_a_00207
35. Velasco J. The Fundamental Rights of the Shareholder // *UC Davis Law Review*. 2006. Vol. 40, No. 2. P. 407–467.
36. Choi A.H., Min G. Contractarian Theory and Unilateral Bylaw Amendments // *Iowa Law Review*. 2018. Vol. 104:1, No. 17–37. 44 p.
37. Lin T.C.W. Undressing the CEO: Disclosing private, Material Matters of Public Company Executives // *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 2009. Vol. 11:2. P. 383–426.
38. Directors' Fiduciary Duties: Back to Delaware Law Basics // Skadden. 2020. URL: <https://www.skadden.com/insights/publications/2020/02/directors-fiduciary-duties> (дата обращения: 29.08.2023).

References

1. Khabrieva, T.Ya. & Kovler, A.I. (2023) Sravnitel'noe pravovedenie: itogi i perspektivy [Comparative law: results and prospects]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2 (19). pp. 5–11. doi: 10.12737/jzsp.2023.017
2. Kravchuk, A.A. & Tsygankov, A.Yu. (2023) Metodologicheskie podkhody k ponimaniyu sushchnosti korporativnykh pravootnosheniy [Methodological approaches to understanding the essence of corporate legal relations]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 99–103. doi: 10.26163/GIEF.2023.67.67.014
3. Bezhenar, A.N. (2017) Sravnitel'no-pravovoy analiz poyavleniya korporatsiy v SShA i Rossii [Comparative legal analysis of the emergence of corporations in the USA and Russia]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 6. pp. 166–169.
4. Bondarenko, I.V. & Davudova, D.A. (2023) Korporatsii v RF i SShA: sravnitel'no-pravovoy analiz [Corporations in the Russian Federation and the USA: comparative legal analysis]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 5–2 (80). pp. 176–181. doi: 10.24412/2500-1000-2023-5-2-176-181
5. Dudchenko, A.V. & Odinets, N.V. (2021) Sravnitel'no-pravovoy analiz korporatsiy Rossii, Anglii i SShA [Comparative legal analysis of corporations in Russia, England and the USA]. *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo*. 54. pp. 124–132.
6. Magdanov, P.V. (2022) Sravnenie pravovykh osnov regulirovaniya deyatel'nosti i upravleniya aktsionernymi obshchestvami v SShA i Rossii [Comparison of the legal framework for regulating the activities and management of joint-stock companies in the USA and Russia]. *Strategii biznesa*. 2 (10). pp. 42–46. doi: 10.17747/2311-7184-2022-2-42-46
7. Leskova, Yu.G. & Didenko, A.A. (2015) Istochniki korporativnogo prava [Sources of corporate law]. *Vlast' zakona*. 3 (23). pp. 49–65.
8. ABA Business Law Section Corporate Laws Committee (2016) *Model Business Corporation Act (2016 Revision)* (December 9, 2016). Active 36436414.2.
9. Upcounsel. (2023) Model Business Corporation Act: Everything You Need to Know. *Upcounsel*. 01 February. [Online] Available from: <https://www.upcounsel.com/model-business-corporation-act> (Accessed: 29.08.2023).
10. Salacuse, J.W. (2003) Corporate Governance, Culture and Convergence: Corporations American Style or with a European Touch. *Law and Business Review of the Americas*. 3 (9). pp. 33–62.

11. Upcounsel. (2024) Delaware Corporation: Everything You Need to Know. *Upcounsel*. 01 January. [Online] Available from: <https://www.upcounsel.com/delaware-corporation> (Accessed: 29.08.2023).
12. Crail, Ch., Watts, R. & Haskins, J. (2023) Why Incorporate in Delaware? Benefits & Considerations. *Forbes Advisor*. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/advisor/business/incorporating-in-delaware/> (Accessed: 29.08.2023).
13. Etnyukov, V.E. (2010) Pravovye osnovy deyatel'nosti korporatsiy v SShA [Legal basis for the activities of corporations in the USA]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 8. pp. 205–208.
14. Tsygankov, A.Yu. & Bobylev, S.S. (2023) Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti korporatsiy na rynke bezdokumentarnykh tsennykh bumag [Legal regulation of the activities of corporations in the market of uncertificated securities]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2 (9). pp. 387–394.
15. Zyblyitskiy, A.V. & Kolontaevskaia, I.F. (2022) [Features of legal regulation of corporations in the UK and the USA]. *Ustoychivoe razvitiye: issledovaniya, innovatsii, transformatsiya* [Sustainable Development: Research, innovation, transformation]. Proceedings of the 18th International Congress Vol. 1. Moscow. 08–09 April 2022. Moscow: Moscow Witte University. pp. 1417–1425. (In Russian).
16. Russian Federation. (1994) *Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994*. (In Russian).
17. Makarova, O.A. (2010) Genezis predprinimatel'skikh ob"edineniy: ot korporatsii k korporatsii? [The genesis of entrepreneurial associations: from corporation to corporation?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1. pp. 4–15.
18. Hill, G.N. & Hil, K.T. (2002) *The People's Law Dictionary*. MJF BOOKS, NEW YORK.
19. Houston Chronicle. (2020) The Difference Between a Nonprofit Corporation and a 501(c)(3). *Chron*. 25 August. [Online] Available from: <https://smallbusiness.chron.com/difference-between-nonprofit-corporation-501c3-59719.html> (Accessed: 29.08.2023).
20. IRS. (n.d.) Sole Proprietorships. IRS. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/sole-proprietorships> (Accessed: 29.08.2023).
21. IRS. (n.d.) Tax Information for Partnerships. IRS. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/businesses/partnerships> (Accessed: 29.08.2023).
22. IRS. (n.d.) Business Structures. IRS. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/business-structures> (Accessed: 29.08.2023).
23. Cornell Law School. (n.d.) *Certificate of Incorporation*. [Online] Available from: https://www.law.cornell.edu/wex/certificate_of_incorporation (Accessed: 29.08.2023).
24. IRS. (n.d.) S Corporations. IRS. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/s-corporations> (Accessed: 29.08.2023).
25. IRS. (n.d.) Forming a Corporation. IRS. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/forming-a-corporation> (Accessed: 29.08.2023).
26. IRS. (2022) IRS provides tax inflation adjustments for tax year 2023. IRS. 18 October. [Online] Available from: <https://www.irs.gov/newsroom/irs-provides-tax-inflation-adjustments-for-tax-year-2023> (Accessed: 29.08.2023).
27. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) *Nalog na pribyl' organizatsiy* [Corporate income tax]. [Online] Available from: https://www.nalog.gov.ru/rn77/yul/organization_pays_taxes/tax_profit/ (Accessed: 29.08.2023).
28. Upcounsel. (2020) Can a LLC Be Sued?: Everything You Need to Know. *Upcounsel*. 25 June. [Online] Available from: <https://www.upcounsel.com/can-a-llc-be-sued> (Accessed: 29.08.2023).
29. Hoover, S. (n.d.) C Corp vs. S Corp, Partnership, Proprietorship, and LLC: What Is the Best Business Entity? *Finance*. [Online] Available from: <https://www.toptal.com/finance/interim-cfos/c-corp-vs-s-corp> (Accessed: 29.08.2023).
30. Global Alliance of SMEs. (n.d.) *US Market*. [Online] Available from: <http://www.globalsmes.org/news/index.php?func=detail&detailid=417&catalog=22&lan=en> (Accessed: 29.08.2023).
31. Russian Federation. (1995) *On Joint Stock Companies. Federal Law No. 208-FZ of December 26, 1995*. (In Russian).
32. Cornell Law School. (n.d.) *Legal Person*. [Online] Available from: https://www.law.cornell.edu/wex/legal_person (Accessed: 29.08.2023).
33. The Delaware Code Online. (n.d.) *General Corporation Law*. [Online] Available from: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/index.html> (Accessed: 29.08.2023).
34. Gomory, R. & Sylla, R. (2013) The American Corporation. *Daedalus Journal of the American Academy of Arts & Sciences*. 2 (142). pp. 102–118. doi: 10.1162/DAED_a_00207
35. Velasco, J. (2006) The Fundamental Rights of the Shareholder. *UC Davis Law Review*. 2 (40). pp. 407–467.
36. Choi, A.H. & Min, G. (2018) Contractarian Theory and Unilateral Bylaw Amendments. *Iowa Law Review*. 17–37 (104:1).
37. Lin, T.C.W. (2009) Undressing the CEO: Disclosing private, Material Matters of Public Company Executives. *University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 11:2. pp. 383–426.
38. Gerber, M.S. Micheletti, E.B. & Atkins, P.E. (2020) Directors' Fiduciary Duties: Back to Delaware Law Basics. *Skadden*. 19 February. [Online] Available from: <https://www.skadden.com/insights/publications/2020/02/directors-fiduciary-duties> (Accessed: 29.08.2023).

Информация об авторах:

Кравчук А.А. – канд. полит. наук, юрисконсульт ООО “Космический центр “Морской старт”; внештатный научный сотрудник научной лаборатории “Международные институты многостороннего сотрудничества Азиатско-Тихоокеанского региона” Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: zkv3krava@mail.ru

Цыганков А.Ю. – канд. юрид. наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Kravchuk, Cand. Sci. (Political Science), legal advisor, Space Center “Sea Launch”, LLC; freelance researcher, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: zkv3krava@mail.ru

A.Yu. Tsygankov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 05.09.2023;
approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 347.2/3
doi: 10.17223/15617793/497/23

Недобросовестность приобретателя как условие истребования имущества из чужого незаконного владения

Ирина Дмитриевна Кузьмина¹

¹ Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия, kuzmina-58@mail.ru

Аннотация. Исследуется понимание недобросовестности в виндикационных отношениях как при решении вопроса об истребовании имущества из чужого незаконного владения, так и при распределении доходов и затрат в случае удовлетворения виндикационного иска. Выявляется сходство недобросовестности и виновности, определяемое их принадлежностью к субъективной стороне поведения нарушителя, обосновывается вывод о необходимости применения презумпции недобросовестности.

Ключевые слова: недобросовестность, вина, презумпция, приобретатель, виндикационный иск

Для цитирования: Кузьмина И.Д. Недобросовестность приобретателя как условие истребования имущества из чужого незаконного владения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 222–228. doi: 10.17223/15617793/497/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/23

Bad faith of the purchaser as a condition for recovery of property from another's illegal possession

Irina D. Kuzmina¹

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, kuzmina-58@mail.ru

Abstract. In modern Russian civil law, the category of good faith and its antipode - bad faith – has become widely used. The aim of the study is to establish the concept of good faith in the field of vindication relations, to identify its relationship with the category of guilt, as well as to justify the presumption to be applied. The material for the study was works of domestic scientists, which examined these categories, the provisions of pre-revolutionary, Soviet and modern civil legislation governing the relations under study, as well as acts of law enforcement practice. The study used general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal-logical, systemic-structural) and special legal (method of systemic interpretation, method of legal modeling) methods. The conducted research allowed coming to the following conclusions. The implementation in Russian civil legislation of two different approaches to understanding good faith/bad faith (subjective and objective) and, accordingly, the existence of two types of good faith/bad faith were identified. Objective dishonesty characterizes the objective side of a person's behavior as unlawful. At the same time, a person who formally does not violate specific provisions of the law, contract or customs does not comply with the requirements of morality, honest conduct of business, and a fair balance of interests. Subjective dishonesty is a characteristic of the subjective side of the behavior of a person acting unlawfully: "the person knew or could/should have known" about certain circumstances. This is precisely the meaning given to the bad faith of the violator of the right (unscrupulous purchaser) in relations arising when reclaiming property from someone else's illegal possession, where it acts as one of the conditions for the protection of the copyright holder (owner), and also determines the solution to the issue of applying additional consequences in the event of a satisfaction of the vindication claim concerning the fate of income and distribution of costs. It has been established that, despite the absence of special provisions in the rules on vindication, in law enforcement practice the presumption of good faith of the acquirer (owner), enshrined in Clause 5 of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation for objective integrity. Meanwhile, objective and subjective integrity are different concepts, and the rule about one cannot be applied to the other. By its legal nature, subjective good faith/bad faith gravitates towards the category of innocence/guilt, since they both characterize the subjective side of a person's behavior and equally create difficulties for the plaintiff in collecting and presenting evidence. This necessitates the presumption of bad faith of the acquirer (owner) in vindication relations.

Keywords: bad faith, guilt, presumption, acquirer, vindication claim

For citation: Kuzmina, I.D. (2023) Bad faith of the purchaser as a condition for recovery of property from another's illegal possession. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 222–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/23

В российском гражданском законодательстве и правоприменительной практике все активнее используются

категории недобросовестность/добросовестность. Концепция развития гражданского законодательства Российской

ской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. (далее – Концепция), одним из направлений совершенствования гражданского законодательства объявила необходимость дополнения принципов, «на которых основана система гражданского права», принципом добросовестности. Обращалось внимание на то, что «встречающиеся в ГК указания на добросовестность поведения субъектов отдельных правоотношений недостаточны для эффективного правового регулирования. Принцип добросовестности должен распространяться на действия (поведение) участников оборота при: а) установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка содержания прав и обязанностей сторон» (п. 1.1) [1].

В результате реализации проектируемого нововведения была изменена редакция некоторых норм Главы 1 «Гражданское законодательство». В них появилось требование, обращенное к участникам гражданских правоотношений, действовать добросовестно при установлении, осуществлении, защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Кроме такого позитивного обязывания, был введен ряд запретов, связанных с недобросовестным поведением: запрет извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ), а также запрет заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом) (п. 1 ст. 10 ГК РФ). И, наконец, была изменена редакция нормы ст. 10 относительно презумпции добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Нормативное закрепление требования добросовестности не сопровождалось определением его понятия, содержания или установлением критериев, которые бы позволили конкретизировать эту сугубо оценочную категорию для сферы правоприменения. В Концепции отмечалось, что введение в гражданское законодательство принципа добросовестности направлено на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования. Это отражает так называемый нравственный подход к установлению правового смысла требования добросовестности. В доктрине гражданского права он понимается как «объективный», когда для оценки поведения применяются такие нравственные категории, как честность («честное ведение дел») [2. С. 374]; соответствие поведения лица сложившимся в обществе представлениям о добре и зле [3. С. 180]; «сообразование собственного интереса с чужими, установление известных границ для проявления эгоизма, признание интересов общества» [4. С. 131–132]; «взаимный учет сторонами прав и законных интересов друг друга» [5. С. 120].

Эта идея была реализована в ходе реформирования Раздела III «Общая часть обязательственного права» ГК РФ, где были предложены критерии добросовестного поведения сторон при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения:

«...обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию» (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Этому определению Верховный Суд РФ придал общее значение оценки добросовестного поведения при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, дополнив указанием на то, что такое поведение является ожидаемым от любого участника гражданского оборота (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [6], далее – Постановление № 25). При таком понимании требование добросовестности, заявленное в качестве принципа гражданского права, становится дополнительным объективным критерием оценки поведения лица как правомерного наряду с теми, которые предусмотрены законом, договором и обычаями. Добросовестность в этом случае выступает в объективном значении, в качестве внешнего мерила [4. С. 124]. Поведение, формально не нарушающее конкретные предписания закона, договора или обычая, но отличающееся от ожидаемого от участника гражданских правоотношений, не отвечающее требованиям добросовестности (лицо действует с нарушением сложившихся в обществе представлений о честном ведении дел, не соблюдает справедливого баланса интересов и т.д.), является недобросовестным. Выделение и противопоставление двух форм противоправного поведения (незаконного и недобросовестного) можно обнаружить в п. 4 ст. 1 ГК РФ, а также в п. 4 ст. 61.10 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [7] (далее – ФЗ о несостоятельности).

Одновременно с этим категории добросовестности/недобросовестности используются в ином, так называемом субъективном значении, которое можно оценить словами Л.И. Петражицкого, адресованными добросовестному владению: оно не заключает в себе «никакого нравственного ключа», «никаких отрицательных нравственных элементов» [8], т.е. утрачивает какую-либо нравственную окраску, не имеет значения объективного критерия правомерности поведения лица, а становится субъективным критерием. Он служит для оценки субъективного состояния лица, которое определяется «не честным образом мыслей как таковым, а знанием или незнанием фактов», наличием неведения или заблуждения лица [4. С. 135]. Именно такой смысл, в частности, придается недобросовестности/добросовестности в отношениях, возникающих при защите прав участников ООО в случае утраты доли или части доли в уставном капитале ООО (п. 17 ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [9]), а также в традиционной для них сфере виндикационных отношений (ст. 302 ГК РФ). В указанных случаях недобросовестность нарушителя права (недобросовестного приобретателя) является

одним из условий защиты правообладателя (прежнего держателя доли или части доли в уставном капитале ООО, собственника) и понимается единообразно: лицо знало или могло знать, что спорное имущество (доли в уставном капитале, индивидуально-определенная вещь) приобретено от лица, которое не имело право его отчуждать. Для недобросовестного приобретателя наступают последствия в виде имущественных утрат, вызванных лишением права на долю или часть доли в уставном капитале общества, истребованием индивидуально-определенной вещи. Добросовестность приобретателя, с учетом прочих предусмотренных законом обстоятельств, является условием отказа правообладателю в защите, а спорное имущество считается принадлежащим добросовестному приобретателю. Так, в соответствии со ст. 223 ГК РФ при отсутствии оснований истребования собственником имущества, предусмотренных ст. 302 ГК РФ, недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации права собственности.

Таким же образом понималась добросовестность/недобросовестность лица для целей приобретения им права собственности по давности владения, хотя ст. 234 ГК РФ, признавая добросовестность владения имуществом одним из условий приобретения права, не предлагала его легального определения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [10] (далее – Постановление 10/22) владение считалось добросовестным, «если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности» (п. 15). Постепенно правоприменительная практика стала отходить от такого понимания добросовестности владения. Добросовестным объявлялось владение, если давностный владелец в момент завладения понимал отсутствие у него основания приобретения права собственности, например, в силу отсутствия внешне правомерных действий (соглашения с титульным собственником, направленного на переход права собственности и т.д.). Так, по одному из дел истец, которому принадлежала 3/4 доли в праве общей собственности на дом, владел жилым домом и использовал его без учета других сосособственников, не совершивших действий по отказу от права на долю, но которые при этом не проявляли какого-либо интереса к этому имуществу. Указанные обстоятельства, по мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, не свидетельствуют о недобросовестности истца, обратившегося с иском о признании права собственности на долю отсутствующего сосособственника по давности владения (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2019 № 4-КГ19-55, 2-598/2018). Такая практика была одобрена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке

конституционности п. 1 ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова», который провозгласил существование неких различий в понимании добросовестности приобретателя для целей виндикации и добросовестности владельца для целей приобретения права собственности по давности владения. Эти различия не были выявлены, Суд лишь указал их направления (по содержанию, функциям и целям применения), равно как и не было предложено понимание добросовестности для давности владения. Конституционный Суд ограничился рассуждениями о том, что оно не должно препятствовать возвращению вещи в гражданский оборот: «...для признания владельца добросовестным при определенных обстоятельствах не требуется, чтобы он имел основания полагать себя собственником имущества. Добросовестность может быть признана судами и при наличии оснований для понимания владельцем отсутствия у него оснований приобретения права собственности». При решении вопроса о добросовестности предлагалось учитывать баланс интересов: отсутствие интереса к вещи у титульного собственника, забота об этом имуществе, несение расходов по его содержанию со стороны владельца, а также наличие публично-правовых интересов в достижении правовой определенности, возвращении имущества в гражданский оборот, реализации фискальных целей [11]. Эта правовая позиция, по сути, исключает добросовестность в ее субъективном смысле из числа условий приобретения права собственности по давности владения, поскольку не предполагает наличие заблуждения в обстоятельствах владения чужим имуществом как своим.

Такой политико-правовой подход к пониманию добросовестности/недобросовестности не распространился на другой случай приобретения права собственности – в порядке добросовестного приобретения от неуполномоченного отчуждателя (п. 2 и 3 ст. 223 ГК РФ). Для этих целей добросовестность/недобросовестность по-прежнему определяется по правилам виндикации: не знал/знал о том, что приобрел вещь от неуполномоченного собственником лица.

Преодоление такого необъяснимо избирательного подхода к пониманию недобросовестности/добросовестности в регулировании однонаправленных отношений (по приобретению права собственности фактическим владельцем имущества не в порядке его отчуждения собственником) возможно посредством реализации положений Проекта ФЗ № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» [12] (далее – Законопроект). В нем предлагается выделить два самостоятельных основания приобретения права собственности: для добросовестного приобретателя и давностного владельца (ст. 241 Законопроекта). Во втором случае из числа элементов, образующих основание приобретения права собственности, исключается добросовестность (ст. 242 Законопроекта). Это представляется вполне оправданным решением вопроса: добросовестный приобретатель движимого и недвижимого имущества от неуполномоченного отчуждателя становится его собственником независимо от продолжительности владения имуществом, а для

иных случаев завладения чужим имуществом значимым становится именно продолжительность, а также непрерывность и открытость владения имуществом как своим. Такое поведение лица создает условия для собственника имущества осознать наличие угрозы для своего права, проявить к этому интерес, обратиться за защитой, чтобы воспрепятствовать присвоению его имущества другим лицом. Отсутствие активности со стороны собственника в течение столь продолжительного времени, с одной стороны, и заинтересованное отношение к вещи со стороны давностного владельца оправдывает решение вопроса о судьбе права собственности с позиции обеспечения справедливого баланса интересов, согласования фактического и правового положения и возвращения вещи в гражданский оборот.

Недобросовестность/добросовестность в виндикационных отношениях имеет значение и при решении вопроса о применении дополнительных последствий в случае удовлетворения виндикационного иска, касающихся судьбы доходов и распределения затрат. Статья 303 ГК РФ, предусматривающая эти последствия, называет ответчика не приобретателем имущества, а его недобросовестным владельцем, чья недобросовестность определяется в субъективном значении: он знал или должен был знать о незаконности владения. Такая замена понятий (приобретателя на владельца), а также изменение предмета заблуждения незаконного владельца вполне объяснимы, так как норма ст. 302 адресована частному случаю незаконного завладения чужим имуществом (приобретение его от неуполномоченного отчуждателя), а ст. 303 имеет общее значение для всех случаев поступления вещи в незаконное владение другого лица.

Важным аспектом применения категории добросовестности приобретателя в виндикационных отношениях является презумпция, которая обычно понимается как закрепленное в законе предположение, касающееся обстоятельств, имеющих правовое значение. В рассматриваемом случае речь идет о презумпции в отношении добросовестности, определяемой как субъективное состояние лица, незнание о фактах, обстоятельствах, «извинительное неведение тех или иных фактов» [13. С. 170]. В статьях 302, 303 ГК РФ, регулирующих виндикационные отношения, отсутствуют презумптивные нормы. Исторически этот вопрос решался в пользу презумпции добросовестности. Так, в части 1 тома X Свода законов гражданских Российской империи в ст. 530 было закреплено правило о том, что «владение признается добросовестным дотоле, пока не будет доказано, что владельцу известна неправота его владения» [14. С. 117]. В советском гражданском законодательстве при том, что по-прежнему признавалось значение добросовестности для целей виндикации и осуществления расчетов при возврате вещи, аналогичное правило о презумпции добросовестности отсутствовало. Но в доктрине и правоприменительной практике такая презумпция признавалась [15. С. 501; 16. С. 406]. При этом она критиковалась, поскольку ее существование возлагало на истца бремя опровержения

добросовестности ответчика. Между тем он «не располагает и не может располагать никакими данными о способе и условиях приобретения вещи ответчиком. Напротив, ответчик располагает необходимыми данными. Поэтому обстоятельства рассматриваемого иска соответствует противоположная презумпция», т.е. презумпция недобросовестности приобретателя вещи [17. С. 192]. Именно она поддерживалась достаточно длительное время правоприменительной практикой российских судов, в том числе, получила закрепление в первоначальной редакции п. 38 Постановления 10/22: «Приобретатель признается добросовестным, если докажет, что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества» (абзац первый). Постановлением № 25 указанный абзац был признан не подлежащим применению (п. 133).

Такое изменение презумпции на противоположную обычно объясняется введением в гражданское законодательство принципа добросовестности и закреплением в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. Однако, во-первых, упомянутая презумпция добросовестности была закреплена в ст. 10 и в ее первоначальной редакции 1994 г., что не помешало формированию правовой позиции относительно презумпции недобросовестности незаконного приобретателя (владельца) в виндикационных отношениях. И в этом нет противоречия. Такое положение дел объяснимо сферой действия упомянутой в ст. 10 презумпции – это сфера осуществления гражданских прав. В первоначальной редакции была прямая к ней адресация, а в последней она отсутствует в самой норме, но устанавливается названием статьи – «Пределы осуществления гражданских прав». В виндикационных отношениях это может быть адресовано только истцу – собственнику имущества, который осуществляет свои права, а не ответчику – незаконному приобретателю (владельцу). Во-вторых, в ст. 10 и 302 ГК РФ речь идет о разных видах добросовестности, о разных понятиях, и правило об одном нельзя применять к другому понятию [18. С. 32]. В первом случае, ст. 10 ГК РФ имеет в виду объективную добросовестность, которая выступает в качестве общего правила, внешнего мерила, организующего установление, осуществление, защиту гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей («начала доброй совести»). Презюмируется, что лицо в своем поведении не нарушает эти требования. Добросовестность незаконного приобретателя – это субъективная добросовестность. Определяя ее понятие («не знал и не мог знать»), законодатель таким образом отделяет ее от объективной добросовестности. А значит, отсутствует нормативное основание для придания правилу о презумпции объективной добросовестности общего значения и распространения его на субъективную добросовестность. К тому же субъективная добросовестность имеет несомненное сходство до степени

смещения и слияния с другой категорией, характеризующей субъективную сторону поведения лица, – его виной. Последняя определяется в ст. 401 ГК РФ через описание ее антипода – невиновности, которая признается, «если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Должная степень заботливости и осмотрительности, которую лицо должно проявлять, определяется с позиции обычного, среднего лица, «разумного хозяина», действующего в условиях, которые ему предъявляет гражданский оборот [19. С. 189]; «стандарта поведения разумного и осмотрительного коммерсанта» [20]. Соответственно, виновное поведение будет тогда, когда лицо действовало без должной осмотрительности и осторожности (Определение ВС РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597). Таким образом, законодательство и судебная практика следуют в русле поведенческой, а не психологической теории вины: оценка доводов ответчика о своей невинности основывается на анализе его поведения, не обращаясь к решению проблемы психологического состояния лица в момент нарушения, психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его последствиям. Отсутствие предварительного следствия по гражданским делам и сложности для истца по сбору и представлению доказательств [21. С.183] относительно соблюдения/несоблюдения ответчиком должной степени заботливости и осмотрительности и обусловили действие презумпции вины должника.

При описании субъективной добросовестности традиционно используются характеристики, которые обыкновенно адресуются виновности нарушителя: «проявил грубую неосмотрительность или даже действовал умышленно (например, покупая краденую вещь и зная об этом)» [22. С. 417]; «умышленно или по грубой неосторожности игнорировал те обстоятельства, из которых явствовалась неправомерность продажи вещи» [16. С. 406]; «приобретая имущество от неуполномоченного отчуждателя... действовал умышленно или неосторожно», проявил грубую неосторожность; за простую неосторожность, т.е. минимальную неосмотрительность, лицо не должно нести ответственность [15. С. 501], «незнание по грубой небрежности... виновное незнание» [23. С. 178] и т.п. Показательно, какими приемами осуществляется судебное толкование категории добросовестности для таких случаев: проявление заботливости, проявление осмотрительности, которая требуется в данной ситуации: осмотр недвижимости перед заключением сделки, который бы с неизбежностью позволил узнать о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом (Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС-3996(6); «Разрешая вопрос о добросовестности (недобросовестности) приобретателя жилого помещения, необходимо учитывать осведомленность приобретателя жилого помещения о наличии записи в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним о праве собственности отчуждателя имущества, а также принятие им разумных мер для выяснения правомочий продавца на отчуждение жилого помещения. ...была ли

проявлена гражданином разумная осмотрительность при заключении сделки, какие меры принимались им для выяснения прав лица, отчуждающего это имущество, и т.д.» [24].

Встречается и прямое отнесение недобросовестности к виновности: «Добросовестным может считаться приобретатель, который невинно приобрел чужую вещь, не проявив не только умысла, но и неосторожности. Если приобретатель недобросовестен, налицо его вина» [17. С. 191]. Такое же понимание недобросовестности/добросовестности проявляется при нормативном регулировании отношений, возникающих в сфере привлечения к ответственности руководителя и иных контролирующих должника-банкрота лиц – перед его кредиторами (п. 10 ст. 61.11 ФЗ о несостоятельности), членов органов кредитного кооператива-банкрота – перед его кредиторами (ст. 189.6 ФЗ о несостоятельности). В указанных случаях, наряду с отсылкой к недобросовестности поведения привлекаемых к ответственности лиц, упоминается и их вина. При этом п. 10 ст. 61.11 ФЗ о несостоятельности определяет признаки невинности, которую нужно доказать для освобождения от ответственности: если действовали «согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно», а п. 2 ст. 189.6 ФЗ о несостоятельности, напротив, определяет признаки виновности: их решения или действия «не соответствовали принципам добросовестности и разумности, установленным гражданским законодательством, уставом кооператива, обычаями делового оборота». Таким образом, можно предположить, что недобросовестность в указанных случаях выступает в качестве критерия виновности.

Т.И. Илларионова определяет недобросовестность в качестве формы вины: «Для гражданского права характерно использование вины в двух ее разновидностях – вины в собственном смысле и ее более легкой формы – недобросовестности. Недобросовестность обычно является тем фактором, с учетом которого устанавливается степень социальной вредности так называемых объективно противоправных действий (незаконного владения, неосновательного приобретения имущества и т.п.)» [25. С. 150]. Современные исследователи субъективной добросовестности А.С. Васильев и Д.В. Мурзин считают, что она «не заменяет вину, а применяется вместо вины в тех относительных правоотношениях, где вина вообще отсутствует как элемент состава, т.е. там, где используются способы защиты, но не меры ответственности» [26. С. 70]. В частности, это происходит при изъятии имущества у незаконного приобретателя и возвращении его собственнику. Поскольку недобросовестный приобретатель не имел права на указанное имущество (был незаконным владельцем), то никаких дополнительных имущественных обременений или лишений такой возврат должным образом приобретенного имущества для него не вызывает. Такие последствия принято квалифицировать как меры гражданско-правовой защиты правообладателя, которые не являются мерами ответственности нарушителя [21. С. 141; 26. С. 70, 71]. Однако и меры ответственности, и меры защиты, которые не являются мерами ответственности, относятся к мерам защиты, применяемым в отношении лица, допустившего

противоправное поведение [27. С. 6]. В этом их сходство, родство, несмотря на имеющиеся различия в характере, функциях и условиях применения. Точно так же недобросовестность и вина, выполняя различные функции, образуют единство в качестве субъективного состояния лица, совершившего нарушение, «характеризуют субъективную сторону поведения лица, от оценки

которой зависит наступление определенных юридических последствий» [28. С. 89], определяются единообразными способами и в равной степени создают для истца сложности по сбору и представлению доказательств. Это обуславливает необходимость действия презумпции недобросовестности приобретателя (владельца) в виндикационных отношениях.

Список источников

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2009. 160 с.
2. Агарков М.М. Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. II. М. : ЦентрЮрИнфор, 2002. 452 с.
3. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex Russica. 2016. № 1. С. 178–182.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1 (6). С. 124–182.
5. Алякин Д.С. Добросовестное исполнение договорных обязательств по российскому праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 1. С. 107–124.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
7. ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М. : Статут, 2002. 426 с.
9. ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 6.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // СЗ РФ. 2020. № 49. Ст. 8028.
12. Проект ФЗ № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» (во втором чтении) // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. URL: <https://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/>
13. Богданова Е. Добросовестность участников договорных отношений как условие защиты их субъективных гражданских прав // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 111–117.
14. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской империи, Проект гражданского уложения Российской империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург : Изд-во Ин-та частного права, 2003. 928 с.
15. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Избранные труды : в 4 т. Т. II. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 511 с.
16. Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. Ч. I / под ред. В.А. Рясенцева. М. : Юрид. лит., 1986. 560 с.
17. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. М. : Юрид. лит., 1982. 680 с.
18. Сулейменов М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права // Право и государство. 2015. № 2 (67). С. 31–38.
19. Нам К.В. Основания взыскания убытков, возникших вследствие нарушения договорных обязательств (сравнительно-правовой анализ) // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 169–201.
20. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.
21. Иоффе О.С. Обязательственное право. Избранные труды : в 4 т. Т. III. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 837 с.
22. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I. М. : Юрид. лит., 1969. 560 с.
23. Черепанин Б.Б. Виндикационные иски в советском праве // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. 479 с.
24. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
25. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. 168 с.
26. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 65–77.
27. Яковлев В.Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 5–7.
28. Краснова С.А. Виндикационное правоотношение. М. : ИНФРА-М, 2013. 136 с.

References

1. Makovskiy, A.L. (ed.) (2009) *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
2. Agarkov, M.M. (2002) *Problemy zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave* [Problems of abuse of right in Soviet civil law]. In: Agarkov, M.M. (ed.) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Vol. 2. Moscow: TsentrYurInfor.
3. Bogdanova, E.E. (2016) Printsip dobrosovestnosti: sootnosheniye pravovykh i npravstvennykh aspektov [The principle of good faith: the relationship between legal and moral aspects]. *Lex Russica*. 1. pp. 178–182.
4. Novitskiy, I.B. (2006) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 1 (6). pp. 124–182.
5. Alyakin, D.S. (2022) Dobrosovestnoye ispolneniye dogovornykh obyazatel'stv po rossiyskomu pravu [Conscientious fulfillment of contractual obligations under Russian law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 1 (13). pp. 107–124.
6. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2015) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy GK RF» [On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8.
7. SZ RF. (2002) FZ ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [On Insolvency (Bankruptcy). Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002]. *SZ RF*. 43. Art. 4190.

8. Petrazhitskiy, L.I. (2002) *Prava dobrosovestnogo vladel'tsa na dokhody s tochek zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [The Rights of a Bona Fide Owner to Income from the Points of View of Dogma and Civil Law Policy]. Moscow: Statut.
9. SZ RF. (1998) FZ ot 08.02.1998 № 14-FZ "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu" [On Limited Liability Companies. Federal Law No. 14-FZ of 08 February, 1998]. SZ RF. 7. Art. 785.
10. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. (2010) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10 i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF № 22 ot 29.04.2010 "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugih veshchnykh prav" [On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010]. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 6.
11. SZ RF. (2020) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.11.2020 № 48-P "Po delu o provere konstitutsionnosti punkta 1 stat'i 234 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Volkova" [In the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Volkov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 48-P of November 26, 2020]. SZ RF. 49. Art. 8028.
12. Issledovatel'skiy tsentr chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii [Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation]. (n.d.) *Proekt FZ № 47538-6/5 "O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa RF" (vo vtorom chtenii)* [On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation (in the second reading). Draft Federal Law No. 47538-6/5]. [Online] Available from: <https://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/>.
13. Bogdanova, E. (2010) Dobrosovestnost' uchastnikov dogovornykh otnosheniy kak uslovie zashchity ikh sub"ektivnykh grazhdanskikh prav [Conscientiousness of participants in contractual relations as a condition for the protection of their subjective civil rights]. *Khozyaystvo i pravo*. 2. pp. 111–117.
14. Alekseev, S.S. et al. (eds) (2003) *Kodifikatsiya rossiyskogo grazhdanskogo prava: Svod zakonov grazhdanskikh Rossiyskoy imperii, Proekt grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy imperii, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda* [Codification of Russian Civil Law: Code of Civil Laws of the Russian Empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR of 1964]. Yekaterinburg: Izd-vo In-ta chastnogo prava.
15. Ioffe, O.S. (2004) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Izbrannye trudy* [Soviet Civil Law. Selected works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
16. Ryasentsev, V.A. (ed.) (1986) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Pt. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. Bratus', S.N. & Sadikov, O.N. (eds) (1982) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Civil Code of the RSFSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
18. Suleymenov, M.K. (2015) Primenenie printsipa dobrosovestnosti v otraslyakh chastnogo i publichnogo prava [Application of the principle of good faith in the branches of private and public law]. *Pravo i gosudarstvo*. 2 (67). pp. 31–38.
19. Nam, K.V. (2006) Osnovaniya vyzskaniya ubytkov, voznikshikh v sledstvie narusheniya dogovornykh obyazatel'stv (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Grounds for recovery of losses arising from violation of contractual obligations (comparative legal analysis)]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya* [Losses and Practice of Their Compensation]. Moscow: Statut. pp. 169–201.
20. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. (2014) Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 14.03.2014 № 17 "Ob otdel'nykh voprosakh, svyazannykh s dogovorom vykupnogo lizinga" [On certain issues related to the buyout lease agreement. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 17 of March 14, 2014]. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 5.
21. Ioffe, O.S. (2004) *Obyazatel'stvennoe pravo. Izbrannye trudy* [Law of Obligations. Selected works]. Vol. 3. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
22. Orlovskiy, P.E. & Korneev, S.M. (eds) (1969) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
23. Cherepakhin, B.B. (2001) *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow: Statut.
24. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2015) Obzor sudebnoy praktiki po delam, svyazannym s istrebovaniem zhilykh pomeshcheniy ot dobrosovestnykh priobreteley, po iskam gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya, utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 01.10.2014 [Review of judicial practice in cases related to the recovery of residential premises from bona fide purchasers, on claims of state bodies and local governments, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 01, 2014]. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2.
25. Illarionova, T.I. (1982) *Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer* [System of Civil Protective Measures]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Vasil'ev, A.S. & Murzin, D.V. (2020) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: funktsii, stepeni, prezumptsii [Subjective integrity in civil law: functions, degrees, presumptions]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. 3. pp. 65–77.
27. Yakovlev, V.F. (2014) O ponyatii pravovoy otvetstvennosti [On the concept of legal responsibility]. Zhurnal rossiyskogo prava. 1. pp. 5–7.
28. Krasnova, S.A. (2013) *Vindikatsionnoe pravootnoshenie* [Vindication Legal Relation]. Moscow: INFRA-M.

Информация об авторе:

Кузьмина И.Д. – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.D. Kuzmina, Dr. Sci. (Law), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

Научная статья
УДК 347.1
doi: 10.17223/15617793/497/24

О трансформации правовых явлений

Раиса Петровна Мананкова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, fra_nickolas@list.ru*

Аннотация. Продолжено исследование проблем трансформации права. Сделан обзор статей по всем бывшим республикам Советского Союза и даны некоторые оценки их экспериментам. Отмечаются особенности трансформации отрасли права. Критически оценивается идея о разработке Предпринимательского кодекса. Опыт предшественников предлагается возвращать в правовую действительность с учетом просчетов и ошибок.

Ключевые слова: преобразование, структура, элементы, форум, правоотношение

Для цитирования: Мананкова Р.П. О трансформации правовых явлений // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 229–235. doi: 10.17223/15617793/497/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/24

On the transformation of legal phenomena

Raisa P. Manankova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, fra_nickolas@list.ru*

Abstract. The transformation of law, understood as transformation, modernization, change of legislation, has now become the object of attention of the entire legal community in our country. The avalanche of regulations, which is growing at a tremendous speed, can no longer be stopped by any “regulatory guillotines”. Therefore, it is on science that the corresponding hopes are pinned. In this study, the object of analysis was the legal system as a structurally complex and multi-element legal phenomenon. This system seems to be optimal and includes the following legal phenomena: law as an epicenter, a branch of law, an institution of law, and a legal relationship. The transformation of the legal system is carried out on the example of the collapse of the USSR. The unified Soviet system was transformed into 15 new legal systems with different destinies. Based on the material of a unique collection of works, an overview of articles on all former republics of the Soviet Union is made and some evaluations of their experiments are given. The article draws attention to the peculiarities of the transformation of the legal phenomenon of the branch of law. It is undergoing transformation in several directions: the criteria of branch formation are being blurred; countless previously unthinkable branches have emerged, for example, football law, fashion law, etc.; super-branches, mega-branches, supra-branches, etc. have appeared. But there exists information law and a solid theory. The author of this article proposes to include a private law block of rights in the Information Code. Special attention is paid to the problems of restoring private law as a symbol of the new age. The destruction of the planned socialist economy and the creation of a new one occurred simultaneously. Freedom of contract replaced planning acts; Soviet citizens’ personal property, derived from the socialist one, labor-driven by origin and consumerist by purpose, was replaced by individuals’ private property. The transformation of private law continues, significant gaps and contradictions in the doctrine are revealed. The idea of Professor Mikhail Kleandrov on the development of an Entrepreneurial Code is critically evaluated. The experience of the predecessors in the USSR and the current problems in the former republics should not be ignored. But, in fact, Kleandrov started a discussion and a new generation of civilists will have to participate in it.

Keywords: transformation, structure, elements, forum, legal relationship

For citation: Manankova, R.P. (2023) On the transformation of legal phenomena. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/24

В юридическом обиходе под трансформацией обычно понимают *преобразование*, иногда модернизацию, изменение. Отсутствию легального или хотя бы приемлемого доктринального понятия значения не придается. И это не удивительно. Положение дел с понятийным аппаратом в нашей науке и до сих пор явно неудовлетворительное. Цивилисты говорят о необходимости теории частноправовых понятий.

Понятие «трансформация» в отечественной правовой науке последних лет становится настолько распространенным, что претендует, кажется, на роль стратегического значения. Лавина нормативных актов, нарастающая с огромной скоростью, ориентированная, безусловно, на совершенствование законодательства и практики его применения, стала объектом внимания всего юридического сообщества. Его запросы сконцентрировались в программе

XXIV Международного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» [1. С. 173–185]. Форум объединил рекордное количество участников – 339 человек, среди которых 102 доктора, профессора; 140 кандидатов наук; 11 заслуженных деятелей науки Российской Федерации; 128 правоведов из системы МВД; 13 иностранных участников.

Опубликованный обзор выступлений участников дает возможность представить реальную картину существующих проблем. В рамках именно обзора, как правило, нет места аргументации высказанных идей, дискуссиям. Но увидеть и оценить варианты предложенных решений вполне возможно. Соответственно осторожность в оценках просто необходима и предполагается. Центральная проблема – изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника) – представлена ведущими специалистами со всех сторон, начиная с понятийного аппарата.

Понятие модернизации законодательства предложено дополнить и обогатить включением в его содержание существенно важных признаков. Оно определяется как процесс непрерывного обновления, актуализации идей и планов законодательства и позволяющий сделать их в целом более гибкими и адекватными вызовам времени.

Во многих выступлениях прозвучала озабоченность избыточностью нормативной базы, новым обликом действующего законодательства. В качестве его особенностей названы новые закономерности: усиление публичного характера, повышение социальной ориентации, влияние процессов цифровизации и др.

Обсуждались неоднократно и проблемы раннего прогнозирования возможных изменений законодательства. Ранняя диагностика возлагается в большей мере на науку, потому что никакими «регулятивными гильотинами» не остановить этот нарастающий поток нормативной массы.

Участники форума предложили ряд мер, направленных на сдерживание необоснованной активности законодателя. Предложено, в частности, закрепить в законе два условия допуска проекта изменений: 1) неизбежность предлагаемых мер, т.е. вносить изменения, только когда без этого невозможно обойтись; 2) сохранение целостности системы законодательства при их внесении.

Причинами частых и нередко необоснованных изменений участники форума называли общеизвестные в принципе факты. Противоречия и конкуренция между разными слоями населения, игнорирование интересов слабо защищенных субъектов правоотношений и обуславливают появление несправедливого нормативного акта.

Вопрос о роли доктрины как первоисточника большинства изменений в законодательстве не новый, но в системе источников права закреплять ее не следует. Хотя и в зарубежных странах (например, в Болгарии), и в бывших союзных республиках такой опыт есть.

Заслуживает особого внимания идея профессора В.М. Баранова, инициатора этого форума, о развитии теории дефектов законодательства. Он обосновывает необходимость еще одной характеристики изменения

законодательства, а именно как социальной травмы. В оборот предлагается ввести понятие «закон как травма», «травмирующий законодатель». При этом подчеркивается необходимость принятия травматичных правовых актов в любом государстве в определенные периоды его функционирования.

В некоторых докладах отмечалась устойчивая тенденция к усложнению языка закона, и эта информация стимулирует ученых, прежде всего, к разработке мер по ее преодолению.

Стремление к оригинальности, явление нередкое в творческом сообществе, проявилось и на форуме. Предложили к внедрению в качестве новой юридической конструкции «циклический правовой массив» (профессор А.С. Шабуров, УрГЮУ), как пример приводится сфера образования. В полемику вступать, не видя детального обоснования этой идеи, нельзя. Но представителям традиционного понимания системы законодательства была бы, по-видимому, интересна служебная роль этой конструкции. Ведь образовательное законодательство изучено вдоль и поперек, каждому его элементу уже определено соответствующее место.

Безусловно высокая значимость состоявшегося форума. Вся полученная информация представляет большой интерес и для науки, и для практики. Так и отраслевые существенно расширили свои представления об актуальных проблемах и способах их решения. Создана солидная теоретическая база для дальнейших исследований. Более конкретно представлена тематика диссертаций и монографий. Напрашивается вывод о целесообразности возврата к советскому опыту официального перечня тематики диссертаций. Раньше этим занимались специалисты из журнала «Советское государство и право».

В настоящее время ощущается отсутствие именно официальных рекомендаций при выборе аспирантом темы диссертации. Темы иногда берут с потолка в надежде, что кафедра все равно утвердит. В провинциальных вузах отсутствие профессиональных научных руководителей – обычное явление. В семейном праве в последние годы особенно заметно «мелкотемье». В частности, дробят на отдельные темы «общую собственность супругов» – кстати, это практика москвичей, являющихся научными руководителями либо консультантами.

Возвращаясь к итогам форума, к опыту проведения таких крупномасштабных мероприятий, есть основания надеяться на ожидаемую эффективность и стабильность действующего законодательства. В то же время ясно, что бесчисленное множество вопросов, обусловленных происходящей трансформацией, объективно требуют времени и глубоких творческих усилий многих научных коллективов, а также практиков, специалистов в области законодательской деятельности. Будущим исследователям предстоит формировать теорию трансформации законодательства в нашей стране, основываясь на достижениях и советской доктрины, и практического опыта последних трех десятилетий.

Историческая судьба России уникальна и поучительна. В переломные моменты особенно важен опыт прошлых потрясений, анализ радикальных событий,

состоятельность прогнозов. Все это возможно осуществить в произведениях отечественной юридической науки.

Особого внимания заслуживает проблема понятийного аппарата, применяемого в публикациях о трансформации законодательства. До выводов и предложений, адресованных законодателю, необозримо далеко. Они появляются лишь после тщательного исследования самого объекта, явления несомненно правового и многосложного, многоэлементного. И очень важно, что именно сейчас актуализируются и развиваются солидные наработки теоретиков и государствоведов по правовым системам [2. С. 136].

В ходе исследования объектом анализа была выбрана в качестве исходной и определяющей категория «правовая система». Хотя, в принципе, объектом трансформации являются различные правовые явления. О структуре правовой системы многие десятилетия идет спор; какие только правовые явления и в каком сочетании не включают в нее видные российские ученые. Но пока нет единства мнений, договорились, что можно включать в правовую систему «все, что угодно, лишь бы критерий был правовой».

Всплеск внимания к трансформации и в науке обусловлен грандиозными радикальными событиями и их последствиями. Наука реагирует на закон, чаще отстает от реалий поскольку жизнь существенно меняет оценки и выводы. Но это общее правило, это лишь один из исторических этапов обычного для любого государства состояния законодательства.

Теория правовых систем получила мощный стимул к развитию, в том числе к обогащению, в связи с распадом СССР. Советская правовая система преобразовалась в национальные правовые системы с различной судьбой. Прошло более 30 лет, установились новые правопорядки в 15 странах, бывших республиках Советского Союза. Миллионы людей неизбежно включены в отношения, регулируемые различными системами законодательства. Никто и никогда не подсчитает число правонарушений, обусловленных этой геополитической катастрофой.

Информации по частноправовым вопросам слишком мало для объективных оценок ситуации в бывших республиках. На русском языке кодексы у них не издаются. Большим событием для цивилистов, прежде всего, стало издание сборника статей, посвященных частному праву тех стран, которые ранее входили в состав СССР. Это огромная информация, значение которой и для творческого процесса трудно переоценить [3. С. 546].

Уникальность этого труда, во-первых, в авторском коллективе специалистов-цивилистов, подготовивших статьи на русском языке, для многих теперь иностранном. Во-вторых, представители независимых стран более чем кто-либо заинтересованы в опубликовании достоверной информации. В-третьих, в центре внимания частное право — состояние основных его институтов и направления их дальнейшего развития.

Содержание этого сборника позволяет узнать историю становления гражданского законодательства в

каждой из бывших республик, которая ранее в масштабах СССР в целом не освещалась; понять причины выбора других правовых систем. Бесценен и для науки разнообразный опыт прошедших десятилетий. Но еще не настало время, достаточное для четких выводов об эффективности конкретных законодательных решений или об их ошибочности. Опыт бесплатной приватизации жилья в Азербайджане, национализации в Киргизии поучителен.

После апрельской революции 2010 г. Временным правительством Кыргызской Республики было принято 37 декретов о национализации в отношении 47 объектов собственности. Законодательство о национализации продолжает совершенствоваться, а теоретики предлагают обозначить цели национализации — обеспечить безопасность государства и обороноспособность Республики. По их мнению, законодательную базу для национализации должен составлять рамочный закон о национализации и законы о национализации конкретного имущества. Действующая Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. (ст. 15) закрепила следующую норму: «Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков» [4. С. 250–252].

Правовые эксперименты бывших союзных республик, несомненно, обогащают науку. Затяжные дискуссии советского времени не стали бесполезными, так как многие идеи реализовались. Приоритет российской правовой науки на территориях бывшего СССР прямо или косвенно признается. Против профессионального общения авторы названного сборника не только не возражают, но и предлагают возвратиться к прежним формам с условием — «за счет России».

Главное, что все более очевидной становится потребность в обсуждении насущных проблем, принятых решений, анализов результатов, определения перспектив. В одиночку этого не сделать без мощной научной базы, в отсутствие трудов выдающихся советских ученых.

В сборнике статей особый интерес представляет информация о закреплении в ряде гражданских кодексов института владения как способа приобретения права собственности, самостоятельный характер которого не поглощается ни правом собственности, ни ограниченными вещными правами (ст. 159–166 Гражданского кодекса республики Азербайджан; ст. 155–169 Гражданского кодекса республики Грузия; ст. 303–314 Гражданского Кодекса Молдовы; ст. 176–190 Гражданского кодекса Туркменистана).

В России этот институт пока не появился, несмотря на высокий уровень полемики, и будем надеяться, что не появится. Если не погружаться в историю, то торжество этих норм рассчитано на идеальное общество, «сказочный сон общества». Совсем недавно в серии «Классика российской цивилистики» была опубликована вступительная статья выдающегося отечественного цивилиста Александра Львовича Маковского об И.А. Покровском, авторе самого блистательного произведения юридической науки [5]. В ней читатель найдет все ответы на вопросы об идеальном обществе,

об идеалисте И.А. Покровском, его трагической судьбе и забвении. О том, какая связь между этим произведением и упомянутыми выше нормами кодексов в бывших республиках, станет ясно сразу же. Современное общество не готово реализовывать эти нормы. Они могут украшать текст закона, использоваться в идеологических целях, но работать не смогут. А поэтому интересен вопрос о практике применения этого института, адресуемый соавторам названного сборника.

Трансформация правовой системы означает преобразование всех ее элементов. Как бы ни спорили теоретики о структуре, бесспорным остается главный тезис – эпицентром правовой системы, ее системообразующим элементом является право. По мнению Н.И. Матузова, нормы права – «это своего рода каркас, несущие конструкции правовой системы... Нормы права вместе с порождаемыми ими правоотношениями – это необходимые крепления, связки правовой системы... Система норм права доминирует в правовой системе, играет в ней роль консолидирующего фактора, центра притяжения» [6. С. 100–101].

Преобразование права в обычных условиях – процесс естественный, по существу, это его свойство. И только экстраординарные обстоятельства позволяют выявить целые пласты новых общественных отношений, требующих урегулирования, систематизации и т.д.

Основой крупнейших преобразований всех сторон жизни стала Конституция России 1993 г. Наиболее фундаментальные изменения произошли в сфере экономики. Были преобразованы отношения собственности, узаконена частная собственность в сфере производства, разрешено частное предпринимательство любого масштаба и в различных правовых формах. «Реставрация частной собственности и основанного на ней свободного предпринимательства обусловила необходимость восстановления в российской правовой системе частного права. Новый ГК, основанный на принципах частного права, позволил решить эту задачу. Его появление означало возрождение в России частного права» [7. С. 18–19].

Прошли годы, и уже никого не надо убеждать в существовании и в нашей стране публичного и частного права. О состоянии доктрины свидетельствуют многочисленные публикации, и это вполне закономерно. Актуально все – и критика законодательства, и предложения по его совершенствованию. Открываются новые горизонты для научных исследований. Частное право и трансформируется сообразно своему месту в правовой системе.

Особенность преобразований в частном праве России предвиделась и советскими учеными, и творческой командой А.Л. Маковского. Суть проблемы – существование двух видов структур права: традиционной мировой и советской.

Частное право возродилось не на пустом месте, оно *присоединилось* к огромному правовому массиву, созданному трудами выдающихся ученых. Советское наследие существует и сейчас, многое реализуется и в бывших республиках Советского Союза.

Отраслевая структура права по-прежнему пронизывает все сферы современной жизни России. От нее отказать пока невозможно, так же как и от частного

права. Этот дисбаланс и обуславливает противоречивое состояние доктрины. Термин «состояние» применительно к этому предмету означает, прежде всего, совокупность ее наиболее существенных характеристик [8. С. 175–183].

Ведущие цивилисты, авторы законопроектов, отразили в деталях многолетний процесс созидания нового Гражданского кодекса – главного достижения в нашей науке. Это и памятник времени, и фундамент, «экономическая Конституция России». Никто из правоведов не сделал для страны больше цивилистов в эти десятилетия.

Сборники статей, монографии, комментарии к ГК РФ содержат крайне важную информацию, почти со стенографической точностью и обоснованиями зафиксировавшую технологию глобальных событий и решений. Ничего подобного по содержанию и объему у нас не было. Поэтому перед потомками будет чем отчитаться; проблемы «выпадения звеньев» в истории страны теперь не будет.

В науке, ориентированной в стратегических документах на развитие теории частного права, продолжает сохраняться противостояние двух платформ. Отраслевикам получили самый мощный удар по советской правовой системе от института права собственности. После него исчезла социалистическая собственность как вид и, соответственно, три ее формы. Исчезла и личная собственность с ее атрибутами – производностью от социалистической, трудовой по происхождению и потребительской по назначению. К этому общество уже привыкло. Но некоторые невидимые последствия начинают проявляться со всей очевидностью; речь идет об обострении дискуссии ученых-теоретиков о методологическом кризисе современной науки.

Центральный вопрос – о месте и судьбе понятия «отрасль права» в отечественной правовой системе. Отрасль права уже в который раз подвергается критике по нескольким направлениям. Прежде чем сложилось приемлемое представление о структуре советского права, объявлялось и состоялось несколько дискуссий. Отголоски тех научных состязаний дошли до наших дней. И сейчас многие вспоминают ироничную и яркую фразу о банно-прачечном, бакалейно-гастрономическом и трамвайно-троллейбусном праве [9. С. 112]. В советских учебниках было принято мелким шрифтом сообщать об основных научных событиях и называть имена ученых.

Нынешняя дискуссия, четвертая по счету, обусловлена чрезмерной эксплуатацией и обесцениванием самого понятия «отрасль права». Исследователи сообщают о появлении ста с лишним отраслей права [10. С. 34–40]. Отраслями называют и издаются книги по футболному праву, модному, деликтно-наказательному, исправительно-лечебному праву и т.д. – «ким несть числа». В народе их именуют с подачи Е.А. Суханова «коровьевскими штуками», «юридическими мутантами».

Размываются критерии отраслеобразования. Вместо привычных и традиционных предмета и метода новаторы выделяют уже более тридцати критериев. За нескончаемым валом новых «отраслей права» стоят

большие научные силы, в их числе Ю.А. Тихомиров, Н.В. Витрук.

Много внимания и места отводится так называемой мегаотрасли «экономическое право». Авторы предлагают свою дефиницию. Мегаотрасль – это правовое построение, основанное на системной рецепции основ всех доктринально признанных отраслей материального российского права и переструктурированное в соответствии с актуальными общественными направлениями и видами экономической деятельности.

В течение 2011–2017 гг. появилось много работ разного плана, включая монографии Е.М. Ашмаринной, В.В. Ершова, Г.Ф. Ручкиной, а также многочисленные статьи в журнале «Государство и право». Опубликованы и обстоятельные обзоры материалов нескольких российских межвузовских научно-практических конференций на тему «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты».

Громоздить псевдонаучную концепцию экономического права и рассчитывать на ее официальное признание в качестве мегаотрасли, как видно, вполне реально в условиях рыночных отношений. Конструкторы экономического права с оптимизмом констатируют, что юридическая общественность перестала категорически отрицать экономическое право в качестве самостоятельного правового образования, однако еще не в полной мере адаптировалась к факту его наличия в системе российского права как мегаотрасли [11. С. 27–28].

Для серьезной полемики не видно оснований, но остается вопрос: по каким же программам обучают армию будущих юристов в тех вузах, где исповедуется экономическое право?

Но с частным правом, его понятием, структурой и местом в системе права все гораздо сложнее. Это только вначале казалось, что «оно сформировалось быстро, почти молниеносно». С годами выясняется, что даже доктрина пока не готова заполнить эту новую нишу. Частное право, в сущности, не знали ни ученые, ни практики. Это была запретная тема, по сути, для всего советского народа.

В то же время нельзя не вспомнить прежний опыт регулирования индивидуальной трудовой деятельности, а еще раньше существование статуса крестьянина-единоличника, кустаря-одиночки, работавшего по патенту. В юридической литературе, в том числе и учебной, не принято было особо распространяться на эту тему, тем более квалифицировать отношения как частноправовые. А нормы, регулирующие названные отношения, и составляли частное право в объеме незначительном по сравнению с господствующими нормами социалистического права. В этом смысле можно говорить об объеме понятия «частное право».

Одним из первоочередных, наряду с понятием, является вопрос о структуре частного права в Российской Федерации. В упрощенном варианте элементами системы частного права считается трехчленная структура, а именно единство гражданского, семейного и жилищного права. Эта структура сложилась исторически, но события, изменившие жизнь миллионов людей, радикально отразились и на содержании законодательства.

О воздействии частной собственности на жилищное право можно сказать определенно – она разрушила советскую систему жилищного законодательства. Жилищный кодекс РСФСР был одним из лучших актов, обеспечивающим реальное право на жилье. ЖК РФ не отвечает, по большому счету, и обычным требованиям по форме. Это теперь не система, а конгломерат норм с преобладанием процедурных, административных, технических. Такой ЖК уже и не нужен [12. С. 3–6], но необходимы новые пути решения жилищной проблемы.

Семейное право как элемент системы частного права воспринимается в науке спокойно в силу очевидного «родства» с гражданским. Другое дело – качество семейного законодательства, его вопиющее несовершенство, о котором говорят и пишут уже десятки лет. Оптимисты полагают, что титул частной собственности рано или поздно преобразует содержание Семейного кодекса.

В систему частного права пытались включить и трудовое право, о чем было достаточно публикаций с аргументами «за» и «против». Сейчас можно считать спор законченным. Известные специалисты-трудовики убедили в особом месте трудового права, за пределами частного права, несмотря на общие атрибуты [13. С. 67–77].

Вопрос о структуре частного права остается в центре внимания. В бывших союзных республиках обсуждаются разные варианты сочетания элементов их правовых систем. В зону частноправового регулирования включают международное частное право, законодательство о конкуренции, предпринимательское право, Закон «О защите прав потребителей» (в частности в Республике Молдова). Не везде в числе элементов системы частного права признается семейное законодательство.

Судя по содержанию российских публикаций [14. С. 32–33], в структуру частного права пробиваются островки информационного законодательства и даже цифрового права. Информационное право существует реально. Под руководством И.Л. Бачило создана теория информационного права как сложного правового явления, именуемого иногда мегаотраслью, суперотраслью [15. С. 71]. Специалисты из этого коллектива в своих публичных выступлениях признают наличие частноправового массива норм в системе информационного законодательства, правильно полагая, что без него обойтись невозможно. В то же время подчеркивается его неразработанность [16. С. 138–148]. Хотя в действительности гражданское законодательство, можно сказать, перенасыщено нормами, обязывающими субъектов сообщать сведения, предупреждать, уведомлять, информировать и т.д.

Стоит только открыть ГК РФ, закон о СМИ, о персональных данных и множество других. Если вписать частноправовой блок в Информационное законодательство, то институт гражданско-правовой ответственности помог бы решить главный вопрос именно об ответственности.

Неожиданным выглядит призыв вернуться к теории хозяйственного права как инструменту радикальной модернизации права [17. С. 68]. В новой Конституции предлагается закрепить основную цель предпринимательской

деятельности – ориентацию на нужды общества и государства. Автор считает, что в период мобилизационной экономики необходимо иметь Предпринимательский кодекс. Казалось бы, совсем недавно договорились о том, что об этом кодексе в РФ не может быть и речи, что тяжелейший опыт, в частности Казахстана [18], послужит уроком и для нас. Тем не менее М.И. Клеандров, член-корреспондент РАН, по сути, предложил тему для очередной дискуссии, и участвовать в ней придется новому постсоветскому поколению юристов. Предстоит вернуться во времена СССР, к плановой экономике и хозяйственному праву и идти много лет по кругу, хотя расчет делается на быстрое движение.

Конечно, советский опыт не пропадает и его тоже следует включать в соответствующие планы, программы и т.п. В плане трансформации достойно внимания творчество профессора М.А. Гурвича и его учеников, создавших одно из центральных направлений в науке гражданского процесса, а именно теорию преобразовательных исков. В отраслевых науках основные идеи школы М.А. Гурвича получили дальнейшее развитие. Теория правоотношения, под влиянием учения О.А. Красавчикова о динамике, различает теперь две формы прекращения правоотношений: ликвидацию,

т.е. окончательное прекращение правоотношения, и преобразование, т.е. прекращение с возникновением на основе сохранившихся его элементов нового правоотношения того же вида с участием нового субъекта.

Процесс преобразований в законодательстве не прерывается и не прекращается. В любом государстве «доктрина готовит норму». Трансформация правовых явлений продолжается и в нашей стране. С учетом опыта бывших республик, наших поверхностных представлений о современном состоянии их частноправовой науки, можно утверждать следующее.

Российская доктрина частного права на данном этапе развития находится в активном состоянии. Метод проб и ошибок, как и всегда, оказался более эффективным, чем длительные споры научных школ.

В формировании теории трансформации права в России особое место следует отвести многонациональному советскому законодательству и трудам выдающихся ученых, о которых сейчас, к большому сожалению, мало знают (Ю.Г. Басин, В.А. Ойгензихт, В.Ф. Чигир, Ш.Д. Чиквашвили и др.).

Тенденция к сближению правовых систем бывших советских республик все более очевидна.

Список источников

1. Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185.
2. Радько Т.Н. Правовая система России на юридической карте мира. М.: Проспект, 2021. 136 с.
3. Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. ст. / Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ ; под ред. Л.Ю. Михеевой. М. : Статут, 2022. 546 с.
4. Гутниченко Л.В., Аленкина Н.Б. Гражданский кодекс Кыргызской Республики: исторические зарисовки с 1996 по 2021 год. Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. статей / под ред. Л.Ю. Михеевой. М. : Статут, 2022, С. 250–252.
5. Маковский А.Л. Вступительная статья к книге И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права» // Основные проблемы частного права : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М. : Статут, 2010. С. 14–43.
6. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 100–101.
7. Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права. Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева ; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. М. : Статут, 2019. С. 18–19.
8. Мананкова Р.П. О современном состоянии цивилистики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 175–183. doi: 10.17223/22253513/34/17
9. Галесник Л.С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 112.
10. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–40.
11. Ашмарина Е.М. К вопросу о месте экономического права в системе российского права: инновационный подход // Государство и право. 2018. № 2. С. 27–28.
12. Мананкова Р.П. Жилищный кодекс РФ не нужен. Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 52 / ред. В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, В.С. Аракчеев и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 3–6.
13. Головина С.Ю. Усиление частноправовых начал в трудовом праве России. Актуальные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б.М. Гонгало. М. : Статут, 2014. С. 67–77.
14. Липовских Н.В. Информационная обязанность в частном праве Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / ред. В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, Е.С. Болтанова, Г.Г. Пашкова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Ч. 81. С. 32–33.
15. Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А., Демьянец М.В., Жарова А.К., Монахов В.Н., Семилетов С.И., Талапина Э.В. Об основных направлениях развития информационного права за 2000–2015 гг. // Государство и право. 2017. № 1. С. 71.
16. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Обзор международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – первые бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148.
17. Клеандров М.И. О необходимости радикальной модернизации российского предпринимательского права // Государство и право. 2022. № 7. С. 68.
18. Предпринимательский кодекс как орудие развала правовой системы Казахстана : сб. ст. / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2011.

References

1. Baranov, V.M., Krotkova, N.V. & Baranova, M.V. (2022) Dinamizm i stabil'nost' zakonodatel'stva: dialektika funktsionirovaniya nauki, praktiki, tekhniki (Obzor XXIV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Yurtekhnik" na temu "Izmeneniya v zakonodatel'stve (doktrina, praktika, tekhnika)") [Dynamism and stability of legislation: dialectics of the functioning of science, practice, technology (Review of the 24th International Scientific and Practical Yurtekhnik Forum on the topic "Changes in legislation (doctrine, practice, technology)"]]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 173–185.

2. Rad'ko, T.N. (2021) *Pravovaya sistema Rossii na yuridicheskoy karte mira* [The Legal System of Russia on the Legal Map of the World]. Moscow: Prospekt.
3. Mikheeva, L.Yu. (ed.) (2022) *Chastnoe pravo v stranakh byvshego SSSR: itogi 30-letiya* [Private Law in the Countries of the Former USSR: Results of the 30th anniversary]. Moscow: Statut.
4. Gutnichenko, L.V. & Alenkina, N.B. (2022) *Grazhdanskiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki: istoricheskie zarisovki s 1996 po 2021 god* [Civil Code of the Kyrgyz Republic: historical sketches from 1996 to 2021]. In: Mikheeva, L.Yu. (ed.) (2022) *Chastnoe pravo v stranakh byvshego SSSR: itogi 30-letiya* [Private Law in the Countries of the Former USSR: Results of the 30th anniversary]. Moscow: Statut. pp. 250–252.
5. Makovskiy, A.L. (2010) *Vstupitel'naya stat'ya k knige I.A. Pokrovskogo "Osnovnye problemy grazhdanskogo prava"*. Moscow: Statut, 1998 [Introductory article to Main Problems of Civil Law. M.: Statute, 1998, a book by I.A. Pokrovsky]. In: Vitryanskiy, V.V. & Sukhanov, E.A. (eds) *Osnovnye problemy chastnogo prava: Sbornik statey k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Aleksandra L'vovicha Makovskogo* [Basic Problems of Private Law: Collection of articles for the anniversary of Doctor of Law, Professor Alexander Lvovich Makovsky]. Moscow: Statut. pp. 14–43.
6. Matuzov, N.I. (2004) *Aktual'nye problemy teorii prava* [Current Problems of Legal Theory]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 100–101.
7. Yakovlev, V.F. (2019) *Modernizatsiya Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii – razvitie osnovnykh polozheniy grazhdanskogo prava* [Modernization of the Civil Code of the Russian Federation – development of the basic provisions of civil law]. In: Medvedev, D.A. (ed.) *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2019* [Codification of Russian Private Law 2019]. Moscow: Statut. pp. 18–19.
8. Manankova, R.P. (2019) On the current state of civilism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 34. pp. 175–183. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/34/17
9. Galesnik, L.S. (1957) *O problemakh sistemy sovetskogo prava* [On the problems of the system of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 2. P. 112.
10. Rad'ko, T.N. & Golovina, A.A. (2017) *Sovremennaya sistemno-pravovaya teoriya: novyy etap razvitiya ili metodologicheskii krizis?* [Modern systemic legal theory: a new stage of development or a methodological crisis?]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 34–40.
11. Ashmarina, E.M. (2018) *K voprosu o meste ekonomicheskogo prava v sisteme rossiyskogo prava: innovatsionnyy podkhod* [To the question of the place of economic law in the system of Russian law: an innovative approach]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 27–28.
12. Manankova, R.P. (2012) *Zhilishchnyy kodeks RF ne nuzhen* [The Housing Code of the Russian Federation is not needed]. In: Lebedev, V.M. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Pt. 52. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–6.
13. Golovina, S.Yu. (2014) *Usilenie chastnopravovykh nachal v trudovom prave Rossii* [Strengthening private law principles in Russian labor law]. In: Gongalo, B.M. (ed.) *Aktual'nye problemy chastnogo prava* [Current Problems of Private Law]. Moscow: Statut. pp. 67–77.
14. Lipovskikh, N.V. (2019) *Informatsionnaya obyazannost' v chastnom prave Rossiyskoy Federatsii* [Information duty in private law of the Russian Federation]. In: Lebedev, V.M. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Pt. 81. Tomsk: Tomsk State University. pp. 32–33.
15. Bachilo, I.L. et al. (2017) *Ob osnovnykh napravleniyakh razvitiya informatsionnogo prava za 2000–2015 gg.* [On the main directions of development of information law for 2000–2015]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. P. 71.
16. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Krotkova, N.V. (2018) *Obzor mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Informatsionnoe prostranstvo: obespechenie informatsionnoy bezopasnosti i pravo"*, – pervye bachilovskie chteniya [Review of the international scientific and practical conference Information Space: ensuring information security and law, – the first Bachilov readings]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 138–148.
17. Kleandrov, M.I. (2022) *O neobkhodimosti radikal'noy modernizatsii rossiyskogo predprinimatel'skogo prava* [On the need for radical modernization of Russian business law]. *Gosudarstvo i pravo*. 7. P. 68.
18. Suleymenov, M.K. (ed.) (2011) *Predprinimatel'skiy kodeks kak orudie razvala pravovoy sistemy Kazakhstana* [Entrepreneurial Code As a Tool for the Collapse of the Legal System of Kazakhstan]. Almaty: Caspian University.

Информация об авторе:

Мананкова Р.П. – д-р юрид. наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: fra_nickolas@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.P. Manankova, Dr. Sci. (Law), senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fra_nickolas@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2023;
одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.11
doi: 10.17223/15617793/497/25

Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе

Татьяна Владимировна Трубникова¹, Алёна Владимировна Грищенко²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, trubn@mail.ru

² Томский областной суд, Томск, Россия, alyona180497@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема поиска справедливого баланса между обеспечением интересов обвиняемого, потерпевшего и общества на судебную защиту при использовании видеоконференц-связи в судебном разбирательстве по уголовному делу. Приняты во внимание: эффективность участия в судебном заседании, рассмотрение дела в разумный срок, интересы обеспечения безопасности потерпевшего и свидетелей. Учтены позиции судей, государственных обвинителей и защитников, складывающаяся судебная практика. Предложено нормативное регулирование, предусматривающее минимальные процессуальные гарантии реализации прав каждого из заинтересованных субъектов.

Ключевые слова: защита частных интересов, видеоконференц-связь, право на судебную защиту, право на рассмотрение дела в разумный срок, право на безопасность, судебный контроль, злоупотребление правом (полномочиями)

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Для цитирования: Трубникова Т.В., Грищенко А.В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 236–253. doi: 10.17223/15617793/497/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/497/25

Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure

Tatiana V. Trubnikova¹, Alyona V. Grishchenko²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, trubn@mail.ru

² Tomsk Regional Court, Tomsk, Russian Federation, alyona180497@yandex.ru

Abstract. Since January 2023, provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation have come into effect, expanding the use of videoconferencing in criminal proceedings. Now, any participant in a criminal procedure has the right to participate in court hearings via videoconferencing if they wish. Additionally, the court may require any participant in the criminal procedure, including the accused, to participate in the hearing remotely. These changes have been met with mixed assessments by scholars and practitioners, due to the fact that the use of videoconferencing in criminal proceedings affects conflicting public and private interests. The article is dedicated to finding a balance between these interests, comparing it with emerging practices and narratives. The aim of the study is to identify and propose procedural guarantees that would balance various values when deciding on the use of videoconferencing in criminal court cases. The research utilizes hermeneutic and comparative legal methods, as well as narrative methods. For these purposes, the following were used: results of a survey of 62 judges from Tomsk Oblast, conducted by the Tomsk Regional Court; results from interviews with 10 judges of the Samara Regional Court; materials from 9 narrative interviews, in which respondents shared their experiences of participating in court hearings via videoconferencing; a study of verdicts, as well as appellate and cassation decisions in criminal cases. The research led to the following conclusions. The necessity of ensuring judicial protection for everyone in criminal proceedings can be used as a criterion for finding a fair balance between the rights of the accused, the victim, and society as a whole. Participation in videoconferencing limits the possibilities of establishing the truth and ensuring the right to defense, but is preferable to considering cases in absentia. Therefore, it should primarily be used as a “softer” alternative to in absentia proceedings or for the announcement of witness testimony, rather than as a means to reduce state expenses and relieve the state of the organizational difficulties of bringing the accused to trial. Limiting the accused person’s ability to participate directly in court proceedings for the purpose of ensuring witness safety is unacceptable. The preference should be given to witness participation via videoconferencing. Any limitation of direct participation in court proceedings, regardless of procedural status (whether as a witness or a victim), must be necessary and motivated in the court’s decision. Limitations on the right to defense associated with the use of videoconferencing should be compensated, for example, by providing the accused with two state-funded defenders, one with the accused and the other in the courtroom.

Keywords: protection of private interests, videoconferencing, right to judicial protection, right to consideration of case within reasonable time, right to security, judicial control, abuse of rights (powers)

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Trubnikova, T.V. & Grishchenko, A.V. (2023) Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 236–253. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/25

Постановка проблемы

Современный этап развития общества тесно связан с введением информационных технологий. Процессы цифровизации всех сфер общественной жизни затронули и деятельность по осуществлению уголовного правосудия. Безусловно, процессы цифровизации способны повысить доступность и сократить срок производства по делу. В то же время цифровизация сопряжена с множеством рисков. Это вызывает потребность в осмыслении вопросов обеспечения гарантий прав и законных интересов участников процесса при применении информационных технологий.

Одним из важных проявлений цифровизации в уголовном процессе стало постепенное расширение сферы применения видеоконференц-связи (ВКС) при осуществлении правосудия. Первоначально такие возможности стали использоваться судами первой инстанции по гражданским и административным делам, а в уголовном судопроизводстве – при пересмотре дел в апелляционной инстанции, а также в дополнитель-

ных (по решению вопросов в порядке исполнения приговора и т.д.) и особых производствах (по решению вопросов, связанных с избранием и продлением заключения под стражу в качестве меры пресечения). При этом применение видеоконференц-связи судами неуклонно росло. Так, в 2013 г. она была использована районными судами РФ при рассмотрении 2,3 тыс. дел и материалов по первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства (и в 36 судебных заседаниях по уголовным делам, пересмотренным в апелляционном порядке). В 2019 г. видеоконференц-связь была уже использована районными судами при рассмотрении 40,9 тыс. дел и материалов в судебных заседаниях в порядке гражданского и административного судопроизводства [1]. Статистика применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве в судах первой инстанции начинает собираться с 2015 г. [2]. Количество дел и материалов, рассматриваемых с применением видеоконференц-связи в порядке уголовного судопроизводства растет умеренными темпами вплоть до 2019 г. и делает резкий скачок в 2020 г. (таблица).

Применение видеоконференц-связи при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Уголовные дела	2 969	4 544	5 732	6 421	7 321	15 806	12 937	10 353
Производства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении срока содержания под стражей	1 600	1 023	816	604	688	9 636	4 537	2 472
Материалы судебного контроля	1 359	2 771	3 041	3 074	3 433	6 339	6 511	6 993
Материалы в порядке исполнения приговора	26 927	57 124	72 905	83 085	87 500	84 151	81 670	82 629
Всего	32 855	65 462	82 494	93 184	98 942	115 932	105 655	102 447

Расширению применения видеоконференц-связи в уголовном процессе способствовал «вынужденный» переход судебной системы на новый уровень взаимодействия участников процесса в связи с пандемией COVID-19. В результате ограничительных мер, принятых в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, использование видеоконференц-связи стало допустимым по каждому уголовному делу и материалу, которые требовали безотлагательного рассмотрения не только в отношении свидетелей, но и по отношению к потерпевшему, подсудимому. В то же время применение видеоконференц-связи по таким делам в период пандемии COVID-19 было обусловлено исключительно ограниченными случаями, предусмотренными Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики [3], а именно: внесение инфекций в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, проведение карантинных мероприятий в следственном изоляторе и установление для всех граждан режима самоизоляции.

Несмотря на официальное завершение пандемии, многие ее порождения получили последующее законодательное оформление. Так, с 9 января 2023 г. вступили

в действие положения УПК РФ, расширившие использование видеоконференц-связи в уголовном процессе. Согласно им, любому участнику уголовного судопроизводства по его ходатайству предоставлено право участия в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, а суд получил возможность обязать любого участника уголовного процесса, в том числе и подсудимого, участвовать в судебном заседании дистанционно. Часть ученых и практиков поддержала такие изменения [4. С. 58; 5. С. 35]. По мнению В.И. Решетняка, участие в судебном заседании подсудимого посредством аудиовизуальной связи преследует законные цели, а именно защиты общественного порядка, предупреждения преступлений, защиты прав на жизнь, свободу и безопасность свидетелей и жертв преступлений, а также соблюдения требований разумного срока судебного разбирательства и не противоречит основным критериям справедливого и публичного разбирательства дела [6. С. 51].

Соответствующих изменений давно ждали и представители судебной системы. Так, еще в мае 2022 г., когда в Государственную Думу РФ был внесен проект соответствующих поправок, для выяснения мнения

практиков относительно перспектив расширения видеоконференц-связи в уголовном процессе, Томским областным судом было проведено анкетирование 62 судей районных (городских) судов Томской области. Часть результатов этого анкетирования была использована в работе Л.Г. Школяр [7], результаты более глубокого обобщения данных этого анкетирования используются здесь и далее в данной статье с согласия Томского областного суда. Согласно данным этого анкетирования, в частности, по мнению 85,5% опрошенных судей, сферу применения видеоконференц-связи по уголовным делам необходимо расширять. Такую позицию судьи объяснили, прежде всего, рядом проблем, связанных с обеспечением физического присутствия лица в судебном заседании, назвав: сложности в доставке лиц в отдаленные и труднодоступные районы региона, затягивание сроков уголовного судопроизводства, длительность этапирования, необходимость соблюдения предельного срока нахождения лиц в ИВС и т.д. Лишь пятеро судей (8%) указали, что при осуществлении своей профессиональной деятельности не сталкивались с проблемами при обеспечении непосредственного участия в судебном заседании лица, содержащегося под стражей.

Позитивно должны были отнестись к указанным изменениям и представители органов внутренних дел РФ, обеспечивающие доставку подозреваемых и обвиняемых из следственных изоляторов в изоляторы временного содержания. Так, в марте 2022 г. в Томский областной суд поступило предложение УМВД России по Томской области проводить судебные заседания в судах Томской области с участием лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах, с использованием систем видеоконференц-связи следственных изоляторов, без перевода этих лиц в изоляторы временного содержания территориальных органов МВД России [7. С. 80]. Такое предложение, обоснованное исключительно сложностями в организации доставки подозреваемых и обвиняемых в суд, вызывает серьезные опасения.

Ряд ученых, напротив, указывает на опасности, связанные с возможностью широкого применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве. Так, Л.В. Головкин отметил, что к правосудию нельзя подходить с позиции простой экономии или арифметики. Трудности в доставке лиц, содержащихся под стражей, не могут, по его мнению, рассматриваться как достаточное основание для того, чтобы обязать лицо участвовать при рассмотрении дела дистанционно. По его мнению, «если мы пойдем по пути удобства и ускорения, то дальше будем оправдывать замену личного участия подсудимого участием по видеоконференц-связи некачественными дорогами, плохой погодой, вечной мерзлотой и чем-то еще подобным» [8. С. 27]. Скептически к расширению сферы применения видеоконференц-связи отнеслись и представители адвокатского сообщества. Так, Н. Гаспарян полагает, что расширение использования видеоконференц-связи в суде – вредная тенденция для интересов справедливого правосудия; дистанционный допрос посредством видеоконференц-связи чреват нарушениями процессуальных прав, различными искажениями и может быть уязвим как с точки зрения допустимости, так и с точки зрения достоверности получаемого доказательства [9].

По мнению К. Кудряшова, не совсем понятно предоставление суду возможности по собственной инициативе принять решение об участии подсудимого в суде посредством видеоконференц-связи «в случаях, когда имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно»; такими обстоятельствами суд может считать что угодно [9]. С.А. Насонов также посчитал подобную формулировку слишком общей, способной привести к произволу правоприменителя [10, 11]. Р.И. Ахметшин и А.А. Щербинин отметили, что как бы ни развивалось дистанционное правосудие, такой формат слушания может быть допущен только по согласию стороны, которая защищает свои права в этом судебном процессе, но не по желанию судьи, которому по каким-то причинам так удобнее [12].

Свои опасения по поводу дальнейшего расширения сферы применения видеоконференц-связи высказал и член Президиума Верховного Суда РФ В.В. Момотов. По его мнению, живое общение с судом дает сторонам процесса возможность оперативно излагать свою позицию, ориентировать суд в материалах дела и отслеживать невербальные сигналы других участников, что критически важно в уголовном процессе, где одним из ключевых является человеческий фактор [13]. Видеоконференц-связь может искажать коммуникацию, а значит, важные фрагменты показаний могут быть потеряны либо неверно интерпретированы, в результате судья может оказаться в плену ложных историй, рассказанных участниками судебного процесса [14].

Неоднозначная оценка расширения применения видеоконференц-связи обусловлена, как представляется, тем, что при определении формы участия лица в судебном заседании взаимодействуют неоднозначные, часто противоречащие друг другу интересы участников процесса. Поэтому есть потребность определить, какие частные и публичные интересы могут быть затронуты при решении вопроса о возможности лица участвовать в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, отыскать возможный баланс между ними, посмотреть, реализуется ли он на практике, и предложить на этой основе процессуальные гарантии обеспечения интересов всех участников при решении вопроса о применении видеоконференц-связи по уголовным делам.

Методы

Мы ранее уже обосновывали, что нарративы (истории о праве, «рассказанные» в различных аспектах) представляют собой жизнь права и выступают демонстрацией реального правового регулирования. Эти «истории» могут рассказываться как непосредственно, так и «извлекаться» из материалов уголовных дел и судебных решений, результатов частично структурированных интервью [15]. С учетом этого, исследуя баланс различных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве, мы решили использовать не только герменевтический и сравнительно-правовой метод, но и изучить складывающиеся нарративы. В этих целях мы использовали:

- результаты анкетирования 62 судей Томской области, произведенного Томским областным судом;
- результаты интервьюирования 10 судей Самарского областного суда;
- материалы 9 нарративных интервью, респонденты которых рассказывали о ситуациях их участия в судебных заседаниях в режиме видеоконференц-связи;
- результаты изучения приговоров, а также апелляционных и кассационных определений по уголовным делам.

Всего нами было изучено 6 000 приговоров и 1 000 апелляционных/кассационных определений. Эти результаты показали, что суды не отражают в приговорах сведения о применении режима ВКС и основаниях принятия такого решения. Сведения о том, что в ходе судебного разбирательства использовался режим видеоконференц-связи, можно обнаружить лишь в результате изучения апелляционных и кассационных определений и только в том случае, если сторона защиты (и крайне редко сторона обвинения) указала на это в своей жалобе/представлении.

Исследование

1. Перечень интересов, которые должны приниматься во внимание при решении вопроса о применении видеоконференц-связи в уголовном процессе. Анализ публикаций, результаты изучения практики, использования нарративных методик исследования позволяет нам отнести к числу интересов, которые должны приниматься во внимание при решении вопроса о применении видеоконференц-связи в уголовном процессе, следующие: публичный интерес, направленный на установление истины по делу; публичные и частные интересы, направленные на реализацию права обвиняемого и потерпевшего на судебную защиту; публичные и частные интересы, заключающиеся в обеспечении разумного срока уголовного судопроизводства; публичные и частные интересы, связанные с необходимостью обеспечения безопасности свидетелей и других участников процесса, а также интерес государства, направленный на ускорение и удешевление уголовного судопроизводства. Рассмотрим содержание этих интересов и влияние режима видеоконференц-связи на возможность их реализации.

1.1. Право быть заслушанным судом как составная часть права на судебную защиту. Статьей 46 Конституции РФ каждому гарантирована судебная защита его прав и свобод. Содержание этого права не может рассматриваться в отрыве от содержания права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и его толкования Европейским судом по правам человека. На это ориентировал Конституционный Суд РФ, неоднократно подчеркивавший в своих актах, что конституционное право каждого на судебную защиту корреспондирует положению, закрепленному в ст. 6 Европейской конвенции, и потому должно толковаться с его учетом [16, 17]. Реализация данного права предполагает право лица лично участвовать в судебном заседании. Это право приобретает особое значение при производстве по уголовным делам, как в

силу сложности установления фактических обстоятельств, так и в силу высокой опасности ошибки.

По смыслу закона судебная защита гарантируется всем, однако в первую очередь в ней нуждаются лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, а также потерпевшие, чьи права и интересы нарушены преступлениями. Потерпевшим, кроме того, в силу положений ст. 52 Конституции РФ государство призвано обеспечить доступ к правосудию, что в полной мере также невозможно без предоставления права принять личное участие в судебном заседании [14. С. 25]. Поэтому право на справедливое судебное разбирательство уголовного дела должно быть признано как за обвиняемым, так и за потерпевшим, и за обществом в целом, в силу наличия публичного интереса, направленного на правильное разрешение уголовного дела на основе установления действительных обстоятельств случившегося [18. С. 81].

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и право быть заслушанным судом при разрешении дела по существу на основе состязательности и равноправия сторон [19]. Необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на эффективную судебную защиту. Во всяком случае лицо, подвергаемое уголовному преследованию, – вне зависимости от его уголовно-процессуального статуса (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или осужденный), – если оно изъявляет желание участвовать в судебном заседании, не может быть лишено возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями других участников судебного заседания и дополнительными материалами, давать объяснения по рассматриваемым судом вопросам [20]. В соответствии с правовыми позициями Европейского суда по правам человека использование в ходе судебного разбирательства системы видеоконференц-связи не противоречит понятию справедливого слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно [21].

Очевидно, для реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство законодателем должна быть предусмотрена такая форма участия в судебном заседании, которая позволяла бы сторонам наилучшим образом довести свою позицию по делу, не упустив детали позиции противоположной стороны, а суду – выслушать стороны без каких-либо препятствий, обеспечивая состязательный характер судебного разбирательства, проводимого в условиях предоставления сторонам равных возможностей в представлении своих доказательств и гарантирующего достаточные гарантии защиты интересов каждого участника процесса.

Надо отметить, что право участника быть заслушанным судом имеет две составляющие, два критерия: объективный и субъективный. С точки зрения объективного

критерия, участие подсудимого в судебном заседании посредством видеоконференц-связи на деле существенно ограничивает его возможности довести до суда свою позицию по делу. Так, при участии посредством видеоконференц-связи подсудимый фактически лишен возможности самостоятельно приобщить к материалам дела письменные документы, путем самостоятельного прочтения ознакомиться с письменными материалами, которые приобщаются другими участниками процесса, осмотреть вещественные доказательства и т.д., что затрудняет его участие в непосредственном исследовании доказательств по делу. С такими же проблемами при участии через видеоконференц-связь сталкивается и потерпевший, что затрудняет его доступ к правосудию и осложняет реализацию его права на защиту нарушенных преступлением интересов.

С точки зрения субъективного критерия, очень важны именно очное присутствие, личные объяснения стороны, не опосредованные техническими средствами связи. Здесь мы вступаем в «зону действия» нарративов. С позиции преобладающего нарратива – «сторона обращается в суд за защитой прав, которые считает для себя действительно важными, и проигрыш дела для нее означает исчерпание возможностей получить защиту со стороны государства. Она крайне заинтересована в том, чтобы ее позиция была максимально понятной суду, чтобы ее доводы были услышаны и восприняты» [12]. Между тем с помощью слов передается 7% информации, звуковых средств – 38%, мимики, жестов, позы – 55% [22]. Таким образом, опосредование общения техническими средствами, использование ВКС снижают возможности участника убедительно донести до суда свою позицию, отреагировать на признаки интереса или, напротив, недоверия, со стороны судьи – заметить признаки лжи или неуверенности в показаниях свидетеля.

Все респонденты нарративных интервью, участвовавшие в судебных заседаниях в режиме ВКС в качестве участника/представителя стороны, отметили психологическую сложность участия в судебном заседании в таком формате. Профессиональные участники судебных заседаний рассказали, что выбирают такой формат только в тех случаях, если личное участие в деле обойдется непропорционально дорого, или, напротив, если вся аргументация исчерпывающе изложена в письменных пояснениях и фактически нет нужды в личном участии. Причина – сложность в донесении до судьи позиции по делу в режиме опосредованного техникой общения.

1.2. Право обвиняемого на защиту. Это право подразумевает, что обвиняемый вправе защищать себя лично, что предполагает возможность использования им любых адекватных средств? Но для этого важно, чтобы он мог реализовать свое право слышать и следить за разбирательством. Кроме того, право на защиту включает в себя и право пользоваться помощью защитника, а это означает и возможность совещаться и согласовывать с ним позицию по делу, получать от него своевременные консультации. Если адвокат не может совещаться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции без наблюдения представителей государства, без риска быть услышанными

третьей стороной, его помощь теряет значительную часть полезности.

При участии в судебном заседании опосредованно, в режиме видеоконференции, реализация права подсудимого на конфиденциальное общение с адвокатом затруднена. Это обстоятельство подтверждают и сами судьи. В ходе интервьюирования судей Самарского областного суда, 80% опрошенных указали на то, что в ситуации, когда они покидали зал судебного заседания, чтобы дать подсудимому возможность конфиденциально пообщаться со своим защитником, в зале оставался секретарь судебного заседания, и еще 10% указали на то, что в зале оставался пристав. В ходе опроса, проведенного среди судей Томской области, на вопрос, «позволяет ли использование системы видеоконференц-связи в полной мере обеспечить право на защиту (в том числе право на конфиденциальность общения с адвокатом)?», 7% опрошенных судей ответили «редко позволяет» и «почти никогда не позволяет», а 32% судей выбрали вариант ответа «позволяет, но не всегда, а в большинстве случаев». В качестве самостоятельных вариантов судьями были предложены следующие: «позволяет, но могут возникнуть сложности при заявлении ходатайства об ознакомлении с материалами дела», «в практике заявлялись возражения по мотиву присутствия судебного пристава в суде и конвоя в СИЗО». Таким образом, более 40% судей признают, что использование системы видеоконференц-связи способно ограничить право обвиняемого на защиту.

Еще одно препятствие к тому, чтобы быть выслушанным судьей, а также защищать себя лично или с помощью защитника, связано с наличием частых технических проблем со связью. Так, по мнению 10% опрошенных судей Томской области, использование системы видеоконференц-связи почти никогда не позволяет или же редко позволяет обеспечить право лица видеть, слышать и наблюдать за происходящим в судебном заседании без технических препятствий (по мнению еще 36% судей, позволяет, но вовсе не всегда, а лишь в большинстве случаев). В качестве самостоятельных ответов судьи указали «позволяет всегда, если участие не связано с исследованием вещественных доказательств», «позволяет при условии исправности технического обеспечения». Указали на то, что у них возникали технические проблемы при использовании видеоконференц-связи, 80% опрошенных судей Самарского областного суда.

Технические проблемы, обусловленные плохим качеством звука и видео, прерыванием связи и т.д., существенно ограничивают и право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, которое также представляет собой один из элементов права на справедливое судебное разбирательство.

1.3. Интересы правосудия. Российские ученые не могут достичь согласия относительно того, должно ли рассматриваться установление истины по делу в качестве цели уголовного процесса вообще и цели доказывания в частности, должна ли деятельность суда направляться на поиск истины, или будет достаточно, если он станет стремиться к тому, чтобы вынести

обоснованное решение на основе доказательств, которые ему были представлены сторонами [23–30]. Мы согласны с тем, что целью уголовно-процессуального доказывания является познание произошедшего события в полном соответствии с тем, что действительно имело место. Именно к этому должен стремиться суд при осуществлении правосудия. Интересы общества при осуществлении правосудия заключаются, прежде всего, в том, чтобы как можно более полно и правильно установить фактические обстоятельства произошедшего. Для того, чтобы уголовный процесс мог внести свою лепту в решение задачи обеспечения мира и спокойствия в обществе, необходимо, чтобы уголовное наказание применялось только к надлежащему (виновному в преступлении) лицу, иное чревато последствиями, сравнимыми по степени опасности с последствиями самого преступления [31].

Для этого, опять-таки, необходимо, чтобы судья мог «слышать, наблюдать поведение лица и составить собственное впечатление о достоверности его показаний» [32]. Очевидно, что дистанционное участие лица (в сравнении с его физическим присутствием в судебном заседании) создает опасность менее точного восприятия судьей слов и реакций лица, участвующего в судебном заседании через видеоконференц-связь, потери важных фрагментов его показаний, их неправильной интерпретации и т.д. В ходе проведенного анкетирования судей Томской области на вопрос, «влияет ли участие лица через систему видеоконференц-связи на восприятие судьей слов и реакций того участника процесса?», почти четверть опрошенных судей (24%) ответили «да» (еще 3% судей затруднились ответить). Кроме того, технические неполадки при использовании видеоконференц-связи, связанные с качеством звука и видео, делают выступление подсудимого менее убеждающим, что может повлечь за собой формирование у судьи субъективного мнения относительно произошедшего. Из 62 опрошенных судей 11 человек считают, что использование системы видеоконференц-связи в определенных ситуациях может препятствовать правильному установлению фактических обстоятельств по делу.

Еще одним аспектом назначения уголовного судопроизводства, на наш взгляд, является требование, чтобы судебное решение не только устанавливало истину, было справедливым, но и чтобы оно воспринималось участниками и присутствующими в качестве такового, чтобы общество видело, что государство предпринимает все возможные меры для того, чтобы отыскать и наказать действительно виновное лицо, обеспечить восстановление нарушенных прав потерпевшего («важно не только, чтобы правосудие осуществлялось, но и чтобы было видно, что оно осуществляется»). С учетом этого имеет значение, что «символическая судебная власть», ассоциирующаяся с местом, где осуществляется правосудие (здание, помещение, символы судебной власти, облик судьи и т.д.), создает фундамент доверия и признания у участников судебного процесса [11].

1.4. Разумный срок судебного разбирательства. Справедливое судебное разбирательство включает и

гарантию разумности срока рассмотрения дела [17. С. 37]. Очевидно, если дело длительное время не рассматривается и процесс затягивается, в том числе в связи с невозможностью конкретного лица принять участие в судебном заседании, своевременно не получает судебной защиты потерпевший, чьи права были нарушены преступлением. Нерассмотрение уголовного дела в разумный срок создает состояние правовой неопределенности для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, чем нарушается и его право на судебную защиту. Нерассмотрение материала по мере пресечения в предусмотренные законом сокращенные сроки может повлечь за собой произвольное и несоразмерно длительное содержание под стражей лица при осуществлении уголовного судопроизводства. В связи с этим законодателем предусмотрены процессуальные гарантии, обеспечивающие право на осуществление правосудия в разумный срок, важное место среди которых занимает возможность лица принять участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи. Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ [18] применение такой формы дистанционного участия предусмотрено в отношении подсудимого – по его ходатайству либо, в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность участия подсудимого в судебном заседании непосредственно, по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда, а в отношении иных лиц, вызванных в судебное заседание, – по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда.

1.5. Право на безопасность. Потерпевшие, свидетели и иные участники уголовного судопроизводства имеют право на защиту государством их права на безопасность. В качестве одной из мер безопасности, применяемой судом при рассмотрении уголовного дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, изменениями, внесенными в УПК РФ, предусмотрена возможность обязать подсудимого, содержащегося под стражей, по ходатайству любой из сторон участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи (ч. 2 ст. 241¹ УПК РФ). Принятие судом решения об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи иных лиц (в том числе потерпевших и свидетелей) также может быть обусловлено соображениями необходимости обеспечения безопасности этих лиц.

1.6. Интерес, направленный на ускорение и удешевление производства по уголовному делу. Государство и общество заинтересованы в том, чтобы ресурсы, отводимые на нужды уголовного судопроизводства, тратились максимально эффективно. Это законный интерес, удовлетворение которого способно оптимизировать уголовное судопроизводство, отводя максимальное количество ресурсов на те дела, в которых нужно свести к минимуму риск ошибки, и сокращая затраты там, где они не вызваны необходимостью. К сожалению, на практике мы зачастую можем наблюдать инверсию этого законного интереса, попытку подчинить уголовный процесс интересам удобства отдельных государственных органов и(или) должностных лиц.

2. Баланс между правом обвиняемого, потерпевшего и общества в целом на справедливое судебное разбирательство, включающее достаточные гарантии эффективного участия субъектов в судебном заседании, рассмотрением дела в разумные сроки и интересами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В юридической литературе осуществляется поиск такого баланса. Чаще всего при этом исследователи уделяют внимание возможности применения видеоконференц-связи как меры безопасности. Так, по мнению Л.В. Головки, применение дистанционной формы участия подсудимого в судебном заседании, как и иных мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, не нарушает баланс прав участников судопроизводства: с одной стороны, подсудимому обеспечивается возможность реализации в ходе судебного заседания его процессуальных прав, в том числе права допрашивать показывающих против него свидетелей, с другой – служит защите свидетелей и иных участников судопроизводства от возможных вербальных и невербальных (жесты, гримасы) угроз подсудимого в их адрес [33. С. 913]. Учитывая сохранение указанного баланса, Л.В. Головка считает, что законодатель не следовало ограничивать сферу применения меры безопасности лишь случаями, когда деяния подсудимого квалифицированы по конкретным статьям УК РФ, а сам он содержится под стражей. По его мнению, мера безопасности в виде видеоконференц-связи может оказаться необходимой (и, главное, достаточной) и в других случаях, помимо указанных ранее, до внесения законодательных изменений в ч. 6¹ ст. 241 УПК РФ, в связи с чем целесообразно снятие указанных в указанной норме условий ее применения [33. С. 913].

Другие исследователи, в том числе С.А. Насонов, осуществляя поиск такого баланса, настаивают на максимальном ужесточении критериев для применения такой меры безопасности, «привязке» ее к определенным составам преступления [10].

Расширяя понятие «безопасность участников уголовного судопроизводства» через призму безопасности здоровья и жизни в период пандемии COVID-19, А.В. Сахарных считал допустимым участие подсудимого, содержащегося под стражей, посредством использования систем видеоконференц-связи, особенно по категории дел, возможных к рассмотрению в особом порядке, когда сам судебный процесс сокращен во времени, доказательства, в частности показания свидетелей, потерпевших, не исследуются, а контакты участвующих лиц минимизированы [34. С. 27].

Некоторые исследователи полагали возможным расширить сферу применения видеоконференц-связи, посредством которой возможно участие обвиняемого (подозреваемого), за счет судебных производств по рассмотрению вопросов о мерах пресечения. Так, С.С. Чернова, А.В. Квык считали, что современное состояние жизни общества и уголовно-правовой сферы готово к более широкому внедрению видеоконференц-связи в уголовно-процессуальную деятельность, в том числе при решении вопросов об избрании мер пресечения и продления сроков их применения [35. С. 75; 36. С. 150].

В то же время, по мнению В.Н. Курченко, И.Л. Беднякова и Н.А. Развейкиной, уголовно-процессуальный закон предполагает непосредственное участие не только подсудимого в суде первой инстанции в разбирательстве дела, но и подозреваемого или обвиняемого при избрании, продлении меры пресечения. При этом подозреваемый, обвиняемый должен находиться в зале суда [37. С. 107; 38. С. 41].

Отсутствует единство мнений у исследователей уголовного процесса и относительно возможности применения видеоконференц-связи в отношении потерпевших и свидетелей. Так, Л.В. Головка в качестве основания допроса потерпевшего или свидетеля с использованием системы видеоконференц-связи называет оказание давления на указанных участников уголовного судопроизводства [33. С. 914]. Аналогичного мнения придерживается Е.А. Полякова, по мнению которой правовым основанием допроса свидетеля и потерпевшего посредством систем видеоконференц-связи является обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства [39. С. 815].

По мнению других ученых, помимо обеспечения безопасности участников процесса, в качестве основания применения видеоконференц-связи в отношении потерпевшего и свидетеля должна выступать необходимость обеспечения разумного срока судопроизводства. Так, Е.В. Баркалова полагает, что необходимость применения системы видеоконференц-связи при допросе свидетеля или потерпевшего должна быть связана с нахождением данных участников в удаленной от места судебного разбирательства местности [40. С. 21].

Даже приведенный краткий анализ точек зрения, имеющих в юридической литературе, свидетельствует о том, что единство мнений среди исследователей при решении вопроса об основаниях и условиях дистанционного участия в уголовном процессе отсутствует. Попробуем поэтому сначала предложить основные принципы выстраивания такого баланса, а затем – на их основе – соотнести различные ценности в конкретных ситуациях возможного применения видеоконференц-связи.

Итак, во-первых, произвольно и безгранично цифровизовывать уголовный процесс, в том числе посредством внедрения видеоконференц-связи, недопустимо. Стоит согласиться с А.С. Александровым, О.И. Андреевой и О.А. Зайцевым в том, что цифровизация уголовного процесса должна облегчить и упорядочить производство по делу, а не усложнить доступ заинтересованного лица к правосудию и реализацию права на справедливое судебное разбирательство [41. С. 199].

Во-вторых, государство обязано гарантировать в равной степени:

- обвиняемому (подозреваемому) – возможность реализации его права на судебную защиту;
- потерпевшему – возможность реализации такого же права, а также право на безопасность и своевременное рассмотрение уголовного дела, в том числе обеспечиваемые путем ограничения отдельных элементов права обвиняемого (подозреваемого) на справедливое судебное разбирательство;
- свидетелю – право на безопасность, которое также может ограничивать отдельные элементы права

обвиняемого (подозреваемого) на справедливое судебное разбирательство;

–обществу – интересы правосудия, заключающиеся не столько в быстром, сколько в наиболее точном установлении фактических обстоятельств дела, с устранением всего того, что может воспрепятствовать суду установить, что произошло на самом деле.

Все эти ценности одинаково важны, ни одна из них не является «подчиненной», «менее значимой» по сравнению с остальными. Поэтому недопустимы ситуации, когда одна или несколько ценностей оказываются полностью нереализуемыми либо их реализация настолько затрудняется, что они фактически лишаются своего содержания.

В-третьих, поскольку справедливый баланс между интересами указанных субъектов достижим только в том случае, если эти права осуществимы в равной мере, ни одно из них не оказывается фактически нереализуемым, то гарантированность реализации конституционного права на судебную защиту можно рассматривать в качестве критерия достижения такого баланса [31. С. 83].

Покажем, как обеспеченность реализации права каждого субъекта на судебную защиту может в конкретных ситуациях помочь определить наличие или отсутствие баланса интересов различных участников процесса и предложить минимальные процессуальные гарантии реализации каждого из конкурирующих интересов.

2.1. Обеспечение участия подсудимого в судебном заседании посредством видеоконференц-связи при его согласии на дистанционное участие в уголовном процессе. Необходимость реализации права каждого на судебную защиту не вступает в противоречие с возможностью подсудимого отказаться от своего физического присутствия в судебном заседании и заявить ходатайство об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи. Такое ходатайство подсудимого может быть обусловлено различными причинами, связанными с обеспечением «удобства» своего участия при рассмотрении дела, а нередко и вовсе с обеспечением себе доступа к правосудию: например, проживанием на значительном расстоянии от суда, существенностью затрат на явку в каждое судебное заседание, нахождением в длительной командировке и т.д. В то же время возможность подсудимого отказаться от своего права на физическое присутствие в судебном заседании не может быть безграничной и должна учитывать общественную значимость в обеспечении интересов правосудия. Очевидно, в ситуации, когда подсудимый самоустраняется от непосредственного участия в судебном заседании, суду сложнее установить истину по делу. Кроме того, при регламентации возможности подсудимого отказаться от физического присутствия в судебном заседании должны быть учтены и интересы иных лиц, заинтересованных в непосредственном участии подсудимого, в том числе в его непосредственном допросе (сообвиняемых, потерпевших по делу).

Однако, очевидно, что дистанционное участие подсудимого по уголовному делу о преступлениях небольшой и средней тяжести дает больше гарантий справедливого судебного разбирательства, чем заочное разбирательство, возможное по аналогичной категории дел при наличии соответствующего ходатайства.

Как с учетом данных обстоятельств обеспечить баланс различных ценностей?

Во-первых, для того чтобы право подсудимого на судебную защиту не было нарушено, в уголовно-процессуальном законодательстве должны существовать гарантии обеспечения подлинно добровольного характера такого отказа подсудимого. Очевидно, нельзя быть уверенным в добровольности отказа лица от своего права, если отказ не исходит достоверно от соответствующего субъекта или объясняется им невозможностью по тем или иным причинам принять участие в судебном разбирательстве [31. С. 137]. В связи с этим за судом должна быть закреплена обязанность проверить тот факт, что заявление исходит лично от обвиняемого. При этом такое заявление не должно быть мотивировано наличием обстоятельств, исключающих возможность участия подсудимого в судебном заседании непосредственно, в противном случае, на наш взгляд, заявление должно рассматриваться как вынужденное. И напротив, в случае, если имеется добровольно заявленное ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела с применением режима видеоконференц-связи, он не должен вынуждаться к отказу от своего права на личное участие в рассмотрении дела. К сожалению, в судебной практике имеются примеры противоположного.

Так, по уголовному делу по обвинению N, от подсудимого поступило ходатайство о проведении судебного заседания посредством видеоконференц-связи с Братским городским судом Иркутской области в связи с невозможностью участия подсудимого по причине ухода за престарелой матерью, отдаленности места проживания и финансового положения, препятствующих проезду в г. Кисловодск. Ходатайство подсудимого о проведении судебного заседания посредством видеоконференц-связи было немотивированно оставлено без удовлетворения, напротив, в отношении подсудимого судом было вынесено постановление о принудительном приводе, затем он был объявлен в розыск. В дальнейшем суд вынес постановление о прекращении розыска, «поскольку место нахождение подсудимого известно и в обоснование неявки представлены уважительные причины, а также заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие» и рассмотрел дело в отсутствие подсудимого [42]. Суд кассационной инстанции, отменяя приговор, обоснованно указал, что волеизъявление подсудимого должно быть добровольным. Если ходатайство является вынужденным, то оно не может быть принято судом во внимание и удовлетворено. Между тем обвиняемый ходатайствовал об участии в процессе в режиме видеоконференц-связи.

Также нельзя считать подлинно добровольным отказ от физического присутствия в судебном заседании, если отказ не является информированным. Лицо должно знать, на что конкретно оно дает согласие (или от чего отказывается) и понимать последствия такого отказа [43. С. 137]. Однако уголовно-процессуальный закон никаких гарантий информированности отказа подсудимого от своего права на физическое присутствие в судебном заседании не предусматривает. В связи с этим в целях повышения правовой определенности необходимо закрепить в законе обязанность суда под подпись знакомить обвиняемого с последствиями

его отказа от непосредственного участия в судебном заседании.

На сегодняшний день закон предусматривает возможность подсудимого заявить ходатайство об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи по любому уголовному делу, вне зависимости от его тяжести (ч. 1 ст. 241¹ УПК РФ). Вместе с тем последствия дистанционного участия подсудимого по уголовным делам о преступлениях различных категорий не идентичны и могут в различной степени затрагивать интересы иных субъектов уголовного процесса. В ситуации, когда имеется конкуренция между двумя возможностями – рассмотрения дела в отсутствие обвиняемого или в режиме ВКС, суды, как представляется, должны учитывать следующее:

Если по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие, судебное разбирательство может быть допущено в отсутствие подсудимого (заочное производство). В силу сравнительно небольшой степени общественной опасности преступлений небольшой и средней тяжести представляется, подсудимый вправе самостоятельно решать и вопрос о форме своего участия в судебном заседании (физическое присутствие или дистанционное участие). При этом в случае заявления подсудимым по уголовному делу о преступлениях небольшой или средней тяжести ходатайства об участии посредством видеоконференц-связи (при условии, что он не отказывается от личного участия в судебном заседании) на суд должна быть возложена обязанность удовлетворить такое ходатайство. В том же случае, когда подсудимый полностью отказывается от участия в судебном заседании, безусловное удовлетворение судом ходатайства подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие недопустимо. В этом случае суд также должен иметь возможность принять решение не только о полном устранении подсудимого из судебного заседания, но и об изменении формы личного участия подсудимого в судебном заседании с непосредственного участия на дистанционное. Решение об организации видеоконференц-связи в этом случае может быть принято судом с учетом конкретных обстоятельств, в том числе и тогда, когда суд придет к выводу о том, что личное участие подсудимого в судебном заседании (хотя бы в режиме ВКС) необходимо для правильного установления фактических обстоятельств уголовного дела.

Иной подход должен быть в случае заявления подсудимым ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, при рассмотрении которых дистанционное участие подсудимого может существенно затронуть интересы иных участников процесса, а также общества в целом. Поскольку за совершение преступлений, отнесенных законом к указанным категориям, возможно назначение сурового наказания и по ним цена ошибки, в том числе для общества, слишком велика, возможность применения видеоконференц-связи в отношении подсудимого, на наш взгляд, должна сопровождаться дополнительными гарантиями. Представляется, в качестве

одной из них могло бы стать получение согласия на применение дистанционной технологии не только подсудимого, но и защитника (профессионального участника процесса), прокурора (представителя публичных интересов в судебном процессе), а также других участников уголовного процесса (потерпевший, гражданский истец, ответчик, другие обвиняемые по делу), если участие посредством видеоконференц-связи одного из сообвиняемых может привести к ограничению или нарушению их права на судебную защиту [44]. Кроме того, законом должна быть предусмотрена и возможность самого суда счесть, что для правильного установления фактических обстоятельств дела необходимо непосредственное участие подсудимого в судебном заседании, т.е. его физическое присутствие.

Представляется интересным вопрос, должен ли предусматривать справедливый характер судебного разбирательства возможность обвиняемого, заявившего об отказе от физического присутствия в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу, в последующем пересмотреть свое решение и потребовать обеспечения своего непосредственного участия в судебном заседании при пересмотре приговора в апелляционном порядке. На сегодняшний день, несмотря на возможность обеспечить право осужденного участвовать в судебном заседании суда апелляционной инстанции как через видеоконференц-связь, так и непосредственно (ч. 2 ст. 389¹² УПК РФ), суды апелляционной инстанции практически всегда принимают решения об организации видеоконференц-связи. Думается, с внесением законодательных изменений, предусматривающих возможность подсудимого заявить ходатайство о своем участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, с одной стороны, обоснованность сохранения таких широких возможностей для судебной защиты за судами апелляционной инстанции, практически всегда обеспечивающими участие осужденного посредством видеоконференц-связи, вызывает сомнения. С другой стороны, закрепление за судом апелляционной инстанции обязанности по каждому делу обеспечивать непосредственное участие осужденных, отказавшихся от физического присутствия в суде первой инстанции и настаивающих на рассмотрении апелляционных жалоб, представления при своем непосредственном участии, может быть чревато злоупотреблением своими правами со стороны осужденных.

Представляется, для обеспечения права каждого на судебную защиту при определении формы участия осужденного в суде апелляционной инстанции (физическое присутствие или дистанционное участие) должны действовать иные критерии, отличные от тех, что были предложены для рассмотрения дела в суде первой инстанции. Поскольку при участии в суде первой инстанции посредством видеоконференц-связи подсудимый не отказывается от личного участия в судебном заседании, а участвует в нем в иной форме, его возможность потребовать в дальнейшем обеспечение своего непосредственного участия в суде апелляционной инстанции должна зависеть от основания обжалования. Если стороной защиты или стороной обвинения

обжалуются вопросы факта, ходатайство осужденного, по своей инициативе участвовавшего в суде первой инстанции дистанционно, о непосредственном участии в суде апелляционной инстанции должно подлежать безусловному удовлетворению. При обжаловании же вопросов права может быть сохранен существующий порядок принятия судом апелляционной инстанции решения о форме участия осужденного в суде апелляционной инстанции.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что изъятие из непосредственного участия подсудимого в судебном заседании не нарушает справедливый характер судебного разбирательства, если допускается при рассмотрении судом первой инстанции уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести – только с согласия подсудимого, а уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях – также с согласия заинтересованных участников процесса и отсутствии при этом нарушения важных публичных интересов. В суде апелляционной инстанции при этом критерии принятия решения о форме участия осужденного должны быть иными и могут, на наш взгляд, зависеть от основания обжалования (вопросы факта или вопросы права).

2.2. Применение видеоконференц-связи как меры обеспечения разумного срока судопроизводства. Как уже отмечалось, при отсутствии согласия подсудимого принятие решения о его участии через видеоконференц-связь должно быть возможным лишь в ограниченных случаях. В качестве одного из таких случаев, по мнению законодателя, может выступать угроза нарушения разумного срока судопроизводства. Так, согласно УПК РФ, суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе принимает решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем видеоконференц-связи в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно (ч. 1 ст. 241¹ УПК РФ).

Вместе с тем перечень обстоятельств, исключающих возможность личного участия подсудимого в судебном заседании, в настоящее время законодательно не определен. В отсутствие соответствующих разъяснений на этот счет есть реальные опасения, что судебная практика будет толковать такие обстоятельства слишком широко. Так, судьи предлагали отнести к числу оснований для применения ВКС без ходатайства обвиняемого: нахождение обвиняемого под стражей или в исправительном учреждении другого региона, ошибочный призыв его на военную службу. В ходе проведенного анкетирования в качестве проблем, связанных с обеспечением физического присутствия обвиняемого в судебном заседании, судьями Томской области были названы невозможность этапирования обвиняемого в течение длительного времени в связи с рассмотрением в отношении него уголовного дела в другом субъекте РФ; поздняя доставка обвиняемых из СИЗО в суды г. Томска для рассмотрения дела (не ранее 10:30–11:00 до обеда и 15:30–16:00 после обеда); сложности в доставке обвиняемых из СИЗО в суды, расположенные

за пределами г. Томска, в период межсезонья. Также в качестве проблем были указаны необходимость этапирования в Стрежевской городской суд Томской области из соседнего региона (СИЗО-1 УФСИН России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре); возможность рассмотрения дела в отношении лиц, этапиремых из СИЗО в ИВС, не более 10 дней в течение месяца; при отсутствии в соответствующих районах ИВС необходимость этапирования лиц непосредственно из СИЗО, часто расположенного на значительном расстоянии от суда.

Безусловно, что данные обоснования недостаточны для принятия решения об ограничении права обвиняемого на защиту. Сложности доставки в связи со значительным расстоянием, необходимостью излишних затрат и т.д. также не могут обосновывать ограничение прав подсудимого, поскольку одни только соображения государственного (служебного) удобства, экономии средств не могут служить оправданием для введения отступлений от обязательности проведения справедливого судебного разбирательства для решения основного вопроса уголовного дела. Для того чтобы ограничение беспрепятственной реализации обвиняемым своего права на защиту было обоснованным, на наш взгляд, необходима более существенная угроза нарушения разумного срока уголовного судопроизводства.

Интересно, что в отношении иных лиц, вызванных в судебное заседание, законодатель вообще не предусматривал каких-либо критериев принятия решения об их участии через видеоконференц-связь (ч. 5 ст. 241¹ УПК РФ). В то же время допрос потерпевшего или свидетеля посредством видеоконференц-связи может существенно ограничивать права обвиняемого, в том числе право беспрепятственно допрашивать показывающих против него лиц (например, из-за технических проблем, связанных с качеством звука, видео и т.д.). Думается, принятие судом такого решения не должно являться произвольным и может быть возможно только при наличии иного подлежащего защите интереса, которому в конкретной ситуации суд принял решение отдать предпочтение перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту. Одним из таких интересов, при соблюдении определенных условий, может являться как раз необходимость обеспечения разумного срока судопроизводства.

При определении обстоятельств, наличие которых могло бы позволить суду принять решение об обязанности лица участвовать в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, считаем полезным обратиться к опыту ФРГ. Так, согласно §247a S1 HS2 УПК ФРГ, применение указанной дистанционной технологии возможно в случае, когда появлению свидетеля или потерпевшего в судебном разбирательстве мешают особые препятствия и невозможно ожидать появления этих участников процесса. При этом интересно, что в формулировании данного основания применения видеоконференц-связи в немецком законодательстве идет ссылка на основания для оглашения протоколов, а использование видеодопроса судом рассматривается только тогда, когда его проведение необходимо для выяснения истинного положения дел. Иными словами,

в отношении показаний тех свидетелей (потерпевших), которые в российском уголовном процессе подлежали бы оглашению на основании положений ч. 2 ст. 281 УПК РФ, немецким судьей может быть принято решение об организации видеоконференц-связи в целях достижения истины по делу [45. С. 249].

Таким образом, для немецкого законодателя основание для применения видеоконференц-связи как меры обеспечения разумного срока судопроизводства – это не лазейка для государственного (служебного) удобства или экономии средств, а способ реального обеспечения прав обвиняемого и усиления возможностей суда правильно установить фактические обстоятельства дела (поскольку организация видеоконференц-связи является альтернативой оглашения соответствующих протоколов). Думается, при совершенствовании российского законодательства может быть учтен опыт ФРГ. При этом очевидно, что проверить наличие таких особых препятствий для непосредственного появления лица в процессе, а также их существенность можно только в судебном заседании, при осуществлении судебного контроля, с вынесением мотивированного решения о возможности или невозможности применения видеоконференц-связи. Таким образом, для гарантирования всем участникам уголовного процесса судебной защиты, которая должна осуществляться в разумные сроки, необходимо, чтобы судом было проверено:

- наличие существенной угрозы нарушения разумного срока уголовного судопроизводства, в том числе при применении иных мер предотвращения рассмотрения дела в отсутствие участника процесса, не явившегося в судебное заседание (отложение судебного заседания и т.д.);
- необходимость оказания этому подлежащему защите интересу (угроза нарушения разумного срока уголовного судопроизводства) в конкретной ситуации предпочтения перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту;
- это должно найти отражение в мотивированном решении.

В то же время представляется, что наличие у обвиняемого заболевания, даже если оно на длительный срок исключает возможность его участия в судебных заседаниях, не должно ограничивать его право на непосредственное участие в судебном разбирательстве, если он желает непосредственно участвовать в суде. В подобной ситуации участие обвиняемого в режиме видеоконференц-связи возможно лишь с его согласия.

Вызывает вопрос: насколько значимым для суда должно быть мнение других обвиняемых по данному делу? Так, Второй апелляционный суд общей юрисдикции в своем Апелляционном определении заключил, что «судебная коллегия не... усматривает нарушений права на защиту осужденного Б. принципа равноправия сторон. Как видно из материалов уголовного дела, с ноября 2020 года по август 2021 судебные заседания неоднократно откладывались в связи с недоставкой конвоем осужденного Б. ввиду невозможности участия в них по состоянию здоровья, в том числе длительного нахождения на стационарном ле-

чении, а также неоднократно прерывались из-за ухудшения его самочувствия в судебных заседаниях. Судом были предприняты адекватные и достаточные меры, направленные на обеспечение непосредственного участия осужденного в судебных заседаниях. В целях рассмотрения уголовного дела в разумные сроки, с учетом состава суда и при наличии медицинского заключения по месту содержания под стражей о том, что Б. может участвовать в рассмотрении уголовного дела посредством видеоконференц-связи суд, получив письменное согласие осужденного, принял единственно верное решение о его участии в данном режиме, являющееся альтернативным непосредственному присутствию в зале суда... Вышеуказанное решение суда является индивидуальным, касающимся исключительно осужденного Б., никак не затрагивает процессуальные права осужденного С. Судебная коллегия также отмечает, что ни осужденный Б., ни его защитники решение суда не оспаривают» [46]. Данная логика представляется неоднозначной. Думается, что ответ на вопрос о том, не нарушает ли режим ВКС, выбранный в отношении одного обвиняемого, прав других обвиняемых должен рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств дела, позиции каждого из обвиняемых, а также тактики защиты обвиняемых, непосредственно участвующих в рассмотрении дела.

2.3. Видеоконференц-связь в дополнительных и особых производствах. Как показало исследование, по мнению 58% опрошенных, для правильного установления фактических обстоятельств по делу большее значение непосредственное участие лица в судебном заседании имеет в основных производствах, так как именно в них решаются основные вопросы уголовного процесса (о вине, наказуемости). В связи с этим в основных производствах, где имеется возможность отложения судебного заседания, требования к обстоятельствам, исключающим возможность участия лица в судебном заседании непосредственно, должны быть более жесткими, по сравнению с дополнительными и особыми производствами [33. С. 3]. Аналогичный подход, на наш взгляд, должен действовать и в тех производствах, в которых предусмотрен особый порядок принятия судебного решения: при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), при заключении лицом досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ), при производстве дознания в сокращенной форме (ст. 226⁹ УПК РФ). Несмотря на то, что в этих производствах судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, даже при участии подсудимого в прениях непосредственное участие имеет существенное отличие от его участия посредством видеоконференц-связи.

В дополнительных и особых производствах существует меньшая опасность причинения существенного вреда интересам участников процесса, в связи с чем правила принятия судом решения об участии лица посредством видеоконференц-связи как меры обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства могут быть иными. Так, на сегодня в дополнительных производ-

ствах (предназначенных для решения вопросов об изменении или досрочном прекращении установленного судом уголовно-процессуального отношения) принятие решения о непосредственном участии осужденного и потерпевшего вполне обоснованно зависит от усмотрения суда. Как показало проведенное исследование, 44% опрошенных судей Томской области рассматривали посредством видеоконференц-связи материалы в порядке исполнения приговора, а также ходатайства о снятии судимости. В особых же производствах в силу их неоднородности, правила определения формы участия лица в судебном заседании могут различаться. Конституционный Суд РФ указал, что производство в порядке ст. 125 УПК РФ может осуществляться с применением видеоконференц-связи [47]. Материалы в порядке ст. 125 УПК РФ с использованием видеоконференц-связи за свою профессиональную деятельность рассматривали 50% опрошенных судей Томской области.

Иные правила действуют при решении вопроса о мере пресечения, где законодательными изменениями также предусмотрена возможность организации видеоконференц-связи, но только при наличии препятствий для явки лица в суд. Вместе с тем, на наш взгляд, понимание обстоятельств, исключающих возможность участия лица в судебном заседании непосредственно, может быть здесь более широким, чем в основных производствах. Тем более что свыше 80% опрошенных судей ответили, что рассматривали посредством видеоконференц-связи материалы об избрании, продлении или изменении меры пресечения. Такая возможность предпочтительнее, по сравнению с рассмотрением дела в отсутствие обвиняемого. Между тем сегодня судебная практика дает большое количество примеров, когда суд рассмотрел вопрос о мере пресечения заочно, при наличии возможностей организации участия обвиняемого в режиме видеоконференц-связи [48, 49].

Представляется, обоснованным могло бы стать закрепление в законе возможности лица принять участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи при решении вопроса о продлении в отношении него принудительной меры медицинского характера, при рассмотрении материалов о помещении подозреваемого (обвиняемого), не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях для производства судебно-психиатрической экспертизы; при рассмотрении материалов о получении разрешения на производство следственных действий, наложении ареста на имущество. Согласно проведенному исследованию, данные материалы с применением видеоконференц-связи за период профессиональной деятельности рассматривали соответственно 19; 13; 8 и 7% опрошенных судей.

2.4. Участие защитника при участии обвиняемого в рассмотрении уголовного дела в режиме видеоконференц-связи. При принятии судом решения об участии обвиняемого (подозреваемого) в судебном заседании посредством видеоконференц-связи законом должны быть предусмотрены гарантии реализации права на защиту. В качестве таких гарантий определены обязательность участия защитника (ч. 3 ст. 241¹ УПК

РФ) и обеспечение возможности беспрепятственного конфиденциального общения защитника с подсудимым, содержащимся под стражей (ч. 9 ст. 241¹ УПК РФ). Вместе с тем законом не решен вопрос о нахождении защитника при участии подсудимого посредством видеоконференц-связи. С одной стороны, при нахождении вместе с подсудимым защитник ограничен в возможности приобщить документы, лично ознакомиться с документами, приобщаемыми другой стороной, осмотреть вещественные доказательства и т.д. При наличии таких ограничений и у подсудимого, участвующего в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, право стороны защиты принять участие в непосредственном исследовании доказательств может стать вовсе нереализованным. С другой стороны, при нахождении защитника непосредственно в судебном заседании затруднено его конфиденциальное общение с доверителем.

Как видно, при участии подсудимого в судебном заседании через видеоконференц-связи в любом случае право на защиту может стать нарушенным. Думается, в тех случаях, когда беспрепятственная реализация подсудимым своего права на защиту может быть обеспечена только при нахождении защитника как рядом с ним, так и непосредственно в судебном заседании, на суд должна быть возложена обязанность, при отсутствии соглашения у подсудимого с кем-либо из защитников, обеспечить подсудимого двумя защитниками по назначению. В таком случае, прежде чем заменить личное участие обвиняемого его участием по видеоконференц-связи, суду необходимо будет учесть, сколько будет стоить обеспечение обвиняемого двумя защитниками по назначению в процессе.

Кроме того, право на защиту, в том числе на конфиденциальную беседу с адвокатом при непосредственном контакте в условиях следственного изолятора, существенно ограничивается из-за порочной практики этапирования осужденных в исправительные колонии еще до рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции [50]. Во многом такую практику поощряют сами суды апелляционной инстанции, практически никогда не обеспечивающие право осужденного участвовать в судебном заседании непосредственно. Представляется, для усиления гарантий реализации права на защиту, а также в целях преодоления возможностей для злоупотреблений судами первой инстанции своими полномочиями при принятии решения об участии подсудимого в судебном заседании посредством видеоконференц-связи необходимо предусмотреть в УПК РФ обязанность суда апелляционной инстанции удовлетворить ходатайство осужденного о непосредственном участии в суде апелляционной инстанции в случае, если на момент рассмотрения апелляционной жалобы или представления обстоятельства, препятствующие явке обвиняемого в суд первой инстанции, отпали. Возможно, в таком случае участие подсудимого в судебном заседании через видеоконференц-связь будет являться исключением из общего правила о непосредственном участии в судебном заседании и будет применяться действительно лишь в исключительных случаях.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что решение об использовании дистанционной технологии

должно быть результатом сопоставления в судебном заседании двух ценностей (угроза нарушения разумного срока уголовного судопроизводства и беспрепятственная реализация обвиняемым права на защиту), в результате которого суд пришел к выводу о невозможности явки конкретного лица на протяжении длительного или неопределенного времени, несоизмеренного с разумными сроками уголовного судопроизводства. При этом в уголовно-процессуальном законе должны быть предусмотрены процессуальные гарантии реализации права обвиняемого на защиту, в том числе на беспрепятственное конфиденциальное общение с защитником.

В этой связи использование видеоконференц-связи тогда, когда подсудимый не согласен на такую форму участия в судебном заседании, на наш взгляд, должно быть допустимо в исключительно ограниченных случаях.

2.5. Применение видеоконференц-связи как меры безопасности участников процесса. В качестве еще одного основания принятия решения об участии подсудимого в режиме видеоконференц-связи, предусмотрена угроза безопасности участников процесса. Согласно ч. 2 ст. 241¹ УПК РФ, в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при наличии технической возможности суд вправе при рассмотрении уголовных дел *о тяжких и особо тяжких преступлениях* по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования системы видеоконференц-связи.

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 241¹ УПК РФ за судом закреплено право по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об участии иных лиц, вызванных в судебное заседание, путем использования систем видеоконференц-связи. Несмотря на отсутствие в законе оснований, по которым суд принимает решение о дистанционном участии иных лиц, вызванных в судебное заседание, приведенное право суда, как представляется, также может использоваться в качестве меры безопасности. При этом такая мера безопасности, в отличие от обязанности подсудимого участвовать во всем судебном заседании через видеоконференц-связь, применяется адресно, и не к подсудимому, а к иному конкретному участнику уголовного процесса, в отношении которого судом установлена необходимость защиты.

Указанные меры безопасности использовались на практике и до принятия Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ. В юридической литературе с опорой на правовые позиции Европейского суда по правам человека уже сделан вывод о неспособности условий и процедуры, содержащихся в ч. 5 и 6 ст. 278 УПК РФ, обеспечивать право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Также предложены гарантии судебной защиты как обвиняемого, так и потерпевшего, жизни и здоровью которого может угрожать опасность [18. С. 83–84]. Представляется, при применении видеоконференц-связи и как способа, исключающего визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, и без применения

мер, исключающих визуальное наблюдение свидетеля иными участниками процесса, предложенные гарантии в силу возможности существенного ограничения права подсудимого на защиту сохраняют свою актуальность.

Более того, представляется интересным вновь обратиться к опыту ФРГ, в которой основанием для применения видеоконференц-связи как меры безопасности является существование серьезной опасности причинения значительного вреда ценностям свидетеля в случае его допроса в присутствии лиц, находящихся в зале судебного заседания, если при этом данную опасность невозможно предотвратить иным образом (§ 247a S1 УПК ФРГ). Как справедливо отмечается в юридической литературе, в этой оговорке субсидиарности выражается приоритет непосредственного личного допроса [45. С. 248]. В качестве иных способов предотвращения опасности причинения значительного вреда ценностям свидетеля немецкое уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, например, удаление подсудимого во время проведения допроса с возможностью следить за допросом при синхронной передаче (§ 247 УПК ФРГ), исключение участия общественности (§ 171b ff Закона о судеустройстве), санкционирование передачи председательствующему права задавать вопросы свидетелю, не достигшему 16 лет (§ 241a). При этом обоснованно поставлена под сомнение необходимость строгой настойчивости на допросе свидетеля в зале судебного заседания, особенно детей, выступающих в качестве свидетелей, а также «ранимых» свидетелей. В частности, считается, что при помощи видеодопроса, в котором подсудимый мог бы лучше реализовать свое право заявлять возражения и задавать вопросы, возможно избежать особую предрасположенность ошибки из-за удаления подсудимого из зала судебного заседания [45. С. 248]. Таким образом, осуществление допроса именно свидетеля посредством видеоконференц-связи в ФРГ рассматривается как мера, способная причинить меньший вред правам подсудимого, чем применение в отношении него самой этой меры безопасности.

В отличие от немецкого, российское законодательство никаких условий ни в отношении подсудимого, ни в отношении свидетеля, потерпевшего не содержит. Более того, если немецкое законодательство отдает приоритет личному присутствию подсудимого в процессе, то в соответствии с УПК РФ в качестве меры безопасности предусмотрено участие через видеоконференц-связь именно подсудимого, а не свидетеля. При этом по смыслу закона при принятии судом соответствующего решения подсудимый через видеоконференц-связь участвует во всем судебном заседании, а не только во время допроса свидетеля или потерпевшего, жизни и здоровью которого угрожает опасность. Таким образом, фактически презюмируется потенциальная опасность подсудимого для всех участников процесса.

Представляется, что для гарантирования судебной защиты как обвиняемому, так и потерпевшему, жизни и здоровью которого может угрожать опасность, по аналогии с решением вопроса о сохранении в тайне

данных о личности потерпевшего и его допросе в условиях, исключающих визуальное наблюдение, необходимо, чтобы судом было проверено:

- наличие угрозы для безопасности конкретного лица (свидетеля, потерпевшего), а не потенциальной опасности подсудимого для всех участников процесса;
- необходимость оказания этому подлежащему защите интересу (угроза для безопасности лица) в конкретной ситуации предпочтения перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту;
- отсутствие возможности предотвращения причинения свидетелю или потерпевшему значительного вреда иным способом (при невозможности предотвращения вреда без применения систем видеоконференц-связи суду необходимо проверить возможность ее использования применительно к свидетелю или потерпевшему, а не подсудимому);
- это должно найти отражение в мотивированном решении.

В случае если было удовлетворено ходатайство стороны о сохранении в тайне данных о личности потерпевшего или свидетеля и их допросе в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками процесса, производство допроса с использованием средств видеоконференц-связи позитивно, поскольку по сравнению с иными способами (удаление из зала судебного заседания всех его участников, кроме судьи и подлежащего допросу лица; допрос защищаемого судьей вне зала судебного заседания; производство допроса в специально огороженной части зала судебного заседания), является наименее ограничительной мерой [18. С. 84]. Вместе с тем участвовать посредством видеоконференц-связи в таком случае, на наш взгляд, по общему правилу должно защищаемое лицо (свидетель, потерпевший), а не подсудимый. И только при невозможности защиты интересов свидетеля, потерпевшего посредством именно их участия в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, суду следует обосновать применение данной технологии в отношении подсудимого. Аналогичный подход, на наш взгляд, должен действовать и в том случае, если решение о применении видеоконференц-связи принято судом без исключения визуального наблюдения допрашиваемого: по общему правилу видеоконференц-связь должна применяться к лицу, подлежащему защите, а не к подсудимому, имеющему право участвовать в судебном заседании непосредственно.

Такой подход в большей степени отвечает справедливому характеру судебного разбирательства, поскольку он не ограничивает право подсудимого непосредственно участвовать в судебном заседании и, как следствие, не нарушает его право на защиту. При участии подсудимого в судебном процессе непосредственно из зала судебного заседания не возникает проблема определения места нахождения защитника и обеспечения конфиденциального характера проводимой им с доверителем беседы. Кроме того, при допросе через видеоконференц-связь свидетеля или потерпевшего, а не подсудимого, в меньшей степени нарушается непосредственность как общее условие судебного разбирательства. Так, обвиняемый не лишен возможности

самостоятельно приобщать к материалам дела документы, лично знакомиться с материалами, приобщаемыми другими участниками процесса, принимать личное участие в осмотре вещественных доказательств и т.д. Подсудимому также обеспечивается возможность реализации в ходе судебного заседания права допрашивать показывающих против него свидетелей, при этом дистанционный допрос свидетеля, потерпевшего не нарушает непосредственность: показания лица, допрашиваемого через видеоконференц-связь, исследуются из первоисточника и не являются суррогатом доказательств (в отличие от показаний, содержащихся в протоколе, подлежащем оглашению). Допрос несовершеннолетнего потерпевшего, пусть и посредством видеоконференц-связи, может стать компромиссным вариантом при поиске баланса между обеспечением права подсудимого на судебную защиту и правом несовершеннолетнего потерпевшего на безопасность и тайну личной жизни.

Таким образом, решение о применении видеоконференц-связи как меры безопасности должно быть результатом сопоставления в судебном заседании двух ценностей (угроза безопасности свидетеля, потерпевшего и беспрепятственная реализация обвиняемым права на защиту), в результате которого суд пришел к выводу о невозможности предотвращения причинения свидетелю или потерпевшему значительного вреда иным способом, отличным от применения дистанционных технологий. В случае принятия судом решения о применении видеоконференц-связи общим правилом должно стать ее применение в отношении лица, подлежащего защите, а не подсудимого.

2.6. Обеспечение участия иных лиц, вызванных в суд, посредством видеоконференц-связи. Как уже отмечалось, в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрены какие-либо основания и условия принятия судом решения об участии иных лиц, вызванных в судебное заседание, путем использования систем видеоконференц-связи. В законе только указано, что такое решение может быть принято судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе (ч. 5 ст. 241¹ УПК РФ). Поскольку участие потерпевшего, свидетелей, как и экспертов, специалистов, может существенно ограничивать права подсудимого на беспрепятственный допрос показывающих против него лиц, как и права иных заинтересованных участников процесса на представление доказательств, а также право суда на правильное установление фактических обстоятельств дела, принятие решения об организации видеоконференц-связи в отношении данных участников должно быть обусловлено существованием иного подлежащего защите интереса (обеспечение разумного срока судопроизводства, безопасность участника процесса). В том случае, когда подлежащий защите интерес в обеспечении участия иного лица, вызванного в судебное заседание, посредством видеоконференц-связи отсутствует, и просьба лица принять участие в судебном заседании дистанционно фактически вызвана соображениями удобства или иными неуважительными причинами нежелания явиться в судебное заседание, обеспечение участия такого лица посредством видеоконференц-связи должно быть возможным только при согласии на

это подсудимого, его защитника, прокурора, а также других участников уголовного процесса (потерпевшего, гражданских истца, ответчика).

К сожалению, судебная практика пока идет по иному пути, и вышестоящие судебные инстанции фактически отказываются осуществлять проверку жалоб стороны защиты на то, что суд первой инстанции необоснованно принял решение о допросе свидетеля по делу в режиме видеоконференц-связи [51, 52].

Заключение

Необходимость обеспечения каждому судебной защиты в уголовном процессе может использоваться в качестве критерия для отыскания справедливого баланса между правами обвиняемого, потерпевшего и общества в целом (в частности, применительно к праву участников процесса на рассмотрение дела в разумный срок, а также праву потерпевшего, свидетелей на безопасность и тайну личной жизни). Обеспеченность реализации данного права должна служить ориентиром для законодателя – при определении процессуальных гарантий реализации положений о разумном сроке уголовного судопроизводства и пределов государственной защиты прав потерпевшего и свидетелей на безопасность, а для судьи как правоприменителя – для определения наличия или отсутствия такого баланса в конкретных случаях.

Участие в режиме видеоконференц-связи ограничивает возможности установления истины и обеспечения права на защиту, но является более предпочтительным по сравнению с рассмотрением дела в ходе заочного производства. Поэтому оно должно использоваться преимущественно как более «мягкая» альтернатива заочному рассмотрению дела или оглашению показаний свидетеля, но не как способ сокращения расходов государства и освобождения его от организационных сложностей по доставке в суд обвиняемых.

Ограничение возможности обвиняемого непосредственно принять участие в судебном разбирательстве по мотиву обеспечения безопасности свидетеля недопустимо. Выбор должен быть сделан в пользу участия свидетеля с применением режима видеоконференц-связи.

Любое ограничение непосредственного участия лица в судебном разбирательстве, вне зависимости от его процессуального положения (свидетель, потерпевший), должно быть вызвано необходимостью и мотивировано в судебном решении.

Ограничения реализации права на защиту, связанные с использованием режима видеоконференц-связи, должны компенсироваться, например, путем предоставления обвиняемому за счет государства двух защитников, один из которых будет находиться рядом с обвиняемым, а второй – в зале суда.

Список источников

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovikh_sudey_v_2019_godu.pdf
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом ВС РФ 30 апреля 2020 года).
4. Глимеда В.В. Дистанционное уголовное судопроизводство: состояние, проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 1. С. 58.
5. Ткачева Н.В. Информационные технологии и технические средства в производстве суда первой инстанции по уголовным делам // Российский судья. 2023. № 6. С. 33–37.
6. Решетняк В.И. Использование современных информационных технологий для повышения доступности правосудия и уровня защиты прав граждан // Законность. 2023. № 5. С. 49–53.
7. Школяр Л.Г. Видеоконференц-связь в уголовном процессе России // Публичное право сегодня. 2023. № 3 (17). С. 77–90.
8. Головкин Л.В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 24–33.
9. Приняты законы о расширении использования систем ВКС в уголовном судопроизводстве // Адвокатская газета. 2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-zakony-o-rasshirenii-ispolzovaniya-sistem-vks-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (дата обращения: 30.07.2023).
10. ФПА выступила против расширения «дистанта» в уголовных делах // Правору. 2021. URL: <https://pravo.ru/news/237183/> (дата обращения: 04.08.2023).
11. Правовое обеспечение судебного процесса с дистантным участием // Федеральная палата адвокатов РФ. 2021. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovoe-obespechenie-sudebnogo-protssessa-s-distantnym-uchastiem/> (дата обращения: 04.08.2023)
12. Ахметшин Р.И., Щербинин А.А. Дистанционное разбирательство: все ли так позитивно в цифровом судебном процессе? // Закон. 2020. № 11. С. 153–157.
13. Момотов В.В. – о судебной видео-конференц-связи: «Судья может оказаться в плену ложных историй» // Legal. Report. 2022. URL: <https://legal.report/momotov-o-sudebnoj-video-konferenc-svyazi-sudya-mozhet-okazatsya-v-plenu-lozhnyh-istorij/> (дата обращения: 31.07.2023).
14. Дорошева А.А. Понимание функции защиты на стадии предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 24–27.
15. Гончарова В.А., Иванов В.В., Трубникова Т.В., Чурилов А.Ю. Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 240–252. doi: 10.17223/15617793/483/26
16. По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 года № 27-П // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2003 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // СПС «КонсультантПлюс».
18. Трубникова Т.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство и права потерпевшего на безопасность и тайну личной жизни: поиск баланса // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 81–88.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Евдокимов и другие против РФ : Постановление Европейского суда от 16 февраля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».
22. Алексеева К.В., Панфилова В.М. Особенности невербального общения русского и немецкого народа // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-1. С. 72–73. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=4955> (дата обращения: 06.09.2023).
23. Лазарева В.А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 171–173.
24. Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 7–10.
25. Аширова Л.М. Объективная истина как элемент справедливого судебного разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 11–18.
26. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–147.
27. Шейфер С.А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 280–287.
28. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / под ред. Т.В. Трубниковой. Томск, 2015.
29. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 177–191.
30. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2012. № 4. С. 56–64.
31. Трубникова Т.В. Возможность реализации права каждого на судебную защиту как критерий сбалансированности различных ценностей в уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 9–12 ноября 2017 г. Минск : Издательский центр БГУ, 2017. С. 211–222.
32. Султанов А.Р. Урок дела «Матигина против Российской Федерации» // Адвокат. 2015. № 12. С. 5–24.
33. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.
34. Сахарных А.В. К вопросу об особенностях реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях коронавирусной пандемии // Мировой судья. 2021. № 6. С. 25–32.
35. Чернова С.С. Анализ законопроекта, направленного на регулирование использования видеоконференц-связи при рассмотрении судом вопросов, связанных с применением меры пресечения в виде заключения под стражу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Право. 2018. № 1. С. 68–76.
36. Кык А.В. Перспективы применения видеоконференц-связи при рассмотрении судом вопросов об избрании мер пресечения // Высоко-технологичное право: генезис и перспективы : материалы II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 147–151.
37. Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2019. № 6. С. 104–110.
38. Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Особенности аудиопотоколирования и видеоконференц-связи при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. Право. 2021. № 1. С. 39–45.
39. Полякова Е.А. Некоторые проблемы и перспективы использования систем видео-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Москва, 6-7 апреля 2018 г.): сб. тез. / отв. ред. В.Н. Синюков. М., 2018. С. 815–817.
40. Баркалова Е.В. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в проведении судебного допроса // Мировой судья. 2016. № 4. С. 19–23.
41. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207. doi: 10.17223/15617793/448/25
42. Пятый кассационный суд общей юрисдикции, Кассационное постановление от 28 сентября 2022 г. № 77-1762/2022.
43. Уголовный процесс виртуализируется и цифровизируется // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 3.
44. Иванов В.В. Проблемы доступа к правосудию потерпевших посредством видео-конференц-связи // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования : сборник научных трудов юридического института, посвященный 50-летию юридического института/факультета Самарского университета и 80-летию Самарского университета / отв. ред. А.Г. Безверхов ; науч. редактор А.В. Юдин. Вып. 4. Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2022. С. 466–474.
45. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона; со вступ. ст. проф. Уве Хелльманна «Введение в УПК ФРГ» / Головиненков П.М. 2012. 404 с.
46. Второй апелляционный суд общей юрисдикции в своем Апелляционном определении от 8 августа 2022 г. № 55-355/2022
47. По жалобам граждан Великанова В.В., Виноградова А.С. и других на нарушение их конституционных прав ст. 77.1 УИК РФ и ст. 125 и 376 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 года № 576-О-П // СПС «КонсультантПлюс».
48. Второй кассационный суд общей юрисдикции. Кассационное определение от 2 августа 2021 г. № 77-2490/2021.
49. Второй кассационный суд общей юрисдикции. Кассационное определение от 21 октября 2021 г. по делу № 7у-8942/2021
50. Опасная тенденция этапирования до вступления приговора в законную силу // Livejournal. 2022. URL: <https://chestniy-yurist.livejournal.com/1020450.html> (дата обращения: 01.10.2023).
51. Первый апелляционный суд общей юрисдикции. Апелляционное определение от 19 октября 2022 г. № 55-892/2022.
52. Пятый апелляционный суд общей юрисдикции. Апелляционное определение от 10 ноября 2021 г. по делу № 55-725/2021.

References

1. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. (2020) *Obzor sudebnoy statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey v 2019 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2019]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf
2. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. (2015) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii* [Report on the work of courts of general jurisdiction in considering criminal cases at first instance]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>
3. Consultant Plus. (2020) *Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) No. 2 on the territory of the Russian Federation (approved by the Presidium of the RF Armed Forces on April 30, 2020)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Glimyda, V.V. (2023) Distantionnoe ugovolnoe sudoproizvodstvo: sostoyanie, problemy i perspektivy [Remote criminal proceedings: status, problems and prospects]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1. P. 58.

5. Tkacheva, N.V. (2023) Informatsionnye tekhnologii i tekhnicheskie sredstva v proizvodstve suda pervoy instantsii po ugovolnym delam [Information technologies and technical means in the proceedings of the court of first instance in criminal cases]. *Rossiyskiy sud'ya*. 6. pp. 33–37.
6. Reshetnyak, V.I. (2023) Ispol'zovanie sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy dlya povysheniya dostupnosti pravosudiya i urovnya zashchity prav grazhdan [The use of modern information technologies to increase the accessibility of justice and the level of protection of citizens' rights]. *Zakonost'*. 5. pp. 49–53.
7. Shkolyar, L.G. (2023) Videokonferents-svyaz' v ugovolnom protsesse Rossii [Videoconferencing in criminal proceedings in Russia]. *Publichnoe pravo segodnya*. 3 (17). pp. 77–90.
8. Golovko, L.V. (2021) Pandemiya nel'zya predusmotret' v kakoy-to glave UPK [A pandemic cannot be foreseen in any chapter of the Code of Criminal Procedure]. *Ugolovnyy protsess*. 2. pp. 24–33.
9. Advokatskaya gazeta. (2022) Prinyaty zakony o rasshirenii ispol'zovaniya sistem VKS v ugovolnom sudoproizvodstve [Laws have been adopted to expand the use of videoconferencing systems in criminal proceedings]. *Advokatskaya gazeta*. 20 December. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-zakony-o-rasshirenii-ispolzovaniya-sistem-vks-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (Accessed: 30.07.2023).
10. Pravoru. (2021) FPA vystupila protiv rasshireniya "distanta" v ugovolnykh delakh [FPA opposed the expansion of the "distance" in criminal cases]. *Pravoru*. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/237183/> (Accessed: 04.08.2023).
11. Federal'naya palata advokатов RF [Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation]. (2021) *Pravovoe obespechenie sudebnogo protsesssa s distantnym uchastiem* [Legal support of the trial with distant participation]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovoe-obespechenie-sudebnogo-protsesssa-s-distantnym-uchastiem/> (Accessed: 04.08.2023).
12. Akhmetshin, R.I. & Shcherbinin, A.A. (2020) Distsantsionnoe razbiratel'stvo: vse li tak pozitivno v tsifrovom sudebnom protsesse? [Remote litigation: is everything so positive in digital litigation?]. *Zakon*. 11. pp. 153–157.
13. Kvach, A. (2020) Momotov V.V. – o sudebnoy video-konferents-svyazi: "Sud'ya mozhet okazat'sya v plenu lozhnykh istoriy" [Momotov V.V. – about judicial video conferencing: "The judge may be captured by false stories"]. *Legal.Report*. 23 December. [Online] Available from: <https://legal.report/momotov-o-sudebnoy-video-konferenc-svyazi-sudya-mozhet-okazatsya-v-plenu-lozhnykh-istorij/> (Accessed: 31.07.2023).
14. Dorosheva, A.A. (2021) Ponimanie funktsii zashchity na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve [Understanding the function of defense at the stage of preliminary investigation in modern criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika*. 5. pp. 24–27.
15. Goncharova, V.A. et al. (2022) A narrative approach in legal research: Purpose and methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 240–252. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/26
16. Consultant Plus. (1998) *In the case of verifying the constitutionality of part two of Article 335 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen M.A. Baronin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P of December 10, 1998*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Consultant Plus. (2003) *In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, and also chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints from citizens. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of December 8, 2003*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
18. Trubnikova, T.V. (2017) Obespechenie prava na spravedlivo sudebnoe razbiratel'stvo i prava poterpevshego na bezopasnost' i taynu lichnoy zhizni: poisk balansa [Ensuring the right to a fair trial and the victim's right to security and privacy of personal life: finding a balance]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 10. pp. 81–88.
19. Consultant Plus. (2011) *In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 5 of part one of Article 244.6 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.Yu. Kakuev. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation N 17-P of July 19, 2011*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
20. Consultant Plus. (2009) *On complaints from citizens Vadim Vladimirovich Velikanov, Alexander Sergeevich Vinogradov and others for violation of their constitutional rights by Article 77.1 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and Articles 125 and 376 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 576-O-P of May 19, 2009*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
21. Consultant Plus. (2016) *Evdokimov and others against the Russian Federation: Resolution of the European Court of February 16, 2016*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
22. Alekseeva, K.V. & Panfilova, V.M. (2014) Osobennosti neverbal'nogo obshcheniya russkogo i nemetskogo naroda [Features of non-verbal communication of the Russian and German people]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6-1. pp. 72–73. [Online] Available from: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=4955> (Accessed: 06.09.2023).
23. Lazareva, V.A. (2012) Ob'ektivnaya istina – "ob"ektivnaya istina"? [Is "objective truth" objective?]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 171–173.
24. Azarov, V.A. (2012) Deystvitel'no li ob'ektivnaya istina – tsel' dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve? [Is objective truth really the goal of proof in criminal proceedings?]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 7–10.
25. Ashirova, L.M. (2012) Ob'ektivnaya istina kak element spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva po ugovolnomu delu [Objective truth as an element of a fair trial in a criminal case]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 11–18.
26. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
27. Sheyfer, S.A. (2012) O zakonoproekte "O vnesenii izmeneniy v UPK RF v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob'ektivnoy istiny po ugovolnomu delu" [About the bill On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Establishing Objective Truth in a Criminal Case?]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 280–287.
28. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovolnom protsesse Rossii* [Evidence and Proof in Russian Criminal Proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Mezinov, D.A. (2012) Ob'ektivna li istina, ustanavlivaemaya v ugovolnom protsesse? [Is the truth established in criminal proceedings objective?]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 177–191.
30. Voskobitova, L.A. (2012) Nekotorye osobennosti poznaniya v ugovolnom sudoproizvodstve, protivorechashchie mifu ob istine [Some features of cognition in criminal proceedings that contradict the myth of truth]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 56–64.
31. Trubnikova, T.V. (2017) [The possibility of realizing everyone's right to judicial protection as a criterion for balancing various values in the criminal process]. *Ugolovnyy protsess kak sredstvo obespecheniya prav cheloveka v pravovom gosudarstve* [Criminal Process as a Means of Ensuring Human Rights in a Rule-of-Law State]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 9–12 November 2017. Minsk: Belarusian State University. pp. 211–222. (In Russian).
32. Sultanov, A.R. (2015) Urok dela "Matytsina protiv Rossiyskoy Federatsii" [Lesson from the case "Matytsina v. Russian Federation"]. *Advokat*. 12. pp. 5–24.
33. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovolnogo protsesssa* [Course in Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.
34. Sakharmykh, A.V. (2021) K voprosu ob osobennostyakh realizatsii printsipa neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva v usloviyakh koronavirusnoy pandemii [On the issue of the peculiarities of implementing the principle of immediacy of judicial proceedings in the conditions of the coronavirus pandemic]. *Mirovoy sud'ya*. 6. pp. 25–32.

35. Chernova, S.S. (2018) Analiz zakonoproekta, napravlenno na regulirovanie ispol'zovaniya videokonferents-svyazi pri rassmotrenii sudom voprosov, svyazannykh s primeneniem mery preshecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu [Analysis of a bill aimed at regulating the use of videoconferencing when the court considers issues related to the use of a preventive measure in the form of detention]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. Pravo. 1. pp. 68–76.
36. Kvyk, A.V. (2021) [Prospects for the use of videoconferencing when the court considers issues regarding the selection of form of detention]. *Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy* [High-Tech Law: Genesis and prospects]. Proceedings of the 2nd International Conference. Moscow, Krasnoyarsk. 26 February 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. pp. 147–151. (In Russian).
37. Kurchenko, V.N. (2019) Tolkovanie printsipa neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve [Interpretation of the principle of immediacy of judicial proceedings in criminal proceedings]. *Ugovolnoe pravo*. 6. pp. 104–110.
38. Bednyakov, I.L. & Razveykina, N.A. (2021) Osobennosti audioprotokolirovaniya i videokonferents-svyazi pri rassmotrenii ugovolnykh del sudom pervoy instantsii [Features of audio recording and video conferencing when considering criminal cases by the court of first instance]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*. Pravo. 1. pp. 39–45.
39. Polyakova, E.A. (2018) [Some problems and prospects for using video conferencing systems in criminal proceedings]. *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava* [Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law]. Abstracts of the 17th International Conference. Moscow. 6–7 April 2018. Moscow: Prospekt. pp. 815–817. (In Russian).
40. Barkalova, E.V. (2016) Kriminalisticheskie aspekty uchastiya gosudarstvennogo obvinityela v provedenii sudebnogo doprosa [Forensic aspects of the participation of the public prosecutor in conducting judicial interrogation]. *Mirovoy sud'ya*. 4. pp. 19–23.
41. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/25
42. Pyatyy kassatsionnyy sud obshchey yurisdiksii [Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction]. (2022) *Cassation Resolution No. 77-1762/2022 of September 28, 2022*. (In Russian).
43. Ugolovnyy protsess. (2023) Ugolovnyy protsess virtualiziruetsya i tsifroviziruetsya [The criminal process is virtualized and digitalized]. *Ugolovnyy protsess*. 1. P. 3.
44. Ivanov, V.V. (2022) Problemy dostupa k pravosudiyu poterpevshikh posredstvom video-konferents-svyazi [Problems of access to justice for victims through video conferencing]. In: Bezverkhov, A.G. (ed.) *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, istorii, teorii i praktiki funktsionirovaniya* [State and Law: Issues of methodology, history, theory and practice of functioning]. Vol. 4. Samara: Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. pp. 466–474.
45. Golovnenkov, P. (ed.) (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – : Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona; so vstupitel'noy stat'ey prof. Uve Khell'manna "Vvedenie v UPK FRG"* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO): Scientific and practical commentary and translation of the text of the law; with an introductory article by prof. Uwe Hellmann "Introduction to the Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany"]. Moscow: [s.n.].
46. Second Court of Appeal of General Jurisdiction of the Russian Federation. (2022) *The Second Court of Appeal of General Jurisdiction in its Appeal Decision No. 55-355/2022 of August 8, 2022*. (In Russian).
47. Consultant Plus. (2009) *According to complaints from citizens Velikanov V.V., Vinogradov A.S. and others for violation of their constitutional rights Art. 771 of the Penal Code of the Russian Federation and Articles 125 and 376 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 576-O-P of May 19, 2009*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
48. Second Cassation Court of General Jurisdiction of the Russian Federation. (2021) *Cassation ruling N 77-2490/2021 of August 2, 2021*. (In Russian).
49. Second Cassation Court of General Jurisdiction of the Russian Federation. (2021) *Cassation ruling of October 21, 2021 in case No. 7y-8942/2021*. (In Russian).
50. Livejournal. (2022) *Opasnaya tendentsiya etapirovaniya do vstupleniya prigovora v zakonnyu silu* [The dangerous tendency of transferring before the verdict comes into force]. [Online] Available from: <https://chestniy-yurist.livejournal.com/1020450.html> (Accessed: 01.10.2023).
51. First Court of Appeal of General Jurisdiction of the Russian Federation. (2022) *Appeal ruling No. 55-892/2022 of October 19, 2022*. (In Russian).
52. Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction of the Russian Federation. (2021) *Appeal ruling of November 10, 2021 in case No. 55-725/2021*. (In Russian).

Информация об авторах:

Трубникова Т.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: trubn@mail.ru

Грищенко А.В. – помощник судьи Томского областного суда (Томск, Россия). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.V. Trubnikova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

A.V. Grishchenko, assistant judge, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.

The article was submitted 01.12.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 29.12.2023.

MISCELLANEA

Научная статья

УДК 001.891.55; 631.9; 377.6; 57.084.2

doi: 10.17223/15617793/497/26

Научное волонтерство учащейся молодежи и организация генетических исследований в сельском хозяйстве

*Сергей Владимирович Анцифиров¹, Мария Рашитовна Галямова², Сергей Евгеньевич Седых³,
Майя Отузбаевна Гичгелдиева⁴, Александр Сергеевич Дорошенко⁵*

^{1, 4} Фонд «Поддержка проектов в области образования», Новосибирск, Россия

² Технопарк новосибирского Академгородка, Новосибирск, Россия

³ Институт химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

⁵ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ s.antsifirov@nsu.ru

² galyamova@academypark.com

³ s.sedykh@nsu.ru

⁴ fondobrazovania@gmail.com

⁵ asdor@yandex.ru

Аннотация. Описан опыт по вовлечению учащихся в научные исследования под руководством наставников. На базе механизмов гражданской науки и научного волонтерства разработана оригинальная модель сетевых исследовательских проектов, которая хорошо зарекомендовала себя по опыту применения в общем образовании. Исходя из данного опыта проведена адаптация механизмов гражданской науки к последующим ступеням образования.

Ключевые слова: гражданская наука, научное волонтерство, сетевые исследовательские проекты, образование, генетика

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы (соглашение № 075-15-2021-1401 от 03 ноября 2021 г.).

Для цитирования: Анцифиров С.В., Галямова М.Р., Седых С.Е., Гичгелдиева М.О., Дорошенко А.С. Научное волонтерство учащейся молодежи и организация генетических исследований в сельском хозяйстве // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 254–263. doi: 10.17223/15617793/497/26

Original article

doi: 10.17223/15617793/497/26

Scientific volunteering of students and organization of genetic research in agriculture

*Sergey V. Antsifirov¹, Maria R. Galyamova², Sergey E. Sedykh³,
Maya O. Gichgeldieva⁴, Alexander S. Doroshenko⁵*

^{1, 4} Education Foundation, Novosibirsk, Russian Federation

² Technopark of the Novosibirsk Akademgorodok Foundation, Novosibirsk, Russian Federation

³ Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

⁵ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ s.antsifirov@nsu.ru

² galyamova@academypark.com

³ s.sedykh@nsu.ru

⁴ fondobrazovania@gmail.com

⁵ asdor@yandex.ru

Abstract. The article describes the experience of involving students in scientific research under the guidance of a mentor. The authors developed an original model of a network research project, which is based on the mechanisms of citizen science and scientific volunteering. This model has been proven itself well in the experience of its application in general education. The mechanisms of this model have been adapted to higher and secondary vocational education.

The authors identified and described the key elements and attributes of a potentially successful network research project. These features include: research results that are in demand in science and high-tech companies, uncomplicated technical and technological support, no excessive requirements for mentors and the possibility of implementing variable laboratory work in the format of a sequence, effective training and mutual training of mentors and project participants thanks to the common project and task basis, working mechanisms for assessing the quality of research carried out by student volunteers. Through the participation of trained mentors, the model makes it possible to solve a number of significant problems of scientific volunteering, such as ensuring work safety, data verification, organizational difficulties of remote work with participants, changing generations of volunteers, continuation of successfully conducted experiments, and others. The authors also identified scientific communication between project participants and experts as an integral part of a network research project. The network research project takes into account not only the needs of scientists, volunteer students and mentors, but also the tasks facing educational organizations, whose responsibility is to provide and organize project activities for students, carry out career guidance work with them, and participate in competitions in the education system. The participation of educational organizations (technical schools, colleges, universities) allows using their laboratory facilities and their own scientific consultants, and, most importantly, systematically organizing students' participation. The authors analyzed and described existing practical experience in implementing network research projects. Thus, the all-Russian project Microbe Hunter, which formed the basis of the model, is repeated annually and has a number of spin-off projects in related agro- and biotechnological research. The possibility of adapting the model of network research projects to other levels of education was demonstrated during the successful implementation of the research program Large-Scale Search and Study of Microorganisms and Microbial Communities Associated With Farm Animals and Animal Products, implemented by Tomsk State University. Thus, the authors of the model of network research projects have shown its effectiveness for solving research problems, popularizing science, replenishing scientific personnel, as well as the versatility of this method for solving various problems and working with different groups of scientific volunteers.

Keywords: citizen science, scientific volunteering, network research projects, education, genetics

Financial support: The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027 (Agreement No. 075-15-2021-1401 dated November 3, 2021).

For citation: Antsifirov, S.S., Galyamova, M.R., Sedykh, S.E., Gichgeldieva, M.O. & Doroshenko, A.S. (2023) Scientific volunteering of students and organization of genetic research in agriculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 254–263. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/26

Наукоемкая и высокотехнологичная экономика в России и во всем мире испытывает возрастающую потребность в квалифицированных и мотивированных специалистах, способных вести исследовательскую работу как в фундаментальной науке, так и в разработке научно обеспеченных технологий.

В сфере биотехнологий и, в частности, в генетике востребованность таких специалистов не вызывает сомнений: «Отечественный рынок биотехнологии и медицинской генетики по скорости роста и выводу новых продуктов на рынок практически не уступает зарубежным (рынкам). Существенным ограничением для появления новых стартапов и развития высокотехнологичных компаний является кадровый голод» [1. С. 13].

На правительственном совещании, посвященном развитию генетических технологий, состоявшемся 14 мая 2020 г. под председательством Президента РФ, были обозначены приоритеты по восполнению этой нехватки кадров и по развитию базы генетических исследований. Особое внимание рекомендовалось уделить созданию научных биологических коллекций и обновлению образовательных курсов, ориентированных на передовые знания в области генетики, причем не только для студентов, но и для педагогов¹.

Естественным ответом на эти задачи становится реализация образовательных программ, включающих в себя не только освоение отдельных знаний и навыков, необходимых для ученых, но и проведение актуальных

исследований. В ходе таких открытие-ориентированных курсов учащиеся выполняют несложные эксперименты, результаты которых востребованы учеными тем больше, чем больше проводится таких экспериментов, получивших название массовых. Учащиеся, в свою очередь, приобретают исследовательские компетенции и предметные знания, получают комплексное представление о научной деятельности и могут обоснованно выстроить траекторию своего дальнейшего образования для того, чтобы стать профессионалом в выбранной научной области. В ряде случаев учащиеся становятся полноправными членами научных сообществ, а представители науки и экономики получают возможность организовать целевую подготовку интересующих их специалистов.

Гражданская наука как часть современных научных исследований

Научные исследования, связанные с вовлечением широких групп сравнительно неподготовленных участников, с проведением массовых экспериментов, получили наименование «гражданская наука», или «citizen science», и уже становятся признанной частью мировой науки [2. С. 259–261].

Подобные исследования в отличие от так называемых квазинаучных проектов, когда учащиеся просто воспроизводят ранее сделанные открытия и проведенные эксперименты, являются частью системной научной работы и

всегда включают в себя две группы: научных специалистов, действующих ученых и «научных волонтеров».

«Научное волонтерство» как термин можно понимать в двух различных контекстах: как вовлечение неподготовленных участников в научную деятельность, так и неоплачиваемую работу профессиональных ученых. При организации процессов гражданской науки в России и при написании данной статьи мы понимаем под научными волонтерами таких участников, которые, занимаясь научной деятельностью, выходят за рамки своих основных занятий (учебы, преподавания и др.) и действуют на общественных началах.

В условиях, когда эффективность исследований оказывается напрямую связанной с разнообразием и качеством биологических коллекций, помощь таких волонтеров оказывается чрезвычайно важной. В статье академика В.В. Власова «Гражданская наука: охота за антибиотиками» приведен пример разработки новых антибиотиков: «...нужно найти микроорганизм, производящий антибиотик. Для этого ученым приходится исследовать тысячи образцов. Так, чтобы найти стрептомицин, было проанализировано 10 тыс. образцов бактерий, собранных на всех материках планеты. А окситетрацилин (террамицин) американской компании Pfizer появился в результате изучения 130 тыс. образцов. Кстати сказать, в ходе этой работы исследователи почти сотню раз переоткрыли стрептомицин» [3. С. 6–24].

Форматы реализации проектов «гражданской науки» и привлечения молодежи к научному волонтерству могут быть самыми различными.

В качестве примера приведем движение MILSET. Это крупнейшая в мире неправительственная общественная организация, способствующая популяризации науки и техники в среде молодежи, созданная вначале для франкоязычных стран (отсюда название MILSET – *Mouvement International pour le Loisir Scientifique Et Technique*), а затем распространившаяся на большую часть мира. Участие в движении происходит через членство общественных организаций, в которые входят индивидуальные участники. Движение было создано в 1987 г. в Канаде и в настоящий момент объединяет почти 150 общественных организаций более чем в 80 странах мира. Россию в движении представляет Межрегиональное объединение творческих педагогов «Исследователь» [4].

Широко известен Международный фестиваль науки в Гётеборге *Vetenskapsfestivalen* (<https://www.vetenskapsfestivalen.se/>), проводящийся с 1997 г. и привлекающий десятки тысяч посетителей всех возрастов, среди которых множество школьников, принимающих участие в проведении массовых экспериментов.

В области сельскохозяйственных исследований можно выделить статью «Crop variety management for climate adaptation supported by citizen science» по исследованию адаптации сельскохозяйственных культур к изменению климата [5]. В работе, среди прочего, обращает на себя внимание количество соавторов (их 24), что вполне естественно для гражданской науки.

Для биологической гражданской науки особое значение имеет программа поиска бактериофагов, инициированная профессором университета Питтсбурга

Г. Хатфуллом. Science Education Alliance Phage Hunters Advanced Genomics and Evolutionary Science и реализуемая под эгидой института Говарда Хьюза. В рамках этой программы «студенты первых курсов ведут исследования бактериофагов, поражающих не опасный для человека штамм микобактерии *Mycobacterium smegmatis*... Результаты работ по программе имеют и важное практическое значение, поскольку некоторые из бактериофагов, поражающих *Mycobacterium smegmatis*, способны также уничтожать родственные бактерии, являющиеся возбудителями заболеваний человека. В результате работ по программе накапливается коллекция фагов, потенциально перспективных для терапии» [1. С. 16].

Актуальность механизмов гражданской науки в России была признана в ходе Совместного заседания Государственного Совета и Совета по науке и образованию, где участники подчеркнули значимость центров научного волонтерства [6], затем подтверждена Указом Президента об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий, поставившего задачу вовлечения талантливой молодежи в сферу исследований и разработок [7] и закреплена в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 25 июля 2022 г. № 2036-р о плане проведения Десятилетия науки и технологий, где прежде всего следует отметить такие инициативы, как «Школьники в научно-технической деятельности» и «Научное волонтерство» [8].

Для решения перечисленных задач в России уже проводится целый ряд мероприятий и программ, среди которых можно выделить открытый Всероссийский конкурс юношеских работ им. В.И. Вернадского (проводится с 1993 г.). В рамках конкурса, на сегодня, работает более 30 секций в области естественных и гуманитарных наук, а также организована широкая научно-образовательная программа [9].

Сформирована сеть так называемая кванториумов в количестве 131 в 78 регионах РФ, среди задач которой – «создать систему научно-технического просвещения через привлечение детей и молодежи к изучению и практическому применению наукоемких технологий» [10].

Сетевой исследовательский проект, как практический метод реализации гражданской науки в России

Несмотря на уже сделанные шаги по развитию гражданской науки в России, механизмы вовлечения научных волонтеров в исследования еще только предстоит по-настоящему внедрять в систему образования и научную практику. На сегодня статистика поисковых запросов по темам «научное волонтерство», по данным поисковой системы «Яндекса», ограничена несколькими сотнями запросов в месяц (490 запросов за сентябрь 2022)².

В этой связи представляется важным практика реализации межрегиональных и всероссийских открыто-ориентированных программ, сформированная в новосибирском Академгородке на основе партнерства ученых СО РАН, Фонда «Образование» и специалистов

институтов развития АСИ, в частности инфраструктурного центра «HealthNet».

В 2019 г. этими партнерами был разработан и апробирован проект «Охотник за микробами», который стал ключевым для развития российских массовых экспериментов в области биотехнологий, и для разработки методологии сетевых исследовательских проектов в других науках³.

Упомянутая выше программа поиска бактериофагов в «Охотнике за микробами» была адаптирована к системе российского общего образования и к задачам почвенных исследований в Сибирском отделении РАН.

«В масштабах Новосибирской области более 200 школьников под руководством педагогов собрали

образцы азотфиксирующих почвенных бактерий. В декабре 2019 года состоялась отчетная конференция участников проекта, на которой были представлены результаты пятидесяти исследовательских работ. Более 200 образцов бактерий рода *Azotobacter* анализируются в лабораториях ИХБФМ СО РАН, определяется их видовой состав и особенности генов фиксации атмосферного азота» [1. С. 18].

В указанной работе [1. С. 19–20] также приводится описание методики проведения массового эксперимента по поиску и анализу азотфиксирующих бактерий.

На основе «Охотника за микробами» организаторами проекта была разработана универсальная модель сетевого исследовательского проекта (рис. 1).

Рис. 1. Обобщенная процессная схема сетевого исследовательского проекта с участием школьников

Научная проблема

Научная проблема, которая возникает в данном случае состоит, с одной стороны, в необходимости формального описания сетевого исследовательского проекта как нового практического метода в гражданской науке, а с другой стороны, в определении эффективности этого метода для решения исследовательских задач, популяризации науки и перспективного восполнения ее кадровых потребностей, в определении универсальности метода для различных задач и целевых групп научных волонтеров.

В рамках данной статьи ставится задача описания ключевых элементов и признаков сетевого исследовательского проекта, а также анализ существующего практического опыта по реализации таких проектов и определение задач и перспектив дальнейшего исследования.

Проблемное поле исследования

Проблемное поле формируется вопросами интеграции науки и образования, а также основными объектами исследования – группами наставников и научных волонтеров-учащихся, научными и образовательными организациями, объективными результатами деятельности ученых. Проблемное поле включает в себя, в частности, следующие устойчивые задачи (и связанную с ними проблематику) науки и образования.

- Профориентация и профессиональное самоопределение учащихся.

- Подготовленность учащихся к продолжению профессионального образования и к профессиональной деятельности в сферах, относящихся к сетевому исследовательскому проекту.

- Интеграция норм, процессов и результатов проектного и традиционного образования.

- Преемственность результатов образования как в рамках одной ступени образования, так и между ступенями.

- Обеспечение кадровой устойчивости науки и кадрового пополнения научных организаций.

- Формирование новых организационно-практических методов в проведении научных исследований.

- Формирование научных коллекций как базы научных исследований.

- Реализация практико-ориентированных фундаментальных научных исследований

Универсальные элементы и признаки сетевых исследовательских проектов

Опыт реализации проектов Фонда «Образование» показывает, что сетевой исследовательский проект может быть создан и реализован во множестве научных

областей (как в естественных науках – физика, химия, биология, астрономия, так и в технических комплексно-прикладных сферах (нейротехнологии, новые материалы), и в гуманитарных (история, культурная антропология, археология)). За счет применения данной методологии уже реализуется 12 проектов в перечисленных выше научных направлениях. В основе каждого проекта – актуальная исследовательская задача, поставленная научным руководителем проекта.

При разработке новых сетевых исследовательских проектов особое внимание уделяется тому, чтобы они соответствовали следующим требованиям:

- ставили задачу получения результатов исследований, которые будут востребованы в науке или высокотехнологичных компаниях;
- требовали несложного технического и технологического обеспечения, позволяющего оптимизировать стоимость проекта и сделать его массовым;
- не предъявляли завышенных требований к базовой подготовке наставника и могли быть реализованы даже в формате последовательности вариативных лабораторных работ;
- позволяли вести эффективное обучение и взаимное обучение наставников и участников проекта благодаря общей проектной и задачной основе.

В конце цикла исследований участники всех проектов – школьники, наставники, ученые – встречаются на междисциплинарном Форуме сетевых проектов в Новосибирском Академгородке.

Универсальный состав участников сетевого проекта включает в себя следующие позиции:

«Научный руководитель проекта – действующий ученый (научные сотрудники институтов РАН). В его функции входит постановка актуальной исследовательской задачи, к решению которой возможно привлечь школьников-волонтеров; дизайн базового эксперимента исследования; организация консультирования участников и экспертизы результатов работ; организация введения результатов проекта в научный оборот.

Наставники проекта, как правило, педагоги или родители школьников. Их задача – руководство исследовательской группой, обеспечение единства образовательных и исследовательских результатов.

Участники проекта – школьники. Именно они выполняют исследовательскую работу, готовят доклад и представляют результаты проекта на конференции и(или) в рамках Форума.

Организатор и координатор проекта – Фонд «Образование». Фонд формирует рабочие группы и в партнерстве с научными организациями выстраивает работу по замысливанию сетевого исследовательского проекта, его детальной проработке (включая механизмы финансирования) и последующей реализации» [11. С. 51].

Ключевым механизмом сетевого исследовательского проекта является работа с учащимися через наставников. В качестве наставников могут выступать педагоги, родители, студенты, аспиранты, специалисты высокотехнологичных компаний и другие лица,

которые готовы собрать исследовательскую группу, пройти образовательную программу для наставников в рамках проекта и затем руководить исследованиями учащихся.

Под наставничеством мы понимаем неформальный процесс обмена знаниями, умениями, социальным опытом, социальным капиталом, приоритетами, профессиональными и жизненными ценностями, а также мотивацией.

За счет участия подготовленных наставников⁴ становится возможным решить ряд существенных проблем «научного волонтерства», таких как обеспечение безопасности работ, верификация данных, организационные трудности удаленной работы с участниками, смена поколений учащихся, ведущих исследования, продолжение успешно проведенных экспериментов и другие.

Сетевой исследовательский проект учитывает не только потребности ученых и учащихся как волонтеров, не только задачи наставников по повышению своего уровня, но и те задачи, которые стоят перед образовательными организациями, в обязанность которых входит (в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом) обеспечить и организовать проектную деятельность учащихся, проводить с ними профориентационную работу, участвовать в конкурсах системы образования. Благодаря включению участников в сетевые исследовательские проекты эта задача успешно решается.

На рис. 2 в общем виде представлен цикл создания и реализации проекта гражданской науки, учитывающий интересы разных групп участников и необходимость материально-технического обеспечения работ.

Анализ эффективности сетевых исследовательских проектов

Оценка ключевых показателей реализации проектов позволяет получить представление, насколько сетевые исследовательские проекты соответствуют выполнению задач по вовлечению молодежи в научные исследования.

На сегодняшний день в проектах Фонда «Образование» участвуют представители более 70 регионов РФ, что позволяет рассматривать опыт реализации сетевых исследовательских проектов как всероссийский.

В ходе каждого сетевого исследовательского проекта сформировано профильное межрегиональное сообщество наставников. Каждый сетевой проект имеет продолжение в виде нового цикла. Всероссийский «Охотник за микробами» повторяется ежегодно и имеет ряд спин-офф проектов в смежных агро- и биотехнологических исследованиях. Статус этих проектов может меняться от небольшого внутришкольного проекта до регионального.

На момент подготовки статьи в образовательных и исследовательских программах сетевых исследовательских проектов участвовало более 1 000 наставников и 6 000 школьников⁵.

Рис. 2. Основные этапы проекта гражданской науки

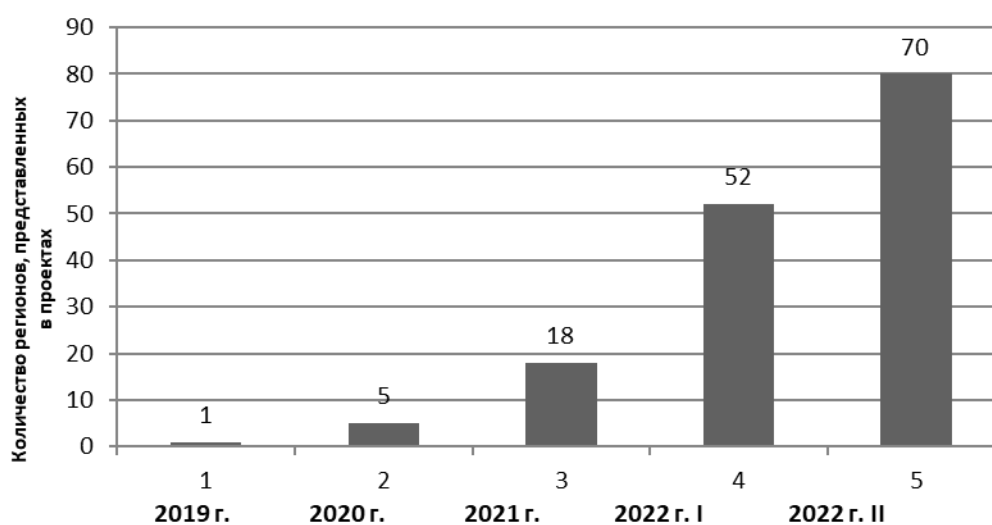

Рис. 3. Расширение географии сетевых исследовательских проектов с 2019 по 2022 г.

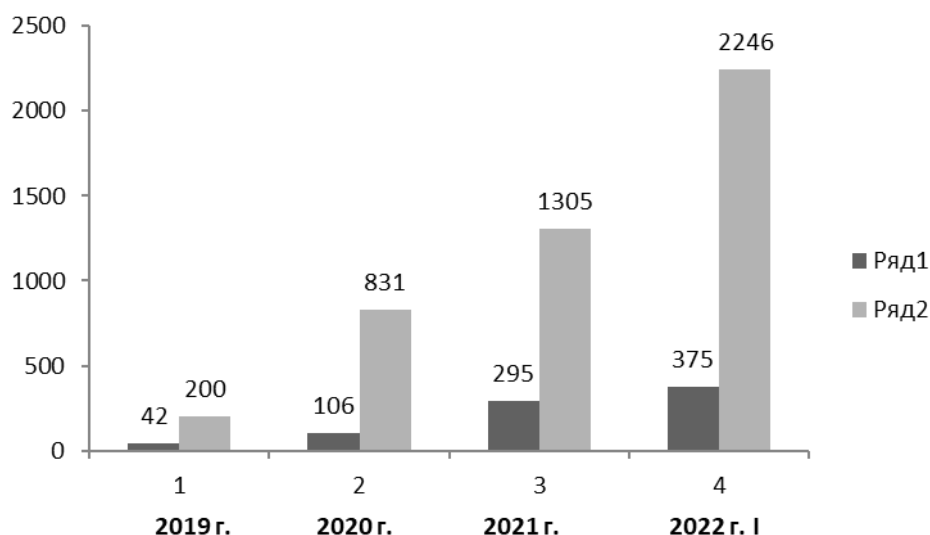

Рис. 4. Динамика⁶ увеличения числа участников исследовательских программ сетевых проектов биотехнологического направления (наставники и учащиеся)

Более 70% наставников являются участниками нескольких проектов или нескольких циклов одного про-

екта. За счет партнерства Фонда «Образование» с вузами и с программами Ассоциации технологических

кружков участники сетевых исследовательских проектов могут получить дополнительные баллы к результату ЕГЭ при поступлении в ряд вузов. В 2022 г. были реализованы первые прецеденты такого сотрудничества.

Помимо количественных оценок, важное значение имеет оценка качества исследований, проводимых по модели сетевых исследовательских проектов: включая борьбу с плагиатированием, повышение корректности экспериментов и верификацией данных и т.п.

Мы считаем важным, чтобы в каждой исследовательской работе учащихся присутствовали следующие элементы:

- Гипотеза (или ясно сформулированная задача).
- План исследовательских работ.
- Описание полевых работ и лабораторных экспериментов, соответствующих требованиям научной корректности.
- Оформленные результаты экспериментов и их интерпретация.

- Выводы, соотнесенные с гипотезой или задачей.

Неотъемлемой частью сетевого исследовательского проекта является научная коммуникация участников проекта с экспертами. Она реализуется в формате консультаций и конференционного доклада и позволяет существенно снизить вероятность того, что исследование выполнено кем-то, кроме самих учащихся.

Из числа групп, вовлеченных в проект, на его старте корректные результаты и качественный итоговый доклад, содержащие все вышеперечисленные элементы, формируют от 64 до 90% исследовательских групп в зависимости от направления. Причем наиболее высокий процент характерен для интересующего нас направления биотехнологических исследований.

Опираясь на эти результаты, модель сетевого исследовательского проекта была внедрена в исследования, проводимые с использованием механизмов гражданской науки в рамках федеральных научно-технических программ.

Сетевой исследовательский проект в среднем профессиональном образовании

Возможна ли адаптация модели сетевого исследовательского проекта к другим ступеням образования, таким как среднее профессиональное и высшее образование? Сохранит ли эта модель свою эффективность при изменении некоторых существенных факторов, таких как целевые показатели деятельности педагогов-наставников, учебная и трудовая загруженность участников и т.д.?

Отвечая на эти вопросы, рассмотрим основные результаты, достигнутые в ходе исследовательской программы «Широкомасштабный поиск и изучение микроорганизмов и микробных сообществ, ассоциированных с сельскохозяйственными животными и продуктами животного происхождения», реализуемой Томским государственным университетом⁷.

Источником данных для анализа служат:

– «Отчет о выполненных работах по результатам исследовательской программы» (за период с 3 ноября по 31 декабря 2021 г.);

– первичные данные о реализации образовательной и исследовательской программы, предоставленные учреждениями среднего профессионального образования (техникумами и колледжами);

– материалы обсуждения в административных и наставнических фокус-группах, проходивших в период подготовки и реализации программы.

В ходе названной исследовательской программы среди прочих задач было необходимо организовать наполнение «Биобанка сельскохозяйственно-значимых организмов ТГУ» (Биобанк СХЗМ ТГУ) за счет образцов, предоставленных научными волонтерами, и обеспечить в данной части работы по формированию биоресурсной коллекции. Требуемые образцы разделены на три основных вида:

– образцы фекалий сельскохозяйственных животных, включая редких (яки, верблюды и др.);

– образцы животного компоста;

– образцы кисломолочных традиционных заквасок.

Результаты исследовательской программы предполагается использовать при разработке новых антибиотических средств, пищевых технологий и технологий повышения плодородия почв.

Учитывая высокие требования к безопасности работ с биологическим материалом, к участию в исследовательской программе не могли быть привлечены школьники, и целевой аудиторией стали как раз студенты колледжей и техникумов, работающие под руководством своих преподавателей.

В соответствии с ранее описанным циклом реализации сетевого исследовательского проекта на первом этапе, были:

– сформированы группы научных волонтеров – студентов и преподавателей – и организовано взаимодействие с образовательными организациями;

– разработана технология проведения массовых экспериментов в данной сфере, включая определение состава исследовательского набора участников, технологию протокола доставки образцов в биобанк;

– разработана и проведена с помощью технологий дистанционного обучения образовательная программа «Изучение микробиомов и молекулярные основы биорезистентности микроорганизмов»;

– организованы полевые работы по сбору образцов, а также первичный скрининг образцов, пересылаемых в биобанк.

Преподаватели и участники прошли подготовку, состоящую из обучения исследовательским компетенциям, проектным компетенциям, а также обучения основам наставнического метода управления исследованиями. В соответствии с реализацией цикла сетевого исследовательского проекта на первом этапе было обучено 300 человек из 9 образовательных организаций (техникумов и колледжей)⁸. В ходе полевых работ участники собрали и передали в Биобанк СХЗМ ТГУ 121 корректно атрибутированный образец.

К пересылаемым образцам, помимо атрибутивного описания, прилагались также данные первичного скрининга. Работа велась по сбору образцов двух типов – образцы фекалий сельскохозяйственных животных и образцы животного компоста. Сбор образцов кисломолочных традиционных заквасок был рассмотрен в образовательной программе, но в состав полевых работ первого этапа не вошел.

Участие наставников и образовательных организаций, авторитетных для местных сельскохозяйственных производителей, позволило обеспечить доступ участников к местам сбора образцов, что для самих студентов было бы затруднительно. Также это обеспечило безопасность работ, лабораторную оснащенность первичного скрининга и верификацию собранных образцов.

Таким образом, реализация модели сетевого исследовательского проекта позволила в течение всего лишь двух месяцев: сформировать пул образовательных партнеров проекта, сообщество научных волонтеров, провести их подготовку, методически обеспечить их деятельность и получить первые десятки образцов из различных регионов России через считанные недели с момента начала работ.

Анализ адаптации системы сетевых проектов к системе СПО и вузов требует расширения деятельности и обеспечения повторяемости процесса, а также долгосрочного и системного сбора численных и качественных показателей. Такой анализ будет проводиться в течение всего срока действия гранта, т.е. до конца 2023 г. В частности, только по прошествии времени может быть объективно оценена эффективность профориентации участников, их успеваемость по профильным дисциплинам, эффективность собранной коллекции для обеспечения научных результатов исследовательской программы и другие существенные характеристики.

Тем не менее некоторые выводы в части вовлечения, обучения и организации деятельности научных волонтеров могут быть сделаны уже по итогам реализации первого этапа гранта.

1. В отличие от работы в системе общего образования, когда основным партнером ученых является наставник, в данном случае к числу основных партнеров добавляются образовательные организации (техникумы, колледжи), участие которых позволяет задействовать их лабораторную базу и собственных научных консультантов, а, главное – системно организовать участие студентов.

2. Интеграция проекта в образовательную деятельность колледжей и техникумов позволяет эффективно решать задачи по дополнительному профессиональному образованию и усиливает в этой части программы СПО.

3. Увеличивается значимость образовательной программы проекта, которая, в отличие от работы в системе общего образования, не имеет ярко выраженного акцента на обучение наставников и направлена почти в равной степени на всех научных волонтеров исследовательской программы независимо от их статуса.

4. При реализации первичного скрининга образцов участники получают исследовательские результаты достаточно хорошего уровня, с которыми становится актуальным их участие в иных значимых мероприятиях системы научно-технического просвещения, образования и профориентации, таких как WorldSkills по направлению «геномная инженерия». Возникший синергетический эффект укладывается в типовую для сетевого исследовательского проекта схему с доработкой и использованием результатов в конкурсах и конференциях системы среднего профессионального образования.

5. Первоначально образовательная программа реализовывалась в формате онлайн-конференций. Группы студентов совместно с преподавателями слушали дистанционные лекции и затем обсуждали их, разрабатывая собственные планы полевых работ по сбору образцов и последующих лабораторных исследований. На втором этапе, когда предстоит обучить 1 500 участников программы и увеличить приток новых образцов в биобанк до 3 000, становится актуальным введение в состав сетевого проекта специального электронного курса. Этот курс, создаваемый на основе ранее разработанной программы, должен расширить как возможность участия студентов, так и возможности обучения наставников.

В заключении следует отметить, что в связи с приоритетами государственной политики в сфере поддержки гражданской науки, участие в подобных проектах в ближайшее время станет доступно значительному количеству молодежи на всех ступенях образования. Для того чтобы обеспечить механизмы гражданской науки, необходимо закрепить позицию наставника исследовательских проектов в системе образования, развивать надежные инструменты дистанционной коммуникации в больших группах, а также добиться преемственности образовательных результатов между ступенями образования.

Примечания

¹ См.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63350>

² По данным поисковой системы «Яндекс». URL: <https://wordstat.yandex.ru/#/?words=научное%20волонтерство>

³ См.: Охотник за микробами. URL: <https://microbehunters.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴ Подготовка наставников в сетевых образовательных проектах сфокусирована на соблюдении пяти принципов: 1. Обязательное практическое обучение (все обучаемые являются действующими наставниками). 2. Планирование исследовательской работы и умение корректировать планы. 3. Этика исследований, включая неприемлемость плагиата. 4. Передача учащимся навыков, необходимых для исследований, и делегирование им всех основных функций в исследовательском проекте. 5. Формирование контекста исследований, включая соотнесение с другими исследованиями, анализ прикладного значения результатов, выстраивание дальнейшей образовательной траектории учащихся и развитие проекта.

⁵ В статистике учтены наставники и школьники, ставшие реальными активными задействованными волонтерами исследований, количество же наставников, прошедших обучение в рамках образовательных программ, окажется заметно больше. Так, на 50 обученных наставников в рамках первого «Охотника за микробами» пришлось 42 корректно подготовленных проекта от наставников, указанных в статистике – 84%.

⁶ Данные за 2022 г. ограничиваются первым полугодием.

⁷ Программа реализуется в рамках отдельных мероприятий Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 гг., утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2019 г. № 1930 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 3 марта 2021 г. № 310).

⁸ В число образовательных организаций – участников проекта входят Томский аграрный колледж, Омский аграрно-технологический колледж, Острогжский многопрофильный техникум, Глазуновский сельскохозяйственный техникум, Увинский профессиональный колледж, Грязовецкий политехнический техникум, Коломенский аграрный колледж им. Н.Т. Козлова, Краснослободский аграрный техникум, Аксеновский агропромышленный колледж им. Н.М. Сибирцева.

Список источников

1. Власов В.В., Воронина Е.Н., Галямова М.Р., Седых С.Е. Привлечение школьников и студентов к исследованиям окружающей среды, актуальным для фундаментальной и прикладной науки: иностранный и российский опыт // Исследователь. Научно-методический журнал. 2020. № 2. С. 12–20.
2. Gura T. Citizen science: Amateur experts // Nature. 2019. № 496 (7444). P. 259–261.
3. Власов В.В. Гражданская наука: охота за антибиотиками // Наука из первых рук. 2022. № 5/6 (93). С. 6–24.
4. About // MILSET. URL: <https://milset.org/milset/web/about> (дата обращения: 04.10.2022).
5. Jacob van Etten, Kauê de Sousa, Amílcar Aguilar and other. Crop variety management for climate adaptation supported by citizen science // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2019. № 116(10). P. 4194–4199. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30782795/> (дата обращения: 15.12.2022).
6. Совместное заседание Государственного Совета и Совета по науке и образованию // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67448> (дата обращения: 06.10.2022).
7. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771>
8. Распоряжение от 25 июля 2022 г. № 2036-р // Правительство Российской Федерации. <http://static.government.ru/media/files/YEAORP13TXUnHadIrmSTUe6ZgQZxBBiQ.pdf>
9. Конкурс им. В.И. Вернадского. URL: <https://vernadsky.info/> (дата обращения: 05.10.2022).
10. Карта // Кванториум. URL: <https://rosvantorium.ru/kvantorium/map/> (дата обращения: 04.10.2022).
11. Анцифоров С.В. Сетевой исследовательский проект, как инструмент наставничества в исследовательской деятельности школьников // Профильное образование и специализированное обучение: эффективные практики в условиях трансформации образовательного пространства. Новосибирск : НГУ, 2021. С. 49–53.

References

1. Vlasov, V.V. et al. (2020) Privlechenie shkol'nikov i studentov k issledovaniyam okruzhayushchey sredy, aktual'nyy dlya fundamental'noy i prikladnoy nauki: inostrannyi i rossiyskiy opyt [Involving schoolchildren and students in environmental research relevant to fundamental and applied science: foreign and Russian experience]. *Issledovatel'. Nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 2, pp. 12–20.
2. Gura, T. (2019) Citizen science: Amateur experts. *Nature*. 496 (7444), pp. 259–261.
3. Vlasov, V.V. (2022) Grazhdanskaya nauka: okhota za antibiotikami [Citizen science: the hunt for antibiotics]. *Nauka iz pervykh ruk*. 5/6 (93), pp. 6–24.
4. MILSET. (n.d.) About. [Online] Available from: <https://milset.org/milset/web/about> (Accessed: 04.10.2022).
5. van Etten, J. et al. (2019) Crop variety management for climate adaptation supported by citizen science. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 116 (10), pp. 4194–4199. [Online] Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30782795/> (Accessed: 15.12.2022).
6. President of Russia. (2021) *Sovmestnoe zasedanie Gosudarstvennogo Soveta i Soveta po nauke i obrazovaniyu* [Joint meeting of the State Council and the Council for Science and Education]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/67448> (Accessed: 06.10.2022).
7. President of Russia. (2022) *Ukaz Prezidenta RF ot 25.04.2022 № 231* [Decree of the President of the Russian Federation No. 231 of April 25, 2022]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771>
8. The Russian Government. (2022) *Rasporyazhenie ot 25 iyulya 2022 g. № 2036-r* [Order No. 2036-r of July 25, 2022]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/YEAORP13TXUnHadIrmSTUe6ZgQZxBBiQ.pdf>
9. Konkurs im. V.I. Vernadskogo [Vernadsky Contest]. (n.d.) [Online] Available from: <https://vernadsky.info/> (Accessed: 05.10.2022).
10. Kvantorium. (n.d.) *Karta* [Map]. [Online] Available from: <https://rosvantorium.ru/kvantorium/map/> (Accessed: 04.10.2022).
11. Antsifirov, S.V. (2021) [Network research project as a mentoring tool in the research activities of schoolchildren]. *Profil'noe obrazovanie i spetsializirovannoe obuchenie: effektivnye praktiki v usloviyakh transformatsii obrazovatel'nogo prostranstva* [Profile Education and Specialized Training: Effective practices in the conditions of transformation of the educational space]. Proceedings of the All-Russian Conference. Novosibirsk. 11–12 December 2021. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 49–53. (In Russian).

Информация об авторах:

Анцифоров С.В. – эксперт Фонда “Поддержка проектов в области образования” (Новосибирск, Россия). E-mail: s.antsifirov@nsu.ru

Галямова М.Р. – директор проектов Национальной технологической инициативы по направлению Хелснет Фонда, Технопарк новосибирского Академгородка (Новосибирск, Россия). E-mail: galyamova@academpark.com

Седых С.Е. – канд. биол. наук, научный сотрудник Института химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: s.sedykh@nsu.ru

Гичгелдиева М.О. – директор Фонда “Поддержка проектов в области образования” (Новосибирск, Россия). E-mail: fondobrazovaniya@gmail.com

Дорошенко А.С. – научный сотрудник лаборатории биохимии и молекулярной биологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: asdor@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Antsifirov, expert, Education Foundation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s.antsifirov@nsu.ru

M.R. Galyamova, director of projects, Technopark of the Novosibirsk Akademgorodok Foundation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galyamova@academpark.com

S.E. Sedykh, Cand. Sci. (Biology), research fellow, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s.sedykh@nsu.ru

M.O. Gichgeldieva, director, Education Foundation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fondobrazovania@gmail.com

A.S. Doroshenko, research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: asdor@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2022;
одобрана после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 29.12.2023.*

*The article was submitted 17.10.2022;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 29.12.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 497. Декабрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.12.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33. Усл. печ. л. 42,9. Тираж 50 экз.
Заказ № . Цена свободная.

Дата выхода в свет 01.04.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru